

Морис Дюверже

Политические партии

Морис Дюверже

Политические партии

Морис Дюверже и его книга «Политические партии»

Предисловие переводчика

Книга М. Дюверже «Политические партии» выходит в России накануне пятидесятилетия своего первого парижского издания: срок достаточный, чтобы ее оценил самый беспристрастный судья — время. Судьба подарила Дюверже завидное жизненное и творческое долголетие: он родился в 1917 году, его первая работа написана еще в 1944 (рукопись погибла в годы фашистской оккупации). Юрист, сорбоннский профессор права, он стал автором многочисленных социологических и политологических монографий, был политическим обозревателем еженедельника «Монд», консультантом и советником многих послевоенных французских правительств, участником разработки основных правовых документов Пятой республики и последующих реформ ее политического устройства и избирательного режима, организатором и руководителем продуктивного научно-исследовательского Центра сравнительного анализа политических систем, работающего по международным программам. Многие его книги — такие, как «Демократия без народа» (1961), «Янус. Два лика Запада» (1972), «Республиканская монархия» (1974), «Открытое письмо социалистам» (1976), «Республика граждан» (1982) оказывались в свое время заметными фактами не только научной, но и общественной жизни Франции, а сам Дюверже стал признанным авторитетом в области политических наук.

Впечатляет количество осуществившихся за полвека прогнозов Дюверже: в 1958 г. в своей знаменитой передовице в «Монд» под названием «Когда?» Дюверже с хронологической точностью предсказал неизбежность второго пришествия де Голля к власти; в «Политических партиях» он предупреждал о возможности появления во Франции неофашистских партий, что казалось тогда, вскоре после великой победы над фашизмом, совершенно невероятным; но прошло совсем немного времени, и явился Пужад, а ныне всех демократически настроенных французов периодически тревожит рост электората «Национального фронта» Ле Пена на каких-нибудь очередных выборах... В книге Дюверже немало «русских сюжетов», и один из них хотелось бы здесь привести: говоря о неизбежности естественной либерализации тоталитарных партий с течением времени, он тем не менее пессимистически оценивает подобную перспективу коммунистической партии СССР, сомневаясь, что в обозримом будущем ее обновляющийся «внутренний круг» позволит ей следовать этим естественным путем. И действительно, понадобилось больше 30 лет только для того, чтобы «процесс пошел»... Неудивительно, что за Дюверже закрепилась еще и слава одного из самых проницательных политологов Франции. Но все же и поныне Дюверже остается широко известным в стране и за ее пределами прежде всего как автор книги «Политические партии», увидевшей свет в 1951 г. французские политологи нередко самокритично сетуют на излишний «франкоцентризм» своей отрасли научного знания, который серьезно ограничивает ее международный резонанс. Книга «Политические партии» благодаря глобальному характеру темы, широте и разнообразию эмпирической базы и уровню теоретичности исследования давно приобрела мировую известность. Она заслуженно принесла автору репутацию создателя современной теории политических партий и переведена более чем на 20 языков мира.

«Политические партии» М. Дюверже продолжили и в известном смысле завершили тот блестящий ряд исследований политической организации общества и демократии, который в конце XIX — начале XX века был открыт трудами Э.Дюркгейма, М.Острогорского, М.Вебера, Р.Михельса и других выдающихся мыслителей, в ходе своих изысканий по существу заложивших и основы политической социологии как самостоятельной отрасли научного знания. Опираясь на этот фундамент, Дюверже по-новому подошел к самому понятию современной политической партии. Современные партии, по Дюверже, — это те партии, которые складываются в эпоху становления всеобщего избирательного права как единственного способа легитимации власти и качественного расширения прав парламента; они возникли в неразрывной связи с крушением абсолютистских феодальных режимов, сословно-иерархической структуры средневекового общества, авторитарной политической власти и цензовых избирательных режимов. Нужно особо подчеркнуть, что современная партия для Дюверже — это не какой-то один определенный тип партий (например, массовые социалистические партии, как это ему иногда приписывают, хотя эти партии с их сильной организацией, дисциплиной, а главное «народным способом» финансирования выборных кампаний вместо обращения к пожертвованиям «денежных мешков» и способностью демократического обновления политической элиты он действительно рассматривает как наиболее адекватно соответствующие эпохе демократии и считает их возникновение настоящей революцией). Современная партия, согласно Дюверже, — это партия, способная реализовать всеобщее избирательное право и завоевать парламентское большинство путем нормального использования институтов демократического общества. Но что же является мерилем, критерием такой способности? Дюверже в отличие от своих ближних и дальних предшественников рассматривает современную политическую партию не как общность идейную, «доктринальную» (либеральная концепция партии) или социально-классовую, идеологическую (марксистская концепция партии), а прежде всего как общность структурно-функциональную. Отнюдь не принижая ни роли идей, ни значения социально-классовой детерминации, Дюверже формулирует свое ключевое положение: сущность современных политических партий полнее и глубже всего раскрывается в их организации; партия есть общность на базе определенной организационной структуры; характер этих базовых структурных единиц и способ их интеграции в единое целое самым существенным образом влияет на ее социально-классовый состав и доктринальное единство; эффективность деятельности партии и даже сами принципы и методы этой деятельности непосредственнее всего определяются самой устойчивой характеристикой партии — ее базовой организационной структурой.

Главные исторические типы элементарных базовых образований, лежащих в основе современных политических партий, способы их интеграции в единую целостную партийную общность прежде всего и исследуются в труде Дюверже (этот анализ занимает его первую часть). При этом данные структуры — комитет, секцию, ячейку, милицию (вооруженное формирование) — он рассматривает не просто как исторический континуум таких структур, последовательно возникавших и сменявших друг друга, как порой полагают. Набор качеств и характеристик, обеспечивающих возможность реализации всеобщего избирательного права, весьма широк и variabelен, а относительная самостоятельность социальных явлений и особая творческая активность человека как субъекта социально-политической жизни приводят к тому, что каждая реально существующая, конкретная партия неизбежно выступает как уникальная точка пересечения принципов и закономерностей различных исторически сложившихся типов структур. В ныне существующих партиях всегда обнаруживаются черты и комитетов, и секций, etc., хотя в них всегда можно и нужно выделить доминантную, системообразующую структуру, определяющую саму сущность, облик и стиль каждой отдельной партии.

Во второй книге «Политических партий» Дюверже на базе огромного конкретно-исторического материала, охватывающего историю политических партий самых различных стран и континентов — от Америки до Австралии — анализирует партийные структуры в

более широком и до него систематически совершенно не рассматривавшемся аспекте: он исследует партийные системы (двухпартийность, многопартийность, однопартийность), естественно-исторические условия, конкретные пути и факторы их становления (главным среди последних Дюверже считает избирательную систему); далее, союзы партий — их причины, закономерности, характер политического поведения и эволюции партий в рамках этих союзов; и, наконец, характер взаимодействия политических партий и политических режимов, многообразные практические модификации реального разделения властей, выступающие следствиями конкретного соотношения сил в зависимости от результатов выборов. Специально исследуются такие формы реализации власти, как доминирование и чередование партий, особый раздел посвящен функции оппозиции — одним словом, мы в первоисточнике найдем здесь анализ многих и многих понятий, которые прочно вошли ныне в инструментарий современной политологии и политической социологии, в язык политической практики.

Здесь нет ни возможности, ни необходимости раскрывать все богатейшее содержание и внутреннюю логику исследования Дюверже — они наглядно выражены в исключительно четкой структуре книги. Но нельзя еще раз не подчеркнуть его теоретический характер: используя системный подход и метод структурно-функционального анализа в широких рамках диалектики, Дюверже по существу строит теоретическую модель современной политической партии (сам он предпочитает скромно именовать ее схемой, справедливо подчеркивая ограниченность структурно-функционального моделирования сложных общественных явлений). При этом ему совершенно чужда односторонность: в отличие от представителей той тупиковой ветви структурализма, которая абсолютизировала структурно-функциональную детерминацию и анализ социальных структур, а потому с логической неизбежностью пришла к идее «смерти человека» в современной социологии, для Дюверже человек не просто равноценный, а центральный и повсеместно присутствующий объект анализа и последующего теоретического синтеза. Человек в «Политических партиях» представлен не только специальной главой «Члены партии»; любой магистральный и второстепенный сюжет рассматривается французским политологом сквозь призму человеческой активности, социальной, групповой и индивидуальной психологии — именно в них Дюверже ищет и находит ответ на вопрос о реальном происхождении, бытии и функционировании организационных структур, их подчас неожиданным и парадоксальным сочетанием в строении конкретных современных политических партий. Важнейший сюжет его исследования — сущность и характер принадлежности человека к организационной структуре, связи человека и партийной общности, сложный двусторонний характер их взаимной детерминации. Этот аспект анализа дал целый спектр глубоких характеристик-обобщений, вошедших в понятийный аппарат и язык современной политологии: кадровые и массовые партии; партии тоталитарные и специализированные; партия-общность, партия-общество и партия-орден (три последние понятия сегодня часто заменяются понятиями первичной и вторичной организации, думается, значительно обедняющими аналитический инструментарий политолога по сравнению с переосмысленной Дюверже применительно к партийным организациям дихотомией Ф. Тенниса). Все это не только своеобразные организационные структуры, но и определенный тип причастности (*participation*) к ним человека, и здесь необходим, по выражению Дюверже, настоящий «политический психоанализ» — его образцы порой и являет нам книга, иные фрагменты которой достигают выразительности художественной прозы.

Нелишне напомнить, что то время, когда Дюверже работал над своей книгой, отмечено в политических науках непрекращающимися методологическими дискуссиями: скрещивали шпаги сторонники юридического и содержательного подходов к исследованию политической жизни и политического поведения, адепты бихевиористской «революции» и структурно-функциональной аналитики, сторонники индивидуального и группового начала в изучении политического действия, строгой объективности — и ценностного подхода; молодая и динамичная американская эмпирическая социология атаковала традиционный европейский

академизм. Парадигмы всех этих школ и течений, как правило, поначалу обогащая политическую науку новыми методиками и ценнейшим эмпирическим материалом, в конечном счете обнаруживали неправомочность своих претензий на роль универсальной методологии и нередко становились препятствием в развитии теоретического ее этажа.

Дюверже совершенно неслучайно предпочитает называть избранную им отрасль научного знания не политологией, а политической социологией. Особо не вдаваясь в вышеуказанные дискуссии (уже после «Политических партий» он создаст специальные работы по методологии социологических и политических наук), но и не пренебрегая новейшими методами эмпирического исследования, он счастливо избегает крайностей, абсолютизации какого-либо из них. Пронизывающая его книгу глубокая, в лучшем смысле слова традиционная философская культура, своего рода картезианская интеллектуальная интуиция, а иногда и просто «острый галльский смысл» неизменно удерживают Дюверже в рамках доброй старой диалектики. Для внимательного и неторопливого читателя (а как же еще читать классику!) будет очевидно, что настоящая, пусть нигде специально и не декларируемая, но органически определяющая движение его мысли парадигма — это диалектика Канта, Гегеля, Маркса с ее принципами развития, противоречия, различия онтологического и гносеологического, восхождения от абстрактного к конкретному, вне которых невозможно подлинно теоретическое исследование. И, заметим, настоящее понимание и использование результатов такого исследования. Авторы некоторых наших учебников и политологических пособий, воздавая должное Дюверже как «автору наиболее успешной типологии современных политических партий», нередко сетуют на то, что не все современные партии (чаще всего указываются аграрные или христианско-демократические, реже — лейбористские) «укладываются в типологию французского политолога». Хотелось бы видеть типологию, в которую они «уложатся», да еще без остатка... Ведь это был бы верный признак ее несостоятельности и ненаучности. Само желание осуществить подобную операцию связано с непониманием диалектики реального явления и его идеального отражения, сущности теоретического знания. Как и вообще в теории, гносеологическим понятиям в политической социологии было бы неправомочно придавать статус реальности: это научные абстракции, своего рода веберовские «идеальные типы», достоинство которых отнюдь не в том, что они буквально равновелики каким-то реальным объектам и явлениям. Их подлинная ценность заключается в способности выступать в качестве объяснительных и прогностических принципов, что неустанно подчеркивает и сам автор. Так что не реальные партии следовало бы «укладывать» в систему его понятий, а, напротив, сами эти понятия применять к анализу конкретных действующих на современной политической арене партий, чтобы осмыслить их сущность, прогнозировать и направлять их дальнейшую эволюцию.

Книга Дюверже — это поистине энциклопедия знаний, необходимых для сознательного действия в сложнейшем мире политической жизни и направленного влияния на эволюцию такой специфической ее структуры, как политическая партия. Дюверже не обещает и не навязывает нам никаких «железных законов» (в редких случаях он характеризует сформулированные им зависимости как однозначные) — он предлагает всего лишь проверенное практикой современных политических партий знание того, к каким последствиям приводило и может привести то или иное решение, тот или иной выбор или исторически сложившееся стечение обстоятельств. Теоретический анализ постоянно переплетается у Дюверже с органичными экскурсами в практику политической истории и политической борьбы. Мы найдем в книге французского автора немало блестящих примеров практического приложения теоретических понятий к анализу сложнейших «биографий» конкретных политических партий нашего времени. И эти страницы его книги незабываемы: так впечатляет «актерский показ» выдающихся театральных режиссеров, создателей знаменитых систем, которые в неумелых руках не только не обнаруживают все свои возможности, но и способны погубить сам театр, превратив его в музей восковых фигур...

Дюверже назвал свою книгу «Политические партии», но содержание ее гораздо шире и глубже, ибо лейтмотивом его труда выступает проблема соотношения демократии и

политических партий. И он подсказан самой жизнью: ведь уже к концу XIX века демократия с ее всеобщим избирательным правом, представлявшаяся наконец-то найденным решением проблемы социального и политического равенства и личной свободы, сама оказалась величайшей проблемой. И суть ее можно было бы выразить так: противоречие демократии и тирании — сердцевинное противоречие новейшей истории, притом отнюдь не только в форме внешнего противостояния еще существующим и вновь нарождающимся тоталитарным режимам. Отцы-основатели политической социологии поставили вопрос иначе: авторитарная власть возникает и утверждается внутри самой демократии, ее институты непостижимым образом сами становятся источником такого тотального господства над породившими их социумами, перед которым бледнеют реалии античных диктатур и средневекового абсолютизма. Уже тогда среди этих институтов М.Острогорским, М.Вебером и Р.Михельсом были особо выделены политические партии. «Проклятие свободных правительств» — эта эмоциональная инвектива А.Токвиля, в свое время определившего демократию как необратимую общую тенденцию мирового развития, начала обретать статус научно аргументированной концепции.

Время, казалось бы, работало именно на нее. Вопрос об ограниченности либеральной демократии был поставлен еще Марксом: исследуя сущность и различные формы социального отчуждения, он дал справедливую критику ущербности практики парламентаризма, формальности прав и свобод человека в классово разделенном обществе. Соединившись с борьбой рабочего класса, возникшее вокруг его доктрины, по точному выражению Дюверже, «мощное интеллектуальное движение» заложило основы принципиально нового типа политических организаций — массовых социалистических партий, ставших одним из важнейших факторов утверждения и практической реализации всеобщего избирательного права и, как представлялось, колоссального расширения самой демократии и выхода ее на новый качественный уровень. Однако авторитарные и олигархические тенденции этих организаций уже достаточно определенно проявили себя к концу XIX и еще более отчетливо и угрожающе — в первой половине XX века. Кризис европейского парламентаризма, реалии тоталитарных режимов во всех их формах как будто бы однозначно подтверждали сформулированный Р.Михельсом «железный закон»: политические партии, подобно любой иерархически построенной организации, неизбежно вырождаются в ту или иную форму олигархии; демократия невозможна в силу природы человека, сущности политической борьбы и самого института организации. Не будем забывать, что в том же ключе звучали и созданные Г.Моска и В.Парето «теории элит». Так из критики политических партий постепенно рождались апология авторитаризма и очертания будущей фашистской идеологии, допускающей существование лишь одной партии — во имя уничтожения всех политических партий вообще.

Без учета этого невозможно вполне оценить действительное место и значение труда Дюверже, в центре которого стоит вопрос: отвечает ли демократия условиям нашего времени и соответствует ли ей режим политических партий? А ко всему тому нельзя не добавить и чисто «французский» штрих: Дюверже писал свою книгу в конце 40-х; еще не утратила актуальности тема ответственности довоенных политических партий за национальную катастрофу Франции 1939–1940 годов, а короткая история политической борьбы после Освобождения — уже в который раз! — возродила в общественном мнении традиционный мотив обличения «кошмара политических партий», всегда (а в такие времена — особенно) находящий отклик отнюдь не в одних лишь консервативных или откровенно реакционных слоях «правящего класса». И уже громко заявила о себе РПФ («Объединение французского народа») — партия-движение, созданная в 1947 г. генералом де Голлем, со свойственной ему энергией и во всеоружии своего тогда еще для многих непререкаемого авторитета развернувшим яростную атаку против всех и всяких политических партий во имя решения действительно острейших социально-экономических проблем послевоенной Франции на путях авторитарного правления — «режима без партий». Вспомним еще, что в мире уже шла «холодная война», и под ее прицелом в странах развитой демократии оказались те самые

демократические идеалы, за которые они, казалось бы, и сражались в составе антигитлеровской коалиции. Нельзя не оценить прежде всего личное гражданское мужество ученого, который именно в такое время бескомпромиссно заявил: «„режим без партий“ — это режим без демократии».

В своей книге М. Дюверже всесторонне обосновывает объективную необходимость политических партий как атрибута современной демократии, и это сообщает особый смысл чисто ценностному убеждению в том, что демократия — высшее социально-политическое завоевание нашего времени.

Свойственное ему на протяжении всей его долгой жизни сочетание преданности высокой науке и политической ангажированности (у этого специфически французского, введенного в оборот Сартром термина так много смыслов и оттенков, что все их можно передать, наверное, только русским понятием «гражданственность») сделало автора «Политических партий» живым носителем лучших традиций французской социально-философской и политической мысли, идущих от Вольтера и Монтескье. В книге Дюверже просто невозможно не ощутить дух Франции и дух Парижа, того Парижа, который поистине сам представляет собой настоящий институт гражданского общества — с его не имеющей аналогов концентрацией интеллигенции, деятелей науки, искусства, литературы, с особым умением материализовать достижения прогрессивной мысли в практических движениях всегда живо откликающегося на них общественного мнения и реформах политического и правового устройства общества.

Все это вместе взятое и объясняет непреходящую актуальность книги Дюверже. В «Политических партиях» мы найдем критический анализ входившей тогда в моду так называемой концепции «научной демократии», согласно которой партии как таковые должны сойти с политической сцены, поскольку представительство в парламенте и других выборных демократических органах якобы может отныне без всяких выборов оптимально устанавливаться с помощью той методики, посредством которой институты Гэллапа или Харриса определяют объем и состав репрезентативного массива для проведения опросов общественного мнения. С тех пор по разным конкретным поводам такого рода концепций возникало немало. Так было и в 70-80-е годы, когда лавинообразный рост СМИ, их невиданные технические возможности породили понятие и целую концепцию «теледемократии». Известнейший американский футуролог О. Тоффлер отводил СМИ роль наконец-то найденного средства подлинной демократизации общества; французский публицист и политик (а тогда и генеральный секретарь партии радикалов) Ж.-Ж.Серван-Шрайбер приветствовал их как «новую технологию демократии», которая делает политические партии анахронизмом. В 1972 году американский социолог Д. Бродер в своей книге призывает похоронить с похоронами указанного института, но — очевидно ощущая реальность угрозы — назовет ее «Конец партий»... В самих дискуссиях М. Дюверже не участвует, но именно в эти десятилетия его книга и завоевывает международное признание, снова оказывается востребованной: ведь в то время проблема создания и воссоздания партий обретает особую актуальность в таких странах, как Испания, Португалия, Греция. Да и сама Франция примерно в тот же период проходит путь от многопартийности к своеобразной двухпартийной системе в форме чередования у власти блока новых правых партий и социалистов (в полном соответствии со сформулированными в книге Дюверже закономерностями, главной вехой такого пути стал переход от пропорциональной избирательной системы к мажоритарной с одним туром). «Политические партии» вызывали острый интерес научной общественности и неформальных движений в СССР в первые годы горбачевской перестройки; тогда еще запертая в «спецхрамах», книга распространялась в виде «самиздатских дайджестов», переведенных чаще всего с английских изданий.

Отстаивая политические партии как институт демократического общества, Дюверже отнюдь не идеализирует политические партии вообще, а тем более какую-либо конкретную партию. Напротив, с предельной объективностью ученого он видит и со скрупулезностью юриста фиксирует те черты этого созданного для реализации демократии института, которые

демократии-то как раз и противоречат, — даже в странах и партиях, претендующих олицетворять собою эталон демократии. Но все же это — свидетельство не обвинения, а защиты. Для Дюверже всеобщее избирательное право остается ничем не заменимым способом легитимации власти, избирательный бюллетень — единственно реальной формой общественного договора граждан с властью, а политические партии — инструментом выражения, формирования и представительства общественного мнения, средством политического самоопределения граждан и субъектом ответственности власти перед ними. Ведь демократия в понимании Дюверже — это не «управление народа самим народом» (такое представление вряд ли соответствовало даже античному полису), а вещь, как он выражается, более скромная, но и более реальная — это свобода для народа и для каждой части народа; она обеспечивается «управлением народом элитами, вышедшими из самого народа». Режим же без политических партий неизбежно отдает власть элитам, обязанным своим привилегированным положением происхождению, деньгам или должностям, а он еще дальше от демократии, чем «режим партий».

Демократия отнюдь не является социальной панацеей и простым устройством: нужно привыкнуть к мысли, что она всегда была и останется проблемой, требующей повседневного решения. В одной из своих публицистических работ он сравнивает ее с находящимся в полете современным самолетом или действующим атомным реактором, которыми надо постоянно и со знанием дела управлять, чтобы избежать катастрофы, неустанно приводя их параметры к норме. Демократии угрожает не режим партий, а потенциальная возможность авторитарной, олигархической и тоталитарной их ориентации. Однако в результате своего исследования Дюверже приходит к обоснованному выводу о том, отнюдь не все партии совместимы с такой ориентацией, а в самой природе современных партий заложены черты и тенденции, способные противостоять ей и даже исключать ее. Задача состоит не в том, чтобы отнять у общества современные средства его организации, но в том, чтобы вернуть этим средствам их действительное предназначение. А для этого необходимо понимать их происхождение, сущность, законы функционирования и развития, чему и посвящен фундаментальный труд М. Дюверже.

* * *

С тех пор, когда М. Дюверже работал над своим исследованием, в мире многое изменилось. Собственный путь критических испытаний и реформ прошли старые, развитые демократии; понятие «западных» ценностей перестало быть прямым синонимом ценностей демократических — восточные демократии ныне дополнили представление о них своим интереснейшим опытом. Институты, нормы и ценности демократии становятся атрибутами не только национальных государств, но и межгосударственных, не знающих национальных границ образований. И, конечно, одним из самых значительных событий современной истории стало вступление России на путь демократического развития.

Книга Дюверже выходит у нас с большим опозданием — и все же очень вовремя. И не просто потому, что классика актуальна всегда. В силу определенных исторических причин страна заново переживает период становления гражданского общества и демократического государства. Но это происходит в колоссально изменившемся по сравнению с эпохой формирования классических демократий мире, а потому наша далеко еще не сложившаяся демократия с особой силой искушается всякого рода научными, политическими и технологическими иллюзиями. И пожалуй, самая опасная среди них — это иллюзия, будто бы для России возможен некий сокращенный, минующий формирование настоящих партий путь к демократии. «Продвинутые» политтехнологи уверенно рассуждают об устарелости классических политических партий и уверяют нас, что теперь наступает время господства «партийных машин», больших денег, избирательных технологий и своего рода плебисцитарной демократии, когда главным орудием борьбы за голоса избирателей становится «административный ресурс». Надо ли говорить, что в обществе с огромным

грузом нерешенных экономических, социальных, политико-правовых, национальных и других проблем все это может не только задержать становление демократии, но и привести к накоплению энергии нового социального взрыва, угрожающего ее уже оформившимся зачаткам. В стране, где с такими трудностями, а порой и просто заходя в тупик, идет процесс формирования современных партий и органического включения их в политическую систему общества, книга Дюверже найдет сегодня самого заинтересованного читателя.

Этот перевод осуществлен благодаря просветительским издательским программам Института «Открытое общество». Вместе с тем переводчик не может не выразить самой глубокой признательности всем, кто своей личной помощью способствовал подготовке русскоязычной версии монографии и научного комментария к ней: особенно кандидату философских наук С. А. Ханаш, заведующей иностранным отделом Свердловской научной библиотеки им. В. Г. Белинского В. А. Терехович и ее сотрудникам, а также А. Ю. Понизовкину.

Л. А. Зими́на,
кандидат философских наук.
Екатеринбург,
октябрь, 2000 г.

Политические партии

Предисловие автора

Памяти моего отца

Основное противоречие, вызвавшее к жизни этот труд, следовало бы сформулировать следующим образом: сегодня пока еще невозможно дать глубокое сравнительное исследование механизмов политических партий и в то же время сделать это совершенно необходимо. Оказываешься в порочном кругу: только многочисленные и достаточно основательные монографии, которые носили бы предварительный характер, позволят когда-нибудь построить общую теорию партий — однако такие монографии не смогут быть по-настоящему глубокими, будучи созданы при полном отсутствии общей теории партий. Природа отвечает только тогда, когда ее спрашивают; но в данном случае неизвестно, какие же вопросы следует поставить. Характерен пример Америки, где исследований по интересующей нас проблеме — в избытке. Они опираются на массу серьезных наблюдений и нередко представляют действительно большую ценность; однако ни одно из них совершенно не освещает проблему эволюции партийных структур, количества и взаимосвязей партий, их роли в государстве, поскольку все наблюдения осмысливаются сквозь призму самой лишь Америки. Обозреваются проблемы специфически американские, без обращения к общим вопросам. Да и как подступиться к этим общим вопросам, если они по большей части даже не поставлены со всей определенностью?

Главная цель данной книги заключается в том, чтобы разорвать этот порочный круг и хотя бы в общих чертах наметить первую общую теорию партий — пусть неточную, приблизительную и даже гипотетическую, которая смогла бы служить базой и руководством для движения вглубь. В книге сначала определяются конкретные методы исследования. Некоторые из них не являются оригинальными: это всего лишь применение к проблеме изучения политических партий методик уже известных и испытанных; другие более или менее новы. Но все они призваны внести объективность в область, где обычно царит пристрастие и предубеждение. Автор весьма рассчитывает на то, что руководители политических партий оценят значимость таких исследований и предоставят в его распоряжение серьезную документацию, пока еще не доступную ученым. Во вторую очередь он пытается наметить общие рамки исследования, подводя итог всем основным вопросам, соотнося их друг с другом и рассматривая их взаимную зависимость и значимость. Эта

задача методической классификации выступает сегодня как наиважнейшая: в политических науках невозможно никакое продвижение вперед, пока их исследования будут сохранять атомизированный характер, что более свойственно эмпиризму, нежели подлинной науке.

Наконец, автор пытается, отправляясь от первых наблюдений (также многочисленных, разнообразных и широких по охвату, насколько это только возможно, а потому неизбежно фрагментарных и неудовлетворяющих) сформулировать гипотезы, способные направлять дальнейшие поиски, которые позволят сформулировать в будущем настоящие социологические законы.

Пусть читателя не удивляет постоянное стремление автора к классификации и систематизации — это результат сознательного намерения перенести в политическую социологию прием моделирования, который в новых внешних формах опять вводит в обращение старую добрую методику гипотезы в науке. Мы стремились построить «модели» (при этом менее всего — методами математики и статистики, область применения которых в данном случае более ограничена по сравнению со всеми другими возможными средствами исследования) — предпочтительнее было бы говорить о «схемах», — то есть более или менее приблизительные непротиворечивые системы, единственное достоинство которых состоит в том, что они смогут инициировать и направлять последующие монографические исследования, способные подтвердить или (что более вероятно) опровергнуть эти модели. И в том, и в другом случае они равно послужили бы поиску истины. Проистекая из суммы наблюдений, служащей их базой, эти схемы, разумеется, в разной степени вероятностны и всякий раз нуждаются в уточнении. Читателя просят всегда иметь в виду в высшей степени приблизительный характер большинства выводов, сформулированных в этой книге, о чем мы не устаем ему напоминать. На протяжении лет пятидесяти быть может удастся описать реальное функционирование политических партий — то есть в данный момент наука пока еще в младенческом возрасте. Достигнув зрелости, она судит о своем предмете строже, но без несовершенных заключений не было бы и самой науки, разве что эта наука вечно запаздывала бы.

* * *

Подавляющая часть исследований политических партий связана главным образом с анализом их доктрин. Такая ориентация вытекает из либерального представления о партии, в котором она рассматривается прежде всего как идеологическое объединение. «Партия есть общность лиц, публично исповедующих одну и ту же политическую доктрину», — писал Бенжамен Констан в 1816 г. Эта концепция вызвала к жизни множество интересных исследований, раскрывающих скорее историю политических идей, нежели дающих их социологический анализ. В рамках сравнительного изучения партий ограничиваются почти исключительно описанием влияния доктрин на структуры, которое, кстати, гораздо менее значимо, чем принято думать. Давид Юм тонко отметил в своем «Опыте о партиях» (1760), что программа играет основную роль на ранней стадии, когда она служит объединению разрозненных индивидов, но затем на первый план выходит организация, тогда как платформа становится всего лишь аксессуаром — лучше не скажешь! Замечание, впрочем совсем не относящееся к иным современным политическим партиям, где доктрина приобрела поистине религиозный характер, что дает им тотальную власть над жизнью их членов.

В последние годы марксистская концепция партии-класса, сменившая либеральную концепцию партии-доктрины, ориентировала научные исследования в другом направлении. Изучались связи между уровнем жизни, профессией, воспитанием и политической принадлежностью. Эти изыскания существенны, и на многих страницах данной книги они явно заставят автора прибегнуть к строгим методам характеристики социального состава партий. Здесь будет часто использоваться также исходное марксистское противопоставление — только широко понимаемое — буржуазии и рабочего класса («пролетариат», «массы»,

etc.). Разумеется, указанное противопоставление остается весьма условным, и марксистские социологи знают об этом не хуже, чем их противники. Социальная стратификация слишком сложна и богата оттенками, чтобы впасть в подобное вульгарное манихейство. Тем не менее и такая схема в чем-то истинна: буржуазия и пролетариат, быть может, и не образуют двух классов, определяемых в строго экономических терминах; но они характеризуют два менталитета, два социальных положения, два образа жизни, четкое различие которых проясняет проблемы, касающиеся структуры партий.

Это тем более оправданно, что ни доктрины, ни социальный состав партий не станут главным объектом нашего исследования, ориентированного в основном на партийные институты и их роль в государстве. Ибо в природе организации современных политических партий их сущность раскрывается куда более полно, нежели в их программах или классовом составе: партия есть общность на базе определенной специфической структуры. Современные партии характеризуются прежде всего их анатомией: протозавров предшествующих эпох сменил сложный дифференцированный организм партий XX века. Эта эволюция просвечивает и в языке. Американцы говорят «машина»¹, чтобы обозначить некоторые формы, которые порой приобретают их партии; коммунисты называют иерархическую структуру своей партии «аппаратом» и обычно обозначают ее выразительным термином «Организация» (заглавная буква симптоматична). Первым проложил дорогу этим интереснейшим исследованиям М. Острогорский¹: его замечательный труд, имеющий в основном аналитический характер, обрел немало поклонников, но гораздо меньше последователей; он к тому же ограничен лишь двумя странами и только «буржуазными» партиями. Позже развитие социализма вдохновило Р. Михельса на небольшую, но превосходную книгу², где на языке не устаревших и ныне понятий описаны олигархические тенденции массовых партий. Если не считать этих двух сочинений, сравнительные исследования партийных структур отсутствуют полностью. Можно назвать еще книгу Гартмана³, где дан анализ 12 уставов основных партий Центральной Европы, но это работа описательна и посвящена достаточно частной теме.

Пора наконец отважиться ступить на девственную почву, где исследователя ждут специфические трудности. Организация партий покоится главным образом на практических установках и неписаных правилах, она почти полностью регулируется традицией. Уставы и внутренние регламенты всегда описывают лишь ничтожную часть реальности, если они вообще описывают реальность; ведь на практике им редко следуют неукоснительным образом. А с другой стороны, партии сами охотно окружают свою жизнь тайной, и поэтому нелегко добыть о них точные сведения, даже элементарные. Здесь сталкиваешься с первобытной юридической системой, где законы и ритуалы секретны, а посвященные фанатически укрывают их от мирских взоров. Одним только ветеранам партии хорошо известны все перипетии организации и тонкости интриг, которые в ней завязываются. Но они редко обладают научным складом ума, что мешает им сохранять необходимую объективность; и они так неохотно говорят... Все это объясняет, почему несмотря на годы исследований, удалось собрать далеко не полную документацию; в ней множество пробелов и неточностей. Вот почему автор заранее просит своеобразной индульгенции за ошибки, зачастую неизбежные; он был бы счастлив, если бы читатели сообразовали обратиться на них его внимание и таким образом умножить усилия в поисках, которые обречены на поражение, если к ним не привлечь как можно больше сотрудников. Он выражает свою признательность всем тем, кто помог собрать документы, без которых эта книга не увидела бы свет, особенно профессору Джеймсу К. Поллоку, г-ну Жану Мейно, Международной и Французской ассоциации политических наук; г-ну Мейриа и Национальному фонду политических наук; профессору Баренцу и г-ну де Ионгу; профессору Кастбергу; г-ну Эйнару Лохену и студентам факультета политических наук университета Осло; д-ру Ж. Гормагтиту; г-ну Хейсу и г-ну Ван Хуту, г-ну Нильсону и Христианскому институту Мишлена; Швейцарскому федеральному бюро социальной статистики; д-ру Тарику З. Тунайя и г-ну Ильгену Арселю;

секретариатам и канцеляриям различных политических партий etc..., включая своих студентов из институтов политических наук в Париже и Бордо.

Введение. Происхождение партий

Нас не должна вводить в заблуждение словесная аналогия. Партиями одинаково называют как большие народные организации, которые выражают общественное мнение в современных демократиях, так и враждующие группировки античных республик или кланы, которые складывались вокруг какого-нибудь кондотьера в Италии эпохи Ренессанса; клубы, объединявшие депутатов революционных ассамблей, и комитеты, подготавливавшие цензовые выборы в конституционных монархиях. Отчасти это оправдано, ибо отражает некоторое глубокое их родство: разве эти институты не играют одну и ту же роль, сущность которой — борьба за политическую власть и ее отправление? И тем не менее очевидно, что речь идет о разных вещах. На самом деле история подлинных партий едва ли насчитывает век. Еще в 1850 г. ни одна страна мира (за исключением Соединенных Штатов) не знает политических партий в современном значении этого термина: мы обнаруживаем течения общественного мнения, народные клубы, философские общества, но отнюдь не партии в собственном смысле слова. В 1950 г. они функционируют в большинстве цивилизованных стран, все прочие стремятся им подражать. Как же всего за сто лет совершился этот переход? Данный вопрос представляет не один только исторический интерес: все партии испытывают сильнейшее влияние своего происхождения, подобно тому, как люди всю жизнь несут на себе печать своего детства. Невозможно, к примеру, понять структурное отличие, разделяющее британскую лейбористскую и французскую социалистическую партии, не зная обстоятельств их рождения. Нельзя серьезно анализировать французскую или нидерландскую многопартийную и американскую двухпартийную системы, не обращаясь к происхождению партий в каждой из этих стран — именно здесь мы найдем объяснение тому факту, что в одних странах они множились, а в другой — сокращались. В целом развитие партий оказывается связанным с развитием демократии, то есть с расширением народного волеизъявления и прав парламентов. Чем больше возрастают функции и независимость политических ассамблей, тем настоятельнее их члены ощущают потребность в объединении по признаку родства, чтобы слаженно действовать. Чем более расширяется право голоса и множится число голосующих, тем более необходимым становится организовывать избирателей с помощью комитетов, способных познакомить с кандидатами и привлечь голоса в их пользу. Итак, возникновение партий связано с возникновением парламентских объединений и избирательных комитетов. В то же время история некоторых из них не укладывается в общую схему: генезис их совершается вне электорального и парламентского цикла, общее лицо таких партий наиболее определенно формируют именно внешние факторы.

Электоральное и парламентское происхождение партий

Общий механизм генезиса прост: сперва создаются парламентские объединения, затем возникают избирательные комитеты; наконец, устанавливается постоянная связь этих двух образований. Разумеется, на практике чистота этой теоретической схемы оказывается нарушенной самыми различными способами. Парламентские группы обычно появлялись раньше избирательных комитетов: ведь политические ассамблеи существовали еще до всяких выборов. Парламентские же объединения с равным успехом зарождаются в лоне как автократических, так и выборных палат: действительно, борьба «группировок» обычно обнаруживается во всех наследственных или кооптируемых ассамблеях, идет ли речь о Сенате античного Рима или Сейме Речи Посполитой. Разумеется, группировка — это еще не парламентская группа; между ними существуют все те различия, что отделяют стихийное от организованного. Но последнее вышло из первого путем более или менее быстрой эволюции.

A priori кажется, что главной движущей силой формирования политических объединений выступает общность политических доктрин. Однако факты не всегда подтверждают это предположение. Зачастую оказывается, что первый импульс дает географическое соседство, желание защитить профессиональные интересы; только потом появляется доктрина. В некоторых странах первые парламентские образования были локальными группами, а уже на их базе в дальнейшем формировались идеологические объединения. Возникновение парламентских групп в недрах французского Учредительного собрания 1789 года являет хороший пример такого пути. В апреле 1789 г. депутаты Генеральных Штатов от провинций начинают прибывать в Версаль, где они чувствуют себя как бы вырванными из родной почвы. Совершенно естественно, что посланцы одной и той же провинции стараются держаться вместе, дабы освободиться от преследующего их ощущения изолированности, а заодно и подготовиться к защите своих местных интересов. Инициатива принадлежала депутатам-бретонцам, которые снимают зад кафе и организуют там свои регулярные встречи. Тогда-то они и обнаруживают, что общность их взглядов распространяется не только на региональные вопросы, но и в равной степени на основные проблемы общенациональной политики. Они ищут контактов с депутатами других провинций, которые разделяют их воззрения, — так «бретонский клуб» принимает форму идеологического объединения. Когда собрание перевели из Версаля в Париж, клуб вынужден был прервать свои заседания и вновь подыскивать место. На этот раз за неимением зала кафе его инициаторы арендовали монастырскую трапезную. Именно с названием этого монастыря им и предстояло войти в историю: почти все забыли бретонский клуб, но кто же не знает клуб якобинцев? Аналогичный процесс превращения региональной группы в инициативное ядро доктринальной группировки позднее породит клуб жирондистов.

Такие объединения не следует смешивать с местами их сбора. Здесь еще раз стоит привести пример якобинцев — он, по-видимому, действительно исчерпывающе характеризует фазу предыстории партий. Точно так же во французском Учредительном собрании 1848 года мы находим объединения «Дворец науки» и «Институт» (умеренные республиканцы), улиц Пуатье (монархисты-католики), Кастильон и Пирамид (левые). Можно вспомнить и Франкфуртский парламент с его партиями «кафе „Милани“» (крайне левые), «Казино» (правый центр), а также «Вюртемберг» (левый центр, откуда выделились партии «Вестендаль» и «Аугсбург»), «Германия» (левые) и, наконец, «Монт-Тоннер» (крайне левые) — все последние получили свои названия по имени отелей, где собирались. В данном случае речь идет о феномене, весьма отличном от бретонского клуба или клуба жирондистов: депутаты встречаются в одном и том же месте, так как разделяют одни и те же взгляды; оба же упомянутые клуба сложились по принципу землячества, а уж затем их члены констатировали свою идейную общность. Здесь же перед нами — идеологическое, а не региональное объединение; использование для его обозначения названия места заседаний говорит лишь о том, что доктрина еще не настолько прояснена, чтобы служить характеристикой группы.

Наряду с факторами локальными и идеологическими не меньшее место нужно отвести также интересам: так, некоторые объединения носят характер своего рода профсоюзов по защите парламентариев (более или менее определенно выраженный). Озабоченность переизбранием, естественно, играет огромную роль: она никогда полностью не покидает даже достигшие зрелости парламентские группы. Избирательные технологии, которые требуют коллективных усилий, особенно выборы по партийным спискам и система пропорционального представительства, очевидно усиливают эту естественную тенденцию: в некоторых странах (Швейцария, Швеция) формирование первых действительно организованных парламентских групп совпадаете принятием пропорциональной системы. Стремление получить министерский пост также выступает значительным фактором концентрации энергии парламентариев: многие объединения центра во французских собраниях есть нечто иное, как коалиции «министерялов», которые в иных случаях так и не могут преодолеть этой стадии и превратиться в настоящие партии. И, наконец, если верить Острогорскому, в развитии

парламентских групп, например, британских, довольно большую роль играет коррупция. В течение длительного времени английские министры обеспечивали себе прочное большинство, покупая голоса, — иначе говоря, совесть депутатов. Это явление получило чуть ли не официальный статус: в Палате даже существовало окошечко, где парламентарии могли узнать цену своего голоса в момент баллотировки. В 1714 г. в Англии был учрежден пост политического секретаря казначейства, ответственного за эти финансовые операции; так называемый секретарь вскоре кстати был переименован в the Patronage secretary¹ поскольку устраивал выдвижение на правительственные должности с помощью подкупа. Распределяя таким образом правительственную манну среди депутатов большинства, секретарь-покровитель неусыпно контролировал их голоса и речи: он становился для них «чело веком с кнутом», «загонялой» — «The whip»² (этимологически англ. «whip» означает «кнут»; на жаргоне псовой охоты — это псаря, вооруженные хлыстами и направляющие свору к загоняемому животному). Таким образом в партии большинства постепенно устанавливается строгая дисциплина. По логике вещей меньшинство приходит к необходимости ввести в целях самообороны аналогичную, хотя и основанную на других методах дисциплину. Хотя позднее парламентские нравы постепенно цивилизовались, структура парламентских групп с их жесткой организацией и властью их whips пережили те основания, которые их когда-то породили. Интересно было бы исследовать, не использовалась ли британская система в других странах и не была ли парламентская коррупция — будь то действие или противодействие — порождена именно усилением внутренней организации депутатских групп? Известен размах, который принимает коррупция на определенных этапах развития демократии как средство противостояния правительства растущему давлению парламентов, — примеры Гизо во Франции и Джолитти в Италии присутствуют во всех мемуарах. Но оказывало ли это такое же воздействие на развитие партий, как и в Англии? В этом отношении нужно остерегаться любых поспешных обобщений. Представляется, что в Италии система Джолитти, напротив, рассеивала формирующиеся парламентские группы и усиливала личностный характер политической борьбы.

Появление избирательных комитетов в стране прямо связано с расширением народного волеизъявления, поскольку последнее ставит перед необходимостью привлечения новых избирателей. Введение всеобщего избирательного права привело, например, в начале XX века к росту социалистических партий в большинстве европейских стран. Вместе с тем простой количественный рост голосующих — не единственная причина появления комитетов: это связано и с развитием эгалитаристских настроений, и со стремлением в той или иной форме вытеснить традиционные социальные элиты, без чего первый фактор не сработал бы. Возьмем политический режим с ограниченным правом голоса, как, допустим, во Франции периода Реставрации или в Англии до 1832 года. Здесь нет нужды в комитетах, чтобы привлечь избирателей, которые социально достаточно развиты и многочисленны, чтобы сделать прямой выбор между кандидатами вне всякого партийного представительства: выбор происходит между состоятельными людьми, лицами одного и того же социального круга, где все или почти все знакомы между собой. Конечно, избирательные комитеты встречаются иногда и в условиях ограниченного избирательного режима, но они не играют там значительной роли. Представим теперь, что количество голосующих неожиданно увеличилось; если одновременно не созданы или не расширены избирательные комитеты, способные канализировать симпатии новых избирателей, голоса этих последних будут неизбежно отданы тем, кого они хотя бы немного знают, то есть традиционным социальным элитам. Так и случилось на выборах 1871 г. в Национальное собрание во Франции, где свободное голосование неожиданно было восстановлено после почти двадцатилетнего засилья официальных кандидатур; между тем партий как таковых не существовало, и масса голосующих в сельских округах отдала голоса владельцам окрестных замков. Это была «Республика герцогов». Создание избирательных комитетов чаще всего — инициатива

1 англ. секретарь-покровитель. — Прим. перев.

левых, поскольку это в основном и выгодно левой: речь идет о том, чтобы с помощью этих комитетов создать известность новым элитам, способным затмить престиж прежних в сознании избирателей. Правая же неизбежно вынуждена следовать этому примеру, чтобы попытаться сохранить свое влияние; указанный феномен подражания левой нередко обнаруживается в ходе анализа партийных структур.

Трудно доподлинно описать общие принципы механизма создания избирательных комитетов — решающую роль здесь играют местные особенности. Иногда сам кандидат создает вокруг себя группу из нескольких преданных друзей, чтобы обеспечить избрание или переизбрание: такой комитет носит довольно недолговечный характер. В некоторых странах — в Англии, например, — с недоверием смотрят на кандидата, который сам себя выставляет на всенародное одобрение; он старается, чтобы несколько единомышленников поддержали его инициативу: в XIX веке множество комитетов имело именно такое происхождение. Иногда, напротив, небольшая группа людей объединяется, чтобы выставить кандидата и помочь ему вести избирательную кампанию: назовем, к примеру, комитет, образованный в 1876 г. в VI округе Парижа группой студентов, к которым присоединилось несколько рабочих для того, чтобы поддержать кандидатуру Эмиля Аколлы, профессора факультета права, который был первым кандидатом-социалистом в период Третьей республики. Весьма часто созданию комитета предшествует ассоциация: в эпоху Французской революции философские общества играли таким образом активную роль на выборах; в 1848 г. то же самое делали народные клубы; в Соединенных Штатах избирательная деятельность местных клубов приобрела большое значение с началом объединения. Инициаторами создания комитетов часто выступают газеты — известна роль «На-сиональ» и «Реформы» во Франции 1848 года.

Подчас созданию комитетов способствовали какие-либо особые обстоятельства, например система регистрации избирателей, установленная английским избирательным законом 1832 г. Он доверял составление списков избирателей попечителям бедных из церковных приходов, которые были казенными работниками, мало пригодными для такого рода деятельности; вместе с тем широко принимались и заявления частных лиц, так что собственная инициатива играла большую роль. Но она, по-видимому, развивалась медленно, тем более что за право регистрации закон предусматривал плату в один шиллинг, которую многие не желали вносить. Таким образом вокруг кандидатов, как грибы, росли ассоциации регистрации (регистрационные общества), с тем чтобы облегчить операцию составления списков и привлечь избирателей. Инициатива в этом деле принадлежала либералам, но довольно скоро за ними последовали и консерваторы. Вначале регистрационные общества вовсе не занимались выдвижением кандидатов, которые полностью сохраняли свою независимость, но по мере своего упрочения они начали проникать и в эту сферу.

В Соединенных Штатах избирательные комитеты также обязаны своим происхождением особым обстоятельствам. Многие общественные должности были выборными, и народное волеизъявление не имело бы никаких ориентиров, если бы не направлялось каким-то механизмом отбора. А с другой стороны, поскольку конституция совершенно не регулировала выдвижение выборщиков на президентских выборах, вмешательство хорошо организованных комитетов было необходимо, чтобы избежать полного распыления голосов. К тому же продолжавшийся приток эмигрантов постоянно вводил в избирательный корпус массу вновь прибывших, абсолютно не сведущих в американской политике, и нужно было привлечь их голоса к кандидатам, которых они совсем не знали — кроме тех, что были рекомендованы комитетом. Наконец, утверждение начиная с Джексона «системы оципывания», которая отдавала партии-победительнице все чиновничьи места, предоставило в распоряжение комитетов огромные материальные средства; подобно тому, как коррупция в Англии укрепила структуру парламентских групп, в Америке она усилила структуру избирательных комитетов.

Достаточно было постоянной координации и регулярных связей двух этих однажды возникших материнских клеток — парламентских объединений и избирательных комитетов, чтобы появилась настоящая партия. На этой последней стадии главную роль обычно играют

как раз парламентские объединения. Наверху деятельность депутатов координирует парламентская группа, но, с другой стороны, любой из них вынужден развивать контакты с собственным избирательным комитетом, от которого зависит возобновление мандата: так разные избирательные комитеты оказываются косвенно связанными через сотрудничество своих избранников в рамках парламентского объединения. И тогда достаточно превращения связей из личных в институциональные, чтобы акт рождения партии был официально признан; но эта юридическая констатация положения дел куда менее значительна, чем постепенный практический процесс их развития. Для полноты картины добавим, что первая забота только что родившейся партии естественно заключается в том, чтобы создать избирательные комитеты в тех округах, где она пока их совсем не имеет. В отличие от первых, они формируются под влиянием импульса из центра: механизм развития партии, следовательно, перевернут. Это существенно, когда речь пойдет об определении степени централизации или децентрализации партии или соответственно о влиятельности парламентариев и «внутренних вождей» в ее руководстве; на второй стадии создание комитетов в округах, не представленных в Палате, ведет обычно к созданию штаба партии, отличного от парламентской группы — она удаляется от своих истоков (хотя подспудно хранит их отпечаток). Она начинает тогда походить на партию второго типа, менее близкого по своей структуре к избирательному и парламентскому механизму, поскольку партии второго типа зародились помимо него: это партии внешнего происхождения.

Внешнее происхождение партий

Рассматривая генезис партий в рамках электоральных и парламентских структур, мы уже отмечали вмешательство внешних по отношению к ним организмов: это философские общества, народные клубы, газеты, например. Разграничение партий «внешнего происхождения» и партий, возникших на основе электоральных и парламентских структур, не является жестким: оно характеризует скорее общие тенденции, нежели резко очерченные типы, так что на практике провести его подчас оказывается нелегко. Но тем не менее нередко бывает, что весь строй партии сложился в основном посредством действия предшествующих ей институтов, собственная деятельность которых протекает за пределами парламента и выборов; в этом случае можно с полным основанием говорить о внешнем происхождении.

Таким путем политическую партию могут породить весьма многочисленные и разнообразные объединения. Дело не в том, чтобы составить их исчерпывающий список: ограничимся лишь несколькими примерами. Наиболее известны профсоюзы: многие из социалистических партий непосредственно были созданы ими и к тому же более или менее долго сохраняли характер «светской руки» профсоюзов в парламентской и электоральной сферах. В этом смысле наиболее типична британская лейбористская партия: она родилась в осуществление принятого Конгрессом тред-юнионов в 1899 г. решения о создании электоральной и парламентской организаций (предложение Холмса, собравшее 548.000 мандатов против 434.000). Правда, уже существовала Независимая лейбористская партия, руководимая Кейр-Гарди, и объединение интеллигентов-социалистов «Фабианское общество»; оба они, особенно последнее, сыграли весьма значительную роль в принятии предложения Холмса (он сам, кстати, был членом Независимой лейбористской партии). Но решающей была акция профсоюзов, и поэтому новая партия находится в непосредственной зависимости от них. Здесь можно оценить влияние происхождения на структуру. Джеймс Брюс справедливо предлагал различать две категории социалистических партий: рабочие, организованные профсоюзами, и собственно социалистические, созданные парламентариями и интеллектуалами, так как вторые были гораздо более теоретичными, но куда менее реалистичными, чем первые.

Примерно ту же роль, что и рабочие профсоюзы, в создании партий играют сельскохозяйственные кооперативы и профессиональные крестьянские объединения. И хотя аграрные партии были менее распространены, чем рабочие, они тем не менее проявляли

большую активность в некоторых странах — особенно в скандинавских демократиях, в Центральной Европе, Швейцарии, Австралии, Канаде и даже в Соединенных Штатах. Речь идет порой о простых электоральных или парламентских образованиях, соответствующих первому из описанных здесь типов (во Франции, например). В других случаях это, напротив, ближе к механизму возникновения британской лейбористской партии: профсоюзные и сельскохозяйственные объединения принимают решение о создании избирательного организма или непосредственно преобразуются в партию. Роль Фабианского общества в создании лейбористской партии в свою очередь иллюстрирует влияние философских обществ или «обществ мысли», как их называли в XVIII веке, и объединений интеллектуалов на генезис политических партий. Известна роль студенческих ассоциаций и университетских корпораций в народных движениях XIX века в Европе и формировании первых политических партий левой. Нечто подобное происходит сегодня в некоторых государствах Латинской Америки. Аналогичным образом франкмасонство оказалось причастным к созданию радикальных партий во Франции и различных либеральных партий в Европе. В Бельгии его вмешательство особенно наглядно: в 1841 г. великий магистр бельгийского масонства Дефакз основал политическую ассоциацию — Альянс, которая создала местные общества по всей стране. В 1846 г. Альянс созвал Конгресс всех провинциальных обществ в Брюсселе; он собрал 320 делегатов. Конгресс под председательством Дефакза решил учредить постоянные либеральные ассоциации в кантонах. Есть также множество примеров создания партий кружками интеллектуалов, но такая партия крайне редко находит себе затем массовую опору, которая позволила бы ей добиться успеха в условиях всеобщего избирательного права. Тому свидетельство — недавнее поражение во Франции «Демократического революционного объединения», созданного Ж.-П. Сартром и несколькими левыми писателями. Такой способ создания партий скорее соответствует режиму с ограниченным правом голоса.

В противоположность этому влияние церквей и религиозных сект всегда оказывается огромным. Так, например в Нидерландах кальвинисты создали Антиреволюционную партию, чтобы противостоять консервативной католической партии; в 1897 г. наиболее непримиримые протестанты учредили Христианскую историческую партию, с целью противодействовать сотрудничеству католиков и «антиреволюционеров». Католические организации, а то и само духовенство, непосредственно причастны к созданию правых христианских партий, возникших до 1914 г., к появлению современных демократических партий. В Бельгии участие религиозной власти стало решающим фактором развития консервативной католической партии. В 1879 г., вознамерившись противодействовать влиянию «сил зла» на светское образование и покровительствовать религиозному воспитанию, духовенство насаждало по всей стране школьные католические комитеты, которые спровоцировали отток детей из публичных школ и рост школ свободных. В 1884 г. эти комитеты преобразовались в местные секции католической партии, которая стала таким образом одной из самых организованных партий Европы. Более опосредованным выглядит участие церкви в создании христианско-демократических партий в 1945 г. Во Франции, например, церковные власти не взяли на себя инициативы в этом отношении; однако нужно подчеркнуть, что католическая Ассоциация французской молодежи (A.C.J.F.), как и различные ее специализированные филиалы (Христианская рабочая молодежь, Христианская студенческая молодежь, Христианская сельская молодежь), выступила здесь в качестве катализатора. Если участие АСЖФ как таковой и не имело места, то именно она поставила этой партии основных кадровых работников и активистов — как национального, так и местного уровней. Представляется, что подобную же роль сыграло Католическое действие в Италии, хотя вмешательство духовенства было здесь зачастую более откровенным; то же самое можно сказать и о Германии.

Вслед за профсоюзами, философскими обществами, церковью в качестве внешних организмов, способных породить партии, следует назвать объединения ветеранов. Они сыграли очень большую роль в возникновении фашистских и псевдофашистских партий сразу после войны 1914 г. Общеизвестно влияние традиций прежних балтийских «вольных

цехов» на истоки национал-социализма, так же как и подобная взаимосвязь объединения бывших итальянских участников войны с фашизмом. Еще более яркий феномен в этом отношении — Франция 1936 года, где союз бывших фронтовиков — «Боевые кресты»³ — просто-напросто превратился в политическую организацию, став французской Социальной партией. Частично утратив характер объединения бывших товарищей по оружию, «Боевые кресты» уже через два года действительно приобрели характер лиги — в том смысле этого слова, который оно имеет во французском политическом словаре. Как и партии, лиги — это ассоциации, в отличие от других внешних организмов, изученных на сегодняшний день, учрежденные в политических целях; однако они употребляют совершенно другие средства для достижения этих целей. Партии обычно действуют в электоральном или парламентском поле — если не исключительно, то по крайней мере в основном. Лиги же не выдвигают кандидатов на выборах и не стремятся к объединению депутатов — это всего лишь машины для пропаганды и агитации. Стало быть, по самой своей природе лиги носят резко антипарламентский характер: они отказываются от демократических игр — в отличие от фашистских и коммунистических партий, которые тоже имеют антипарламентаристскую доктрину, но используют парламент в борьбе за власть. Феномен лиги выражает архаичные политические методы: разве не ясно, что в демократическом обществе, если вы хотите разрушить существующий режим, гораздо более эффективно использовать для этого электоральные и парламентские возможности, нежели действовать извне? Поэтому естественная эволюция лиг — это превращение их в экстремистские партии: некоторые из них действительно носили характер лиг, прежде чем стать настоящими партиями (как, например, партия итальянских фашистов).

Роль лиг в образовании партий можно сравнить их с тайными обществами и подпольными группами. В том и другом случае речь идет об организациях, созданных в политических целях, но действующих вне электорального и парламентского поля; первые — потому что не хотят, а вторые — потому что не могут, находясь все время под угрозой запрета извне. Понятно, что наше определение тайных обществ имеет в виду не объединение типа франкмасонов, которое строго говоря — не секретное, а всего лишь дискретное². Когда угроза запрета исчезает, подпольные группировки имеют тенденцию преобразовываться в партии. Это было хорошо видно в 1945 г. во многих бывших оккупированных странах, где группы движения Сопротивления пытались преобразоваться в партии, что обычно редко им удавалось. Тем не менее, партия «Народное республиканское движение» во Франции, а также христианско-демократическая партия в Италии могут в значительной мере рассматриваться как выходцы из бывших подпольных организаций. Именно таково и происхождение партии коммунистов в СССР, которая в 1917 г. пришла к власти из подполья, сохраняя к тому же заметные черты своей прежней организации (проникшие затем во все коммунистические партии мира, реорганизованные по этому первому образцу). Более того, нужно сразу же констатировать влияние генезиса партии на ее окончательную структуру. В случае с коммунизмом ясно, что опора на подпольные организации оправдывалась также возможностью быстро воспроизвести структуру тайного общества, если правительственные преследования вынудят это сделать.

Наконец, перечисляя различные внешние организмы, которые инициируют создание партий, нельзя забыть об участии промышленных и коммерческих образований: банков, предприятий, промышленных союзов, советов предпринимателей, etc. К сожалению, здесь очень трудно выйти за пределы общих соображений и гипотез, поскольку вмешательство этих структур всегда окружается глубокой конфиденциальностью. Ф.-Х.Андерхилл в Энциклопедии социальных наук раскрывает роль банка «Монреаль», Великой магистральной железной дороги и вообще монреальского большого бизнеса в возникновении в Канаде консервативной партии в 1854 г. Подобное влияние без сомнения можно было бы обнаружить у истоков почти всех партий правой. Однако по большей части в этом отношении имеются

2 игра слов: франц. discret — скромный, сдержанный, потаенный. — Прим. перев.

лишь предположения (достаточно, впрочем, серьезные), но не доказательства. Чтобы действительно выявить формы и степень влияния капиталистических объединений на генезис политических партий, нужны особенно скрупулезные исследования.

Но каковы бы ни были истоки партий внешнего происхождения, они обладают целым комплексом признаков, которые достаточно четко отличают их от партий, сложившихся в электоральном и парламентском процессе. Прежде всего им обычно свойственна большая централизация. В самом деле: первые начинают с вершины, тогда как вторые — с фундамента. У одних комитеты и местные секции учреждаются по инициативе центра, который возник раньше и потому волен ограничить свободу их действия. А у других, напротив, именно уже возникшие местные организации создают центральный орган, чтобы координировать свою деятельность, и, следовательно, ограничивают его полномочия, с тем чтобы сохранить себе максимум автономии. Степень децентрализованности внешнего фактора, создающего партию, обуславливает степень децентрализации последней. Так, лейбористские партии менее централизованы, чем коммунистические, а партии, инициированные капиталистическими объединениями, менее централизованы, чем лейбористские, etc. Но при любых обстоятельствах правилом остается общее соответствие внешнего происхождения и централизованного характера. По аналогичным мотивам партии внешнего происхождения обычно отличаются большей сплоченностью и дисциплинированностью, чем их собратья электорального и парламентского происхождения. Действительно, первые располагают уже существующей организацией, которая естественно связывает все их исходные клеточки, — вторым нужно еще установить эту связь всех частей, имея в качестве отправного пункта лишь нескольких депутатов, сосуществующих в лоне одного и того же парламента.

Роль самих парламентских групп в партиях этих двух типов также различна. Парламентские партии испытывают глубокое их воздействие; депутаты играют здесь первую скрипку, учреждают ли они коллективно центральный орган или фигурируют индивидуально в каком-либо руководящем комитете: их там так много, что от парламентской группы он отличается лишь теоретически. Такое преобладание легко объясняется происхождением партии, в котором депутаты сыграли решающую роль. И, напротив, в партиях внешнего происхождения, конституировавшихся без участия депутатов, их роль, вполне понятно, обычно бывает меньшей. Здесь всегда обнаруживаются более или менее выраженное недоверие к парламентской группе и более или менее явное стремление подчинить ее власти независимого от нее руководящего партийного органа. Разумеется, есть немало и других факторов, объясняющих этот феномен: можно констатировать, что он обнаруживается во всех социалистических партиях, будь то партии, созданные парламентским путем, как во Франции, или партии внешнего происхождения, как в Англии. Но этот пример не опровергает предшествующего, напротив: разве не поразительно, что практическое влияние парламентской группы куда более развито во французской социалистической партии, нежели в лейбористской? И что все социалистические партии, даже самые близкие к электоральному и парламентскому циклу, испытали большее или меньшее воздействие внешних сил?

Среди факторов, которые определяют влияние депутатов в партии, решающим остается ее генезис. Нужно сказать больше: вся жизнь партии несет на себе родовую печать ее происхождения, и положение депутатов в партии служит частным проявлением общего соотношения электоральной и парламентской активности с другими формами ее деятельности. Партии, созданные вне парламента, гораздо более индифферентно относятся к нему, нежели те, кто вскормлен и рожден в тени этого серала. Для последних завоевание мест в политических ассамблеях выступает основой жизни партии, оправданием ее существования и высшей целью бытия. Для первых же избирательная и парламентская борьба хотя и остается весьма значимой, но она всего лишь один из элементов общей деятельности, одно из средств, которое наряду с другими используется для достижения политических целей. Во Франции, например, для партии радикалов основной заботой неизменно выступает завоевание максимума парламентских мест; для МРП главное — это продвижение в

политическую жизнь определенных духовных и моральных ценностей, и она придает воспитательной деятельности такое же значение, как и политическим битвам; для коммунистической партии, наконец, избирательные баталии есть прежде элемент, зачастую второстепенный, общей стратегии, нацеленной на полный захват власти и тоталитарное ее отправление. Конечно, подобные различия связаны не только с особенностями генезиса, но влияние последних неоспоримо. Этим и объясняется, что партии внешнего происхождения, даже доктринально связанные с парламентской системой, никогда не придают ей той же значимости, которую она имеет для партий первого типа. Их развитие фактически обнаруживает известное равнодушие (часто неосознанное и подавляемое) по отношению к парламенту и выборам.

Это замечание настолько серьезно, что порой представляется, будто электоральный и парламентский путь соответствуют традиционному, а внешнее и происхождение — современному типу. До 1900 г. большая часть политических партий зарождалась первым способом: если не считать влияния церкви на некоторые католические партии (в особенности бельгийскую консервативную), финансово-промышленных образований — на партии правой, а кружков интеллектуалов (и франкмасонства) — на ряд либеральных, до появления социалистических партий в начале XX века вмешательство внешних сил в политические процессы обнаруживается очень редко. Но с этого момента именно внешнее происхождение становится правилом, а парламентское — исключением. Недавний пример возникновения и поражения Республиканской партии свободы во Франции и ее поражение хорошо показывает исключительный характер такого пути в современную эпоху. Нужно, однако, сделать исключение для молодых (с точки зрения демократии) стран, то есть государств, где политические ассамблеи и всеобщие выборы реально только еще начинают функционировать: здесь развитие партий в основном соответствует первому из описанных типов. Это не противоречит предшествующему утверждению, но, напротив, подтверждает его истинность, показывая, что электоральный и парламентский путь создания партий характерен для определенной фазы эволюции демократии, а именно стадии постепенного становления всеобщего избирательного права (на практике, а не только в юридических документах, поскольку последние ей обычно предшествуют). Речь идет о прогрессирующем вовлечении массы новых избирателей, переходе от личного выбора к коллективному: развитие комитетов этому как раз и соответствует. Но как только эта первая фаза закончилась и партии вполне конституировались, возникновение новых наталкивается на барьер уже существующих: чтобы его преодолеть, разрозненных местных инициатив совершенно недостаточно, они гложут там же, где зарождаются, и неспособны создать настоящую национальную партию. Иначе говоря, первый путь соответствует созданию политических партий в стране, где еще не существует системы организованных партий. С тех пор как такая система функционирует, настойчиво заявляет о себе второй путь.

Книга первая. Структура партий

Введение

Структура партий характеризуется многообразием. За одним и тем же понятием стоят три или четыре социологических типа, различающиеся по базовым элементам, способам их интеграции в определенную целостность, внутренним связям и руководящим институтам. Первый из них соответствует «буржуазным» партиям XIX века, которые и сегодня все еще существуют в виде консервативных и либеральных партий. В США они продолжают полностью занимать политическую сцену (вместе с тем американские партии отличаются и весьма оригинальными чертами). Они базируются на небольших комитетах, довольно независимых друг от друга и обычно децентрализованных; они не стремятся ни к умножению своих членов, ни к вовлечению широких народных масс — скорее они стараются объединять личностей. Их деятельность целиком направлена на выборы и парламентские

комбинации и этом смысле сохраняет характер наполовину сезонный; их административная инфраструктура находится в зачаточном состоянии; руководство здесь как бы расплылось среди депутатов и носит ярко выраженную личностную форму. Реальная власть принадлежит то одному, то другому клану, который складывается вокруг парламентского лидера; соперничество этих группировок и составляет жизнь партий. Партия занимается проблемами исключительно политическими, доктрина и идеологические вопросы играют весьма скромную роль; принадлежность к партии чаще всего основана на интересе или традиции.

Совершенно иначе построены социалистические партии континентальной Европы: они основаны на вовлечении максимально возможного количества людей, народных масс. Здесь мы обнаружим четкую систему вступления, дополненную весьма строгим механизмом индивидуальных взносов, что в основном и обеспечивает финансирование партии (тогда как для так называемых «буржуазных» партий первого типа источником средств чаще всего выступают пожертвования и субсидии каких-либо частных кредиторов — коммерсантов, предпринимателей, банков и других финансовых структур. Комитеты уступают место «секциям» — рабочим единицам более широким и открытым, важнейшей функцией которых помимо чисто электоральной деятельности выступает политическое воспитание членов. Массовость членства и взимание взносов требуют создания значительного административного аппарата. В такой партии всегда есть большее или меньшее количество так называемых «постоянных» — то есть функционеров, которые естественно тяготеют к превращению в своего рода класс и закреплению определенной власти; так складываются зачатки бюрократии. Личностный характер руководства здесь смягчен целой системой коллективных институтов (съезды, национальные комитеты, советы, бюро, секретариаты) с настоящим разделением властей. В принципе на всех уровнях царит выборность, но на практике обнаруживаются мощные олигархические тенденции. Гораздо более важную роль внутри самой партии играет доктрина, так как личное соперничество принимает форму борьбы различных идеологических течений. Кроме того партия выходит далеко за пределы собственно политики, захватывая экономическую, социальную, семейную и другие сферы.

И уже в наше время коммунизм и фашизм создали еще более оригинальный социологический тип организации. В целом для него характерны: развитая централизация, противостоящая полуцентрализации социалистических партий; система вертикальных связей, устанавливающая строгую изоляцию базовых элементов друг от друга, которая противостоит любой попытке фракционирования или раскола и обеспечивает беспрекословную дисциплину; основанное на авторитарных принципах (назначение сверху и кооптация) руководство, роль парламентариев в котором практически равна нулю. И тот и другой отводят избирательной борьбе всего лишь второстепенную роль: их настоящая деятельность — иная, она разворачивается на почве непрерывной пропаганды и агитации. Они используют прямые, а подчас и насильственные методы: забастовки, восстания, путчи, etc. И те, и другие стараются приспособиться к условиям как открытой, так и подпольной борьбы, если государство применяет против них запреты и преследования. Оба основываются на жестких тоталитарных доктринах, требующих от членов партии не только политической приверженности, но и полного подчинения всего существа. Они не приемлют разграничения публичной и частной жизни, претендуя распоряжаться как той, так и другой. Обе партии развивают в своих членах нерассуждающую преданность, замешенную на мифах и преданиях религиозного толка, соединяя таким образом церковную веру и армейскую дисциплину.

Вместе с тем коммунистические и фашистские партии коренным образом отличаются друг от друга. И прежде всего по своей структуре: первые опираются на систему производственных ячеек, вторые — на своеобразную милицию, разного рода негосударственные военизированные отряды. И затем — по своему социальному составу: первые представляют себя как политическое выражение рабочего класса, передовой отряд пролетариата, борющегося за свое освобождение; вторые созданы как орудие защиты среднего класса и мелкой буржуазии с целью противостоять их вытеснению и захвату

политической власти рабочим классом. Они различны, наконец, по содержанию своих доктрин и коренным принципам: коммунизм верит в массы, фашизм — в элиты; первый исповедует эгалитаризм, второй — аристократизм. Коммунизм исходит из оптимистической философии, веры в прогресс, твердой убежденности в цивилизаторской миссии техники; фашизм отличает пессимистическое воззрение на человечество, он отвергает сциентизм XIX века точно так же, как и рационализм XVIII, и настаивает на ценностях традиционных и первозданных — общности расы, крови, почвы. Подсознательно эти высшие ценности олицетворяет для него не рабочий, а крестьянин.

Многие партии не укладываются в эту общую схему. И прежде всего — христианско-демократические, занимающие промежуточное положение между старыми партиями и социалистическими. Далее это лейбористские партии, созданные на базе кооперативов и профсоюзов по принципу не прямой структуры, которая нуждается в специальном анализе. Это аграрные партии, организационное разнообразие которых весьма велико, хотя они и не получили большого распространения. Это партии архаического и предысторического типа, которые встречаются в некоторых странах Востока и Среднего Востока, Африки или Центральной Европы (до 1939 г.). Простые клиентелы, складывающиеся рядом с влиятельными личностями; кланы, объединенные вокруг феодальных семейств; камарильи, собранные каким-то военным диктатором — все они не будут непосредственно рассматриваться в этой книге. С другой стороны, схема о которой идет речь, остается приблизительной и неточной, она описывает скорее тенденции, нежели четко обозначенные различия. Вернее, она основана на взаимодействии специфических различий, относящихся к базовым элементам партий, механизмам вовлечения членов, степеням и природе принадлежности к партии, выдвижению вождей, роли парламентариев, etc. Главная цель этого исследования — максимально точное определение этих базовых различий, поскольку все вышеперечисленное образует только пространство для их взаимодействия.

Глава первая. Инфраструктура партий

В любой группе людей принято различать два элемента: ее членов и ее лидеров; тех, кто повинует, и тех, кто руководит; «управляемых» и «управляющих», как сказал бы Л. Дюги¹, — такое видение реальности в общем верно, но слишком абстрактно. К тому же оно рождает вполне определенные ассоциации: скопление индивидов, связанных некоторой солидарностью с одной стороны, несколько вожаков — с другой. на ум приходит толпа бунтовщиков, шумная компания детей на школьном дворе во время перемены, банда грабителей, предводительствуемая своим главарем... Одним словом, такое описание соответствует общностям малым и нестабильным, а если говорить о нашем предмете — то предысторическим партиям, которые были еще личными кланами, клиентелами, сплотившимися вокруг одного человека. Оно совершенно недостаточно для обозначения тех больших и долговременных объединений, какими являются современные партии. Их члены включены в четкие институциональные рамки, в определенную — более или менее сложную — инфраструктуру; эта глобальная общность представляет собой целый ансамбль малых базовых общностей, связанных координационными механизмами. В современных партиях инфраструктура имеет огромное значение: она устанавливает общие рамки деятельности их членов, предписывает форму их связи между собой; она определяет способ отбора руководителей и их полномочия. Она зачастую объясняет, почему одни партии сильны и добиваются успеха, а другие слабы и недееспособны.

Особенно значительно изменились политические партии за последние пятьдесят лет: тогда как у большинства крупных наций Запаदा инфраструктура государства, например, осталась в общих чертах неизменной, инфраструктура партий по крайней мере дважды полностью трансформировалась. В результате двух — а в некоторых странах и трех — революций, потрясших всю инфраструктуру демократии, изменились общие условия политической жизни. В 1890–1900 гг. социалистические партии заменили прежнюю редкую

сеть довольно независимых друг от друга комитетов множеством массовых секций, широко открытых для всех желающих и прочно связанных между собой. А в 1925–1930 гг. коммунисты развили структуры еще более оригинальные, положив в основу партии небольшие, но жестко скрепленные с помощью «демократического централизма» и в то же время достаточно разобщенные благодаря технике «вертикальных связей» производственные ячейки. Эта замечательная система овладения массами имела для успехов коммунизма еще более решающее значение, чем марксистская доктрина или низкий уровень жизни рабочего класса. И, наконец, в ту же самую эпоху фашистские партии создавали настоящее политическое войско — собственные вооруженные формирования, способные завладеть государством насильственным путем и затем служить ему чем-то вроде преторианской гвардии. Однако эти перемены совершились далеко не во всех западных странах. Америка, где партии и сейчас еще сохраняют старую, традиционную инфраструктуру, вообще их не знала. Суперсовременная материальная техника уживается там с обветшалой политической технологией. В Англии и ее доминионах не было значительных коммунистических и фашистских партий. Что касается социалистов, то они, сформировав свою партию на базе профсоюзов, создали весьма оригинальную инфраструктуру: с одной стороны — «базовые элементы» политических партий, с другой — целостность, которая интегрирует и координирует эти составные базовые единицы. Эту непрямую структуру (в других странах она встречается лишь в виде исключения) следовало бы специально изучить, прежде чем ее анализировать.

1. Прямая и непрямая структура

Сравним две партии: СФИО — современную французскую социалистическую и британскую лейбористскую 1900 г. Первая состоит из лиц, которые подписали заявление о приеме, ежемесячно платят членские взносы и более или менее регулярно присутствуют на собраниях местной секции. Вторая была учреждена профсоюзами, кооперативами, страховыми кассами, кружками интеллектуалов — все они объединились для того, чтобы создать общую избирательную организацию: здесь нет членов партии, есть лишь члены базовых объединений — профсоюзов, кооперативов, страховых касс, etc. СФИО являет нам пример партии прямой; лейбористы 1900 г. — образец партии не прямой. Это различие применительно к партиям соответствует отличию унитарного государства от федеративного применительно к нации. В унитарном государстве граждане непосредственно связаны в национальной общности; точно так же в прямой партии сами ее члены без посредства каких-либо других социальных объединений образуют общность партийную. Напротив, в федеративном государстве граждане объединены в нацию через государства-субъекты федерации. Подобно этому и не прямая партия существует лишь как союз базовых социальных объединений (профессиональных или каких-то иных). Это сравнение даже не вполне удовлетворительно, ибо федеральное государство налагает печать глобальной общности на любую частную общность членов-учредителей: есть швейцарская нация, швейцарский патриотизм, реальная швейцарская общность — помимо кантональных. Понятие же «не прямой» партии, напротив, предполагает, что не существует никакой реальной партийной общности, отличной от базовых социальных объединений. Строго говоря, нет члена партии — есть член социальной ассоциации, которая коллективно входит в партию. Разумеется, эта теоретическая схема нередко преобразуется, воплощаясь в действительность.

Формы не прямых партий

Две категории партий как правило принимают не прямую форму: социалистические и католические. У первых «тело» партии образуют рабочие профсоюзы, рабочие кооперативы, рабочие страховые кассы: партия приобретает характер общности, опирающейся на

единственный социальный класс. Во втором случае партия представляет собой федерацию рабочих профсоюзов и кооперативов, крестьянских ассоциаций, союзов коммерсантов, промышленников, etc. Она объединяет различные социальные классы, каждый из которых сохраняет и свою собственную организацию. В той и другой категории встречается немало различных вариантов структур, любая партия имеет свое неповторимое лицо. Здесь можно ограничиться описанием нескольких конкретных примеров, связанных с общими тенденциями: из социалистических партий — это британская лейбористская и бельгийская Рабочая партия, а из католических — бельгийский Католический блок и австрийская Народная партия.

Существует и третья категория непрямых партий — партии аграрные, где сельскохозяйственные профсоюзы и кооперативы играют ту же роль, что рабочие объединения такого рода — в социалистических. Однако ни одна из них не достигает столь высокого уровня организации, как последние: непрямая форма выступает у них всего лишь в качестве основной тенденции, которая никогда не реализовалась до конца, а зачастую и вообще сохраняла лишь эмбриональный характер. Тем не менее можно назвать в качестве иллюстрации аграрные партии балканских стран, особенно болгарскую Аграрную партию, австралийскую Сельскую партию, скроенную точно по лекалу британской лейбористской, фламандскую Крестьянскую лигу — ветвь Католического блока в 1921–1939 гг., который мы еще будем иметь повод описать далее. Внутри непрямых партий нужно еще различать две их разновидности. Одни образовались благодаря тому, что на каком-либо локальном уровне путем объединения всех существующих групп сложилось некое инициативное политическое ядро; у вторых же этот базовый элемент был создан представителями таких групп. Первой разновидности соответствует британская лейбористская партия, а второй — бельгийская рабочая и шведская социал-демократическая. Но строго говоря, понятию непрямой партии соответствует лишь первая.

Британская лейбористская партия существенно изменилась со времени своего создания в 1900 г. В ее долгой истории можно выделить несколько этапов, отметив в качестве основных вех Закон о профсоюзах 1913 г., реформу устава 1918 г., Закон о профсоюзах 1927 г. и его отмену в 1946-м. В общем это был процесс превращения классической непрямой структуры в партию смешанного типа, где коллективное членство совмещалось с индивидуальным. Чисто коллективное членство просуществовало до 1918 г., хотя было несколько смягчено уже в 1913 г., после знаменитого «дела Осборна». Индивидуальное членство помимо профсоюза или каких-либо социалистических объединений было невозможно, а внутри последних не существовало никакого различия между теми, кто поддерживал партию, и всеми прочими. Различные подразделения в разных ее эшелонах, как и вся она в целом, учреждались представителями базовых объединений. Однако введение в этих подразделениях постоянных должностей, и особенно поста секретаря (доверенного Рамсею Макдональду), сыграло большую роль в формировании «сознания партии». Таким образом, благодаря усилиям руководства довольно быстро сложилась настоящая партийная общность. Но реформа, предписанная лейбористской партии законом 1913 г., и преобразования, которые она сама решила провести в 1918, значительно сгладили ее непрямой характер. Еще до 1913 г. профсоюзы, входившие в лейбористскую партию, переводили на ее счет субсидию, изъятую из общей суммы взносов, которые они сами собирали со своих членов, не требуя от них дополнительно никакого особого взноса политического характера. Но в 1908 г. железнодорожник У.-В. Осборн возбудил процесс против своего профсоюза с целью помешать ему использовать эти средства на политическую борьбу. После многочисленных обжалований дело в конце концов перешло в Палату лордов, которая и дала ответ истцу (1909 г.): предметом разбирательства оказалось само существование лейбористской партии. В итоге было принято умиротворяющее решение в виде Закона о профсоюзах (1913 г.), основанного на двух принципах: 1) профсоюзы могли коллективно решать вопрос о вступлении в политическую ассоциацию (практически — лейбористскую партию) и перечислении ей денежных средств — после проведения тайного голосования и

получения большинства голосов; 2) если решение принято, то средства, перечисленные профсоюзами лейбористской партии, поступают на специальный счет в виде личного взноса, уплаченного каждым членом профсоюза; притом любой из них имеет право отказаться от такого «политического взноса», подписав прямое заявление об этом.

Первое положение ничего не меняло в организации лейбористской партии, кроме требования тайного голосования по вопросу вступления в нее профсоюза. Второе же, напротив, глубоко трансформировало ее структуру. До 1913 г. у нее совсем не было черт прямой партии: никакая личная связь не объединяла с партией членов присоединившегося к ней профсоюза. Теперь же «политический взнос» создал связь именно такого характера: стало возможным различать внутри профсоюза членов партии (тех, кто платил политический взнос) и всех прочих (кто отказывался его уплачивать). Однако индивидуальное вступление имело характер почти автоматический, по принципу: молчание — знак согласия; новый член профсоюза, который не заявляет об отказе, считается автоматически включенным в партию. Основательная реформа была проведена Законом о профсоюзах 1927 г., принятым консерваторами вслед за попыткой (неудачной) всеобщей забастовки. Правило, установленное в 1913 г., было отменено. Восторжествовал принцип: молчание — знак отказа; платить политический взнос обязаны лишь те члены профсоюза, которые формально заявили о своем согласии на этот счет. При такой системе партия фактически приняла прямой характер: заявление нового члена профсоюза о согласии платить политический взнос равноценно индивидуальному вступлению в партию. Оно выражено здесь даже более ясно и четко, нежели в обязательстве, требуемом многими партиями при вступлении нового члена. На этом этапе лейбористская партия оказалась куда ближе к классическому типу, нежели к чисто федеративной системе, установившейся в момент ее рождения. Однако в 1946 г., придя к власти, лейбористы пересмотрели закон 1927 г. и вернули прежний порядок. Процедура, именуемая *contracting out*³, вновь обрела силу закона: простое умолчание члена профсоюза означало, что он согласен платить политический взнос, и только прямое заявление об отказе могло его от этого освободить. Партия снова возвратилась к непрямой структуре.

Однако после реформы устава, предпринятой в 1918 г., надолго восторжествовала другая точка зрения. Наряду с коллективным приемом профсоюзов, кооперативов и других социалистических объединений, лейбористы допускают отныне индивидуальное членство мужчин и женщин, не входящих ни в какие вышеупомянутые организации. Таким образом настоящая прямая партийная общность признавалась наряду с профсоюзными, корпоративными общностями, включенными в партию по федеративному принципу. Это имело для партии все возрастающее значение: насчитывая в 1949 г. 729624 индивидуальных члена, лейбористы и сегодня остаются наиболее массовой социалистической партией Европы — фикция, достигнутая благодаря использованию численности профсоюзов (табл. 1). Тем не менее профсоюзы и ныне сохраняют прочное большинство в руководящих органах всех уровней.

Подобную же эволюцию — от непрямой структуры к прямой — еще более ярко демонстрирует Бельгийская социалистическая партия, которая пережила глубокие преобразования в 1945 г. Кстати, это повлекло за собой, и перемену названия: прежняя Рабочая партия именуется с тех пор Социалистической партией. Старая партия представляла собой федерацию кооперативов, профсоюзов, страховых касс и социалистических ассоциаций (социалистические молодежные союзы, культурные группы и т. д.) — миниатюрную копию британской лейбористской партии, несмотря на заметные различия. На первых ролях здесь были не профсоюзы, а кооперативы. До учреждения партии рабочие не располагали сильной профессиональной организацией, она-то как раз и была создана партией, а не зародилась самостоятельно; партия, опираясь на кооперативы, дала импульс профсоюзному движению. Профсоюзы не имели и солидного центрального органа вне партии, кроме Генеральной комиссии, само скромное название которой указывает на ее второстепенную роль. В принципе, все члены профсоюза считались членами партии, и наоборот. Такое дублирование порождало, кстати, тройной и даже четверной счет: ведь

члены профсоюза до того, как войти в партию, состояли еще в кооперативах и страховых кассах. Однако фактически совпадение этих групп было далеко не полным: не все кооператоры входили в профсоюз, и не все члены профсоюза были членами страховых касс; даже члены так называемых социалистических ассоциаций иногда не входили в профсоюзы.

С другой стороны, элементарная ячейка партии была сформирована не делегатами составляющих ее объединений (профсоюзы, кооперативы, страховые кассы), а непосредственно их членами: местная Рабочая лига объединила всех приверженцев партии. Эту структуру уместно сравнить со структурой шведской рабочей социал-демократической партии: в ее местную секцию (*arbetarekommun*) может вступить и отдельный индивид, и объединение: практически — профсоюзы, кооперативы и т. д. Руководители секций избирались общим собранием всех членов, каким-либо образом входивших в партию, без особого представительства составляющих ее объединений: организация, таким образом, более прямая, чем британская лейбористская партия. С 1945 г. Рабочая партия стала еще более прямой: под давлением коммунистов от нее отделились профсоюзы, и она реорганизовалась в партию с индивидуальным членством, подобно другим континентальным социалистическим партиям. Однако и тогда ее новый устав предусматривал коллективное членство «экономических, социальных и культурных групп, решивших объединить свои усилия с партией»: обеспечивать эту связь на различных уровнях должны были паритетные комиссии. Но на деле борьба, развернувшаяся тогда в стране против Леопольда III, способствовала новому сближению между партией и профсоюзами, объединенными с кооперативами и страховыми кассами, сплотившимися в рамках Национального комитета общего действия. Четко вырисовывается тенденция возврата к прежним структурам.

В 1921–1945 гг. бельгийская католическая партия дала пример непрямой структуры, отличной как от лейбористской, так и от рабочей партии. Сразу после войны 1914–1918 гг. развитие демо-христианских течений ослабило старую Федерацию католических обществ — пробуржуазную консервативную организацию, глубоко чуждую партии. В 1921 г. была осуществлена фундаментальная структурная реформа — с целью восстановить единство, хотя бы относительное, и дать больший простор «социальным» католикам и их организациям. Этой реформой в основу партии были положены социальные *standen*, то есть штаты (в том смысле этого слова, который оно приобрело в дореволюционной Франции: например, в термине «Генеральные Штаты»). Под именем Католического союза отныне слились четыре базовые ассоциации: прежняя федерация католических обществ, представляющая консервативную буржуазию; *Voerenbond*- Лига фламандских крестьян (которая была дополнена в 1931 г. Валлонским сельскохозяйственным альянсом); национальная Лига христианских рабочих, включающая рабочие профсоюзы, кооперативы и страховые кассы; и, наконец, федерация средних классов, объединяющая торговцев и ремесленников. Каждая из этих групп направила в Генеральный совет Католического союза по шесть представителей, которые по очереди там председательствовали. Влияние Совета было слабым: он не имел почти никаких полномочий, кроме права предложения и арбитража. Его основной функцией было достижение согласия между *standen* для формирования единых католических списков на выборах. То есть никакой реальной партийной общности не существовало — ни на уровне рядовых членов, ни на уровне руководства. Прямое вступление в партию было невозможно — только в тот или иной *standen*. Генеральный совет партии был всего лишь собранием выборных представителей *standen*, по крайней мере если судить по его примитивной форме. Однако постепенно он приобретал все большую самостоятельность: была учреждена должность постоянного председателя; в нем появились члены, не делегированные *standen*, и, наконец, он получил право принимать решения. Это были первые, пусть и небольшие, шаги к установлению прямой партийной общности на высшем уровне.

Бельгийский Католический союз 1921–1939 гг., о котором выше шла речь, можно сравнить с современной австрийской Народной партией. Он состоял из трех профессиональных объединений: одно — крестьянское (*Bauernbund*), второе — рабочих и

служащих (*Arbeites und angestellten bund*), и третье — средних классов (*Wirtschaftsbund*). К ним присоединились другие ассоциации, например, Молодежное движение (*Jugendbevegung*), культурные, спортивные группы и т. д. Однако *Bunden* австрийской народной партии гораздо менее автономны, чем *standen* бельгийского Католического союза. Те были объединены лишь сверху, общим руководством с весьма слабыми полномочиями и конфедеративной структурой. Эти же координировались на всех уровнях посредством сложных иерархических органов с весьма значительными прерогативами, и члены их — не просто представители каждого *Bund*. Возникает вопрос: не идет ли речь и подразделения единой политической общности на корпоративные секции вместо сплочения независимых организаций для совместного политического действия? Тогда этот случай ближе к партии прямой, чем к непрямой. Но такая интерпретация неточна: каждый *Bund* так же экономически и финансово самостоятелен, как и *standen*; точно так же он является и юридическим лицом. В парламентской группе народной партии можно четко выделить депутатов того или иного *Bund* (что не всегда возможно в отношении бельгийского Католического союза). Речь идет о партии хотя и непрямой, но с более усложненной и усовершенствованной организацией.

Причины непрямой структуры

Прямые партии составляют правило, а не прямые — исключения: это означает, что первые распространены гораздо больше, чем вторые. Интересно выяснить, какие же факторы вынуждают партию принять непрямую структуру, вместо того чтобы следовать классическому пути прямых структур? Здесь трудно выявить какие-то общие схемы. Очень часто основную роль играют особые политические обстоятельства. Так, например, в Бельгии конфликт профсоюзов и социалистической партии, в итоге ограничивший ее непрямой характер, — это следствие влияния в 1945 г. В профсоюзах коммунистов, спровоцировавших их на создание автономной организации — *FGTB* (*ВФТБ* — Всеобщая конфедерация труда Бельгии). Во Франции же влияние коммунистов, наоборот, повлекло за собой раскол в профсоюзах, и новый, некоммунистический профсоюзный центр — *CGTFO* (*ВКТ ФО* — Всеобщая конфедерация труда — «Форс Увриер») оказался еще теснее связанным со старой социалистической партией, чем прежний. В Бельгии подобное же сближение профсоюзов и социалистической партии в 1950 г. было результатом конкретного политического события: стоял вопрос о судьбе монархии. Объединенный комитет действия, направленный против Леопольда III, пережил это событие и превратился в инструмент постоянного сотрудничества. Ясно, что попытки вывести в данном случае какие-либо общие правила сталкиваются с немалыми трудностями.

Разумеется, доктринальные мотивы вероятно также сыграли здесь свою роль. Так, велико искушение связать непрямой характер некоторых католических партий с корпоративистскими доктринами христианской демократии, вдохновленными папскими энцикликами *Regum Novarum* и *Quadragesimo Anno*. Это влияние столь же определенно прослеживается и на примере австрийской народной партии: корпоративистские доктрины до аншлюса действительно имели глубокое влияние в Австрии, где они выступали даже официальной организационной основой государства. Однако поспешные заключения, как всегда, были бы преждевременны. Большинство крупных современных социальных христианских партий, особенно во Франции, Германии и Италии, имеет прямую структуру. Вероятно, подражание социалистическим партиям и заимствование их методов сыграло более значительную роль, чем воздействие корпоративистских доктрин: все современные католические партии более или менее тесно связаны с христианскими профсоюзами, подобно тому как социалистические партии — со светскими.

Что касается социалистических партий, то существует еще более сильное искушение объяснить их непрямую структуру доктринальными соображениями. Возьмите марксистскую концепцию партии — носителя классовой политики. Разве не укладывается в это определение самым точным образом структура лейбористской партии? Но тот неоспоримый

факт, что как раз лейбористы менее всех других социалистических партий связаны с учением Маркса, заставляет нас отказаться от такого объяснения. Непрямая структура, как правило, свойственна социалистическим партиям Скандинавии, где марксистская доктрина не играет заметной роли, тогда как латиноязычные партии (в особенности СФИО), где идеологические предпочтения доминируют, организованы по принципу прямого членства. Без сомнения, этому нужно дать прямо противоположное объяснение: структура лейбористской и подобных ей партий обусловлена их прагматической ориентацией; они стремятся к реформистской деятельности и мало озабочены доктринальными проблемами. А вот прямая политическая структура СФИО и подобных ей партий действительно не может быть объяснена вне теоретических соображений. На самом деле не марксизм привел к профсоюзной структуре, а профсоюзная структура, спонтанно сложившись под влиянием реальных обстоятельств, отвергла марксизм, отдав предпочтение повседневным эффективным реформам, а не вечной озабоченности планами глобального переустройства общества. Куда больше, чем любые доктрины, на выбор не прямой структуры безусловно влияет национальный характер. Партии этого типа почти не встречаются в латиноязычных странах — только в скандинавских, англосаксонских, германских. В Бельгии, где обе главные партии в определенный период своей истории одновременно приняли не прямую организацию, она все же кажется более сильной во Фландрии, чем в Валлонии: не сказалось ли здесь влияние того мощного корпоративного инстинкта, немало следов которого можно обнаружить в истории фламандцев? Не меньшую роль играет, по-видимому, и избирательная система. Так, мы видим, что отсутствие всеобщего избирательного права, тормозя развитие социалистических партий в пользу профсоюзов и кооперативов, явно способствовало воздействию последних на структуру первых. А с другой стороны, голосование по партийным спискам, быть может, закрепило в Бельгии и Австрии федеративную организацию католических партий на базе штатов и бундов, позволяя каждому из них выбирать из общего списка тех, кого они сами туда делегировали; система же одномандатных округов повсюду вынуждала эти ветви партий объединяться вокруг единственного кандидата и тем побуждала к взаимному слиянию. К сожалению, все эти объяснения остаются фрагментарными, поверхностными и довольно гипотетическими.

Продолжим наш анализ, ограничившись только социалистическими партиями. В начале века имела место довольно острая борьба между лейбористскими партиями (с не прямой структурой) и собственно социалистическими (с прямой структурой). Часто оба типа сосуществовали в рамках одной и той же страны (например, в Австралии, Новой Зеландии, Бельгии, Англии): но социалистические партии обычно кончали тем, что исчезали, уступая место лейбористским. К тому же чисто социалистические партии с прямой структурой зарождались сами по себе, а имеющиеся профсоюзы сохраняли автономность, поддерживая политические действия извне. Непрямая структура представляется здесь результатом того, что развитие профсоюзов предшествовало появлению партий; обратная ситуация, напротив, порождала прямую структуру. В конце XIX — начале XX века в некоторых странах в силу отсутствия всеобщего избирательного права (Бельгия и скандинавские государства) или особых условий избирательной борьбы (двухпартийная система в Англии) парламентское представительство пролетариата и его электоральное воздействие были совершенно невозможны, разве что на локальном уровне. Как следствие рабочее движение сперва развивалось на профессиональной почве, в форме профсоюзов или кооперативов, которые превратились в мощную и организованную силу еще до возникновения социалистических партий. Когда политическое развитие и избирательная реформа создали условия для появления социалистических партий, уже существовавшая профессиональная организация представляла для них готовую форму и вместе с тем — солидную опору; отсюда и тяготение к не прямой структуре. В этом убеждает пример Англии, где профсоюзы достигли значительной мощи к концу XIX века: в 1895 г. они насчитывали 1 500 000 членов, объединяя пятую часть всех взрослых рабочих. В это же самое время Независимая партия труда, основанная Кейр-Гарди, собирала на выборах лишь 45 000 голосов и благодаря двухпартийной системе не

имела ни одного места в парламенте. Одна только профсоюзная организация могла в этих условиях создать мощную политическую партию, способную занять место между двумя политическими гигантами — либералами и консерваторами.

В Швеции и Бельгии отсутствие всеобщего избирательного права препятствовало политическому самовыражению рабочего класса с помощью партии. И, напротив, профсоюзная и кооперативная деятельность позволяла улучшать жизненные условия рабочих. Отсюда — развитость профсоюзов в Швеции и кооперативов — в Бельгии. В обеих странах в политической борьбе за всеобщее избирательное право использовалось профсоюзное оружие: забастовка (всеобщие забастовки 1891 и 1893 г. в Бельгии; 1902 и 1908 г. — в Швеции). Социалистическая партия естественно была вынуждена складываться на базе уже имеющихся классовых организаций и принять непрямую форму. Мы говорили выше о структуре рабочей партии Бельгии, базирующейся на кооперативах; в Швеции профсоюзы в 1898 г. приняли решение относительно обязательного присоединения к социал-демократической партии, что и придало ей характер, аналогичный партии лейбористов. Однако решение о необходимости специального заявления о вступлении, принятое в 1908 г., привело к тому, что численность партии упала со 112 000 до 60 000 (система *contracting out* установилась здесь только после этого).

Во Франции, напротив, всеобщее избирательное право позволяло рабочему классу участвовать в политической жизни в то время, когда развитие профсоюзного движения сдерживалось разного рода барьерами (законодательного и иного порядка), порожденными воспоминаниями о Коммуне. Рабочая партия была создана Жюлем Гедом в 1879 г.; Всеобщая конфедерация труда — только в 1902 г.: синдикалистская структура партии была попросту невозможна, потому что ее организация предшествовала возникновению профсоюзов. Когда же профсоюз появился, он оказался перед лицом уже могущественной к тому времени социалистической партии, которую он считал слишком парламентской, слишком доктринерской и слишком «буржуазной», но с которой он не мог соперничать, разве что рискуя расколоть рабочий класс. Все это естественно ориентировало новую организацию на чисто профессиональную деятельность. В других странах, например, в Германии, партия достигла такой степени развития по сравнению с профсоюзами, что те приняли характер явно подчиненный, превратившись чуть ли не в инструмент партии. В Англии положение обратное: здесь партия выступает орудием профсоюзов. В Бельгии ситуация была почти такой же до 1945 г.: профсоюзы развивались в рамках партии как своего рода придаточный организм, а кооперативы послужили первым базовым элементом не прямой структуры.

Было бы заманчиво обобщить эти наблюдения и дать принципиальную социологическую схему: если профсоюзы и кооперативы родились раньше социалистической партии, для нее естественной была тенденция организовываться в их рамках, на базе непрямого участия; и, напротив, если партия была старше профсоюзов, она возникала классическим путем прямой структуры, а складывающиеся профсоюзы тяготели либо к автономии, либо к подчинению партии — в зависимости от ее мощи в момент их появления. Однако придавать этому выводу форму абсолютного социологического закона было бы неверно. Если же рассматривать его как выражение общей тенденции, способной при взаимодействии со многими другими факторами смягчать или подавлять их действие, он выглядит вполне приемлемым в качестве объяснительного принципа.

II. Базовые элементы

Партия — это не просто общность, но совокупность общностей, множество рассеянных по стране малых объединений (секций, комитетов, местных ассоциаций, etc.), связанных координационными институтами. Термин «базовые элементы» и означает эти исходные составные клетки партийного организма. Противоположность прямых и не прямых партий характеризует горизонтальный срез; понятие базового элемента — срез вертикальный. Каждое из корпоративных или профессиональных объединений, составляющих непрямую

партию, само представляет собой совокупность базовых элементов: профсоюзов, кооперативов, крестьянских союзов, локальных лиг средних классов и т. д.; сами по себе они не имеют политического характера, а партия сверху донизу выглядит всего лишь их агломерацией. С другой стороны, не будем смешивать базовые элементы — эти материнские клетки партии, и так называемые придаточные организмы — институты, которые тяготеют к ней, существуют, так сказать, в ее силовом поле, и созданы либо для объединения сочувствующих, либо для усиления связей со своими собственными членами (молодежные движения, женские организации, спортивные лиги, культурные учреждения и т. д.). К тому же не всегда легко установить различие между ними и профессиональными и корпоративными общностями, союз которых образует не прямые партии: профсоюзы, например, выступают то как придаточные организмы (прямой партии), то как одна из ветвей самой партии (непрямой). И только всесторонний анализ партийной структуры в каждом конкретном случае позволяет дать правильную оценку.

Базовые элементы любой партии представляют собой оригинальные структуры. Комитет французских радикал-социалистов, секция СФИО, комитеты и избирательные агенты американских партий, ячейки коммунистических партий, «фашии» итальянской фашистской партии — все эти институты коренным образом отличны друг от друга. Каждая партия имеет свою собственную структуру, которая почти не похожа на структуры других. И тем не менее можно выделить четыре крупных типа базовых элементов, к которым можно свести большую часть существующих партий: комитет, секция, ячейка и милиция⁴.

Комитет

Этот французский термин обозначает почти ту же реалию, которая в англосаксонской терминологии именуется caucus². Комитет отличается прежде всего своим закрытым характером. Он невелик по численности и не стремится ее увеличить. Он не ведет никакой пропаганды с целью привлечь пополнение. Он, кстати, вообще не занимается членами партии в настоящем смысле этого слова, ибо комитет — это ограниченная и закрытая группа; в нее не может войти всякий, кто пожелает: вернее будет сказать, что сюда проникают лишь путем своего рода негласной кооптации или формального выдвижения. Несмотря на келейный характер, комитет тем не менее может располагать большой властью. Его сила — не в количестве членов, но в их качестве. Он представляет собой объединение нотаблей [3].

Комитет функционирует на довольно большой территории, которая обычно соответствует избирательному округу. Во Франции комитеты действуют в основном в рамках округа, который был основной политической единицей во времена Третьей республики. В Америке комитеты по-прежнему играют важную роль на уровне графств, где происходят выборы на главные административные посты, занимаемые посредством spoil system [4].

Активность комитета носит циклический характер: она достигает максимума в период выборов и значительно снижается в перерывах между ними. В итоге комитеты имеют переходный характер: это не случайное объединение, созданное на одну избирательную кампанию и исчезающее вместе с ней; но все же это пока еще и не вполне постоянный институт, подобный современным партиям которые никогда не прекращают агитации и пропаганды.

Отметив эти общие черты, можно выделить несколько типов комитетов. Прежде всего, это комитеты «прямые» и «непрямые». Комитеты французских радикал-социалистов — хороший пример первого типа. Они объединяют нотаблей, избранных в силу их индивидуальных качеств, некоего ореола, которым окружена их личность. Это влиятельные коммерсанты, средние деревенские собственники, нотариусы или врачи (сельские или из небольших городков), чиновники, профессора и преподаватели, адвокаты, etc. Никто из них формально не представляет какой-либо класс или социальную группу: они никем не уполномочены, но они — личности. Их отбор не основан на сколько-нибудь определенном критерии; это результат той особого рода кооптации, которую выше мы назвали молчаливой.

Рассмотрим в противоположность этому комитет лейбористской партии в избирательном округе до введения индивидуального членства: он складывался из членов, избранных соответственно местными отделениями профессиональных союзов, профессиональных советов, социалистических обществ, кооперативных организаций и т. д. Базовый элемент лейбористской партии был образован собранием делегатов всех локальных базовых элементов каждой из общностей, объединение которых создавало партию: речь шла о комитете непрямом. Столь непохожий на комитет французских радикалов (прямого типа), он все же напоминает его в силу общих черт, которые мы только что отметили: каждый из членов лейбористского комитета тоже имеет характер нотабля, но не в силу своих выдающихся личных качеств, а благодаря определенным делегированным ему полномочиям. Эта особенность отражает переход от принципа традиционных элит, образующихся по принципу происхождения или путем естественного отбора, к принципу элит институциональных, то есть выдвинувшихся благодаря доверию организованных масс.

«Комитеты нотаблей» можно было бы противопоставить «комитетам техников», состоящим из людей, избранных отнюдь не благодаря их выдающимся человеческим качествам, а прежде всего в силу знания ими технологии выборов; таковы комитеты американских партий. Однако эти «техники» встречаются не столько в самих комитетах, сколько на уровне избирательных агентов, представляющих комитет в более узких рамках, на местах: они-то и позволяют партии охватить своим влиянием всю страну, включая самые отдаленные районы. Во Франции эти комитеты, образованные на уровне округов, стремятся располагать агентами в каждой коммуне. В США комитеты, учрежденные на уровне графств или городов, координируют деятельность агентов комитетов избирательных округов — здесь приблизительно 3000 графств и 140000 округов. Избирательных агентов не следует смешивать с добровольными пропагандистами, которые помогают комитетам во время избирательных кампаний, например, *kanvassers*⁵ в Англии: они соответствуют французскому понятию «симпатизант»⁶, которое мы далее еще уточним; все они составляют элемент самой инфраструктуры партии.

Очень важно было бы дать детальный анализ роли и положения избирательных агентов. Они редко бывают настоящими функционерами комитета, получающими от него жалование и работающими на него все время. Но не являются они и чисто добровольными помощниками, подобно симпатизантам, о которых мы говорили выше. Обычно агенты занимают промежуточное положение, получая от партии некоторое материальное вознаграждение, но сохраняя также и свою частную профессию, что дает им известную независимость. Однако в США агентов иногда целиком содержит партия, прямо или завуалированно (закрепляя за ними какой-нибудь административный пост, более или менее фиктивный, что позволяет им работать на партию). Особое место в когорте избирательных агентов занимают торговцы спиртным. Какая площадка более удобна для политической пропаганды, чем бар, таверна или паб, куда приходят отдохнуть, встряхнуться, где всегда можно найти компанию и свободно потолковать? И кто же лучше хозяина может направлять подобные дискуссии и таким образом ненавязчиво распространять нужные идеи? Немного психологии — и этот человек способен оказать немалое воздействие: партии знают, кто может привлечь к ним людей. Бистро становится Агорой [5] современных демократий...

Комитеты представляют архаический тип структуры политических партий. Они являются обычной организационной единицей партий в эпоху господства цензового избирательного права или в тот период, когда система всеобщего избирательного права еще делает свои первые шаги. Комитеты (за исключением не прямых) объединяют традиционные социальные элиты: их состав, как и их структура, несет на себе печать буржуазного и мелкобуржуазного влияния (слабость коллективной организации, преобладание индивидуалистических соображений). Говоря языком марксизма, комитеты суть типичное политическое выражение класса буржуазии. В конце XIX века в Европе можно было бы выделить (несколько схематизируя) два типа комитетов: одни, представляющие консервативные партии, включали аристократов, крупных промышленников, банкиров и

даже влиятельных духовных лиц; другие — либеральные и радикальные (во французском значении этих терминов) — состояли из коммерсантов и средних предпринимателей, функционеров, профессоров, адвокатов, журналистов, писателей.

Вообще говоря, партии цензовых режимов XIX века есть не что иное, как федерации комитетов. Преэминентность этих комитетов по отношению к избирательным комитетам предысторических партий очевидна. Стоило отойти от традиции создавать последние на каждых выборах по принципу *ad hominem*², как они пережили выборы и достигли относительного постоянства, став комитетами партий в собственном смысле слова. И не всегда легко бывает определить, где заканчиваются одни и начинаются другие.

Введение всеобщего избирательного права не повлекло за собой немедленного исчезновения системы комитетов во всех странах. Поскольку народные массы не могли создать собственных организаций (профсоюзных или политических), они действовали в прежних рамках. Комитеты же искали средства влияния на них, главным образом умножая количество избирательных агентов. Это выливалось в стремление (иногда бессознательное) навязать народным массам прежние структуры, чтобы, невзирая на всеобщее избирательное право, сохранить их пассивную роль и тем ограничить его политические следствия. Конечным итогом использования приемов, непосредственно рассчитанных на привлечение масс (например, система секций), часто оказывался упадок комитетов.

Но не это главное. Сначала система непрямых комитетов омолодила старую организацию партии и позволила ей неплохо приспособиться к новой социальной структуре. Заменяя буржуазных нотаблей, пользовавшихся привилегией происхождения или собственности, представителями рабочих, профсоюзных или кооперативных организаций, она позволила создать в рамках комитетов действительно народные, по-настоящему массовые партии, такие, как британская лейбористская, например. Нужно признать, однако, что сами эти рамки значительно изменились: различие структур старых английских консервативных или либеральных комитетов и лейбористских комитетов огромно; непрямые комитеты имеют характер, явно отличный от комитетов классического типа. Несмотря на развитие демократии, комитет всегда занимал весьма значительное место в современной структуре политических партий. Можно назвать в качестве примера правые партии в большинстве стран мира; особый случай в этом отношении — американские партии. Для первых это вполне естественно. Буржуазию, которую они представляют, всегда отпугивает регламентация и коллективное действие, которые предполагают секции и ячейки. Она стоит за признание традиционных элит, возникающих благодаря происхождению или свободной конкуренции. И естественно, что она всегда обретает свое политическое выражение в рамках комитетов. Это, кстати, одинаково характерно и для консервативной крупной, и для мелкой буржуазии — либеральной и прогрессистской в начале века, но имеющей тенденцию постепенно подстраиваться к крупной. Фактически, английские консерваторы, скандинавские либеральные и консервативные партии, французские правые и радикалы всегда были организованы на базе комитетов. Иные из них тщетно пытались освоить секции, не соответствовавшие их социальной инфраструктуре.

В обеих больших партиях США, насколько их можно сравнить с европейскими, дело обстоит точно так же. Правда, это сравнение во многих отношениях некорректно. Американские партии прежде всего — избирательные машины, которые обеспечивают выдвижение кандидатов на всякого рода предварительных выборах, официально организуемых по законам соответствующих штатов о съездах или «праймериз», и в этом смысле они представляют собой совершенно оригинальные организмы. С другой стороны, они не носят характера идеологических группировок или классовых общностей: каждая из них объединяет людей самых различных взглядов и весьма различного социального положения на всей огромной территории США. Речь идет в основном о технологических командах специалистов по завоеванию голосов и административных постов, распределяемых посредством *spoil system*. Эти технологи, кстати, зачастую взаимозаменяемы: *captains* порой ставят свою компетентность на службу соперничающей партии так же просто, как инженер

сменяет хозяина. Но все это не чуждо и европейским партиям, имеющиеся различия касаются скорее методов, нежели целей. А с другой стороны, и у американских партий мы обнаружим черты политических и парламентских приемов, характерных для их собратьев в Старом Свете: здесь нет абсолютной противоположности, сравнение в известной мере остается возможным.

Американские партии с некоторыми оговорками можно считать базирующимися на основе комитетов. Следовало бы к тому же отличать комитеты, входящие в официальную иерархию, начиная от комитетов графств, городских районов или городов — и как вплоть до Национального комитета, и комитеты официозные, негласно создаваемые боссами и машинами. Это по-прежнему небольшие группы нотаблей, личное влияние которых несопоставимо с их числом, и эти нотабли включены в машину по принципу все той же классической системы прямых комитетов. Тот факт, что эти нотабли часто принадлежат к особой породе профессиональных политиков, ничего не меняет. Таким образом, американские партии в целом имеют весьма архаичную структуру. Несмотря на развитие института избирательных агентов и технологический характер комитетов, они, тем не менее, не выходят за пределы старых политических рамок буржуазной демократии. Объяснение этого феномена заслуживало бы стать предметом особого изучения. Проблема состоит не в том, почему американские партии не заменили комитеты секциями или ячейками — как показывает опыт, сегодня во всем мире очень немногие партии трансформируют свои структуры в этом направлении: старые европейские партии остаются верны комитетам точно так же, как и их заокеанские собратья. Подлинная проблема состоит в том, чтобы объяснить: почему всеобщее избирательное право и выход масс на арену политической жизни не привели здесь к формированию левых партий современного типа? Отсутствие в Америке крупной социалистической партии объясняют отсутствием классового сознания у американского рабочего, его глубоким индивидуализмом — его, как сказал бы Ленин, «мелкобуржуазным характером». Архаичная структура американских партий кажется, таким образом, следствием принципиального консерватизма американской политики (в европейском смысле слова). Обе большие американские партии по существу расположились бы справа или в центре, следуя европейской парламентской географии; а тот факт, что они все еще основываются на комитетах, вполне соответствует общей тенденции, о которой мы говорили выше.

Секция

Уже сам термин «секция» обозначает базовый элемент, гораздо менее децентрализованный, чем комитет: секция (отделение) — не что иное, как часть целого, ее самостоятельное существование немислимо; напротив, сам термин «комитет» указывает на автономную реальность, которая может существовать изолированно. На практике видно, что партии, основанные на секциях, более централизованны, чем те, базовым элементом которых является комитет. Но глубокой оригинальностью отмечен не только способ интеграции секций в единое целое, но и сама их структура. В этом смысле можно было бы дать определение секции, просто черта за чертой противопоставляя ее комитету. Характерная особенность комитета — келейность, секции — широта охвата: она стремится привлечь сторонников, умножить их число, увеличить свой состав; секция не пренебрегает качеством, но количество заботит ее прежде всего. Комитет представляет собой закрытую группу, куда входят только путем кооптации или делегирования — секция широко открыта. Практически, чтобы в нее войти, достаточно этого пожелать. Разумеется, большинство партий устанавливает правила приема, определяет условия вступления, как мы это далее увидим; но эти правила в основном существуют теоретически, по крайней мере при системе секций (это меньше касается системы ячеек). Комитет объединяет только нотаблей, выдвинувшихся в силу их влиятельности — секция обращает свой призыв к массам.

Секция ищет путей контакта с массами, вот почему ее территориальная база часто более ограничена, чем у комитета. Во Франции, например, комитеты чаще всего функционируют на уровне округа; секции учреждаются в рамках коммуны. В больших городах они имеют тенденцию разрастаться даже за счет кварталов. Некоторые партии (но не все) допускают в секциях и более мелкие подразделения, что позволяет надежнее охватывать членов партии: это «блоки» и «дома» немецкой и австрийской социалистических партий, «группы» французской социалистической партии. Однако можно отметить некоторое недоверие к слишком мелким подразделениям, порождающим соперничество и анархию: так, устав французской социалистической партии, унифицированный в 1905 г., утверждал примат секции над группой, лишая последнюю всякой автономии с целью противодействовать раздорам между группками, которые так ослабляли прежние социалистические партии. Наконец, постоянство секций противостоит периодичности деятельности комитета. За исключением выборной кампании, комитет пребывает в состоянии спячки, его собрания эпизодичны и малопродуктивны. И напротив, активность секций, исключительно высокая в период выборов, остается значительной и регулярной и в интервале между ними. Секции социалистов собираются раз в месяц или даже каждые 15 дней. И сами их собрания носят иной, чем у комитетов, характер: речь идет не только об избирательной тактике, но и о политическом воспитании. Партийные ораторы приходят сюда для обсуждения с членами секций самых различных проблем; за докладом обычно следует дискуссия. Конечно, как показывает опыт, эти дискуссии имеют обыкновение уклоняться в сторону незначительных местных и избирательных вопросов; но партии обычно прилагают достойные усилия, чтобы противодействовать этому и отводить основное время дебатам о доктрине и темам, вызывающим общий интерес.

Поскольку секция представляет собой более многочисленную группу, чем комитет, она обладает и более совершенной внутренней организацией. В комитете иерархия весьма элементарна: обычно там обозначена личная роль шефа — и только. Эта роль иногда оказывается решающей: в США комитет — зачастую всего лишь окружение босса. Иногда есть функции и официальные титулы: председатель, вице-председатель, казначей, секретарь, архивист. Но речь вовсе не идет о строгом распределении обязанностей; это скорее почетные знаки отличия (титул председателя пользуется особым престижем). В секции же иерархия более определена и распределение обязанностей более четкое. Имеется бюро, организованное для руководства объединением членов; под этим понимается, как минимум, секретарь, обеспечивающий созыв и определение повестки дня, и казначей, который ведает сбором членских взносов. Бюро регулярно обновляется с помощью выборов, как мы далее увидим.

Секции — это изобретение социалистов. Создававшиеся с чисто политическими целями и на основе прямой структуры, социалистические партии естественно избрали ее в качестве базового элемента своей деятельности. Некоторые непрямые социалистические партии также приняли ее: например в Бельгии инициативная группа Рабочей партии была сперва местной рабочей Лигой, объединившей членов профсоюза, страховых касс, кооператоров; многие из них входили одновременно в несколько организаций. Это умеренный вариант непрямой структуры, он близок к прямой партии, располагающей множеством придаточных организмов, призванных усилить охват приверженцев. Выбор секции для социалистических партий стал совершенно естественным. Ведь они были первыми, кто преследовал цель организовать массы, воспитать их в политическом отношении и выделить из их среды новые — народные — элиты. Секции соответствовали всем трем этим требованиям. По отношению к комитету — органу политического самовыражения буржуазии — они возникли как естественная форма политического самовыражения масс. Однако и в массе отнюдь не все принимали идею социализма, и различные буржуазные партии попытались привлечь этот контингент к себе, действуя теми же самыми методами, которые принесли успех рабочим партиям. Во многих странах партии центра и даже правые именно таким образом трансформировали свою структуру, заменив

комитеты секциями в качестве базового элемента. Почти все новые партии, а равно и многие старью, последовали этой тактике — интересный пример заимствования структур.

Однако результаты такого заимствования ограничены. В большинстве консервативных и центристских партий, принявших систему секций, последняя существовала больше в теории, чем на практике. Периодичность сборов, как правило, была низкой (общее собрание один раз в год, по уставу христианско-социалистической партии Бельгии, например; в то же время из 677 секций, существовавших в Валлонии в 1948 г., 233 собирались даже не каждый месяц)¹. Регистрация членов и регулярность уплаты взносов никак не контролировались: так что кроме бюро и небольшого ядра активистов, никто точно не знал, что же делает остальная часть секции. Это ядро нередко значительно сокращалось, так как отсутствие на собрании строго каралось (существовала целая шкала наказаний); фактически собрания секций иногда не очень-то отличаются от заседаний комитета, если говорить о количестве присутствующих. Настоящий базовый элемент партии — это по существу бюро секции, которое регулярно собирается и обеспечивает повседневное функционирование партии. Так называемое бюро — не что иное, как комитет несколько специфического типа, а под видом секции вообще продолжает здравствовать чуть изменивший свою форму, несколько омолодившийся добрый старый комитет. Руководители партий обычно сетуют на такое положение дел, вместе с тем осознавая, что оно неизбежно, поскольку связано с социальной инфраструктурой данного образования. Буржуазия — будь то мелкая, средняя или крупная — мало ценит коллективное действие, зато считает вполне удовлетворительной (кстати совершенно напрасно) свою политическую просвещенность и не видит необходимости в знаниях, которые можно почерпнуть на собраниях секции; в самой этой среде с трудом можно найти преданных делу руководителей, которые могли бы сделать собрания интересными; ее нравы и привычки доставляют ей совсем иные развлечения, чем эти маленькие политические кружки, столь ценимые рабочим классом; у нее есть другие способы утвердить свою социальную значимость, и она всегда сохраняет известное пренебрежение к политике, тогда как народные массы, напротив, видят в ней средство восхождения. Мотивы иного рода порождают подобные же настроения и в среде крестьян, так что система секций соответствует в основном менталитету рабочих. Все это хорошо известно, соответствующие положения социальной психологии стали уже общим местом — варьируются лишь проявления в зависимости от страны, расы, традиций. Но печать общей ориентации обнаруживается, кажется, повсеместно.

Тем не менее заимствование системы секций консервативными и центристскими партиями представляет значительный социологический интерес. Если ее берут на вооружение исключительно из соображений повышения эффективности политического действия, которое она обещает, и расчета на то, что таким путем можно будет привлечь в свои ряды более или менее значительную часть рабочего класса, это означает, что самым глубоким мотивом такого заимствования оказывается желание демократизировать партию, придать ей структуру, более созвучную политическим доктринам времени. Комитет — структура, без сомнения, недемократичная (кроме не прямой его формы, которая и ныне продолжает оставаться исключением): эта малая закрытая группа, состоящая из нотаблей, наполовину кооптированных, носит явно олигархический характер. И напротив: всем открытая секция, руководители которой избраны ее членами (по крайней мере, теоретически), соответствует требованиям политической демократии. Таким образом, секция представляет собой легитимную — в социологическом смысле термина — структуру партии: институт, который отвечает господствующим доктринам эпохи, наиболее распространенным верованиям и представлениям о природе и форме власти, безусловно легитимен. Заимствование секции консервативными партиями имеет тот же смысл, что и принятие всеобщего избирательного права и парламентского режима непросвещенными и феодальными нациями: жертвоприношение идеям века, дань, которую порок платит добродетели (если считать добродетелью ортодоксию, а пороком — инакомыслие). Большого практического значения оно не имело, ибо недостаточно одних доктрин, чтобы гарантировать

функционирование институтов, если последние не приспособлены к социальной инфраструктуре, которая их поддерживает.

За исключением социалистов, одни только католические партии и партии фашистского толка смогли заставить секцию реально жить, как это подтверждает наш предшествующий анализ. Средний класс в силу самой своей природы психологически отторгает такую организацию, как секция, — но он вынужден был сделать этот политический выбор. Католиков подтолкнула к нему религиозная вера, фашистов — мистика национализма. Эти два типа партий, кстати сказать, уже в силу самого характера их доктрин выходят далеко за границы классов, и обычно им удается привлечь в свои ряды более или менее значительные массы рабочих. Дальнейшие исследования, без сомнения, показали бы, что секции с преобладанием в них рабочих функционируют лучше, чем те, где большинство составляют буржуа или крестьяне. Анализ истории социалистических партий, вероятно, подтвердил бы эти предположения. Ныне там заметна прогрессирующая деградация системы секций, которая идет рука об руку с их прогрессирующим обуржуазиванием. Было бы интересно подготовить серию монографий по истории социалистической секции — от ее возникновения и до наших дней (к сожалению, архивы редко сохранены и еще реже отличаются полнотой). Можно было бы с уверенностью констатировать, что активность секции сегодня значительно ниже, чем в «героический» период 1900–1914 гг. Это снижение энергии, вероятно, соответствует эволюции социальной структуры секции: ведь она постепенно утрачивала свой чисто рабочий характер. Сейчас в большинстве социалистических партий «пролетарские» секции выглядят гораздо более жизнеспособными, чем секции «буржуазные» или смешанные.

Ячейка

Две главные черты отличают ячейку от секции: база объединения и количественный состав. Как и комитет, секция строится на местной основе, несколько более узкой, правда, но всегда географически определенной. Ячейка же формируется по профессиональному принципу: она объединяет членов партии по месту работы. Так, различают ячейки заводов, мастерских, магазинов, бюро, администрации. Место жительства членов ячейки не имеет значения: в больших городах, где много предприятий, использующих живущих в предместьях рабочих, члены одной и той же ячейки могут дать по этому признаку достаточно большой разброс. Особенно это характерно для ячеек, складывающихся в каких-либо особых обстоятельствах: например, «бортовые ячейки», которые объединяют моряков одного судна. В то же время наряду с производственными в силу необходимости существуют и локальные ячейки. Это либо объединение изолированных рабочих (в коммунистических партиях нужны всего три члена партии на предприятии, чтобы учредить ячейку), либо группы членов партии, которые работают индивидуально: ремесленники, врачи, адвокаты, коммерсанты и промышленники, фермеры. Такие ячейки в силу своей определенной географической привязки сходны с секциями. Но их база гораздо уже: это не коммуны, а деревни и поселки, кварталы, улицы, жилые дома (в городах с большим скоплением населения). Но подобного рода ячейки всегда носят вспомогательный характер: настоящая ячейка — это ячейка производственная, объединяющая членов партии по месту работы.

Количественно ячейка гораздо меньше секции. В среднем населенном пункте численность секции обычно превышает сотню членов, но нередко в ней насчитывается несколько сот и даже тысяч членов. Ячейка же никогда не должна достигать сотни: «Мы не без удивления обнаружили, что некоторые наши ячейки превышают сотню членов; излишне доказывать, что в таких ячейках невозможно успешное действие», — говорил Леон Мовэ в своем докладе по организационным проблемам на съезде Коммунистической партии Франции в 1945 г. И несколько далее уточнил: «У нас есть ячейки в 15–20 человек, которые делают втрое больше, чем те, где 50–60»². Таким образом, оптимальная численность ячейки — 15–20 членов. В то же время устав компартии не фиксирует никакого определенного

потолка, и дело не только в количестве членов, но и в необходимости дополнительного подбора руководителей. Чтобы разделить слишком большую ячейку, нужно найти еще одного секретаря, способного выполнять свои функции. Г-н Леон Мовэ очень хорошо разъяснил это, заявив в том же докладе: «Как только сложились условия, чтобы создать два руководства, нужно децентрализовать (то есть разделить) слишком разбухшие ячейки».

Сама природа и размеры ячейки обеспечивают ей гораздо большую — по сравнению с секцией — власть над ее членами. Речь идет, прежде всего, о группе абсолютно стабильной, поскольку она образуется прямо на месте работы, где ежедневно встречаются члены партии. Даже помимо собственно собраний контакт их постоянен. На входе и выходе с предприятия секретарь может легко распространить пароль, распределить поручения, проконтролировать деятельность каждого. Активность ячейки обратно пропорциональна ее средней численности: в секциях, состоящих из сотен людей, руководители не могут лично знать каждого, а тем более поддерживать Прямой контакт со всеми. В ячейке же в 15–20 человек это не представляет особых трудностей. Сказывается и то, что члены ячейки хорошо знают друг друга и партийная солидарность здесь сильнее.

Профессиональный принцип предпочтительнее еще и потому, что создает конкретную и непосредственную базу для работы: проблемы предприятия, условия труда, оплаты — превосходный отправной пункт для солидного политического воспитания. Конечно, здесь таится и некоторая опасность: ячейка может целиком погрязнуть в профессиональных заботах и забыть вопросы чисто политические это значит, что она выполняла бы обычную работу профсоюза. Такой «экономический» уклон представляет постоянное искушение: читая организационные отчеты съездам компартии, видишь, как много требуется усилий, чтобы помешать ячейкам впасть в этот соблазн. Но в той мере, в какой удастся избежать данной опасности, какая же замечательная база создается для политического воспитания масс! Главная трудность здесь — неминуемое расхождение между принципами и их повседневным воплощением. Если нести в народные массы глобальные идеи, даже самые привлекательные, но не уметь показать их непосредственные жизненные следствия, массы быстро разочаруются. Для них политика — не роскошь, как для большинства буржуа, которые любят идеи ради идей, особенно в латиноязычных странах. Но локальное объединение типа секции мало благоприятствует слиянию принципов и повседневных результатов: глобальная политика напрямую слабо связана с устройством канализации, ремонтом проселочных дорог или урегулированием личных неурядиц. Зато она имеет самую тесную связь с ростом зарплаты, стабильностью занятости, условиями труда, организацией предприятия. Эта связь становится еще более тесной, когда партия исповедует марксистскую доктрину, согласно которой политика есть лишь надстройка над экономикой. А если партия прилагает постоянные усилия, чтобы связать каждое отдельное требование с общими принципами, каждую специфическую проблему — со всем комплексом своей политики, чтобы найти в рамках своей доктрины место для любого частного вопроса, она даст своим членам закалку такой прочности, которой нет равных; она будет иметь над ними совершенно исключительную власть.

Разумеется, пределы нашего анализа ограничены. Он верен главным образом для рабочих партий; в других ячейка скорее ослабит политическое воспитание и привязанность к организации; во всяком случае, она их не усилит. В рабочем менталитете (по крайней мере в Европе) условия труда и профессиональной деятельности принято считать результатом коллективной активности, политической по своей природе — ведь реально их улучшение достигалось именно путем коллективного, обычно политического действия. Буржуазия же, средние классы, крестьянство, напротив, склонны считать работу и профессиональную жизнь частным делом, поскольку для них успех, продвижение вверх связаны, главным образом, с индивидуальными, личными усилиями (американские рабочие, кстати, разделяют эту точку зрения); экономическое развитие, которое явно толкает к «дирижизму» [6], не изменило сколько-нибудь заметно этих настроений — именно поэтому средние классы и крестьянство и не приемлют дирижизма. Для самих рабочих партий проблемы труда — не единственная

база политической жизни. В игре участвуют и многие другие факторы, и особенно — страсти, мистика веры. Как бы то ни было, принцип ячейки остается очень устойчивым, тем более что он позволяет (например, при помощи политической забастовки, организованной либо непосредственно партийной ячейкой, либо под прикрытием профсоюза) перевести на уровень предприятия политические проблемы, внешне весьма далекие от производственной жизни.

Наконец, отметим, что ячейка идеально подходит для подпольной деятельности. Секция к ней мало пригодна, так как здесь тайное действие сталкивается с неразрешимыми трудностями: возьмите, к примеру, оповещение каждого члена или назначение места сбора. В ячейках эти трудности легко преодолимы: ее члены встречаются каждый день на месте работы, им очень просто контактировать в любой момент, и почти никогда нет необходимости собираться всей группой. Можно без труда передать пароль, провести короткие тайные совещания при входе и выходе с предприятия — достаточно только увеличить количество ячеек, уменьшив численность каждой. Эта приспособленность ячейки к подпольной работе совершенно естественна, ибо она была создана именно для такого рода деятельности. Ячейки существовали, например, на русских заводах до 1917 г. — маленькие кружки, преследуемые полицией, которые ценой огромного риска вели революционную пропаганду. Вместе с тайными кружками интеллектуалов именно они составили фундамент русской социал-демократической партии. Когда фракция большевиков пришла к власти и была преобразована в коммунистическую партию, она сохранила ячейку, которая представляла собой превосходную базу для организации и воспитания пролетариата.

Секции были детищем социалистов, ячейки — изобретением коммунистов. Точнее, они были изобретением партии русских коммунистов, которое III Интернационал навязал затем всем коммунистическим партиям мира резолюцией от 21 января 1924 г.: «Центр тяжести политической организационной работы должен быть перенесен в ячейки». Эта установка осуществлялась не без труда. Особенно во Франции, где коммунистическая партия, образовавшаяся в 1920 г. путем раскола и выхода из социалистической, сохранила ее организационный принцип, то есть секцию, и где рядовые коммунисты оказывали новой системе известное сопротивление. Нужно напомнить, что разделение существующих секций, перегруппировка их членов в рамках предприятий, подбор значительного числа ответственных за вновь возникшие организмы поставили новую партию перед большими проблемами, которые трудно было решить без ошибок в деталях. Положение усугублялось еще и стремительностью преобразований (их предписывалось закончить в апреле 1925 г.). Интересные соображения по этому поводу можно найти в докладе Мориса Тореза Лилльскому съезду ФКП (1926).

В отличие от секции, ячейка не стала объектом подражания, тем более подражания успешного. Большинство несоциалистических партий сложились, возникли, организовавшись на базе секций, — одни только коммунистические создавались на основе ячеек (нужно, правда, отметить развитие ячеек в некоторых фашистских партиях; см. далее) Этот феномен стоит прокомментировать. Понятно, что «буржуазные» партии плохо вписываются в организационные рамки производственной ячейки: на их базе невозможно сгруппировать коммерсантов, промышленников, врачей, сельских собственников. Ячейки могут объединять только служащих, чиновников, инженеров, но они всегда составляют лишь очень малую часть всей партии. Однако этот аргумент не объясняет, почему бы социалистическим партиям не принять на вооружение структуру, более эффективную в организационном отношении, чем секция? Решающей причиной, несомненно, выступает сопротивление профсоюзов: они увидели в производственной ячейке опасного соперника. В непрямых социалистических партиях вопрос о них даже не мог быть поставлен. А в других он получил бы отрицательный ответ в силу их фактической связанности с профсоюзным движением. Напомним, что в 30-е годы, когда ячейка как раз начала ярко проявлять свою эффективность, социалисты почти во всех странах имели поддержку большинства членов крупных профсоюзных центров. Для коммунистов профсоюзы были осаждаемой крепостью,

в борьбе против которой ячейки служили хорошим оружием. Для социалистов же профсоюзы выступали оборонительным сооружением: они желали бы только устранить все то, что грозило их ослабить.

С другой стороны, значительную роль сыграли, конечно, настроения коммунистов. Сопrotивление реорганизации коммунистической партии в 1924–1925 гг., по-видимому, доказывает, что массы предпочитали старый принцип секций новой системе. Здесь, очевидно, нужно принять в расчет власть устоявшихся привычек и приверженность традициям. Однако сопротивление ячейкам было куда более сильным, чем обычное неприятие новшеств. Сегодня, когда эта система существует в коммунистических партиях уже 25 лет, среди их членов отмечается тенденция к предпочтению локальных ячеек производственным. На последних съездах партии во Франции, особенно в 1950 г., этот феномен неоднократно подчеркивался, и руководители компартии упорно настаивали на фундаментальном характере производственной ячейки. «Это вопрос величайшего политического значения, он касается самой концепции нашей партии», — подчеркнул Морис Торез⁴. А. Лекёр в своем организационном докладе связал это охлаждение к производственным ячейкам с ложной ориентацией тех из них, которые замыкаются в чисто профессиональных требованиях и принижают политические проблемы. И все же напрашивается вопрос: так ли уж удовлетворительно это объяснение, и действительно ли предпочтение локальных объединений, то есть секций, не имеет более глубоких причин? Что работа секций (или локальных ячеек) менее эффективна, это несомненно. Но ведь многие примыкают к партии не только из-за работы: они ищут в ней отвлечения от повседневных забот, расширения своего горизонта, — «дивертисмента»⁸, как сказал бы Паскаль. С этой точки зрения собрания секций с их более широкими рамками, возможностью встреч с людьми из другой среды, докладами, дискуссиями, да и просто «говорильней» на местные темы обладают куда большей привлекательностью, чем собрания ячеек. Система ячеек может сложиться и поддерживаться только за счет постоянных усилий из центра. На такое усилие способна компартия, где власть руководства огромна; оно не по силам социалистическим партиям, более децентрализованным и менее дисциплинированным.

Говорят, что система секций закономерна для партии, которая организует народные массы, что она естественна — в отличие от искусственной, то есть требующей для своего поддержания постоянного напряжения, системы ячеек. Не стоило бы преувеличивать ни этой противоположности, ни трудностей выживания партий на производственной базе. Жизнеспособность ее французская компартия, может быть, особо подчеркнула сегодня тем фактом, что самый могущественный профсоюзный центр Франции ВКТ (Всеобщая конфедерация труда) напрямую подчинен ФКП. Когда главные профсоюзы идут за социалистами, коммунистическая ячейка имеет четкую основную задачу: война против них, выдвижение более высоких требований в борьбе за жизненные права трудящихся, — словом, подрыв профсоюзов изнутри. И наоборот, когда профсоюзы идут в фарватере компартии, возникает опасность дублирования их деятельности в работе ячейки. Вместе с тем заметно, что значение производственных ячеек ощутимо снизилось в ФКП в 1945 г. по сравнению с предвоенным периодом (см. табл. 2 и 3). Этот феномен отчасти объясняется изменением социальной структуры, нарушением ее пропорций за счет большего притока представителей средних классов и крестьянства по сравнению с рабочим классом (см. табл. 4). Но это не единственная причина: в 1944 г. численность производственных ячеек была ниже, чем в 1937, в то время как численность рабочих-коммунистов увеличилась. После 1946 г. доля рабочих в партии как будто возросла, тогда как число ячеек на предприятиях снизилось. Доклад, представленный А. Лекёром съезду ФКП в 1950 г., не содержит общих цифр, но там приводятся несколько характерных фактов, по поводу которых он замечает: «Речь идет не об отдельных случаях, а о примерах, которые вписываются в общую тенденцию»⁵. Таким образом, сохранение в силе положения о производственной ячейке в качестве базового элемента партии, по-видимому, сталкивается с известными трудностями, которые

руководители партии стремятся преодолеть, поскольку они считают эту систему более эффективной по сравнению с секционной.

По отношению к рабочим партиям это, конечно, обоснованно. Секция организует людей, если так можно выразиться, небрежно, поверхностно, от случая к случаю. Ячейка же, напротив, в силу своих параметров и стабильности обеспечивает регулярный, тесный, основательный охват. Что работа в ячейке отталкивает многих сторонников партии, которые предпочитают ей «говорильню» секций, — это несомненно; но это как раз наименее зрелые, наименее искренние и наименее надежные ее члены. Другие же, напротив, видят в ячейке точный и надежный инструмент оперативного действия, и в то же время — своего рода центр воспитания. Производственный принцип, несомненно, составляет один из элементов силы коммунистической партии. Но нельзя не отметить, что это имеет своей оборотной стороной известное смещение центра политической деятельности. Комитет по самой своей сущности — организм электоральный и парламентский, средство для завоевания избирателей и давления на избранных: он позволяет организовать выборы и наладить контакт граждан с их депутатом. В секции эти качества уже ощутимо ослаблены. Ее собрания дают возможность просвещения членов партии; она ставит задачу не только добиваться успехов на выборах, но и давать своим членам политическое воспитание, и таким образом формирует элиту, непосредственно вышедшую из народа и способную действовать от его имени. Но при всем том электоральные и парламентские функции и здесь остаются преобладающими. В ячейке же они, напротив, становятся совершенно второстепенными. И по своим рамкам, и по своим масштабам ячейка — это инструмент, не приспособленный для избирательной борьбы: она не совпадает с округом или какой-либо частью округа; она задумана для действия внутри предприятия, но не для участия в политическом волеизъявлении. Конечно, ячейки можно использовать в агитационной работе во время избирательных компаний, но довольно сложным и окольным путем: они должны направляться какими-то другими органами.

Выбор ячейки в качестве организационной основы партии влечет за собой глубокую эволюцию самого понятия политической партии. Орган, предназначенный для завоевания голосов, связи с избранными, поддержания контакта между ними и избирателями превращается в инструмент агитации, пропаганды, организации масс и возможно — подпольного действия, для которого выборы и парламентские дебаты всего лишь одно из многих средств борьбы, и притом средство второстепенное. Не будет излишним подчеркнуть смысл подобной трансформации: она означает разрыв с существующим политическим режимом и органами, которые он создал для обеспечения своего функционирования. Становление всеобщего избирательного права и парламентской демократии породило политические партии; но эволюция этих партий придала некоторым из них структуру, способную устранить и выборы, и сам парламент. Система ячеек — только начальный элемент данного феномена: он включает и куда более серьезные.

Милиция

Разрыв с электоральным и парламентским действием еще более очевиден у тех политических партий, которые взяли в качестве базового элемента милицию — род внутренней армии, члены которой организованы по-военному, подчинены той же дисциплине и получают ту же подготовку, что и солдаты. Они одеты в униформу со знаками различия, умеют, как солдаты, маршировать под музыку и со знаменами впереди; они способны повергнуть противника и оружием, и средствами психического давления. Но члены этих отрядов остаются гражданскими лицами; за некоторым исключением, они не мобилизованы и не находятся на содержании организации, их просто вызывают на сборы и регулярные тренировки. Они должны быть всегда готовы предоставить себя в распоряжение своих вождей. Среди них обычно выделяют две категории: одни составляют подобие активной армии, а другие — только резерв. Например, в СА, гитлеровских штурмовых отрядах, активная категория созывалась три-четыре раза в неделю и почти каждое воскресенье для

пропагандистских маршей или охраны политических собраний; милиционеры старше 35 лет или те, кого отвлекали профессиональные обязанности, были сгруппированы в отдельные части и несли менее обременительные повинности. Точно так же в организации итальянских боевых фаший, созданной в 1921 г., различались активные элементы *principii* и *triari* — нечто вроде территориальных подразделений, предназначенных для второстепенных целей.

Военный характер милиции обнаруживается не только в ее составе, но и в ее структуре. Она основана на небольших базовых группах, которые агломерируются в пирамиды и образуют все более крупные соединения. В национал-социалистских СА исходным элементом была команда (*schar*), включающая от 4 до 12 человек; объединение от 3 до 6 команд составляло взвод (*trupp*), 4 взвода — рота (*sturm*); две роты — батальон (*sturmbaum*); от 3 до 5 батальонов — полк (*standarte*), личный состав которого достигал от 1000 до 3000 человек; 3 полка составляли бригаду (*untergruppe*); от 4 до 7 бригад — дивизион (*gruppe*); каждый дивизион соответственно относился к одной из 21 германских земель. В основе союза ветеранов Гот Фронт, милиции Германской коммунистической партии (распущенной в 1921 г. и позже восстановленной в виде Лиги антифашистской борьбы), были группы по 8 (позже по 5) человек, живущих в одном квартале, по возможности — в соседних домах, чтобы в случае необходимости их было легче собрать. Четыре группы составляли секцию (*abteilung*), а три секции — товарищество (*Katardschafts*). Фашистская организация Муссолини копировала тот же самый образец; базовой единицей выступали боевые команды (*squadri di combattimento*), сгруппированные в отделения, центурии, когорты и легионы — терминология заимствовалась из римской истории.

Никакая политическая партия никогда не строилась на основе одной только милиции. Наряду с отрядами СА в немецкой национал-социалистической партии были и производственные ячейки, и секции классического типа; так же обстояло дело и в итальянской фашистской партии, даже в период сквадризма — всесия и погромных акций фашистских боевых команд, а тем более — в коммунистической партии Веймарской республики, где рот-фронтская милиция играла роль охраны. С другой стороны, почти все партии вынуждены были обзаводиться чем-то вроде милиции, если они хотели поддержать порядок на своих публичных собраниях и защитить ораторов и участников. Это не мешает рассматривать милицию как фундаментальный базовый элемент некоторых партий, тогда как в других она играет второстепенную и неопределенную роль. Вообще редко бывает, чтобы партия основывалась исключительно на каком-то одном из четырех вышеупомянутых базовых элементов — кроме, может быть, старых партий XIX века, опиравшихся на комитеты. Партии, состоящие из секций, обычно имеют и коммуны, где секции пока еще не созданы, связанных с окружным комитетом индивидуальных корреспондентов; это очень напоминает избирательных агентов партий, базирующихся на комитетах (в качестве примера: в Валлонии христианско-социальная партия в 1948 г. располагала 677 местными секциями, а там, где их не было, имела еще 1847 корреспондентов). Партии на базе ячеек обязательно организуют очень похожие на секции локальные ячейки, чтобы объединить своих сторонников, которых нельзя сгруппировать в рамках предприятия. Точно так же и партия на базе милиции может иметь в своем составе сеть секций и ячеек, не утрачивая оригинальности. Организационное различие партий, базирующихся на комитетах, секциях, ячейках или милиции, разумеется, существенно связано со спецификой их основного структурного элемента, но это не означает, что он абсолютно исключает все другие. Не обязательно даже, чтобы этот элемент объединял большинство членов партии. В компартии Франции производственные ячейки по числу членов уступают локальным; в национал-социалистической партии Германии численность СА никогда не превышала, кажется, даже трети всего состава партии (в 1922 г. — 6000 членов СА из 15.000; в 1929 — 60.000 из 175.000; в 1932 — 350.000 из 1.200.000)⁶. И тем не менее производственная ячейка остается базовым структурным элементом компартии, а милиция играет ту же роль в партии наци. Каждый из них соответственно задает партии ее общую ориентацию, тактику, создает ее своеобразие, ее стиль.

Как ячейка — изобретение коммунистов, так и милиция — детище фашистов. Она соответствует прежде всего фашистской доктрине — этой смеси Сореля [7], де Моррасса [8] и Парето⁹, которая утверждает господство элит, активных меньшинств и необходимость насилия для завоевания и сохранения ими власти. Милиция организует эти меньшинства и дает им средства насильственного действия. Она обусловлена также социальной природой фашизма — инструмента буржуазии и средних классов, призванного предотвратить господство народных масс, противопоставляя их мощи силу оружия. Она в то же время объясняется историческим контекстом фашизма: посреди хаоса и анархии Италии 1920 г. фашии, заняв место несостоятельного правительства, устанавливают порядок — насильственный и примитивный, но скорый и зримый. Точно так же отряды СА, пробудив в веймарской Германии — побежденной, но отнюдь не утратившей милитаристского духа — надежду на возрождение армии, довольно быстро отняли господство над «улицей» у коммунистических и социалистических митингов.

Ясно, что милиция еще более далека от избирательной и парламентской деятельности, чем ячейка. И еще очевиднее, что она представляет собой не орудие организации, а средство разрушения демократического режима правда, может быть, менее эффективное, чем ячейка. Фашистские сквадры в результате похода на Рим привели к власти Муссолини; нацистская милиция была в этом опорой для Гитлера, позволив ему разыграть сценарий пожара Рейхстага и последующего роспуска коммунистической партии, что обеспечило нацистам парламентское большинство безо всякого народного выступления. Кроме того, партии-милиции вовсе не пренебрегают парламентскими выборами на этапе борьбы за власть, как партии-ячейки: Гитлер свирепо реагировал на попытки Рэма¹⁰, а Муссолини — на эксцессы сквадризма¹¹. И тот, и другой участвуют в выборах, организуют интенсивную предвыборную пропаганду, плетут сложные парламентские интриги. Но это лишь один из аспектов их деятельности, и отнюдь не главный. Они использовали электоральный и парламентский механизмы главным образом для того, чтобы их разрушить, а не для действия в их рамках. Партии-ячейки делают то же самое.

Уместно поставить вопрос: а не свойственна ли этим двум структурам тенденция к взаимопроникновению и дополнению друг друга? Любопытно при этом отметить, что партии, в принципе базировавшиеся на милиции, весьма интересовались и ячейками, стараясь дать им достойное место в своей структуре. Производственные ячейки были достаточно развиты в национал-социалистической партии; в так называемом первом организационном отделе, стоявшем во главе партии, одно из трех основных подразделений (под руководством В. Шумана) ведало именно производственными ячейками⁷. Если итальянская фашистская партия накануне взятия власти и не имела ячеек в своем составе, то лишь потому, что их еще не было и европейских партиях вообще (известно, что все коммунистические партии, за исключением русской, признали их лишь в 1924 г.) Но мелкие фашистские партии, которые действовали в различных европейских странах накануне войны 1939 г., добивались — хотя и не без труда — создания их у себя. А с другой стороны, партии на базе ячеек были единственными (кроме, конечно, фашистских), кто иногда (хотя бы на время) создавал вокруг себя широко разветвленную сеть вооруженных отрядов. Разумеется, немало и других партий использовали милицию: немецкие социал-демократы имели «Знамя борьбы», австрийские социал-демократы — свою рабочую милицию; даже в Бельгии рабочая партия создала вооруженные молодежные отряды в 1920 г. Но эти попытки никогда не получали достаточного развития. Единственной немецкой политической партией (кроме наци), которая в противовес гитлеровским СА учредила сильную милицию, была коммунистическая. Еще более показательное развитие коммунистической милиции в 1945 г. в Европе: из многих партий, которые сражались в рядах Сопротивления и боролись с врагом, только коммунисты еще при оккупантах добились создания самостоятельной военной организации, с тем чтобы после Освобождения превратить ее в ядро мощной народной милиции. Известно, какую роль сыграли подобные формирования в некоторых восточноевропейских странах, особенно в Чехословакии.

Эту тенденцию — одновременно использовать милицию и ячейку — можно было бы объяснить тем, что оба эти типа партии далеки от электоральных и парламентских методов: партия-ячейка безо всяких колебаний использовала милицию — и наоборот. А если пойти дальше, то нужно, вероятно, констатировать структурное родство двух систем: небольшие размеры базовых групп, тесный характер общения их членов, регулярность действия. Не обеспечивает ли ячейка некоего рода «гражданскую мобилизацию» своих сторонников, подобно тому как милиция — мобилизацию военную? Во всяком случае типы связей, которые сочленяют в единый организм эти малые группы — отряды и ячейки, в целом представляют собой явление одного и того же порядка.

III. Способы интеграции базовых элементов в единую структуру

Как же связаны между собой эти малые базовые общности — комитеты, секции, ячейки, милиции, агломерация которых и образует партию? Эта проблема общего строения партий на первый взгляд — чисто техническая, а стало быть, второстепенная, но на самом деле по сущности своей политическая и первостепенная, так как способ связи и отношений между элементарными группами партии самым серьезным образом воздействует на ее членов, доктринальное единство, эффективность ее деятельности и даже на методы и принципы этой деятельности.

Как правило, общая структура политических организаций имеет тенденцию воспроизводить административную структуру государства: объединение базовых элементов принимает вид многоступенчатой пирамиды, совпадающей с официальным территориальным делением. Одна из этих ступеней обычно имеет доминирующий характер: она соответствует главной административной единице. Во Франции ячейки и секции объединяются в федерации департаментов, организации округов и кантонов носят второстепенный и подчиненный характер. В Бельгии все основано на округе, кантональные и провинциальные комитеты обладают гораздо меньшим значением. В Нидерландах это уезд, в Швейцарии — кантон и т. д. Однако в некоторых партиях обнаруживается тенденция к разрыву с административными рамками: ФКП давно использует «район» и «регион» — единицы чисто партийные, не имеющие административного аналога; ярко выраженное своеобразие было характерно для различных структурных уровней итальянской фашистской милиции; немецкие социал-демократические уезды не совпадают с границами земель (табл. 7), etc. Тенденция придавать одной из структурных ступеней доминирующее значение тоже не всеобща: есть партии, которые попросту множат базовые единицы, придавая им равное значение на всех уровнях. Такая структура имеет существенное влияние на степень централизации партии.

Слабая и сильная структура

Сравним партию французских радикал-социалистов¹² и христианско-социальную партию Бельгии¹³, каждая из которых являет собой репрезентативный тип определенной организации партий. Структура первой весьма слабая. Партия состоит в основном из комитетов, федераций и газет, коллективно в нее принятых. По общему правилу, только департаментские федерации могут входить в партию непосредственно, поскольку устав допускает вступление комитета лишь в том случае, если он внесен в списки федерации, даже если он в департаменте единственный. Но в уставе никак не регламентированы внутренняя структура этих федераций и способ интеграции комитетов в их рамках: каждая федерация может строиться по собственному выбору. Не более четко определены и принципы интеграции самих федераций в партию. Устав, правда, фиксирует представительство на съезде и в Исполнительном комитете, но тоже не строго. До войны 1914 г. состав съезда формировался на основе партийных избранников и делегатов газет, комитетов и федераций — однако ни количество этих делегатов, ни способ их выдвижения не уточнялись; сейчас любой член

комитета или федерации, уплативший взносы, может получить «билет съезда» (за деньги) и присоединиться к вышеозначенным; кто угодно — или почти кто угодно — может таким образом участвовать в работе съезда.

Порядок образования Исполнительного комитета — наиболее значительного центрального органа — регламентирован ничуть не лучше. Он включает «членов по праву» и членов, избранных съездом. Члены по праву: сенаторы и депутаты партии, члены департаментских и муниципальных советов (от городов с населением свыше 50000 жителей), почетные председатели и вице-председатели, председатели и экс-председатели, генеральные секретари и бывшие генеральные секретари, председатели и секретари департаментских федераций.

Члены, избранные съездом, до 1914 г. состояли из двух делегатов от каждого департамента и от каждых от 200.000 жителей. Затем съезд избирал от каждого департамента: 1) одного члена от 100.000 населения; 2) одного члена от каждых 200, уплачивающих взносы, или фракции, насчитывающей 200 уплачивающих взносы. С 1945 г. осталась только вторая категория, но она составляла едва ли четверть комитета, остальные были членами по праву. Можно себе представить всю слабость такой организации. Вместо объединения базовых общностей, позволяющего каждой из них объективно выразить свой «вес», партия радикалов напоминает агломерат разрозненных комитетов, скрепленных зыбкими, неопределенными связями, что всегда неизбежно провоцирует закулисные комбинации, соперничество кружков, борьбу кланов и отдельных лиц. Очень многие умеренные или консервативные партии мира представляют собой структуру того же самого типа. Правда, не у всех она отличается такой же степенью неопределенности, но некоторые партии — например, американские, имеют структуру еще более слабую и запутанную.

В христианско-социальной партии Бельгии картина совершенно Другая. Здесь общая структура регламентирована с той тщательностью, которая позволяет гарантировать участие каждого базового элемента в общей жизни партии (табл. 5). Местные отделения ежегодно избирают делегатов из расчета 1 на 100 членов (минимум двух делегатов); эти делегаты, к которым присоединяются парламентарии и члены провинциальных советов, образуют общее собрание округа, которое выбирает председателя и минимум 12 членов; эти последние уже сами кооптируют дополнительное число членов, равное половине избранных; все они вместе образуют окружной комитет, который обеспечивает руководство на местах. Каждый комитет избирает делегатов на Национальный съезд на своем общем собрании из расчета 1 на 250 членов партии, постоянно стоящих на учете в федерации, которую он представляет. Съезд — высшая инстанция партии, он избирает большинство членов Национального комитета (остальная часть может быть кооптирована); этот последний и обеспечивает постоянное руководство партией. Он может преобразоваться в Генеральный совет, присоединив к себе председателей окружных комитетов, плюс второй представитель от каждого округа и два члена, кооптированных им самим. Генеральный совет представляет промежуточный между съездом и Национальным комитетом орган, который позволяет непосредственно и быстро ориентировать федерации по всем значительным вопросам.

Организация бельгийской христианско-социальной партии не оригинальна (она в значительной мере подсказана структурой социалистической партии Бельгии). Мы просто приводим ее в качестве свежего примера и в силу ее детализированности, но в общем она лишь воспроизводит систему, основные черты которой обнаруживаются почти во всех социалистических партиях мира, в большинстве католических и христианско-демократических и во многих партиях других направлений. В коммунистических и фашистских партиях (а также и во многих иных, не принадлежащих ни к тем, ни к другим) вырисовывается несколько иной характер общей структуры, поскольку иерархические ступени более многочисленны и географические рамки иные; но ее основной характер идентичен. Речь в данном случае идет о сильной (жесткой) структуре, в противоположность слабой (мягкой) структуре французской радикально-социалистической партии. Партия выступает как организованная общность, все базовые элементы которой занимают свое

определенное место, обусловленное их взаимным значением. В самой реальности возможны комбинации и перестановки возможны, но лишь в той мере, в какой они имеют поддержку партийной общности и составляющих ее групп. Чтобы приобрести влияние в партии, любое течение, как мы это видели на примере французской социалистической партии, должно завоевать известное число сторонников в каждой секции, поддерживающие его секции — в федерации, а федерация — на съезде.

Сильную структуру не следует отождествлять с демократической. Разумеется, не является таковой и слабая: вся организация радикально-социалистической партии словно для того и задумана, чтобы заглушить голос отдельного члена партии и отдать всю власть небольшим олигархическим группам. Но и обратное утверждение не будет истинным: жесткая структура может быть демократической, а может и не быть таковой. В социалистических партиях, например, выборность на всех ступенях с четким контролем мандатов и регламентацией голосования обеспечивает весьма развитую демократию. В христианско-демократических партиях есть немало различных приемов и способов (например, кооптация в христианско-социальной партии Бельгии), ограничивающих демократию. В коммунистических партиях выдвижение руководителей центром фактически ведет к олигархии: жесткость структуры становится здесь одним из элементов этой олигархии, средством укрепления господства вождей над рядовыми членами партии.

Какие же факторы подталкивают партию к слабой или сильной структуре? Можно сослаться на традиционные особенности национального характера. Если бы не туманность и даже некоторая опасность этого понятия, оно было бы не лишено интереса: все же довольно забавно, если бы латиноязычные социалистические партии имели менее сильную структуру, чем социалистические партии скандинавских стран, а итальянские — менее сильную, чем французские (фактически, а не только согласно текстам уставов). Но с таким объяснением далеко не продвинуться: в действительности компартия Франции организована более жестко, чем немецкая социалистическая, а партия французских социалистов обладает более сильной структурой, чем партия английских консерваторов, etc. Можно принять в расчет и особые исторические обстоятельства: потребности подпольной борьбы заставили европейские политические партии ужесточить свои структуры в период 1940–1945 гг., и следы этого там ощутимы и после Освобождения. Но все это факторы весьма и весьма второстепенные.

Куда более значительную роль играет здесь избирательная система. Голосование по партийным спискам (особенно в больших округах) обязывает местные комитеты и секции партии установить между собой сильные организационные связи в рамках округа, чтобы быть услышанными при составлении списков. И, напротив, одномандатная система в небольшом округе заставляет по существу превратить каждую небольшую местную партийную группу в некую самостоятельную монаду и, следовательно, ослабить партийную структуру. Если голосование списком сочетается еще и с системой пропорционального представительства, а у партии нет опыта создания выборных блоков и установления четкого взаимодействия кандидатов, отчего зависит их избрание, более настоятельной становится потребность в сильной структуре. С пропорциональной системой или без нее, голосование по партийным спискам ведет к необходимости интеграции, выходящей за пределы локального уровня: уменьшая значение людей и увеличивая значение идей, она отдает предпочтение общим программам над мелочными пикировками кандидатов и подталкивает к общенациональной организации партии. Принцип пропорционального представительства однозначно требует именно такой организации при некоторых системах: например, если оставшиеся мандаты¹⁴ распределяются в общенациональном масштабе.

Эти выводы подсказаны не теоретическими рассуждениями, а достаточно обширными практическими наблюдениями. В хронологическом порядке можно сослаться прежде всего на пример Бельгии, партии которой и конце XIX века обладали одной из наиболее сильных структур в Европе, и это совпадало с голосованием по партийным спискам. Отметим далее, что принятие системы пропорционального представительства повсюду усилило внутреннюю интеграцию партий, и весьма показательным, что во многих странах официальная статистика

как раз с этого времени начала классифицировать депутатов по партиям — раньше это не представлялось возможным по причине их организационной рыхлости. Наконец, особенно показателен пример Франции, где слабо интегрированные партии Третьей республики уступили место сильно структурированным партиям Четвертой именно в то время, когда голосование в округах стало проводиться по системе пропорционального представительства. Радикальная же партия просто родом из округа, где всегда сильны были ностальгические настроения. Точно так же системе одномандатных округов в США сопутствует очень слабая структурированность американских партий. И все же влияние избирательной системы не представляется решающим: в одной и той же стране можно констатировать весьма заметные различия характера партийных структур. Социалистические партии, например, повсюду имеют более сильную структуру, чем консервативные, какова бы ни была избирательная система. Размышляя над политической жизнью современной Франции, нельзя не задаться вопросом: почему гораздо большая жесткость партий Четвертой Республики по сравнению с Третьей не привела в 1945–1946 гг. к исчезновению слабо структурированных партий (радикалов и умеренных) и росту сильно структурированных, семья которых пополнилась лишь одной вновь созданной — МРП¹⁵?

Реально главным фактором, определяющим характер общей структуры партии, выступает природа базовых элементов, лежащих в ее основе. Анализ доказывает, что имеется прямая корреляция между природой этих элементов и силой или слабостью структуры. В XIX веке основой партий были комитеты, и, соответственно, слабая структура. И сегодня внимательный наблюдатель всегда обнаружит в большинстве консервативных, умеренных и либеральных партий Европы эти две основные черты: американские партии — тот же вариант. Напротив, партии социалистические и большая часть католических, которые базируются на секциях, в то же самое историческое время имеют сильную структуру; при этом она обычно значительно сильнее в социалистических партиях, где секция — единица более устоявшаяся и централизованная, чем в христианско-демократических, где она функционирует менее упорядоченно. Наконец, в коммунистических партиях, созданных на базе ячеек, и в фашистских с их милицией в качестве основной клеточки структуризация еще более четкая, жесткая и сильная. Можно, кстати, отметить различия в деталях: партия итальянских фашистов, где милиция была менее дисциплинирована, обнаруживала менее сильную структуру, чем немецкая национал-социалистическая, где СА достигли большего совершенства. Но, разумеется, эти различия отчасти объясняются и национальным характером.

В поисках объяснения данного явления можно констатировать, что система комитетов способствовала развитию крайнего индивидуализма и политического влияния личностей, так что слабость структуры выступает в этом случае совершенно естественной. И, наоборот, ячейка в качестве основного базового элемента предполагает весьма строгую координацию и более четкие действия ячеек- этих малых сообществ, рассредоточенных по предприятиям, иначе они просто погрязли бы в чисто экономической борьбе за сиюминутные цели. Это требование еще более настоятельно в рамках милиционной системы: сама сущность военного организма внутренне включает в себя постоянную кооперацию различных базовых единиц, их предельно четкую иерархическую связь. Что же касается секции, то само ее название предполагает интеграцию в более широкую общность; демократические принципы, которые она стремится реализовать, предписывает каждой базовой группе играть в руководстве партией роль, точно соответствующую ее весу и значению. А это требует достаточно жесткого и сильного общего строения партии.

Но объяснения а posteriori немногого стоят. Самое существенное — это практически абсолютное совпадение комитетской структуры партий со слабой интегрированностью базовых элементов, секционной — с сильной и партий, построенных на базе ячеек и милиции, — с очень сильной. Можно в этой связи подчеркнуть и другие моменты, которые показывают, что именно здесь проходит линия основного разграничения, фундаментального различия двух типов партий. Отмечают, допустим, что сильная структуризация соответствует

сложной инфраструктуре, слабая — простой. Чем больше партия стремится обеспечить четкие связи между отдельными базовыми элементами, тем больше разрастаются ее административные органы, все более усиливается их роль и все жестче регламентируется распределение обязанностей между ними; таким образом вместо эмбриональной, слабо организованной власти складывается настоящий государственный аппарат с разделением властей: законодательная вверяется съезду (Генеральному или Национальному совету), исполнительная — руководящему комитету (он же Национальный комитет. Исполнительная комиссия, Руководящее бюро, etc.), юридическая — арбитражным, контрольным или конфликтным комиссиям. Растущей сложности управленческой машины явно способствует то обстоятельство, что партии с сильной структурой — это как раз те, которые нацелены на вовлечение в свои организации (секции, ячейки или милицию) более широких масс, чем партии со слабой структурой (комитеты). Отсюда совпадение различий в общей структуре с другим делением — на партии кадровые и массовые. Эти положения мы далее постараемся уточнить.

Вертикальные и горизонтальные связи

Различие сильной и слабой структур, как бы оно ни было значительно само по себе, объясняет далеко не все. Оно дает лишь предварительную схему классификации, первоначальное основание для ориентации, притом весьма приблизительное. Чтобы его уточнить, нужно определить сущность общей структуры партии, а для этого необходимо противопоставить, с одной стороны, связи вертикальные и горизонтальные, а с другой — централизацию и децентрализацию.

Понятие вертикальной связи не ново. Если коммунистическая партия и довела ее до высшей точки совершенства, то все же не она ее выдумала. В самом общем смысле вертикальной называют связь, которая соединяет организмы, подчиненные один другому: например, коммунальная секция и окружной комитет, окружной комитет и провинциальная федерация, провинциальная федерация и центральный комитет. И напротив, связь между организмами, стоящими «на равной ноге», рассматривается как горизонтальная: связь между секцией Нейи и секцией Пасси, между комитетом Либуэрн и комитетом Ля Реоль, федерациями Дордонь и Ло-и-Гаронн. О системе вертикальных связей можно говорить в том случае, если партия принимает только первый тип, но исключает второй. В итоге происходит нечто вроде строгого разгораживания на отсеки: образования одного и того же уровня могут общаться между собой лишь через посредничество центра. Это предполагает два следствия: отсутствие всякой прямой горизонтальной связи и комплектование «высших инстанций» путем делегирования. Предположим, что две коммунальные организации не имеют права устанавливать между собой прямые горизонтальные связи; если бы федеральный съезд состоял из всех членов таких организаций, эти две, о которых мы ведем речь, сразу смогли бы войти в контакт в рамках съезда: возникла бы непрямая горизонтальная связь. И напротив, если на съезд имеют доступ только их представители (делегаты), получившие свои мандаты согласно всем установленным правилам, то это означает, что никакого контакта между местными организациями, собственно говоря, не существует.

Наилучший пример такой строго упорядоченной системы вертикальных связей являет коммунистическая партия. Ячейки связаны между собой только через посредство структурной единицы, которая расположена в высшем по отношению к ней эшелоне. Во Франции это секция, которую образуют делегаты ячеек; эти делегаты избирают комитет, а комитет в свою очередь избирает бюро. Секции сами по себе не могут иметь коммуникаций друг с другом, но только через посредство высшего эшелона — федерации, образованной делегатами секций, собирающихся дважды в год на конференции; конференция избирает комитет федерации, который выдвигает бюро. Наконец, федерации общаются между собой тоже лишь через посредство «верха» — национального съезда, на который раз в два года собираются делегаты федераций; он избирает Центральный комитет, выдвигающий

политбюро, секретариат и комиссию политического контроля. Такая система абсолютно не допускает развития каких бы то ни было течений, фракций или оппозиции внутри партии. Инакомыслие, зародившееся в одной ячейке, не может непосредственно «заразить» соседние. И только через делегата ячейки оно может достигнуть образования более высокого уровня: но тогда уже инакомыслящие оказываются в среде куда более проверенной и благонадежной. Такие препятствия обнаруживаются в каждом из высших эшелонов, и всякий раз они оказываются все более мощными, ибо кадры там тщательнее «просеяны» и лучше проверены. И симптоматично, что свобода дискуссий бывает достаточно велика в рамках ячейки (все свидетельства сходятся в этом), но уменьшается по мере восхождения по иерархической лестнице.

Риск «заражения» минимизируется еще и централизацией, которая усиливает характер вертикальных связей. Каждый делегированный низшим партийным организмом несет ответственность не перед теми, кто дал ему мандат, а перед вышестоящей инстанцией: он просто обязан информировать ее о любых случайных расхождениях во взглядах, которые порой зарождаются в рамках вверенной ему группы людей, — но не для того, чтобы ее защищать, а для того, чтобы вызвать спасительное вмешательство центра. Разного рода барьеры усиливаются еще и тем обстоятельством, что центр играет большую роль в назначении всевозможных уполномоченных, которые находятся с ним в постоянном контакте и уведомляют его о любом подозрительном движении; кажется, есть даже некий тайный аппарат, созданный центром для того, чтобы следить за аппаратом официальным⁸. Всегда, стало быть, можно энергично и эффективно вмешаться, едва лишь в какой-либо точке машины возникнет сбой. Этот механизм весьма напоминает систему безопасности, принятую на кораблях, с ее разгораживанием на водонепроницаемые отсеки, герметически изолированные друг от друга⁹.

Механизм вертикальных связей — не только замечательное средство для поддержания единства и сплоченности партии; он позволяет ей очень легко переходить к подпольной деятельности. Ведь вертикальные связи и разделение на отсеки точно соответствует главному правилу подполья, и в случае провала вмешательство полиции в силу этого ограничивается лишь очень узким сектором организации. Механизм перехода от публичного действия к тайному весьма прост. Сперва партия освобождается от своих менее надежных членов, которые покидают ее в связи с запрещением или из страха перед преследованиями. Еще больше уменьшаются базовые группы: например, в 1940 г. они состояли из пяти, а позднее — только из трех членов. Но партия сохраняет весь свой аппарат, просто более строгим образом осуществляя постоянные правила, касающиеся запрета горизонтальных связей. Эта возможность подпольного действия сыграла большую роль в принятии системы вертикальных связей Интернационалом в 1924 г.: то был «героический» период, когда партия вынуждена была действовать наполовину открыто, наполовину — тайно. Война и оккупация, с одной стороны, недавние преследования и запреты — с другой, поддерживают ценность этой старой установки. Однако слишком многие рассматривают сегодня коммунистическую систему вертикальных связей лишь с точки зрения приспособленности ее к подполью; но, без сомнения, она еще более ценна в качестве средства унификации.

Коммунистические партии не обладают монополией на вертикальные связи. Аналогичная система принята обычно и в фашистских партиях. Национал-социалисты, например, тоже в основном базировались на ней: прямое назначение руководителей всех уровней центром, легкость за счет этого изоляции низовых организаций друг от друга. В германской социалистической партии до закона об ассоциациях (1908) в ответ на репрессивную политику Бисмарка утвердилась весьма оригинальная система вертикальных связей: социалисты каждой местности выбирали на публичном собрании доверенное лицо, и только эти доверенные лица учреждали легальную социал-демократическую организацию. Таким образом, секции контактировали друг с другом не напрямую, а только через посредство доверенных лиц. Однако этот изоляционизм носил скорее юридический, нежели политический характер: он использовался не столько для укрепления внутренней

сплоченности, сколько для того, чтобы обойти закон. Тенденцию к вертикальным связям фактически можно обнаружить почти во всех партиях, по крайней мере в тех, которые обладают относительно сильной структурой. Ни секции, ни федерации почти не имеют между собой прямых контактов, и основная связующая вертикаль идет снизу вверх, посредством делегирования. Прямо противопоставлять партии с горизонтальными связями партиям с вертикальными связями было бы некорректно: можно лишь подразделить их на партии с чисто вертикальными и со смешанными — вертикальными и горизонтальными одновременно — связями; само собой разумеется, что первые обычно преобладают над вторыми. В партиях со слабой структурой горизонтальные связи достигают максимума: они развиваются как бы в двух эшелонах — на уровне руководителей и на уровне членов. Горизонтальная связь фактически обнаруживается либо в прямом контакте между членами базовых групп, либо между руководителями двух соседних местных комитетов, федераций, etc. В радикал-социалистической партии, например, такие связи могут развиваться почти свободно, устав не предполагает в этом отношении никаких запретов и регламентации.

В партиях с сильной структурой горизонтальные связи носят характер исключения. И в то же время они составляют основной способ интеграции базовых элементов в не прямых партиях — в форме контактов между руководителями низовых отделений. Например, в Бельгии руководящий комитет Католического блока (1921–1936 гг.) установил горизонтальную связь между Крестьянским союзом, Лигой средних классов, Федерацией католических обществ и христианскими профсоюзами. Точно так же лейбористские комитеты были сформированы с помощью системы горизонтальных связей между представителями профсоюзов, кооперативов, страховых касс, социалистических лиг, etc.

Но и в прямых партиях горизонтальные связи еще сохраняют довольно большое значение, правда не в качестве принципа внутреннего структурирования организации, а скорее как способ внешней экспансии. Они используются для того, чтобы властвовать над вспомогательными организмами или разлагать конкурирующие партии и параллельные организации. В первом случае используются горизонтальные связи руководителей: во втором — членов базовых групп. Партия организует профсоюзы, культурные и спортивные общества, политические объединения с конкретными целями (Национальный фронт. Общество защитников мира, etc.) Все эти ассоциации создаются для того, чтобы охватить симпатизантов и усилить в этой среде влияние партии. Контроль над ними сохраняют путем установления горизонтальных связей разных уровней между своими и их руководящими комитетами; при этом во главе вспомогательных организмов могут стоять сами руководители партии или выдвинутые и контролируемые ими люди.

Часто эти связи остаются негласными: официально профсоюзы, культурные и спортивные общества, различные фронты и объединения самостоятельны и независимы от партии, но на деле все командные посты находятся в ее руках. Для этого могут быть пущены в ход самые различные приемы. Немецкая социал-демократическая партия давно отработала прием личной унии: все руководители и функционеры профсоюзов, теоретически независимые, должны быть из числа членов партии. Коммунистическая партия усовершенствовала этот принцип, обогатив его техникой камуфляжа: в руководящие комитеты вспомогательных организмов включают довольно много независимых фигур, притом как можно более знаменитых, которые играют роль «свадебных генералов». А под их прикрытием все действительно руководящие посты остаются в руках партии: Национальный фронт 1945 г. во Франции с его генеральным штабом, который украшали академики, генералы, епископы, артисты и писатели, — лучший пример такого рода тактики.

«Подрыв» применяется не к вспомогательным организациям партий, а к параллельным институтам: независимым профсоюзам, конкурирующим партиям, etc. Партия-агрессор на уровне базовых единиц создает для этого группы совместного действия из своих членов и членов подрываемых институтов: таким путем можно добиться полного господства или по крайней мере частичной дезинтеграции противника. Прием, естественно, предполагает, что «подрывник» обладает более сильной структурой, чем подрываемый, — это обычно тот

случай, о котором французы говорят: «подружился глиняный горшок с чугуном». Подрыв главным образом используется партиями, основанными на ячейке или милиции. Коммунистическая партия применяла его очень часто: захват ВКТ перед войной 1939 г. во Франции; Комитет общего действия с социалистической партией в той же Франции и других странах; система союзов и фронтов, которая разрушила оппозиционные партии в странах народной демократии, etc.

Централизация и децентрализация

Очень часто вертикальные связи отождествляют с централизацией, а горизонтальные — с децентрализацией. Хотя эти понятия во многом действительно перекрывают друг друга, они тем не менее имеют совершенно различные основания. Вертикальные и горизонтальные связи определяются способами координации базовых элементов, которые образуют партию; централизация и децентрализация относятся к распределению полномочий между уровнями управления.

Возьмем две партии, А и Б. В первой все местные подразделения могут устанавливать между собой самые тесные связи; действительная власть на местном уровне принадлежит съезду федерации, куда все члены этих местных подразделений имеют свободный доступ и где все течения имеют свободу проявления: это связь горизонтальная. Во второй же образования местного уровня строго изолированы одно от другого; власть на этом уровне — в руках руководящего бюро, избранного съездом; гам съезд формируется из делегатов, выдвинутых на местах: это связь вертикальная. Но допустим, что местное руководящее бюро партии Б обладает точно такими же полномочиями, как и съезд партии А; что эти полномочия весьма широки по сравнению с известными прерогативами центральных руководящих органов А и Б, что основные решения, таким образом, принимались бы на местном уровне: мы имеем две децентрализованные партии. И, напротив, предположим, что властные органы А и Б не имели бы никаких серьезных полномочий, что все решалось бы в центральных инстанциях: перед нами две централизованные партии. Стало быть, теоретически децентрализация не тождественна горизонтальным связям, а централизация — вертикальным. На практике тенденция к такому отождествлению, бесспорно, существует, но она не является ни главной, ни абсолютной: во французской социалистической партии, например, вертикальные связи преобладают, несмотря на очень большую ее децентрализованность. Тем более следует отвергнуть отождествление слабой структуры и децентрализации, сильной структуры и централизации: та же СФИО децентрализована, но обладает структурой сильного типа: английская консервативная партия централизована, но имеет слабую структуру, etc.

Централизация и децентрализация имеют множество различных форм. Можно выделить четыре основных типа децентрализации: локальную, идеологическую, социальную и федеральную. Локальная соответствует общему понятию децентрализации: она определяется тем фактом, что местные руководители партии выделяются из местной же среды, действуют самостоятельно, располагают значительными полномочиями, они мало зависят от центра и основные решения принимают сами. Такая локальная децентрализация совмещается иногда со слабой общей структурой, как мы это видим в партии французских радикал-социалистов или в американских партиях, но она точно так же может совмещаться и с сильной артикуляцией, как это видно на примере СФИО. Децентрализация оказывает значительное влияние на политическую позицию партий: она ведет к местничеству, то есть ориентирует партии на региональные интересы в ущерб общенациональным или международным проблемам. Невозможно даже, строго говоря, вести речь о политике партии, скорее — о локальных политиках, близоруких и противоречивых, преследующих частный интерес, без учета общего, и неспособных видеть всю совокупность проблем. Провинциальность французской политики времен Республики радикалов в значительной мере объясняется децентрализованностью партии, которая несла тогда бремя власти; такова

же и природа политической недалёковидности американского Конгресса. Опасно, когда самое грандиозное государство мира, принявшее на себя ответственность планетарного масштаба, имеет систему политических партий, целиком ориентированную на весьма узкие местные горизонты.

Идеологическая децентрализация имеет совершенно другую природу: она состоит в допущении известной автономии возникающих внутри партии фракций или течений, что может проявляться во влиятельности каждого и:) них в руководящих комитетах, признании сепаратных образований, etc. Немало сделала для развития такой системы партия французских социалистов: в ней фракции нередко обладали сильной организацией и вплоть до 1945 г. пропорционально своим силам были представлены в Административной комиссии. Новый устав формально отменил это правило, но фактически оно в какой-то мере продолжало действовать. Почти все прямые социалистические партии в большей или меньшей степени испытали идеологическую децентрализацию и различные ее оттенки. Большевики были ни чем иным, как течением большинства в подпольной русской социалистической партии, меньшевики представляли течение меньшинства. К тому же «славянский дух» еще умножал эти фракции и субфракции, чему благоприятствовали и условия подпольной борьбы. Течения довольно долго сосуществовали в коммунистической партии и после взятия власти; борьба за идеологическую централизацию была очень долгой, и можно считать, что реально она завершилась только к 1936 г. Иногда идеологической децентрализации способствует диверсификация структур партии: так, очень часто местом зарождения течений становятся автономные юношеские организации (было бы очень интересно исследовать в этом отношении историю молодежных социалистических союзов во Франции и других странах). В Германии шефы СА пытались в известный момент создать самостоятельную фракцию внутри НСДАП, и понадобилась ужасающая репрессивная акция июня 1934 г.¹⁶, чтобы положить этому конец. Опасность идеологической децентрализации явно ведет к расколу, и социалистические партии неоднократно пережили этот печальный опыт. Но у нее есть и свои преимущества: она создает атмосферу дискуссий, интеллектуального соревнования, свободы. Вместе с тем она дает выход публичному рассмотрению общих проблем, и в этом отношении ее последствия в корне отличны от тех, что порождает локальная децентрализация.

Социальная децентрализация свойственна непрямым партиям типа католических. Она заключается в автономной организации каждого социально-экономического слоя внутри партии: средних классов, земледельцев, наемных работников, etc., и в предоставлении корпоративным секциям значительных полномочий. Такая структура описана в начале данной главы. Есть искушение в каком-то смысле сблизить автономию с локальной децентрализацией. Не является ли она способом выражения особых интересов одноименных социальных слоев? Единство присуще самой природе интересов: но ведь и своеобразие их остается. Социальную децентрализацию можно оценить как более эффективную по сравнению с другими ее видами: разделение труда, прогресс обмена и развитие техники порождают расхождение особых интересов зачастую более мощное, чем их географическая локализация, и недаром социальные противостояния сегодня более остры, чем локальные противоречия. Социальная децентрализация позволяет выявить основные векторы экономических и социальных проблем, но не обеспечивает их разрешения, так как ведет к совмещению противоречивых подходов: каждый «слой» стремится к тому, чтобы восторжествовала именно его точка зрения, и арбитраж в данном случае всегда затруднителен. Как и идеологическая децентрализация, она вносит в партии глубокий раскол; опыт Католического блока Бельгии, когда непрямая структура, по-видимому, увеличила противоречия, вместо того чтобы их смягчить, выступает в этом смысле поучительным примером.

Федеративная структура государства иногда отражается в структуре партий, как мы это видим, например, в Швейцарии, где их организация остается главным образом кантональной. Но это совпадение не всеобщее. Независимость национальных групп, составляющих базу

политического и административного деления федеративного государства, сначала принимает в партии скорее форму локальной децентрализации. Вернее, поскольку федеративная форма государства позволяет каждой из национальных групп непосредственно выразить свои особые интересы в правительственных организациях, их автономия внутри партии не оправдана. Многие федеративные государства имеют также партии классического типа, несколько более децентрализованные на локальном уровне. Напротив, для нации, различные группы которой не смогли выразить свои особые интересы через федеративную структуру государства важно заставить признать их на уровне партий. Таким путем элемент федерализма может быть привнесен во властные органы унитарного государства. Так было, например, в Австро-Венгрии до 1914 г., где социалистическая партия вынуждена была разделиться на семь почти автономных организаций: немецкую, венгерскую, чешскую, польскую, русинскую, словенскую, итальянскую. Сюда же можно отнести пример современной Бельгии. В 1936 г. бельгийский Католический блок был реорганизован на федеративной основе и с тех пор состоял из двух «ветвей»: Католической социальной партии (валлонской и брюссельской) и *Katolieke Vlaamschl volkspartij*, в целом представленных и в общем руководстве. Война помешала этой организации функционировать, а новые политические тенденции, которые она породила, привели к более унитарной структуре христианской социальной партии. Но и эта партия допускала широкую федеративную децентрализацию; она имела как бы два крыла: фламандское и валлонское. Каждое крыло направляло равное число представителей в Национальный комитет и Генеральный совет. Каждое проводило свои отдельные заседания во время национальных съездов (помимо нескольких общих торжественных собраний). Эта система была выгодна, кстати, валлонскому крылу, которое было представлено в руководящих органах наравне с фламандским, хотя насчитывало куда меньше членов партии: в 1947 г. валлонцев было 39.739 против 84.779 фламандцев; в 1948 г. 49.737 против 120197; и 1949 — 65.888 против 160077. Бельгийская социалистическая партия никогда не принимала такой федеральной структуры: она провозгласила себя унитарной. Несмотря на это здесь тоже всегда отмечается большая озабоченность поддержанием определенного баланса между двумя языковыми группами в руководящих органах.

Многие партии объявляют себя децентрализованными, хотя на самом деле они централизованы. И прежде чем делать какие-то выводы на этот счет, нужно проанализировать конкретное воплощение устава партии в действительности, не ограничиваясь буквалистским его пониманием. Местные руководители обычно гордятся своей значительностью и любят подчеркивать, что они играют главную роль, даже когда на самом деле это не так. Другие партии открыто признают себя централизованными, но корректируют эффект термина — психологически действительно имеющего некоторый уничижительный оттенок — присовокупляя к нему какой-нибудь популистский эпитет. Так, коммунистическая партия говорит о «демократическом централизме». Это выражение заслуживает того, чтобы на нем остановиться. Действительно, можно различать две формы централизации — автократическую и демократическую, если рассматривать последнюю как показатель желания партии сохранять контакт со своей базой. При автократическом централизме все решения спускаются сверху, и их выполнение на местах периодически контролируется представителями центра. Фашистские партии строились обычно, хотя нередко им приходилось вести борьбу против склонности некоторых «фюреров» второго эшелона к проявлению независимости; тому свидетельство — именно такого рода устремления Рэма в нацистской партии. К ним близки центробежные поползновения, которые обнаружились в итальянской фашистской партии буквально на следующий день после взятия власти, когда каждый местный «вождь» разыгрывал на своей территории роль сатрапа: это было время «расов» (так называют эфиопских феодалов). Интересный пример автократической централизации в современной Франции дает РПФ¹²: при каждом выборном департаментском совете, играющем на деле лишь совещательную роль, имеется уполномоченный центра, практически и обладающий правом принимать решения. На сенаторских выборах 1948 г.

между департаментскими бюро и уполномоченными центра разразилось множество конфликтов по поводу избирательных инвеститур. И в том, что высшие инстанции повсюду неизменно добивались, чтобы их позиция одержала верх над точкой зрения местных организаций, ярко проявился автократический характер централизма.

Демократический централизм невероятно гибок, когда это необходимо для достижения какого-то конкретного результата. Коммунистическая партия создает целый комплекс сложных институций, цели которых таковы: 1) с максимальной точностью информировать центр о том, что думают на местах, дабы он мог подготовить надлежащее решение; 2) обеспечить на всех уровнях выполнение этого решения центра самым строгим и точным, но не бездумным образом, то есть с привлечением низов. Итак, система централизована, поскольку решения принимаются наверху; она остается демократической, поскольку они зафиксированы в качестве мнения низов, и при их осуществлении в каждый данный момент тоже домогаются согласия этих самых низов. За достижение этого результата местные руководители, хотя они и избраны низами (с известным вмешательством центра, о чем мы дальше еще скажем), ответственность несут перед высшими инстанциями, а никак не перед теми, кто их избрал. Их роль, таким образом, заключается в том, чтобы как можно более точно довести до высших эшелонов мнения и реакции низов, а также четко и терпеливо разъяснить этим самым низам мотивы решений, принятых центром. Они — не пассивные депутаты, которые просто регистрируют точку зрения своих избирателей и стараются добиться, чтобы она победила, как это принято в децентрализованной системе; но не являются они и всего лишь простыми представителями центра, которым поручено слепо навязывать низам его волю, как то принято в системе автократического централизма. Они играют очень важную роль информаторов и воспитателей одновременно.

С другой стороны, демократический централизм предполагает, что перед тем, как решение будет принято, в низах проводятся весьма свободные дискуссии, чтобы «просветить» центр; но после того, как решение принято, строгая дисциплина должна соблюдаться всеми. И на самом деле свидетельства как будто показывают, что в ячейках дискуссия действительно происходит; а то, что «дискуссия должна разворачиваться в рамках принципов марксизма-ленинизма»¹⁰, считается совершенно естественным. Но после принятия решения дискуссии должны прекращаться, с этих пор все обязаны приниматься за их осуществление. В этом плане демократический централизм предусматривает весьма четкий контроль за исполнением, обеспечиваемый центром: руководители партии на всех уровнях должны проверять исполнение решений кадрами нижестоящего уровня. В то же время требуется, чтобы исполнители всегда заставляли низы понимать мотивы исполняемых решений, с тем чтобы никогда не терять с ними основательного контакта.

Можно думать о коммунистической партии как угодно, но нельзя не признать, что выкованные ею организационные механизмы замечательно эффективны, и невозможно отказать им в известной демократичности: партия действительно постоянно старается сохранять контакт со своей базой, стремится быть «в гуще масс». Некоторые избирательные агенты старых партий (например, «комитетчики» радикалов Третьей республики и некоторые «боссы» американских партий) обладали этой интуитивной эмпирической способностью улавливать глубинные чувства масс и всегда оставаться рядом с ними. Сила коммунистической партии в том, что она создала научный метод, позволяющий добиваться тех же результатов, пользуясь двояким преимуществом всякого научного метода: это максимальная точность и возможность всеобщего применения (после соответствующего изучения). Если еще точнее, достоинство этого метода в том, что он не является чисто пассивным, не ограничивается регистрацией реакции масс, но позволяет воздействовать на них, направляя их ненавязчиво, осторожно, но достаточно эффективно. Можно сожалеть о целях применения инструмента, но нельзя не восхищаться совершенством техники.

Остается определить те факторы, которые независимо от сознательного желания избрать ту или другую систему в силу практической ее эффективности или созвучности партийной доктрине заставляют партии строиться на базе централизованной или

децентрализованной структуры. Мы уже говорили о некоторых особых исторических обстоятельствах в отдельных странах, способных объяснить централизацию или децентрализацию. Существуют ли наряду с этими специфическими факторами и общие, действие которых сочетается с ними? Можно напомнить здесь о влиянии истории: по-видимому, сам механизм рождения партии играет известную роль в степени ее централизации. Мы уже показали, что партии электорального и парламентского происхождения обычно имеют структуру более децентрализованную, чем партии внешнего происхождения, которые родились по инициативе центра, а не «снизу». Так, лейбористские партии более централизованы, чем парламентские социалистические партии; обычно довольно сильно централизованы католические партии, что связано с ролью духовенства или католических учреждений — Католического действия, Французской католической ассоциации молодежи — в их возникновении. Очень важен и способ финансирования. В партиях «буржуазных», где избирательные издержки в основном несут сами кандидаты или их местные кредиторы, низовые комитеты богаче центра, а стало быть, и независимы; и напротив, если кредиторы привыкли финансировать непосредственно центр, то этот центр может оказывать довольно значительное давление на местные группы. В партиях, финансируемых за счет регулярных и повышающихся в зависимости от доходов плательщиков партийных взносов, получаемых с помощью покупки годовых билетов и месячных марок, распределение ресурсов между центром и местными секциями представляет значительный интерес. В СФИО, например, центр продает федерациям каждую месячную марку за 16 франков, а те сами назначают цену ее продажи членам партии. В федерации Сены 40 франков удерживается федеральными органами (которые продают эту марку секциям за 56 франков), и от 20 до 50 франков — секциями (которые продают марку по цене от 75 до 125 франков). Ясно, что такая система откровенно благоприятствует базовым структурам в ущерб центру, и действительно, французская социалистическая партия очень децентрализована. В коммунистической партии, напротив, каждая организация (ячейка, секция, федерация, центральный комитет) одинаково получают по 25 из каждых 100 франков взносов.

Известное влияние в этом отношении имеет избирательная система. Голосование по мажоритарному принципу с одномандатными округами явно ведет к децентрализации, отдавая приоритет узко местническим позициям и личности кандидатов, которые могут стать независимыми от центра — и они сами, и их партийные комитеты. Голосование по партийным спискам не исключает централизации — оно просто расширяет рамки децентрализации. Во Франции система униномиального голосования оборачивается значительной независимостью окружных комитетов; голосование по партийным спискам делает их независимыми от департаментских федераций, но поддерживает автономию последних по отношению к центру; при пропорциональной системе часто приходится видеть, как социалистические федерации сопротивляются претензиям центра навязать им своих кандидатов или порядок их размещения в списках. В итоге один только принцип пропорционального представительства, функционируя в общенациональных рамках, по-видимому, способствует централизации; но он используется редко. В конечном счете можно считать, что избирательные механизмы обычно ведут скорее к децентрализации, нежели к централизации; фактически наиболее централизованными оказываются те партии, для которых выборы имеют лишь второстепенное значение и которые организованы не для этой функции, — партии коммунистического или фашистского типа.

Сложную проблему ставит случай Англии — не могло ли униномиальное голосование¹⁸ в один тур обусловить довольно сильную централизацию британских партий? Тенденция к автономии малых локальных групп была сломлена и другим фактором — необходимостью помешать распылению голосов и обеспечить, стало быть, строгую дисциплину кандидатов, что естественно ведет к созданию партий довольно сильно централизованных. Но если английские партии централизованы, то американские — весьма децентрализованы, хотя действуют и условиях тон же самой системы одномандатных округов с голосованием в один

тур. Правда, весьма оригинальный механизм выборов к США с его архаичными «номинациями» кандидатов и множеством административных постов делает всякое серьезное сравнение невозможным. В становлении британского централизма, разумеется, также сыграли свою роль и другие факторы, особенно довольно сильная дисциплина парламентских групп, которая, естественно, проецируется и на организацию партий, и уже отмеченное Джеймсом Брюсом получение избирательных фондов из центра.

В конечном счете вряд ли возможно установить какую-то точную формулу воздействия на централизацию партий мажоритарного голосования в один тур.

Глава вторая. Члены партии

Кого можно назвать членом партии? Ответов будет столько, сколько партий, и каждый будет зависеть оттого представления о членстве, которое свойственно самой данной партии. Словосочетание «член партии» обозначает различную реальность у коммунистов и радикалов, в партии французских социалистов и британских лейбористов, католическом союзе Бельгии 1920–1930 гг., христианско-социальной партии 1945 г. В американских партиях оно вообще ничего не означает: можно лишь перечислить активистов, входящих в «машину», симпатизантов, которыми ее усиливают на время избирательных кампаний, участников праймериз, а также граждан, голосующих за кандидатов партии на выборах.

Внутри каждой партии к тому же существует несколько категорий членов. Мы уже видели это на примере лейбористской партии, которая с 1918 г. различает индивидуальных и коллективных членов. Даже в прямых партиях, которые знают лишь индивидуальное членство, единообразие — всего лишь видимость. Симпатизанты, члены партии, активисты, пропагандисты — вырисовывается целый ряд концентрических кругов, в каждом из которых партийная солидарность становится все более прочной. Будучи чаще всего официальными, эти различия тем не менее реальны. Есть степени «сопричастности» (participation) — так можно определить те узы солидарности, которые связывают человека с его партией. Но только ли о степени следует говорить? Можно ли оценить степень причастности гражданина X к своей партии как в три или четыре раза большую, по сравнению с гражданином Y? Или речь идет скорее о различном качестве этой сопричастности? Так мы приходим к необходимости исследовать самую природу данного феномена, чтобы определить содержание той социологической связи, которая объединяет членов партийной общности.

Интереснейшая проблема, в которой отражаются две сущностные черты нашего времени: ренессанс малых групп и ренессанс религий. Связи сопричастности становятся все более и более прочными и вместе с тем они все более уподобляются структурам собственно религиозным. Закат официальных религий сопровождается восхождением религий политических. Понятие партии сегодня равнозначно понятию церкви — тот же клир, те же верующие, та же вера, та же ортодоксия и та же нетерпимость... Разумеется, этот феномен не носит единого характера, поскольку в современном мире сосуществуют партии весьма различной природы. И в целом эти различия почти совпадают с различиями инфраструктуры, ко торой они определяются: старые партии на базе комитетов, слабо структурированные и децентрализованные, сохраняют прежний технический характер, члены их не слишком многочисленны и не слишком фанатичны; современные партии на базе ячеек и милиции, централизованные и организованные, объединяют массы фанатиков, а религиозная пера дополняется там почти военной дисциплиной; партии секционной структуры придерживаются примерно средней линии и носят светский характер: они велики по численности, и члены их связаны умеренной солидарностью. Но, может быть, это всего лишь возрастные особенности? Ведь первые — самые древние, вторые наиболее молодые, а третьи занимают промежуточное положение и по возрасту, и по структуре.

I. Понятие члена партии

В обыденном языке понятие «член партии» (*membre du parti*) совпадает с понятием «приверженец» (*adherent*) — по крайней мере в Европе. От него отличают понятие «симпатизант» (*sympathisant*) — «сочувствующий». Симпатизанты — это те, кто заявляет о своем благосклонном отношении к доктрине партии и периодически оказывает ей поддержку, но остается вне партийной организации и партийной общности; строго говоря, симпатизант не является членом партии. Однако стоит только пойти чуть дальше, как это различие затушевывается, а порой и стирается. Эфемерность его особенно наглядно демонстрируют огромные расхождения при подсчете численности партий. В отношении некоторых из них даже самые серьезные исследования могут дать всего лишь приблизительные цифры. В 1939 г. журнал «Эспри» опубликовал в одном номере две вполне честные и объективные статьи, посвященные партии французских радикал-социалистов. Одна приписывала ей 80000 членов¹, а другая — 200000². Некоторые партии, напротив, могут установить численность своих членов почти с той же точностью, что и перепись населения, — например, социалисты и коммунисты.

Эта особенность объясняется не только лучшей организацией, более строгим ведением учетов и картотек: она связана с самой природой данной партийной общности. В каждой из этих партий термин «член партии» имеет свой собственный смысл и значение. По правде говоря, по отношению к партиям типа французских радикал-социалистов он вообще едва ли имеет смысл и значение. Понятие члена партии связано с определенной концепцией политических партий, зародившейся в начале XX века в ходе становления социалистических партий и затем уже позаимствованной другими. Оно не вполне вписывается в прежнюю концепцию политических партий, господствовавшую в XIX веке, в эпоху парламентских режимов с цензовыми ограничениями избирательного права. Это понятие выступает результатом той самой эволюции, которая привела к появлению партий кадровых и партий массовых.

Кадровые и массовые партии

Различие кадровых и массовых партий не связано ни с их масштабом, ни с их численностью; дело не в различии размеров, а в различии структур. Возьмем, к примеру, французскую социалистическую партию: рекрутирование новых членов представляет для нее основную задачу как с политической, так и с финансовой точки зрения. Ведь она прежде всего стремится дать политическое воспитание рабочему классу, выделить из его среды элиту, способную взять в свои руки власть и управление страной. А это означает, что члены составляют самую материю партии, субстанцию ее деятельности — без них она напоминала бы учителя без учеников. С точки зрения финансовой партия также существенно зависит от взносов своих членов: первейшая обязанность секций состоит в том, чтобы обеспечить регулярные денежные поступления. Таким образом партия собирает средства, необходимые для политического просвещения и повседневной работы. Тем же путем она может финансировать и выборы — к аспекту финансовому присоединяется здесь политический. И этот последний аспект проблемы — основной, поскольку любая избирательная кампания требует больших расходов. Технология массовых партий заменяет капиталистический способ финансирования выборов демократическим. Вместо того чтобы обращаться к нескольким частным пожертвователям с целью покрыть расходы на избирательную кампанию — промышленникам, банкирам или крупным коммерсантам (ведь тот, кто выдвигает кандидата и выбирает его, оказывается в зависимости от них), массовые партии распределяют груз издержек на максимально возможное число членов, так что на каждого из них приходится скромная сумма. Можно сравнить эту находку массовых партий с изобретением бонов Национальной обороны в 1914 г. Раньше казначейские боны выпускались крупными купюрами и размещались в нескольких крупных банках, которые под них одалживали

государству деньги. В 1914 г. родилась гениальная идея выпустить множество мелких купюр и разместить их среди возможно более широкого круга публики. Точно так же и для массовых партий характерен призыв к общественности — она заплатит и позволит избирательной кампании партии избежать зависимости от денежных мешков; отзывчивая и активная, она получает политическое воспитание и приобретает инструмент для участия в государственной жизни.

Кадровые партии соответствуют другому понятию. Это объединение нотаблей, их цель — подготовить выборы, провести их и сохранять контакт с кандидатами. Прежде всего это нотабли влиятельные, чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее, нотабли технические — те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовывать кампанию; наконец, это нотабли финансовые — они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значение прежде всего, — это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния. То, чего массовые партии добиваются числом, кадровые достигают отбором. И само вступление в кадровую партию имеет совершенно иной смысл: это акт глубоко индивидуальный, обусловленный способностями или особым положением человека, строго детерминированный его личностными качествами. Это акт, доступный избранным; он основан на жестком и закрытом внутреннем отборе. Если считать членом партии того, кто подписывает заявление о приеме в партию и в дальнейшем регулярно уплачивает взносы, то кадровые партии членов не имеют. Некоторые из них делают вид, будто они тоже, по образу и подобию массовых партий, заинтересованы в рекрутировании новых членов, но это не следует принимать всерьез. Если на вопрос о численности французской партии радикал-социалистов нет точного ответа, то причина в том, что сам вопрос лишен смысла. Членов партии радикален невозможно учесть, так как она, собственно говоря, их не ищет: ведь речь идет о кадровой партии. К той же категории принадлежат американские партии и большая часть умеренных и консервативных европейских партий.

Это в принципе ясное различие не всегда легко поддается объяснению. Как только что было отмечено, кадровые партии в подражание массовым иногда открывают доступ обычным приверженцам. Явление довольно обычное — в чистом виде кадровые партии встречаются достаточно редко. Другие партии близки к подобной практике, однако их внешняя форма способна ввести в заблуждение. По главное — не ограничиваться ни официальными пунктами уставов, ни декларациями руководителей. Достаточно верным критерием выступает отсутствие системы регистрации или регулярного взимания взносов: как мы далее увидим, подлинное членство без них немыслимо. А по поводу неточности заявленных цифр можно выдвинуть любопытное предположение: перед выборами 1950 г. в Турции демократическая партия заявила, что имеет «три — четыре миллиона членов». Надо полагать, она имела в виду симпатизантов: ведь фактически партия создавалась в основном как кадровая. С этой особенностью сталкиваешься и в непрямых партиях — массовых партиях, не имеющих индивидуального членства. Возьмем в качестве примера лейбористов: партия была создана в 1900 г. с целью обеспечить финансирование рабочих кандидатур на выборах. По характеру финансирования это — массовая партия, избирательные расходы коллективно покрываются профсоюзами. По такое коллективное членство весьма отлично от индивидуального, оно не предполагает ни настоящего политического приобщения, ни личной ангажированности по отношению к партии. Это коренным образом меняет самую природу партии и принадлежности к ней, степень которых мы попытаемся далее уточнить. А с другой стороны, возьмем американские партии в тех штатах, где функционирует система праймериз — закрытых первичных выборов с регистрацией участников; в политическом отношении она напоминает массовые партии. Такое участие в выборах — с регистрацией и обязательствами, которые она предполагает, — можно рассматривать как форму членства; кстати, участие в выдвижении кандидатов, выставляемых партией на выборы, составляет одну из типичных обязанностей ее члена. Только в данном конкретном случае это единственная его обязанность: у американцев нет никакого аналога собраниям секций массовых партий. А

главное, здесь нет системы регулярных взносов, обеспечивающей избирательную кампанию, так что с точки зрения финансовой перед нами, строго говоря, партия кадровая. В конечном счете непрямые партии и партии типа американских нужно считать партиями полумассовыми, не возводя это понятие в ранг какой-то третьей категории, противоположной двум первым в силу ее своеобразия.

Различие кадровых и массовых партий обусловлено социальной и политической инфраструктурой. В основных чертах оно соответствует замене ограниченного избирательного права всеобщим. В условиях цензовых избирательных режимов, которые в XIX веке были правилом, партии носили четко выраженную кадровую форму. Вопрос о вовлечении масс не стоял, поскольку они не имели никакого политического влияния.

В то же время финансирование выборов капиталистами казалось совершенно естественным. Оно, кстати, намного пережило ограниченное избирательное право. На деле утверждение всеобщего избирательного права далеко не сразу привело к появлению настоящих массовых партий. Кадровые партии сперва пытались просто либерализовать свои структуры, имитируя их открытость массам. Этой первой фазе в английской либеральной партии, например, соответствует бирмингемская система уже упомянутых саусус, в консервативной — Primrose League (Первичная Лига), в Америке введение первичных выборов.

Речь шла о том, чтобы дать некоторый выход политической активности масс и придать нотаблям, составляющим комитеты, видимость народной инвеституры. Два первые случая действительно близки к массовым партиям: принцип членства, так же как и регулярные взносы, формально существовал. Но настоящая жизнь партии разворачивалась фактически помимо этих ее членов. Так, Primrose League была органом по сути дела отличным от партии в силу разнородности их социального состава; первичные выборы ограничивались выдвижением кандидатов. Одни только саусус с их квартальными секциями выступали прообразом настоящей массовой партии, но и это был лишь переходный опыт. Политическая и финансовая база массовых партий отсутствовала, и еще не встал вопрос о том, чтобы отказаться от финансирования кандидатов и самих выборов капиталистами; еще не было речи о политическом воспитании масс и прямом использовании их активности в политической жизни. Скорее речь шла о том, чтобы использовать силу масс — политическую и финансовую — как точку опоры. Первый шаг был сделан, но это был всего лишь первый шаг.

Практическое осуществление всеобщего избирательного права вызвало почти повсюду (кроме США) развитие социалистических партий, которые на этом этапе бесповоротно утвердились на политической арене, хотя и не везде одновременно и сразу (табл. 6). Во Франции, например, первые социалистические объединения не так уж отличались от буржуазных партий; регистрация приверженцев, сбор членских взносов, самостоятельное финансирование выборов развивались довольно медленно. Еще более это характерно для Италии и других политически менее развитых стран. Однако накануне войны 1914 г. европейские социалистические партии оформились в большие человеческие общности, коренным образом отличные от прежних кадровых партий; немецкая социал-демократия, например, с ее миллионом членов, с годовым бюджетом почти в 2 миллиона марок представляла собой настоящее государство, более могущественное, чем некоторые национальные государства. К этой мощной структуре привела марксистская концепция партии-класса: если партия есть политическое выражение класса, она естественно должна стремиться к тому, чтобы охватить его в целом, сформировать политически и выделить из него руководящую и правящую элиту. Вместе с тем это позволило освободить рабочий класс от опеки «буржуазных» партий: чтобы выставлять на выборах независимых рабочих кандидатов, необходимо было уйти от капиталистического финансирования (иначе под видом поддержки происходили вещи прямо противоположные), а это было возможно только за счет финансирования коллективного. Чтобы противопоставить буржуазной политической прессе

прессу рабочую, нужно было объединить капиталы и организовать распространение газеты — только массовая партия могла это обеспечить.

Все это объясняет, почему различие кадровых и массовых партий почти абсолютно совпадает с делением на правых и левых, на «буржуазные» и «пролетарские» партии. Буржуазная правая не нуждалась в привлечении масс ни в финансовом, ни в политическом смысле: она располагала собственными кредиторами, собственными нотаблями и собственными элитами. Она считала достаточной спую политическую культуру. Здесь же содержится и ответ на вопрос о том, почему вплоть до выхода на политическую арену фашистов попытки создания массовых консервативных партий обычно терпели поражение. Здесь играло свою роль инстинктивное отвращение буржуазии к объединению и коллективному действию, так же как прямо противоположные тенденции рабочего класса благоприятствовали превращению социалистических партий в массовые. Уместно напомнить здесь наши предшествующие замечания. Понадобилось развитие коммунизма и революционных методов политической борьбы, чтобы заставить буржуазию понять недостаточность кадровых партий и всерьез заняться организацией массовых партий: в 1932 г. национал-социалистическая партия имела 800000 членов. Но в на самом деле это означало разрыв с демократией. Для действия в рамках избирательной и парламентской системы правой обычно достаточно кадровых партий, а в борьбе против этой системы массовые партии фашистского типа редко проявляют устойчивость и стабильность пролетарских партий. К тому же они имеют тенденцию утрачивать природу чисто массовых партий, как мы это вскоре увидим.

И, наконец, различие кадровых и массовых партий определяется теми их особенностями, которые связаны с различными типами партийной инфраструктуры. Кадровые партии — партии комитетские, децентрализованные и слабо интегрированные; массовые — это чаще всего партии, основанные на секциях, более централизованные и с более жесткой структурой. Различия в технике организации накладываются на различия в самой природе организуемых общностей. Партии, построенные на базе ячеек и милиции, тоже принадлежат к категории массовых, но здесь этот характер менее ясно выражен. Конечно, коммунистические и фашистские партии — даже до взятия власти и установления однопартийной системы — охватывают столь же многочисленные массы, как и социалистические: 800000 членов немецкой национал-социалистической партии в 1932 г.; 1.000.000 членов французской компартии в 1945 г.; 2.000.000 итальянских коммунистов в 1950 г. Как бы там ни было, тенденция вырисовывается ясно. Известно, что коммунисты периодически устраивают внутренние чистки с целью освободиться от аморфных, пассивных и подозрительных: таким образом качество восполняет количество. Они имеют к тому же тенденцию строжайшим образом контролировать своих членов. Некоторые социалистические партии предвосхитили такого рода контроль, но эта система мало у них привилась, тогда как коммунисты показали себя на этой стезе куда более последовательными. В фашистских партиях тенденция ориентации на качество выражена еще определеннее, правда, может быть более решительно в доктрине (чисто аристократической), нежели на практике: громадный количественный рост партии в последние предшествующие захвату власти годы, разумеется, должен был стать препятствием для серьезной фильтрации ее членов.

Как бы то ни было, общая тенденция не вызывает сомнений. Напрашивается лишь вопрос: можно ли еще в данном случае говорить о массовой партии или речь должна идти о ее постепенном переходе к новой концепции, к третьей категории — партии «верных», более открытой по сравнению с кадровой и более закрытой, чем массовая. Согласно ленинской концепции, партия не должна охватывать весь рабочий класс, она — только его ведущее крыло, передовой отряд, «партия наиболее сознательных». Это не концепция партии-класса — это концепция партии-элиты. Фашистские доктрины в этом отношении еще более откровенны. Пронизанные антиэгалитаризмом и ницшеанством, аристократические по своей сути, они видят в партии некий «орден», состоящий из лучших, самых преданных, самых

отважных, самых одаренных. Эра масс остается позади: мы вступили в эру элит. Понятие члена партии обнаруживает тенденцию к диверсификации: в партии обозначаются концентрические круги, соответствующие различным степеням преданности и активности. У национал-социалистов мы видим партии в самой партии — сперва СА, затем СС. Официальная доктрина коммунистов, казалось бы, противостоит такой иерархии; однако и здесь можно выделить стабильный и прочный «внутренний круг», выступающий центром объединения массы рядовых членов, нередко довольно нестабильной. Подобные различия были весьма ощутимы во французской компартии перед войной.

Но не стоит преувеличивать значения этих явлений, они остаются пока еще ограниченными. Коммунистические и фашистские партии можно по-прежнему относить к категории массовых, не забывая об известной их специфике, тем более что и социалистические партии на раннем этапе своей истории обнаруживали некоторые аналогичные черты: они отличались большой требовательностью к пополнению и, пока возраст не умерил их претензий, желали быть «партией верных». Последнее понятие слишком неопределенно, чтобы вознести его в ранг особой категории. По за ним стоит известная реальность, и анализ природы причастности к партии еще приведет нас к необходимости рассмотреть и эту ее форму.

Критерии членства

Формальный механизм вступления в партию имеется только в массовых партиях. Он включает написание заявления — одинакового для всех — и ежегодную уплату членских взносов. В кадровых партиях нет ни того, ни другого, туда вступают безо всяких официальных процедур, а систему членских взносов заменяют там эпизодические пожертвования. А поскольку никаких четких критериев членства больше нет, то о степени причастности (participation) к партии можно судить лишь по проявлению активности в самой партии.

Наиболее распространенный способ приема в массовую партию — это заявление о вступлении, то есть печатный бланк, обычно содержащий обязательство вступающего соблюдать дисциплину партии и пропагандировать ее идеи и пробел, куда вписывается имя, адрес, дата рождения и другие сведения. Вступить в партию — значит прежде всего заполнить и подписать заявление о вступлении. Данная процедура таит в себе два существенных преимущества. Во-первых, она как бы материализует привязанность члена партии к организации — все юридические системы придают письменному тексту особую ценность и не только потому, что он обладает большей доказательной силой (написанное остается!), но и благодаря его психологической значимости. В нашей цивилизации письменное сообщение всегда производит более сильное впечатление, чем устное: письменный текст унаследовал тот магический характер, который первобытные культуры придавали известным жестам, формулам и ритуалам. Некоторые фашистские партии, устраивающие сложные коллективные церемонии, чтобы придать особую значительность акту вступления, пошли еще дальше, но они лишь гипертрофируют тенденцию, свойственную всем массовым партиям. Вместе с тем вступительное заявление обладает и другим преимуществом: оно представляет карточку сведений о новом члене. Как утверждают сами партии, ценность этих сведений весьма относительна. Иногда они содержатся не только в самом вступительном заявлении, но еще и в отдельном документе — заполняемой по этому случаю настоящей анкете нового члена партии.

В итоге можно выделить два типа вступления — свободный и регламентированный. Первый не предполагает никаких условий и формальностей, кроме подписи во вступительном заявлении (и уплаты членских взносов) — вход в партию свободный. Это сопоставимо с порядком регистрации, предусмотренным некоторыми закрытыми первичными выборами в Соединенных Штатах: заполнение листка выборщика несколько напоминает написание вступительного заявления, хотя речь идет собственно не о вступлении

в партию, а о простом праве голоса при выдвижении ее кандидатов. Регламентированное вступление носит совершенно иной характер. Оно включает два различных акта: просьбу заинтересованного лица о приеме и решение о приеме, принятое ответственным органом партии. Прерогатива приема принадлежит обычно местным подразделениям; возможно обращение в высшие инстанции — в случае отказа. Иногда вопрос изучается специальной комиссией. Обычно все это дополняется обязательным поручительством: один или два члена партии должны гарантировать политические и моральные качества соискателя своей подписью и нести за него ответственность. Регламентированное вступление с рекомендациями и решением о приеме — обычная процедура согласно уставам социалистических и коммунистических партий; меры предосторожности объясняются теми испытаниями, которые выпали на долю этих партий при их появлении на свет, и особенно стремлением полиции внедрить туда «шпики». Отсюда и рекомендации, предварительная анкета и окончательное решение местного подразделения. Но по мере того, как партийная деятельность становилась все менее опасной и контролируемой, эти предосторожности вышли из употребления. Зачастую они представляют из себя пустую формальность, и регламентированное вступление в конечном счете становится открытым. Жесткая регламентация восстанавливается лишь в случае каких-то исключительных обстоятельств, когда фильтрация вновь оказывается необходимой. Так, во многих европейских партиях контроль при вступлении стал более серьезным после Освобождения; его целью было стремление помешать коллаборационистам найти себе прибежище в этих партиях. В Германии, Австрии и Италии он и сейчас довольно строг, поскольку в прошлом там существовали фашистские режимы, и позиция, которую соискатели занимали в тот период, тщательно проверяется.

Вновь принятый получает именной билет, который материализует его принадлежность к партии. Форма билета связана с системой членских взносов. Здесь также можно выделить два типа партий. Одни собирают взносы ежегодно, в один прием. Общая сумма незначительна и не требует больших финансовых жертв. Ее уплата удостоверяется маркой, помеченной соответствующим годом и наклеенной в постоянный членский билет. В других партиях взносы состоят из двух частей: годового взноса в форме приобретения партийного билета (который таким образом ежегодно обновляется) и месячного, удостоверяемого марками, вклеенными в годовой билет (или вкладыш к нему). Взносы второго типа значительно выше: например, в бельгийской социалистической партии минимальный взнос колеблется между 6 и 100 франками (бельгийскими) в месяц; во французской социалистической он составляет от 75 до 100 франков. Это в основном принято в рабочих партиях — социалистических и коммунистических. Парадоксально, но партии, базирующиеся на самых бедных классах, взимают самые высокие взносы. Обычно это объясняют психологическими мотивами: народные слои действительно куда больше преданы партии, чем буржуазия, отсюда в таких партиях легче установить высокие взносы. Но здесь не обойтись и без финансовой стороны дела: ведь в консервативных партиях взносы не имеют такого того основополагающего значения, как в рабочих партиях; там члены партии знают, что кредиторы своими пожертвованиями с лихвой восполняют дефицит партийных касс и что эти пожертвования составляют их основную обязанность. В рабочих же партиях взносы образуют главный источник средств партии и финансирования выборов. Провозглашенная партией цель: «жить за счет взносов» — единственная гарантия ее независимости. Члены партии понимают жизненно важное значение взносов и приносят эту жертву.

Партии к тому же пытаются внести в эту сферу известную справедливость вместо системы унифицированных взносов, что соответствует самой примитивной фискальной технике — сбору подушной подати, некоторые из них устанавливают сумму износа пропорционально доходу (или даже систему семейного взноса, как это в частности принято в австрийской социалистической партии). В бельгийской социалистической партии, например, насчитывается семь различных ставок взноса — 6, 10, 15, 20, 25, 50 и 100 бельгийских

франков (плюс ставка, сниженная до 3 франков — для пенсионеров по старости и неработающих женщин); выбрать взнос соответственно своим финансовым возможностям — дело совести самого члена партии. В немецкой социал-демократической партии имеется 12 ступеней взноса — от 0,25 до 30 марок, и распределение плательщиков по этим различным денежным «эшелонам» весьма неравномерно (табл. 7). Во французской компартии система взносов имеет вид пропорциональной: лица малооплачиваемых профессий вносят 10 франков в месяц; при жаловании до 10000 — 30 франков; те, чье жалование колеблется в пределах от 10000 до 15000 — 40 франков; те, чье вознаграждение превышает 15000 — 60 франков. Но «потолок» так низок (на уровне прожиточного минимума), что эта пропорциональность имеет своей целью просто установить посильные взносы для членов партии с очень низкими доходами, а все прочие практически оказываются с ними на равной ноге. Проблема пропорциональных взносов была в последние годы предметом больших дискуссий в СФИО; в 1950 г. последовало конструктивное решение, и многие секции уже используют его с большой, кстати, для себя выгодой. Курьезно, но сопротивлялись как раз те, кому оно как будто бы и благоприятствует: самые бедные члены партии, которые не желали «чувствовать себя социалистами низшего сорта»³.

Этот штрих прекрасно раскрывает глубинную природу взносов, и тот, кто ограничивается лишь финансовой стороной, рискует просто ничего не понять. Взносы — психологический компонент вступления и принадлежности к партии. Это одновременно и знак, и источник преданности. Платить взносы регулярно, платить повышенные взносы — данный акт уже включает в себя элемент жертвоприношения, он демонстрирует прочность связей с партией. И вместе с тем он ее углубляет: к общности, как и к живому существу, человек привязывается прямо пропорционально тем жертвам, которые во имя нее приносит.

С точки зрения интенсификации членства принятая в прямых партиях система взносов обладает известными преимуществами; но если поставить во главу угла чисто финансовую выгоду, то система коллективного финансирования через профсоюзы, используемая непрямыми партиями, особенно английскими лейбористами, обладает неоспоримым превосходством. Богатство лейбористской партии в основном складывается за счет средств, перечисляемых профсоюзами. Если бы она отказалась от их поддержки в расчете только на индивидуальное членство и личные взносы трудящихся, не входящих в профсоюзы, ресурсы партии значительно сократились бы. Даже порядок 1927–1946 гг. более предпочтителен, чем членство помимо профсоюзов. Одно дело — обязанность выразить свое согласие на политический взнос при вступлении в профсоюз, и совсем другое — необходимость дать его при индивидуальном и самостоятельном вступлении в партию. Ясно, что вторая процедура предполагает гораздо большую инициативу и гораздо более свободный волевой акт. Она также менее предпочтительна, чем вступление в прямую партию, и с точки зрения партийной солидарности: написание заявления об индивидуальном вступлении устанавливает более тесную связь с партией, чем простое принятие политического взноса. Зато последнее более выгодно с точки зрения финансовой: сбор взносов облегчается, политический взнос выступает всего лишь небольшой надбавкой к профсоюзному. Отчисляемый одновременно с профсоюзным, политический взнос в нем четко и неразличим, и уж совсем неотделим от него при системе *contracting out*; отсюда и менее обременительный характер «жертвы», и упрощение сбора. Партийный взнос принимает здесь форму косвенного налога, включенного в стоимость предоставленной услуги, то есть он менее виден и менее тяжок. Такой же, но только еще более явно выраженный характер носит финансовая поддержка партии со стороны кооперативов и подобных им объединений; сюда можно отнести и финансирование со стороны союзов промышленников и коммерсантов, по типу весьма близкое к тому, что принято в консервативных партиях. Система не прямых коллективных взносов очень выгодна с точки зрения сбора. Однако она почти не развивает чувства причастности к партии: взнос и членство здесь окончательно разведены, первое отнюдь не выступает критерием и элементом второго.

Но правомерно ли вообще говорить о членстве в непрямой партии? На первый взгляд, утвердительный ответ на этот вопрос не вызывает сомнений. Представляется даже, что в данном случае причастность к партии прочнее, чем в прямых партиях. Разве английский рабочий — член профсоюза, тем самым включенный в лейбористскую партию, не связан с ней солидарностью более тесной, чем рабочий французский, чья профсоюзная и политическая активность за висят от разных организаций? Совпадение связей, казалось бы, должно усилить каждую из них: такое сложение частично содержит умножение. Пример фламандского крестьянина, состоящего в Католическом блоке через посредство Крестьянского союза, здесь выглядел бы еще убедительнее. Созданная в 1887 г. по инициативе сельского священника из Кампина, эта замечательная организация выступает сегодня средоточием всей религиозной, интеллектуальной, профессиональной, экономической и социальной жизни земледельцев. Благотворительное общество, вечерняя школа, профсоюз, кооператив и касса взаимопомощи одновременно, она занимается их религиозным, интеллектуальным и моральным воспитанием и вместе с тем заботится об улучшении их материальных условий с помощью самых различных способов: продажи и покупки сообща продуктов и удобрений, организации сберегательных касс и сельскохозяйственного кредита, взаимопомощи и страхования от заболеваний скота, пожаров и крестьянских рисков и т. д. В то же время в 1919–1940 гг. она определяла и рамки политической жизни крестьянства, поскольку стала одним из четырех *standen* католической партии. Понятно, какую огромную силу придавала последней такая опора.

Но суть проблемы в другом. Непрямая структура партий ставит под угрозу само понятие партийной общности. Партийная солидарность несомненно усиливается совпадением классовых интересов, выражаемых базовыми группами; но это не та собственно политическая солидарность, что аутентична принадлежности к партии. Членов базовых групп нельзя рассматривать как настоящих членов партии поскольку их связи с партией слишком слабы, несмотря на видимость. Здесь следует остерегаться весьма распространенной путаницы: прочность связей, объединяющих фламандских земледельцев, демонстрирует мощь крестьянского союза, но не католической партии. Чем была католическая партия для фламандского крестьянина — члена крестьянского союза в 1921–1939 гг.? Почти ничем. Благодаря крестьянскому союзу он, разумеется, был избирателем партии (и остался им), но все же невозможно считать его настоящим членом партии. То обстоятельство, что сам крестьянский союз входил в Католический блок, ничего не меняет: не прямое вступление настоящим вступлением не является. Никакой общности (в социологическом смысле данного термина), никакого человеческого объединения, основанного на связях солидарности, на уровне коалиции четырех *standen* реально не сложилось: только сотрудничество делегатов каждого *stand* в рамках партийных органов могло породить то, что собственно и называется партийной общностью, — да и то лишь в высшем эшелоне, ибо партия существовала только на уровне кадров, но не масс.

Опыт лейбористской партии позволяет экспериментально проверить эти утверждения и выявить, что же в них абсолютно. После отмены *contracting out* в 1927 г. численность членов профсоюзов, входящих в партию (то есть согласных уплачивать политический взнос) упала с 3.200.000 до 2.000.000 (и стабильно оставалась на этом уровне долгие годы — см. табл. 15). После возврата к этой системе в 1946 г. она, напротив, поднялась с 2.600.000 до 4.000.000. Таким образом в 1928 г. 1.200.000 членов профсоюза отказались от членства в партии только потому, что от них потребовалось вместо молчаливого согласия четки выраженное: раньше они не отваживались отказаться, а теперь — согласиться. И напротив, в 1947 г. 1.400.000 вошли в партию единственно для того, чтобы избавить себя от необходимости сделать элементарный жест — четко заявить об отказе, хотя раньше не пожелали сделать другого столь же элементарного жеста — выразить согласие. Причастность к партии, зависящая от столь пустяковых обстоятельств, слаба до смешного. Можно ли говорить о настоящей партийной общности при столь эфемерной солидарности? Отметим в двух случаях курьезное совпадение процента членов партии, вышедших из нее из-за одной только процедуры

contracting out по отношению к общей численности профсоюзов: 37,85 % в 1927 и 35 — в 1947 г. Можно, стало быть, утверждать, что более трети лейбористов — членов профсоюзов не чувствовали настоящей причастности к своей партии: их вступление было скорее следствием инертности, нежели убеждений. Но, как бы там ни было, две трети готовы недвусмысленно подтвердить свою молчаливую приверженность партии, что вытекает из их молчания по поводу политического взноса. У лейбористов непрякая принадлежность к партии оказывается действительно слабой все же для меньшинства ее членов, приблизительно для каждого одного из трех. В других партиях непрякое членство ненамного ниже прямого. В итоге треть состава лейбористской партии не должна рассматриваться в качестве членов партии в точном значении этого термина, и только остальные две трети правомерно сравнить с членами обычных массовых партий. Но никакой специальный критерий не позволяет четко различить эти категории членов; можно дать им общую количественную оценку, основываясь лишь на двух эпизодах, показательных только для самой лейбористской партии. Во всяком случае нет очевидных предпосылок, которые позволили бы перенести ее на другие непрякие партии. Отметим только, что когда в 1909 г. профсоюзы Швеции возложили на своих членов обязанность четко заявить о своем желании войти в социал-демократическую партию (ситуация, аналогичная отказу от системы contracting out), это привело к падению ее численности со 112.693 до 60.813 человек.

В конечном счете попытки дать строгое определение члена партии, приемлемое для всех партий, заведомо тщетны. Четкий критерий есть лишь для одних прямых массовых партий: это акт вступления и регулярная уплата членских взносов. Однако такие внешние и формальные признаки мало что дают. Рядовой социалист и рядовой коммунист весьма не похожи друг на друга, несмотря на сходство процедур. А сколько степеней и нюансов сопричастности мы встретим среди самих членов одной и той же партии? Только количественный анализ позволит здесь выработать общий предварительный взгляд и таким образом сформулировать понятие члена партии.

Измерение численности партий

Контингент членов партии позволяет провести интересные количественные исследования. К сожалению, эти исследования сталкиваются с двумя трудностями: партии не всегда публикуют результаты учета, а сам учет редко поставлен на солидную основу. Некоторые партии не оглашают своей численности: они и сами порой ее не знают по причине пренебрежительного отношения к учету членов и сбору взносов. Только социалистические, коммунистические и фашистские партии (и некоторые демокристические) ведут регулярные учеты на предмет сбора членских взносов. Но результаты публикуют немногие: некоторые ограничиваются их оглашением на партийных съездах и в разного рода циркулярах для внутреннего пользования; другие хранят эти сведения в строгой тайне и ограничиваются тем, что дают приблизительные и округленные цифры интервьюерам. Встретить в этой области серьезную документацию весьма трудно. Более того, пользоваться ею нужно весьма критически. Так, в докладе Леона Мовэ на съезде французской компартии в 1945 г. читаем, что ФКП насчитывала «в конце 1944 г. 385.000 действительно зарегистрированных членов»⁴; но если сложить цифры по регионам (на декабрь 1944 г.), приведенные в том же самом документе несколькими строками ниже, то получим лишь 371.4685. Разрыв невелик; он много больше в сведениях за 1937 г.: 340.000, если следовать данным Мориса Тореза, приведенным в его докладе съезду в 1945 г.⁶, и 291.701 согласно Леону Мовэ, если суммировать данные по регионам, которые он сообщил на том же самом съезде⁷. Возможно, расхождения объясняются различными способами учета, и все дело в том, что Мовэ руководствовался цифрами действительно зарегистрированных членов, а Торез — сведениями о приобретенных в ячейках билетах и марках?

Действительно, возможны два способа учета: по количеству билетов, приобретенных секциями в центральном казначействе, и по количеству действительно проданных членам партии; поскольку ячейки и секции заказывают себе билеты и марки авансом, первые цифры обычно несколько выше вторых. Это заметно главным образом в середине года, особенно накануне съезда или избирательной кампании, когда в ожидании нового пополнения секции обычно делают довольно значительные запасы. В отчете Л. Мовэ уточняется, что к концу апреля 1945 г. партия насчитывала 616.330 зарегистрированных коммунистов; на 25 июня в центральном казначействе было приобретено 906.627 билетов. Совершенно очевидно, что партия не могла менее чем за два месяца принять 300.000 новых членов (сам Мовэ, кстати, об этом ясно заявляет); разрыв объясняется разными способами учета. К концу года обе цифры должны были бы совпасть, все приобретенные авансом билеты теоретически должны быть размещены. Но практически иногда есть «непроданные», и таким образом учет, основанный на выданных (а не размещенных) билетах, приводит к завышенным по сравнению с реальными цифрам. Этим и объясняется благосклонное отношение к нему со стороны партий, так же как и стремление некоторых из них смешивать эти две техники учета, французская коммунистическая партия в 1945 г. четко различала обе статистики, поскольку была на подъеме, и разрыв цифр позволял лучше подчеркнуть свой успех. После 1947 г., когда начинается спад, такое различие менее заметно. Лейбористы и большинство социалистических партий корректно ведут свою статистику, учитывая лишь действительно размещенные билеты; вот почему их часто приводят в качестве примера.

Но местные секции и федерации часто стараются объединить средства, чтобы закупить и сохранить за собой завышенное по отношению к числу членов партии количество билетов. В авторитарных партиях это средство заставить центр себя уважать; демократические могут таким способом увеличить свое представительство на съездах, а следовательно и влияние в руководящих органах. Число делегатов и мандатов, предоставляемых каждой местной федерации, обычно пропорционально количеству оплаченных ею билетов и марок, откуда заинтересованность в том, чтобы закупить их как можно больше. Понятно, что свободные средства ограничены и в выигрыше оказываются богатые федерации. Во французской социалистической партии, например, неизменно оказывается завышенным представительство федераций Па-де-Кале и Сенегала (назовем только их). Статистика, основанная на проданных марках и билетах, всегда побуждает завышать данные, однако другие ее методики, как правило, не используются. Не означает ли это, что она вообще неприемлема? Нет, поскольку какой-то диапазон ошибок, несомненно, почти неизбежен для любой партии. Для сравнения численности одной и той же партии на разных этапах ее развития статистика, основанная на финансовых показателях, вполне применима. Она менее пригодна, когда сравнивают даже однотипные партии различных стран (допустим, европейские социалистические), ибо использование даже одного и того же подхода не везде одинаково. И она совсем неприемлема для сопоставления различных партий в одной и той же стране: впрочем, при любом способе такое сравнение не имело бы смысла, ибо понятие члена партии не идентично в различных партиях.

Статистика численности партий (с учетом всех высказанных по поводу ее содержания оговорок) может быть использована для двух направлений исследований:

первое — это изучение эволюции партий; второе — анализ их социального состава. Первое прежде всего позволяет выявить связь между политическими и экономическими событиями и количественными параметрами партийных общностей. Представляется любопытным высказать в этой связи некоторые общие соображения; эта связь на самом деле гораздо менее тесная, чем обычно принято думать. Партийная общность относительно индифферентна к колебаниям обстановки. Конечно, любая из двух мировых войн, например, обычно имела своим следствием колебания численности. Показателен в этом отношении рост социалистических партий в Англии и Франции в 1919–1920 и 1945–1946 гг.; в то же время в скандинавских странах их влияние оказалось гораздо менее ощутимым. Но наиболее яркий случай подобной индифферентности к обстановке — великий экономический кризис

1929 г. В целом он не вызвал заметных скачков в численности европейских партий. Особенно типичен в этом смысле пример социалистических партий. Франция ощутила симптомы кризиса в 1930–1932 гг.; в 1934 г. он достиг своего максимума. Однако численность СФИО все эти годы оставалась почти неизменной — в пределах 120.000–130.000 человек (табл. 8); она увеличилась на 9627 в 1929 г., на 6044 — в 1930, на 5301 — в 1931, на 6820 — в 1932 г.; и затем снизилась на 6.640 в 1933, на 21.044 — в 1934, с тем чтобы возрасти на 10.083 в 1935 г. Эти колебания очень незначительны (наиболее заметное — 1934 г. объясняется уходом в конце 1933 г. «неосоциалистов» и политическими событиями 1934 г.). Все это не согласуется с распространенным представлением о том, что экономические трудности увеличивают силы партий левой: это, быть может, верно в отношении электората указанных партий, но не их членов. В данном случае, напротив, экономические трудности даже как будто совпадают с легким снижением численности, хотя партия была в оппозиции. Известная корреляция (довольно, впрочем, нечеткая) обнаруживается между кривой реальной заработной платы и численностью социалистических партий (см. табл. 1 — лейбористы; табл. 8 — СФИО; табл. 16 — немецкие социал-демократы). В Англии количество лейбористов — членов профсоюзов обнаруживает в этот период замечательную стабильность — в пределах 2.000.000 (см. табл. 1 и 15). А ведь профсоюзы должны были бы оказаться наиболее чувствительными к кризису. Но, как видим, амплитуда ежегодных колебаний никогда не превышает 3,2 % общего состава: снижение на 1,7 (1930), рост на 0,65 (1931), снижение — на 3 (1932), на 3,2 (1935) на 2,2 (1934), и рост на 2,75 (1935). Слабая тенденция к снижению обнаруживается, таким образом, в 1932–1935 гг., ни разу не достигая даже 10 % в течение трех лет. А число индивидуальных членов в то же самое время возрастало весьма быстрыми темпами, увеличившись с 227.877 в 1929 г. до 419.311 — в 1935. Максимум роста пришелся на 1930–1932 гг. (25 % ежегодно). Но интересно отметить, что эти колебания имели противоположную направленность; две группы членов лейбористской партии — индивидуальные и ассоциированные — различным образом реагировали на одни и те же события, как если бы то были две достаточно разнородные общности. Это подтверждает ранее высказанные нами соображения о специфическом характере непрямого членства.

Вместе с тем в Германии, напротив, наблюдается весьма ощутимое совпадение между углублением экономического кризиса и прогрессирующим ростом национал-социалистической партии: обозначается известный параллелизм кривых безработицы и увеличения численности НСДАП (табл. 9). Аналогичные соображения можно высказать и относительно немецкой коммунистической партии, хотя здесь этот феномен выступает более умеренно. А французская коммунистическая партия оставалась стабильной между 1930–1934 гг., увеличив свои ряды с 40.0008 до 45.0009, то есть ежегодный прирост был чуть выше 1 %. Правда экономический кризис менее серьезно задел Францию по сравнению с Германией. Следует ли различать два рода партий: традиционные, относительно мало чувствительные к колебаниям конъюнктуры, — и новые партии, чей рост или упадок этими колебаниями непосредственно обусловлен? Они соответствуют двум различным социологическим типам: первые — стабильные и стабилизирующие общности, играющие роль известных политических амортизаторов; вторые — импульсивные и недолговечные, в противоположность первым усиливающие настроения, порожденные происходящими событиями. Не делая чересчур поспешных заключений, ограничимся тем, что просто подчеркнем относительную самостоятельность партийной общности, частичную ее независимость от политических и экономических событий. По-видимому, она гораздо более чувствительна к собственно партийным проблемам: внутренние кризисы и расколы, например, вызывают значительные колебания ее численности.

После съезда в Туре численность СФИО упала со 179.787 в 1920 г. до 50.449 членов в 1921; она продержится на этом уровне в течение трех лет и вновь поднимется только с началом избирательной кампании 1924 г. Точно так же раскол норвежской лейбористской партии в 1920 г. привел к падению ее численности с 95.165 до 45.946 членов. Подобные же

колебания наблюдались в английской лейбористской и шведской социалистической партиях вслед за реформами, затронувшими порядок вступления в партию членов профсоюзов. Партия несомненно представляет собой закрытую, замкнутую в себе самую общность; она по-видимому живет по своим собственным законам, отличным от законов той национальной общности, в которую включена; партия обладает специфическим ритмом развития.

Этот ритм жестко зависит от ритма выборов: уже было отмечено, что деятельность некоторых партий носит почти сезонный характер, оживляясь по случаю избирательных кампаний, между которыми они впадают в настоящую спячку. Очевидно это касается не только пропагандистской работы, но и самого состава партий. Анализ колебаний численности порой обнаруживает признаки регулярного движения, связанного с выборами (особенно всеобщими, которые одни по существу только и носят подлинно политический характер). Во французской социалистической партии, например, в 1919–1939 гг. смутно вырисовывается некое подобие «избирательного цикла»: численность ее возрастает в год выборов и обычно — в год, непосредственно за ним следующий; но затем наступает стабилизация или даже спад. Имеются таким образом как бы два года «инфляции» и два года «дефляции». Этот феномен весьма четко выражен в связи с выборами 1924 г. (-2,5 % от всего состава партии в 1922 г., +2,7 в 1923, +49 в 1924, +53,2 в 1925, +0,7 в 1926, -11,9 в 1927) и выборами 1936 г. (-16,1 % в 1934 г., +15 в 1935, +68 в 1936, +41,5 в 1937, -3,9 в 1938 г.). Менее определенно данная тенденция обнаруживается по отношению к выборам 1928 г. (-12 % в 1927, +12 в 1928, +8,8 в 1929, +5 в 1930, +4,2 % в 1931 г.) и особенно — 1932 г. (+4,2 % в 1931, +5,2 в 1932, но -4,7 % в 1933 г.). Возможно, это объясняется некоторым наложением мирового экономического кризиса, точно так же, как в 1924 и 1936 г. рост, обязанный общим выборам, был усилен особыми условиями избирательной кампании и тем накалом, который придали им объединения «Картель» и «Народный фронт». Внимательно изучая данные учета и выделяя за каждый год сведения о вновь вступивших и выбывших членах (помимо, разумеется, выбытия по случаю смерти и особенно исключения — открытого или негласного), можно обнаружить подтверждение этих циклических подвижек: пополнение в основном более значительно в год выборов и примыкающий к нему; отток характерен для двух последующих лет (табл. 10). И все же этот феномен отнюдь не носит абсолютного характера. Он не выражает даже общей тенденции: подобные сдвиги почти не ощутимы в социалистических партиях — британской, шведской, норвежской, etc. Невозможно сделать общих выводов путем анализа опыта всего лишь четырех выборов и одной партии.

Наш анализ позволяет только привлечь внимание к одному существенному различию — различию постоянных и временных членов. Многие из тех, кто однажды подписывает вступительное заявление и получает партийный билет, не обновят его в будущем году и забудут о своем вступлении в партию; некоторые пройдут процедуру формального исключения, большинство же попросту прервет всякие контакты с партией (продолжая, кстати, фигурировать в списках тех партий, где регистрация не слишком строга, и тем самым искусственно раздувать их численность). Очень часто принадлежность к партии еще более кратковременна: партию забывают через несколько месяцев, а то и дней. Иногда, напротив, связь сохраняется на протяжении двух или трех лет. Но и в этом случае речь не идет еще о настоящем — постоянном — члене партии, чья связь с ней не прерывается в течение длительного периода, часто и всей жизни. Было бы очень важно иметь критерий для четкого разграничения этих двух категорий. Но, к сожалению, партийные статистики их не различают, или делают это очень плохо. Французская социалистическая партия, например, ежегодно выделяет «вновь принятых», «ранее принятых» и «выбывших» (табл. 10). Однако со следующего года вновь принятые становятся ранее принятыми, и это вносит неизбежную путаницу в отношении последних. А главное, учет выбывших ничего не говорит о стаже тех, кто выбыл из партии. Серьезная статистика должна была бы тщательно выделять: 1) вновь принятых в текущем году; 2) ранее принятых, то есть членов партии, имеющих стаж один, два, три года, etc. Точно так же следовало бы подразделять по стажу и выбывших. Тогда

дальнейшие исследования позволили бы судить о стабильности состава. Но, увы, сами партии меньше всего этим озабочены; они явно заинтересованы в том, чтобы замаскировать реальное соотношение постоянных и временных членов, что обнаружило бы их слабость.

В некоторых партиях это соотношение действительно красноречиво. Так, серьезные исследователи считают, что одна из самых устойчивых черт французской коммунистической партии — ее перманентное обновление: известно, что в 1939 г. всего 3–4 % ее состава имели партийный стаж более 6 лет — 10. Но такие сведения трудно бывает проверить. Опросы, проводимые обычно в специально подобранных ячейках, весьма приблизительно позволяют проверить их истинность. Тем не менее некоторые выводы можно косвенным путем сделать на основе официальной партийной статистики: в 1937 г. партия насчитывала 340.000 членов — против 45.000 в феврале 1934 г. Стало быть, более 87 % ее членов в 1937 г. имели партийный стаж менее четырех лет. В декабре 1944 г. В партии состояло 385.000, а в декабре 1945 — 1.032.000: то есть, на эту дату почти два из трех коммунистов имели стаж менее года, а для каждого четвертого пребывание в партии было всего лишь кратким эпизодом, поскольку в декабре 1949 г. партия заявляла о численности в 786.000 (табл. 11). Не более долговечным оказался и резкий рост СФИО в 1924–1925 гг.: в 1924 г. зарегистрировано 34.668 новых членов (на 38.000 ранее принятых); в 1925 г. — 50.537 вновь принятых на 60.939 ранее принятых; но 28.031 покинули партию в 1926 и 31.522 — в 1927, против приблизительно 12.000, в среднем выходявших из нее в предшествующие годы. Точно так же скачок численности лейбористов в 1920 г. по-видимому был достигнут главным образом за счет непостоянного контингента. За два года, с 1918 по 1920, в партию вступили 1.353.126 новых члена, рост составил 46,3 %; затем этот показатель за 1920–1922 гг. упал до 31,5 % и оставался почти неизменным вплоть до 1927 г. За два года 1.034.351 покинули партию: это означает, что 76,4 % прироста приходится на предшествующий период. Следовательно, правомерно считать, что три из четырех вновь принятых в партию в 1918–1920 гг. оказались всего лишь временными ее членами. Рост же СФИО в 1936–1937 гг., напротив, представляется прочным: она приобрела 100.211 новых членов в 1936 г. и 101.332 — в 1937; вместе с тем, было зарегистрировано соответственно только 16.728 и 49.338 выбывших.

Систематический анализ, позволяющий разделить постоянных и временных членов, открыл бы путь к более глубокому представлению о партийном сообществе. Лишь тогда можно будет отличить поверхностные колебания, порожденные «временными», от глубоких изменений, которые достигаются за счет постоянных членов: рост СФИО в 1936–1937 гг. приобрел бы тогда совсем иной смысл, чем ее «разбухание» в 1924–1925 гг. С этой точки зрения тот кризис, который она сегодня переживает, можно было бы рассматривать как поворот к постоянному членству. Но этот поворот сопровождается весьма серьезным снижением средних цифр нового пополнения. До войны партия никогда не пополнялась меньше чем на 15 % (если взять за 100 % численность ранее принятых); этот показатель упал ниже 4 %, в 1947 г., до 0,31 — в 1948 и до 1,9 — в 1949 г. Подобное снижение притока новых членов — симптом серьезного склероза партии.

Различие постоянных и временных членов характеризует не только эволюцию, но и состав партийной общности. Многие основательные исследования, которые могли бы быть предприняты в этой области, сдерживаются неточностью статистики. Следовало бы по меньшей мере характеризовать состав по возрасту и полу, социальному положению и географическому распределению членов партии. Фактически только переписи зачастую позволяют судить о региональном размещении, а тем более о распределении по полу; к тому же и тот и другой показатель не всегда указываются. Специальные монографии должны были бы восполнить пробелы в справочном аппарате: нужно изучить жизнь всех подразделений партии за достаточно продолжительный период, охватить подобным анализом максимально возможное их количество в самых различных социальных сферах. К сожалению, любое из таких исследований столкнется с серьезными препятствиями: беспартийные с трудом получают доступ к необходимым документам; члены партии рискуют интерпретировать их односторонним образом. И в то же время труды этого порядка — необходимое дополнение

изучения социологии и географии выборов: распределение голосов явно зависит от силы партий и их природы. И партии не могут ограничиваться общим и поверхностным учетом своих членов: следовало бы с максимальной точностью разграничить различные их категории, выявить соответственно их социологические параметры и эволюцию последних. Вместе с тем необходимо сопоставить членов партии — эту главную базу всякой партийной общности — с теми, кто лишь близок к ним или, напротив, выделяется среди них. Мы имеем в виду симпатизантов (*sympathisants*), активистов (*militants*), пропагандистов (*propagandistes*).

II. Степени причастности

В партиях, где не принято формальное членство, можно выделить три круга причастности (*partipation*). Наиболее обширный круг составляют избиратели, голосующие за кандидатов, выставляемых партией на национальных или локальных выборах (можно было бы еще разграничить эти два последних, но пренебрежем данным аспектом проблемы в интересах простоты изложения). Второй включает «симпатизантов» — и термин и понятие туманны, но их неопределенность связана с самой действительностью. Симпатизант — это избиратель, но это гораздо больше, чем просто избиратель: он признает спую склонность к партии; он защищает, а порой и поддерживает партию и финансовом отношении; он даже входит в ее придаточные институты. Широко употребляемые сегодня термины «паракоммунист»³ и «криптокоммунист»⁴ относятся именно к симпатизантам. Наконец, третий круг — внутренний, он охватывает активистов¹¹. Активисты рассматривают себя как членов партии, как элемент партийной общности; они обеспечивают ее организацию и ее функционирование; они ведут пропаганду и всю основную партийную деятельность. «Комитетчики» кадровых партий — это активисты. Понятие «член партии» там, где оно принято, образует и четвертый круг, как бы промежуточный по отношению к двум последним; он более широк, чем круг активистов, но более узок, чем круг симпатизантов. Членство (*adhesion*) предполагает более глубокую причастность к партии, нежели симпатия, но менее глубокую, чем активизм. Полезно сравнить членов партии с каждой из трех других категорий; членство — это именно соотносительное понятие.

Главная проблема заключается в том, чтобы определить отношения между различными кругами. Ее решение не может быть абсолютно беспристрастным и представляет отнюдь не чисто научный интерес. Она затрагивает саму природу политических партий и демократический характер их структур. Внутренние круги приводят в движение и руководят внешними; если первые действительно представляют вторых — то есть если их ориентации совпадают — система может быть квалифицирована как демократическая. В противном случае весь этот ряд концентрических кругов можно определить как олигархию.

Избиратели

С точки зрения политической науки эта категория обладает огромным преимуществом по сравнению со всеми прочими: она легко поддается измерению. Обычно мы располагаем довольно удовлетворительной статистикой даже за тот период, когда эта статистика не всегда четко указывала партийную принадлежность кандидата. Серьезные лакуны существовали в этом смысле в европейской статистике до установления пропорциональной системы. Они еще более серьезны, когда речь идет о выборах локальных; но последние менее интересны в свете нашей темы, поскольку здесь личностные моменты и специфические интересы еще больше, чем в ходе всеобщих выборов, определяют партийные привязанности.

3 от греч. *para* — рядом, возле. — Прим. перев.

4 от греч. *kryptos* — тайный, скрытый. — Прим. перев.

Для кадровой партии численность избирателей представляет единственно возможное измерение партийной общности. Силу или слабость партии можно определить по количеству ее избирателей. Можно проследить эволюцию партии через эволюцию ее электората. Сопоставляя состав ее руководящих органов с распределением избирателей, можно судить о степени демократичности партии. На этом основании американские авторы утверждают, например, что национальный конгресс (уполномоченный избирать кандидата от партии на президентских выборах) не имеет репрезентативного характера, поскольку количество его делегатов не пропорционально численности электората партии, сельские избиратели имеют сверх-представительство, так же как и избиратели-южане в республиканской партии (см. табл. 19). В массовых же партиях, напротив, за основу такого представительства берут численность членов партии; но тогда существенной задачей становится определение соотношения этих двух категорий — избирателей и членов партии. Они образуют две различные общности, причем вторая стремится руководить первой. Это хорошо видно на примере депутатов: они получают свои полномочия от избирателей, но между тем оказываются все более и более подчинены власти руководящих комитетов, создаваемых членами партии. Важно, стало быть, выяснить: совпадают или расходятся реакции двух этих общностей. Сравнительная статистика может дать для этого необходимый материал.

Но провести такое сравнение не всегда легко. Оно, во-первых, обычно наталкивается на уже отмеченную выше неточность подсчета членов партии: один из сравниваемых объектов всегда остается величиной, которую приходится принимать на веру. А во-вторых, дело осложняется трудностью сопоставления электоральной и партийной статистики. Метод коэффициентов корреляции в этой области неприменим, и прежде всего потому, что материалов для сравнения слишком мало: учет численности партий ведется начиная всего лишь с 1905–1910 гг., и, следовательно, мы располагаем данными для анализа максимум дюжины всеобщих выборов. А в большинстве и того меньше, ибо сравнение попросту невозможно, если партии еще недостаточно развиты: ряды данных столь ограничены, что никакие серьезные выкладки невозможны. С другой стороны, коэффициент корреляции уместен для сопоставления членов партии и избирателей только в момент всеобщих выборов; но колебание численности партий в интервале между двумя выборами как раз и составляет один из основных аспектов проблемы. Различный по самой своей природе ритм рядов данных — годовой для учета членов партии и четырех-пятигодичный для избирательной статистики — к тому же часто еще искажается распадом партий или переносом выборов. Коэффициенты корреляции дали бы возможность лишь выборочного анализа. Оптимальным приемом был бы метод графического сопоставления кривых роста численности членов партии и избирателей, построенных на основе базовой статистики. Но графики этих кривых не могут быть идентичными в силу того, что численность избирателей и численность членов партии — величины разного порядка. Возьмем тогда отрезки, соотношение которых приблизительно соответствует среднему соотношению обеих общностей в целом в рассматриваемый период. Полезно дополнить эти кривые данными о процентном соотношении соответственного роста численности избирателей и членов партии, что позволит дать более точное измерение.

Чтобы сравнить взаимную диспозицию избирателей и членов в нескольких партиях (различных в одной и той же стране или сходных в разных странах), установим для каждой из них норму членства на рассматриваемый момент, то есть соотношение численности членов партии и численности избирателей. Сопоставляя нормы членства одной и той же партии по ряду последовательных выборов, можно вычертить кривые членства, которые позволят провести сравнение и во времени, и в пространстве (табл. 12). Не будем придавать норме членства большее значение, чем она того заслуживает: это инструмент измерения и ничего более. Не будем забывать и того, что само понятие членства имеет различный смысл в разных партиях и что оно практически не имеет никакого настоящего смысла в кадровых партиях; что и в самих массовых партиях механизмы регистрации и строгость учета весьма различны. Лишено, к примеру, смысла сопоставление партии радикал-социалистов и

коммунистической партии, ибо понятие члена в каждой из них имеет совершенно различное содержание. Точно так же не сравнимы по этому показателю лейбористы и французские социалисты, поскольку соответствующие партии принадлежат к непрямой структуре в одном случае и к прямой — в другом. В конечном счете сравнение возможно в четырех случаях: 1) сопоставление норм членства одной и той же партии в различные периоды ее развития (что позволяет построить вышеупомянутые сравнительные кривые); 2) сравнение норм членства одной и той же партии в различных регионах страны или по различным социальным категориям и возрастным группам (последнее, правда, почти неосуществимо по причине умолчания статистики на этот счет: исследователю придется самому с помощью опросов или монографии создать собственную базу данных); 3) сравнение норм членства однотипных партий в различных странах: социалистических (табл. 12 и 13), коммунистических, демо-христианских, etc.; при этом чем более сходны партийные структуры, тем точнее сравнение: оно будет гораздо более точным для коммунистических партий, чем для социалистических, а для социалистических — точнее, чем для демо-христианских; 4) сравнение довольно близких партий в одной и той же стране: например, коммунистов и социалистов или социалистов и демо-христиан — последнее, впрочем, всегда требует определенных оговорок.

Предложенный инструментарий, думается, открывает обширное поле для исследований. Научный поиск мог бы, по-видимому, сосредоточиться вокруг центральной темы: систематического измерения разрыва между поведением избирателей и поведением членов партии. Можно было бы сопоставить — по регионам или странам — норму членства с процентом полученных партией голосов и выяснить, имеется ли между ними корреляция, изменяются ли они одинаковым или противоположным образом или эти колебания вообще несопоставимы. Можно провести подобное сопоставление но социальным, профессиональным и возрастным группам. Разумеется, такой анализ должен был бы охватывать максимально возможное число партий и углубляться в прошлое настолько, насколько это позволяет статистика. Но при этом нужно все-таки исключать инкубационный период развития партий, когда численность и избирателей и членов партии столь невелика, что никакое серьезное сопоставление невозможно. Партии могут в такой период выдвигать лишь по несколько отдельных кандидатов, что искажает цифру электората, приписываемую им в общенациональной статистике; у них нет еще секций и комитетов во всех регионах страны, что также искажает цифру их членов в партийных учетах. Партии невозможно анализировать, если они не прошли известного пути развития уже после достижения зрелости. Только такого рода исследования — углубленные и многочисленные — позволили бы проверить точность (или выявить степень ошибочности) гипотезы, на основе которой проводилось несколько первых опросов, по правде говоря, довольно ограниченных и немногочисленных. Суть этой гипотезы: существует относительная независимость членов партии и ее избирателей; эти общности по-разному реагируют на одни и те же политические события; можно говорить о разнонаправленности соответствующих изменений. Разумеется, сравнительный анализ обнаруживает и периоды параллельного развития электората и членов партии. Такой пример являет нам французская социалистическая партия в 1906–1914 и 1928–1932 гг. (табл. 8), шведская социал-демократическая партия в 1924–1940 гг., etc. Но такие совпадения этих двух общностей все же редки. Они, по-видимому, соответствуют фазам роста партий и восхождения их к положению доминирующих. Гораздо чаще как раз бывает, что темп роста общности избирателей и численности членов партии не совпадает: первая обычно изменяется быстрее второй. Можно даже констатировать, что норма членства имеет тенденцию к снижению в то время, когда численность избирателей возрастает, и наоборот. Наблюдения, проведенные в социалистических партиях 9 стран, показали что из 63 случаев только 20 отклоняются от выявленной тенденции этого взаимного движения (табл. 14): при этом в пяти из них (Франция, 1919–1928; Норвегия, 1918–1924; Великобритания, 1945–1950 гг.) это объясняется внутренним кризисом партии или изменением системы приема, так что они не показательны значения для обсуждаемой проблемы. Общность членов партии представляется все же более стабильной, чем общность избирателей. Но наши выводы

действительны только для социалистических партий (нестабильность состава коммунистических партий уже отмечалась) и носят всего лишь приблизительный характер. Во Франции, например, стабильность электората в 1919–1939 гг. поразительным образом противоречит нестабильности партий. У социалистов разрыв составлял максимум 14,7 % по отношению к средней двух предельных показателей; у коммунистов он достигал 121,7 %. В Швейцарии, начиная с 1930 г., стабильность избирателей в сравнении с членами партий также много выше: разрыв составляет 1,4 % у социалистов и 28,7 % — у коммунистов.

Различия в скорости изменений встречаются, кстати, реже, чем случаи полного расхождения, с которыми приходится сталкиваться гораздо чаще: это объясняется несовпадением реакций обеих общностей на те или иные политические и экономические события и внутренними кризисами самих партий. Две схемы вырисовываются здесь достаточно ясно: 1) реакция членов партии на кризисы или какие-либо другие внутренние события в партии более ощутима, чем соответствующая реакция избирателей; 2) реакция тех и других на определенные социально-политические события различна, хотя ее и не представляется возможным оценить как более сильную или слабую. Реакция социалистических партий на раскол и отделение коммунистов или «гошистов» (леваков) сразу после войны 1914 г. хорошо иллюстрирует первую схему. Так, во Франции СФИО с 1919 по 1924 г. теряет 46,6 % своих членов, но только 2,4 % своего электората. В Норвегии отделение социал-демократов отнимает у Партии труда в 1918–1921 гг. около 60 % ее членов, тогда как число избирателей сокращается всего на 8 %. А в Германии, напротив, раскол Независимой социалистической партии сопровождался в 1919–1920 гг. значительным уменьшением социал-демократического электората (на 46,5 %), в то время как численность партии выросла на 6,8 % (табл. 16). Реакция лейбористов-членов партии и лейбористов-избирателей на смену процедур *contracting out* — *contracting in* расходится еще дальше: в 1924–1929 гг. принятие первой взамен второй привело к падению численности лейбористов-членов профсоюзов на 35,3 %, что не помешало количеству избирателей вырасти на 51,5 %; разрыв становится менее значительным в 1945–1950 гг., вслед за восстановлением прежнего правила, в результате чего численность лейбористов-членов профсоюзов увеличилась на 96,3%¹², в то время как избирателей прибыло всего на 10,5 %.

Расхождение поведения избирателей и членов партии по отношению к одним и тем же социально-политическим событиям ранее уже ярко обнаруживалась в соответственной их реакции на войны 1914 и 1939 г. И та, и другая имели следствием общий рост социалистических партий — как их избирателей, так и их собственного состава. Но рост этих общностей редко оказывается параллельным, причем измерить угол расхождения не всегда легко: одновременно происходили избирательные реформы, что нередко увеличивало численность избирателей, и необходима поправка на это. Параллельность — в виде исключения — наблюдается во французской социалистической партии в 1914–1919 гг.: число избирателей поднялось на 31,5 %, а членов партии — на 30. В Англии, напротив, с 1910 по 1918 г. количество избирателей, голосующих за лейбористов, выросло более чем на 200 % (по отношению ко всем поданным голосам); в то же самое время численность партии возросла лишь на 100 % (табл. 15). За 1935–1945 гг. лейбористов-членов профсоюзов стало на 20,5, а индивидуальных членов — на 16,2 % больше, а число избирателей выросло на 43,7 %. Эти примеры, казалось бы, опровергают сформулированную выше схему: в данном случае реакция избирателей резче, чем реакция членов партии. По такое включение было бы преждевременным: во Франции, например, процент голосов, полученных социалистами (по отношению ко всем поданным), вырос с 20 (1936) до 25 (1945 г.), как если бы норма членства возросла до 25 %, в то время как цифра членов повысилась до 65,8 %. Просто в некоторых странах мы видим более серьезную дивергентность поведения двух указанных общностей. В Швеции, например, число избирателей, голосующих за социалистов, снизилось с 265.428 в 1914 г. до 195.121 в 1920 г., в то время как численность партии выросла с 84.410 до 143.090; точно так же число избирателей снизилось с 1.546.804 в 1940 г. до 1.436.571 в 1944, тогда как партия выросла с 487.257 до 553.724. В Норвегии электорат социалистов снизился с 618.610 в

1936 г. до 609.348 в 1945, в то время как численность партии поднялась со 142.719 до 197.683. На одно и то же событие, притом значительное, две общности реагируют диаметрально противоположным образом.

Можно было бы привести и другие столь же типичные примеры. Поведение избирателей, голосующих за лейбористов, и поведение членов лейбористской партии в Англии во время политического кризиса, вызванного разрывом с двухпартийной системой (1918–1935 гг.), было абсолютно различным. С 1918 по 1922 г. численность избирателей и членов лейбористской партии растет, причем первых быстрее, чем вторых (соответственно 30 и 10 %). В 1922–1923 гг. избирателей прибыло чуть меньше 2,6 %, но численность самой партии упала на 4,7 %. В 1923–1924 гг. электорат рос быстрее (приблизительно на 26 %), а численность партии почти не изменилась (рост на 1,2 %). В 1924–1929 гг. число избирателей растет еще быстрее, увеличившись на 51,5 %, но происходит падение численности партии: она снизилась на 26 % (что, вероятно, объясняется отменой *contracting out*). В 1929–1931 гг. численность избирателей, напротив, уменьшилась, а численность членов партии слегка увеличилась — на 1,6 % (при более значительном росте индивидуальных членов — на 38 %).

В Германии реакции социал-демократического электората и членов партии обычно расходятся в годы Веймарской республики. В 1919–1920 гг. электорат уменьшается, а партия растет; в 1920–1925 численность партии снижается, а электорат увеличивается; в 1928–1930 гг. партия растет, а ее электорат убывает. Движение двух общностей совпадает лишь в 1925–1928 и в 1930–1932 гг., причем колебания электората оказывались более резкими по сравнению с колебаниями численности партии (табл. 16). Короче говоря, линии поведения двух общностей абсолютно различны. Во Франции победа Народного фронта в 1936 г. обернулась для социалистов потерей 1,7 % голосов по сравнению с 1932 г., но значительным ростом численности партии — на 45 %. Точно так же падение электората в 1945–1946 гг. с 4.561.000 до 3.432.000 и соответственно с 23,8 до 17,9 % от всех поданных голосов сопровождалось увеличением состава партии на 5,7 %.

Эти наблюдения, разумеется, поверхностны и фрагментарны. И тем не менее они позволяют в качестве поисковой гипотезы сформулировать положение о диспаритете общности членов партии и общности избирателей. Все кажется происходящим таким образом, как если бы первая выступала по отношению ко второй как закрытый мир, замкнутая среда, реакции и общее поведение которых подчиняются собственным законам, отличным от тех, которые управляют колебаниями электората, то есть колебаниями общественного мнения. Представляется излишним подчеркивать значение таких наблюдений. Если они будут получать новые подтверждения и «закон диспаритета» будет действительно сформулирован, традиционное понятие демократии окажется ниспровергнутым: ибо как мы уже видели, руководящие органы партий, образованные их членами, обнаруживают тенденцию к доминированию над парламентариями, получившими свои полномочия от избирателей. И было бы полбеды, если бы политический статус тех и других хотя бы приблизительно совпадал, и членов партии можно было бы рассматривать как наиболее сознательную часть, авангард избирателей. Но закон диспаритета разрушил бы эту иллюзию, показав, что существенные различия в поведении двух этих общностей абсолютно исключают возможность одной из них выступать в качестве образа и подобия другой. Измерить этот диспаритет — значит измерить степень проникновения олигархии в режимы, которые мы называем демократическими.

Симпатизанты

Понятие избирателя четко и просто; понятие симпатизанта — неопределенно и многозначно. Симпатизант представляет собой нечто большее, чем избиратель, но меньшее, чем член партии. Как избиратель он отдает партии свой голос, но не ограничивается этим. Он открыто проявляет свое согласие с партией, открыто признает свои политические

предпочтения. Избиратель голосует тайно, в специальной кабине и не афиширует своего выбора: сама четкость и объем мер, гарантирующих тайну голосования, вполне раскрывают значение этого обстоятельства. Избиратель, открыто заявляющий о своем выборе, уже не просто избиратель: он становится симпатизантом. Фактически, он тем самым запускает механизм эмоционального заражения; само его признание уже несет в себе элемент пропаганды; оно также сближает его с другими симпатизантами и закладывает первые связи некой общности. Настоящей общности избирателей не существует, так как они совсем не знают друг друга — это всего лишь группа, определяемая с помощью обобщения и доступная для статистических измерений. Но общность симпатизантов — пусть эмбриональная и рассеянная — существует реально.

Открытое проявление политического предпочтения, признание своей симпатии к партии могут обнаруживаться во множестве форм к степеней. Для этого недостаточно однократного голосования: ведь оно может оказаться исключением, зависящим от особых обстоятельств, и никогда больше не повториться; оно скорее доказывает не симпатию, а простое отсутствие предубеждения. Совсем другое дело, если к такому голосованию относятся как к привычному и нормальному, примерно так, как это принято у американских граждан на закрытых первичных выборах. Еще более далеко идущий шаг — если такое заявление о симпатии не остается чисто пассивным, но сопровождается позитивными усилиями в пользу партии: регулярное чтение ее прессы, участие в манифестациях и публичных собраниях, сборе пожертвований, в пропагандистской деятельности (например, canvass — сбор голосов перед выборами). Так незаметно от простого участия в жизни партии переходят к настоящему членству и даже становятся активистами.

Но если симпатизант — больше, чем избиратель, то все же это еще и не член партии. Его связь с партией не освящена официальными, четко установленными узлами письменных обязательств и регулярной уплатой членских взносов. В общем можно было бы сказать, что положение симпатизанта походит на положение члена партии, как сожителство — на законный брак. Что же удерживает симпатизанта от настоящего вступления? В кадровых партиях — тот факт, что там вообще не существует формального членства. Невозможно жениться, коль нет мэра; если законный брак невозможен, приходится довольствоваться конкубинатом. Членов же комитета можно рассматривать как активистов — в том смысле этого термина, который мы далее раскроем; все, кто вокруг них вращается, оказываются симпатизантами. Но такое толкование не подходит для массовых партий, где существует организованное членство. Чем же объясняется тогда отказ войти в ряды партии, желание остаться вне настоящей общности — даже в том случае, если признают свое согласие с ней? На то есть различные мотивы. Иногда симпатизанта сдерживают объективные обстоятельства: например, род его занятий исключает формальное вступление. Так, некоторые государства налагают запрет на членство своих должностных лиц в партиях, которые рассматриваются в качестве подрывных; некоторые хозяева — открыто или негласно — требуют соблюдения того же правила от своих наемных работников. Иногда и сам симпатизант считает свою профессию несовместимой с чересчур продвинутым коллективизмом: из-за нехватки свободного времени (что помешало бы ему выполнять обязанности члена партии) или из опасения каких-либо осложнений (коммерсант не хочет терять клиентов, священник — шокировать прихожан, офицер — подвергать опасности свой авторитет). Все эти опасения не так уж и презренны. Конечно, иные из них свидетельствуют просто о недостатке мужества и бескорыстия; но другие имеют вполне альтруистические мотивы, хотя в основе их и лежит в большей или меньшей степени сознательное уклонение.

Кроме того, бывают препятствия иного рода, чем давление внешних социальных сил, которому подвергается гражданин; речь идет о неких глубинных внутренних причинах. Симпатизант отказывается от вступления в партию, потому что испытывает непреодолимое отвращение к коллективности и не может расстаться со своей личной свободой — чувство, весьма живучее в некоторых слоях буржуазии или крестьянства. Именно оно объясняет меньшую распространенность института членства в правых партиях или аграрных регионах.

Это чувство достаточно развито среди интеллектуалов и артистов, по крайней мере среди тех из них, кто не склонен очертя голову ринуться в общее дело, упиваясь коллективизмом и самозабвенно отбрасывая все личное, что свидетельствовало бы о весьма значительной нестабильности психики и одновременно — об известном стремлении к моральному мазохизму. Положение интеллектуалов в партиях всегда ставит особые проблемы, будь то трудности, которые они испытывают, чтобы удерживать себя в общих рамках, или, напротив, когда они переходят грань разумного в своем стремлении раствориться в коллективе. Индивидуалисты или мистики, они всегда — исключение из правил, нередко неустойчивы и обычно не пользуются доверием и симпатией со стороны всех остальных членов партии. Нередко отказ вступить в партию объясняется идеологическими разногласиями с ней: симпатизант предпочитает ее всем другим и сотрудничает с ней, но не разделяет всех ее воззрений, и поэтому избегает полностью связывать себя с ней. Он солидарен с партией по отдельным вопросам, но не целиком и полностью.

Теперь можно дать — хотя это будет нелегко — приблизительное определение симпатизанта. Действительно, по какому же признаку его всегда безошибочно можно узнать? На каких критериях основывать статистику, позволяющую сопоставлять списки избирателей и симпатизантов, с тем чтобы выявить взаимную корреляцию этих различных общностей? Здесь мы входим в область гадательного. Можно просто попытаться вычислить различные особые категории симпатизантов, например, читателей партийной прессы. Но этот признак еще не будет определяющим: многие партии с трудом добиваются чтения партийных изданий даже от своих собственных членов, не говоря уже о симпатизантах. Иные из таких читателей — всего лишь любопытствующие, а иногда даже и противники, для которых это способ излить свою желчь; но таких немного, и ими по закону больших чисел можно пренебречь. Однако выбор газеты в качестве критерия учета симпатизантов ставит деликатные проблемы. Любые формы чтения партийных (или близких к партии) изданий определяют всего лишь одну категорию симпатизантов. Другую (ее часто не отделяют от первой) характеризует присутствие на собраниях и манифестациях партии. Но и этот критерий не точнее предыдущего; многие из тех, кто участвует в публичных акциях, тоже всего лишь зеваки, ищущие развлечения, а вовсе не настоящие симпатизанты. Тем не менее этот показатель не лишен определенного достоинства: полицейские сводки больше всего учитывают его при измерении колебаний влияния той или иной партии на общественное мнение. В Америке участие в закрытых первичных выборах представляет собой великолепный критерий симпатии по отношению к партии¹³: сопоставление данных статистики участников первичных выборов с избирательной статистикой позволяет провести интересные сравнения симпатизантов и избирателей (см. табл. 42 и 43).

В большинстве случаев выявить симпатизантов в конечном счете можно только с помощью системы анкетирования и опросов Гэллага. И все же понятие симпатизанта слишком туманно, чтобы в этом отношении достаточно было простого и прямого вопроса анкеты. Следовало бы на основе объективного признака выделить степени симпатии и одновременно уточнить мотивы, мешающие симпатизанту превратиться собственно в члена партии. Но именно в этой области, как ни в какой другой, интервьюеры сталкиваются с недомолвками респондентов — по крайней мере, во Франции. Отсюда и трудность точных детальных опросов.

В качестве примера можно привести вопросы, которые в рамках общего социологического исследования структуры среднего французского города¹⁴ были поставлены перед жителями Оксерра. Вопрос 136 сформулирован следующим образом: «Принадлежат ли ваши политические симпатии какой-либо определенной политической партии?» Вопрос 137: «Принадлежите ли вы к какой-нибудь политической партии?» При этом не требовалось ни конкретно называть объект симпатий и прямую партийную принадлежность, ни говорить о мотивах того и другого. Эта добровольная тактичность авторов во многом предопределила границы их исследования. Интересно привести некоторые из полученных результатов.

И, наконец, нужно особо рассмотреть высшую ступень партийной техники — концепцию организованного привлечения симпатизантов¹⁵. Долгое время массовые партии проявляли по отношению к ним известное презрение, отождествляя их с теми умеренными, о ком в Писании сказано: «Раз вы ни горячи, ни холодны, мои уста вас отвергают». Однако постепенно стало ясно, что эти умеренные представляют собой естественный источник пополнения; что эти люди более других открыты для партийной пропаганды; что они могут пополнить ряды собственно членов партии; что они способны помочь партии проникнуть в среду, в силу естественных обстоятельств для нее закрытую, стоит ей всего лишь смягчить жесткость своей доктрины и использовать это в качестве своего рода дымовой завесы, или, надев маску, превратиться из волка в пастуха. Но эти многообразные задачи могут быть надлежащим образом решены только в том случае, если симпатизанты перестанут быть аморфной, неопределенной, безликой массой — а для этого они, как и члены партии, должны быть объединены в коллективные структуры. Так возникла идея придаточных организаций партии, открытых для симпатизантов. Под этим общим названием скрываются самые разные созданные и контролируемые партией (фактически или юридически¹⁶) объединения, которые позволяют расширить и углубить принадлежность к партии: расширить, агломерируя вокруг собственно партийного ядра организации-спутники, образованные симпатизантами; углубить, дополняя политическое ассоциирование своих членов, реализованное посредством партии, ассоциированием семейным, социальным, культурным, etc. Можно выделить две категории придаточных организмов: одни предназначены для симпатизантов, другие — для членов партии. На практике большая часть их может быть использована и для той, и для другой цели. Охарактеризуем здесь первый аспект, резервируя за собой возможность вернуться в дальнейшем и ко второму.

Молодежные и спортивные союзы, женские ассоциации; содружества ветеранов, клубы интеллектуалов или литераторов, кружки для развлечений и досуга; профсоюзы, кассы взаимопомощи, кооперативы; общества интернациональной дружбы; объединения налогоплательщиков, квартиросъемщиков, «домохозяйек»; патриотические и пацифистские фронты, etc. - вспомогательные организмы могут приобретать самые различные формы, действовать в самых различных областях и объединять самых разных людей. Сама их многочисленность и разнообразие служат залогом их успеха: методы работы вспомогательных организаций связаны с их особым характером и ограничены целями, которые они преследуют. Политические же партии — это сообщества с глобальными целями: они представляют собой сложные, социально детерминированные взаимосвязанные системы; они нацелены на организацию жизни в национальном и даже интернациональном масштабе. Такая глобальность отталкивает от них многих индивидов, принимающих те или иные частные их цели, но не все в целом. И нужно признать просто гениальной идею некоторых современных партий продублировать партию — общность с глобальными целями — как можно более широким кругом общностей спутников с частными целями. Большинство квартиронанимателей, к примеру, недовольны собственниками жилья и согласны объединиться, защищая эти свои частные интересы; но большинство из них не коммунисты и не согласились бы войти в компартию даже только для того, чтобы отстаивать эти свои требования. Однако если партия создаст союз нанимателей жилья — официально независимый и неполитический, деятельность которого она фактически будет контролировать, очень многие арендаторы квартир в него войдут. Среди них можно распространять лозунги партии, разумеется, с некоторыми предосторожностями; в удобный момент акции чисто экономического, частного характера можно использовать для поддержки общей политики партии; а умелая и ненавязчивая пропаганда позволит привлечь в нее новых членов.

Пример, произвольно выбранный, очень далекий от политики, но в то же время конкретный и отнюдь не вымышленный: это Союз квартиросъемщиков, который во Франции действительно связан с коммунистической партией. Некоторые идут еще дальше: есть коммунистические спортивные союзы, гимнастические и хоровые общества, объединения

артистов и интеллектуалов, всевозможные клубы по интересам, связанные с политическими партиями. Даже французская федерация киноклубов имеет связи с компартией. Согласно другим концепциям, придаточные организмы более приближены к политическому действию. Главный пример такого рода — это профсоюзы. Вопрос о взаимосвязи рабочих партий и профсоюзов получал весьма различные решения в зависимости оттого, о каких странах и каких профсоюзах идет речь: это два начала, неразрывно связанных и рамках не прямых партий (британская система), или, напротив, независимых друг от друга (французская доктрина, провозглашенная Амьенской декларацией¹). Фактически профсоюзы и партии всегда стремились к взаимодействию. Так, немецкая социал-демократия уже до войны 1914 г. последовательно стремилась низвести профсоюзы до положения придаточных организмов. Коммунистические партии усовершенствовали эту технику: начиная с 1936 г. они предприняли во Франции методическую колонизацию ВКТ (Всеобщая конфедерация Груда) благодаря слиянию ее с прежней УКТ (Единая Конфедерация Труда), созданной компартией после раскола в Туре. Эта линия достигла своей кульминации после Освобождения и спровоцировала выход некоммунистических профсоюзов и создание ВКТ-ФО (Всеобщая Конфедерация Труда — «Форс Увриер») Сегодня ВКТ — не что иное, как всего лишь придаточный организм компартии. Через профсоюзы партия охватывает ту огромную массу наемных работников, которую объединяют вопросы борьбы за жизненные права трудящихся: это всегда целая сеть общественных организаций с особыми интересами, которую партия использует в своих глобальных целях. И наконец, партия применяла в работе с придаточными организмами, имеющими непосредственно политический характер, и такой прием: она группировала вокруг себя тех, кто разделял ее взгляды по какому-то конкретному вопросу, надлежащим образом отделяя и изолируя его от остальной доктрины. Это можно проиллюстрировать двумя примерами: Национального фронта в 1945 г. и нынешнего Комитета борцов за мир. Сегодня они являются придаточными организациями ФКП. В первом случае речь шла о том, чтобы сплотить всех, кто испытывал ностальгию по временам Сопrotивления и единству всех патриотически настроенных французов в борьбе против общего врага, столь характерную для этого периода. Дух политического единения и национального согласия — в противоположность соперничеству и борьбе партий — всегда находил глубокий отклик в общественном мнении, особенно в латинских странах, где многопартийная система функционировала неудовлетворительно, и особенно после войны, консолидировавшей патриотические силы. Следует признать весьма оригинальной идею поставить этот антипартийный дух на службу партии; к тому же тогдашняя коммунистическая тактика, поощрявшая создание коалиций, облегчала ее реализацию. Однако в силу недостатка кадров с Национальным фронтом это не совсем удалось; зато «Борцы за мир», гораздо лучше организованные, позволили добиться превосходных результатов. Лежавшая в руинах послевоенная Европа, убежденная в том, что любая война обрекла бы ее на новый inferнальный цикл «оккупация — разрушение — освобождение», представляла собой почву, замечательно подготовленную для восприятия пацифистской пропаганды. Многие европейцы, весьма далекие от коммунизма, были вполне досягаемы для деятельности борцов за мир и оказали эффективную поддержку генеральной стратегии партии.

Уместно поставить вопрос: не была ли эта техника создания придаточных организмов политического характера шагом по пути изменения самого представления о партии, которое усилило бы ее олигархический характер и одновременно открыло бы возможность полного слияния концепции партии масс и «партии верных»? Общая организация партии отныне представляла бы собой два концентрических круга: партию — узкий и закрытый круг, включающий лишь самых чистых, самых пламенных и преданных, и «фронт» — более широкий, открытый для всех круг, члены которого служат для партии подсобной массой, резервом и полигоном для пропаганды. В некоторых странах народной демократии, особенно в Югославии, национальные или патриотические фронты использовались не только для того, чтобы сплотить оппозиционные партии вокруг коммунистической — в этом заключалась их

коренная роль — но и объединить все разновидности коммунистов, так сказать, второй зоны, которых не считают достойными по-настоящему пойти в партию. Здесь речь идет не о симпатизантах в собственном смысле слова, но о настоящих членах партии: только следует различать, как это делали русские коммунисты до 1939 г., два разряда членов партии: «верных» — и «примкнувших», граждан — и подданных, актив и резерв. Такая эволюция прямо соответствует общей тенденции партий к олигархии.

Активисты

Раскрыть понятие «активиста» ничуть не легче, чем понятие «симпатизанта». Для этого нужно напомнить различие партий кадровых и партий массовых. В последних термином «активист» (militant) обозначается специфическая категория партийцев. Активист — это особо деятельный член партии; активисты образуют ядро каждой из базовых групп, на которых покоится ее основная деятельность. В секциях, к примеру, всегда имеется небольшой кружок членов партии, которые заметно отличаются от неси остальной массы: они регулярно присутствуют на собраниях, участвуют в распространении лозунгов, организуют пропаганду и подготовку избирательных кампаний. Активисты образуют нечто вроде комитета внутри секции. Их не следует смешивать с руководителями: они не вожди, а исполнители, но без них невозможно было бы само реальное исполнение. Другие отдают всего лишь имена в партийный список да немного денег в партийную кассу — активисты же неустанно трудятся ради партии. В кадровых партиях понятие активиста отождествляется с понятием члена партии. Комитеты (которые характеризуют этот тип партий) состоят только из активистов, а уже вокруг них группируются симпатизанты, не включенные, собственно говоря, в партийную общность.

Было бы весьма интересно измерить соотношение активистов и членов партии. Мы получили бы более достоверное представление о реальной силе политических партий, если бы смогли сопоставить процент членства (который, напомним, позволяет сравнить общность избирателей с партийной общностью) с процентом активизма, выразив количественное соотношение активистов и членов партии. А если выявить эти данные по социальным категориям, возрастным группам и региональной принадлежности, мы могли бы с большой точностью определить место партийной общности в общности национальной. К сожалению, нас подстерегают здесь те же самые трудности, что и при исследовании симпатизантов: отсутствие всякого учета и даже невозможность такого учета в силу неясности самой подлежащей учету категории. К тому же именно в этой области партии проявляют особую сдержанность: они стараются выдать своих членов за активистов, поскольку это увеличивает их видимую мощь. Какое-то достоверное представление об этом могут дать лишь опросы и монографические исследования на базе тех партий, где активисты выделены в особую организацию, как, например, в австрийской социалистической партии с ее системой «доверенных лиц». Но и они скорее представляют собой младший командный состав, чем активистов в подлинном смысле слова.

Можно привести по этому поводу ответы, полученные в Оксерре в ходе общего исследования, на которое мы уже ссылались. Пункт 139 вопросника (дополняющий пп. 137 и 138, касающиеся симпатии или членства в какой-либо политической партии) был сформулирован следующим образом: «Являетесь ли вы активистом? — Если да, то сколько времени отдаете политической деятельности?» Можно только сожалеть, что весьма туманная формулировка вопроса лишила ответы их подлинного значения. Интервьюеры поясняют, что они не относили к настоящим активистам тех, кто заявил, что не отдает никакого времени политической деятельности¹⁷, а между тем некоторые из них утвердительно ответили на первую часть вопроса. Интересно было бы выяснить, какой же смысл вкладывают они в понятие активизма.

Эти результаты трудно интерпретировать, поскольку партии не дифференцировались. Одно можно утверждать с уверенностью: пропорция активистов, на которую они указывают,

достаточно высока¹⁸. Один только подсчет активистов, без других уточнений, мало что дает, поскольку это понятие слишком неопределенно и многозначно. Как и в случае с симпатизантами, нужно пронести учет по отдельным категориями, приняв в качестве критерия активизма какой-то конкретный, строго фиксируемый признак. В партиях, основанных на секциях, довольно точный критерий — присутствие на собраниях. Он носит пассивный характер, но в свете самой структуры партии приобретает большое значение; как показывает опыт, те, кто регулярно присутствует на собраниях, это обычно и есть самые деятельные активисты партии. Изучая протоколы собраний (если таковые существуют) и опрашивая секретарей секций, можно определить средний процент присутствующих на собраниях членов партии, но голых цифр недостаточно. Сказать, что в среднем 25 % состава регулярно присутствует на собраниях, мало что значит. Опыт показывает, что за общей средней цифрой всегда происходит некоторое движение, и персональный состав участников от собрания к собранию меняется. К тому же следовало бы еще установить дифференцированные показатели степени регулярности присутствия: менее 25 %, от 25 до 50, etc. Далее можно было бы уточнить степень присутствия по социальным и возрастным категориям. Такие подсчеты сталкиваются с большими практическими трудностями: предполагается, что руководители обследуемых секций, надлежащим образом подобранных, тщательно контролируют посещаемость в течение некоторого периода времени, не предупреждая об этом ее членов. Но правомерно усомниться, оценят ли партии научный интерес этих изысканий настолько, чтобы им подвергнуться. Между тем, именно такого рола исследования могли бы внести элементы точного знания в представления о реальной природе партийной общности.

Анкетирование, проведенное в парижских секциях социалистической партии, думается, обнаруживает довольно тесную связь качества активистов и социального состава секций, что можно выразить в следующей формуле: характер активистов имеет тенденцию к соответствию с преобладающей социальной группой. В секциях с преобладанием рабочих и активисты главным образом — рабочие; процент рабочих среди них здесь выше, чем тот же показатель в целом по секции. И напротив, в «буржуазных» кварталах, где большинство членов — чиновники, коммерсанты, адвокаты, преподаватели, etc, процент активистов буржуазного происхождения превышает их процент в составе секции. В таких секциях можно обнаружить рабочих в графе «члены», но не в графе «активисты» (за редким исключением). Анкета слишком фрагментарна и поверхностна, чтобы ее количественные данные можно было бы опубликовать; и все же вышеуказанная тенденция вырисовывается достаточно четко. Механизм ее представляется довольно ясным: в секциях, где преобладают буржуа, рабочие ощущают себя чужими среди людей, разделяющих их политические взгляды, но не их менталитет, повседневные заботы и инстинктивные реакции; точно так же чувствуют себя буржуа в секциях, состоящих преимущественно из рабочих. Социальные различия членов партии оказываются подчас даже препятствием для развития активизма. Можно было бы сказать: чем более однороден социальный состав, тем выше индекс активизма. Отсюда и превосходство методов создания организаций в однородной и изолированной среде, с которыми мы сталкиваемся в коммунистических ячейках, организациях корпоративного типа (например, *standen* бельгийского Католического блока) или в таких «специализированных» движениях Католического действия, как Христианская рабочая молодежь, Католическая студенческая молодежь, Христианская сельская молодежь: они действуют хотя и в дифференцированной, но однородной по какому-то существенному признаку социальной среде. Разумеется, для более строгих выводов еще необходимы более многочисленные, точные и углубленные исследования.

Для других партий критерий активизма может быть основан на иных признаках. Рядом с участием в собраниях может быть поставлена уплата членских взносов. В том случае, если они уплачиваются ежемесячно посредством марок или годовых вкладышей, интересно выявить среднее число месячных марок, ежегодно выкупаемых членами партии. В норме каждый из них должен приобретать дюжину марок, но на практике этот идеал всегда

недостижим. Встречаются десять, восемь, шесть марок, etc. Приемлема классификация по степени финансовой поддержки также и в том случае, когда нужно дифференцировать возрастные и социальные группы¹⁹; но такая детализация требует специального анкетирования, ибо финансовая статистика партий не дает удовлетворительных разъяснений на этот счет. Вместе с тем некоторые партии ежегодно подсчитывают средний показатель месячных марок, купленных членами партии (путем деления всего количества марок на количество членов партии, определяемое по сумме проданных годовых билетов или вкладышей). Эту среднюю цифру можно рассматривать как индикатор финансовой активности. Разумеется, исходные данные такой калькуляции не вполне безупречны (марки, проданные в центре, не всегда раскупаются на местах, как мы это видели), но они позволяют удовлетворительно определить порядок увеличения соответствующих показателей. С другой стороны, регулярность уплаты членских взносов — все же не главный признак активиста; определяющим он выглядит скорее просто для члена партии. В то же время опыт доказывает, что активисты обычно больше верны своим финансовым обязательствам, нежели другие категории членов партии, так что этот критерий все же приемлем. Но в случае общей средней числа проданных марок по нему невозможно определить долю активистов в партии. Тогда полученная цифра характеризует скорее общую степень обязательности ее членов, и категория собственно активиста растворяется в чисто статистическом понятии члена партии.

При всем том анализ усредненных цифр не лишен научного интереса, особенно если сопоставить численность членов партии и избирателей. Изучение этих колебаний во французской социалистической партии за период 1906–1936 гг. позволяет выявить некоторые общие тенденции (табл. 17). Средний показатель уплаты взносов снижается именно в то время, когда численность возрастает: вновь принятые как будто бы менее обязательны, чем старые члены партии. Однако эта тенденция — не всеобщая, и объясняется она зачастую чисто механическими факторами: новички принимаются в течение всего года, а взносы они уплачивают за меньшее количество месяцев, что и приводит к снижению суммарного среднего показателя. И наоборот: во время кризисов в партии снижению ее численности часто сопутствует высокий средний показатель уплаты взносов; пусть количество членов и сокращается, но партия выигрывает за счет повышения их качества. Однако и этот феномен, как и предыдущий, не отличается устойчивостью. Почти однозначную зависимость можно отметить между всеобщими выборами и ритмичностью уплаты членских взносов. В год, предшествующий выборам, средний показатель снижается: этот эффект наблюдается в шести случаях из семи за период 1910–1936 гг. (исключение — 1924 г.). В год, когда проходят выборы, средний показатель поднимается: этот феномен воспроизводится в пяти случаях из семи за тот же период времени (исключение составляют 1924 и 1915 гг., когда нарушение ритма можно объяснить войной). Вспомним, что численность партии имела, напротив, тенденцию к повышению как в предшествующий, так и в последующий за выборами год. Стоило бы обязательно выявить факторы, способные объяснить эти совпадения или расхождения; но прежде нужно исследовать, обнаруживаются ли они в других партиях того же типа, так как невозможно извлечь никаких выводов из фрагментарных наблюдений, относящихся к одной партии да еще в течение довольно короткого периода.

Активисты уступают рядовым членам партии по численности. В любой партии их количество всегда составляет гораздо менее половины вторых. Когда этот показатель достигает трети или четверти, партия может рассматриваться как активистская. Таким образом в среде членов партии стихийно формируется олигархия: массе отводится пассивная роль по сравнению с небольшим ядром активистов, которые обычно присутствуют на собраниях и съездах, участвуют в выборах лидеров, поставляют кадры руководителей. Мы не так уж преувеличим, если изобразим партию с помощью следующей схемы: активисты направляют членов партии, члены партии — симпатизантов, симпатизанты — избирателей. Члены партии не представляют собой нечто эгалитарное и единообразное; напротив — это общность сложная, иерархизированная и вместе с тем не одномерная, ибо природа причастности к ней не для всех одинакова.

III. Природа причастности

Мы только что говорили о различных степенях причастности (participation). По действительно ли речь идет лишь о градации степеней, а не о различиях в самой природе явления? Избиратели, симпатизанты, члены, активисты партии противостоят друг другу не столько по степени интенсивности своих связей с ней, сколько по самому качеству этой связи. Активист не в два или три раза теснее связан с партией, чем рядовой ее член — он в принципе связан с ней иначе. Каждой категории членов партии соответствует свой тип причастности, характеризующийся не степенью интенсивности, а скорее качеством ее. А уже качество это количественно варьируется внутри самой данной категории: связи солидарности количественно различны у всех членов партии, всех активистов, всех симпатизантов. Сколько-нибудь углубленный поиск тотчас же упирается в эту фундаментальную проблему: природу причастности.

Помимо общих осмысления проблемы членства в целом, наш вопрос отличают специфические, связанные с неопределенностью социологического порядка. В современной социологии пока не существует общепринятой классификации связей, присущих общности, которая могла бы служить точкой отсчета для различения форм причастности. Поэтому каждый исследователь вынужден либо выдвинуть собственную классификацию, либо принять критерии, выработанные прикладной социологией, которые пользуются всеобщим признанием. Используем последовательно оба метода: сопоставим сперва понятие тоталитарной и специализированной партии, а затем применим к партиям то различие, которое Теннис провел между «общностью» (communaute) и «обществом» (societe), разумеется, переосмыслив и дополнив его.

Тоталитарные и специализированные партии

Сравним активиста-радикала и члена коммунистической партии. В жизни радикала его партия занимает весьма скромное место: время от времени он присутствует на собраниях своего комитета; периодически старается добиться каких-либо льгот через своего депутата; следит за политическими комбинациями общенационального масштаба, но особенно — за местными; прикидывает кандидатуры и союзы на предмет будущих выборов. Он читает радикальную газету, если таковая имеется; иногда записан в Лигу прав человека, которая не отличается особой активностью, в масонскую ложу или другое объединение подобного рода. В конечном счете он посвящает своей партии лишь несколько часов своего личного времени да несколько мыслей среди повседневных забот. Ни его интеллектуальная и профессиональная деятельность, ни его досуг, а тем более семейная и эмоциональная жизнь не подвержены никакому влиянию его радикализма. Его причастность к партии сохраняет чисто политический характер, не выходит за пределы этой весьма ограниченной сферы: радикальная партия — это партия специализированная.

У коммуниста все обстоит совершенно иначе. Во-первых, партия требует от него гораздо более интенсивного политического действия. У себя на заводе или в мастерской он всегда должен работать в рамках своей ячейки, то есть распространять среди товарищей по труду лозунги партии, разъяснять им основные материалы «Юманите» или местной коммунистической ежедневной газеты, поддерживать их стремление бороться за свои жизненные интересы. Он член профсоюза ВКТ — филиала партии, и эта работа продолжает и дополняет его деятельность в ячейке. Таким образом вся его профессиональная жизнь протекает в рамках партии, направляется партией, ставится ей на службу. Так же обстоит дело и с досугом: значительная его часть поглощается партийными и профсоюзными собраниями или заседаниями придаточных организаций — Комитета защиты мира, общества «Франция — СССР», etc.; остаток свободного времени тоже организован усилиями партии: коммунистические спортивные ассоциации, коммунистические молодежные туристические

базы, коммунистические праздники, ярмарки и пикники, коммунистические киносеансы, литературные и артистические клубы, коммунистические выставки и конференции составляют «дивертисменты» члена партии. Она проникает также и в его семейную жизнь: как правило, его супруга состоит в Союзе французских женщин и в различных комитетах домохозяек; его дети вовлечены в Республиканский союз французской молодежи и его филиалы. Нет больше различия между публичной и частной жизнью: есть одна лишь партийная жизнь. Так выглядит тоталитарная партия.

Выделим два аспекта этой тоталитарности: материальный и духовный. Первый состоит в стремлении партии полностью охватить все виды жизнедеятельности индивида (профессию, спорт, развлечения, досуг, культуру, семейную жизнь) и выйти за границы собственно политической сферы. Это стремление реализуется путем развития целой сети вспомогательных организаций, предназначенных не только для симпатизантов, но и для членов партии. Здесь речь идет уже не о том, чтобы объединить коммунистов «второй зоны» вокруг центрального ядра, образуемого членами партии, но о том, чтобы умножить формы принадлежности индивида: к партии, профсоюзам, спортивным клубам, художественным союзам, туристским объединениям, отделениям общества «Франция-СССР», союзу квартиросъемщиков, семейной ассоциации, etc., не оставив таким образом вне контроля партии ни одно проявление его активности. Режимы с однопартийной системой пускают в ход все для того, чтобы гражданин никогда не располагал бы даже мгновением настоящего досуга, чтобы можно было поразмышлять наедине с самим собой: все его официально разрешенные «досуги» (то есть время, не занятое работой, сном и принятием пищи) посвящены партии и ее вспомогательным организациям. Однако нередко умножить количество последних стремятся и некоторые партии, к собственно тоталитарным не принадлежащие. Развитие таких организаций — прекрасное средство привлечь или удержать людей: тому, кто скучает на собраниях секции, может понравиться ее спортивный клуб; а тот, кто не ходит на митинги, охотно выслушает несколько слов, произнесенных партийными лидерами где-нибудь на ярмарке или на деревенском празднике. Такого рода деятельность может быть для партии средством как удержать ненадежных, так и усилить преданность верных. Приемы вспомогательных организаций в чем-то сродни Армии Спасения с ее песнопениями и шествиями, что отнюдь не служит доказательством неотразимого влияния на души людей. Но это материальное «огораживание» всей совокупности действий человека приобретает действительно тоталитарный смысл лишь в том случае, когда оно сопровождается духовным «огораживанием» всей совокупности его мышления. Если партия развивает придаточные организации просто для того, чтобы придать членству в ней более привлекательный характер, а ее доктрина претендует лишь на то, чтобы дать человеку политическую ориентацию и оставляет ему свободу выбора в других областях, — такая партия не является подлинно тоталитарной. Настоящий тоталитаризм — это тоталитаризм духовный.

Итак, вернемся к нашему коммунистическому активисту. Партия ставит в определенные рамки не только его материальную деятельность; она — и это главное — предписывает ему общие идейные рамки, тотальную систему объяснения мира. Марксизм — это не только политическая доктрина, но и всеобъемлющая философия, метод мышления, настоящая духовная космогония. Все разрозненные факты в любых областях знания находят в ней свое место и разумное обоснование. Она одинаково хорошо объясняет структуру государства и эволюцию живых существ, возникновение человека на земле, религиозные чувства, сексуальное поведение, развитие наук и искусств. И это объяснение доступно массам, хотя в то же время может быть принято учеными и образованными людьми. Эту философию безо всякого ущерба для ее содержания можно смело изложить в форме катехизиса. Таким образом потребность фундаментального единства человеческого разума наконец-то может быть удовлетворена. В свете этой тотальности марксизма придаточные организмы партии приобретают новый смысл. Речь идет не только о том, чтобы заключить в рамки марксистской доктрины все не политические виды деятельности с целью укрепить

дисциплину или преданность членов партии, но и о том, чтобы спроецировать ее на все формы человеческой активности. Коммунистический спортивный клуб учреждают не просто с целью удержать людей в партии при помощи льгот, делающих доступным излюбленное развлечение, но для того, чтобы обеспечить приложение марксизма в области спорта. Ибо есть марксистский спорт, как есть марксистская генетика, марксистская живопись или марксистская медицина. Этот материальный охват всех видов человеческой деятельности обнаруживает свой подлинный смысл в унификации их с помощью основополагающей доктрины. И одновременно он приобретает поистине тоталитарный характер. Ведь в спортивном или литературном клубе политическая этикетка не имеет никакого значения до тех пор, пока его члены чувствуют себя в нем так же свободно, как и их коллеги в не партийных клубах. Но все совершенно меняется, если клуб распространяет определенную доктрину и требует верности ей. Следовало бы различать псевдототалитаризм, проявляющий себя лишь в наращивании количества придаточных организмов с целью охватить весь спектр жизни члена партии, и тоталитаризм подлинный, который определяется принципиальной установкой партийной доктрины: не ограничиваясь одной лишь сферой политики и экономики, создать глобальную систему объяснения мира, претендующую на исключительность. Тоталитаризм материальный становится тогда отражением и следствием тоталитаризма духовного.

Тоталитарный характер партии может быть умеренным или ярко выраженным в зависимости от входящих в нее индивидов. Некоторые активисты специализированных партий принимают партийные заботы так близко к сердцу и настолько входят во вкус политики, что постепенно она заполняет всю их жизнь; для таких одержимых и специализированная партия приобретает тоталитарный характер. Подобная психология часто встречается у депутатов или руководителей. И наоборот: в тоталитарных партиях есть свои умеренные — те, кто не приемлет полного порабощения партийной доктриной и сохраняет независимую частную жизнь, куда партии доступа нет; для них тоталитарная партия принимает характер специализированной. Природа причастности многообразна, и значительные индивидуальные различия всегда можно обнаружить даже среди членов одной и той же партии. И все же основные черты остаются довольно определенными. Коммунистические и фашистские партии — определенно тоталитарные; консервативные и либеральные — определенно специализированные. Социалистические партии по своему происхождению тяготеют к тоталитаризму, но практика дискусионности и фракционности вкупе с прогрессирующим старением все больше придают им характер специализированных. Сложнее всего отнести к какому-либо определенному типу христианские партии. Коль скоро они непоколебимо стоят на том, что их политическая и социальная позиция неотвратимо вытекает из религиозных принципов, эти партии — тоталитарны; но в той мере, в какой они признают свободу христианина по отношению к себе, они специализированы.

Природа причастности в специализированных и тоталитарных партиях глубоко различна — это очевидно. В одних лишь какая-то малая часть индивида охвачена общинными (*communautaires*) связями; в других — вся жизнь человека целиком оказывается во власти группы. Среди общностей, в которые включены индивиды, специализированным партиям принадлежит всего лишь второстепенное место. Тоталитарные партии, напротив, занимают первое: партийная солидарность подавляет все другие ее виды, вместо того чтобы доминировать над многими. Для коммуниста все подчинено интересам партии: родина, семья, друзья, возлюбленные; для либерала и консерватора партия стоит далеко позади них. Отсюда и вытекают общие черты тоталитарной партии — единообразие, закрытость, сакральность. Специализированные же партии гетерогенны — это означает, что они объединяют людей, чьи воззрения и позиции отнюдь не идентичны во всех деталях. В таких партиях допустимо широкое многообразие личных взглядов; у либералов и консерваторов, например, это многообразие весьма подчеркнуто: каждый член партии сохраняет большую свободу мысли. К тому же гетерогенность принимает здесь скорее коллективную форму: место личного противостояния занимает групповое; партия включает в себя более или менее

хорошо организованные фракции и течения. Они всегда носят партнерский характер и группируются вокруг влиятельных лиц; но порой они принимают и достаточно ярко выраженную доктринальную окраску — именно таким образом возникают разного рода течения внутри социалистических партий. Например, в СФИО некоторые из них в 1920–1940 гг. обладали развитой организацией: можно было принадлежать к тому или иному течению, подписываться на его печатные органы (*La Bataille socialiste* — ежедневная газета фракции Фора-Жиромского вплоть до 1933 г.; *La Vie socialiste* — еженедельник течения Марке-Деа-Реноделя; *Le Pays socialiste* — ежедневная газета пацифистского направления с 1936 г.; *Les Cahiers rouges* — периодический журнал «революционной левой», etc.); иногда через местного уполномоченного приобретались так называемые «карточки друзей» — абонементы дороже обычных, то есть делался своего рода членский взнос в пользу того или иного течения. В американских партиях фракции принимали иногда характер группировок, направленных против боссов (патронов) и теневых машин, которые обеспечивали их господство: у демократов это были фракции анти-Лонг в Луизиане, анти-Келли в Иллинойсе, анти-Телмедж в Джорджии, анти-Пердигаст в Миссури, etc. И это не считая фундаментального противостояния демократов Севера и Юга (диксикратов)² в рамках парламентских групп Конгресса. В тоталитарных партиях подобная практика немыслима: внутренние разногласия, секции, фракции, уклоны, течения — любое «сектантство» здесь нетерпимо. Принцип единообразия проводится в них строго. Ни большинства, ни меньшинства там нет и в помине: тот, кто не принимает партийную доктрину целиком и полностью, должен покинуть партию. Оппозиционеры имеют только один выбор: выбор между подчинением и исключением. И такое ортодоксальное требование естественно. В специализированных партиях доктрина не имеет фундаментального значения, она мало занимает мысли и сознание приверженцев партии. Их идеологические и тактические расхождения второстепенны, коль скоро достигнуто согласие по поводу общей стратегии партии, методов проведения избирательной кампании и управления. Сама их доктрина не носит жесткого характера: чаще всего речь идет скорее о состоянии ума, общей ориентации, нежели о доктрине в собственном смысле слова. Поэтому вполне естественно, что расхождения в интерпретации допускаются. И точно так же естественно, что они запрещены в партии тоталитарной, ибо доктрина носит здесь не только основополагающий, но и жесткий характер. Она выступает в качестве интеллектуальной и моральной основы всей жизни членов партии, их образа мысли, их философии, их веры наконец. Она представляет собой сложную и взаимосвязанную во всех своих элементах систему объяснения мира, все части которой взаимосвязаны. Доктринальные расхождения чреватые здесь расхождением главных жизненных ориентации: платой за терпимость к ним стало бы крушение единства партии.

Единообразие и однородность закономерно вытекают из закрытого характера тоталитарных партий. Вступление в них строго регламентировано. Если партия действует в условиях демократического режима, когда конкуренция соперников заставляет заботиться о росте численности, регламентация не слишком сурова, но тем не менее она остается более строгой, чем в специализированных. Когда же тоталитарная партия становится единственной, ее закрытый характер достигает апогея. В нее можно вступить, лишь выдержав более или менее длительный испытательный срок — настоящее послушничество — и получив серьезные рекомендации ответственных поручителей, пройдя даже экзаменационную и фильтрационную комиссии и представив доказательства искренности и твердости своих намерений. Однажды войдя в партию, не так просто из нее выйти. «Из партии выходят только вперед ногами», — эти слова Жан-Поль Сартр вложил в уста одного из персонажей своей пьесы «Грязные руки». И он не так уж преувеличил: ведь тоталитарные партии обычно используют смутные времена, чтобы «ликвидировать» отступников. Трудность разрыва обусловлена даже самим характером вступления. Тоталитарная партия составляет главную пружину всей жизни ее членов, ту основополагающую веру, которая направляет всю их деятельность; она — моральная основа их существования. Покинуть

партию — значит лишить жизнь смысла, утратить свою цельность, оказаться в вакууме, в пустыне: ведь партия заполняла все. Представьте себе средневекового христианина, духовно раздавленного отлучением от церкви, и вы почти поймете, что такое коммунист или фашист, «вычищенные» из партии.

Это сравнение подводит нас к третьей основной черте тоталитарных партий — их сакральности. Известно проведенное Дюркгеймом сущностное различие между «мирским» и «сакральным». Есть такие социальные события или объекты, которые окружены особым уважением и поклонением; они рассматриваются как нечто высшее и трансцендентное. То, что не подлежит критике, не может быть предметом шуток или насмешек, о чем не спорят — это и есть сакральное. Специализированные партии абсолютно лишены подобного характера — они целиком и полностью принадлежат к области мирского. Тоталитарные партии, напротив, входят в сферу сакрального. Они выступают объектом настоящего культа: Тоталитарную Партию (именно так — с большой буквы, типичная черта сакрализации) персонифицируют: Партия всемогуща, безупречна, благодетельна, трансцендентна; партию возвышают до некой самоценности, вместо того чтобы, как оно и есть в действительности, видеть в ней просто средство и инструмент. Таким образом причастность к ней приобретает подлинно религиозную окраску. Коммунизм называют светской религией — это определение с равным успехом приложимо к фашизму и другим тоталитарным системам. Причем религиозный характер обусловлен не только структурой этих партий — весьма близкой к церковной иерархии — или их духовной тоталитарностью (религия по природе своей тоталитарна, ибо представляет собой глобальную систему объяснения мира). Он еще более ясно выражен в подлинно сакральном характере тех отношений солидарности, которые связывают партию и ее членов.

Возникновение тоталитарных партий совпадает на Западе с закатом традиционных религий. Конечно, в Европе вот уже двадцать лет имеет место ренессанс религиозной мысли и протестантских общин католической церкви; параллельно идет достаточно ощутимое пробуждение религиозного чувства в «просвещенных» классах. Но в массах, особенно в рабочем классе, на протяжении последнего столетия неуклонно прогрессировала иррелигиозность; собственно религиозные проблемы и сегодня занимают здесь ничуть не большее место. И как раз в народных массах и рабочем классе тоталитарные партии получили самое широкое распространение. Именно в России и Германии — в прошлом странах с глубоко религиозным менталитетом — они достигли наибольшего развития. Порой кажется, что массы попросту не могли жить без религиозных верований, и таким образом сумерки традиционных религий необходимо должны были сопровождаться возникновением религий новых. И неслучайно подобная идея была близка всем великим позитивистам XIX века — как Огюсту Конту, так и сен-симонистам. И те, и другие настаивали на непреходящем характере потребности народа в иррациональном, в абсолюте, в духовном единении и впоследствии пытались создать новые религии. Их заблуждение заключалось лишь в том, что они не предвидели: эти религии будут не метафизическими, но политическими. Один только Конт, кажется, смутно провидел подобную метаморфозу. Упадок традиционных религий в народных массах, совпавший с их вторжением в политическую жизнь, можно рассматривать как один из факторов бурного развития тоталитарных партий.

Другим таким фактором можно считать превращение политических доктрин в верования чисто религиозного толка. Здесь нужно указать еще на две свершившиеся метаморфозы: переход от доктрины собственно политической к глобальной философской и от рациональной идеи — к мифу. С тех пор как политические теории перестали замыкаться на изучении власти, ее природы, черт, форм, эволюции и начали претендовать на исследование всех социальных явлений, а отправляясь от них — и феномена человека в целом, политика стала универсальной объяснительной системой философского характера. В средние века выводили политику из философии (последняя сама была тогда дочерью религии); сегодня выводят философию из политики. Социальные отношения уже не объясняют природой человеческого духа, но, напротив, природу человеческого духа —

социальными отношениями. Оставалось перейти от идеи к мифу, от научных доказательств — к иррациональным верованиям (в соответствии с процессом, описанным Сорелем, а затем и многими другими), чтобы политика, уже превратившаяся в философию, стала настоящей религией. Таков ход развития марксизма — фундамента тоталитарных коммунистических партий, таков же и ход развития национализма (или расизма) — основы фашистских тоталитарных партий. Первый, разумеется, гораздо глубже и шире разработан, чем второй. Весьма трудно объяснить нее факты природы, общества и сознания различиями «крови и почвы». Марксистам же, напротив, достаточно успешно удается связать их с борьбой классов и диалектическим методом — чудес и несообразностей здесь не больше и не меньше, чем в любой из религий.

Наконец, именно такому развитию тоталитарных партий и светских религий способствует эволюция партийных структур, хотя это, несомненно, больше следствие, чем причина. Как бы то ни было, наблюдается устойчивое совпадение тоталитарного характера партии и структур, основанных на базе ячеек или милиции, вертикальных связей, жесткой интеграции и централизации: коммунистические и фашистские партии иллюстрируют эту корреляцию самым убедительным образом. И напротив, партии на базе комитетов, слабо интегрированные и децентрализованные — всегда специализированные, как это видно на примере консерваторов и либералов. Что же касается социалистических партий, построенных на базе секций, но с более сильной структурой и централизацией, они обычно остаются специализированными, хотя по характеру причастности отличаются от комитетских партий в сторону большей широты, и в них тоже иногда отмечаются тоталитарные поползновения.

Общность, общество, орден

Ф. Тённис в 1887 г. выделил две категории социальных объединений — общность (Gemeinschaft) и общество (Gesellschaft). Согласно его представлениям, речь здесь должна идти не столько о конкретной объективной классификации, сколько о нормативных понятиях, идеальных типах. Это различие содержало также и некоторое ценностное суждение: общность по сравнению с обществом, по мысли Тённиса, представляет собой высший способ ассоциации. Влияние этой концепции позже обнаружилось в идеологии национал-социализма. Оставляя в стороне метафизический романтизм и перенося концепцию Тённиса в область чисто научных фактов, можно извлечь из его идей интересную классификацию социальных объединений. Будучи весьма общей, она тем не менее позволяет пролить свет на природу связей солидарности внутри партий, особенно если дополнить ее третьей категорией ассоциаций, как это сделал в 1922 г. Шмаленбах, обозначив этот дополнительный тип термином Bund, что мы переведем по-французски термином «орден» (в том смысле, как он употребляется в выражениях: религиозный орден, Мальтийский орден, etc.).

Общность характеризуется двумя сущностными чертами. Это прежде всего социальная ассоциация, основанная на близости, соседстве (на солидарности по сходству, как сказал бы Дюркгейм). Речь может идти о близости географической: село, коммуна, приход, нация. Это может быть и близость психологическая или кровнородственная (особенно настойчиво Тённис подчеркивает общность крови) — наилучшим примером служит здесь семья. Наконец, речь может идти о близости духовной, своего рода единокровности умов, по которой находят близких и себе подобных: дружба, по Тённису, почти укладывается в понятие общности. Она выходит за его пределы постольку, поскольку в ней присутствует момент «избирательного родства», связанный со свободой выбора, тогда как общность — социальное объединение естественное, спонтанное, предшествующее индивиду; такова ее вторая сущностная характеристика. Общность не создают — ее обнаруживают, открывают. В общность, строго говоря, не вступают — в ней оказываются автоматически, хотят того или нет. С общностью связаны родовыми узами, избежать ее невозможно. Индивид естественно

принадлежит к своей семье, своей деревне, своей родине, своей расе — и принадлежность эта природная, произвольная.

Общество характеризуется чертами прямо противоположными. Оно представляет собой сознательное социальное объединение, основанное на договоре и вступлении членов. В него входят свободно, по собственной воле — но могут и не входить. Общество — продукт целиком и полностью искусственный — в природе, естественным образом оно не существует. Его создают, ибо видят в этом определенный интерес. Общество основано не на соседстве, близости или кровном родстве — оно основано на интересе. Принадлежность к ассоциации связана в данном случае с выгодами, которые отсюда можно извлечь. Но в данном случае понятие интереса нужно понимать широко и многосторонне. Он, очевидно, включает интересы материальные, которые служат основанием торговых товариществ, профсоюзов, страховых обществ, ассоциаций солидарности; это также интересы интеллектуальные, которые оказываются источником создания научных ассоциаций, литературных или философских кружков, академий, художественных объединений; или интересы нравственные, вызывающие к жизни благотворительные объединения, общества трезвости, ассоциации взаимной помощи. Он охватывает и потребности, которые можно было бы назвать «интересами досуга»: они порождают различные сообщества, помогающие индивидам развлечь — в паскалевском смысле (-лова — то есть раскрыть себя, причем развлечения эти предполагают чаще всего коллективные формы: спортивные клубы, кружки для игры в бридж, общества игры в мяч, любителей рыбной ловли, ассоциации туристов, любительские театры, союзы бильярдистов, скаутов, etc. Наконец, сюда должны быть также включены и интересы, которые можно было бы назвать эмоциональными, если бы все это не было столь близко: люди скучают в одиночестве, испытывают потребность в общении; им нравится встречаться, удовлетворяя тем самым свое тщеславие (ведь в группе можно обратить на себя внимание, блистать, покорять — а то и эпатировать — публику, etc.) или жажду деятельности (если верно, что действие — источник наслаждения, как утверждал Платон). Сколько феминистских обществ, особенно тех, что собирают дам respectable возраста, столь распространенных в англосаксонских странах и еще более — в Америке, не имеют ровно никакого другого основания! К тому же различные виды интересов обычно переплетаются между собой, так что одни маскируют или замещают другие. Так, многие благотворительные организации фактически созданы для того, чтобы показываться на людях и получать удовольствие от публичного общения. Варианты здесь весьма многочисленны, но само понятие сообщества остается достаточно определенным.

Орден, описанный Шмаленбахом, занимает промежуточную позицию между общностью и обществом. Как и общество, орден основан на волевой, сознательной принадлежности: это не продукт естественной, стихийной эволюции, а результат целенаправленного человеческого деяния. Однако приобщение к ордену имеет совсем другой характер, чем вступление в сообщество. Следовало бы, строго говоря, различать вступление и ангажирование⁵. Первое представляет собой принадлежность куда менее прочную, чем второе. Ангажирование — вступление тотальное, это ориентация всей жизни. Вступление — принадлежность ограниченная, охватывающая лишь часть деятельности вступившего, оно не связано с его глубинным «я», его интимным бытием. Иначе говоря, вступление — специализированная связь, ангажирование — тоталитарная. К этому нужно добавить, что ангажирование не ощущается индивидом как акт полностью произвольный: тот, кто ангажирован, всегда испытывает — в большей или меньшей степени — чувство внутренней необходимости, глубочайшей обязательности, долженствования. Здесь уместно напомнить понятия «призвание» или «обращение», сущностно связанные со вступлением в орден или с переходом из одного в другой. Само собой разумеется, что орден — в отличие от сообщества и по сходству с общностью — основан не на интересе. Ангажирование в орден скорее имеет характер жертвоприношения, самоотречения, того самого «вхождения тесными вратами», о

⁵ франц.: engagement — добровольное обязательство, договор; добровольное вступление. — Прим. перев.

котором говорит Евангелие. В основе ордена лежит глубокая потребность в единении, отрешении от личностного, растворении индивида в недрах группы, трансцендентной по отношению к нему. И тем не менее мы снова столкнемся здесь и со следами духовной единокровности, выступающей, по Тённису, одним из элементов общности, и с эмоциональным интересом, составляющим одно из оснований общества: но эти черты в ордене отличаются как интенсивностью, глубиной, объемом общения, так и тем чувством трансцендентности, которое испытывают при этом все его члены. Кроме того жизни ордена внутренне присуще напряжение, энтузиазм, бурлящий ритм: если сравнить его с «холодным» обществом, то можно подчеркнуть некий особый внутренний «жар» ордена. Зарождающаяся вера, монашеский орден, брак по любви — к таким примерам прибегает Шмаленбах и его последователи, говоря об ордене.

Уместно задаться вопросом: представляет ли орден какую-то третью разновидность социальных ассоциаций, противостоящую обществу и общности, или просто он отличается всего лишь некоторой особой интенсивностью черт, присущих и тому, и другому? Ведь описал же Франсуа Мориак в своих романах неистовые и трагические семьи-кланы, где общность оказывается весьма близкой к ордену. Точно так же чрезмерно экзальтированный патриотизм способен придать характер ордена нациям, племенам или сельским общинам на ранних стадиях их развития. И напротив, монашеские ордена и тоталитарные партии нередко являют нам примеры ордена-сообщества. Именно это имел в виду Шмаленбах, говоря о недолговечности ордена и законе естественной деградации, который им управляет: внутреннее напряжение постепенно падает, энтузиазм ослабевает. Орден как бы «охлаждается», с тем чтобы однажды превратиться просто в общность или общество: как известно, религия умирает в церкви, а брак по любви — в рутине привычного общения... Здесь не место дискутировать по данному вопросу, нам достаточно констатировать, что орден вполне реален как явление, а само это понятие позволяет раскрыть природу такого интересующего нас феномена, как принадлежность (*appartenance*) к партии. Понятие ордена позволяет путем сопоставления проверить правомерность двух классификаций, ранее уже принятых нами: это, во-первых, деление партий на тоталитарные и специализированные, а во-вторых — противопоставление общности, сообщества и ордена. Что касается классификации партий, то можно утверждать: понятия ордена и тоталитарной организации почти полностью совпадают; все тоталитарные партии имеют характер ордена, и все партии, носящие характер ордена, суть тоталитарные. Только понятие ордена позволяет по-настоящему осмыслить структуру тоталитарных партий. А различие общности и общества в принципе обнаруживается именно в специализированных партиях, природу которых оно адекватно выражает. В то же время черты данного различия могут быть отмечены и в тоталитарных партиях: для юного русского, с детства воспитанного на коммунистической идеологии, партия — это общность; а для новообращенного в западных странах она будет скорее обществом. И здесь мы снова возвращаемся к мысли о том, что понятие ордена, вероятно, больше выражает особую модальность, которая окрашивает и общность, и общество, нежели представляет самостоятельную, отличную от них категорию.

Если с учетом всего этого применить классификацию Тенниса-Шмаленбаха к осмыслению партий, можно констатировать комплексность связей причастности (*participation*). В любой партии сосуществуют все три типа социальных связей. Для некоторых членов партии, движимых традицией, классовым императивом, семейными, профессиональными или местными привычками, партия — это общность. Для тех, кого привлекли возможные материальные выгоды, моральный или идеалистический импульс либо склонность к политической деятельности, партия выступает как общество. И, наконец, для третьих, кого подталкивает энтузиазм, страсть и жажда общения, партия — это орден. К последней категории чаще всего принадлежит молодежь или интеллигенция. Но различные виды причастности вполне могут перекрещиваться и наслаиваться даже в пределах одного и того же индивидуального сознания. Нередко совмещаются традиция и интерес, то есть сплав общности и общества; точно так же в коммунистических партиях мы сталкиваемся с

совпадением естественной причастности к партии в силу принадлежности к определенному социальному классу и тоталитарных пристрастий, то есть сплавом общности и ордена. А к свойственной ордену тоталитарной экзальтации порой примешиваются — сознательно или подспудно — тщеславие, потребность в самоутверждении, вкус к публичной деятельности, то есть эмоциональный и развлекательный интерес, который лежит в основе общества. Чтобы отнести партию к какой-либо из трех категорий (сообщество, общность, орден), придется исходить лишь из удельного веса в ней каждого из трех этих видов социальной связи. Партию, где преобладают связи социетарного типа, можно рассматривать как партию-сообщество; партией-орденом считать ту, в которой между организацией и ее членами доминируют связи соответствующего типа, etc. В таких границах понятия общества, общности и ордена позволяют дать классификацию политических партий и в то же время выявить пути их эволюции.

В социетарных партиях всегда превалируют интерес и воля: здесь мы почти не встретим пристрастий к общинным традициям или порядкам ордена. Буржуазные партии XIX века могли бы служить удачным примером обществ, если бы еще через многих своих членов они не были связаны с либеральной или консервативной традицией, что все же отчасти придает им оттенок общности. Некоторые современные центристские партии носят тот же самый характер — главным стимулом членства в них выступает то осязаемое преимущество, которое обеспечивает их промежуточная позиция в политических битвах, и погоня за привилегиями. Американские партии тоже частично принадлежат к этой категории, хотя большинство симпатизантов поддерживает их в силу семейных или местных традиций; для массы же собственно активистов главным основанием выступает интерес. Этот пример наглядно показывает, что природа причастности весьма неодинакова для разных категорий. Во всяком случае, думается, вполне правомерным будет утверждать, что избиратели и члены партии связаны с ней отношениями разного типа: среди избирателей доминирует общинный тип, даже в тех партиях, члены и активисты которых связаны с ней скорее социетарным образом. К тому же следовало бы тщательно различать просто членов партии и настоящих активистов. Любая обобщенная, не учитывающая эти различия классификация будет ненадежной.

Некоторые партии более определенно связаны с общинным типом, как например, партии социалистические. Они заявляют о себе — или по крайней мере заявляли в начале XIX века — как о партиях классовых; но принадлежность к определенному социальному классу — это связь общинного характера. Поскольку принадлежность к партии классово детерминирована, партия выступает как общность. Поставив на место либерального понятия партии, основанного на идеологии или интересе, концепцию партии как политического выражения социального класса, марксизм заменил социетарную концепцию партии общинной. Наиболее полное развитие эта теория получила в некоторых странах народной демократии, где каждая партия соответствует определенному социальному классу. В СССР же, напротив, упразднение классовых противоположностей, как утверждает официальная пропаганда, привело к однопартийной системе. Однако понятие партии-общины выходит далеко за пределы понятия партии-класса. Например, в американских партиях, социальная неоднородность которых бросается в глаза, принадлежность к той или иной партии часто объясняется обычаем, привычкой или традициями — семейными или местными. Многие причисляют себя к республиканцам потому, что таковыми были их отцы и деды; потому что «республиканизм» составляет неотъемлемую часть фундаментальных правил семейной благовоспитанности. Южанин же демократ потому, что он — белый; потому, что его предки — мятежники времен войны между Севером и Югом; да наконец потому, что было бы попросту неприлично и некорректно вдруг взять да объявить себя республиканцем. Известны несколько вульгарные, но меткие французские выражения: «всосать республиканские убеждения с молоком матери», быть «республиканцем со всеми потрохами». Они отражают не что иное, как общинную привязанность к традиционной партии.

Наконец, описанному Шмаленбахом понятию ордена соответствуют партии коммунистические и фашистские. В Германии, где концепция ордена явно созвучна неким глубинным национальным инстинктам, национал-социалисты вполне определенно именно ее и проводили в жизнь. Большинство фашистских партий также следовали этому примеру. Мистика ордена — важный элемент фашистской идеологии. И, напротив, в коммунистической идеологии она на первый взгляд не имеет места; но сама партийная терминология заставляет вспомнить о термине «орден». Да и концепции Ленина и Сталина о руководящей роли партии, объединяющей наиболее сознательные, преданные и мужественные элементы рабочего класса, ведут к тому же самому понятию. Партия требует от своих членов полной ангажированности, равнодушия к материальным благам и аскетического образа жизни; она насаждает среди них дух общинности и самоотречения (пресловутое «суровое братство», о котором говорил А. Мальро в период своих коммунистических увлечений) — все это не что иное как типичные признаки ордена. Основанием для такого утверждения выступает и та абсолютная дисциплина, и та преданность *perinde ac cadaver*⁶, которой эта партия требует от своих членов, что сближает ее с самыми великими и знаменитыми религиозными орденами. Даже концепция партии как «революционной элиты», «фермента, поднимающего массы», «авангарда рабочего класса» точно так же восходит к понятию ордена. Достаточно сопоставить черты коммунистической партии с основными характеристиками, служащими для описания ордена, чтобы констатировать их полное тождество.

Ценность различения понятий «общество», «общность», «орден» не исчерпывается тем, что оно позволяет дать классификацию политических партий исходя из природы свойственных им связей солидарности. Благодаря ему можно проследить интересную эволюцию. На первом этапе развития партий социетарный тип сменяется общинным. В XIX веке, когда партии только складывались, они необходимо приобретали форму общества: они по определению не могли возникнуть как естественные, спонтанные, самопроизвольные ассоциации, поскольку именно подстегиваемая обстоятельствами человеческая инициатива тогда только что создала их, и первые желающие туда войти просто обязаны были осуществить акт свободной воли. В буржуазных демократиях, основанных на цензовом избирательном праве, в условиях которого эти партии функционировали на первом этапе своей истории, они явно базировались на материальных и идеологических интересах, причем вторые довольно часто служили прикрытием первых. Верность партии почти не имела смысла: партию меняли, когда менялись интересы, если только она сама не изменяла идеологию и тактику. В консервативных и либеральных партиях Европы четко прослеживается ряд полных переворотов в воззрениях на свободу торговли, аграрную политику, социальное законодательство, etc. Так же четко прослеживается и переход политических деятелей из одной партии в другую, что выглядело совершенно естественным. Два фактора, по-видимому, превратили систему социетарных партий в систему партий-общностей. Во-первых, это старение буржуазных партий, что создало определенные традиции. Для отцов-основателей партия была обществом; для сыновей, получивших партийную принадлежность в качестве семейного наследия, она приобретала уже черты общности. И эти черты только усиливались от поколения к поколению с помощью того хорошо известного механизма, посредством которого происходит переход от узурпации в легитимные монархии: таков же и универсальный естественный закон постепенного превращения сообществ в общности. Сегодняшнее новшество завтра обращается в привычку; нынешнее сообщество порождает будущую общину. Что касается партий, такая эволюция была ускорена вторжением в политическую жизнь пролетариата в форме партии-класса: с момента своего возникновения социалистические партии действительно приняли характер партий-общин, ибо они базировались на одном социальном классе, и всячески его превозносили, тем самым усиливая данную общность. Следствием этого стало осознание

6 лат.: душой и телом. — Прим. перев.

старыми партиями своего собственного классового характера, что в свою очередь естественно предполагало их общинную метаморфозу. Таким образом, возникновение марксизма и социалистических партий и старение партий буржуазных в совокупности своей превратили последние из партий-обществ в партии-общности.

И, наконец, закат традиционных религий и постепенное погружение политических доктрин в ту сферу, где прежде безраздельно господствовала религия (что выше уже было описано), также имели тенденцию направлять эволюцию структуры партий в сторону ордена. Вернемся теперь непосредственно к анализу факторов, которые породили тоталитарные партии, так как полное тождество природы ордена и тоталитаризма уже было нами отмечено. Итак, вторая фаза развития тоталитарных партий состоит в переходе их от общности к ордену. Но данная фаза выглядит менее четкой и универсальной, нежели предшествующая: тоталитарные партии типа ордена все еще остаются исключением в общей массе политических партий. К тому же внутри этих партий-орденов вырисовывается определенная эволюция. Прежде всего можно было бы отметить некоторую подвижку от ордена-общества к ордену-общности, заметную в правящих партиях (орден рассматривается в данном случае исключительно как модальность, присущая и обществу, и общности, а не в качестве особой и противостоящей им социологической категории: см. выше, с. 76). До взятия власти партия национал-социалистов была орденом-обществом; но для молодого, с детства отобранного и воспитанного в Гитлерюгенде наци она скорее представляет собой орден-общность. Отметим, что правящие тоталитарные партии имеют тенденцию закрывать непосредственный доступ в свои ряды, чтобы обеспечить себе пополнение из «молодой поросли», выделяемой обычно в особую структуру.

Но не свойственна ли партиям-орденам тенденция эволюционировать к чисто общинному типу, постепенно освобождаясь от своей тоталитарной природы, присущего им энтузиазма, экстремизма и внутреннего напряжения? В начале XIX века первые социалистические партии имели над своими членами власть, весьма напоминавшую власть религиозного ордена; но затем они подверглись того рода деградации, который Шмаленбах как раз и считал естественным законом ордена. Можно не сомневаться, что коммунистическим и фашистским партиям тоже этого не миновать — если только им позволят следовать их естественным путем. Но сама структура этих партий и усилия их вождей обнаруживают явную тенденцию противодействовать подобной либерализации. Механизмы самоочищений и чисток, отлучения и расколов наряду с регулярным омоложением кадров и формированием все более продвинутых новых вождей вкупе со все более изоциренным воздействием на членов партии (через ячейки и милицию) как раз и имеют своей главной целью предотвратить утрату партией структуры ордена. Систематическая борьба против «деградации энергии» обнаруживается во всех социальных группах. Пройденная дистанция пока недостаточно велика, чтобы можно было судить о том, насколько это противодействие успешно. Однако эволюция коммунистических партий вот уже в течение двадцати лет не обнаруживает ни малейшего ослабления ни тоталитарной их природы, ни характера ордена; напротив, они, по-видимому, даже усиливаются — особенно это свойственно правящим партиям в условиях однопартийности (СССР). Так же обстоит дело и в тех партиях, которые действуют в рамках демократического плюрализма. И представляется весьма маловероятным, чтобы в обозримом историческом будущем путем простой внутренней эволюции они смогли бы превратиться из ордена в общность.

Глава третья. Партийное руководство

В любой человеческой общности структура власти выступает как результат борьбы двух противоборствующих сил: умонастроений с одной стороны, практической необходимости — с другой. Вот почему управление партиями, как и управление большинством современных социальных объединений — профсоюзами, всевозможными

общественными организациями, etc., носит двойственный характер: демократическая видимость, олигархическая сущность. Одни только фашистские партии, осмеливающиеся открыто признать то, что другие практикуют, составляют исключение из данного правила; правда, вряд ли это можно приветствовать, если верно, что лицемерие — дань, которую порок платит добродетели.

Своего рода всеобщее уважение, которое общественное мнение питает по отношению к демократии, объясняется тем статусом легитимности, который оно ей приписывает. В любую историческую эпоху люди создают себе некий идеал структуры и способа передачи власти внутри социальных групп и стихийно повинуются руководителям, отвечающим этому общему идеалу, отказывая в повиновении другим. Это господствующее умонастроение и определяет легитимность руководителя — в социологическом смысле данного термина. Те, кто его исповедует, придают ему абсолютный характер; сторонний наблюдатель констатирует его относительность. Каждая цивилизация вырабатывает свою собственную доктрину легитимности, обычно существенно отличную от других. На Западе Французская революция заменила монархическую легитимность демократической. В течение многих веков казалось совершенно нормальным, чтобы власть передавалась наследственным путем, так же как сегодня кажется нормальной передача ее посредством выборов. Но демократической легитимности уже начинает противостоять легитимность классовая: принадлежность к рабочему классу есть условие отправления власти. Принятая в такой достаточно определенной форме лишь в коммунистических партиях, она постепенно начинает проникать и в другие. фашисты противопоставляют ей легитимность аристократическую: власть должна принадлежать «политической элите», то есть исключительно тем, кто способен брать ее на себя в силу врожденного дара. Но и та, и другая доктрина пока еще сохраняют характер второстепенных: господствующей идеей современной эпохи остается демократия, именно она определяет легитимность власти.

Партии как организмы, действующие непосредственно в политической сфере, где соотношение с демократическими идеалами выступает в качестве константы, особенно должны принимать это во внимание. Представления о легитимности имеют всеобщий характер, они относятся ко всем социальным явлениям; но наиболее непосредственно приложимы они к государству, его органам, его механизмам. Если коммерческая компания или общество рыболовов, вручая нескольким лицам власть, не узаконенную даже выборами в кругу своих членов, придает себе олигархическую форму, это, конечно, шокирует господствующие демократические убеждения — но, разумеется, гораздо меньше, чем если бы точно такой же способ использовала политическая партия, действующая в рамках демократического государства и стремящаяся завоевать доверие масс, признающих демократически избранную власть единственно законной. Политические партии должны, следовательно, проявлять постоянную заботу о том, чтобы придать управлению демократический вид.

Однако практическая необходимость властно подталкивает прямо в противоположном направлении. Демократические принципы требуют выборности руководителей всех уровней, постоянного их обновления, коллективного характера деятельности, ограничения власти. Но партия, организованная подобным образом, будет плохо вооружена для политической борьбы. Хорошо, если та же самая структура будет принята всеми — тогда условия борьбы окажутся равными. Но если хотя бы одна из них положит в основу своей организации авторитарные и авторитарные принципы, другие окажутся в невыгодном положении. Нередко бывает, что демократическое государство, воюя с диктаторским, вынуждено постепенно перенимать методы своего противника, если собирается его победить. Указанный феномен воспроизводится и в политической борьбе — на уровне партий: чтобы выжить, демократические партии должны подгонять себя под общую мерку. Это облегчается тем, что их руководители в силу естественных причин тяготеют к сохранению и увеличению своей власти, а члены партий не только не препятствуют данной тенденции, но даже, напротив, еще усиливают ее своим культом вождей; в этом отношении исследование Р. Михельса не

утратило своей истинности. Тем не менее они вынуждены сохранять демократическую видимость: авторитарные и олигархические процедуры осуществляются обычно в обход уставов, с помощью целого ряда закулисных, но весьма результативных приемов. Можно сравнить это с тем камуфляжем, который в аналогичных целях используют некоторые современные государства, под прикрытием демократических лозунгов и декораций устанавливающие автократические режимы. Данная тенденция носит общий характер, но по-своему действует в каждой конкретной партии. Большая или меньшая степень ее развития зависит от многих факторов: социального состава партии, силы демократических настроений среди ее членов, доктрины (которая зримо отражается в ее структуре), равно как и от возраста партии. Как все человеческие общности, партии консервативны: они с трудом меняют свою структуру, даже если развитие их к этому побуждает. И более демократический характер некоторых из них нередко объясняется тем, что партии эти появились на свет до того, как были выработаны наиболее авторитарные методы организации.

I. Отбор руководителей

Официально руководители партий почти всегда избираются их членами и, следуя демократическим принципам, получают сравнительно ограниченные полномочия. Одни только фашистские партии отвергли этот порядок и заменили его назначением сверху: нижестоящие руководители подбираются верховным вождем партии; последний же — он назначает себя сам — остается на своем посту пожизненно; его преемник определяется путем кооптации. Демократическая система выборов практически оказывается заменена различными формами автократического рекрутирования: кооптацией, назначением из центра, презентацией, etc. Положение усугубляется еще и тем обстоятельством, что действительными вождями партии нередко оказываются не видимые вожди, а совсем другие люди.

Тенденция к автократии

Разграничим сначала автократию открыто признаваемую, которая служит исключением, и автократию замаскированную, выступающую правилом. Первая встречается в фашистских или псевдофашистских партиях, где «фюрер-принцип» заменяет выборы как основу легитимности. Верховное руководство осуществляется вождем, который сам себя облакает властью в силу своей природы или обстоятельств. Можно выделить два типа фашистских концепций вождя: немецкую теорию, рассматривающую фюрера как провиденциальную личность, которая по самой своей природе олицетворяет германскую общность и осуществляет на этом основании верховную власть; и, затем, доктрину менее мистическую, приписывающую провиденциальный характер лишь обстоятельствам, поставившим вождя во главе партии. В первом случае вождь — настоящий сверхчеловек: это современное воспроизведение античных представлений о божественной природе правителей, теории короля-бога. Во втором случае вождь — просто человек, вознесенный судьбой (высшим Провидением, сказали бы верующие; слепой случайностью, скажут другие) на такую высоту, что лишь он один способен взять на себя верховное правление партией. Латинский фашизм, менее мистичный и более скептический, чем немецкий, обычно предпочитает вторую концепцию — она создает вокруг вождя партии атмосферу умеренного почитания и оставляет достаточно широкую возможность критики. Но последствия обеих концепции для отбора нижестоящих руководителей идентичны: все они назначаются вождем партии на основании его собственной верховной власти.

Впрочем, иногда партии этого типа вынуждены пойти на компромисс с демократическими принципами и отдать им некоторую дань, по крайней мере внешне, — настолько сильна бывает общая вера в легитимность выборности. Эти уступки обычно более значительны на местном уровне, нежели в высшем эшелоне, и централизованность партии

практически почти лишает их какой то бы ни было эффективности. В качестве примера можно привести организацию Объединения французского народа (РПФ), созданную в 1947 г. генералом де Голлем. На уровне коммун бюро официально избрано: все руководители, следовательно, выдвинуты демократическим путем, по крайней мере внешне. В рамках департаментов выборные бюро сосуществуют с уполномоченными, назначенными центром. Причем первое обладает правом инициативы, а второй — правом вето; фактически прерогативы уполномоченного центра оказываются гораздо значительнее, чем это кажется на первый взгляд. На региональном уровне обнаруживается уже только назначаемый уполномоченный. И, наконец, в центральном эшелоне все без исключения руководство назначается вождем партии, кроме съезда и Национального совета. Но первый собирается лишь один раз в год; дебаты проходят там за закрытыми дверями, в специализированных рабочих комиссиях; пленарные заседания посвящаются только заслушиванию речей руководителей партии и утверждению заключений комиссий. Национальный совет также играет лишь консультативную роль. Действительная власть, помимо вождя партии, принадлежит Директивному совету и секретариату, члены которого назначаются непосредственно генералом де Голлем (сам секретариат состоит из его личных сотрудников). Центральное руководство остается чисто автократическим.

Немногим отличаются от РПФ и некоторые другие партии, где автократия лишь частично признается открыто: наряду с выборными руководителями мы видим назначенных или кооптированных, которые могут уравновешивать влияние первых. В знаменитых бирмингемских саусис, которые в конце XIX века сыграли большую роль в организации британских партий, мы тоже обнаруживаем хитроумную смесь выборов и кооптации. Их базой выступали квартальные комитеты, состоящие из выборных членов и такого количества кооптированных, которое эти демократически избранные пожелали в них привлечь; на вершине — Исполнительный комитет из 110 членов: из них 48 непосредственно избраны членами партии в каждом квартале, 32 — комитетами кварталов, образованными тем самым способом, о котором мы только что говорили, и 30 кооптированных этими восьмьюдесятью, а между ними — Генеральный комитет, нечто вроде совещательного собрания, состоящего из 110 членов исполнительного комитета и 480 делегатов, избранных в кварталах; внешне система выступала как широко демократическая. С ней можно сопоставить современную организацию некоторых демо-христианских партий. Во французской МРП, например. Национальный комитет состоит из 10 кооптированных членов и Комитета директоров — из 5 человек. В бельгийской христианской социальной партии коммунальные и окружные комитеты могут дополнительно кооптировать в свой состав половину от избранных членов; на центральном уровне Генеральный совет имеет в своем составе 12 кооптированных членов (из более чем ста), а Национальный комитет — 4 кооптированных из 21. На местном уровне количества кооптированных вполне хватает для того, чтобы придать системе полуавтоматический характер; на центральном уровне этого недостаточно: там кооптация преследует цель включить в руководство партии лиц (интеллектуалов, инженеров и т. д.), не участвующих в политической жизни федераций, но чей опыт может быть полезен партии. Тот же смысл кооптация имеет и в МРП.

В ФКП назначение руководителей высшими инстанциями или кооптация (с последующим утверждением центром) прямо предусмотрены статьей 7 устава «в определенных обстоятельствах и случаях, которые Центральный комитет оценивает как относящиеся к разряду препятствующих свободному развитию и деятельности партии». Вторая формулировка содержит завуалированное предположение о ситуации, когда партия вынуждена уйти в подполье: первая более туманна и широка: практически она позволяет Центральному комитету прибегать к кооптации или назначению всякий раз, когда он посчитает это нужным. Таким путем легко может быть пресечена любая попытка оппозиции. Мы увидим далее, что ко всему прочему предоставленное комитету секции право определять способ представительства ячеек на ее конференции позволяет подавить малейший элемент демократии в выдвижении руководителей, если в том есть необходимость.

Частичное использование открытой автократии не мешает использованию методов автократии скрытой, которые применяются всеми партиями, официально признаваемыми демократическими; доля ее может быть большей или меньшей, но автократия присутствует всегда. Для маскировки автократии могут служить две технологии: избирательные манипуляции и различие реальных и видимых вождей. Первая часто берется на вооружение государством: выдвижение официальных кандидатур исполнительной властью на «управляемых» выборах в латиноамериканских или балканских странах, переходящих в прямую их подтасовку; административное давление, искажение результатов, подделка избирательных бюллетеней, etc., представляют собой целую гамму всевозможных приемов, позволяющих фальсифицировать политическое представительство. Внутри же партий, где выборы происходят в более узких рамках и публичности гораздо меньше, эти приемы еще более многообразны и эффективны. В демократических государствах избирательные манипуляции не настолько распространены и не могут существенно исказить результаты голосования; в партиях же, напротив, они используются систематически и придают формированию руководства весьма ярко выраженный автократический характер.

Отметим сначала повсеместное использование непрямого голосования: партийные руководители повсюду, кроме базовых единиц (секций или ячеек), избираются не непосредственно членами партии, а через делегатов, самих прошедших выборы. Это делегирование нередко содержит множество ступеней; особенно часто развертывают такие избирательные пирамиды коммунистические партии (табл. 18). В основе всего здания лежит конференция секции, образуемая «представителями ячеек» (ст. 17 устава), согласно «способу представительства, установленному комитетом секции» (ст. 15). Конференция, стало быть, может состоять из секретарей и членов бюро ячеек или рядовых коммунистов, выдвинутых теми самими бюро, деятельность которых и подлежит обсуждению на конференции: в первом случае она будет основана на представительстве первой степени по отношению к базовым избирателям; во втором — на представительстве десятой степени. Текст статьи 15 настолько туманен, что при необходимости ничто не помешает членам комитета выдвинуть самих себя в качестве представителей ячеек на конференцию секции: тот случай системы, где уже вовсе нет ничего от демократии, поскольку первый выбор — единственный, который был бы сделан членами партии, — отсутствует, и вся пирамида возведена на пустом месте. Как бы то ни было, конференция избирает комитет, который сам выдвигает бюро. На федеральном уровне федеральная конференция, образованная делегатами секций (вторая или третья степень по отношению к членам партии), избирает такой же комитет (третья или четвертая степень), также выдвигающий бюро (четвертая или пятая степень); на центральном уровне национальный съезд, образованный делегатами, избранными федеральными конференциями (третья или четвертая степень по отношению к членам партии), избирает Центральный комитет (четвертая или пятая степень), который сам выдвигает Политбюро, Секретариат и Комиссию политического контроля (пятая или шестая степень). В период между съездами созывается национальная конференция, участники которой выдвинуты федеральными комитетами (четвертая или пятая степень). Статья 26 Устава предусматривает даже, что «в случаях, когда обстоятельства будут таковы, что они препятствовали бы свободному функционированию и деятельности партии, федеральный комитет может в виде исключения и с ведома Центрального комитета назначать делегатов (съезда)». В этом случае съезд представляет пятую или шестую степень по отношению к базовым организациям, а Политбюро, Секретариат и контрольная комиссия — шестую или седьмую.

Не все партии проводят не прямые выборы с подобной жесткостью, но используют их все. Непрямые выборы — замечательное средство устранить демократию и одновременно создать впечатление демократичности. Руссо превосходно понимал, что суверенитет никому не может делегироваться: все юридические хитросплетения тех, кто получил мандат, вокруг представительства тех, от кого он получен, не могут заслонить одной непреложной истины: психология делегатов и делегирующих никогда не совпадает, и таким образом каждая дополнительная степень понемногу увеличивает разрыв между волей низов и решениями

верхушки. Выборы партийных руководителей малой группой делегатов и прямой их выбор массой членов партии — совсем не одно и то же. Мы уже не говорим о том, что в малых группах куда легче осуществить и другие избирательные манипуляции в силу ограниченной численности голосующих. Накладываясь друг на друга в ходе последовательных голосований, такие манипуляции все больше и больше фальсифицируют выборы по мере их восхождения вверх по ступеням избирательной пирамиды. Это особенно заметно в тех случаях, когда стараются заставить выдвинуть партийных функционеров в качестве делегатов конференции и съездов, где должно избираться партийное руководство, — ведь с такой выгодной позиции функционерам, например, федеральным секретарям, гораздо легче воздействовать на рядовых избирателей. В этих условиях партийные съезды напоминают аудиторию служащих перед лицом своих работодателей: первые обнаруживают очевидную тенденцию поддерживать вторых, чьими креатурами они, собственно, и являются.

Наряду с непрямими выборами почетное место в арсенале избирательных манипуляций занимает презентация кандидатов. Некоторые партии официально ограничивают в своих уставах свободу выбора избирателей, открыто регламентируя презентацию. Нередко такая система связана не только со стремлением внести во внутривнутрипартийную жизнь элемент автократии, но и с желанием усилить централизацию или децентрализацию. Иногда центр берет презентацию на выборах местных руководителей в свои руки, что явно усиливает централизацию; так, устав ФКП гласит: «федеральный комитет должен согласовать с Центральным комитетом кандидатуру федерального секретаря». В австрийской социалистической партии руководители местных организаций избираются исключительно по списку «доверенных лиц» (Parleimitarbeiter), составленному окружной организацией, то есть «спущенному» сверху: доверенные лица — обычно члены партии, оцениваемые как особо преданные и способные, из тех, что прошли курсы обучения, организованные в центральных социал-демократических школах; в данный момент примерно на каждых 12 рядовых членов партии приходится по одному доверенному лицу. В бельгийской христианской социальной партии кандидаты в председатели местных комитетов представляются партийному собранию для голосования самим местным комитетом, но после апробации в окружном комитете; председатели окружных комитетов точно так же представляются окружным комитетом после апробации в Центральном комитете. И наоборот: презентация высших руководителей может происходить при участии местных организаций, что имеет своим результатом возрастание децентрализации; эта тенденция выражена гораздо слабее, чем предыдущая. В бельгийской социалистической партии кандидатуры в бюро представляются окружными федерациями, которые должны сформировать список, равный количеству предусмотренных мест: это фактически усиливает влияние федерального руководства. В бельгийской католической партии кандидатуры в Национальный комитет представляются самим Национальным комитетом или комитетами провинций и округов. В австрийской социалистической подготовке выборов в Национальный совет осуществляет избирательная комиссия, в составе которой должны присутствовать представители провинциальных организаций, с учетом «по возможности» их численности: эта комиссия делает доклад собранию делегатов провинций, окончательный же проект затем представляется на рассмотрение съезду.

Но официозная презентация куда более распространена, нежели официальная. Есть немало партий, где на выборы выставляется только одна кандидатура (или один список). Такова обычная практика коммунистических партий: то, что происходит на национальных съездах, нельзя назвать настоящими выборами Центрального комитета — это простое, в чистом виде, утверждение; выборы здесь всего лишь формальность, ритуал, лишенный всякого значения; похоже, такие же методы используются и в нижестоящих эшелонах. Но и партии, претендующие олицетворять собой ортодоксальную демократию, используют подобные же технологии: так, у радикал-социалистов выборы Бюро нередко приобретают характер утверждения единственного списка кандидатов: то же самое и в умеренных и консервативных партиях многих стран. Вопреки распространенному мнению, чем ближе к базовым организациям — тем меньше демократии. На национальных съездах иногда еще

обнаруживается сопротивление официозным кандидатам; но оно очень редко на уровне секций, комитетов или ячеек. И уж вовсе исключение, когда члены этих низовых групп не утверждают в качестве руководителей тех кандидатов, которые предложены им сверху. Низы пасуют перед автократическими методами в силу многих причин: трудно договориться, чтобы обеспечить успех стихийной оппозиции; крайне мало личностей, способных такую оппозицию возглавить; большинство членов партии уклоняется от участия в голосовании, etc.

Сама организация выборов дополняет эффект презентации. Здесь могут быть одновременно использованы два разных рода манипуляции: фальсификация списков избирателей и фальсификация голосования. Первый прием весьма часто применяется на съездах радикал-социалистов: механизм представительства таков, что искушенные руководители могут коренным образом повлиять на состав съезда. Для любого члена партии, полностью уплатившего взносы на день съезда и способного за отдельную плату купить «билет съезда», даже выбор места его проведения приобретает принципиальное значение: члены близлежащих комитетов могут туда добраться, тогда как представителям более отдаленных удастся принять в нем участие лишь в виде редкого исключения. Уходящий руководящий комитет, назначая съезд на территории федерации, благосклонно относящейся к его членам, может тем самым внести существенный вклад в дело своего повторного переизбрания. Ведь если закупить билеты оптом и распределить их среди «сознательных» членов партии, вполне можно добиться желаемых результатов. Даже в партиях, где представительство устанавливается более строгим образом, использование этих методов ограничено, но не запрещено. Разве созывая в 1872 г. Генеральный совет Интернационала в Гааге, Карл Маркс и поддерживающая его некоторая часть руководства не избрали этот город заведомо потому, что он «мало доступен для некоторых оппозиционеров и совершенно недоступен для других»?¹ Даже в большинстве современных социалистических партий, где демократические процедуры уважаются больше, чем в каких-либо иных, механизм подсчета голосов допускает кое-какую «подмогу». В СФИО, например, каждая федерация имеет право на один мандат съезда для каждого оплатившего 12 месячных марок: это попросту означает, что для подсчета представительства федерации на съезде общее число приобретенных казначеем месячных марок делят на 12. Богатой федерации, понятно, ничего не стоит закупить марок гораздо больше, чем она их может разместить среди своих членов. Депутат или влиятельный активист, имеющий финансовую поддержку, может таким окольным путем заполучить мандат съезда.

С другой стороны, представительство часто определяется далеко не пропорциональному весу федераций. В партии радикалов вплоть до 1945 г. количество представителей в Исполнительном комитете наполовину зависело от численности федерации, наполовину — от численности населения департамента: какая-нибудь хилая федерация густонаселенного департамента вполне могут иметь большее представительство, чем значительная, по функционирующая в небольшом департаменте. Этот порядок поистине разоблачает приниженную роль рядового члена партии в его собственной организации. В МРП представительство федераций определяется по нисходящей шкале: один мандат на каждого пятого члена из 200 первых, затем один на каждые 100 членов при численности организации от 200 до 5.000, на 200 — сверх этой цифры: система, явно рассчитанная на благоприятствование новым группам и одновременно — на ограничение роли наиболее сильных федераций; она приводит к росту скрытых форм влияния центра, ибо, как свидетельствует практика, оппозиция всегда зарождается в крупных федерациях. В американских партиях национальные съезды основаны на системе представительства, которая ставит и более выгодное положение аграрные, слабо населенные штаты по сравнению со штатами, для которых характерна концентрация крупных городов и высокая плотность населения. Это дезориентирует всю страну, превращая отношение Запад — Восток и Север — Юг в главную ось политики (табл. 19).

На местном уровне подобные трюки с избирательным корпусом также весьма распространены. Представительство на региональные съезды менее упорядочено и влияние руководства здесь еще больше. На уровне секций ставка делается не столько на манипуляцию представительством (поскольку выборы здесь прямые), сколько на отстранение членов партии, мало расположенных отдать свои голоса (если бы они осуществили свое право голоса) официозным кандидатам, или, наоборот, на включение в состав голосующих поддерживающих этих кандидатов псевдочленов, которые не должны были бы голосовать. Внезапный созыв, с тем чтобы помешать своевременному оповещению оппозиции; назначение собраний на неудобные часы, для того чтобы оттуда ее устранить; использование команд головорезов, которые «прорываются» в зал с тем, чтобы участвовать в голосовании, — все эти средства в то или иное время применяются определенными партиями. Искусством сфабриковать нужное решение досконально владеют американские боссы. Создатели бирмингемских саусис усовершенствовали их методы; они использовали специальные «кочующие команды», переходящие от квартала к кварталу на избирательных митингах, чтобы за счет их голосов обеспечить решительную поддержку выдвижения тех делегатов, которые благоприятно настроены по отношению к официозному ставленнику. Кстати, не нужно забывать, что явка на собрания всегда низка, и голосующие представляют лишь малую часть членов партии: то есть, так или иначе, но выдвижение ими руководителей никогда не бывает полностью демократичным.

И, наконец, избирательные манипуляции могут касаться самих выборов. Демократические принципы требовали бы тайного голосования бюллетенями, но это условие не всегда соблюдается. На нижестоящем уровне присутствующим нередко предлагают выразить свое согласие или отказ с места, с помощью поднятых рук, что совершенно меняет характер голосования, — это уже не выборы, а всего лишь утверждение типа плебисцита. Та же самая процедура порой имеет место и в высших эшелонах, на национальных или региональных съездах: например, у радикалов бюро или председатель партии часто оказываются избранными просто с помощью приветственных возгласов; на коммунистических съездах эта процедура — стала правилом, и единодушие достигается всегда. Иногда голосование тайными бюллетенями имеет место, но во всех розданных бюллетенях стоят имена одних только официальных кандидатов, так что оппозиционное голосование весьма затруднительно, и такие голоса рискуют рассеяться. Более современной и утонченной, нежели эти механические манипуляции выборами, выступает психологическая манипуляция голосующими. В нижних эшелонах официозным кандидатам оказывают поддержку лица, имеющие вес в общественном мнении (депутаты, журналисты, центральное руководство): в исходе голосования существенную роль может сыграть их престиж среди членов партии, тем более что последние тешат себя мыслью, будто их собственная значительность измеряется значительностью той важной персоны, которую ради них «мобилизовали». На национальных съездах такое личное воздействие на голосующих обнаруживается во всем своем многообразии и полноте. Ведь провести съезд — это целое искусство: нужно действовать в кулуарах, разлагать соперничающие группы, тайно интриговать в комиссиях. Классический образец в этом смысле — сценарии съездов французских радикалов или конгресса, избирающего председателя американской партии; но подобные приемы используют все партии.

Нельзя не признать, что искусство интриги свойственно не одним только партийным съездам: в парламентах оно точно так же в ходу. Однако публичность дебатов сдерживает здесь влияние закулисных маневров, тогда как полузакрытый характер партийных ассамблей о укрывает для них неограниченную свободу.

Видимые и действительные руководители

Совокупность всех этих избирательных манипуляций приводит к тому, что под более или менее демократической видимостью скрывается более или менее автократическое

назначение руководителей. Есть и другой метод, позволяющий достигнуть того же эффекта, и его можно употребить в сочетании с первым. Он заключается и существовании как бы двух категорий партийных руководителей: номинальных и настоящих — первые избраны, а вторые назначены автократически. Одни обладают властью теоретически; другие практически ее отправляют или разделяют с первыми. Мы сталкиваемся с общей проблемой реальных субъектов власти. Марксисты бросают классической демократии упрек в чисто формальной ее сущности: депутаты, парламенты, министры обладают лишь видимостью власти, а настоящая власть остается в руках капиталистических структур: банков, крупной индустрии, трестов, etc. Историки всегда находят в тени скипетра и короны абсолютных монархов людей или институты, которые на деле являются хозяевами дворцов: преторианская гвардия, премьер-министр, фавориты или фаворитки. В любых социальных образованиях (и не только государственных) за официальными пурпурными мантиями можно отыскать «серых кардиналов» — тех, кто дергает шнурки марионеток, действующих на сцене. Эта проблема имеет особое значение для политических партий, потому что во многих из них реальная власть весьма отличается от видимой. Но условимся быть очень осторожными в этой области: «серые кардиналы» по определению остаются тайными или наполовину тайными, и получить на этот предмет какие-либо точные сведения всегда трудно. А кроме того, народная фантазия так любит создавать истории о таинственных силах и вождах-невидимках — к официальным мнениям здесь всегда относятся с особым недоверием...

Многим партиям этот дуализм номинальной и реальной власти известен лишь косвенно: их официальные руководители это и есть их действительные руководители. Просто вокруг некоторых лиц образуется своего рода малое окружение, которое увеличивает их власть и дает им известные прерогативы, не предусмотренные уставом. Иногда исключительность личности руководителя также выводит его за рамки официальных установлений: именно так оценивают роль Жореса или Блюма во французской социалистической партии, Брантинга в шведской социал-демократии, Стонинга в датском социалистическом движении. В иных партиях этот укореняется очень глубоко: официальная иерархия дублируется официозной или тайной; они делят действительную власть, и последняя имеет тенденцию брать на себя львиную долю. Именно по этому принципу в американских партиях различают нормальную организацию, руководимую лидером, и машину — теневую структуру, находящуюся в руках боссов и их людей. К тому же терминология не всегда четко фиксирована, и обе иерархии порой неотделимы друг от друга. Эта вторая власть организована, разумеется, не демократически: соответствующие должности достаются не путем выборов, а за счет кооптации, назначения сверху, прямого захвата или по наследству.

Как складывается эта вторая власть? Никаких общих правил здесь невозможно сформулировать: ограничимся несколькими тщательно подобранными примерами. Американский «боссизм», по-видимому основан на прибыльности. Во Франции выборы открывают возможность лишь завуалированных и довольно ограниченных действий избранного в пользу близких к нему людей или помощников: можно добиться для них некоторых льгот, кое-каких должностей или знаков отличия — но и это нелегко. Администрация набирается по конкурсу; она обладает статусом, гарантирующим ей некоторую стабильность в условиях нормальных политических перемен; она пользуется довольно значительной независимостью. В Соединенных Штатах посредством выборов получают власть не только сенатор, депутат, муниципальный или более высокого ранга совет, но и судьи, шерифы, констебли, налоговые полицейские, пожарные начальники, школьные инспектора и почти все руководители социальных служб. Более того, чиновники этих служб назначаются партией власти: ее поражение означает, так сказать, почти законное лишение их средств к существованию согласно известному принципу: «победителю — шкуру побежденного». Таким образом, победа на выборах в высшей степени прибыльна. Она является таковой, даже когда партия-победитель просто честно использует полученные ею

мандаты и функции в общих интересах. И она тем более прибыльна, если партия-победитель спекулирует обширными полномочиями, которые ей достались: взятка, злоупотребление положением, коррупция позволяют извлекать огромные барыши. Таковы экономические корни боссизма: машина, то есть теневая структура, которая в действительности и руководит партией, по существу представляет собой предприятие для завоевания должностей, а также законных и незаконных привилегий, которые она может обеспечить; босс — это шеф и создатель такого предприятия. Нарисованная нами картина несколько смахивает на карикатуру: нужно оговориться, что она соответствует лишь какой-то части машин (наиболее общеизвестных, самой знаменитой из которых остается Таммани Холл¹): а на Юге и боссы, и машины имеют совсем иное значение.

В Европе приемы теневого управления мало распространены. Регламент гражданской службы не дает развиваться их финансовой основе; он ограничивает коррупцию в силу своей систематичности и постоянного характера и отводит ей довольно второстепенную роль в управлении партиями. Можно сравнить это с влиянием кредиторов, но в партиях их роль представляется меньшей, чем полагает общественное мнение. Нет прямого соответствия между суммами средств, пожертвованных партии, и властью жертвователя над ее организацией. Общеизвестна политическая индифферентность большинства людей или институтов, которые субсидируют партии: манипулировать ими почти так же легко, как и делегатами съезда. Их давление сказывается лишь в тех весьма ограниченных областях, которые затрагивают их ближайшие личные интересы: организовать кампанию против того или иного налога, который их стесняет; поставить на голосование какую-то выгодную для них меру. Их вмешательство в некоторые позиции партий заметно, но в постоянном управлении они по-настоящему не участвуют. Сами кредиторы не выступают в качестве тайных вождей партии: они лишь воздействуют в определенные моменты на ее собственных вождей, добиваясь, чтобы те повели партию в определенном направлении. Разумеется, из этого правила имеются исключения: есть некий тип капиталистов-мегаломанов, одержимых политикой и претендующих на то, чтобы действительно управлять теми партиями, которые они финансируют. По крупные партии плохо поддаются такому давлению, и эти люди чаще всего кончают тем, что оказываются во главе эфемерных организаций, состоящих из авантюристов и шарлатанов.

Действия кредиторов можно сравнить с действиями группировок и коалиций, созданных с целью защиты групповых интересов средствами политического вмешательства: рабочих и предпринимательских союзов, объединений ветеранов, женских и семейных лиг, региональных ассоциаций, союзов в защиту нравственности, обществ трезвости, etc. Американцы дают им очень выразительное название: pressure groups — группы давления. Как и кредиторы партий, группы давления действуют в четко ограниченных областях. И они еще меньше, чем кредиторы, стремятся связывать себя с определенной партией: они предпочитают работать с группой партии, чтобы направлять их в благоприятном для своих интересов смысле. В силу обстоятельств, однако, общее совпадение между целями групп давления и политической ориентацией партии может привести к тому, что первые начнут особо интересоваться второй и играть постоянную роль в руководстве. Влияние АФТ-КПП на американскую демократическую партию — хороший тому пример. Оно осуществляется одновременно и сверху — на партийных руководителей различных уровней, и снизу — в рамках первичных выборов, где профсоюзы стараются продвинуть своих кандидатов: им удастся таким образом противостоять боссам и машинам и вступать в соревнование с лидерами партии. Такая роль профсоюзов в управлении партией — дело, кстати, довольно обычное: влияние профсоюзных руководителей на социалистические или христианско-демократические партии весьма значительно.

С группами давления не нужно смешивать объединения интеллектуалов, или, как их называли в XVIII веке, «общества мысли», которые в то или иное время приобретали значительное влияние в руководстве политическими партиями. Наиболее ярким примером была бы здесь та роль, которую играло франкмасонство в руководстве французской

радикальной партии в 1900–1910 гг. Бесспорно, в этот период масонами были заложены устои партии: она получила от них свою инфраструктуру, свою сплоченность, свою политическую ориентацию; масоны имели преобладающее влияние на ее съездах, в ее исполнительных комитетах и ее генеральном руководстве — и тем самым они придали ей такую эффективность и мощь, которые потом уже никогда не были ей свойственны. Воздействие франкмасонства тогда было ощутимо и в других партиях того же политического оттенка, что и французские радикал-социалисты, — например, в Бельгийской либеральной партии. Можно найти и другие примеры вмешательства «обществ мысли» в руководство партиями, особенно Фабианского общества — в руководство британской лейбористской партией, хотя здесь речь шла скорее о духовном влиянии, нежели собственно о руководстве.

Другая разновидность «второй власти» создается командами, складывающимися вокруг газеты, на распространение которой опирается их влияние в партийном руководстве. Нередко личная харизма одного человека придает им более или менее подчеркнутый характер клана. Во Франции, например. *La Dèpêche de Toulouse* и Морис Сарро долгое время играли роль настоящих духовных наставников партии радикалов, не имея никаких соответствующих этой миссии официальных должностей. Подобную же роль играла в 1924 г. *Quotidien*, хотя она была нацелена скорее на объединение двух родственных партий, нежели собственно на руководство одной из них. Можно припомнить немало подобных случаев. Главной опорой могущества Ленина в русской социал-демократической партии (до 1917 г.) была «Искра»: ожесточенная борьба, которую он вел против Центрального комитета, чтобы вырвать газету из-под его влияния, имела целью именно сохранение «второй власти». Почти во всех социалистических партиях непосредственная подчиненность партийной газеты руководящим органам партии предусматривается положениями уставов; но тем не менее редакционный коллектив всегда сохраняет известную независимость, которая позволяет влиять на членов партии, ее руководящие кадры и органы.

Последний тип этой «второй власти» представляет собой подчинение партии интернациональной власти: она может быть внешне демократической, если учреждена делегатами, свободно избранными национальными партиями пропорционально их численности. Но если каждая национальная партия имеет лишь минимальное представительство внутри интернациональной организации, та всегда сохраняет автократический характер по отношению к ней; а с другой стороны, выдвижение членов каждой партии в Интернационал создает еще одну ступень голосования сверх тех, что уже имеются, увеличивая тем самым разрыв между избирателями и избранными. Как показывает опыт. Интернационалы фактически учреждаются автократическим путем, а в противном случае они лишены настоящей власти. Первый Интернационал (Интернационал Карла Маркса) соответствовал этому пути; Второй Интернационал — это как раз противоположный пример. С Третьим Интернационалом возвратилась автократия, усугубленная засильем российской коммунистической партии, которая обладала пятью голосами в исполнительном органе, тогда как каждая из других наиболее значительных компартий имела лишь один голос; практически же ее власть была еще большей в силу ее мощи и престижа, и она довольно серьезно увеличивала ее по мере того, как отношения между Москвой и любой другой коммунистической партией принимали форму диалога неравноправных партнеров. Правда, на конгрессах Коминтерна преобладание русских оказывалось несколько меньшим. В то же время автократический характер отношений смягчался, если члены той или иной национальной компартии признавали авторитет русских и принимали Сталина и его генеральный штаб в качестве вождей: такова была реальность.

II. Олигархическая природа руководства

Руководство партий имеет естественную тенденцию принимать олигархическую форму. В них образуется настоящий «правлящий класс», более или менее замкнутая каста, «внутренний круг», куда нелегко проникнуть. Это больше относится к руководителям

видимым, чем к реальным, и скорее к автократическим, нежели к демократическим. Теоретически выборы должны были бы препятствовать зарождению олигархии; фактически же они скорее способствуют ему. Массы по природе своей консервативны; они привязаны к привычным лидерам и не доверяют новым лицам. Даже в социалистических партиях, где выдвижение руководителей происходит наиболее демократическим путем, их обновление тоже бывает делом трудным.

Образование «внутреннего круга»

Принятая в стране избирательная система, по-видимому, имеет известную связь с олигархическим характером партийного руководства и образованием внутреннего круга. Если ни один кандидат не имеет шансов быть избранным без одобрения партийных комитетов, их вожди играют существенную роль в отборе будущих депутатов, которые выдвигаются внутренним кругом. И, напротив, если возможны независимые кандидатуры или основную роль на выборах играет личность кандидата, так что партийные комитеты зависят от кандидата больше, чем кандидат от них, рекрутирование парламентариев осуществляется помимо внутреннего круга и партийной олигархии. Поскольку в этом случае парламентарии также играют весьма важную роль в руководстве партии, внутренний круг открывается и циркуляция элит становится возможной. Следовательно, голосование по спискам, по определению коллективным и партийным, усиливает олигархию, тогда как индивидуальное голосование ее ослабляет. Внутренняя олигархия берет верх и при пропорциональной системе со списками, в которых представлены блоки, а кандидаты вносятся в строгом порядке, определяющем их шансы быть избранными: так как депутаты отобраны здесь внутренним кругом, партия вращается в замкнутом пространстве. Точно те же результаты наблюдаются и при двухпартийной системе, поскольку своего рода монополия двух партий дает им преимущество даже при выборах кандидатов по одномандатным округам.

В зависимости от способа образования можно выделить несколько типов руководящего класса и внутренних кругов. Наиболее примитивный — это, конечно, камарильи, клики — малые группы, использующие тесную личностную связь как средство установления и сохранения своего влияния. Иногда речь идет о клане, сложившемся вокруг влиятельного лидера: клиента этого вождя монополизировать руководящие посты и стремится превратиться в олигархию. Мы уже приводили несколько примеров таких кланов в социалистических партиях. Известная почва для них остается и в партиях консервативных и умеренных; соперничество кланов сменяется там борьбой фракций или «течений»; у руководства партией почти всегда стоит доминирующий клан. Партийная структура благоприятствует развитию кланов: достаточно припомнить строение центральных органов партии радикалов, чтобы убедиться: здесь все как бы специально создано для игры личностей и их клиентелл. Аналогичный характер имеет и создание машин вокруг боссов в американских партиях.

С. кланами не следует смешивать руководящие команды, члены которых не связаны личной преданностью главному вождю: отличительной чертой команды является относительное равенство ее членов и тот факт, что связи солидарности в ней развертываются горизонтально, а не вертикально. Формирование этих команд происходит весьма различными путями. Бывает, что они выступают результатом свободного договора нескольких человек, обычно принадлежащих к молодому поколению, которые объединяются, чтобы «потрясти кокос», то есть убрать с руководящих постов ветеранов и самим монополизировать эти посты: это феномен школ и «капелл» артистического и литературного толка, который нередко обнаруживается и в политике. Отдельные мифоманы мечтают даже о «синархии», то есть о формировании тайной команды, которая объединит влиятельных руководителей многих партий; все это, конечно, не следует принимать всерьез. Но такие команды, складывающиеся в рамках одной партии, существуют: приблизительно в 1933–1934 гг. можно было наблюдать,

как команда этого рода складывалась во французской радикальной партии (вокруг Пьера Ко, Жана Мистлера, Пьера Мендес-Франса, etc.); она распалась после событий 6 февраля²; члены ее охотно позволяли именовать себя «младотурками» — в память о революции 1908 г. Еще чаще такие руководящие команды — плод стихийной солидарности, обусловленной общностью происхождения или образования: землячества (типа жирондистов 1792 г.), содружества бывших студентов-однокашников (типа «политехников»³); команды, связанные работой в одном учреждении (типа Финансовой инспекции⁴) или союзы фронтовиков (типа «Ветераны Н-ского полка»). Самые значительные из них — первые: в регионах, где одни и те же политические партии долгое время сохраняют большое влияние, естественным образом формируются команды, которые нередко играют существенную роль в жизни партии. Альбер Тибодэ высмеивал отца Сарьена и команды радикалов округа Соны и Луары; Даниэль Галеви подметил, что эволюция радикальной партии в начале века выражалась в упадке парижских команд и восхождении новых, представлявших центр и юг Франции. В СФИО можно на протяжении полувека обнаружить достаточно четкие очертания команд Севера, Лангедока и Юга, а также Центра или Тулузы, etc. Подобные феномены наблюдаются во всех партиях: иные из них, особенно коммунисты, стремятся помешать этому с помощью ротации или «декоренизации», как мы далее покажем. Другие типы команд внутри партий более редки. Встречается сравнительно немного примеров, аналогичных влиянию Финансовой инспекции или «политехников» на некоторые французские правительства: назовем лишь команду, сложившуюся в Ассоциации французской католической молодежи (в рамках МРП). Во многих европейских партиях мы встречаем сегодня команды руководителей, зародившиеся в совместной подпольной работе во время оккупации; иногда, кстати, в этих партиях соперничают команды, сложившиеся из борцов, связанных в годы войны с Лондонским центром, и, напротив, выходцев из внутреннего Сопротивления. Нечто подобное наблюдалось в партии русских коммунистов после взятия власти. Недавние чистки в странах Восточной Европы в основном имели своей целью вытеснить лондонские команды в пользу команд, сложившихся во внутреннем движении Сопротивления (или в эмиграции в Москве); точно так же можно расценить известные чистки, нацеленные против команд, созданных во время борьбы против Франко в ходе войны в Испании.

Команды и кланы представляют собой личные олигархии. Бюрократия же, напротив, есть тип олигархии институциональной. Немыслимая в старых комитетских партиях с их слабой структурой, она зародилась с появлением секций и сложной инфраструктуры, получив особое развитие в партиях, связанных с профсоюзами, кооперативами и обществами взаимопомощи. Так, немецкая социал-демократическая партия в 1910 г. насчитывала 3000 функционеров, или «постоянных»² (приблизительно один функционер на 250 членов). Эти функционеры обнаруживали тенденцию играть доминирующую роль: имея в силу самих своих обязанностей повседневный контакт с базовыми организациями, они легко добивались делегатских мандатов на съезды, благодаря чему могли оказывать решающее влияние на формирование руководящих органов. С другой стороны, их роль в партии давала им непосредственную власть над ее членами: функционер — секретарь федерации явно становился главной пружиной федерального комитета, другие члены которого, поглощенные своими частными делами, не могли работать в нем столь же активно. Посредством этого двуединого механизма и создавалась бюрократия в точном смысле данного термина. Некоторые партии пытались противодействовать этой тенденции, ограничивая количество функционеров, которые могли делегироваться на съезды. Так, устав бельгийской социалистической партии предусматривал, что в делегациях федераций на Национальный съезд парламентарии и партийные функционеры должны составлять меньше половины (ст. 23). Но данное правило смягчалось для Генерального совета, который как раз и является основным органом управления: федерации, направлявшие туда больше трех делегатов, могли иметь в своем составе уже только не менее четверти делегатов — рядовых членов партии (ст. 31); иные могли составить хоть всю свою делегацию из парламентариев и функционеров — ограничений почти нет.

Иные партии, напротив, систематически стремятся развивать институт функционеров. Они видят в партии настоящее профессиональное орудие, по крайней мере когда речь идет о кадрах. Особенно темпераментно писал об этом Ленин на страницах «Что делать?» Он негодовал против того ужасного ограничения, которое налагает на революционную деятельность повседневный труд на заводе, в магазине или мастерской. Он полагал, что для формирования настоящих агитаторов новой партии необходима постоянная, непрерывная и абсолютная занятость партийными делами, исключая стесненность обыденными заботами. Отсюда вытекает и неоднократно развиваемая им идея о создании подлинного класса профессиональных революционеров, которые служили бы главным ядром партии и составили бы ее базовый актив. «Каждый рабочий агитатор, — говорил он, — который имеет известный талант и подает надежды, не должен по 11 часов в сутки работать на заводе. Нужно устроить так, чтобы он жил на средства партии»³. И уточнил, что следует «опираться на людей, которые посвящают революции не свободные вечера, а всю свою жизнь»⁴, «людей, чья профессия — революционная деятельность»⁵.

Ленинские идеи касались не только руководителей, но и активистов. Практически, поскольку последние содержались на средства партии, их естественно нужно было выдвигать на руководящие посты: ведь только одни они располагали необходимым свободным временем, чтобы занимать эти посты с пользой для дела. Создать класс настоящих профессиональных революционеров — это значит создать класс профессиональных руководителей революционных партий, «внутренний круг», направляющий массы, функционирующий в рамках партии: это означает создать бюрократию, то есть олигархию. Если бы посты партийных функционеров были строго выборными, бюрократия не отличалась бы от демократии. Но это не так — и иначе быть не может: активистов, способных занять постоянный пост и согласных на это, не так уж много. Руководство партии держит их подбор под строгим контролем, с тем чтобы обеспечивался и технический уровень, и политическая преданность; как мы видели, оно широко опирается на функционеров на местах. Так рождается самая настоящая олигархия, которая отправляет власть, сохраняет ее и передает посредством кооптации.

Иногда эта бюрократическая олигархия принимает форму олигархии технократической. Партии создают у себя специальные кадровые школы; чтобы получить руководящие посты, нужно их пройти. Эта система впервые была использована социалистическими партиями, чтобы попытаться сформировать политическую элиту внутри рабочего класса. В 1906 г. немецкая социал-демократическая партия основала в Берлине партийную школу для повышения квалификации партийных функционеров, уже занимающих пост, а также для подготовки кандидатов на должности в партии или профсоюзах⁶. В 1910/1911 г. 141 студент прошел в ней курс: 52 партийных функционера и 89 кандидатов, 49 из которых получили посты по выходе из школы. Коммунистические партии систематическим образом развивали эти кадровые школы. Во французской компартии в настоящий момент различают три категории таких школ: центральные, федеральные и начальные. Первые подразделяются еще на четырехмесячные школы, предназначенные для высших руководителей (парламентарии, члены Центрального комитета, федеральные делегаты; 96 активистов окончили ее в 1947/1948 г.), и четырехнедельные, специально для сельских кадров и людей из вспомогательных движений (в 1947/1948 г. ее прошли по крайней мере 292 активиста). Второй тип школ, где занятия длятся 15 дней, предназначен для членов федеральных комитетов и комитетов секций (2071 в 1947/1948 г.)⁷. А сверх того, для просвещения наиболее высокопоставленных и преданных кадров существуют школы в Москве — те, кто их прошел, и образуют высшую аристократию партии.

В фашистских партиях, и особенно в партии национал-социалистов, приняты подобные же методы. После взятия власти наци создали настоящие «школы вождей» для кадров высшего и среднего звена. Механизм отбора и формирования будущих фюреров был значительно усовершенствован. Из общего числа членов Гитлерюгенд отбирали по тысяче индивидов в год. После первого образования в «Школах Адольфа Гитлера» имело место

новое строгое «просеивание», а затем небольшое число будущих вождей допускалось к специальной подготовке, рассчитанной на три года. После вояжа за границу с целью расширения кругозора начинался первый год учебы: он предназначался для испытания стойкости и характера; второй год давал идейную закалку; третий — техническую подготовку. Предусматривалась и годичная стажировка рядом с каким-либо партийным вождем. Столь отлаженный механизм возможен, разумеется, только в условиях однопартийной системы, где отбор партийных фюреров переплетается с отбором политических кадров государства.

Интересная система, предназначенная для той привилегированной категории активистов, которых устав именуется партийными работниками и которые обычно значатся доверенными лицами, сложилась в современной австрийской социалистической партии. Они должны пройти центральные курсы просвещения, организуемые партией (ст. 1 устава). Если же они намереваются претендовать на более высокие посты, то обязаны посещать школы усовершенствования кадров. Список доверенных лиц составляется окружными комитетами, а сами они избираются делегатами местных секций. Но последние могут избираться членами своих комитетов только доверенных лиц. Поскольку руководители секций обычно избираются секцией в качестве делегатов на окружные конференции, где в свою очередь избираются окружные комитеты, то в результате происходит движение по замкнутому кругу: доверенные лица играют основную роль в выдвижении окружного комитета, который сам же и выдвигает доверенных лиц. Это олигархия, путь в которую лежит одновременно через кооптацию и получение образования в кадровых школах партии. Австрийские социалисты по существу официально воспроизводят в несколько усовершенствованном виде те методы, которые используют и другие партии, особо их не разглашая. Они к тому же прилагают усилия для демократизации этой системы. В каждой секции имеется список доверенных лиц, из которого она может выбрать своих уполномоченных; каждая секция имеет право предложить окружному комитету пополнить этот список; круг доверенных лиц достаточно широк (50 000 на 614 000 членов партии в 1950 г.). Налицо благородное стремление предоставить базовым организациям возможность по крайней мере выбирать своих олигархов.

Состав и обновление «внутреннего круга»

Когда руководство партией приобретает олигархический характер, то какова бы ни была его форма, неизбежно встают две проблемы: проблема формирования «внутреннего круга» и проблема его обновления. Первая состоит в том, чтобы умирить разрыв между социальной структурой массы членов партии и аналогичной характеристикой внутреннего круга. В целом речь идет о том, чтобы применить к изучению партийных руководителей методы, использованные Ж. Ф. С. Россом в отношении британских парламентариев⁸. Это никогда не было сделано систематическим образом; многие из наблюдателей констатировали лишь те или иные эмпирически наблюдаемые факты, весьма, кстати, интересные. Так, например, в руководстве буржуазных партий часто отмечался весьма высокий процент адвокатов, врачей и других представителей свободных профессий и относительно низкий — коммерсантов, промышленников, ремесленников или крестьян, то есть тех, кто собственно и составляет массу буржуазного класса. Точно так же «интеллектуалы» (преподаватели, писатели, журналисты) занимают очень большое и не соответствующее их количественному

значению место в руководстве рабочих партий. Но все это — довольно неопределенные замечания, которые не опираются на какие-либо количественные измерения или общую выборку. К тому же они относятся лишь к высшим руководителям, без учета нижестоящих кадров, этого младшего партийного «комсостава», значение которого исключительно велико. Наконец, не учитывается происхождение этих лиц.

А между тем сравнение социальной принадлежности руководителей действительно избранных и руководителей, выдвинутых автократическими методами, было бы весьма

впечатляющим. Оно, несомненно, заставило бы по-новому поставить проблему демократии. Нет никакой уверенности в том, что социальный состав группы избранных вождей в большей степени соответствовал бы социальному составу избравшей их массы членов партии, чем тот же показатель олигархической группы вождей, рекрутированных автократическим путем. Напротив, все заставляет предполагать, что как раз в первом случае соответствие было бы меньшим. Крестьяне выбирают своих депутатов не из крестьян, а скорее из адвокатов, поскольку полагают, что те более способны защитить их интересы в парламенте. Точно так же и члены партийной федерации избирают своих руководителей больше за те способности и ораторские таланты, которые они за ними признают, чем в силу их социальной принадлежности. В рабочих партиях, где классовое сознание более развито, положение вещей вряд ли иное. Симптоматично, что доля рабочих будет больше среди руководителей-коммунистов, выдвинутых автократически, нежели среди руководителей-социалистов, избранных более демократическими методами. Но сути, сталкиваются два понятия представительства: одно — юридическое, основанное на выборе и делегировании, другое — техническое, основанное на фактическом подобии между массами и теми, кто ими управляет. Но не напоминает ли это фантазии о некоей «научной демократии», согласно которым парламент должен быть сформирован по гражданской модели, в сжатом виде воспроизводящей точную структуру нации, то есть создаваться теми же методами, которые служат основой опросов общественного мнения (принцип Гэллапа)?

Тогда требованиям «научной демократии» ближе всего отвечали бы автократические и олигархические — в современном смысле слова — партии, особенно коммунистические, которые упорно стараются увеличить долю кадров из рабочих, с тем чтобы сформировать руководство по образу и подобию базового состава своей партии. Они испытывают на этом пути большие трудности: Л. Мовэ в своем докладе Центральному комитету отмечал, что в 1949 г. в комитете федерации Эр насчитывалось только 9 рабочих из 40 членов, 15 из 40 — в комитете Эн, 7 из 46 в комитете Кот-дю-Нор, 17 — в комитете От-Гаронн, 13 из 43 — в комитете Жиронд⁹. На женевильерском съезде в 1950 г. А. Лекёр пространно толковал о недостатке кадров из рабочих. Он отметил, что в 15-м округе Парижа, где расположены заводы Ситроен и больше сотни других, среди 17 секретарей секций только 7 были из рабочих, «и это уже после недавних конференций секций, которые внесли коррективы»; он полагал, что в одной только федерации Сены можно «хоть сейчас отыскать добрую тысячу секретарей ячеек»¹⁰. Отметим, что речь идет не просто о том, чтобы с точностью воспроизвести во «внутреннем круге» социальный состав базовых организаций: внимание направлено исключительно на рабочих по той причине, что марксистская доктрина приписывает им особые качества в деле революционных преобразований. Но как бы там ни было, эти усилия все равно имеют своим следствием лучший контакт между базовыми организациями и руководством в соответствии с генеральной линией партии, совпадающей в этом смысле с концепцией «научной демократии».

Но это понятие скорее теоретическое, чем реальное. В абстракции можно принять, что «внутренний круг» должен точно воспроизводить социальный состав массы, которой руководит, подобно тому, как респонденты Гэллапа воспроизводят группу, выступающую объектом опроса. Но на деле две эти системы разделяет фундаментальное различие: респонденты Гэллапа остаются внутри той массы, мнение которой они выражают, тогда как члены «внутреннего круга» отделены от нее. Для профессиональных кадров это тотальная изоляция: сказать, что 50 из 100 — рабочие, 50 из 100 — интеллектуалы, будет неточно. Нужно было бы сказать: 50 из 100 — бывшие рабочие, 50 из 100 — бывшие интеллектуалы... Французское выражение «выходец из народа» очень точно указывает сразу и на происхождение, и на отрыв от своих социальных корней. Р. Михельс особо подчеркнул ту психологическую метаморфозу, которая происходит с политическими руководителями пролетарского происхождения. Отрыв — хотя и в смягченном виде — сказывается и у непрофессиональных кадров: груз ответственности изменяет того, кто его несет; психология начальствующих никогда не бывает идентична психологии масс, даже если они родом из того

же социального слоя. Фактически руководители имеют тенденцию сближаться между собой и стихийно создавать особый класс. Понятие «научного» представительства иллюзорно: всякая власть олигархична.

Но любая олигархия имеет обыкновение стареть. Проблема обновления партийных кадров, омоложения внутреннего круга состоит в том, чтобы противодействовать этой естественной тенденции. Когда партийная олигархия покоится на назначении и кооптации, тенденция к старению имеет своим результатом пожизненный характер власти руководителей; они почти никогда не соглашаются добровольно оставить власть или сознательно пойти на ее ограничение. Приблизительно так же обстоит дело и в том случае, когда они избраны членами партии. «Нередко говорят о капризном и изменчивом характере расположения масс, — заметил немецкий социалист Бернштейн. — Но на самом деле руководитель, добросовестно исполняющий свои обязанности, больше уверен в прочности своего положения, нежели министр прусской монархии, зависящий от милости Божьей»¹¹. Действительно, тенденция к старению командных кадров в демократических партиях представляется более сильной, чем в каких-либо иных. Так, Мерриам и Гознелл отмечают, что на 500 выборах партийных комитетов в американских избирательных округах только 13 лиц не были переизбраны: все остальные изменения — следствие смерти или добровольной отставки прежних руководителей¹². Пристальное изучение социалистических партий показало бы, как исключительно трудно бывает там молодым добиться того, чтобы активисты их приняли. Омоложению базовых организаций партии куда меньше противится высшее руководство, нежели низовые руководители: на местах не любят новых лиц и особенно — стремительных восхождений. Чтобы выдвинуться на действительно руководящие посты, приходится проделать медленный «*cursus honorum*»⁷; для этого нужно «пройти школу» партии.

Привязанность к привычным лицам и глубокий консерватизм масс, конечно, играют здесь свою роль. Но причина не только в одном этом: быть может, решающее значение имеет какая-то темная инстинктивная ревность. Превосходство в возрасте — единственная привилегия, которая абсолютно не возбуждает зависти и не задевает ощущения равенства. Признание превосходства старика внутренне не содержит признания собственной неполноценности: ведь состарившись, сможешь стать таким, как он. И напротив, превосходство молодого всегда выглядит вызывающим. В сопротивлении демократических партий омоложению кадров объединяются эгалитаристская ревность и соперничество поколений. Поразительно, но кадры коммунистов при всем их автократическом происхождении обычно моложе, чем их социалистические коллеги, избранные демократическим путем. Значительную роль играет социальный состав: в среднем функционеры в пролетарских партиях обычно старше, чем в буржуазных. Средний возраст членов английской Палаты общин с момента первых выборов заметно более высок у лейбористов, чем у консерваторов и либералов: 43 года и 7 месяцев у консерваторов, 43 года и 10 месяцев у либералов, около 47 лет — у лейбористов (цифры за период 1918–1935 гг. см. табл. 20).

Родиться богатым или знатным — это гарантия преимущества в несколько лет перед сыновьями рабочих. Буржуазные партии могут себе позволить выбирать более молодых руководителей, чем пролетарские, потому что буржуазным кадрам легче сформироваться — особенно на первых порах.

Несмотря на стипендиальную систему, доля сыновей рабочих, получающих среднее и высшее образование, много ниже, чем тот же показатель среди сыновей промышленников, коммерсантов, врачей, адвокатов, etc. В Англии в период между двумя мировыми войнами 50 % депутатов-консерваторов имели университетское образование против 42,5 % депутатов-либералов и только 12,2 % депутатов-лейбористов; 96,5 % депутатов-консерваторов окончили средние или публичные — против 86,5 % депутатов-либералов и только 28 % депутатов-

7 лат.: круг почета. — Прим. перев.

лейбористов¹³. Эти цифры красноречивы, а ведь они касаются только парламентариев, то есть высших партийных кадров. Для нижестоящих кадров руководителей-рабочих этот показатель был бы гораздо ниже. Даже если считать, что среднего и высшего образования для формирования политика еще недостаточно, то все равно нельзя не признать, что это дает по крайней мере общую культуру, умение анализировать факты и подавать их — риторику, что очень ценно для кадров партии. Многим активистам-рабочим приходится осваивать все это позднее, поскольку в молодости они были лишены такой возможности, и путь к руководящим ростам оказывается для них более долгим. Выходцы из буржуазии даже в рабочих партиях имеют больше шансов войти в ряды руководящих кадров молодыми. Впрочем, не будем все же забывать, что масса в буржуазных партиях по определению состоит из буржуа, большая часть которых получила среднее и даже высшее образование, а это создает довольно сильную конкуренцию в борьбе за руководящие посты. Омоложение кадров и здесь, следовательно, обеспечено далеко не лучшим образом: «бонзам» рабочих партий не уступают «старикашки» буржуазных.

Степень старения кадров и возможности их обновления существенно зависят от организации самой партии. Уже доказано, что выборы, вопреки распространенному мнению, не обеспечивают должного омоложения. Но и партии автократической структуры не лучше приспособлены для противостояния одряхлению. Фактически старение свойственно и тем, и другим: только в автократических партиях энергичное действие центра, обеспечивающее смену элит, возможно, а в демократических оно затруднено электоральными механизмами. Таковую же значительную роль играет и степень централизации или децентрализации партии. Как показывает опыт, обновление кадров легче происходит в централизованных партиях, ибо наибольшее сопротивление молодым всегда встречается среди низовых кадров, зачастую состоящих из посредственностей, не способных достигнуть высших постов, но очень ревниво относящихся к своему авторитету и весьма уверенных в собственной ценности; они инстинктивно ставят преграды перед теми, кто, по их мнению, может угрожать их руководящему положению. В некоторых социалистических партиях такого рода деятельность местных руководителей, соединяясь с консервативными тенденциями активистов, приводит к угрожающему склерозу: СФИО служит тому типичным примером. Сразу после Освобождения молодые команды, сложившиеся в Сопротивлении, были готовы принять на себя вахту и влить свежую кровь в организм, который колоссально в этом нуждался. И почти повсюду оппозиция, объединившая местных руководителей и активистов, помешала им занять посты, которых они заслуживали. Новый устав партии — согласно ему, для того чтобы войти в центральные органы или стать кандидатом на законодательных выборах, требовалось пять лет непрерывного стажа — облегчил оттеснение молодых (симптоматично, что старые уставы 1906–1911 гг. предусматривали только трехлетний стаж). Своим разрывом с МЛН⁵ СФИО обязана именно поражению молодых команд. Некоторые из них примкнули к деголлевской РПФ, большая же часть вообще покинула политику. Ущерб, нанесенный СФИО, оказался достаточно велик: отторжение команд замещения — одна из самых существенных причин ее упадка после 1946 г.

В конечном счете одни только централизованные партии заботятся о создании системы обновления руководителей, коренным образом связанной, кстати, с системой кадровых школ. Здесь передача полномочий молодым предполагает, что они уже получили политическое образование и технические навыки. Особенно настойчиво проводят эту линию коммунистические партии. В своем докладе съезду ФКП в 1950 г. А.Лекёр настойчиво подчеркивал необходимость «не дать партии состариться». Он процитировал высказывание Паскаля: «Великая вещь — знатное происхождение: это 20 выигранных лет», и добавил: «двадцать лет, которые дворянские сыновья не теряли, томясь в ожидании... А сегодня пролетарии не должны ждать»¹⁴. Он напомнил, что Морис Торез стал членом политбюро в 25 лет, Бенуа Фрашон — в 30. Весь съезд 1950 г., кстати, прошел под знаком омоложения кадров. Аналогичные тенденции начинают проявляться в коммунистических партиях других

стран, что связано с эволюцией политической линии партии: в СССР периодически предпринимались серьезные усилия для и зачастую они совпадали с изменением курса.

Косвенные признаки этого можно обнаружить в статистических данных о вступлении в партию делегатов национальных съездов (табл. 21); точного соответствия между датой вступления и возрастом делегата нет, однако приблизительное их соответствие вероятно. Самое значительное омоложение произошло в период 1934–1939 гг. На съезде 1934 г. 22 % делегатов составляли старые большевики, вступившие в партию до 1917 г.; 57,4 % — большевики, принятые во время гражданской войны (1917–1922); 17,4 % составляли члены партии, вступившие в нее в 1920–1929 гг.; и только 2,6 % было принято в партию после 1924 г. На съезде 1939 г., напротив, 43 % делегатов вступили в партию после 1929 г. и 37,6 % — в 1920–1929 гг.; всего 17 % принадлежали к военному призыву и 2,4 % — к старой, дореволюционной гвардии. Если стремление к омоложению кадров в коммунистических партиях четко выражено, то осуществляется оно, по-видимому, каким-то прерывистым образом. Есть фазы омоложения, обычно связанные с изменениями в политике; за их пределами обновлением кадров тоже не пренебрегают, но не прилагают к этому систематических организационных усилий, систематической организации. Можно, кстати, отметить известное старение высших кадров. Национал-социалистические партии, напротив, после взятия власти пытались утвердить отлаженный механизм смены элит, включающий уже описанные выше «школы вождей».

В демократических и децентрализованных партиях обновление внутреннего круга носит характер исключения или совершается обходными путями. В первом случае он выступает следствием особых и даже аномальных обстоятельств: в качестве примера можно привести здесь партию радикал-социалистов после Освобождения. По привычке и благодаря журналистам публика считает радикалов «старой» партией. Действительно, средний возраст парламентариев здесь выше, чем во многих других: это происходит в силу высокой доли стариков, которые там встречаются (29 % ее представителей старше 60 лет против 6 % в СФИО и 3 % — у коммунистов и в МРП). Но зато молодые команды здесь более многочисленны, чем в других партиях, за исключением МРП и коммунистов: 14 % депутатов-радикалов моложе 36 лет — у социалистов только 8 %; 4,5 % — моложе 31 года против 1 % в СФИО (табл. 22). Эти команды, как и в социалистической партии в 1945 г., сложились в Сопротивлении. Но социалисты не сумели проникнуть в руководящий аппарат, тогда как радикалам это удалось. Социалистическим командам помешало противодействие активистов базовых организаций и низших руководящих кадров; радикалы же зачастую не обнаруживали перед собой ни тех, ни других по причине дезорганизации партии в результате войны и оккупации. Слабая инфраструктура партии радикалов менее успешно выдержала эти испытания, нежели сильная инфраструктура социалистов; многие из ее руководителей были скомпрометированы в вишистской авантюре, и таким образом перед новыми командами часто открывалось свободное поле деятельности. Если сравнить этот феномен с «младотурками» 1934 г. и аналогичными проявлениями в других консервативных и умеренных партиях за рубежом, то мы увидим, что отсутствие солидной инфраструктуры в исключительных обстоятельствах может оказаться фактором, благоприятствующим омоложению партий; и, напротив, препятствия в виде «бонз» и младшего руководящего состава, которые смягчают силу кризисов в партиях с сильной структурой, в то же время мешают им использовать шанс для своего обновления. Этот механизм имеет некоторую аналогию с устранением менее приспособленных в ходе свободной конкуренции и той опасностью склероза, которая возникает в условиях полудирижистских систем.

В качестве примера омоложения партии с помощью обходных путей можно привести деятельность исследовательских центров. Они позволяют молодым технократам очень быстро выдвигаться на руководящие роли в партии, не проходя весь тот долгий *cursus honorum*, который навязывается им активистами базовых организации. Эти технократы сначала работают в тени, где их, деятельность не менее эффективна, так как исследовательские центры готовят проекты законов, которые вносят затем парламентские

группы партии, и разрабатывают ее программу и избирательную платформу. Руководители партии могут затем протезировать им, продвигая их сперва в парламент, а затем в министерские советы. В британской лейбористской партии молодые интеллектуалы обретают таким образом перспективы для будущего роста; тот путь вверх, который проделал, например, Гэйтскелл — хорошая иллюстрация такого «обходного» обновления. Сюда можно причислить и практику бельгийской социалистической партии, где аналогичную роль играет Институт Вандервельде; бельгийской христианско-социальной партии, которая по тому же образцу создала Центр исследований и документации; команды специалистов в МРП и т. д. Было бы интересно провести сравнение с социалистической партией Франции, отказавшейся от команд молодых интеллектуалов, потому что ее структура совершенно не позволяла им действовать эффективно. Заметим, что эта система требует достаточно развитой централизации: исследовательские подразделения увеличивают силу центральной власти партии, и она должна вмешиваться, чтобы продвигать их сотрудников дальше. Это подтверждает наши предшествующие наблюдения. В итоге можно утверждать: есть два основных препятствия омоложения «внутреннего круга» — оппозиция низовых руководящих кадров (то есть самой большой части членов самого этого круга) и консервативные тенденции слоя активистов. Таким образом, циркуляция элит возможна только в партиях достаточно сильно централизованных, где высшие руководители могут «навязывать» молодых, или в партиях с очень слабой структурой, где низовых руководителей не так много и свободная конкуренция в исключительных обстоятельствах позволяет «потрясти кокос». Распределение депутатов французского Национального собрания (1946 г.) по возрастам подтверждает эту тенденцию: наибольший процент молодежи (до 36 лет) обнаруживается в коммунистической партии (33 % от общего состава), у народных республиканцев (24,5 %), — обе очень централизованы; затем идут радикалы, ЮДСР (14 %) и правая (12 %), централизованные довольно слабо; в хвосте плетется партия социалистов (8 %), у которой сильная инфраструктура сочетается с развитой децентрализацией и весьма демократической системой выдвижения руководителей (табл. 22).

III. Власть руководителей

В эволюции политических партий с начала XIX века самыми существенными представляются два фактора: рост власти руководителей и тенденция к установлению личностных форм власти. Возрастание власти, персонализация власти — эти два феномена наблюдаются сегодня во многих социальных общностях, а не только в партиях. Не оправдались надежды Дюркгейма, видевшего в ослаблении власти и ее последовательной институционализации магистральное направление развития демократии. На самом деле в качестве главного фактора этого развития похоже, напротив, утвердились возрастание власти и ее персонализация: именно они соответствуют пришествию эры масс, то есть воплощению принципов демократии в жизнь.

Возрастание власти

Еще в 1910 г., анализируя структуру социалистических партий и особенно немецкой социал-демократии, Р. Михельс отмечал факт возрастания дисциплины. Что сказал бы он, доведись ему увидеть партии современного типа — коммунистические или фашистские? Он констатировал бы, что дисциплина масс стала не только более строгой и неукоснительной, но что изменилась сама ее природа: механическая дисциплина уступила место повиновению психологическому, а одной из фундаментальных основ дисциплины стало использование с этой целью партийной доктрины.

В общем и целом эра авторитарных партий совпадает с выходом на политическую арену массовых партий. Разумеется, совпадение это не абсолютно. Уже во времена партий-комитетов можно было заметить проявления авторитаризма. Дисциплина, которой от

британских парламентариев добивались с помощью *wips* — убедительный тому пример, так же как и своего рода диктаторские тенденции некоторых американских боссов. Бирмингемские *saucus* пытались усовершенствовать эту систему, требуя строгой дисциплины и от народных избранников, и от избирателей. Знаменитый слоган *Vote as are told* (голосуйте, как нам говорят) предвосхитил наше время и объединенные списки пропорциональной системы. Но эти случаи составляли исключение, а дисциплина допускала отклонения. На деле дисциплина голосования имела место в британском парламенте далеко не всегда, невзирая на *whips*. А диктатура американских боссов распространялась лишь на узкий круг членов комитета, которые стремились добиться льгот и должностей, и принимали ее как условие успеха своих усилий. И в Бирмингеме избиратели отнюдь не всегда голосовали так, как им говорили, а избранники «взбрыкивали» против диктата *saucus*. Да и партии принимали форму объединений личностей, весьма независимых по отношению друг к другу. Дисциплина голосования почти не играла никакой роли; местные комитеты сохраняли большую самостоятельность по отношению к центру; члены комитетов были слишком немногочисленны и обладали такой большой личной влиятельностью, что подчинить их жесткой дисциплине было бы проблемой нелегкой. Она не соответствовала не только органической структуре партий, но и социальному их составу: они объединяли аристократов и буржуа, по природе своей индивидуалистов и либералов; их члены испытывали отвращение ко всякой настоящей дисциплине. Короче говоря, анархия различных — в зависимости от партий и стран — степеней и оттенков царила повсюду.

Создание социалистических партий коренным образом изменило эту картину. Сперва на основе чисто механической: отныне речь шла об объединении больших масс, и без дисциплины это было бы попросту невозможно. Допустимо было бы утверждать, что интенсивность власти с необходимостью зависит от количества тех, на кого она распространяется. В небольшом кружке в пятнадцать персон анархия может быть приятной; в десяти тысячном собрании она превращается в опасный беспорядок. Когда партия объединяет несколько сот членов, проблема власти в ней не стоит; когда она объединяет миллион членов, эта проблема становится существенной. Но механическое возрастание численности сопровождалось изменением социального фактора: вместо объединения «буржуазных» индивидуалистов социалистические партии в основном создавались для рабочих, по самой своей природе склонных к общинным институтам и дисциплине. Уже отмечено: для коммерсанта, промышленника, адвоката, врача, чиновника свобода — это личное завоевание, индивидуальное самоутверждение. Он сам захватывает себе место под солнцем, находя клиентов в конкурентной среде, единоличными усилиями приобретая диплом, в одиночку соревнуясь с соперниками на конкурсе. Его сила — в оригинальности; отказ повиноваться извне навязанным идеям — важный элемент удачи; в буржуазной среде настоящий успех ждет только тех, кто что-то изобретает: слоган, идею, продукт, средство, проект. Этой ментальности наиболее типично соответствует атмосфера Америки. Вот почему американские рабочие не имеют классового сознания, а их образ мысли остается и в основном буржуазным.

Для рабочих Европы свобода, напротив, выступает коллективным завоеванием. За исключением отдельных уступок и нескольких благих пожеланий — типа «Обогащайтесь!» — ни одна социальная реформа не была осуществлена до тех пор, пока пролетариат не открыл орудие своего освобождения: общее действие. Часто говорят, что он противопоставил «силу числа могуществу денег». Однако это не совсем верно. Сама по себе численность ничего не дает: те тысячи людей, что 9 января 1905 г. пришли просить у царя лучшей доли и были расстреляны несколькими сотнями казаков, на самом деле были беспомощны. Народные массы могут освободиться не числом, но организованностью: успехи Ленина и его соратников объясняются тем, что они постигли эту истину и всегда отдавали приоритет организации партии. Народные массы это знают: они воочию видели и на себе испытали, что такое победы, завоеванные общим и согласованным действием, и что такое поражения, к которым приводила разрозненность. Бастующие не добивались ничего существенного, пока

забастовки оставались спорадическими и стихийными; когда же они начинались и проходили организованно, профсоюзы нередко побеждали. Пока рабочие голоса рассеивались между либеральными и радикальными кандидатами, пролетариат не мог воздействовать на парламент; когда же эти голоса сумели объединить в пользу социалистических партий, массы приобрели политическое влияние, которое привело к принятию реформаторских законов. Для рабочих классическое противостояние между свободой и дисциплиной, на которое сетует буржуазия, лишено смысла: они завоевали свободу оружием дисциплины. Не только технически — в силу своих количественных параметров, но и социологически — в силу определенной ментальности их членов, массовые партии обнаружили естественную тенденцию к тому, чтобы стать партиями дисциплины.

Эта тенденция была усилена лидерами, которые систематически старались всеми способами добиться от членов партии максимально возможного, тотального повиновения. Два мотива побуждали их идти по этому пути. Во-первых, вкус к власти: каждый, кто обладал хотя бы малой толикой власти, всегда стремился ее увеличить. Кстати, этот естественный авторитаризм у рабочих лидеров, как представляется, особенно силен. Руководитель, вышедший из народа, обычно более авторитарен, чем руководитель аристократического или буржуазного происхождения. Выходец из аристократии или буржуазии считает себя выше тех, кем руководит, по рождению, образованию или состоянию; выходец из рабочих ощущает себя равным им: одна только должность отличает его от них. Для лидера-патриция власть есть следствие врожденного превосходства; для лидера-плебея само превосходство проистекает из власти. Первый может питать известное равнодушие к дисциплине; он способен допустить дискуссию, оппозицию, не испытывая особых опасений оказаться низведенным до уровня масс; второй, чтобы чувствовать себя над ними, нуждается в их повиновении. Авторитаризм руководителей-плебеев вытекает из некоторого комплекса неполноценности или даже скорее — эгалитаризма. Прибавим к этому различную ментальность двух классов: Алэн тонко заметил, что буржуа живет в мире слов, где главное — убедить или уговорить (коммерсант уговаривает клиента, адвокат убеждает суд, преподаватель — учеников), тогда как рабочий живет в мире вещей — они неподвластны риторике и уступают только силе.

Вторым мотивом, подталкивающим руководителей на путь авторитаризма, выступает не что иное, как его эффективность. Дисциплина составляет главную силу не только армий, но и партий. В условиях парламентаризма сплоченность групп, объединяющих все свои голоса вокруг решения, указанного лидерами партий, имеет значительное преимущество перед индивидуальным голосованием, столь долго выступавшим правилом. В плане «пропаганды — агитации» и той внепарламентской деятельности, которые характерны для новых партий, дисциплина выглядит фактором еще более могущественным.

Партия, которая спланирует массу членов, способную слепо следовать любым директивам своих вождей в самых различных областях — развязать забастовку, потому что ей это приказано, и прекратить ее, потому что получена другая команда; организовать кампании и манифестации с определенными требованиями по приказу из центра — и точно так же положить им конец по противоположному приказу; организовать, если нужно, саботаж, беспорядки и волнения, потому что этого требуют руководители, — и вернуться к законности в указанный момент, — такая партия, учитывая к тому же ее силу, представляет собой грозную силу. Даже будучи в оппозиции и в меньшинстве, она может оказаться достаточно тяжелым грузом, давление которого способно разрушить или радикально изменить режим. Чем была бы во Франции коммунистическая партия без ее дисциплины? Что могла бы сделать без дисциплины партия национал-социалистов в Германии или фашисты в Италии?

В социалистических партиях искренняя демократическая воля в некоторой степени уравновешивала разрастание власти руководителей. Несмотря на общий упадок этих партий, избирательные процедуры сохраняют здесь свое влияние гораздо больше, чем в каких бы то ни было других: нигде они не регламентированы с такой тщательностью, четкостью и

гарантированностью; нигде члены партии не сохраняют — пусть чисто теоретически — возможность контроля и столь проработанный институт отзыва. В некоторых социалистических партиях пропорциональное представительство «течений» в руководящих комитетах обеспечивает постоянный надзор меньшинства за правящими командами; в других за членами партии признано даже право непосредственно участвовать в руководстве партией путем внутренних референдумов. Такой порядок действовал до 1914 г. в Италии, где он позволял изучать мнения членов партии по проблемам, не регулируемым уставом: через такую процедуру в 1906 г. прошел вопрос о принадлежности к франкмасонству. В шведской социал-демократической партии нынешний устав не только признает за референдумом право вмешиваться в сферу, не регламентированную уставом, но и изменять или даже отменять резолюции съезда; сам вопрос о назначении референдума решается руководством, но оно обязано к нему обратиться, если того потребуют 5 % членов партии. В швейцарской социалистической партии резолюции съезда, должны быть поставлены на общее голосование членов партии, если того потребуют 2/5 делегатов или 1/4 секций (представляющих 1/10 всех членов партии): в 1919 г. именно таким образом было отвергнуто вступление в Третий Интернационал. Но эти ограничения власти вождей остаются скорее формальными, нежели реальными: па практике референдум используется редко¹⁵; пропорциональное представительство меньшинства слабо распространено (даже во Франции оно было отменено руководящим Комитетом СФИО в 1945 г., но фактически продолжало частично существовать; выборность корректировалась с помощью различных средств, выше уже описанных). Эти усилия руководителей, направленные на уменьшение значимости процедур, ограничивающих их свободу и прерогативы, как раз и представляют первую форму тенденции к усилению власти вождей. Вторая заключается в развитии приемов, позволяющих добиваться повиновения своего воинства: принуждения и убеждения.

Дисциплинарные наказания, в принципе подобные классическим, но иные по содержанию, устанавливались в партиях постепенно. В зависимости от организации партии и того значения, которое придавалось в ней дисциплине, создавалась более или менее совершенное законодательство и способы его применения. Уже в начале века в социалистических партиях были предусмотрены дисциплинарные комиссии, из которых, кстати, выделились затем конфликтные комиссии: первые разбирали индивидуальные акты недисциплинированности со стороны членов партии, вторые — коллективные коллизии, возникавшие между двумя партийными органами (между секцией и федерацией, между двумя секциями федерации, между федерацией и центром). Юристы могут обнаружить здесь пищу для размышления над любопытными тонкостями и признаки довольно значительного развития законодательной функции. В коммунистических и фашистских партиях эта функция была еще больше усовершенствована. У национал-социалистов, например, свойственный немцам юридический дух и склонность к корпоративным судам, где человека судят равные ему люди, породили весьма развитую организацию. Параллельно была установлена детально проработанная система наказания: одни — чисто моральные (порицание), другие — материальные: понижение (для начальствующего состава), выражение недоверия, запрет занимать какие-либо посты в партии, и, наконец, — исключение, наиболее строгое из всех. В странах, где власть принадлежит единственной партии, исключение — это очень тяжкое наказание: оно выходит за рамки партийной общности и неизбежно влечет за собой последствия для всей социальной и профессиональной жизни исключенного: он рискует потерять работу, он становится политически подозрительным, он подвергается некоей разновидности гражданской *capitis diminutio*⁸. Даже в условиях плюралистского режима коммунистические или фашистские партии, как мы уже отмечали, придают исключению весьма серьезный характер: исключенного, помимо морального уничтожения, которое означает для него отлучение от тоталитарной общности, всегда преследует неустанная ненависть бывших единоверцев, пускающих в ход всякого рода давление и социальные

8 лат.: усекование головы, казнь. — Прим. перев.

преследования и никогда не останавливающихся перед тем, чтобы свести счеты, если к тому представится случай. Не будем вдаваться в детальное изучение механизмов юрисдикции, наложения санкции и их осуществления: даже количество их говорит само за себя. В некоторых же партиях дисциплинарная система склерозировалась (например, в социалистических): количество гласных исключений ничтожно, если не сказать — равно нулю. В коммунистических партиях, напротив, этот прием действует с большой эффективностью. Но он имеет тенденцию приобретать циклический ритм: в определенные периоды партия принимается за более или менее всеобщую проверку состояния дисциплины и довольно многих изгоняет из своих рядов. Эта система «чисток» и «очищений» представляется весьма эффективным средством сопротивления той естественной деградации энергии, которая присуща социальной материи, а также поддержания сплоченности и жесткости партии.

Развитие дисциплины включает в себя и единство партии, отсутствие в ней фракций и течений. Ведь фактически дисциплинарные институты и система чисток именно для того и служат, чтобы защищать ортодоксальность партии и монолитность ее рядов. Однако допущение фракций не означает свободы членов партии и ослабления власти руководителей: оно свидетельствует скорее о расхождении мнений внутри руководящего состава. Каждая фракция сама представляет из себя властную структуру: наряду с несколькими вожаками она объединяет рядовых членов партии, которые спланиваются вокруг них и обычно подчиняются той же дисциплине, что и в самой партии, фракционность возникает не на уровне масс, а на уровне кадров: за ней обычно скрывается попытка нижестоящих кадров потеснить высшие, а иногда — стремление некоторых высших кадров добиться таким способом большинства в коллегиальных руководящих органах. По своей природе эти фракции представляют собой оппозицию, идущую не снизу, а сверху. Тем не менее, их наличие влечет за собой естественное ослабление власти вождей в силу того раскола, который оно вносит в их среду. Их общий эффект можно сравнить с разделением властей в государстве: каждую из них оно ограничивает с помощью других и тем самым ослабляет их совокупную мощь.

Прогрессу дисциплины еще больше, чем наказание, способствовало убеждение. Призывы к дисциплине и единству во множестве звучали во всех партиях. В некоторых из них это стало даже фундаментом партийной общности, источником солидарности, связывающей ее членов. Определение партии как «союза граждан, объединенных одной и той же доктриной» в известном смысле заменяется определением ее как «союза граждан, объединенных одной и той же дисциплиной». Разве французская коммунистическая партия не декларировала совершенно недвусмысленно согласие «открыть свои ряды всем тем, кто, даже не разделяя ее философской концепции, уважает дисциплину партии и не пропагандирует внутри партии другие философские концепции»¹⁶? Следовательно, теоретически не марксист вполне может войти в партию при условии, что не будет критиковать марксизм внутри нее (но он свободен критиковать его вне партии) — лишь бы соблюдал ее дисциплину. Практически такого рода члены партии составляют в ней ничтожное меньшинство. По сам принцип тем не менее ясно демонстрирует тот фундаментальный приоритет, который признается здесь за дисциплиной, и ту прочность, которую она приобрела: ведь нужно быть очень уверенным в сплоченности организации, чтобы допускать в нее разнородные с идеологической точки зрения элементы. В данном случае партии, видимо, сближаются по социологическому типу с армией, где сила иерархии и строгость дисциплины способны подчинить весьма разнородные элементы, и на место исходного различия поставить единство.

Подобный приоритет дисциплины естественно влечет за собой идеологическое вырождение: если оно не столь откровенно ощутимо в коммунистических партиях — по сравнению с другими — так это потому, что они базируются на весьма развитой доктринальной и философской основе. И тем не менее, если сопоставить в этом плане современное состояние коммунистических партий с ситуацией 1925–1930 гг., их

теоретическое оскудение поражает. Марксизм сведен к нескольким элементарным жестким принципам, упрощенному катехизису, совокупности практических рецептов, главная цель которых — обосновать повиновение по отношению к организации. Разумеется, некоторое упрощение необходимо для распространения марксизма в массах: сила его действительно состоит в возможности таким образом сделать это учение «доступным независимо от способностей», чем-то вроде катехизиса нашего детства. Но это оскудение достигло вершины: интеллектуальная жизнь кадров в высшей степени бедна, в их среде незаметно никакой настоящей теоретической и доктринальной активности. И удивительно ли, что из всех политических журналов, которые во Франции издает или вдохновляет коммунистическая партия, один лишь *Cahiers du communisme*, посвященный вопросам организации и дисциплины, представляет хоть какой-то интерес?

Это интеллектуальное убожество еще более явно свойственно фашистским партиям, которые демонстративно кичатся своим презрением к доктринам или отодвигают их на второй план. «Фашизм есть прежде всего действие», — говорил Муссолини. И в основном действие организованное, то есть дисциплинированное. Обращение со сторонниками других философских концепций здесь еще более свирепое, чем у коммунистов; запрет пропаганды внутри партии каких-либо иных философских концепций, кроме своей собственной, правда не имеет той же силы, поскольку партия вообще утверждает, что у нее нет никакой философской концепции. Дисциплина — поистине главный фундамент общности. Но она сама становится доктриной или, скорее, мифом: основа фашизма — это воля к порядку, при этом порядок понимается в самой буквальной его форме и олицетворяется армейской дисциплиной. В самом красивом эпизоде пропагандистского нацистского фильма «Юный гитлеровец» показан немецкий мальчик, участвующий в загородном походе молодых коммунистов на природу. Все живописно, анархично и безалаберно в этой группе, и его непреодолимо привлекает соседняя — молодых гитлеровцев, чей лагерь расположен в том же лесу, всего в нескольких сотнях метров. Как восхитительны их ряды — выравненные словно по линейке, как слаженно они распевают хором свои гимны! Поистине видишь, что дисциплина здесь имеет истоки в самых глубинах существа; она становится эстетикой и религией; она — миф и вера.

Но такое повиновение — когда человек сознательно принимает дисциплину, желает и даже жаждет ее — еще не ощущается как повиновение. Высшее совершенство считается достигнутым и власть вождей обретает самый прочный фундамент, лишь когда послушание становится автоматическим: такой наркотик дисциплины предполагает весьма развитую технику контактов с массами. Посредством целого ряда многократно повторяющихся, тесно взаимосвязанных действий и реакций центр в деталях изучает позиции массы и результаты собственного воздействия на нее, одновременно меняя в зависимости от этого свою тактику. Сказать, что центр следует за массой или что масса следует за центром, было бы одинаково неверно. Руководство партии одновременно слушает массы и говорит с ними, его слово постоянно соотносится с тем, что оно слышит. Оно производит легкие касания, исключительно деликатное давление: его действие тем глубже и продолжительнее, чем меньше сопротивление тех, кто его испытывает, чем лучше оно соответствует их образу мысли. Массу, таким образом, медленно ориентируют, направляют, изменяют, притом так, что она сама того не замечает. Ее позиция все менее спонтанна, все меньше и меньше исходит от нее самой и все больше — от инициативы вождей: она полагает, что по-прежнему свободно самоопределяется, тогда как на самом деле все больше и больше повинует. Она уже не способна распознать, что принадлежит ей самой, а что подсказано. Постепенно ей подсказывают все больше и больше: но она замечает это все меньше и меньше.

Разумеется, здесь описана теоретическая схема: на практике все выглядит куда менее совершенно; вожди далеко не всегда обладают высшей мудростью и должной сноровкой. Но тем не менее общий смысл системы именно таков: «слушать массы» — эта формула хорошо описывает генеральную линию коммунистических партий; прибавим, что массы все больше и больше повторяют то, что говорят им, так что вожди постепенно все больше склоняются к

тому, чтобы слышать лишь эхо своего собственного голоса. Все это становится возможным благодаря великолепной организационной выстроенности партии и природе ее доктрины, замечательно соответствующей времени и ее массовой структуре; но значение второго обстоятельства, бесспорно, гораздо менее существенно, чем первого. Не столько содержание доктрины, сколько сама техника ее распространения наиболее точно отражена в этой «добровольной дисциплине».

Персонализация власти

Формы внутрипартийной власти изменчивы, и в процессе ее эволюции можно обнаружить две фазы. Первая соответствует постепенному переходу от личностного руководства к институциональному. Во второй фазе заметен некоторый возврат назад: преодолевая институциональные рамки, власть вновь приобретает личностный характер. Такая эволюция не является, кстати, специфической особенностью политических партий: она встречается и в других общностях и прежде всего свойственна государству.

Развитие социалистических партий в конце XIX века, а позднее — заимствование их методов другими партиями, особенно демо-христианскими, имело своим следствием совершенствование руководящих институтов. В прошлом они часто были не дифференцированными. На местах власть принадлежала депутату партии, боссу или нескольким влиятельным нотаблям, занимающим официальную должность председателя или остающимся в тени. На общенациональном уровне четко просматривались официальные комитеты и бюро, но при этом действительное руководство обеспечивалось признанными лидерами. Повиновались людям: Дизраэли, Гладстону, Гамбетте. Официальные институты оставались искусственными или слабыми. Искусственными, когда они носили декоративный характер, а их члены не обладали никакой настоящей властью; слабыми, когда допускали свободную игру личных влияний. Социалистические партии, напротив, приложили немало усилий, чтобы создать организованное, институционализированное руководство, где функция становится приоритетом по отношению к должности. Два принципа выступают здесь в качестве ведущих. С одной стороны, социалисты придали власти пирамидальный характер, с тем чтобы избежать концентрации ее в руках немногих. Отсюда привычное различие трех взаимодополняющих органов (под различными названиями, в зависимости от страны): бюро, постоянный орган, включающий небольшое число членов; комитет, более широкий, собирающийся периодически — бюро дополняется здесь несколькими представителями федераций (Генеральный или Национальный совет, etc.); наконец, ежегодный съезд, образуемый делегатами всей партии в целом. Правом решения в принципе обладает съезд; Национальный комитет может действовать в интервалах между съездами в зафиксированных ими рамках; бюро — всего лишь исполнительный орган. Но практически бюро играет основную роль. С другой стороны, социалистические партии установили нечто вроде горизонтального разделения властей, поставив рядом с руководящим комитетом и бюро, ведающими политическим и административным управлением, Контрольную комиссию, наделенную полномочиями финансового надзора: это вызвано желанием предохранить руководителей как от всякого рода искушений, так и от недоверия активистов по отношению к ним. Учреждение партийных судов, дисциплинарных и конфликтных комиссий дополнило это разделение властей в юридическом плане. Внешне институционализация казалась весьма продвинутой, но в действительности все обстояло иначе. Во-первых, эта совершенная организация установилась с большим трудом. Некоторые из творцов социализма отличались авторитарностью; упиваясь своей личной властью, они были весьма мало склонны к тому, чтобы растворить ее и институциональных формах. В Первом Интернационале фактически властвовал Карл Маркс. Создатель первой социалистической партии немец Лассаль придал ей отчетливо диктаторский характер, его авторитет был непререкаем. Личное влияние того или иного вождя, единожды включенное в институциональные рамки, по-прежнему оставалось значительным: Стонинг, Брантинг, Гед, Жорес, Вандервельде, Блюм — все эти

люди играли в соответствующих социалистических партиях роль, которая явно выходила за рамки их официальных должностей. Фактически в социалистических партиях власть, скрытая за институциональным фасадом, имела тенденцию сохранять такой же личностный характер, как и в старых буржуазных партиях. Это объясняется социальным составом массовых партий. М. Торез был совершенно прав, когда говорил, что «пролетарии редко страдают той болезнью, которой так подвержены мелкие буржуа: недооценкой роли личности»¹⁷. В силу своего природного реализма они умели разглядеть за функцией человека, подчинялись индивиду, а не титулу и доверяли личным качествам, а не чинам и мундирам. Доверие к институтам предполагает некоторую общую и правовую культуру, уважение к форме и званиям — черты, по своей природе буржуазные.

Вместе с тем именно социалистические партии пытались бороться с тенденцией к персонализации власти. Они старались ограничить ее в своей структуре, насколько это только возможно. С этой целью коллективный характер всех руководящих органов дополнялся описанным выше разделением функций: в принципе в партии не было ни «вождя», ни «председателя» — только комитеты, бюро и секретари, обязанные обеспечивать проведение в жизнь их решений. Первые коммунистические партии вели дело точно так же. В России в то время не существовало культа вождя. Почитание Ленина было огромно, но сам Ленин старался его сдерживать и избежать развития личной власти. Инстанции коммунистической партии оставались действительно коллегиальными: в комитетах развертывались дискуссии, решения на самом деле принимались сообща. Не надо забывать: дух эгалитаризма был настолько глубоко врожден большевизму, что сначала было даже решено, чтобы все чиновники получали одинаковое жалование, а народные комиссары стояли бы наравне со всеми. Зарубежные коммунистические партии обнаруживали те же самые черты: там тоже пытались сдерживать склонность масс к персонализации власти. Весьма действенное значение имело в этом смысле стремление Коминтерна дистанцироваться от звезд первой величины в социалистическом движении и поставить на командные посты просто надежных людей: новые партии не располагали лидерами первого плана, блестящими личностями, подобными тем, что действовали в первых социалистических партиях.

Фашистские партии остановили и повернули вспять тенденцию к деперсонализации власти; они первыми развили культ вождя, рассматривая его как личность, а не как функцию. Вместо того чтобы сдерживать стихийную склонность масс к личной власти, они первыми использовали ее для того, чтобы усилить сплоченность партии и основать на этом свою инфраструктуру. Для них источником всякой власти стал вождь, а не выборы; власть вождя исходит от его личности, его индивидуальных качеств, его непогрешимости; он человек, ниспосланный Провидением. «Муссолини всегда прав», — говорили фашисты. Немцы пошли еще дальше и, чтобы обосновать и оправдать верховную власть Гитлера, создали целую новую юридическую теорию — концепцию *Fuhrung* (вождизма). Коммунистические партии пришли к тому, что последовали этому примеру и отвергли свой прежний опыт — под влиянием, впрочем, довольно разных причин. Свою роль в этом, несомненно, сыграла метаморфоза русской коммунистической партии и эволюция власти в СССР — ведь каждая национальная партия довольно точно копирует в своей организации организацию «старшего брата». Разрастание сталинского культа в России частично объясняет персоналистские тенденции во Франции, Германии, Италии и во всех коммунистических партиях мира: тот анализ роли вождей в марксизме и в рабочем менталитете, на один из штрихов которого мы только что сослались, М. Торез сделал именно по поводу 65-й годовщины маршала Сталина.

С равным основанием можно подчеркнуть влияние Сопrotивления и потерь партии: сразу после Освобождения ФКП широко использовала память жертв нацизма в своей пропаганде, создавая настоящие «жития святых». Культ мертвых героев естественно ведет к культу героев живых. И, наконец, большую роль в этой метаморфозе несомненно сыграли соображения эффективности: успехи фашистской пропаганды заставили коммунистов оценить огромный резонанс «мифа вождя» в массах. Со свойственным ей реализмом партия

извлекла урок из этих фактов. Как бы то ни было, после Освобождения коммунисты систематически культивируют личную преданность членов партии руководителям. Они, кстати, подходят к этому иначе, чем фашистские партии, по крайней мере и отношении национальных лидеров (исключая Сталина). Из вождя не делают сверхчеловека: напротив, его упорно стараются соединить со средой, изобразить в самой обычной, повседневной жизни, но только подавая как образец всех и всяческих добродетелей (общий тон биографий коммунистических вождей напоминает тон высмеянных в свое время Марком Твенем историй, живописующих «примерного мальчика»). Такая персонализация власти может заходить очень далеко. По случаю 50-й годовщины М. Тореза партия выпустила в обращение специальные вступительные заявления, составленные в форме письма: «Дорогой Морис Торез, я желаю вам долгих лет жизни и по случаю вашей пятидесятой годовщины вступаю во Французскую коммунистическую партию, etc...». В заголовке заявления значилось: «Я вступаю в партию Мориса Тореза» — а не «в коммунистическую партию» (табл. 23).

Персонализация власти порой сопровождается настоящим ее обожествлением. Таким путем возрождается одна из древнейших форм авторитета — авторитета монарха-бога. Так это происходит в фашистских партиях, а равно и в коммунистических — по отношению к Сталину. Вождь всеведущ, всемогущ, непогрешим, бесконечно добр и мудр: любое оброненное им слово представляет собой истину; всякое исходящее от него пожелание — закон для партии. Современные технические средства позволяют сделать его поистине вездесущим: его голос благодаря радио проникает повсюду; его лик — на всех общественных зданиях, на любой стене, в доме каждого активиста. Иногда эта реальная вездесущность сочетается с личной неуловимостью: изображения Сталина можно увидеть в России повсюду, но на публике Сталин не появляется почти никогда. В конечном счете можно найти такого диктатора, порожденного воображением романиста, — это Большой Брат Джорджа Оруэлла, чей неотступный голос и образ сопровождают каждого человека в любое мгновение его жизни: но Большой Брат — это только образ, только голос; на самом деле никакого Большого Брата не существует. За какой-то гранью обожествляемая личная власть деперсонализируется: вождь — всего лишь символ, имя, миф, под прикрытием которого правят другие. Сам вождь становится своего рода институтом.

IV. Руководители и парламентарии

С различием избирателей и членов партии тесно связано различие парламентариев и руководителей: парламентарии (или, говоря более обобщенно, «избранники»- национальные и местные) представляют первую общность; руководители — лидеры второй. Проблема их взаимоотношений имеет немалое значение: демократия требует, чтобы парламентарии стояли выше руководителей, избранники — выше членов партии, поскольку в парламенте они представляют интересы избирателей — группы более обширной, чем партия, в которую они сами между тем включены. На деле же нередко происходит обратное: во многих партиях отмечается тенденция руководителей властвовать над парламентариями от лица активистов. Доминирование партии над ее парламентариями представляет собой особую форму олигархии, которую можно назвать внешней — по отношению к олигархической роли лидеров внутри партийной общности.

Эта тенденция не является ни главной, ни абсолютной; к тому же нередко имеет место совпадение руководителей и парламентариев в одном лице. На практике высшие лидеры совмещают национальные избирательные мандаты и руководящие посты в партии. Разделение двух этих функций происходит очень медленно, и доминирование партии устанавливается лишь в ходе целого ряда последовательных этапов. Можно выделить три фазы эволюции партий: преобладание парламентариев над партией, относительное равновесие между парламентариями и руководителями партии и, наконец, доминирование партии над парламентариями. Каждая из них соответствует определенному типу партий.

В то же время факторы общего порядка способны, по-видимому, усилить или ослабить — и зависимости от внутренней структуры партии — указанную тенденцию. Так, система пропорционального представительства с голосованием за избирательные блоки, когда каждая партия вносит кандидатов в свой список в строгом порядке, естественно, ставит парламентариев в зависимость от «внутренних» руководителей, которые готовят списки и определяют порядок расстановки персоналий. Умеренное блокирование ведет к тем же последствиям, что и мажоритарная система. Голосование по одномандатным округам, разумеется, влечет за собой большую независимость парламентариев — за исключением двухпартийного режима, который вновь ставит кандидата в зависимость от комитета в силу необходимости вставать под знамена того или другого из соперников, что обеспечивает каждому из них своего рода монопольное положение.

Доминирование парламентариев над партией

Партия французских радикал-социалистов дает нам удачный пример методов, которые используются для того, чтобы обеспечить в партии преобладание парламентариев. В ее Исполнительный комитет входят все «члены по праву», все сенаторы, депутаты, члены центральных и муниципальных советов городов с населением более 50.000 жителей; можно считать, что по отношению к ним делегаты, избранные федерациями, плюс их председатели и генеральные секретари составляют группу, приблизительно в три раза меньшую по численности. Избранники партии (национальные и местные) обладают, таким образом, абсолютным превосходством в комитете; среди них преобладающее влияние имеют парламентарии, и это влияние прежде всего моральное, основанное на уважении, которым они пользуются. Но причиной тому и их численность: правила кворума таковы, что достаточно присутствия 150 членов комитета, чтобы его решения считались законными (в 1936 г. он насчитывал 1800 членов). Среди присутствующих процент парламентариев, естественно, очень высок. К тому же провинциальных депутатов приглашают не на все собрания. Нужно еще добавить, что парламентская группа весьма независима от Исполнительного комитета. Не существует никаких четких правил ни по части общей политики, ни даже относительно участия в правительстве.

Когда некоторые съезды требовали отставки министров-радикалов (в 1928 г. — во время участия в правительстве Пуанкаре; в 1934 — в правительстве Думерга), они делали это вовсе не под давлением низовых активистов, выступавших против парламентариев, но под влиянием одной группки парламентариев, выступившей против другой, и соглашения с большинством министров-радикалов, для которых решение съезда служило только поводом и оправданием. Сразу после Второй мировой войны была сделана попытка обеспечить активистам хотя бы некоторое влияние на поведение партии во время министерских кризисов: по инициативе председателя комитета радикалов Жиронды Кадиллака было решено, что проблема участия парламентариев-радикалов в новом кабинете будет рассмотрена комиссией, получившей название «комиссии Кадиллака». Она состояла из: 1) парламентских групп; 2) членов Исполнительного комитета, присутствующих в Париже. Но парламентарии почти всегда в большинстве в этой комиссии, и их слово — закон.

Такое господство парламентариев над партией обусловлено ее чрезмерно децентрализованной структурой. Каждый депутат, будучи весьма независимым от своих коллег, управляет местными комитетами, как пожелает. Центральное же руководство несколько напоминает средневекового короля, не имеющего ни власти, ни престижа в глазах своих крупных вассалов. И только одна личность — лидер партии — способна придать ему некоторый авторитет, всегда, впрочем, весьма хрупкий. Парламентская группа не имеет собственной линии, ей не свойственно ни общее действие, ни дисциплина голосования. Если во время какого-то важного голосования депутаты-радикалы занимают единую позицию — это исключение. Обычно группа раскалывается на три части: одни голосуют «за», другие — «против», а третьи воздерживаются. Даже само понятие «парламентская группа» порой им

неведомо. Во многих континентальных европейских странах понятие депутатской группы родилось лишь с пропорциональной системой: раньше депутатов классифицировали по направлениям, совершенно неофициальным образом. В партии радикалов вплоть до 1911 г. положение было еще более курьезным; ее депутаты объединялись в Палате в две разные группы, часто враждебные друг другу: «левых радикалов» и «левых радикал-социалистов». Некоторые из них к тому же получали финансовую поддержку от Демократического союза (партия центра) и одновременно — от партии радикалов. Затем Исполнительный комитет принял решение о создании в Палате с 1 января 1911 г. единой группы под названием «Группа республиканской партии радикалов и радикал-социалистов». Но в Сенате радикалы по-прежнему продолжают называть себя «радикальной левой», и их политическая линия нередко отличается от линии радикалов Палаты. Таким образом, доминирование парламентариев соответствует слабой инфраструктуре и большой децентрализации.

Указанное совпадение можно рассматривать в качестве общего правила. Доминирование парламентариев характеризует известную фазу развития партий, и в то же время — определенную социальную структуру. Оно характерно главным образом для партий старого типа, основанных на комитетах, которые принято называть партиями «буржуазного» типа, то есть консервативных и умеренных. Участие в выборах и парламентская деятельность составляют саму цель их создания, дают им право на существование. Любое усилие этих партий имеет целью провести в парламент максимум депутатов и через них участвовать во власти или в оппозиции. И совершенно естественно, что в такой партии парламентарии занимают ведущее положение. Никто к тому же и не способен его у них оспаривать, разве что побежденные кандидаты или претенденты на кандидатство, то есть те же потенциальные парламентарии. Никакая партийная иерархия не может установиться здесь вне электоральной и парламентской сферы, ей просто не на чем было бы держаться. Активисты кадровых партий слишком малочисленны, чтобы служить опорой; они к тому же слишком зависимы от депутатов, обеспечивающих им льготы и привилегии; они с чересчур большим пиететом относятся к парламентским и правительственным должностям. Партийная же администрация слишком слаба и неразвита, чтобы породить настоящую бюрократию. Наконец, в буржуазных партиях избрание в парламент не имеет своим следствием деклассирование избранных по отношению к активистам, как это происходит в социалистических партиях, где наблюдается тенденция восстанавливать «пролетарскую» базу против «обуржуазившихся» депутатов. Одна только власть денег могла бы уравновесить власть парламентариев. Но, как уже отмечено, кредиторы редко оказывают постоянное давление на руководство партии. Острогорский, описывая партию английских консерваторов конца XIX века, очень верно отмечал, что они предоставили это дело «маленьким людям». Сами же они обычно вмешиваются лишь в определенные моменты, имея в виду вполне конкретные цели. Таким образом они могут достигнуть того, чтобы партийные руководители заставляли партию действовать в том или ином направлении, но они не подменяют их в качестве альтернативной иерархии; сами они партией не руководят. Их нельзя рассматривать в качестве настоящих соперников парламентариев.

Разумеется, эти правила подтверждаются исключениями. Достаточно четкие тенденции доминирования парламентариев иногда встречаются в партиях, базирующихся на секциях, с сильной структурой и продвинутой централизацией. Народное республиканское движение (МРП) — убедительный тому пример. Его активисты достаточно многочисленны, чтобы построить внутреннюю иерархию, отличную от парламентской (она равно могла бы опираться и на другие силы, например, на христианские профсоюзы или «специализированные команды» партии), и такая иерархия фактически существует. Но устав МРП предусматривает серьезные меры предосторожности, чтобы помешать ей играть главную роль в руководстве партией: все пущено в ход, чтобы гарантировать преобладание парламентариев. В Национальном комитете делегаты парламентских групп официально занимают только треть мест (ст. 32 устава), но практически имеют значительно больше. На самом деле туда наряду с официальными представителями групп Национального собрания и

Совета Республики входят еще: 1) председатель и Генеральный секретарь движения (они могут быть парламентариями и фактически чаще всего ими и являются; 2) председатели парламентских палат, если они — члены движения; 3) действующие министры и те, кто выполнял эти обязанности ко времени последнего съезда; 4) два местных депутата; 5) кооптированные активисты (они тоже могут оказаться парламентариями); 6) члены, избранные группой Ассамблеи Французского Союза⁶, «в количестве, которое эта группа могла бы представить, учитывая ее состав, в той же самой пропорции, что и две другие». Выдвинутые парламентом или местными собраниями, все они обладают менталитетом парламентариев: вместе с ними депутаты имеют большинство в комитете, а представители федераций остаются в меньшинстве. Более того, если парламентарии не сумеют добиться избрания в качестве штатных делегатов, они могут быть делегированы как запасные и благодаря своему постоянному присутствию в Париже имеют реальную возможность заменить штатных.

В Исполнительной комиссии — постоянном органе, который обеспечивает фактическое руководство партией, преобладание депутатов еще более явно: против 18 делегатов федераций насчитывается 12 парламентариев, плюс действующие министры или 5 отставных, плюс председатель и Генеральный секретарь партии (зачастую тоже парламентарии), плюс 5 кооптированных членов (и они могут оказаться парламентариями), плюс два члена группы Палаты Союза. Присутствие действующих министров в обоих органах тоже увеличивает возможности парламентариев в силу их явного престижа среди активистов. Сопоставим эти уставные положения с прямо противоположными, принятыми в христианской социальной партии Бельгии, где министерский пост несовместим с членством в Национальном комитете (аналогичные положения существуют в уставе христианско-демократической партии Италии). Именно преобладание парламентариев и министров значительно ослабляет динамизм МРП, сводя движение к одной из разновидностей христианского радикал-социализма. Это, вероятно, объясняется очень большим разрывом между передовыми социальными доктринами, которые исповедуют активисты партии, и общим консерватизмом ее избирателей. Чтобы сохранить избирателей, нужно было не допустить того, чтобы первые взяли руководство партией на себя и придали бы ей значительный крен влево. Разумеется, такая противоположность активистов и избирателей — умеренность одних и радикализм других — встречается во всех партиях. Нигде, однако, она не принимает столь острого характера; тем более нигде диспропорция этих двух общностей не была столь велика. Указанные особенности можно объяснить тем исключительным влиянием, которое приобрели парламентарии в руководстве партий данного типа.

Американские политические партии дали бы нам пример противоположного исключения — децентрализованной партии со слабой структурой, основанной на комитетах, где парламентарии обычно не играют никакой роли в руководстве. Здесь следует сделать некоторые необходимые предварительные замечания. Организация американских партий с большим трудом поддается изучению из-за тех огромных различий, которые присущими в локальном и временном отношении. В штате Нью-Йорк и в Скалистых горах, на Севере и на Юге партии организованы по-разному. В рамках одного и того же штата организации может отделять друг от друга дистанция в несколько лет, и причиной тому — смена руководящих лиц. Когда парламентарий (сенатор или депутат палаты представителей — но особенно сенатор) является шефом местной машины и занимает положение босса, он действительно руководит партией, и можно говорить о парламентском доминировании. И напротив, — если машина и руках босса не-парламентария, сенаторы и конгрессмены сильно зависят от него: тогда партия господствует над парламентариями. К тому же все это усложняется двухпартийной или даже однопартийной (для демократов — в южных штатах) системой: выдвижение кандидата партией приобретает большее значение, чем сами выборы. Быть или не быть депутатом — зависит от партии, как и при пропорциональной системе. Механизм первичных выборов как раз и был создан для того, чтобы противодействовать этой власти комитетов над кандидатами и избранными и вернуть последним известную независимость.

Но нельзя сказать, чтобы эта цель была достигнута, особенно в больших городах и на Юге. Можно привести немало случаев, когда под влиянием руководителей партийной машины от очередных первичных выборов отстраняли парламентариев с истекающими полномочиями, хотя они пользовались доверием избирателей.

Эволюция британских партий во второй половине XIX века позволяет дополнить эти соображения: в Англии, в противоположность общему правилу, доминирование парламентариев совпадает с достаточно сильной централизацией. Эта особенность несомненно объясняется внутренней организацией парламентских групп. Депутаты руководят партией, но самими депутатами руководят их лидеры и их whips: парламентская дисциплина заставляла партию централизоваться. Конечно, эта дисциплина еще не отличалась большой строгостью, но тем не менее она была неизмеримо выше в сравнении с дисциплиной в большинстве других парламентских групп того времени. Однако примерно в восьмидесятые годы быстрый рост базовых организаций и развитие их внутренней иерархии нанесли первый удар всевластию парламентариев как в партии вигов, так и в партии тори.

Сначала кризис разразился в либеральной партии; он стал следствием перемен, внесенных в ее структуру бирмингемской системой caucus. В 1878 г. в Брэдфорте возник бурный конфликт между депутатом с истекающими полномочиями В. Ф. Форстером, бывшим министром, в течение 18 лет представлявшим город в Парламенте, и брэдфордским партийным комитетом по поводу 15-го параграфа местного устава caucus, обязывавшего кандидатов давать комитетам заверения в том, что они будут подчиняться его решениям, став депутатами. Форстер отказался. В стране развернулась острая борьба мнений, со всей определенностью поставившая проблему отношений между парламентариями и комитетами. В итоге был достигнут компромисс, довольно благоприятный для партии. И если бы в конце концов Форстер не умер в ходе текущего парламентского срока, его кандидатура не была бы выставлена партийным комитетом на следующих выборах.

Несколько лет спустя в Ньюкасле знаменитый вождь радикалов Коуэн тоже потерпел поражение от caucus. Кроме того, после победы либералов в 1880 г. центральное бюро партии призвало местные организации образумить слишком строптивых депутатов; но самим бюро практически руководили парламентские лидеры. В конечном счете проблема была решена путем реорганизации Либеральной партии. Она не столько уменьшила влияние парламентариев, сколько усилила централизацию: на местах влияние каждого депутата на свой окружной комитет уменьшилось; в национальном же масштабе власть лидеров над партией в целом скорее укрепилась. Их верховенство над парламентариями дало им еще один плюс: дисциплина в группе стала более суровой и строгой. В связи с голосованием поправки Мариотта (строптивного либерала) правительство угрожало даже распустить Палату в случае поражения, наметнув готовым последовать за Мариоттом либералам, что они не были бы выдвинуты своими комитетами, если бы не соглашались придерживаться партийной дисциплины. В итоге большинство капитулировало: только пятеро поддержали Мариотта (1882 г.). После кризиса, связанного с Home Rule, либеральные комитеты снова оказались целиком во власти парламентских лидеров.

Партия консерваторов испытала аналогичный кризис после реформ, проведенных Рандольфом Черчиллем. В 1883 г. Объединенный совет, образованный из руководителей партийных организаций, потребовал роспуска состоящего из whips и нескольких парламентариев Центрального комитета, который распоряжался финансами, занимался выдвижением кандидатур и фактически руководил партией. После безрезультатного торга дело кончилось тем, что парламентский лидер лорд Солсбэри изгнал Объединенный совет из помещения, которое тот занимал в штаб-квартире партии. Все завершилось компромиссом: наряду с парламентариями в Центральный комитет вошли два «внутренних» руководителя; они должны были специально заниматься общей политикой, кандидатурами и финансами. После того, как Рандольф Черчилль был отодвинут на второй план, парламентские лидеры снова взяли в свои руки действительное руководство партией. К концу века лидерство

парламентариев было восстановлено. Но в это же время развитие социалистических партий вновь повсюду поставило его под вопрос.

Соперничество парламентариев и руководителей

История британских партий в конце XIX века показывает, что развитие партийных структур естественно порождает соперничество между внутренними вождями и парламентариями. Чем больше организация, тем оно сильнее и тем больше власть парламентариев ослабляется в пользу внутренних вождей. Это достигает своего предела в коммунистических и фашистских партиях, где парламентарии — не что иное как исполнители, не имеющие никакой власти. Социалистические партии (как и многие христианско-демократические, имеющие почти аналогичную структуру) представляют промежуточный тип: официально парламентарии здесь подчинены руководителям; практически же они сохраняют довольно значительные прерогативы. Все находится как бы в состоянии перманентного колебания, неустойчивого равновесия двух сторон — внутреннего руководства и парламентариев. Нельзя говорить о доминировании одних над другими: фактически речь идет скорее о разделении полномочий между внутренним руководством и руководством парламентским и об их постоянном соперничестве.

Основания этого соперничества достаточно ясны. Решающую роль играет в этом отношении природа организации партии. Ведь отныне речь идет о массовых партиях на базе секций, имеющих разветвленную инфраструктуру и значительный административный аппарат. Эти специфические черты создают условия для становления внутренней иерархии. Чтобы вести борьбу с парламентариями и претендовать на действительное руководство партией, она может опираться на многочисленных активистов, могущественную бюрократию и жесткие уставы. Она может делать это тем более успешно, что между активистами и депутатами почти всегда обнаруживается естественное противостояние, имеющее одновременно и социальные, и политические корни — не всегда осознаваемые, даже не всегда ясно ощущаемые, но глубокие и прочные. Дело в том, что в социальном смысле парламентарии «обуржуазиваются» по отношению к рабочим активистам. Рабочий депутат всегда больше депутат, чем рабочий, и все больше и больше депутат по мере того, как течет время. «Отметьте: вышел из народа», — такие слова Робер де Флер вкладывает в уста социалиста-парламентария — персонажа одной из своих комедий, диктующего личному секретарю биографическую заметку для малого Лярусса; «И твердо решил никогда туда не возвращаться...» — мысленно добавляет секретарь. Реплика очень смешная, но еще более — правдивая. Многие активисты бывают весьма уязвлены материальной обеспеченностью депутатов: коммунистические партии, постоянно демагогически восстающие против любого увеличения парламентских жалований, это хорошо знают. И еще гораздо больше, чем уровень доходов, разделяет парламентариев и активистов сам образ их существования. Депутат действительно ведет жизнь типично буржуазную — такова среда, в которой он вращается, таковы его связи и контакты. Общая атмосфера парламента — это атмосфера буржуазная. Более того: если применить здесь замечание Алена, усматривающего специфику буржуазии в воздействии на людей посредством убеждения, то сам род деятельности парламентария имеет природу чисто буржуазную.

Нужно еще добавить, что активисты постоянно озабочены возможной коррупцией избранных. Члены Учредительного собрания 1791 г. (как и англичане XVII века) очень опасались, как бы король не использовал правительственные посты, чтобы подкупить народных депутатов своими милостями, поэтому они запрещали ему подбирать министров среди депутатов Собрания. Сегодня члены партии точно так же опасаются, как бы парламентарии не оказались развращены могущественными финансовыми силами, которые их воображение рисует себе в виде неких таинственных всемогущих чудовищ. Отсюда их стремление надзирать и контролировать. Отсюда же и подспудное сопротивление участию в правительстве: с почвы социальной и финансовой все это переходит на почву политики,

тесно переплетаясь. Активисты одновременно опасаются и политической, и финансовой коррупции министров, причем в тот период, когда социалистические партии выступали как революционные, первая волновала их гораздо больше второй. До войны 1914 г. проблема участия социалистов в буржуазном правительстве преобладала в дебатах национальных съездов и Интернационала. Она вписывалась в более общую дилемму: реформизм или революционная тактика. В 1904 г. Амстердамский конгресс осудил реформизм, что внутренне содержало в себе и осуждение участия в правительстве, но последнее не было выражено прямо и недвусмысленно. Во Франции СФИО отвергала участие вплоть до 1936 г., если не считать периода войны и Священного Единения⁷. Этот отказ выражал настроения активистов: парламентарии чаще всего были сторонниками участия. И он объясняется не одной только личной заинтересованностью и притягательностью власти: депутаты допускали участие в правительстве потому, что они склонялись к реформизму. Включенные в рамки самого государства, они видели и законы, способные улучшить условия жизни рабочих, и пути их подготовки; само положение законодателей влекло их скорее к реформизму, нежели к революционной деятельности: «обуржуазивание» сочетается здесь с профессиональной деформацией.

Это связано также с ощущением глубинных желаний избирателя. Ибо конфликт «активисты — парламентарии» скрывает конфликт гораздо более масштабный и серьезный: «активисты- избиратели». Первые куда более революционны, чем вторые; а вернее, вторые почти вовсе таковыми не являются. И депутаты естественно склонны следовать скорее за вторыми, чем за первыми. Этот разрыв между активистами и избирателями в СФИО особенно обозначился в 1919–1936 гг., когда очевидный (и умеренный) реформизм избирателей резко противостоял «революционаризму» (чисто вербальному) активистов. В тактике «поддержка без участия», вынуждавшей депутатов-социалистов голосовать за буржуазные правительства, не имея санкции в них войти, для парламентариев нашло выражение известное расхождение между их избирателями и их партией. К тому же не создается впечатления, чтобы эта тактика действительно предохраняла бы партию от реформизма и помогала ей сохранить революционную чистоту; но, впрочем, здесь замешаны и многие другие факторы.

Как же партии, если она стремилась удержать своих депутатов в зависимости, удавалось заменить парламентское доминирование партийным? Прежде всего, сокращая их присутствие в руководящих органах. Появившись на свет, партии целиком состояли из парламентариев. Позднее, когда их организация усовершенствовалась и сложилась внутренняя иерархия, парламентарии приняли всяческие предосторожности, чтобы сохранить большинство по отношению к делегатам активистов. Социалистические партии попытались изменить пропорции и обеспечить большинство активистам. Во Франции, согласно первым уставам СФИО, парламентарии могли быть представлены в составе Национального совета, но не более чем 20 членами; ни один депутат не мог быть делегирован в Национальный совет индивидуально; депутаты не могли быть членами постоянной Административной комиссии. Начиная с 1913 г. парламентарии получили право входить в нее, но при этом должны были составлять не более 1/3 общей ее численности. Сегодня для депутатов уже не существует никаких количественных барьеров в Национальном совете, куда они могут быть делегированы федерациями; но по-прежнему в Руководящем комитете, заменившем бывшую Административную комиссию, их должно быть не больше 1/3. В итальянской Объединенной социалистической партии членство в парламенте несовместимо с пребыванием в Директорате партии: туда входит (на правах консультанта) один только председатель парламентской группы. Однако и в той, и другой партии депутаты пользуются большим влиянием: по-видимому, меры предосторожности против засилья парламентариев бывают тем конкретнее и строже, чем более реальной видится опасность превращения их в руководящую силу. Но незаметно, чтобы предосторожности эти возымели серьезное действие. В иных партиях уставы просто выводят действующих министров из руководящих органов. Так, в бельгийской социалистической

партии министры могут входить в бюро только как консультанты; член Бюро, ставший министром, не имеет больше права заседать там даже с совещательным голосом: он должен быть заменен на все время своего участия в правительстве. Аналогичные ограничения существуют и в Австрийской социалистической партии — для членов Национального совета, Руководящего комитета и Контрольной комиссии. Мы уже говорили, что они имеют место и в некоторых христианско-демократических партиях.

С другой стороны, социалистические партии пытались подчинить парламентариев руководящим партийным органам — либо в индивидуальном, либо в коллективном порядке. В принципе каждый депутат подчинен власти своей федерации; но на деле эта подчиненность часто оказывается иллюзорной. И здесь очень важную роль играет избирательный режим. При системе одномандатных округов, когда выборы принимают индивидуальный характер, и округа легко превращаются в своего рода вотчины, преданные скорее человеку, нежели партийному ярлыку, позиции избранника на месте очень прочны и партийные комитеты ничего не могут с этим поделать: приходится поддерживать инвестицию партии, чтобы не лишиться места. Личная зависимость кандидата от партии в этих условиях весьма незначительна. При голосовании же по партийным спискам, когда партия становится главным фактором и поддержка ее комитета может обеспечить успех или поражение, такая зависимость гораздо больше. При пропорциональной системе с объединенными списками, где кандидаты представлены в строгом порядке, власть комитетов достигает своего максимума. В этом смысле весьма поучительно сравнение Третьей республики и первых шагов Четвертой. Но избирательный режим — далеко не единственный фактор. Некоторые социалистические партии использовали иногда прием, позднее ставший благодаря коммунистам всеобщим достоянием: они обязывали парламентариев отдавать партии все свое депутатское вознаграждение, довольствуясь взамен более или менее скромным окладом. Таким образом, депутаты становятся наемными работниками партии, что ставит их в зависимое положение. В 1890 г. во Франции созданная под руководством Алемана Рабочая социалистическая революционная партия установила систему именно такого рода. Но ее депутатам подобный финансовый контроль пришелся не по вкусу; в 1896 г. все народные избранники вышли из нее и создали Коммунистический альянс, чтобы сохранить свою свободу и свое депутатское вознаграждение.

Самым четким признаком подчиненности депутата партии остается дисциплина голосования: она является правилом при вотировании всех более или менее важных вопросов. Парламентарий, который ей не подчинится, рискует быть исключенным. Можно привести многочисленные примеры «отлучения» такого рода, особенно в британской лейбористской и французской социалистической партиях. Дисциплина голосования к тому же выступает скорее следствием подчиненности парламентариев, чем средством ее обеспечения: депутаты следуют директивам своей группы, потому что они зависимы от партии, да и по другим соображениям (избирательным, финансовым, etc.). Эта дисциплина носит, кроме того, коллективный характер. Каждый депутат должен голосовать, следуя решению, принятому группой после обсуждения: но сама группа не свободна в своем решении: она должна соотноситься с общей политикой партии — в том виде, как последняя определена партийными съездами и руководящими органами. Таким образом, парламентская группа как таковая подчинена партии. В 1929 г. группа социалистов (СФИО) приняла предложение президента Даладье об участии в правительстве, но Национальный совет, срочно созванный постоянной Административной комиссией, отменил это решение, и группа должна была с этим смириться. В то же время степень подчиненности группы существенно зависит от четкости директив, которые принимаются съездами и национальными комитетами. Все искусство парламентариев заключается в умении оказывать на них давление, с тем чтобы добиваться принятия достаточно общих решений, оставляющих группе максимальное поле для самостоятельных действий.

Активисты нередко противодействуют этому, обязывая парламентариев собираться вместе с «внутренними руководителями», когда речь идет о принятии решений по серьезным

вопросам: участие в правительстве, вотум доверия, позиция в отношении важных реформ, etc. Это собрание может происходить в рамках национального или генерального советов, когда парламентарии приглашаются туда либо всем составом — на правах консультантов (Генеральный совет бельгийской социалистической партии), либо в качестве делегатов с совещательным голосом (Национальный совет французской социалистической партии). Оно может также происходить в форме участия какого-то одного или нескольких членов бюро партии в заседаниях парламентской группы (итальянская, бельгийская социалистические партии, etc.) или даже специальной контактной комиссии (Национальный лейбористский совет или Комитет связи лейбористской партии, контактная комиссия бельгийской христианско-социальной партии). Нужно упомянуть еще о роли исследовательских центров, в чьи обязанности входит подготовка проектов реформ и законодательных предложений, вносимых депутатами партии. Если они больше зависят от руководства партии, чем от парламентской группы, и если Группа обязана прибегать к их помощи для разработки своих текстов, то эти центры имеют на нее весьма значительное влияние, что пока еще не часто привлекает к себе внимание. Такая система весьма принята также в партиях, где депутаты низведены до полного подчинения.

Теоретически комплекс этих мер должен гарантировать внутренним руководителям весьма надежный перевес над парламентариями. Практически же последние используют многообразные приемы, обеспечивающие им такую большую фактическую власть, что впору говорить о существовании двух центров руководства. И первый из них — это извлечение выгоды из своей должности. Активисты не доверяют депутатам, но они завидуют им; они критикуют министров, но их самолюбию льстит возможность сидеть с ними бок о бок на партийных собраниях. Известность каждого из парламентариев различна, но в целом среди членов партии она почти всегда превосходит известность внутренних руководителей. С другой стороны, парламентарии — это обычно более яркие личности, чем внутренние руководители: те, за редким исключением в лице отдельных интеллектуалов или «неистовых», зачастую оказываются людьми довольно посредственными. Искушенные в кулуарных интригах депутаты нередко одерживают верх, манипулируя своими менее подготовленными соперниками. Зато последние берут реванш, прибегая к громким фразам о принципах, непримиримости, чистоте, etc. - словом, ко всей той демагогии, которая так нравится активистам и так раздражает депутатов; борьба вновь идет на равных. Но парламентарии сохраняют превосходство и на местной почве. За счет личного престижа и оказываемых услуг они имеют доминирующее влияние на партийные комитеты, а опираясь на комитеты, способны успешно противостоять центральному руководству. В конечном счете все зависит от степени авторитетности последнего и от степени доминирования парламентариев в местной организации, а в этом, как мы уже видели, значительную роль играет избирательный режим.

Но различие парламентариев и руководителей не столь уж абсолютно, и эта неопределенность работает и пользу первых. Прежде всего, партии зачастую страдают от нехватки внутренних руководителей: они еще могут подобрать кадры низшего звена, но почти нет руководителей высших эшелонов. Те, кто имеет необходимые данные, становятся парламентариями: эта «абсорбция» представляет собой один из самых действенных приемов для того, чтобы избежать партийной субординации. Многие руководители тоже на это рассчитывают и как потенциальные депутаты, естественно, склонны уважать корпус, к которому мечтают принадлежать. Недостаток кадров поневоле заставляет доверять парламентариям руководящие должности: отсюда развитие в широких масштабах системы «личной унии» — еще одной формы «абсорбции», более распространенной, чем первая. Иногда ее пытаются ограничить с помощью уставов, но те обычно весьма общи, и конкретное решение в конечном счете диктует жизненная необходимость. Именно таким путем депутаты нередко добиваются своего выдвижения делегатами съездов, представителями федераций в национальных комитетах, членами руководящих подразделений: причем не столько как депутатов, сколько в личном качестве. Из двух этих

должностей, объединенных в одном лице, как показывает опыт, в партиях такого типа (практикующих подобное совмещение) парламентская должность доминирует над должностью внутреннего руководителя. Личная уния означает здесь превосходство парламентариев.

С помощью этой системы сдержек и противовесов идет постоянная борьба парламентариев и внутренних руководителей, представляющих активистов. Взаимная диспозиция двух групп меняется в зависимости от партий и эпох. По общему правилу, партии со структурой типа лейбористской лучше других противостоят парламентскому влиянию: это, несомненно, объясняется тем, что инфраструктура профсоюзов позволяет сформировать могущественную внутреннюю иерархию, способную состязаться с депутатами и в то же время исключить поглощение и совмещение должностей. Австралийские лейбористы дали, пожалуй, первый пример партии, где парламентарии были подчинены власти внутренних вождей; подчинение депутатов партии и профсоюзам достаточно определенно выражено и у британских лейбористов, несмотря на формальное смягчение принципов дисциплины после 1945 г. Социалистические партии латинских стран, напротив, демонстрируют образец очень глубокого парламентского влияния. В то же время социал-демократическая партия Германии была в значительной степени подчинена деятельности депутатов, хотя она и опиралась на серьезное профсоюзное движение; то же самое можно сказать и о социалистической партии Бельгии. Правда, в обоих случаях речь идет о профсоюзном движении, довольно значительно зависимом от партии.

С другой стороны, старение партий всегда бывает отмечено влиянием парламентариев. Такого рода эволюция хорошо прослеживается на протяжении всей истории французской социалистической партии: вначале силы парламентариев были очень слабы, а недоверие к ним активистов очень велико. Но уже накануне войны 1914 г. мощь парламентариев заметно возросла: устав 1913 г. даже открыл перед депутатами двери Административной комиссии партии. Она постепенно прибывала в период в 1919–1936 гг., несмотря на сопротивление активистов участию в правительстве. Приход к власти вызвал еще более быстрый ее рост. Наконец, сразу после войны 1939 г. роль парламентариев казалась как никогда значительной. Без сомнения, нельзя не видеть в этом следствия прогрессирующего «обуржуазивания» партии, с тех пор как развитие коммунизма сократило ее рабочую базу. Но главную роль, по-видимому, все же сыграло пребывание у власти: влияние министров куда больше, чем простых депутатов. Этот пример очевидно допускает обобщение: некоторые партии приняли даже специальные меры с целью ограничения участия в правительстве — убедительное свидетельство силы данного фактора.

Доминирование партии над парламентариями

С появлением коммунистических и фашистских партий обозначился последний этап эволюции: парламентарии больше не управляют партией — партия управляет парламентариями. Второй конгресс Коммунистического интернационала недвусмысленно напомнил каждому депутату, что он не «законодатель, ищущий общего языка с другими законодателями, но агитатор партии, направленный в стан врага, чтобы выполнить ее решения». И факты в данном случае вполне соответствуют теории.

Две категории факторов, по-видимому, объясняют это: одни заключены в структуре партии, другие носят внешний характер. Факторы внепартийные играют лишь второстепенную роль. Уместно напомнить здесь о влиянии избирательного режима: голосование по партийным спискам и система пропорционального представительства благоприятствуют доминированию партии и к тому же очень хорошо соответствуют коллективной структуре коммунистических и фашистских партий. Обратим так же внимание на конституционные положения, в некоторых странах обязывающие депутата, исключенного из партии, вновь проходить процедуру выборов; другие отводят довольно существенную роль в функционировании собраний парламентским группам как единому целому.

Наибольшее значение имеют внутривнутрипартийные факторы. Они заключаются прежде всего в целом ряде технических приемов, позволяющих усилить управляемость парламентариев. Старая идея оклада, получаемого от партии, получила здесь новое развитие. Социалистические партии всегда использовали ее из финансовых соображений: парламентарии вносили часть своего депутатского вознаграждения в партийные кассы в порядке особого взноса. В коммунистических партиях эта идея приобрела политический смысл: прежде всего речь идет о том, чтобы превратить депутатов в настоящих наемных работников партии. Во Франции это в общих чертах намеревались сделать еще алеманисты. Но есть прием и еще более тонкий: партия платит депутату лишь скромное жалованье, но предоставляет ему «оплату натурой», что позволяет его контролировать. Депутаты-коммунисты не имеют личного секретариата: они пользуются услугами секретариата партии, который таким образом может отслеживать почти всю деятельность парламентария до мельчайших деталей. Результативность системы весьма велика.

Меньше используется способ так называемой «отставки в пробел», несмотря на его внешне эффективный характер. Некоторые партии обязывают кандидатов еще до их избрания подписать письмо об отставке без даты; заполнение пробела и тем самым — обеспечение отставки в случае возможного неподчинения избранника партия берет на себя. В других требуется лишь обязательство чести добровольно сложить свои полномочия в случае разрыва с партией (ст. 16 устава СФИО, например): выражение «обязательство чести» ясно говорит о чисто моральном характере договоренности. Но она ничуть не менее эффективна, чем отставка «в пробел». На деле непокорному депутату легче нарушить письменное обязательство и выразить несогласие подчиниться силовому давлению, а уж противники партии будут просто счастливы поставить ее в затруднительное положение, разумеется, принять вынужденную отставку. Письменное обязательство способно только оттолкнуть независимых депутатов и представляет собой в сущности всего лишь ритуал, рассчитанный на то, чтобы произвести впечатление на других депутатов. Но коммунистические и фашистские партии имеют в своем арсенале куда более надежные средства достижения тех же самых результатов.

Самое важное — прием систематической «декоренизации». Речь идет о том, чтобы не дать депутатам превратить округа в собственные вотчины и обзавестись такими прочными местными связями, которые могут позволить им вести себя по отношению к партии независимо. С этой целью прежде всего стараются подобрать кандидатов вне того региона, который они будут представлять; решительно порывают с «местничеством», столь развитым в других партиях по причине его политической рентабельности. Партия готова пожертвовать голосами, лишь бы гарантировать верность своих депутатов: она выставляет бретонца в Перигоре, хотя знает, что перигорец имел бы больше шансов на успех. Кстати, голосование по партийным спискам позволяет обойти это препятствие: во главе списка ставят кандидата из некоренных, а к нему присоединяют затем уроженцев данной провинции — самых известных, местное происхождение которых поможет пройти первым. Но такой первоначальной декоренизации недостаточно: «пересаженные» депутаты начинают быстро обретать корни в новой местности. Тогда надлежит вынудить их часто менять округ, организуя настоящую чехарду, все с той же целью — избежать во имя подчинения партии всякой опасной акклиматизации. Эта систематическая декоренизация используется далеко не трафаретно. Особенно много всевозможных приемов исключения независимости парламентариев имеется у коммунистов. Поскольку им хорошо известно огромное значение местных связей — и не только с точки зрения их избирательного эффекта, но и общего влияния на партию, они далеко не всегда пренебрегают и местничеством. До войны во Франции некоторые депутаты-коммунисты, например Рено-Жан, выглядели в своих округах прямо-таки важными феодальными сеньорами.

Не уступает в действенности этому приему и систематическое вытеснение личностей. Партия обычно подбирает своих кандидатов среди «серых лошадок» и людей, не обладающих личной известностью. Если не считать выдвижения собственных лидеров, она

всегда придерживалась именно такой точки зрения: ведь известность лидеров принадлежала партии, а не им самим. Во многих странах коммунистическая партия насчитывает и своих рядах немало писателей, артистов, известных ученых, но она почти никогда не жалуется на парламентскими местами, хотя речь идет об очень старых членах партии, чья преданность доказана давным-давно. Разумеется, здесь можно было бы сослаться на пролетарский характер партии и ее стремление обеспечить рабочим привилегированное место в своем парламентском представительстве. Но коммунистическая партия больше не является чисто пролетарской, и преувеличенные похвалы, обычно щедро расточаемые ею интеллектуалам, вполне могли бы оправдать то место, которое было бы отведено им в Палате. Она, кстати, иногда дает депутатские места писателям, но лишь из числа наиболее посредственных и малоизвестных: другие могли бы опереться на свою известность, чтобы занять относительно независимую позицию, и партии было бы одинаково неловко как исключить, так и оставить их в своих рядах. Личностям же в партии обычно отводят роль заглавной строки в афише; их функция чисто рекламная — ни руководящего партийного поста, ни парламентского кресла им не доверят.

Фашистские, а равно и коммунистические партии используют в этих целях и научные центры. Ни один проект, представленный депутатом в парламент, не исходит непосредственно от него самого; он подготовлен специалистами партий, а парламентарий просто уполномочен его защищать. Таким образом, любая часть парламентской деятельности обеспечена непосредственно партией. С другой стороны, она берет на себя заботу о том, чтобы дать своим депутатам весьма основательное идейное воспитание. В некоторых партиях имеются настоящие «школы депутатов», где они совершенствуют знание принципов партии и одновременно получают в качестве парламентариев специальные директивы. Выше мы уже отмечали, что некоторые курсы в национальных школах французской компартии специально предназначались для парламентариев. Такой подход выгоден вдвойне: депутатов готовят к выполнению их функций, а заодно и ясно дают им почувствовать свою зависимость от партии.

И, наконец, последний способ гарантировать дисциплину депутатов — это личная уния. Здесь нужно отметить полный переворот: в буржуазных и социалистических партиях личная уния из средства доминирования парламентариев в партии превратилась в инструмент господства последней над ними. Парламентариев, выдвигаемых на руководящие посты в партии, сменяют партийные вожди, приобретающие парламентские кресла. Это означает, что партийная солидарность существеннее, чем парламентская. Так внутренние руководители могут использовать престиж, который дает им звание депутата или министра, для того чтобы укреплять свою власть в партии: тем самым расшатываются сами основы всевластия парламентариев. Такой переворот оказался возможным в силу общей атмосферы партии: в конечном счете именно в ней — самое глубокое объяснение послушности депутатов; всевозможные технические приемы играют второстепенную роль. Нужно прежде всего подчеркнуть партийную дисциплину и то уважение, которое систематически насаждается здесь по отношению к высшим руководителям. Политбюро и Центральный комитет имеют в партии огромный авторитет. Все пускается и ход, чтобы усилить преклонение перед ними: всячески подчеркивается их компетентность, достоинства и значимость. И напротив, буржуазные парламенты — всегда объект пренебрежения и принижения, поэтому звание депутата отнюдь не окружено уважением. Для коммуниста, например, совершенно очевидно, что член Центрального комитета — гораздо более важная персона, чем член парламентской группы. Ясно, что когда руководитель объединяет в одном лице две эти функции, он первый убежден: партийное звание выше депутатского; ведь он сам воспитан в духе партийной ментальности и нисколько не сомневается, что Партия (с большой буквы!) гораздо выше буржуазных парламентов.

Общая ориентация партии усиливает это ощущение. Избирательная и парламентская деятельность, как мы уже видели, играют в ней лишь второстепенную роль. Депутаты партии — это активисты, занятые на менее важных участках (за исключением некоторых периодов,

когда легальная политическая деятельность по мотивам стратегического порядка временно выходит на первый план; но никто из кадровых работников не заблуждается относительно ее временного характера). Парламент обычно используется всего лишь как трибуна для агитации и пропаганды; депутатам отводится чисто агитационная роль, как это ясно выражено в процитированной выше резолюции Интернационала. Весьма близка к ней инструкция, данная в 1924 г. Политбюро французской коммунистической партии: «Депутаты должны вносить чисто демонстративные проекты, имея в виду не их принятие, но пропаганду и агитацию». В самом Собрании депутаты-коммунисты в силу этого оказываются в явной изоляции и, как правило, сторонятся принятого в парламенте товарищества и духа солидарности: они несколько напоминают иностранцев на территории враждебного государства. Робер де Жувенель говорил: «Обнаруживаешь больше сходства между депутатами разных партий, чем между депутатом и активистом одной и той же партии». К депутатам-коммунистам это неприменимо: они — самые настоящие активисты, далекие от других депутатов. Когда они становятся министрами, ничего в сущности не меняется: партия внушает активистам, что министры — прежде всего представители партии, проводящие в правительстве ее политику, и потому должны не сливаться с буржуазными или социалистическими министрами, а с помощью министерской должности поднимать свой основной авторитет. Мы видим, что испытание властью в 1945–1946 гг. не «обуржуазило» сколько-нибудь ощутимо руководителей компартии Франции. И незаметно, чтобы действующие или бывшие министры пользовались бы в ней особым престижем.

Доминирование партии над парламентариями — не столько результат особых технических приемов, сколько следствие общей структуры и ориентации партии и целом. Вот почему коммунисты или фашисты могут смело пренебрегать некоторыми из этих приемов. Во французской коммунистической партии в отличие от социалистической, например, нет никаких барьеров и ограничений для избрания парламентариев в руководящие органы. Парламентарии могут иметь большинство в бюро и комитетах: этому не придается значения, поскольку ведь речь не идет о настоящих парламентариях. Статус внутренних руководителей доминирует над статусом депутата, поскольку компартия представляет собой достаточно могущественную и сплоченную общность, чтобы всегда унифицировать все составляющие ее элементы. Борьба против парламентариев — это очевидно — возможна лишь в партиях, действительно уязвимых для их деятельности. Другие просто не станут утруждать себя борьбой с несуществующим соперником.

Книга вторая. Партийные системы

В любой стране (за исключением государств с однопартийным режимом) сосуществуют несколько партий: формы и способы этого сосуществования определяют «партийную систему» рассматриваемой страны. Эта детерминация включает два ряда элементов, характеризуется двумя рядами элементов. Прежде всего, это сходство и различие, присущие внутренней структуре каждой из системообразующих партий. Будем различать системы партий централизованных и децентрализованных, тоталитарных и специализированных, со слабой и жесткой структурой, etc. А далее сравнение различных партий позволяет наметить новые элементы анализа, не существующие в каждой отдельно взятой партийной общности: число партий, соответствующие количественные параметры, союзы, географическая локализация, распределение в политическом спектре, etc. Система партий характеризуется известным соотношением всех этих моментов. Подобно тому, как были описаны различные типы структур, предстоит описать и определенные типы систем. Противоположность однопартийности, англосаксонской двухпартийности и многопартийности — классическая; на это различие наслаиваются и с ним взаимодействуют многие другие: система независимых партий — или входящих в союзы; доминирующих в данной системе — и уравнивающих

ее; больших и малых, стабильных и нестабильных, эволюционирующих влево («синистризм»⁴), или отличающихся стабильностью, etc.

Системы партий — это результат взаимодействия многочисленных и комплексных факторов; иные из них специфически присущи отдельной стране, другие носят общий характер. Среди первых можно выделить традицию и историю, экономическую и социальную структуру, религиозные верования и этнический состав, национальные конфликты, etc. Так, противостояние республиканцев и демократов в Соединенных Штатах связано с соперничеством Джефферсона и Гамильтона на Филадельфийском конгрессе; распад французской правой и появление радикальной партии проистекают из политической ситуации 1875–1900 гг.; жизнестойкость аграрных партий в Скандинавии восходит к середине XIX века, когда демократические сельские общины вели борьбу против консервативной знати городов, тогда как в других странах торговая, промышленная и интеллектуальная буржуазия породила либеральные партии и выступала против партий консервативных, опиравшихся на дворянство, крестьянство и церковь. Развитие социалистических партий повсюду совпало со становлением пролетариата. Проблема светской и церковной школы непосредственным образом породила систему бельгийских партий XIX века и противоборство французской правой и левой, которое по-прежнему сохраняется за более современными делениями, и раскол голландской правой на католическую, антиреволюционную партии и партию исторических христиан. В Австро-Венгрии до 1914 г. и в Чехословакии до 1938 г. система партий отражала национальные различия и расовые конфликты, равно как и английская трехпартийность конца XIX века, когда традиционный дуализм был нарушен ирландцами; то же самое относится и к борьбе современных южноафриканских партии. В Швеции и Норвегии в соперничестве партий долгое время играла доминирующую роль проблема единства или разделения двух этих стран; в Ирландии в первых партийных делениях большую роль играла позиция по отношению к Великобритании.

Среди общих факторов наибольшее значение имеет избирательный режим. Исследовано его влияние на некоторые аспекты структуры партий: даже в этой области он выступает как элемент системы партий, поскольку способ голосования ориентирует в одном и том же направлении структуры всех партий страны. Его воздействие на количество, численность, союзы, представительство партий является решающим. И наоборот: система партий играет главную роль при определении избирательного режима: двухпартийность способствует принятию мажоритарной системы с голосованием в один тур; наличие партии со структурой ордена заставляет ее избегать; естественная тенденция к союзам противостоит системе пропорционального представительства, etc. В конечном счете система партий и избирательная система — две реальности, неразрывно связанные друг с другом, подчас их трудно разделить даже с целью анализа: большая или меньшая адекватность политического представительства, например, зависит от избирательной системы и системы партий, рассматриваемых в качестве элементов одного и того же комплекса, и нередко эти элементы невозможно изолировать друг от друга. Общую взаимосвязь способа голосования и системы партий можно выразить в трех следующих формулах: 1) режим пропорционального представительства ведет к многопартийной системе с жесткими, независимыми и стабильными партиями (за исключением случаев всякого рода кратковременных, но бурных движений); 2) мажоритарное голосование в два тура ведет к многопартийной системе, партии которой характеризуются «мягкой» структурой, склонностью к альянсам и относительной стабильностью (во всех случаях); 3) мажоритарное голосование в один тур ведет к дуалистической системе с чередованием у власти больших независимых партий. Но эти весьма общие положения определяют лишь базовые тенденции; они далеко не исчерпывают всех моментов влияния избирательного режима на системы партий. Будем придерживаться их лишь в качестве первых и самых общих ориентиров.

Глава первая. Количество партий

Противоположность плюрализма и однопартийности в обществе очевидна; в этом нередко видят чуть ли не политический критерий, разделяющий два мира — Восток и Запад. И совершают ошибку: ведь однопартийная система функционирует в Испании, во многих государствах Латинской Америки и на некоторой части территории Соединенных Штатов, а вместе с тем плюрализм продолжает официально существовать в Восточной Германии и в некоторых народных демократиях. Однако и общих чертах отождествление тоталитарного режима и однопартийности, демократии и плюрализма верно. По отношению к этой антитезе противоположность двухпартийности и многопартийности выглядит очевидно менее значительной, и понятно, почему на нее довольно долго не обращали достаточного внимания, так что она оказалась менее изученной. А между тем ее фундаментальный характер неоспорим.

Сравним политические режимы Англии и Четвертой республики во Франции. Некоторые усматривают их существенное различие в форме исполнительной власти и противопоставляют престиж британской монархии скромной роли французского президента. Но при этом забывают, что при парламентском строе государства президент играет всего лишь второстепенную роль: он «председательствует, но не управляет» — совсем как король «царствует, но не правит». Других больше впечатляет противоположность структуры парламентов двух стран, заставляя приписывать английской двухпалатности все добродетели, в которых отказывают французской однопалатности. Их обманывает видимость: забывают о том, что Палата лордов уже с 1911 г. не имела большой власти, что ее влияние носит преимущественно моральный характер и она идет к тому, чтобы разделить участь нашего незадачливого Совета Республики. Наиболее просвещенные подчеркивают, что британский кабинет обладает правом в любой момент распустить Палату общин, тогда как французское правительство более безоружно по отношению к Национальному Собранию, а угроза роспуска могла бы стать действенным средством помешать правительственным кризисам. Такого толкования придерживается и кое-кто из самих англичан, упрекая французов в том, что те запустили парламентский мотор, не позаботившись о тормозах. И хотя это объяснение несколько ближе к истине, чем предыдущее, оно все же остается весьма неудовлетворительным: английский кабинет практически никогда не пользуется угрозой роспуска, чтобы оказать давление на парламент с целью избежать вотума доверия или уклониться от его последствий. Он имеет достаточные основания полагать, что такой вотум почти неосуществим, поскольку одна из партий обладает абсолютным большинством. Количество партий — вот что действительно представляется фундаментальным отличием, разделяющим две системы. Там парламентские кресла практически делят между собой только две партии: одна из них обеспечивает монолитность правительства, другая же, находясь в оппозиции, ограничивается свободой критики; однородный и сильный кабинет располагает стабильным и сплоченным большинством. Здесь чтобы создать правительство, необходима коалиция нескольких партий, различных по своим программам и клиентеллам; это правительство постоянно парализуется их внутренними разногласиями, так же как и необходимостью с большим трудом поддерживать хрупкий союз, обеспечивающий ему парламентское большинство.

1. Двухпартийность

Различить дуалистический режим и многопартийность не всегда легко: ведь наряду с крупными партиями обычно существуют и малые объединения. В Соединенных Штатах, например, кроме двух гигантов — демократов и республиканцев, мы обнаружим и нескольких «пигмеев»: это лейбористская и социалистическая партии, партия фермеров, партия сторонников сухого закона и прогрессистская. В законодательных собраниях штатов или муниципальных образованиях та или иная из них порой приобретает большое влияние:

так, например, в Миннесоте аграрная партия (фермеры-лейбористы) оттеснила демократов на положение третьей, относительно слабой партии; в штате Висконсин прогрессистская партия Ля Фолетта нередко занимала первое или второе место; в штате Нью-Йорк лейбористская партия в 1937 г. провела пять членов в городской Совет и пять — в Законодательное собрание штата. Лейбористы часто добиваются даже нескольких мест в Конгрессе, главным образом в Палате представителей, но также и в Сенате (см. табл. 32). Тем не менее очевидная диспропорция между ними и крупными традиционными партиями, так же как и их эфемерный и локальный характер, позволяют рассматривать американскую политическую систему как типично двухпартийную.

В Англии дело обстоит сложнее. Не означает ли публикация французского министерства информации в 1945 г., что в Великобритании (как и во Франции в то время) существовал трехпартийный режим? Действительно, партия либералов опирается на старую и солидную традицию; она еще выражает взгляды значительной части народа Британии. В 1950 г. свыше 2.600.000 избирателей выразили ей доверие, но в силу особенностей избирательного режима эти голоса оказались похищенными у нее другими партиями — более многочисленными и более близкими умунастроениям англичан. Применительно к Великобритании 1918–1935 гг. невозможно говорить о двухпартийности, ибо симпатии английского народа реально были распределены между тремя крупными партиями. Такое утверждение сегодня может показаться спорным, особенно если расценивать как многопартийный политический режим, например, Бельгии, где влияние либералов едва ли больше, чем в Англии, и только за счет избирательной системы этой партии обеспечено более сильное представительство в парламенте. Тем не менее английская политическая система несомненно носит двухпартийный характер. Нужно только приподняться над односторонней и ограниченной точкой зрения, чтобы схватить общие тенденции режима. Тогда мы можем констатировать, что сквозь всю историю Англии — вплоть до 1906 г., когда лейборизм начал проявлять свою силу, — проходят две партии; что с 1918 г., а особенно с 1924 г., начался процесс вытеснения партии либералов, повлекший за собой восстановление обновленного дуализма; что в настоящее время, когда представительство либералов сведено до 1,44 % парламентских мест (табл. 24), указанный процесс, по-видимому, близок к завершению. Если сравнить эту эволюцию с ходом развития других стран Содружества наций, сходство будет поразительным. И напротив, мы увидим совершенно иную картину в Бельгии, где либеральная партия, хотя и слабая, занимает почти стабильную позицию с 1918 г.

Типы двухпартийности

Обычно принято рассматривать двухпартийность как феномен специфически англосаксонский. Это лишь приблизительно соответствует истине, так как некоторые англосаксонские страны относятся к многопартийным, а дуализм встречается в Турции и в некоторых странах Латинской Америки; к нему явно эволюционируют даже некоторые государства континентальной Европы. Говоря же об англосаксонской двухпартийности, необходимо четко различать Америку и Британскую империю. В Соединенных Штатах двухпартийности никогда ничего серьезно не угрожало; партии коренным образом изменились со времен соперничества Джефферсона — Гамильтона, в котором проявилось противостояние республиканцев и федералистов: первые защищали права штатов, вторые исповедовали усиление полномочий Союза. После распада партии федералистов и некоторого периода неопределенности дуализм вновь обнаружился на президентских выборах 1828 г. в форме оппозиции демократов, сгруппировавшихся вокруг Джексона, и национал-республиканцев (которых на английский манер называли также вигами), руководимых Клеем и Адамсом: под другими названиями вновь обнаруживалась старая джефферсоновская партия. Гражданская война, естественно, внесла немало смещений как в позиции, так и в организацию партий; тем не менее она ощутимо не изменила двухпартийности, которая вновь явилась после войны в форме противоборства

республиканцев и демократов. Много раз в ходе истории Соединенных Штатов делались попытки создать третью партию: все они терпели неудачу или порождали лишь небольшие и недолговечные партии локального характера¹. В странах же Британского Содружества наций, напротив, традиционное противостояние тори и виггов, консерваторов и либералов претерпело глубокий кризис в начале XX века, когда рост социалистических партий вызвал к жизни трехпартийную систему. Оставалось лишь ответить на вопрос: установилась ли она окончательно? И тем не менее двухпартийность восторжествовала, пусть в форме вытеснения либеральной партии или слияния части либералов с консерваторами. В отличие от Соединенных Штатов здесь третья партия добилась успеха, но успех ее состоял в том, что она сумела стать второй, вытеснив одну из прежних с ее места. Вместе с тем в Австралии и Канаде двухпартийность так и не восстановилась: в первой насчитывается три крупных партии, во второй — четыре.

Английский и американский дуализм противоположны также и в том, что касается структуры партий. В Англии она основана на довольно значительной централизации, менее сильной у консерваторов, чем у лейбористов, но неизмеримо более сильной, чем по другую сторону Атлантики. В Соединенных Штатах комитеты весьма независимы друг от друга; руководители и комитеты округов связаны с комитетами графств; эти последние подчиняются власти лидеров и комитетов штата, но над штатами уже нет практически ничего, полномочия национальных лидеров и комитетов крайне слабы. Этим США резко отличаются от Великобритании, где центр распоряжается финансами партии и оставляет за собой право утверждать кандидатуры, предлагаемые местными комитетами; в доминионах степень централизации варьируется, но никогда все же не опускается до уровня Соединенных Штатов. И наконец напомним, что американские партии не основываются на какой-либо определенной идеологической или социальной базе, что они включают в себя абсолютно разнородные элементы и доктрины и в сущности представляют собой машины для конкурентной борьбы за административные и политические посты и для выдвижения кандидатов на предварительные выборы, которые нередко имеют большее значение, чем настоящие; британские же партии, напротив, более близки к классическому понятию политической партии.

В Латинской Америке, где тенденция к двухпартийности также ощутима, она чаще всего нарушается и деформируется революциями, государственными переворотами, избирательными манипуляциями и борьбой кланов, которые характеризуют политическую жизнь этого континента. В то же время в Уругвае, например, поддерживается почти безупречный дуализм: две партии ведут свое начало со времени гражданской войны 1835 г.; они сохраняют даже свои старые названия (партия Colorado и партия Blanco), связанные с цветами принятых тогда эмблем; внутри они разделены на фракции, но борьба их редко доходит до раскола. Хитроумная избирательная система к тому же позволяет каждой фракции выставлять своего кандидата в президенты и на высшие выборные должности; сумма голосов, полученных всеми фракциями одной и той же партии, засчитывается в пользу наиболее сильного кандидата. Так, например, в 1950 г. Colorado выставила трех кандидатов; наиболее удачливый, г-н Мартинес Трюеба, был избран по сумме голосов, полученных им и двумя его конкурентами из собственной партии, поскольку она превысила сумму голосов, поданных за кандидата Blanco. Однако одна из фракций последней в 1941 г. откололась от нее под названием независимой партии Blanco: ныне она располагает очень небольшим числом депутатов (менее 10 % общего количества парламентариев). В Турции господство однопартийного режима закончилось в 1945 г., с созданием Селяль Байяром Демократической партии: выборы 1946 г. были двухпартийными, но административное давление значительно сократило демократическое представительство. В 1948 г. в демократической партии произошел раскол — так родилась Национальная партия, объединившаяся вокруг старого маршала Чакмака. На свободных выборах 1950 г. демократическая партия одержала убедительную победу, получив 55 % общего числа поданных голосов и 408 парламентских мест против 39 Республиканской народной партии

(но почти при 40 % голосов); национальная партия сумела провести всего лишь одного депутата. С тех пор в Турции установился двухпартийный режим.

Такова география двухпартийности. Мы видим, что последняя отсутствует в странах континентальной Европы. Однако в настоящее время две страны обнаруживают довольно заметную тенденцию к ней: это Германия и Италия. Под покровом многопартийности политическая борьба все больше вписывается в противостояние двух больших образований, явно не соизмеримых со всеми прочими: социалистической и христианско-демократической партии в Германии, коммунистической и христианско-демократической — в Италии. Слабость коммунистической партии в первой, разногласия социалистов и «колонизация» партии группой Ненни во второй, бессилие правой в обеих этих странах создали достаточно специфическую политическую ситуацию в государствах, которые, прежде чем попасть под власть единственной партии, жили в условиях многопартийного режима. Довольно любопытно сравнить этот пример с турецкой ситуацией; разумеется, характер диктатуры в том и другом случае глубоко различный, так же как и обстоятельства ее падения и предшествующая история. Тем не менее в обеих этих странах крушение однопартийности породило дуалистические тенденции, и можно только задаваться вопросом, в какой мере этот факт вытекает из самой природы двухпартийности, к определению которой мы далее и обратимся.

Если рассматривать развитие дуализма во времени — после того, как мы описали его в пространстве, — можно констатировать, что начиная с XIX века последовательно сменились три различных его типа. Цензовое избирательное право сначала породило «буржуазную» двухпартийность с присущим ей противостоянием консерваторов и либералов, социальная и идеологическая инфраструктуры которых были довольно разнообразны от страны к стране. Но, как правило, консерваторы опирались главным образом на аристократию и крестьянство, либералы — на городскую торгово-промышленную буржуазию и интеллигенцию. Однако сформулированное в столь общем виде, это различие остается весьма приблизительным: на практике демаркационная линия выглядит куда более усложненной и содержит немало нюансов. Так, в некоторых странах — например, в Скандинавии — консервативная аристократия концентрировалась в городах; в свою очередь либеральные тенденции на первых порах обнаруживались в сельских местностях; точнее, аграрный либерализм выступал против городского либерализма, преимущественно интеллектуального и промышленного, что преломляло господствующую дуалистическую тенденцию в духе трехпартийности. В доктринальном плане консерваторы исповедовали авторитет, традицию, подчинение установившемуся порядку; либералы — индивидуалисты и рационалисты — ссылались на американскую и французскую революции, идеи свободы, равенства и братства, которые те возвестили миру; но многие из них обнаруживали робость в отношении всеобщего избирательного права и особенно социальных преобразований, которых настойчиво требовали трудящиеся классы. В протестантских странах двухпартийность, за редким исключением, обычно не осложнялась религиозными противостояниями; в католических же фактическая связь духовенства со старым режимом придавала консерваторам облик партии, поддерживаемой церковью, что в свою очередь отбрасывало либералов к антиклерикализму: политическая борьба порой становилась борьбой религиозной и приняла особенно острую форму по вопросу о характере школы (вспомним Францию и Бельгию).

Во второй половине XIX века развитие радикализма, казалось, поставило двухпартийность под сомнение: но в действительности речь шла скорее о внутренней дифференциации либералов, умеренные элементы которых оказались перед лицом нарастающей угрозы слева. Большую часть этого периода последние оставались в партии, то выходя, то вновь присоединяясь к ней; вместе с тем в Нидерландах в 1891 г. выделилась самостоятельная партия либералов, то же самое произошло в 1906 г. в Дании; во Франции создание партии радикалов в 1901 г. связано с иной ситуацией. Развитие социализма вызвало всеобщую эрозию этой первой двухпартийной системы. В некоторых странах оно довольно долго тормозилось ограничением избирательных прав, и получилось так, что в парламенте

все еще держался дуализм, а в стране уже функционировали три партии: поскольку на коммунальном и региональном уровнях избирательное право нередко было более широким, депутаты-социалисты проникали в мэрии и муниципалитеты, не имея возможности войти в палаты (разве что в очень ограниченном числе). Именно поэтому установление всеобщего избирательного права (или просто расширение избирательных прав) и выход социалистических партий на парламентский уровень часто совпадают. В Бельгии избирательный закон 1894 г. открыл перед социалистами двери в Палату представителей, заменив традиционную двухпартийность трехпартийностью и отбросив либералов на третью позицию; в Нидерландах первые депутаты-социалисты появились с принятием закона Ван Гутена (следствием которого стал рост электората с 295.000 до 577.000); в Швеции избирательный закон 1909 г. удвоил представительство социал-демократов и Риксдаге. В других странах (Германия, Англия, Франция, Норвегия, etc.) социалистическое движение имело возможность развиваться беспрепятственно, поскольку всеобщее избирательное право существовало там и до его зарождения.

Появление социалистических партий в конце XIX — начале XX века представляло собой общее явление почти для всех стран Европы и британских доминионов. Вместе с тем двухпартийность не была разрушена повсеместно. По сути дела единственная из стран, где функционировавшая в прошлом дуалистическая система так и не смогла восстановиться, — это Бельгия; причиной тому была избирательная реформа 1899 г. Повсюду в других странах двухпартийность лишь на какой-то более или менее длительный период времени сходила со сцены, чтобы затем — почти в соответствии с марксистской схемой классовой борьбы! — вновь возродиться в форме противоборства какой-либо буржуазной и социалистической партий. Первая возникала порой в результате слияния двух прежних партий — консерваторов и либералов; так это произошло, например, в Австралии и Новой Зеландии. В других странах консервативная партия оставалась единственной буржуазной партией наряду с социалистической — либералы оказались вытесненными (Англия); но обратное (консерваторы, уступившие место либералам) не имело места нигде. Это объясняется довольно просто: либералы к тому времени в основном осуществили свою программу и сами постепенно переходили на консервативные позиции; с появлением социалистической партии они, естественно, потеряли левую часть своего электората, а правую страх перед «красными» отбрасывал к консерваторам; и наконец, техника мажоритарного голосования (принятая почти во всех вышеупомянутых странах) по самой своей сущности не благоприятствует партии центра.

Итак, речь идет теперь скорее о двухпартийности консервативно-социалистической, нежели консервативно-лейбористской. Это новый дуализм, установившийся только в тех странах, где имелись социалистические партии на базе профсоюзов, с непрямой структурой, без какой-либо определенной доктрины, реформистской — а не революционной — направленности. Последняя черта — основная: дуализм не может поддерживаться, если одна из двух партий намерена разрушить существующий строй. И у него еще меньше шансов удержаться, если такая партия остается в оппозиции. Сегодня эта проблема для социалистических партий больше не стоит: все они — с прямой и непрямой структурой — стали реформистскими. Не было бы ничего страшного, если бы, к примеру, в Западной Германии возник дуализм ХДС — СДПГ, к чему там явно идет сегодня дело. По вопросу приобретает новую актуальность с появлением третьего типа двухпартийности, сущность которого заключается в противостоянии коммунистической партии и партии западного типа; о нем только что заговорили, и хотя он еще нигде не реализован, но уже вполне определенно вырисовывается в некоторых странах — например, в Италии. Принятие мажоритарного голосования в один тур, бесспорно, ускорило бы его реализацию, но результат был бы катастрофическим. Первый шаг Коммунистической партии у власти состоял бы, очевидно, в устранении своего соперника; но тогда первым долгом ее соперника, пришедшего к власти, стали бы упреждающие меры с целью воспрепятствовать установлению диктатуры советского типа, что обернулось бы установлением диктатуры другого типа. Следовало бы,

таким образом, различать два типа двухпартийности: одна — технического характера, когда противостояние партий-соперниц касается второстепенных целей и средств их достижения, тогда как политическая философия и основные устои существующего режима принимаются как одной, так и другой стороной. И второй тип — двухпартийность сущностная (метафизическая), когда борьба партий идет вокруг самой природы режима, фундаментальных представлений о жизни и приобретает ожесточенность и непримиримость религиозных войн. Жизнеспособна только первая. А это означает, что дуализм недостижим, если одна из двух партий имеет тоталитарную структуру.

При всем этом двухпартийность, очевидно, представляет собой явление естественное. Мы хотим этим сказать, что политические решения, как правило, предстают в дуалистической форме. И далеко не всегда дело в дуализме партий, но почти всегда — в дуализме тенденций. Любая политика внутренне содержит выбор между двумя типами решений; те, что называют промежуточными, тоже связаны с тем или другим основным типом. А это значит, что в политике не существует центра: в ней можно иметь партию центра, но не течение центра или доктрину центра. Центром называют по существу то место в пространстве, где сосредотачиваются умеренные представители противоположных направлений: это умеренные правые и умеренные левые. Всякий центр внутренне, в самом себе противоречив, он всегда остается разделенным на две половины: левый центр и правый центр. Ибо центр есть не что иное, как искусственное объединение части правой — с левой и части левой — с правой. Судьба центра — это, образно говоря, разрываться на части (быть четвертованным), колебаться или исчезать: разрываться на части, когда одна из его половин голосует с правых позиций, а другая — с левых; колебаться, когда он голосует в связке то с левыми, то с правыми; исчезать — когда он воздерживается. Извечная мечта центра — достичь синтеза противоречивых устремлений, но ведь такой синтез возможен лишь в сознании. Действие — это всегда выбор, а политика — это действие. История центров могла бы проиллюстрировать это абстрактное суждение. Его подтверждает например эволюция партии радикалов при Третьей республике, история СФИО или МРП во времена Четвертой. Как видно, подлинного центра нет и быть не может, разве что в виде переплетения дуализмов: МРП политически — правая, социально — левая; радикалы экономически справа, духовно — слева, etc. (см. табл. 28).

Представление о естественности политического дуализма можно найти во многих социологических концепциях — весьма, кстати, различных. Некоторые авторы противопоставляют радикальный склад ума (как его понимали в XIX веке — сегодня его назвали бы революционным) и консервативный²: противопоставление слишком абстрактное и приблизительное, но отнюдь не ложное. Действительно, есть люди, чувствующие себя совершенно комфортно в атмосфере общепризнанных идей, общепринятых традиций и расхожих привычек, тогда как другие испытывают непреодолимую потребность все изменять, все преобразовывать и всюду вводить новшества. «Лучше совершить глупость, которую всегда делал, нежели что-то умное, чего не делал никогда», — этот шуточный английский афоризм замечательно выражает консервативный склад ума. Принято отождествлять указанные тенденции с разными возрастными фазами: молодость радикальна, зрелый возраст — консервативен. Это давно известно законодателям, которые повышают возрастной избирательный ценз, чтобы поставить в более выгодное положение правых, и понижают его, если хотят дать перевес левым. Противопоставляя буржуазию и пролетариат, марксизм в иной, модернизированной форме возрождает то исконное манихейство, которое в общих чертах воплощает в англосаксонских странах ныне существующая там двухпартийность. Современные социально-политические исследования обнаруживают дуализм тенденций в странах, внешне совершенно различных в политическом отношении: так, за внешним многообразием партий Третьей республики Ф. Гогель выявил неизменность борьбы между партиями «порядка» и «развития». В маленьких французских деревушках общественное мнение инстинктивно различает «белых» и «красных», клерикалов и лаицистов² и таким образом схватывает самую суть, ничуть не смущаясь разнообразием

официальных этикеток. На протяжении истории все крупные групповые противостояния носили дуалистический характер: арманьякцы и бургиньонцы, гвельфы и гибеллины, католики и протестанты, жирондисты и якобинцы, консерваторы и либералы, буржуа и социалисты, западники и коммунисты. Все это противопоставления упрощенные, но в них отброшены лишь второстепенные различия. Всякий раз, когда общественное мнение оказывается перед лицом крупных фундаментальных проблем, оно обнаруживает склонность кристаллизироваться вокруг двух противоположных полюсов. Естественное развитие социумов склонно к двухпартийности, хотя оно может и явно противоречить ей, как мы далее постараемся это показать.

Двухпартийность и избирательный режим

Если признать естественный характер двухпартийности, то необходимо объяснить, почему же естество столь свободно расцвело в англосаксонских странах и у их немногочисленных последователей, но потерпело неудачу в странах континентальной Европы. Сразу приходят на память ссылки на «англосаксонский гений» (они часто встречаются у американских авторов), «национальный характер латинских народов» (но ведь многопартийность существует и в Скандинавии, Нидерландах и Германии): подобные объяснения не то чтобы совершенно ложны, но все же здесь слишком много туманного и приблизительного, чтобы можно было положить их в основу серьезных наблюдений; да и зачем перепевать Гюстава Ле Бона? Вспоминается и объяснение Сальвадора де Мадариага, связывавшего двухпартийность со спортивным духом британского народа, который тот вносит и в политические сражения, рассматривая их как своего рода поединок соперничающих команд: неясно только, куда же исчез этот дух в 1910–1945 гг., когда царила трехпартийность. Не лучше и живописные рассуждения Андре Моруа, противопоставляющего прямоугольные очертания Палаты общин и два ряда ее кресел, расположенных друг против друга (что, естественно, ведет к дуализму!), и полукруг французского Национального Собрания, где отсутствие каких-либо перегородок явно провоцирует размножение групп. Остроумное объяснение, но ведь его можно и обернуть: не выступает ли расположение кресел в залах собраний следствием, а не причиной количества партий? Что изначально — полукруг или множественность партий, прямоугольник или дуализм? Ответ был бы разочаровывающим: в Англии зал палаты принял свою нынешнюю форму задолго до того, как сложилась двухпартийная система. Правда во Франции очертания парламента производны от тенденции к многопартийности — но ведь и помещения американских собраний имеют форму полукруга, что двум американским партиям ничуть не повредило...

Дуализм и многопартийность, разумеется, имеют более серьезное историческое объяснение. Традиция двухпартийности в Америке и Англии — важный фактор их современной мощи. Но остается еще понять, почему же она укоренилась здесь столь прочно: иначе проблема лишь отодвигается во времени. Только конкретные исследования каждой отдельной страны могут определить истоки установившегося в ней дуализма партий. Роль национального фактора, разумеется, весьма значительна, но не следует в его пользу преуменьшать, как это часто делается, влияние одного общего фактора технического порядка, а именно — избирательной системы. Это влияние можно выразить в следующей формуле: мажоритарное голосование в один тур ведет к дуализму партий. Из всех схем, которые приводились для объяснения данного явления, эта последняя, несомненно, наиболее близка к настоящему социологическому закону. Обнаруживается почти полное совпадение между мажоритарным голосованием в один тур и двухпартийностью: в странах с дуалистическим режимом всегда принята мажоритарная избирательная система, а все страны с этой избирательной системой неизменно оказываются дуалистическими. Исключения крайне редки и обычно могут быть объяснены какими-либо особыми обстоятельствами.

Несколько уточнений по поводу общего взаимодействия между мажоритарной системой и двухпартийностью. Приведем прежде всего пример Англии и ее доминионов: общеизвестен их мажоритарный избирательный режим с единственным туром; общеизвестен и дуализм партий, противостояние консерваторов — лейбористов, заменившее противостояние консерваторов — либералов. Мы увидим далее, что и Канада, которая казалась исключением, на самом деле укладывается в общее правило³. Хотя, быть может, еще убедительнее будет гораздо более свежий и выразительный пример Турции — страны, в течение двадцати лет жившей в условиях однопартийного режима, где начиная с 1946 г. проявились довольно различные политические течения; раскол народной партии, в результате которого в 1948 г. выделилась оппозиционная демократическая партия, мог внушить опасения относительно возможности установления здесь многопартийности. Но против ожидания на выборах 1950 г. мажоритарная система в один тур — по британской модели (усложненная голосованием по спискам) — породила в стране дуализм: из 487 депутатов Великого национального собрания лишь 10 не принадлежали к двум крупным партиям — демократам и народным республиканцам (9 независимых и 1 — от народной партии), или 2,07 %. В Соединенных Штатах традиционная двухпартийность точно так же совпадает с мажоритарным голосованием в один тур. Конечно, американская избирательная система весьма своеобразна и сегодня развитие первичных выборов вводит в нее нечто вроде второго тура; но отождествление такого способа с двухтуровой системой, как это иногда делается, абсолютно ложно. Выдвижение кандидатов посредством внутреннего голосования в каждой партии — это нечто совершенно иное, чем собственно выборы. Тот факт, что эта номинация открытая, ничего не меняет: все дело в структуре партий, а не в избирательной системе.

Американская система в основном соответствует мажоритарному голосованию в один тур. Отсутствие второго тура и повторных выборов, особенно при избрании президента, как раз и раскрывает один из исторических мотивов принятия и сохранения двухпартийности. На нескольких местных выборах, где в разное время была опробована пропорциональная система, она «сломала» двухпартийность: например, в штате Нью-Йорк в 1936–1947 гг., где на заседаниях муниципального Совета в 1937 г. можно было лицезреть представителей пяти партий (13 демократов, 3 республиканца, 5 представителей американской лейбористской партии, 3 — от партии городского единства, и 2 были демократами-диссидентами); в 1941 — шести (прибавился 1 коммунист) и семи — в 1947 г. (в результате раскола лейбористской партии, поддержанного профсоюзами предприятий готовой одежды). Точно такой же эффект мажоритарных выборов в один тур нужно отметить и в рамках первичных выборов: Кей подчеркивал, что в ходе первичных выборов на Юге, где номинация проводится в один тур, демократическая партия обычно разделяется на две группировки; при сие теме же двух последовательных «праймериз» что соответствует выборам в два тура, так как второе предварительное голосование (run-off-primary) возникает в случае перебаллотировки — группировки имеют тенденцию множиться; об этом свидетельствует сравнение статистических данных о количестве выдвигаемых кандидатов до и после принятия run-off-primary (табл. 25).

Если не считать Латинской Америки (что вполне допустимо, принимая во внимание многочисленные грубые вмешательства исполнительной власти в деятельность партий и выборы, что искажает всю картину), четыре страны обнаруживают тенденцию отклонения от общего правила: Бельгия до 1894 г., где двухпартийность сопровождалась выборами в два тура, а также Швеция (до 1911 г.), Дания (до 1920 г.) и современная Канада, где мажоритарные выборы с единственным туром сосуществуют с многопартийностью. В первом случае исключение скорее кажущееся, чем реальное: второй тур был предусмотрен бельгийским избирательным законом, но никогда практически не проводился до принятия всеобщего избирательного права. В 1892 г., например, на 41 округ приходилось только четыре повторных голосования, и к тому же три из них (в Нивелле, Шарлеруа и Турнэ) закончились объединительными играми и частичными голосованиями, поскольку лишь два партийных списка были представлены начиная с первого тура; в конце концов в одном только

округе Монс второй тур действительно состоялся — в связи с разделением голосов между тремя конкурирующими списками. С тех пор как утвердилось всеобщее избирательное право, появление социалистической партии проложило дорогу положениям закона: соперничество трех партий привело к 12 повторным голосованиям в 1894 г. и 15 — в 1896–1898 гг. В период же двухпартийности выборы фактически происходили в один тур. Остается еще выяснить, почему практика не соответствовала писаным законам, почему возможность второго тура в действительности не вызывала тройственного соперничества, расхождений между партиями и потрясений дуалистической системы: это мы попытаемся сделать дальше.

Швеция, где до 1909 г. действовала пропорциональная система, тоже не так уж отклоняется от общего правила. Просто деление на партии в условиях ограниченного и усложненного избирательного права, которое тогда действовало (прямые выборы в городах и непрямые в сельской местности, одномандатные и многомандатные округа), долгое время оставалось подвижным и завуалированным. В стране почти не было настоящих организаций; невозможно обнаружить даже четко очерченных парламентских групп, поскольку до 1911 г. избирательная статистика не позволяла точно определить политическую принадлежность кандидатов. В данном случае следовало бы говорить не о двухпартийности или многопартийности, а скорее об отсутствии партий. С другой стороны, некоторые специфические политические и социальные проблемы (отделение Норвегии, противостояние сельских местностей и городов, появление деревенской левой) усложнило здесь естественный дуализм общественного мнения. Тем не менее внутри каждого округа дело нередко ограничивалось борьбой двух кандидатов, что восстанавливало дуализм на местном уровне. На уровне общенациональном тенденция к двухпартийности также достаточно определенно вырисовывалась лишь в форме сменяющих друг друга недолговечных объединений. В 1867–1888 гг. две партии оказались лицом к лицу: консерваторы, опиравшиеся на города, и партия *Lantmann*, которая была сильна главным образом в сельской местности. С 1888 г. последняя раскололась на две группировки: старая *Лантманна*, стоявшая за свободу торговли, и новая *Лантманна*, сторонница протекционизма; но в 1895 г. они объединились. В 1906 г. новый раскол разделяет *Лантманна* на националистов и прогрессистов, но обе группировки действуют в тесном согласии: речь скорее идет о двух течениях внутри одной партии, а не о различных партиях. «Свертывающий» эффект мажоритарного голосования налицо. В течение этого времени постепенно исчезала старая правая и формировалась либеральная партия, опиравшаяся на городскую буржуазию: к концу XIX века в Швеции уже обнаруживается классический дуализм консерваторов (*Лантманна*) и либералов, нарушенный в 1896 г. появлением социалистической партии. В итоге к началу XX века политическое деление *Риксдага* по мере того, как там стало возможно наметить разграничительные линии между партиями, напоминало британский парламент, поскольку присутствие социалистов сломало консервативно-либеральный дуализм.

От общей тенденции наиболее заметно отошла Дания. Несмотря на мажоритарное голосование в один тур, накануне избирательной реформы там насчитывалось четыре крупных партии: правая, либералы (*Venstre*), радикалы, социалисты. Но за этой четырехпартийностью на национальном уровне нередко скрывалась двухпартийность местного уровня: во многих округах конкурировали только два кандидата; в 1910 г. из 114 округов так было в 89, в 24 — три кандидата и в одном — четыре; такое сокращение числа кандидатов было, кстати, заметно и в предшествующие годы (254 в 1910 г., 296 — в 1909, 303 — в 1906). В 1913 г. цифра неожиданно поднялась до 314, притом только в 41 округе конкурировало по два кандидата, в 55 — по три, в 15 — по четыре, и в одном — пять; но этот рост объясняется главным образом отчаянными попытками правой предотвратить свое ослабление: против 47 кандидатов в 1910 г. она выставила 88 в 1913 г.; в то же время число завоеванных мест упало с 13 до 7 (хотя общее количество ее голосов увеличилось с 64.900 до 81.400, и эти 17.000 голосов, полученных главным образом за счет либералов, отняли у тех 13 мест). С другой стороны, в 1910 г. тесное предвыборное соглашение связывало радикалов и социалистов, поэтому они никогда не выставляли кандидатов друг против друга; оно,

очевидно, было разорвано в 1913 г., когда 17 социалистов были выставлены против радикалов и 7 радикалов — против социалистов. Если, наконец, сопоставить ситуацию 1913 г. с предшествующей диспозицией партий, можно отметить явную их концентрацию. В 1906 г. там было пять партий (в результате создания радикальной партии); в 1909 г. слияние аграрной (умеренной) партии с либералами сократило это число до четырех; и, наконец, с начала века разворачивался процесс вытеснения правой, который по-видимому ускорялся неуклонно возрастающим разрывом процента голосов и процента мест. В 1911 г. консервативная правая с ее 7 депутатами занимала всего лишь 6,14 % общего количества мест в парламенте. Фактически дело шло к трехпартийности того типа, который существовал в то время в Англии, где социалистическая партия занимала место рядом с двумя «буржуазными». Мажоритарное голосование выполняло свою сократительную функцию, а соглашение между радикалами и социалистами позволяло даже предвидеть появление в скором времени оригинальной двухпартийности путем возможного слияния двух групп левой; но система пропорционального представительства положила конец такому развитию событий.

В Канаде насчитывается сегодня четыре партии, представленных в парламенте Оттавы: либералы (185 мест), консерваторы (143), лейбористы (13) и «Общественное доверие». Однако тенденция к дуализму прослеживается достаточно ясно. Партия общественного доверия — чисто локальная, представлена только в провинции Альберта, где в 1925 г. она заменила партию фермеров-унионистов. С появлением в 1932 г. лейбористской партии Канада с опозданием на тридцать лет воспроизвела английскую и европейскую схему начала века, поскольку социалистическая партия нарушила консервативно-либеральный дуализм. Вместо возвращения к двухпартийности путем слияния традиционных партий или исчезновения одной из них, здесь дело, очевидно, идет скорее к вытеснению новой партии (как это было с партией «прогрессистов», возникшей в 1921 г. и через 10 лет исчезнувшей)⁴, или «выдавливанию» ее на региональный уровень: сегодня представительство лейбористов на федеральном уровне ограничивается почти лишь одной провинцией Саскачеван (где в ее руках находится пост губернатора). Однако в рамках парламентов провинций она занимает вторую позицию в британской Колумбии, Онтарио и Манитобе. Этот пример, как и случай Швеции и Дании, позволяет уточнить границы влияния мажоритарного голосования в один тур: оно способствует дуализму партий в рамках каждого округа⁵, но в разных регионах страны эти соперники могут оказаться различными. Оно приводит также к созданию локальных партий или оттеснению национальных на локальные позиции. Вспомним, что в той же самой Великобритании ирландская партия удивительно стабильно существовала с 1874 по 1918 г. А либералы, разве не обнаруживают они тенденцию стать «партией Уэльса»? Как бы то ни было, прогресс централизации внутренней структуры партий и естественное укрупнение политических проблем на национальном уровне сами по себе ведут к утверждению в масштабах всей страны региональной формы дуализма, порожденного способом голосования; но в чистом виде действие дуализма не простирается дальше двухпартийности локального уровня.

Механизм действия дуализма предельно прост. Возьмем британский округ, где консерваторы имеют 35.000 голосов, лейбористы — 40.000 и либералы — 15.000. Ясно, что успех лейбористов целиком зиждется на присутствии партии либералов: если та снимает своего кандидата, можно полагать, что большая часть предназначавшихся ему голосов, переходит к консерваторам, а меньшая достается лейбористам, плюс воздержавшиеся. Далее возможны два варианта: 1) либералы заключают соглашение с консерваторами об отзыве своего кандидата (в счет возможных компенсаций в других округах): тогда дуализм восстанавливается путем слияния или союза, весьма близкого к слиянию; 2) либеральная партия упорно ведет борьбу в одиночку: в этом случае избиратели постепенно от нее уходят и дуализм восстанавливается путем ее вытеснения.

Первый вариант в щадящей форме (союз, близкий к слиянию) реализован в наши дни в Великобритании консерваторами и либералами-националистами, в Германии —

христианскими демократами и либералами путем частичных мажоритарных выборов в некоторых землях, например, в Вестфалии, Северном Рейне и Шлезвиг-Голштинии. Нередко он служит прелюдией к крайней форме установления дуализма — полному слиянию партий, которое обычно и является завершением союза (нередко это сопровождается расколом, ибо некоторые центристы экс-партии предпочитают присоединиться к другой из соперничающих партий). В Австралии в 1909 г. либералы и консерваторы, оказавшись перед фактом роста лейбористов, слились. В Новой Зеландии они откладывали это до 1936 г.: в результате с 1913 по 1928 г. либеральная партия неуклонно развивалась по нисходящей, что привело бы к естественному ее исчезновению, если бы в 1928 г. неожиданный подъем снова не уравнил ее с консерваторами. Но с 1931 г. она вновь начала клониться к упадку и опять заняла третью позицию; перед лицом лейбористской угрозы, усугубленной экономическим кризисом, она накануне выборов 1935 г. решила на слияние. В Южной Африке раскол националистов в 1917 г., совпавший с усилением лейбористов, привел к появлению в 1918 г. четырех примерно равных партий; осознав опасность такой ситуации при системе мажоритарного голосования в один тур, старая Унионистская партия объединилась с Южноафриканской партией генерала Смита, а партия националистов генерала Эрцога подписала избирательный пакт с лейбористами, который для последних оказался роковым: дуализм был восстановлен одновременно двумя способами — и путем слияния, и путем вытеснения.

Само вытеснение (вторая разновидность возврата двухпартийности) выступает как результат двух взаимодействующих факторов — механического и психологического. Первый заключается в занижении представительства третьей (то есть наиболее слабой) партии, так как процент полученных ею мест оказывается ниже про цента поданных за нее голосов. Разумеется, при мажоритарном режиме с двумя партиями побежденный всегда имеет заниженное представительство в парламенте по отношению к победителю, как мы это далее увидим: но при варианте с третьей партией оно занижено гораздо сильнее, чем представительство менее успешной из двух остальных. В этом смысле очень убедителен в при мер Британии: до 1922 г. представительство лейбористской партии было занижено по отношению к либеральной; с этого времени регулярно происходит обратное (за исключением 1931 г., что объясняется серьезным кризисом, который переживали тогда лейбористы, и ошеломляющим триумфом консерваторов); таким образом третья партия автоматически — в силу особенностей избирательной системы — оказывается в худших условиях (табл. 26). Поскольку новая партия, пытающаяся конкурировать с двумя прежними, еще очень слаба, система играет против нее и воздвигает преграду на пути ее проникновения в парламент. Но если ей удастся обогнать одну из своих предшественниц, то эта последняя отодвигается тогда на третью позицию, и процесс вытеснения оборачивается уже против нее.

Такой же двойственный характер носит и психологический фактор. При трехпартийности, функционирующей при мажоритарном режиме в один тур, избиратели быстро понимают, что их голоса будут попросту потеряны, если они продолжат отдавать их третьей партии: отсюда естественная тенденция передать их не самому худшему из соперников, с тем чтобы предотвратить успех наиболее нежелательного. Этот феномен поляризации, как и феномен заниженного представительства, играет на разрушение новой партии, пока та остается наиболее слабой, но обращается против менее удачливой из прежних, как только новая ее обгоняет. Инверсии двух указанных механизмов происходят не всегда синхронно, что рая обычно предшествует первой (так как избирателям необходима некоторая дистанция во времени, чтобы осознать ослабление одной партии и передать свои голоса другой). Это имеет своим следствием достаточно долгий «смутный» период, когда колебания избирателей сочетаются с инверсиями заниженного представительства, совершенно искажая реальное соотношение сил между партиями: Англия испытала подобные злоключения и 1923–1935 гг. Давление избирательной системы в направлении дуализма приводит к торжеству последнего лишь по прошествии длительного периода.

И все же мажоритарная система в один тур способна сохранять установившуюся двухпартийность, оберегая ее от расколов старых партий и зарождения новых. Для того

чтобы одна из этих новых по-настоящему утвердилась, ей нужно располагать сильными точками опоры на локальном уровне или большой и мощной национальной организацией. Кстати, в первом случае она надолго останется в плену атмосферы места своего географического происхождения; освобождение происходит не иначе как медленно и с большим трудом; об этом говорит, например, опыт Канады. И лишь во втором случае можно надеяться на быстрый рост, выдвигающий партию на вторую позицию, когда факторы поляризации и заниженного представительства начнут играть в ее пользу. Быть может, именно в этом нужно видеть одно из глубоких соображений, которыми руководствовались все англосаксонские социалистические партии, учреждаясь на базе профсоюзов: только такая опора могла дать им достаточную силу для того, чтобы взять старт: карликовые партии оказываются вытесненными или отброшенными на локальный уровень. С тем же успехом мажоритарная система, очевидно, способна восстановить дуализм, разрушенный в результате выхода на сцену третьей партии. Яркое подтверждение тому — сравнение Англии и Бельгии: в обеих странах традиционная двухпартийность была нарушена в начале века с появлением социализма. Через пятьдесят лет мажоритарная Англия вернулась к дуализму путем вытеснения либералов (табл. 27), тогда как в Бельгии пропорциональная система спасла либеральную партию и допустила затем рождение коммунистической партии, не считая еще нескольких других, возникших между двумя мировыми войнами.

Можно ли пойти еще дальше и утверждать, что мажоритарная система способна создать двухпартийности в стране, где ее никогда ранее не существовало? Если дуалистическая тенденция вырисовывается там уже довольно явно, утвердительный ответ не вызывает сомнения. Введение мажоритарного голосования с единственным туром в Западной Германии несомненно имело бы результатом постепенное разрушение малых и средних партий и оставило бы на политической сцене только социалистов и христианских демократов: ни одна другая страна бесспорно не обладает сегодня в такой полноте всеми необходимыми условиями установления парламентского режима английского образца. В Италии избирательная реформа того же рода дала бы идентичные результаты — если только одну из двух партий не представляли бы коммунисты, что весьма опасно для демократической системы. А вот резкое введение голосования в один тур в стране, где многопартийность имеет такие глубокие корни, как во Франции, не привело бы к аналогичным результатам, разве что в течение очень длительного срока. Избирательный режим подталкивает к двухпартийности, но не ведет к ней с фатальной неизбежностью, невзирая ни на какие препятствия. Базовая тенденция сочетается со многими другими, которые ее умеряют, тормозят или даже приостанавливают. И тем не менее, со всеми этими оговорками, можно, перефразируя Маркса, рассматривать дуализм партий в качестве «железного закона» мажоритарного голосования в один тур.

II. Многопартийность

Многопартийность нередко смешивают с отсутствием партий. Страна, где общественное мнение расколото на многочисленные, но недолговечные, эфемерные и быстро меняющиеся группы, не соответствует подлинному понятию многопартийности: она переживает еще предысторию партий и находится в той фазе общей эволюции, к которой различие двухпартийности и многопартийности совершенно неприменимо, поскольку нет еще настоящих партий. Сюда можно отнести некоторые страны Центральной Европы в период 1919–1939 гг., большинство молодых государств Африки, Востока и Среднего Востока, многие латиноамериканские государства и крупные западные государства XIX века. Однако некоторые из этих стран входят скорее в промежуточную категорию: здесь наряду с настоящими партиями, обладающими необходимым минимумом организованности и стабильности, можно обнаружить образования нестабильные и не имеющие настоящих организационных структур. В этом случае демаркационная линия между многопартийностью и отсутствием партий затуманивается, тем более что во многих странах, уже вступивших в

стадию организованных партий, продолжают существовать и следы их предыстории: во Франции, например, весь сектор воззрений, расположенных справа от радикалов, почти не знает подлинных партий — это скорее зыбкие группы, характерные для предшествующей фазы развития.

Многопартийность, понимаемая в таком смысле, достаточно точно характеризует Западную Европу, исключая Великобританию (но включая Ирландию). Разумеется, те или иные из этих государств в некоторые периоды своей истории знали и двухпартийность: так было в Бельгии до 1894 г.; к ней близка и нынешняя Германия. Другие жили в условиях однопартийных систем: Италия с 1924 по 1945 г., Германия с 1933 по 1945 г., современные Испания и Португалия. В то же время можно полагать, что многопартийному режиму в Европе еще и сегодня угрожает известная опасность и его будущее отнюдь не представляется надежным. Но как бы то ни было, многопартийность и ныне продолжает в целом доминировать в западной части континентальной Европы; она, по-видимому, также соответствует ее наиболее общей политической традиции.

Пути формирования многопартийности

Типологию многопартийности дать нелегко: от трех партий — и до бесконечности, включая бесчисленное множество разновидностей: а сколько еще форм и оттенков в каждой из них! Французская трехпартийность 1945 г. не имеет ничего общего с традиционной бельгийской трехпартийностью; скандинавская четырехпартийность в корне отличается от швейцарской; разрозненность французской правой имеет совсем иной смысл, чем фракционность партий довоенной Чехословакии или Испанской республики. Любая классификация выглядит здесь спорной и ненадежной: любая национальная организация, кажется, имеет особый, единственный и неповторимый характер, не укладывается в общие рамки. Тем не менее, если проанализировать пути формирования многопартийности, то вполне возможно выявить определенные общие черты и даже построить теоретическую схему, в которую достаточно хорошо вписываются факты. При этом следует исходить из естественного характера двухпартийной системы, приняв во внимание, что данная фундаментальная тенденция может быть нарушена двумя различными явлениями: внутренним расщеплением воззрений и наложением дуализмов.

Рассмотрим двухпартийный режим, например, в современной Англии. В лейбористской партии имеются довольно четкие различия между умеренными, которые поддерживают курс Эттли, и группой более радикальной и экстремистской, подчас вступающей в конфликт со своими министрами и противостоящей им по серьезным вопросам, особенно в том, что касается внешней политики. У консерваторов расхождения сегодня менее выражены, поскольку партия находится в оппозиции; если бы она пришла к власти, они обрисовались бы более четко, как это было до войны. Данный пример поддается обобщению. В любой партии есть свои «твердолобые» и «умеренные», соглашатели и непримиримые, дипломаты и доктринеры, терпимые и «бешеные». Противоположность реформистов и революционеров в континентальных социалистических партиях начала XX века представляет собой лишь частный случай весьма общей тенденции. По существу, к социологическому различию радикального и консервативного склада, о котором выше уже было сказано, можно было бы добавить второе, противопологающее склад экстремистский и склад умеренный, взаимно дополняющие друг друга: так, есть консерваторы-экстремисты и консерваторы-умеренные, радикалы-экстремисты и радикалы-умеренные (жирондисты и якобинцы, к примеру). Пока различие экстремистов и умеренных ограничивается существованием соперничающих группировок внутри партий, порожденных в свое время различием радикалов и консерваторов, естественный дуализм сохраняется. Но если эти группировки ожесточились и не приемлют больше сосуществования, двухпартийность обречена на поражение и уступает место многопартийности. Именно таким образом раскол радикалов и либералов сломал в Швейцарии зародившуюся в 1848 г. двухпартийность (консервативно-либеральную) и создал

трехпартийность, которую социалисты превратили затем в четырехпартийность. Точно так же и во Франции образование Радикальной партии постепенно разделило республиканцев, так что к концу XIX века обрисовались три основные течения: консерваторы, умеренные республиканцы (оппортунисты), радикалы. В Дании и Нидерландах появление Радикальной партии обнаружило аналогичную тенденцию к расколу общественного мнения между умеренными и экстремистами. А к 1920 г. раскол на коммунистов (революционеров) и социалистов (реформистов) почти повсюду в Европе увеличил количество партий.

Это дробление и породило центристские партии. Выше уже отмечалось, что не бывает взглядов центра, течений центра, доктрин центра, по сути своей отличных от идеологии правой или левой — все это лишь ослабленное, смягченное, умеренное их проявление. Напомним что старая либеральная партия (расположенная в дуалистической системе слева) раскололась на либералов и радикалов: они были первыми, кто превратился в партию центра. Точно так же и консервативная партия разделяется на терпимых и непримиримых. Таков первый способ возникновения партий центра. Второй, являющийся результатом «синистризма», будет раскрыт нами далее. Теоретически подлинный центр предполагал бы, что умеренные правой и умеренные левой, отделившись от своих коренных течений, объединяются, чтобы создать единую партию; но практически первопричина создания партии центра почти не имеет значения; само ее положение и противоречивые устремления, в которые она вовлечена через своих членов, порождают ее фундаментальную противоречивость: всякий центр по природе своей внутренне разорван. В любой стране сосуществуют по крайней мере две центристские партии: к тому была близка накануне введения пропорциональной системы Дания, где либералы представляли правый центр, а радикалы — левый; сила притяжения экстремистов превосходила здесь солидарность умеренных, ибо радикалы, следуя довольно распространенной в Скандинавии тенденции, сотрудничали с социалистами, а не с либералами. Во Франции радикал-социалисты (левый центр) на протяжении всей истории Третьей республики постоянно переходили от центристской солидарности (которая приводила к концентрации) к гошистской (которая породила Картель, Народный фронт, etc.): мы еще увидим всевозможные фигуры этого политического балета, исследуя проблему партийных союзов.

Но еще больше, чем дробление дуалистических делений, распространено, по-видимому, их напластование. Это связано с несовпадением различных видов дуалистических противоположностей, и таким образом их взаимное перекрещивание приводит к многопартийности. Во Франции, например, старое деление на клерикалов и лаицистов не совпадает с делением на западников и ориенталистов или с делением на либералов и дирижистов (табл. 28).

Совместив эти дуализмы, мы получаем схематическое изображение больших духовных «семей» современной Франции: коммунисты (ориенталисты, дирижисты, лаицисты); христианские прогрессисты (ориенталисты, дирижисты, клерикалы); социалисты (западники, дирижисты, лаицисты); народные республиканцы (западники, дирижисты, клерикалы); радикалы (западники, либералы, лаицисты); правая и РПФ (западники, либералы, клерикалы). Разумеется, это достаточное спорная и слишком упрощенная классификация, но тем не менее она неплохо соответствует основному расщеплению воззрений, а вместе с тем — и реальному делению партий (хотя в ней несколько преувеличена значимость христианских прогрессистов — она слабее, и преуменьшена значимость РПФ — она больше, влияние этой партии выходит за границы правой), французская многопартийность — это результат недостаточного взаимодействия между двумя основными массивами общественного мнения.

Здесь и обозначаются пределы естественной двухпартийности. Всякое противоречие дуалистично по своей природе, что ведет к соперничеству двух симметрично контрадикторных точек зрения (поскольку понятно, что любая позиция может отстаиваться как с умеренных, так и с экстремистских позиций); но так как различные пары противоположностей обладают значительной независимостью друг от друга, принятие какой-

то точки зрения в одной области оставляет относительную свободу выбора в другой. Многопартийность как раз и порождается этой относительной взаимной независимостью противоположностей. Она неизбежно предполагает, что различные секторы политической деятельности независимы и отделены друг от друга, и только полностью тоталитарной концепции свойственно четко устанавливать жесткую зависимость между всеми проблемами, так что позиция по отношению к одной из них необходимо имеет своим следствием соответствующую позицию по отношению к любой другой. Но даже тоталитарные идеологии могут сосуществовать и порождать многопартийность при условии полного невмешательства в ту привилегированную сферу деятельности, которую каждая из них считает своей и от которой зависит любая позиция, занимаемая в других вопросах. Если бы все французы согласились считать дуальность «Восток — Запад» самой приоритетной среди всех других, то мы имели бы только две партии: коммунистов и антикоммунистов. Если бы все они полагали, что самое существенное — это соперничество либералов и дирижистов, было бы только две партии: консервативная и социалистическая. Если бы они, напротив, думали, что фундаментальным противоречием по-прежнему остается клерикально-лаицистское противостояние (как в это все еще верят в иных провинциальных уголках), мы также лицезрели бы всего лишь две партии: католиков и свободомыслящих (к чему и шло дело в начале века). Но тот факт, что для одних приоритетно противоречие «либералы — дирижисты», для других — «христиане — лаицисты», а для третьих — «Восток — Запад», создает и поддерживает многопартийность.

Таким образом могут напластовываться друг на друга весьма многочисленные противоположности. И прежде всего — собственно политические, касающиеся формы или структуры правления: противоположность монархистов и республиканцев, подчас усложненная всякого рода нюансами (бонапартисты и роялисты, орлеанисты и легитимисты, etc.). Противоположности социальные: уже Аристотель в своей «Афинской политике» отмечал существование трех партий — рыбаков и портовых моряков, равнинных земледельцев, городских ремесленников; марксизм особо настаивал на фундаментальном и приоритетном характере социального противостояния. Есть противостояния экономического порядка, пример которых являет собой борьба между дирижистами и либералами; но за ней скрывается и более глубокая социальная коллизия, так как коммерсанты, промышленники, производители и посредники защищают соответствующий их интересам либерализм; лица наемного труда, рабочие, служащие и чиновники связывают себя с дирижизмом — он благоприятен для них. Противоположности религиозные: борьба между клерикалами и лаицистами в католических странах (Франция, Бельгия, Испания, Италия и т. д.), где церковная иерархия нередко сохраняла свое политическое влияние; борьба между протестантами и католиками в странах, расколотых по религиозному признаку, — в Голландии, например, партии в основном строятся на этой основе: антиреволюционеры (консерваторы-протестанты) противостоят консерваторам-католикам и партии исторических христиан, поскольку та была учреждена в конце XIX века с целью противодействовать сотрудничеству двух первых. Этнические и национальные противостояния в государствах, объединяющих различные расовые и политические общности: соперничество чехов и словаков в республике Масаика и Бенеша, сербов и хорватов в прежней югославянской монархии; конфликты немцев, венгров и славян в империи Габсбургов; автономизм каталонцев и басков в Испании, ирландцев в Великобритании (до отделения от империи); проблема судетских немцев в Чехословакии, эльзасцев — в Германской империи и Французской республике; деление на фламандцев и валлонцев в современной Бельгии, etc. Дипломатические противостояния, которые проецировали во внутреннюю жизнь государств международные конфликты: арманьякцы и бургиньоны, гвельфы и гибеллины, сторонники Оси и сторонники демократии, западники и ориенталисты.

Это, наконец, какие-то исторически сложившиеся противоречия. Новые противоположности, подобно геологическим отложениям, наслаиваются на старые, не разрушая их, так что деления самого различного характера в одну и ту же эпоху

сосуществуют в общественном сознании. Во Франции, например, конфронтация монархистов и республиканцев, игравшая основную роль в 1875 г., сегодня уже не вызывает былой ожесточенности — разве что у незначительного меньшинства населения; но конфронтация клерикалов и лаицистов [2], доминировавшая в общественном мнении примерно в 1905 г., все еще сохраняет свое огромное влияние на сознание (и подсознание) французов, хотя другие события могли, казалось бы, оставить ее далеко в прошлом; конфронтация социалистов и либералов приобрела настоящее значение начиная с 1940 г. и затем, по мере обострения экономической ситуации, вышла на первое место (она во многом стабилизировалась в 1944–1950 гг., но проблемы перевооружения снова придали ей остроту); наконец, конфронтация ориенталистов и западников (последние включают как коммунистов, так и некоммунистов) обозначившаяся лишь в 1947 г., имеет тенденцию приобрести первостепенное значение не только в «просвещенных» кругах, но и в массах: многие рабочие, крестьяне и мелкие буржуа отнюдь не жаждут советского режима, но тем не менее голосуют за коммунистов, чтобы выразить тем самым свою неудовлетворенность.

Типы многопартийных режимов

Рассматривая уже не механизмы становления, а установившуюся многопартийность, можно сообразно количеству партий выделить несколько ее разновидностей: трех- четырех- и многопартийность. Но данная типология еще более проблематична, чем предыдущая, поэтому уместнее будет раскрыть несколько конкретных примеров, прежде чем искать общих объяснений, которые в противном случае неизбежно оказались бы умозрительными. С этой точки зрения заслуживают анализа два типичных случая трехпартийности: трехпартийность 1900 г. и современный трехпартийный режим в Австралии. Известно, что фундаментальная двухпартийность общественного мнения преобразовалась в трехпартийность в результате развития социалистических партий в конце XIX — начале XX века в Англии, Бельгии, Швеции, Австралии, Новой Зеландии, etc. Можно попытаться систематизировать этот феномен и выяснить, не было ли нарушение естественного дуализма взглядов в пользу трехпартийности результатом тенденции к полевению? Явление это довольно распространенное: и реформистская, и революционная партии, однажды осуществив проповедуемую ими реформу или революцию, превращаются в партии консервативные; они перемещаются с левого фланга на правый, оставляя после себя пустоту, заполняемую лишь с появлением новой партии, которая следует тем же самым путем. Таким образом за 20–30 лет левая партия одной эпохи превращается в правую другой: термин «синистризм» как раз и отражает это постоянное движение влево. Теоретически перемещение старой партии слева направо должно было бы иметь своим следствием исчезновение прежней консервативной партии, так что восстанавливалась бы первоначальная двухпартийность (англосаксонский случай). Но практически партии обычно умирают медленной смертью; социальные структуры имеют тенденцию упорно продолжать свое существование еще долгое время спустя после того, как оно перестало быть оправданным; скольжение влево, взаимодействуя с базовой дуалистической тенденцией, и порождает трехпартийность. Таким образом могли бы последовательно сменять друг друга трехпартийные системы: «консерваторы — либералы — радикалы», затем «консерваторы (или либералы) — радикалы — социалисты» и, наконец, «либералы — социалисты — коммунисты». В некоторых странах действительно можно было бы обнаружить следы подобного рода тенденции, но она сочетается с таким огромным количеством других специфических явлений, что не приходится придавать ей достаточно серьезного значения. Старые организации зачастую упорно продолжают свое существование, и подвижка влево, вместо того чтобы устранить одну из них, увеличивает общее количество партий. Механизмы, породившие трехпартийность образца 1900 г., очевидно, все же не поддаются настоящему обобщению.

Трехпартийность современной Австралии покоится на социальной основе. Дуализм «консерваторы — лейбористы», соответствующий схеме «буржуазия — пролетариат»,

нарушен здесь самостоятельным политическим представительством класса крестьянства в лице аграрной партии. Эта партия прилагает настоятельные усилия, чтобы обеспечить земледельцам канал выражения их интересов, аналогичный тому, что рабочий класс имеет в лице лейбористов: даже само стремление скопировать организацию лейбористской партии говорит именно об этом. Интересно сопоставить данный пример с попытками некоторых стран народной демократии установить многопартийный режим на социальной основе. Они привели к появлению такой же троицы: партия рабочих, партия крестьян, партия либеральной «буржуазии». Растущее доминирование партии рабочих (практически — коммунистов) не позволило созреть плодам этого весьма любопытного опыта. Но самая большая трудность всякой аграрной партии — это ее вечная разорванность между левыми и правыми, обусловленная противоречивостью социальной структуры крестьянства: нет единого класса крестьян — есть извечная противоположность сельскохозяйственного пролетариата и собственников, а еще более — мелких и крупных землевладельцев. Отсюда и неизбежная сложность создания крестьянских партий, непреодолимые границы их роста и достаточно общие для них тенденции правого и консервативного толка; мелкие землевладельцы и сельскохозяйственный пролетариат предпочитают поэтому объединяться вокруг социалистических или коммунистических партий.

Но крестьянские партии все же относительно редки; при всех обстоятельствах они в целом никогда не принимают характера социалистических. И тем не менее в некоторых странах их развитие порождает четырехпартийность, которая заслуживает того, чтобы обратить на нее внимание, поскольку речь идет о несколько своеобразном явлении. Эта разновидность четырехпартийности является результатом «наложения» аграрной партии на консервативно-либерально-социалистическую трехпартийность, довольно обычную для Европы примерно в начале XX века. Ныне почти подобная ситуация сложилась в скандинавских странах; к ней близки Швейцария и Канада. Почему все-таки крестьянству удалось здесь создать и сохранить самостоятельную политическую партию, тогда как в других странах это оказалось недостижимым? В Скандинавии это можно объяснить историческими традициями. В XIX веке консервативно-либеральное противостояние приняло там форму оппозиции сельской местности городу, ибо в противоположность тому, как это происходило в других странах, деревня оказалась более левой, чем город — показатель еще незрелой социальной структуры, обусловленный очень низким индустриальным развитием (первые революции всегда были Жакериями). Так и случилось, что довольно мощная крестьянская партия противостояла сеньорам и городским буржуа. Однако развитие городской либеральной партии, а затем и социалистической постепенно подталкивало крестьянскую партию к консерватизму, что и сблизило ее с первоначальными противниками: к концу XIX века прежние крестьянские партии обнаруживали тенденцию превращаться в партии чисто консервативного типа — путем либо вытеснения старой правой, либо слияния с ней. Но когда с введением пропорциональной системы сложились благоприятные условия для многопартийности, политическая традиция известной крестьянской автономии еще сохранялась, и это несомненно сыграло свою роль во втором рождении аграрных движений: в Дании, например, был приостановлен упадок консерваторов и левая (*Venstre* — весьма умеренная) смогла сохранить свой чисто крестьянский характер; в Швеции (1911 г.) и Норвегии (1918 г.) сложились новые аграрные партии, гораздо более умеренные, чем в XIX веке. Фактически сельские партии в этих трех странах представляют сегодня правый сектор политического спектра, хотя их социальную базу составляет мелкое и среднее крестьянство: аграрная цивилизация и крестьянский образ жизни по-видимому, стимулируют политический консерватизм. То же самое можно сказать и о швейцарской партии «крестьян и буржуа» (которая, кстати, не является исключительно аграрной). В то же время в Канаде партия «Общественное доверие» имеет более прогрессистскую ориентацию; в Соединенных Штатах фермеры создали довольно сильные на локальном уровне чисто реформистские партии — главным образом еще до протекционистских мер, принятых Рузвельтом в 1933 г. Аналогичный характер имели действовавшие в 1919–1939 гг. в

Центральной Европе аграрные партии, по примеру лейбористских создававшиеся на базе кооперативов и профсоюзов; особенно замечательно они были организованы в Болгарии. Четырехпартийные системы порой вырисовывались в этих государствах наперекор избирательным манипуляциям и фактически диктаторским режимам.

Но никакая классификация уже невозможна там, где насчитывается свыше четырех партий. Сделаем исключение для полипартийности, или тенденции к крайнему множеству партий, которая может объясняться достаточно разнообразными общими причинами. Есть несколько типов этого явления. Можно было бы выделить националистическую или этническую полипартийность, присущую странам, разделенным на несколько исторических или расовых групп: расовые противоречия накладываются здесь на социальные и политические, порождая крайнюю усложненность. «Двадцать пять партий!» — меланхолично констатировал Андраши, министр иностранных дел Австро-Венгрии в канун войны 1914 г. бросая взор на венский парламент, где соперничество консерваторов, либералов, радикалов и социалистов усугублялось конфликтами между австрийцами, венграми, чехами, сербами, хорватами, etc. Точно так же и в Чехословакии насчитывалось в 1938 г. четырнадцать партий, в том числе одна венгерская, одна словацкая, четыре немецких: среди тех, которые, казалось, распространяли свою активность на всю республику в целом, некоторые фактически были ориентированы главным образом на Богемию или Словакию. В немецком Рейхстаге 1871–1914 гг. заседали польская, датская и эльзасская партии; в Англии конца XIX — начала XX века важную роль играла ирландская партия.

С другой стороны, во многих странах следует отметить полипартийную тенденцию правой. Во Франции, например, с начала XX века левая состояла из двух или трех крупных, четко разграниченных партий, но правая всегда распадалась на множество малых групп. В Нидерландах религиозные расхождения также привели по существу к раздробленности и правой, и центра; левая же группировалась вокруг социалистической партии. Иногда полипартийность правой находит свое объяснение в «синистризме»: иные объединения современной правой — не что иное, как прежние левые, оттесненные новыми левыми, которым не удается полностью поглотить старых. Она проистекает также из тенденции консервативных партий к внутреннему делению и дроблению на соперничающие фракции. Ее несомненно следует связать и с глубоко индивидуалистическим характером буржуазии, на что мы уже не раз обращали внимание; и, вероятно также с тем фактом, что наиболее развитый класс — это, естественно, и наиболее дифференцированный класс, что ведет к многообразию политических позиций. Совпадение партии и класса, на котором настаивает марксизм, верно лишь в отношении молодых классов, недостаточно развитых и слабо дифференцированных; всякое движение класса вперед естественно вносит в эту социальную общность разнообразие, а оно имеет тенденцию отражаться и на политическом уровне, в делении партий.

И, наконец, довольно заметная склонность латинских народов к полипартийности объясняется развитым у их граждан индивидуальным началом, вкусом к личной оригинальности, а равно и некоторой анархичностью их психологического склада. Хорошим поводом порассуждать об этом был бы пример итальянских социалистов с их классической склонностью делиться на враждующие группировки. Еще более яркий пример — Испанская республика (среди всех латинских народов испанцы больше всех подвержены анархизму): в Учредительных Кортесах насчитывается 17 партий; в Палате, избранной в 1933 г., их было 20, а в 1936 — 22; почти столько же партий существовало и в Австро-Венгрии. И все же трудно сделать какие-либо обобщения: кайзеровская Германия и Веймарская республика одинаково отличались обилием партий (распад на национальные государства бесспорно усугублял эту дисперсию партий, но все же полипартийность не связана исключительно с националистическими или этическими основаниями; анархические тенденции четко проявлялись и справа, что мы вновь видим сегодня); полипартийность наблюдается в Нидерландах, а в Италии, несмотря на проявления все той же дисперсии, происходит сегодня процесс интеграции общественного мнения в русле двух основных тенденций. Попытки

найти объяснение многопартийности в психологии народов или национальном характере, очевидно, не приведут нас к достаточно определенным выводам.

Многопартийность и голосование в два тура

За многими специфическими факторами, порождающими многопартийность, стоит один общий, который с ними взаимодействует: этот фактор — избирательный режим. Мы уже убедились, что мажоритарная система в один тур ведет к двухпартийности. И наоборот: мажоритарное голосование в два тура и система пропорционального представительства приводят к многопартийности. При этом следствия данных режимов не абсолютно идентичны; что касается режима в два тура выявить их наиболее трудно. Ведь речь идет об архаичной технике, которая сегодня почти не используется. Одна Франция оставалась верна ей до 1945 г., так как последние всеобщие выборы состоялись в 1936 г. Большинство других стран отказались от нее с начала XX века: Бельгия — в 1899 г., Нидерланды — в 1917, Швеция, Германия и Италия — в 1919, Норвегия — в 1921 г. В нашем распоряжении довольно-таки ограниченная выборная статистика, позволяющая исследовать результаты второго тура; кроме того, многие из этих выборов проводились в условиях ограниченного избирательного права (до 1874 г. — в Швейцарии, до 1894 — в Бельгии, до 1898 — в Норвегии, до 1913 — в Италии, до 1917 г. — в Нидерландах). К тому же в те времена зачастую не велось никакой точной избирательной статистики (до введения системы пропорционального представительства нет серьезной статистики в Швейцарии, Швеции, Италии; в Норвегии ее нет до 1906, в Нидерландах — до 1898 г.). С другой стороны, режим мажоритарного голосования в два тура имел немало всевозможных разновидностей: голосование по партийным спискам в Швейцарии, Бельгии и в определенный период в Нидерландах (до 1888 г.) и Норвегии (до 1906 г.); голосование по одномандатным округам в Германии, Италии (за исключением 1882–1891 гг.), большую часть времени его действия во Франции, в Норвегии — с 1906 г. и Нидерландах — с 1888 г.; второй тур, ограниченный двумя кандидатами, набравшими наибольшее число голосов, — в Германии, Бельгии, Нидерландах, Италии; свободный второй тур — во Франции, Норвегии, Швейцарии (после 1883); третий тур, поскольку во втором требовалось абсолютное большинство, — в Швейцарии до 1883 г. Общее воздействие, разумеется, не может быть повсюду одинаковым.

Но при всех этих оговорках тенденция второго тура к порождению многопартийности сомнений не вызывает. Механизм ее достаточно прост: при этой системе различие близких партий не мешает их совместному представительству, потому что во втором туре (при перебаллотировке) они всегда могут перегруппироваться, феномены поляризации и заниженного представительства не играют здесь большой роли или играют ее лишь во втором туре: каждая партия полностью сохраняет свои шансы в первом. Наблюдения фактически подтверждают это умозаключение: почти все страны со вторым туром одинаково относятся к многопартийным. В кайзеровской Германии в 1914 г. насчитывалось 12 партий (11 в 1871–1889 гг., 12–13 в 1890–1893, 13–14 в 1898–1907 гг.), что, кстати, соответствует среднему значению; если мы вычтем из общей цифры три национальные группы — эльзасцев, поляков, датчан, — создание которых не может быть отнесено на счет избирательного режима, остается 9 партий: среди них две больших (Католический центр и социал-демократическая, получавшие по сотне мест каждая), 3 средних (консерваторы, либерал-националисты, прогрессисты — по 45 мест), две малых (от 10 до 20 мест). Перед нами — реальная многопартийность. Во Франции при Третьей республике количество партий всегда было очень велико: в Палате 1936 г. насчитывалось 12 парламентских объединений; иногда эта цифра оказывалась выше. За некоторыми карликовыми группами вообще не стояло никакой настоящей организации; тем не менее в Палате редко заседало меньше 6 партий. В Нидерландах в последние более чем двадцать лет, начиная с 1918 г., насчитывалось 7 партий. В Швейцарии четыре главные партии были представлены в федеральном Парламенте. Наконец, в Италии всегда имела тьма нестабильных и

недолговечных мелких группировок, которым никогда так и не удалось превратиться в настоящие партии.

Тенденция к многопартийности очевидна. Она выступает, очевидно, в двух различных формах. В Швейцарии и Нидерландах речь идет о многопартийности упорядоченной и регулируемой; в Италии — анархичной и неорганизованной; Германия и Франция занимают промежуточное положение. Можно было бы попытаться объяснить это различиями в способах голосования, но результаты будут разочаровывающими. Голосование по партийным спискам явно благоприятствует упорядоченной и ограниченной многопартийности в Швеции и Бельгии, но почему-то не отменяет итальянской анархии в период 1881–1892 гг., когда на Аппенинском полуострове применялась данная система (правда, период слишком краток, чтобы реформа могла принести все свои плоды); в то же время принцип голосования по одномандатным округам действовал в Нидерландах, где упорядоченность была значительно выше, чем в Швейцарии (партий здесь насчитывалось больше, но лучше организованных). Свободный или ограниченный характер второго тура не имел большого значения: если первая разновидность усилила тенденцию к многопартийности во Франции, то она явно оказалась бессильна в Норвегии, где существовало только три партии (плюс четвертая в самом конце периода); второй тур, кстати, был ограниченным и в Италии, и в Германии. Более существенную роль в этом отношении сыграли, быть может, большие или меньшие ограничения избирательных прав: в Нидерландах — закон Ван Гутена (1946 г.), удвоивший численность избирателей, а равно и количество партий, возросшее с 4 до 7; вместе с тем, в то время, когда в Италии анархия достигла своей кульминации, там действовало весьма ограниченное избирательное право. Но Италию, бесспорно, следует полностью исключить из нашего анализа, так как она до 1914 г. отличалась не столько многопартийностью, сколько вообще отсутствием настоящих партий, что совсем не одно и то же. В конечном счете различия в количестве и стабильности партий при системе мажоритарного голосования в два тура, по-видимому, гораздо больше обусловлены специфическими национальными факторами, чем техническими особенностями избирательного режима: не в них причина повсеместной для этой системы тенденции к многопартийности.

Чтобы выявить природу и силу этой тенденции, следовало бы сравнить состояние партий в одной и той же стране при мажоритарной системе с двумя турами и при другом избирательном режиме — пропорционального представительства, допустим, или выборов в один тур. Последнее сопоставление было бы особенно любопытным: можно было бы в натуре увидеть «умножающий» эффект двух туров по сравнению с дуалистической тенденцией единственного тура. К сожалению, нет ни одной страны, где голосование в два и один тур последовательно сменили бы друг друга.

Единственный пример, на который о этом смысле можно сослаться, — некоторые американские первичные выборы. Мы видели, что в Техасе введение второго тура привело к умножению кандидатов и группировок внутри демократической партии (табл. 25). На пяти первичных выборах с единственным туром (1908–1916) там было четыре номинации с двумя кандидатами и одна — с тремя; на пятнадцати первичных выборах в два тура (1918–1948) насчитывается только четыре номинации с двумя кандидатами против четырех с тремя, трех — с четырьмя, двух — с пятью и по одной с шестью и семью кандидатами (не считая еще тех чудаков, которым не удалось собрать и пяти процентов от всех поданных голосов). То же самое наблюдалось и во Флориде. В Джорджии и Алабаме, напротив, почти не было разницы в количестве группировок до и после run-off-primary, то есть второго тура: данное исключение в действии умножающей тенденции второго тура, очевидно, объясняется тем фактом, что в этих двух штатах в изучаемый период существовала очень влиятельная группировка, которая вполне могла добиться большинства уже на первых предварительных выборах, что и побудило ее противников сразу же объединиться.

Если анализ голосования в один тур сопряжен с известными трудностями, то с системой пропорционального представительства дело обстоит совершенно иначе: она фактически повсюду сменила голосование в два тура. Но и тот, и другой режим ведут к

многопартийности, поэтому сравнение в данном случае гораздо менее интересно. Оно позволяет лишь уточнить степень воздействия каждой из систем. В веймарской Германии в 1920–1932 гг. среднее число партий, представленных в Рейхстаге, было чуть больше 12, что близко к кайзеровской Германии; но после 1919 г. исчезли три националистические партии, — стало быть, можно отметить рост на 33 %. В Швейцарии пропорциональная система привела к возникновению партии крестьян и буржуа. В Норвегии ее «умножающее» воздействие неожиданно высветили аграрии (появившиеся на последних мажоритарных выборах). В Нидерландах и при режиме пропорционального представительства, и при системе двух туров насчитывалось 7 партий: при этом одна из них — коммунистическая, а либералы-консерваторы и либеральный союз в 1922 г. слились, так что речь идет скорее об уменьшении прежнего количества. Во Франции пропорциональная система явно сократила количество партий в 1945 г., но тем не менее в Национальном Собрании 1946 г. насчитывалось 15 фракций (против 12 в Палате депутатов, избранной в 1936 г.); правда, сюда входят и депутатские группы заморских территорий, чего не было в 1936 г. Система действительно пока еще слишком недолго действует после перерыва, чтобы ее результаты могли дать себя почувствовать: ведь и Рейхстаг 1919 г. насчитывал только 5 партий, что тоже могло заставить уверовать в «эффект сжатия», присущий пропорциональному представительству; но в 1920 г. их оказалось 10, в 1924 — 12, а в 1928 — 14. В конечном счете результаты воздействия второго тура и пропорциональной системы на число партий почти сходны; дело скорее в изменении внутренней структуры партий — в том смысле, что жесткие связи уступили место более мягким, имеющим личностный характер, как мы это видели во Франции 1936–1945 гг., в Италии 1913–1920 гг. Может быть, мажоритарное голосование в два тура обладает несколько меньшей способностью умножать количество партий, чем система пропорционального представительства, и легкость увеличения их числа с помощью последней кажется причиной, провоцирующей ее использование. Но она развязывает индивидуализм, так что в партиях становится все больше внутренних расхождений.

Единственное настоящее исключение в действии тенденции к многопартийности в результате второго тура — это Бельгия. До 1894 г., как известно, для нее была характерна классическая двухпартийность, и возникновение в это время социализма тотчас вызвало процесс вытеснения либеральной партии, приостановленный введением пропорциональной системы; тем не менее второй тур там существовал. Разумеется, речь шла о голосовании по партийным спискам и ограниченном втором туре, в отличие от системы, принятой во Франции: во втором туре должны оставаться только кандидаты, собравшие наибольшее число голосов, в количестве, вдвое превышающем квоту выделенных парламентских мест. Но эта особенность, как представляется, не имеет значения для интересующей нас проблемы: и в Нидерландах, и в Италии второй тур тоже имел ограничения, однако тенденции к двухпартийности здесь не обнаруживаются; в Швейцарии голосование по партийным спискам породило пять партий, не проявив ощутимой дуалистической тенденции. В Бельгии второй тур хотя и предусматривался избирательным законом, но практически почти никогда не проводился, поскольку уже в первом туре соревновались только две партии. Этот случай хорошо подчеркивает взаимозависимость политических явлений: если избирательная система влияет на организацию партий, то и последняя обратно воздействует на избирательную систему. Именно таким образом в Бельгии двухпартийная система исключала проведение второго тура. Однако тогда проблемы просто обменялись местами: в таком случае нам предстоит выяснить, почему же потенциальное наличие второго тура не вызвало здесь расколов крупных традиционных партий? Два фактора, очевидно, сыграли в этом смысле детерминирующую роль: внутренняя структура самих партий и особенности политической борьбы в Бельгии. Любого исследователя поражает оригинальный характер бельгийских политических партий второй половины XIX века: все подчеркивают их сплоченность и дисциплину, а также сложную иерархическую сеть комитетов, которая обеспечивала их действие на территории всей страны. Ни одна европейская страна не

обладала в то время столь совершенной системой партий, даже Англия и Германия. Сильная внутренняя инфраструктура позволяла бельгийским партиям успешно противостоять диссоциирующей тенденции второго тура, предотвращая расколы, которые в противном случае могли бы стать непрерывными. Это обстоятельство побуждало избирателей препятствовать появлению новых партий, которые легко могли бы, что называется, загнать в угол соперничающую «машину», тем более что голосование по партийным спискам практически исключало участие независимых кандидатов. Таким образом законодательные положения, предусматривающие второй тур, оказывались нейтрализованными организационной мощью партий в сочетании со сложившимся их дуализмом; но сам этот дуализм был следствием характера политической борьбы в Бельгии того времени. Противостояние католической и либеральной партий было целиком и полностью связано с религиозным вопросом и школьной проблемой, при этом оно развертывалось в условиях ограниченного избирательного права, препятствовавшего развитию социалистического движения. Влияние церкви, создавшей католическую партию, надежно поддерживало ее единство и предохраняло от расколов, и перед лицом столь мощного тандема любые разногласия в стане либералов обернулись бы их ослаблением. Единство католической партии цементировалось давлением религиозного и школьного вопроса и централизующим воздействием духовенства; но образовавшийся таким путем союз занимал в стране такое положение, что был в состоянии иметь абсолютное большинство в Палате, и он им действительно обладал с 1870 по 1878 и с 1884 по 1914 г. Все это было весьма опасно для либералов в случае их раскола. Но именно эту ошибку они и совершили в 1870 г., после 13 лет пребывания у власти: разделившись на старо-либералов (фундаменталистов), младо-либералов (прогрессистов) и радикалов, они потеряли власть. Они приложили самые серьезные усилия, чтобы реорганизоваться и воссоединиться, что вернуло им статус правящей партии в 1878 г., после создания Федерации либералов (1875). Но, вновь расколовшись — теперь уже по вопросу о голосовании, они опять его потеряли и уже не смогли вернуть до введения всеобщего избирательного права. Фактически либеральная партия Бельгии всегда была коалицией разномастных течений, по-настоящему объединявшихся лишь в избирательных целях ввиду силы своего противника, но очень быстро распадавшихся, стоило ей оказаться у власти. Различные фракции либералов никогда не доходили до полного разрыва — их предохраняло от этого могущество соперника в лице католической партии: механизм, почти идентичный тому, который, несмотря на введение *gun-off-primary*, препятствовал возникновению фракций у демократов Джорджии и Алабамы благодаря господствующему положению Эжена Тэлмэджа и Боба Грэйвза. На протяжении всего XIX века сквозь политическое развитие Бельгии красной нитью проходит сдерживающее влияние католической угрозы либералам, что и сковывало свойственную системе мажоритарных выборов в два тура тенденцию к многопартийности.

Многопартийность и система пропорционального представительства

Вопрос о том, обладает ли система пропорционального представительства тенденцией к умножению партий, выступал предметом многочисленных научных дискуссий. Общепринятый в расхожих представлениях утвердительный ответ на этот вопрос убедительно критиковался некоторыми исследователями, например Тингстэном⁷. Действительно, если рассматривать, допустим, французские партии до 1939 г. (мажоритарный режим в два тура) и после 1945 г. (пропорциональное представительство), то невозможно констатировать рост их количества. Следует даже отметить некоторое сокращение в 1945–1946 гг.; но с тех пор по-иному перегруппировалась правая, снова обрела свое значение радикальная партия, возникла РПФ, и восстановилась почти прежняя ситуация. Без сомнения, еще более убедителен пример Бельгии: после пятидесяти лет функционирования пропорциональной системы мы не обнаружим там никакой трехпартийности, разве что присутствие компартии, весьма, впрочем, слабой.

Эта борьба мнений, по-видимому, связана со смешением технического понятия многопартийности, как оно определено в данной работе (режим, имеющий более двух партий), и обыденного представления о ней, предполагающего рост количества партий сразу же после пропорционалистской реформы. Возможно, где-то такого немедленного роста не происходит, что и дает основание критике Тингстэна. И все же установлено, что пропорциональная система обычно совпадает с многопартийностью: еще ни в одной стране мира она не породила двухпартийного режима и не способствовала его поддержанию. Конечно, поляризация на базе двух партий сегодня действительно вырисовывается в Германии и Италии: христианским демократам и социалистам с коммунистами (которых можно рассматривать как одно целое, поскольку первые слепо подчиняются вторым) в итальянской Палате принадлежит 488 мест из 574, а социал-демократам и ХДС в Бундестаге — 270 из 371. И тем не менее в Германии насчитывается 6, а в Италии — 8 партий, и число их имеет скорее тенденцию к росту, нежели к сокращению. Тяга к двухпартийности фактически присутствует в немецком общественном мнении, и она зародилась еще в последние годы кайзеровской империи (с ростом социал-демократии), утвердилась в первые годы Веймарской республики и вновь возродилась сегодня в Боннской республике; но пропорциональная система яростно сопротивляется переходу этих настроений на политический уровень, препятствуя всякой поляризации вокруг христианских демократов или социалистов. Как бы то ни было, Германия и Италия — многопартийные страны, как и все прочие, где принята система пропорционального представительства. По 4–5 партий насчитывается в Ирландии, Швеции и Норвегии; от 6 до 10 — в Нидерландах, Дании, Швейцарии, Франции, точно так же, как в Западной Германии и Италии; и, наконец, более 10 — и веймарской Германии, Чехословакии (до Мюнхена), республиканской Испании. И это еще без учета карликовых партий, которым на отдельных выборах удается получить одно-два места. Одна лишь Бельгия насчитывает 4 партии и имеет тенденцию с ослаблением компартии вернуться к трем: но при всех обстоятельствах речь идет о многопартийности.

Последний пример заслуживает того, чтобы рассмотреть его подробнее, ибо он позволяет наглядно убедиться, что пропорциональная система сопротивляется всякому движению к двухпартийности, которое может проявиться в момент ее введения. Здесь следует вновь обратиться к сравнению Бельгии и Англии — и та, и другая жили в условиях дуализма, разрушенного в начале XX века появлением социалистических партий. Через пятьдесят лет Англия, сохранившая мажоритарное голосование, вернулась к дуализму, тогда как в Бельгии установившаяся в 1900 г. трехпартийность была закреплена с помощью пропорционального представительства. В этом отношении большой интерес представляет анализ избирательных кампаний в период 1890–1914 гг. (табл. 29). В 1890 г. ограниченное избирательное право еще не позволило социалистам добиться представительства в парламенте: двухпартийность по-прежнему сохранялась. В 1894 г. введение всеобщего избирательного права принесло социалистам 28 мест, в то время как у либеральной партии их стало 21 вместо 60 (хотя она имела вдвое больше избирателей, чем социалисты; но принцип заниженного представительства работал против нее). Выборы 1898 г. нанесли либералам новый удар: они получили лишь 13 мест: на этот раз действие прежних факторов было дополнено еще и поляризацией, — многие из тех, кто раньше голосовал за либералов, отдали свои голоса католикам. Процесс вытеснения либеральной партии весьма заметно ускорился: законно предположить, что для его завершения достаточно было бы двух или трех выборов. Но в 1900 г. принимается система пропорционального представительства; это было как раз кстати: католики хотели приостановить упадок партии либералов, чтобы не оставаться один на один с социалистами. Количество мест в парламенте у либералов сразу же вновь поднялось до 33. После выборов 1902–1904 гг. оно возросло до 42 (вероятно, за счет «деполяризации»: прежние избиратели либералов, покинувшие их после 1894 г. ради католиков, вернулись к своим прежним привязанностям, сразу раскусив суть пропорционального представительства), чтобы в конечном счете стабилизироваться в пределах 44–45 мест. «Спасение» бельгийской партии либералов с помощью системы

пропорционального представительства можно сравнить с аналогичной историей датской правый. Показательно, что процесс вытеснения затронул ее уже на последних мажоритарных выборах (13 мест и 1910, 7 — в 1913 г., несмотря на отчаянные попытки выдвинуть как можно больше кандидатов). В 1918 г. введение смешанной системы (корректирующей результаты мажоритарного голосования с помощью дополнительных мест, распределяемых по принципу пропорционального представительства) подняло это число до 16; в 1920 г. именно пропорциональная система дала правый 28 мест и стабилизировала ее на этом уровне вплоть до 1947 г.

Отметим, что это спасение происходило в два этапа. На первых выборах по системе пропорционального представительства рост достигался главным образом за счет механических факторов — отсутствия заниженного представительства и увеличения количества кандидатов; но к ним присоединился фактор психологический, выразившийся в деполаризации. Все эти явления прямо противоположны тем, которые порождают двухпартийность при мажоритарной системе. Покуда последняя используется, партия, занимающая третью или четвертую позицию, получает заниженное представительство по сравнению с двумя первыми: процент ее мест ниже процента полученных ею голосов, и этот разрыв всегда больше, чем у ее соперников. Пропорциональная система по самому своему определению отменяет этот разрыв для всех, но та партия, что раньше была в наиболее неблагоприятном положении, получает от реформы наибольшую выгоду. Кроме того, в условиях вытеснения посредством мажоритарной системы она вынуждена была свертывать свою активность в некоторых округах и не выставлять кандидатов в тех из них, где не было никакой надежды на победу; пропорциональная система возвращает ей шансы повсюду, в зависимости, правда, оттого, насколько в полном виде эта система принята; партия начинает возвращать голоса, которые не могли быть за нее поданы просто по причине отсутствия ее кандидатов в том или ином округе. Эти два следствия носят чисто механический характер; один полностью проявляется на первых же выборах; результативность второго не всегда раскрывается немедленно и полностью, особенно если партия, воскрешенная пропорциональной системой, действительно, как говорят, дышит на ладан и потому не в силах сразу же выставить кандидатов повсюду, где это снова становится возможным. Но ко вторым выборам она восстанавливает прежние позиции, а на последующих вновь обретает тех избирателей, которые ушли от нее при мажоритарном режиме, чтобы не дать своим голосам пропасть впустую и не играть на руку сопернику: при пропорциональной системе в один тур, где ни один голос не теряется (по крайней мере — в теории), поляризация не имеет больше смысла; отсюда обратный процесс — деполаризация.

Первый результат пропорциональной системы — это, следовательно, приостановка всякого движения к двухпартийности: ее можно рассматривать как мощный тормоз в этом отношении. Ничто не побуждает здесь родственные партии к слиянию, ибо их самостоятельное выступление на выборах не наносит им никакого урона, а если и наносит — то самый минимальный. Ничто не мешает внутривнутрипартийным расколам, так как общее представительство двух отдельных фракций не будет механически сокращено вследствие особенностей голосования; это может произойти по психологическим мотивам — из-за замешательства, которое такая партия сеет среди избирателей, но порядок голосования не играет в данном случае никакой роли. Единственное ограничение глубокой тенденции к сохранению имеющейся многопартийности связано с коллективным характером пропорциональной системы: она требует организации, дисциплины, развитой партийной инфраструктуры. Пропорциональная система, стало быть, противостоит индивидуалистическим и анархическим тенденциям, которые порой порождает голосование в два тура, и ведет к известной интеграции малых и нестабильных групп, возникающих в результате ее действия. Очевидно, что в Италии, например, введение пропорциональной системы сократило количество партий в 1919 г. за счет консолидации социалистов и, что особенно важно, создания партии христианских демократов. Эффект сокращения ощутим главным образом справа и в центре, для которых анархия наиболее характерна.

Пропорциональная система сыграла известную роль в сплочении средних и «буржуазных» классов вокруг католических партий — так было во Франции в 1945 г., в Италии в 1920 и 1945 г., а равно и в консолидации их вокруг партий фашистских — в Италии и особенно в Германии. В этом смысле пропорционалистский порядок иногда умеряет многопартийность, но никогда не устраняет ее полностью и никогда не приводит к двухпартийности.

И совсем другое дело — проблема возрастания количества уже существующих партий в условиях пропорциональной системы. Ограничивается ли ее роль всего лишь поддержанием установившейся многопартийности в границах, которые уже определились, или она заставляет ее эволюционировать в сторону полипартийности? Вопрос деликатный: если присущий пропорциональной системе «эффект умножения» в принципе неоспорим, то, по-видимому, он все-таки не имеет того масштаба, который нередко ему приписывают; он главным образом действует по нескольким четко определенным направлениям. Наиболее интересные наблюдения относительно того, присущ ли в принципе системе пропорционального представительства «эффект умножения», могут быть сделаны в современной Германии, где во многих землях принят избирательный порядок, при котором мажоритарное голосование в один тур комбинируется с пропорциональным представительством. Часть депутатов (3/4 в земле Северный Рейн-Вестфалия, 2/3 — в Шлезвиг-Голштинии и Гамбурге, 3/5 — в Гессе, половина в Баварии, etc.) избирается простым мажоритарным голосованием в один тур, остальные — по пропорциональной системе: либо по дополнительным спискам, либо путем достаточно сложного повторного голосования. Эта система подсказана, кстати, порядком выборов в Бундестаг Федеральной Республики, где 242 депутата были избраны мажоритарным голосованием в один тур, а 160 — по спискам, представленным партиями, чтобы таким способом скорректировать результаты прямого голосования в духе пропорциональной системы. Соответственно тому, насколько избирательная статистика позволяет различить итоги мажоритарного голосования и результаты последующего пропорционального распределения, можно измерить «умножающее» влияние последнего. В то же время не будем забывать, что в целом голосование разворачивается в пропорционалистских рамках и это психологически влияет на избирателей: главное, они знают, что голоса, отданные ими кандидатам, которые могут оказаться на третьем или четвертом месте, не будут потеряны, как это происходит при простом мажоритарном голосовании — ведь дополнительное распределение как раз и имеет целью их учесть. Следовательно, механизмы поляризации здесь не действуют или почти не действуют. В результате свойственный мажоритарному голосованию «эффект сжатия» оказывается сглаженным, точно так же, как и присущий по сравнению с ним пропорциональной системе «эффект умножения». Но последний тем не менее остается ощутимым.

В Федеральном Собрании избранные округа представляют только 5 партий; по результатам пропорционального распределения в Бундестаге к ним добавляется сверх того еще 4 партии (от коммунистов до крайне правых). На выборах в Ландтаг земли Шлезвиг в 1950 г. избирательный блок, созданный христианскими демократами, ФДП (немецкие либералы) и ДП (немецкая консервативная партия) получил 31 место за счет мажоритарного голосования — против 8, полученных социал-демократами, 5 — Союзом изгнанных и перемещенных, 2 — партией Южного Шлезвига (датчане); по результатам пропорционального распределения правящая партия сохранила свое прежнее 31 место, социал-демократы, наоборот, довели счет до 19, Союз изгнанных — до 15 и Южный Шлезвиг — до 4. Если само число партий и не выросло, то увеличение количества малых групп имело именно такой смысл. Аналогичны результаты выборов в земле Гессе: социал-демократы добились 36 мест за счет мажоритарного голосования, либералы — 8, христианские демократы — 4; эти цифры увеличились после коррекции с помощью пропорциональной системы соответственно до 47, 21 и 12. В Баварии «эффект умножения» выступает еще ярче распределение мажоритарных мандатов дает 46 мест партии баварских христиан (ХСС), 38 — социал-демократам, 16 — баварской партии и 1 — либералам; итак,

практически представлены только 3 партии. Но после суммирования мандатов, полученных по пропорциональной системе, партия баварских христиан имеет 64 места, социалисты — 63, Баварская партия — 39, либералы — 12, блок, созданный «изгнанными» и «немецкой общиной», — 26, так что в итоге в ландтаге заседает 5 партий. Подобные же результаты дали выборы в парламент Гамбурга 10 октября 1949 г.: 72 избранных путем плюрального вотума (то есть мажоритарного голосования) в два тура принадлежат только к двум партиям: это социал-демократы (50) и коалиция либералов и христианских демократов, выставляющих единых кандидатов (22); после распределения мест с учетом результатов пропорционального голосования в собрание вошли еще 3 партии: Немецкая консервативная (9), коммунисты (5), радикалы (1).

«Умножающий эффект» системы пропорционального представительства кажется неоспоримым. Но он, как правило, носит ограниченный характер: необходимо еще учитывать, вводится ли пропорциональная система после голосования в два тура, которое и само по себе порождает многопартийность, или она сменяет систему голосования в один тур, имеющую тенденцию к двухпартийности. В первом варианте эффект умножения, естественно, представлен меньше, чем во втором. Мы уже ранее имели случай убедиться, что, когда голосование в два тура уступает место пропорциональной системе, возрастание количества партий не столь уж ощутимо: не было какого-то заметного их увеличения в Нидерландах и во Франции: небольшой рост наблюдался в Швейцарии и Норвегии, и более ощутимый — в Германии. Такой незначительный рост после нескольких лет функционирования пропорциональной системы может объясняться различными факторами: так, появление коммунистических партий в 1920 г. не было следствием избирательного режима, хотя он этому и благоприятствовал. Если голосование в один тур уступает место пропорциональной системе, эффект умножения оказывается более четко выраженным, однако его трудно зафиксировать, поскольку наблюдения в данном случае весьма лимитированы объективными обстоятельствами; и только в двух странах голосование в несколько туров сменилось пропорциональной системой — в Швеции и Дании. Швеция перешла от 3 партий в 1908 г. к 5 — сегодня; в Дании их число выросло с 4 в 1918 г. до 7: рост довольно умеренный. Однако война 1940 г. сократила количество партий в большинстве стран, так что сопоставление оказывается некорректным: по отношению к довоенному периоду рост выглядел бы более заметно. К тому же вышеприведенные цифры не учитывают всех недолговечных, сменяющих друг друга малых партий, а их-то, как мы это сейчас увидим, как раз и плодит пропорциональная система.

Чтобы выявить механизм свойственного пропорциональной системе эффекта умножения, будем различать партии, возникающие путем деления старых, и действительно новые. Первое явление присуще не только пропорциональному режиму: расколы и деления нередки и при мажоритарной системе; немало их испытала, например, английская либеральная партия и до, и после появления лейбористов. Но тогда они носили характер преходящий и ограниченный: две фракции либо воссоединялись по прошествии некоторого времени, либо одна из них присоединялась к сопернице (так, либерал-националисты практически слились с консервативной партией). В условиях же пропорционального режима расколы имеют тенденцию приобретать затяжной характер, потому что выборы мешают враждующим фракциям сокрушить друг друга. Установление пропорциональной системы нередко совпадало с внутренними расколами в старых партиях или публичным признанием уже совершившихся (старая партия распадается на две новые, и обе продолжают выступать от ее имени) или замаскированных расколов (партия, которая афиширует себя в качестве новой, учреждается частью руководителей и кадров старой партии, тоже продолжающей существовать). Именно таким образом система пропорционального представительства в 1919 г. породила в Швейцарии партию крестьян и буржуа, практически возникшую из раскола радикалов. В Швеции понадобилось несколько лет (1911–1920), чтобы точно таким же путем создалась аграрная партия, фактически появившаяся на свет благодаря расколу консерваторов, тогда как партия либералов в 1924 г. распалась на две ветви

(воссоединившись в 1936 г. скорее по причине почти полного исчезновения одной из них, нежели подлинного слияния). В Норвегии пропорциональная система сразу спровоцировала раскол социалистов на правых и левых (они объединились только в 1927 г.) и тогда же — два раскола в ущерб либеральной левой путем отпочкования радикал-демократов, которые добьются двух мест, и внезапного роста небольшой аграрной партии, получившей на очередных выборах 118.657 голосов против прежних 36.493 и соответственно 17 мест против 3 (она организовалась накануне предыдущих выборов и была тогда очень слаба).

И тем не менее данный эффект пропорциональной системы весьма ограничен; в целом она почти не затрагивает инфраструктуру партий, уже существующих к моменту ее принятия. Она вовсе не обладает той атомизирующей способностью, которую иногда ей приписывают: расколы по большей части происходят путем деления одной крупной партии на две другие, сохраняющие затем свои позиции на последующих выборах. Тенденция к умножению проявляется не столько в делении старых партий, сколько в создании новых. И нужно ли уточнять, что речь идет в основном о партиях небольших? Пренебрегая этим обстоятельством, некоторые не признают умножающего эффекта пропорциональной системы, и внешне такой взгляд кажется соответствующим истине. Но большинство эффективно действующих пропорционалистских режимов принимали специальные меры предосторожности, чтобы избежать появления карликовых партий, выступающих естественным продуктом этой системы: известен, например, метод Хондта или метод наивысшей средней, которые действуют во многих пропорционалистских государствах и ставят малые партии и невыгодные условия, компенсируя тем самым последствия пропорциональной системы. То же самое можно сказать и о голландской системе, которая отсекает от распределения оставшихся мест те партийные списки, которые не получили по крайней мере избирательной квоты. По существу, система пропорционального представительства нигде не принята в чистом виде — не столько по причине технических трудностей ее использования (они относительно легко преодолимы), сколько в силу ее политических последствий и в особенности в той или иной степени свойственной ей тенденции множить нестабильные карликовые группы.

И все-таки эта глубокая тенденция обычно преодолевает те барьеры, которые перед ней воздвигают. Ограничимся здесь некоторыми наиболее типичными примерами. В Норвегии на первых же пропорциональных выборах 1921 г. возникли две новые партии — радикал-демократы (2 места) и правые социалисты (8 мест); в 1924 г. к ним добавляется третья — коммунистическая (6 мест); в 1927 — четвертая, либеральная (2 места); в 1933 — пятая, социальная (1 место) и шестая — христианские демократы (также 1 место); другие скандинавские страны эволюционировали в аналогичном направлении. То же явление еще более ощутимо в Нидерландах: на первых пропорциональных выборах 1918 г. 10 партий получают по одному месту (экономический союз, независимая социалистическая партия, коммунисты, нейтралы, социал-христиане, христианские демократы, христианские социалисты, Лига национальной обороны, сельская партия, партия средних классов). Перед лицом этого угрожающего изобилия в избирательный закон было введено положение об исключении из распределения оставшихся мест любого партийного списка, не получившего 75 % числа голосов, необходимых для избрания депутатов. Несмотря на это 4 малые партии не сошли с дистанции и после выборов 1922 г.: 3 прежних и 1 новая — (протестанты-кальвинисты); две другие возникают в 1925 г. (протестантские политики и католики-диссиденты); еще одна — в 1929 (независимые); две другие — в 1933 (социал-революционеры и фашисты), а кроме того восстала из пепла одна из партий 1918 г., исчезнувшая было после введения 75-процентного барьера (христианские демократы). Пришлось еще раз изменить избирательный закон, установив новые препятствия на пути указанной тенденции системы пропорционального представительства в отношении малых партий: поднята квота, необходимая для участия в распределении мест, и установлен залог. И все же 4 малые партии были представлены еще и в парламенте 1937 г. и среди них одна новая — партия национал-социалистов; таким образом число карликовых групп, порожденных

пропорциональной системой за 1918–1939 гг., достигло 17 (табл. 30). Заметим к тому же, что речь идет не о тех чисто локальных партиях, чье появление объясняется личными амбициями того или иного кандидата: как показал Ф.С.А.Гуарт в своей статье в Энциклопедии социальных наук, принятая в Нидерландах пропорциональная система, которая практически делает из страны один избирательный округ, породила даже не локальные, а национальные малые партии. Парламент Ля Хей, например, накануне введения пропорциональной системы включал 7 партий: в 1918–1939 гг. там всегда их насчитывалось не меньше 10, а иногда это число достигало 17. Лишь война 1940 г. восстановила показатель 1913 г., но за 1946–1948 гг. число партий снова увеличилось с 7 до 8. Да и эти цифры не вполне соответствуют реальности: следовало бы дополнить их списком всех партий, которые выставляли своих кандидатов на выборы. В Нидерландах число их от выборов до выборов (1929–1933) доходило от 36 до 54. В Швейцарии в 1919–1939 гг. 67 партий представляли свои списки в различных кантонах, и 26 из них в тот или иной момент добивались представительства в Национальном совете.

Но размножением малых партий дело обычно не ограничивается. Пропорциональная система необыкновенно чувствительна к резким и бурным колебаниям общественного мнения. Она способствует тому, что те мощные его порывы, которые подчас, подобно морским приливам, вздымают целые народы, как бы материализуются в форме политических партии, а те в свою очередь могут про длить вызвавшие их к жизни социальные страсти и тем самым помешать «отливу» общественного мнения. Этот феномен приобретает тем большее значение, что действие его усиливается концентрацией вокруг таких новых движений различных малых групп правой и центристской ориентации, носящих личностный характер. Именно таким образом пропорциональная система, очевидно, и благоприятствует развитию фашизма. Эрман скорее всего преувеличивал ее роль в отношении национал-социализма: избирательную систему нельзя в данном случае рассматривать в качестве решающего фактора. Но еще большей ошибкой было бы отрицание ее роли: стоит отметить, что все страны, где фашистским течениям удалось пре образоваться в представленные в парламентах партии, — это страны, принявшие пропорциональную избирательную систему. Мы еще вернемся к этому в связи с проблемой стабильности партий, колебаний их численности и отражения ими новых движений общественного мнения.

III. Однопартийность

Однопартийность принято рассматривать как большую политическую инновацию XX века. На самом деле диктатура стара, как мир; нова лишь диктаторская система, опирающаяся на единственную партию, — такая, какую мы видели в Германии и Италии, или та, что и сегодня функционирует в СССР и странах народной демократии. Но, быть может, не меньшее различие существует между демократиями XIX века, покоившимися на персональном представительстве и независимости депутатов, и современной демократией, которая базируется на совершенно изменившемся взаимодействии избирателей и избранных. Подлинная инновация заключается в существовании организованных партий: однопартийный режим — это не что иное, как приспособление для нужд диктатуры всей той технологии власти, которая сложилась в рамках демократии. Великая инновация XX века — не единственная партия, а просто партия.

Единственные партии и партии демократических режимов различаются отнюдь не по своей базовой структуре: между русской и французской коммунистическими партиями больше сходства, чем между французскими коммунистами и французскими же радикалами. В Соединенных Штатах нет непроходимой пропасти между демократами Юга (единственной партией) и демократами Севера (плюралистической партией): первые гораздо более близки ко вторым, нежели к партии немецких национал-социалистов или итальянских фашистов. Поставить знак равенства между тоталитарной и единственной партией или партией-орденом значило бы исказить факты: есть партии единственные, но не тоталитарные; точно так же в

рамках плюралистических режимов можно встретить тоталитарные партии. Сказать, что последние копируют структуру единственных партий, поскольку желают в точности на них походить и устранить своих соперников, и что, следовательно, они потенциально тоже представляют из себя единственные партии, не соответствовало бы истине. Исторически большинство крупных единственных партий были сначала оппозиционными партиями, функционирующими в плюралистических режимах; иные из них вообще не имели заведомого намерения однажды очутиться в прекрасном одиночестве (Италия, Россия); их структура не изменилась коренным образом после взятия власти и монополизации ее: их тоталитарный характер, строй ордена, автократическая централизованная инфраструктура сложились в рамках демократической системы. Единственные партии сначала заимствовали или сохраняли структуры, сложившиеся в плюралистическом режиме: демарш в противоположном направлении начался только потом. Верно, что тоталитарный характер партии побуждает ее устранить плюрализм, если это ей по силам. Но тенденция к единовластию выступает не причиной, а скорее следствием ее тоталитарной природы. Партия стремится стать единственной потому, что ее структура тоталитарна, а не наоборот — принимает тоталитарную структуру, потому что хочет достигнуть единовластия; таким по крайней мере представляется исходный пункт ее эволюции. Нет непроходимой пропасти между внутренней организацией плюралистических партий и партий единственных: одна вытекает из другой, и часто они оказываются довольно близки друг другу.

В качестве «партийной системы» однопартийность резко отличается от плюрализма, и ее специальный анализ совершенно необходим. К тому же данная система не столь уж однородна, как это обычно полагают. Существует не однопартийный режим, но однопартийные режимы. Хотелось бы в дальнейшем аргументирование доказать это различие, поскольку представляется, что именно оно способно высветить подлинную природу однопартийности, ее автократический характер.

Основные черты однопартийности

Теории однопартийности предшествовала практика. Случалось даже, что до теории вообще дело так и не доходило: просто в некоторых государствах фактически устанавливался однопартийный режим, без какого бы то ни было включения его в доктрину власти, как это произошло, например, в Турции и Португалии. Даже в СССР монополия коммунистической партии на власть была освящена лишь Конституцией 1936 г. В статье 126: «Наиболее активные граждане и наиболее сознательные представители рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в Коммунистическую партию СССР, которая выступает авангардом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и является руководящим ядром как всех организаций трудящихся, так и органов государства». Оправдание однопартийности необходимостью уничтожения классов появилось гораздо позже. Окончательно теория однопартийности была выкована в Италии и Германии. К этому следует добавить, что каждая из партий создала свою собственную теорию однопартийности: теории фашистской партии в Италии и национал-социалистической — в Германии довольно существенным образом отличаются друг от друга. Первый опыт анализа однопартийности как института датируется 1936 г.⁸

Образы однопартийности, которые рисуют ее сторонники и ее противники, не совсем тождественны. Вторые в принципе принимают общую схему, предлагаемую первыми, но по многим пунктам существенно корректируют их интерпретацию. Апологеты системы признают за ней двойственную роль: единственная партия выступает у них в качестве элиты и одновременно выполняет функцию связи. Эра масс повлекла за собой упадок традиционных социальных элит: единственная партия ставит себе цель выковать новые элиты, создать новый правящий класс, объединить и сформировать политических вождей, способных организовать страну, ибо сами массы управлять не могут. Партия — с ее молодежными организациями с их сложной иерархией и целым рядом испытаний, которые ее

члены проходят в самой партии, с ее механизмами контролируемого вступления лишь после стадии шефства и испытательного срока — представляет собой своеобразную сеть, которая через свои ячейки «отцеживает» элементы будущей элиты. Одновременно она просвещает их и делает способными выполнить свое предназначение; она систематически организует, структурирует и иерархизирует их. Поскольку новый правящий класс в отличие от старого, где царил индивидуализм, организован, то он образует свою особую общность в недрах народной общности, для которой служит примером и руководителем. Элита, таким способом отобранная и подготовленная партией, может благодаря ей выполнить свою руководящую роль. Основные политические, административные и экономические руководители подбираются в партии, но и сама партия как таковая постоянно контролирует все государственные органы. Ее функция — не столько управлять, сколько обеспечивать динамизм управления и выверять его курс. А следовательно, представители партии присутствуют повсюду: от министерских советов — до самых нижестоящих местных или узкоспециальных комитетов, от административных учреждений — до профсоюзов, кооперативов, культурных обществ, etc., если только сама партия или ее вспомогательные организации попросту не присваивают исполнение некоторых функций непосредственно себе.

С другой стороны, партия устанавливает прямой и постоянный контакт между правительством и страной. Главная проблема всех авторитарных режимов обычно заключается в изолированности вождей от масс: в демократических обществах выборы позволяют руководителям узнавать их мнение и периодически выверять свою позицию по отношению к ним; диктатура лишена этого политического компаса. Здесь руководители рискуют все больше и больше оторваться от народа, полностью потерять связь с ним, тем более что они окружены подчиненными, которые из лести вводят их в заблуждение и обманывают, лишь бы быть в милости. А одних полицейских донесений недостаточно, чтобы преодолеть тот железный занавес, который отделяет правителей от управляемых. Единственная же партия, напротив, исключает изоляцию с помощью тысяч своих ячеек и отделений, рассеянных по всей стране, во всех слоях населения и в любой социальной среде. Правительство постоянно «прислушивается к массам», оно может знать мнение народа на свой счет, его колебания и изменения. Становится возможным строить линию своего поведения на базе общественного мнения, а равно моделировать и само общественное мнение, поскольку контакт устанавливается не только по восходящей линии: «народ — руководители», но и по нисходящей: «руководители — народ». Подобно тем радиостанциям, которые обеспечивают одновременно и прием, и передачу сообщений, единственная партия заставляет вождей слышать голос страны, а страну — голос вождей. Сама пирамидальность инфраструктуры позволяет «верхам» знать реакции «низов» во всем их многообразии, а «низам» обеспечивает получение директив «сверху» с комментариями, скорректированными применительно к каждой социальной среде. Партия доносит до правительства мнение народа; она делает решения правительства понятными народу. Правоверные, составляющие партию, «подогревают» индифферентных — тех, кто остается вне партийной общности. Деятельность первых оказывается тем более эффективной, что сами они как индивиды остаются в лоне народа. Официальные функционеры или пропагандисты не добились бы соответствующего результата в силу их отчужденности от «управляемых». Эффективность партии объясняется ее двойственной сущностью: она является одновременно и органом государства, способным понимать его решения изнутри и полностью с ними солидаризироваться, и, с другой стороны, — объединением граждан, которые чувствуют (как сами по себе, так и через своих близких) настроения народных масс и могут донести их до руководителей.

Противники однопартийности вносят свои коррективы в это идиллическое описание. На их взгляд, партия представляет собой новый вариант очень древнего социологического феномена: преторианской гвардии, которая позволяет тирану поддерживать свою диктатуру. Дело не столько в отборе элиты, сколько в создании привилегированного класса, связанного с

режимом теми особыми Преимуществами, которыми он пользуется: материальные блага, монополия на руководящие посты, большие, чем у других граждан, права и возможности, etc. Действительно, чтобы вступить в партию и удержаться в ней, преданность диктатору значит гораздо больше, нежели личные достоинства или способности к руководящей работе. Единственная партия имеет тенденцию превращаться в клиентеллу диктатора, связанную с ним теми привилегиями, которыми пользуются ее члены. Нова лишь техническая организации этой клиентеллы, само же ее существование — общий атрибут всех тиранических систем. Что же касается контакта между народом и правительством, то противники однопартийности его вовсе не отрицают. Но они расценивают его восходящую линию как весьма ограниченную: партийная дисциплина, обожествление вождя и широко принятое здесь самовосхваление весьма быстро приводят к изоляции членов партии от масс, и они начинают скрывать их подлинные настроения. К тому же необходимость «угождать» всем иерархическим инстанциям обязывает искажать истину по мере передачи от одной инстанции к другой, заменяя ее вымышленными сведениями, которые можно было бы выдать за мнение низов. Активист еще может отдавать себе в этом отчет, если способен сделать умственное усилие и освободиться от партийных лозунгов, но даже элементарная осторожность побуждает его искажать истину, когда он информирует своего местного «шефа»; новая деформация в силу тех же мотивов постигает ее при передаче последним своего сообщения региональному начальству; и еще одна — когда региональный начальник обобщает все эти сведения, прежде чем представить в центр новую дезинформацию, и когда сам центр «представляет вопрос» вождю партии, который одновременно является и вождем государства. В конечном счете последний оказывается ничуть не меньше изолированным от народа, чем Людовик XIV в своем Версале.

Настоящий контакт устанавливается лишь по нисходящей линии. Главное дело партии состоит в распространении в обществе велений диктатора, обеспечении правительственной пропаганды. Именно в этом и заключается самое настоящее ее своеобразие. Сила этой преторианской гвардии — не в копьях и пиках, как то было во времена античных тиранов, а в пропаганде. Единственная партия неотделима от современной техники воздействия на массы. Она представляет из себя пропагандистский орган, наиболее совершенный из всех донныне известных. Она идеально приспособлена для управления общественным мнением, для того чтобы его формировать, ставить в определенные рамки, регулировать и направлять. Но убеждения и даже навязывания не всегда оказывается достаточно: их дополняют слежка и репрессии. Будучи органом пропаганды, партия выступает также и полицейским органом, и ее оригинальность здесь не менее велика. Надзор и донос составляют две существенные обязанности добросовестного активиста. Сама организация партии позволяет ей следить за всем. Каждый отсек этого здания имеет миссию контролировать благонамеренность его обитателей, выискивать подозрительных и избавляться от них. Партия — это инструмент террора. При этом можно выделить террор внешний и внутренний. Первый состоит в надзоре членов партии за всей совокупностью граждан, что гарантирует преданность нации в целом. Второй представляет собой взаимную слежку членов партии друг за другом, что обеспечивает преданность политической элиты. И внутренний подчас выглядит более строгим, чем внешний: членство в партии отнюдь не всегда обеспечивает спокойную жизнь, скорее напротив. И это не преувеличение. В большинстве современных тоталитарных государств различные партийные органы берут на себя полицейские функции (ОВРА, Гестапо, МВД, etc.): сотрудничая с ними в деле всеобщего сыска и выявления инакомыслящих, партия не растворяется в них. Такая же специализация наблюдается и в пропаганде, по крайней мере в Германии, где министерство пропаганды было отделено от партии; в СССР, напротив, «агитпроп» (агитация и пропаганда) остается основной деятельностью партии. Свообразие единственной партии нередко преувеличивается ее сторонниками, но оно не должно недооцениваться ее противниками.

Последние подчеркивают, что функции, официально признаваемые за единственной партией ее апологетами, не отличаются по своей природе от тех, что берут на себя обычные

партии в плюралистических демократиях. Эти функции точно так же имеют целью выделение политической элиты и достижение контакта между народом и властью, но монополия партии в принципе изменяет их отправление. Сама эта монополия на власть оправдывается всевозможными способами: каждый однопартийный режим придерживается здесь своей собственной трактовки. Одни усматривают в единственности партии отражение единства нации, другие — отражение социального единства. Первая версия принадлежит фашистским или консервативным доктринам. Согласно им, демократический плюрализм приводит к деформации общего интереса вследствие борьбы между интересами частными, принося потребности народа в целом в жертву конфронтации специфических целей тех или других отдельных его слоев. Перефразируя знаменитую метафору, можно было бы сказать: «Отечество больше не узнает себя в кривом зеркале партий». У этого общего положения имеются два обоснования: одно теоретическое, другое практическое. Первое в общем и целом берет свое начало от Руссо и его концепции всеобщей воли, которая была искажена дроблением на корпоративные интересы: известно недоверие людей 1789-го к «корпусу посредников»; не приходится сомневаться, что они не приняли бы плюрализма партий. Второе обоснование покоится на истолковании факта: такой плюрализм препятствовал бы преследованию правителями общественного блага, что так или иначе составляет их высшую цель. «Когда в одной стране несколько партий, это рано или поздно фактически приведет к тому, что невозможно будет эффективно участвовать в общественных делах, не входя в партию и не выступая на чьей-либо стороне. Каждый, кто действует в публичной сфере, желал бы действовать в ней эффективно. Таким образом те, кто печется об общественном благе, либо перестает о нем думать и обращается к другим занятиям, либо проходит через каток партий. Но в таком случае он оказывается в плену таких забот, которые исключают заботу об общественном благе»⁹.

Но эти аргументы, пожалуй, работают скорее в пользу устранения всех партий вообще, нежели в защиту однопартийности. Ведь точно такой же вывод можно сделать и из коммунистической доктрины, хотя обоснования там совершенно иные. Однопартийность — естественное следствие марксистской доктрины и политического строя Советского Союза. Мы уже видели, что марксизм рассматривает партию как политическое выражение различных социальных классов, а не в качестве идеологического объединения. Точнее, для него идеологическая характеристика есть нечто вторичное по отношению к социальной, поскольку идеология детерминирована экономическими отношениями и порожденными ими коллизиями. С другой стороны, русские руководители утверждают, что в России уничтожены классовые различия и реализована марксистская схема бесклассового или классово однородного общества. Из этого следует, что для существования многопартийности нет больше оснований. Коммунистическую доктрину единственной партии пытаются резюмировать в следующем силлогизме: а) каждая партия есть политическое выражение социального класса; б) но СССР есть общество с однородными классами с) стало быть, в СССР может существовать только одна партия. Строго говоря, эта жесткая схема несколько извращает коммунистическую концепцию партии, отождествляя общество без классов и общество с однородными классами. Понятие социального класса предполагает их дифференциацию: вполне корректна и адекватна марксизму будет лишь формулировка «общество без классов». Но тогда вторая посылка и заключение данного силлогизма должны выглядеть иначе. Если сказать: «б) итак, СССР есть общество без классов», то из этого следует: «с) стало быть, в СССР не должно быть никакой политической партии». Согласно доктрине и Маркса, и Ленина, партия есть организация для борьбы одного класса против другого; если же нет больше классов, то нет больше и их борьбы: организация становится излишней. Русская концепция партии носит менее статичный и законченный характер: в ней утверждается, что классов в СССР нет — после уничтожения буржуазии и «класса эксплуататоров», но последние не ликвидированы окончательно, они могут возродиться, и в этом отношении должны быть приняты суровые меры предосторожности. Отсюда и необходимость сохранения коммунистической партии — орудия борьбы рабочего класса,

направленной на искоренение всех его противников, органа неусыпного надзора, цель которого состоит в том, чтобы предотвратить их возрождение.

Другое обоснование однопартийности выводится М. Маноилеско: оно связывается с тем фактом, что современные авторитарные государства отказались от принципа политического нейтралитета. В свое время нейтральное государство сменило государство — «носителя идеалов», государство, олицетворяющее ценности, мораль, этику, etc. В условиях такого нейтралитета плюрализм партий естествен: государство уважает любую мораль и любые идеалы, а значит и все партии, которые их защищают. Его роль состоит лишь в том, чтобы блюсти условия их соперничества и препятствовать тому, чтобы какая-то одна из них обнаружила склонность поглотить все другие. Совершенно очевидно, что все меняется, стоит лишь государству самому примкнуть к какой-либо одной определенной этической системе: тогда оно может допустить лишь единственную партию — ту, которая эту систему защищает. Ведь получается, что другие в данном случае борются не в государстве, но против государства, против ценностей, которые оно олицетворяет. Это умозрительное рассуждение явно согласуется с некоторыми реальными фактами. Никто не станет отрицать, что плюрализм существует лишь в рамках демократических режимов, провозгласивших себя нейтральными. Невозможно отрицать и то, что единственная партия как правило, функционирует в государствах, которые отвергли эту нейтральность и провозгласили свою приверженность определенной догме. Развитие единственной партии совпадает с возрождением государственных религий в той новой форме, которую они приняли в современном мире; и это не столько государственная религия, сколько государство-религия. Государство не просто примыкает к трансцендентной вере, которая существует вне его, в форме объекта и цели, — оно само становится этим объектом и этой целью. Вместе с тем некоторые единственные партии возникли и в нейтральных государствах, отнюдь не провозглашающих себя носителями каких-либо идеалов, — например, в Турции. А с другой стороны, нейтральность демократических режимов тоже нередко преувеличивают: демократия не лишена этического принципа — она защищает либеральную этику, которую ставит выше других. Верно и то, что множество партий могут нормально функционировать лишь в той мере, в какой их борьба ограничивается технической почвой; стоит им принять религиозный или моральный характер, как эта борьба приобретает форму непримиримой и плюрализм оказывается под угрозой. Но плюрализм вовсе не исключен и для государств — носителей идеалов: в СССР, например, борьба сторонников приоритетного развития тяжелой или легкой индустрии вполне могла бы превратиться в борьбу партий — если бы режим это допустил. Маноилеско исходит из чересчур узкой и жесткой концепции политических партий, которая не согласуется с опытом. Он слишком привязан к либеральному представлению о партии-идеологии, не принимая в расчет марксистского понятия партии-класса.

Однопартийность фашистская и коммунистическая

Всякое описание единственной партии как таковой неизбежно остается абстрактным. И как только мы захотим хотя бы немного конкретизировать его, мы тотчас же сталкиваемся с фундаментальной противоположностью двух типов единственной партии — фашистского и коммунистического. Прежде всего это противоположность доктринального порядка, что выходит за рамки данной книги. Мы уже обращали внимание на то существенное различие, которое отделяет коммунистический оптимизм от фашистского пессимизма: коммунистическая философия — прямая наследница философии просветителей и веры в прогресс. Марксизм стремится доказать, что золотой век — век общества без классов, век конца эксплуатации человека человеком, век процветания и счастья — впереди. «А петъ мы будем завтра», — эта крылатая строка Габриэля Пери типична для коммунистов. Фашисты же вечно воспевают «вчера», добрые старые времена; здесь всегда идет речь об утраченных традициях, о возвращении к иссякшим источникам: золотой век позади нас. Или, скорее, его

вообще нет: фашизм обычно принимает если не откровенно консервативную и регрессивную философию, то по крайней мере циклическую: завтра не будет лучше, чем вчера; человек всегда равен самому себе; история движется по замкнутой орбите — это символическое солнечное колесо, на котором изображена национал-социалистическая свастика.

Коммунисты возродили старую доктрину Руссо, несколько осовременив ее: человек рождается хорошим, но капитализм его развращает, фашисты же полагают, что человек испорчен от природы: он рождается порочным, а лишь общество цивилизует его. Есть, разумеется, исключения: это гении, герои, святые — избранные, те, «кто свыше получил способность больше отдавать своим современникам». фашизму свойственно одновременно и презрительное, и экзальтированное отношение к человеку: он презирает обычного индивида и восхваляет сверхчеловека. Коммунизм же верит в обыкновенных людей. В своем первоначальном виде он не содержит идеи сверхчеловека: ведь марксизм имел тенденцию сводить к минимуму значение активности субъекта в развитии истории. Но с тех пор многое изменилось: культ Ленина и Сталина — это обожествление фараона мертвого и фараона живого — в данном конкретном пункте сблизил его с фашизмом. И тем не менее он все же далек от врожденного пристрастия фашизма к «элитам», «кадрам», «вождям»: даже формируя с помощью партии новый правящий класс, он рассматривает его только как наиболее сознательную, преданную и просвещенную часть всего пролетариата в целом. В противоположность исповедующему аристократизм фашизму, он в основе своей остается доктриной эгалитаристской.

Следовало бы еще добавить, что только коммунизм представляет собой всеобъемлющую и монолитную философскую систему. Только он предлагает глобальное и непротиворечивое объяснение мира. Фашизм тоже стремится к такой цельности, но он ее не достиг. Вернее, он к ней пробивается, образно говоря, сквозь тьму и туман. Фашизму всегда недоставало той интеллектуальной оснащенности, которую коммунизм получил от Карла Маркса, и того движения мысли, которое создалось вокруг его доктрины. Будучи одновременно философией и логикой, методом и системой мысли, марксизм обладает тем интеллектуальным богатством, которого не хватает фашизму. Фантазии Розенберга о крови и почве путаны, темны и туманны; теории Муссолини о государстве, корпорациях и власти куцы и бессвязны. По существу, нет ни фашистской философии, ни фашистской доктрины: есть мифы, течения, притязания, достаточно разнородные и довольно плохо между собой связанные. Фашизм определенно утверждает примат иррационального и инстинктивного, тогда как коммунизм провозглашает верховенство разума и науки, нередко принимая, кстати, форму сциентизма — со всей той ограниченностью, к которой способна привести подобная парадигма; но это уже извращения эпигонов: базовой доктрине свойственны совсем иное богатство и иная интеллектуальная мощь.

В социальном плане определение коммунистических партий как «орудия пролетариата для слома власти буржуазии» и фашистских партий как «инструмента буржуазных классов, для того чтобы сохранить власть и не дать ей попасть в руки пролетариата», несколько абстрактны. Однако в основных чертах они соответствуют действительности. Партия коммунистов сломала в СССР не власть буржуазии, а скорее власть аристократии; она опирается не только на пролетариат, но и на крестьянство. Как бы то ни было, она сорвала попытку революции образца 1789 г., предпринятую конституционными демократами и Керенским; она ликвидировала «кулаков» и аграрную аристократию; она надолго обеспечила преобладание городского рабочего класса над гораздо более многочисленным крестьянством. В Италии и Германии фашизм в качестве главной цели имел сохранение власти за буржуазией: в обеих странах его субсидировал крупный капитал; в обеих странах он объединил средние слои, которые и составили его главную силу. Может быть, следовало бы различать «взятие власти» и «отправление власти». Что касается первой фазы, вышеприведенные формулы почти точны: коммунизм формировал армию рабочего класса, чтобы опрокинуть буржуазное государство; фашизм агломерировал средние слои и

буржуазию, чтобы такое ниспровержение предотвратить. Наличие влиятельной коммунистической партии является, таким образом, одним из основных факторов зарождения и развития фашизма. Во второй фазе, как утверждают, фашизм и коммунизм обнаруживали тенденцию к уподоблению друг другу: первый склоняется к тому, чтобы все больше и больше опираться на рабочий класс и ограничивать власть буржуазии; второй — создать новую привилегированную касту типа буржуазии. Не будучи совершенно ошибочной, эта точка зрения все же в чем-то не соответствует действительности. Что члены партии в СССР заметно отличаются от остальной массы граждан как своими обязанностями, так и своими особыми правами — это бесспорно. Но вряд ли можно на этом основании говорить о возрождении буржуазии, так как здесь нет ни наследования привилегий, ни тех преимуществ, источником которых служат частная собственность и деньги. Партия возможно и составляет элиту, но элиту не буржуазную в социологическом смысле данного термина. Верно и то, что сегодня она более широко открыта для выходцев не из рабочих, чем в первые годы своей монополии: уставом 1939 г. установлен единый порядок рекомендации и длительность испытательного срока, он отменил привилегии пролетариата, что, конечно, не служит прямым доказательством обуржуазивания. С другой стороны, удельный вес рабочих в фашистских партиях, по-видимому, не особенно ощутимо вырос на протяжении всего срока их пребывания у власти. Поскольку прямой прием отменен, новые члены приходят исключительно через молодежные организации; но, как представляется, это не изменило сколько-нибудь серьезно соотношения социальных классов в партии. К тому же отсутствие документального материала не позволяет сделать каких-либо определенных выводов на этот счет.

Эти доктринальные и социальные различия слишком хорошо известны, чтобы на них задерживаться. Менее изученными остаются различия партийных структур, но они-то как раз очень важны. Общая структура обеих партий, разумеется, одна и та же: жесткая централизация и вертикальные связи. В то же время отметим, что в коммунистической партии официально приняты выборы как способ выдвижения руководителей, тогда как фашистские партии целиком основаны на принципе назначения. Но на практике указанное различие выглядит гораздо слабее, чем в теории. Это начинается с самих базовых элементов. Коммунистическая партия по-прежнему базируется на ячейках, фашистские партии — на вооруженных отрядах; но последние оказываются перед фактом неизбежного снижения их роли после взятия власти. По меньшей мере функции этих отрядов ограничиваются малопrestижной ролью вспомогательной полиции, а в конечном счете встает вопрос о необходимости их разоружения; данная тенденция усиливается страхом перед возможным формированием государства в государстве, способного свергнуть власть, которую эти военизированные формирования сами же и учредили. В Германии разоружение СА в основном прошло после 1934 г.: тренировочные сборы стали эпизодическими, штурмовики имели право появляться в униформе только в часы занятия или во время торжественных церемоний и шествий. Милиция превращается в особого рода орудие аппарата; собственно же партийную работу, как и у коммунистов, ведут только секции и ячейки.

Самое заметное отличие структуры двух партий касается приема. После прихода к власти доступ в единственную партию фашистского типа практически открыт лишь для юношей из ее молодежных организаций. В итальянской фашистской партии до 1922 г. вступление было практически свободным; с 1922 по 1925 г. — строго контролируемым, а затем было полностью отменено и временно восстановлено лишь в честь десятой годовщины режима — но с драконовской фильтрацией. У национал-социалистов прямое рекрутирование было полностью прекращено начиная с 1 мая 1933 г. В Италии нужно было сначала в самом юном возрасте вступить в ряды баллил (с 8 до 14 лет), потом стать авангардистом (с 14 до 18 лет), а затем молодым фашистом (с 18 до 21 года) и лишь тогда, после принесения присяги в ходе торжественной церемонии «фашистская зарница», получить партийный билет: все молодые люди одного и того же года рождения на манер призывников в один и тот же день вступали в ряды партии. В Германии члены Гитлерюгенд, достигшие 18 лет (для юношей)

или 21 года (для девушек), могли быть приняты в партию при условии, что они принадлежали к организации в течение как минимум четырех лет без перерыва, «ревностным выполнением должностных обязанностей и безупречным поведением на службе и вне ее доказали свои национал-социалистские убеждения и национал-социалистский характер и внушают уверенность в том, что после вступления в партию станут ее достойными членами». Как видим, прием отнюдь не был автоматическим, и его порядок довольно серьезно отличался от итальянской системы. Правда, и здесь существовала торжественная церемония с принесением присяги 9 ноября, в годовщину мюнхенского путча.

В СССР прием в партию регулировался совершенно другими правилами. Он всегда оставался открытым, независимо от членства в молодежных коммунистических организациях. Каждый, кто желает вступить в партию, должен представить поручительства трех членов партии со стажем не менее трех лет, которые рекомендуют его и работают с ним не менее года. Решение о приеме принимается первичной организацией и утверждается районной или городской: присутствие поручителей на обсуждении обязательно. Если оно положительное, кандидат должен в течение года пройти предварительный испытательный срок, имеющий целью «усвоение программы, устава и тактики партии и позволяющий партийной организации проверить его личные качества»¹⁰. Во время испытательного срока он присутствует на всех партийных собраниях, но не голосует; он платит точно такие же взносы, как и члены партии. По истечении этого срока вновь предстоит процедура поручительства и рассмотрение в базовой организации: в случае благоприятного решения кандидат становится действительным членом партии. До 1939 г. условия приема были более суровыми и дискриминационными. Различалось четыре категории лиц: 1) рабочие промышленности (со стажем не менее пяти лет); 2) сельскохозяйственные и промышленные (стаж менее пяти лет), инженеры или техники, солдаты из рабочих или работников коллективных хозяйств; 3) члены коллективных хозяйств или кооперативов, учителя; 4) прочие служащие. Кандидаты первой категории должны были представить по три рекомендации от членов партии со стажем не менее пяти лет; кандидаты четвертой категории — пять рекомендаций от членов партии не менее чем с десятилетним стажем; продолжительность испытательного срока для первой категории устанавливалась в один год, для других — два года. Члены молодежной коммунистической организации почти не пользовались никакими особыми льготами, но рекомендация комитета районной молодежной коммунистической организации приравнивалась к рекомендации члена партии. Фактически значительная часть новых членов приходила из молодежной организации, но не большинство. В 1930–1934 гг., например, из 835.000 вступивших в партию¹¹ только 375.000 пришли из молодежной коммунистической организации¹². К тому же прием в этот период было довольно ограничен; с началом войны он значительно расширился.

Различия в приеме имеют принципиальное значение: поскольку партия преследует цель сформировать элиту, способы ее отбора, безусловно, существенны. Фашистские партии относятся к закрытому типу: тот, кто не принадлежал к партии до победы, не имеет никаких шансов в нее войти. Лишь новые поколения после длительной предварительной подготовки могут туда проникнуть. Эти партии, следовательно, имеют тенденцию изолировать себя от нации, превратиться в окостенелую касту, владеющую своего рода коллективным наследством. Вступление здесь — результат настоящей дрессировки, которой подлежат дети или подростки, еще не осознающие действительных проблем и не способные вынести о них надлежащего суждения. В итальянской фашистской партии после семи лет отсутствия открытого приема эта изоляция стала настолько серьезной, что она должна была в 1933 г. на некоторое время восстановить его: в партию довольно резко влили свежую кровь (она почти удвоила свою численность). В русской коммунистической партии, напротив, характер касты исчезал: становится возможной регулярная циркуляция элит, установлен контакт с массой. Окончательная и жесткая линия не разделяет «быть и не быть», «партийных и беспартийных». Любой гражданин может вступить в партию, если он того желает и заслуживает. Вступить в партию, конечно, нелегко, но это всегда остается возможным.

Отметим, кстати, что условия приема были смягчены и упрощены в 1939 г. Если рекрутирование новых членов было весьма ограничено в 1934–1939 гг. (когда исключение даже превышало прием, поскольку численность партии за пять лет уменьшилась на 330 000), то в предшествующие годы оно было значительным (среднегодовое увеличение на 166 000 в 1924–1927 гг., на 245.000 — в 1927–1930, на 208.000 — в 1930–1934 гг.). Начиная с 1939 г. прием увеличивается, поскольку партия выросла на 923.000 в год в 1939–1940 гг., на 476.000 — в 1940–1941 и 734.000 — в 1941–1942 гг. (табл. 31). Эти цифры говорят о последовательной политике расширения элиты, прямо противоположной соответствующей практике фашистских режимов.

Различия в приеме дополняются различиями в исключении. Фашистские партии никогда не использовали регулярным образом систему «чисток», играющую столь важную роль в коммунистических партиях. Сразу после захвата власти они осуществили несколько серьезных чисток с целью избавиться от сомнительных элементов, особенно революционных. Так, в Италии 150.000 фашистов были исключены из партии в первый же год¹³; в 1925–1926 гг. новая волна отлучений привела к перетряске партии снизу доверху¹⁴. В Германии на нюрнбергском съезде в сентябре 1934 г. Гитлер объявил о строжайшей проверке членов партии; на съезде 1935 г. он заявил: «Наши кадры были подвергнуты суровому очищению»¹⁵ имея в виду «очищение», последовавшее за событиями июня 1934 г. и жестокую расправу с оппозицией Рэма — Штрассера. Но такие эксцессы носят характер исключения. В русской же коммунистической партии чистки, напротив, приобретают регулярный и систематический характер. До 1939 г. они через определенные промежутки времени регулярно проводились по решению Центрального Комитета: все члены партии должны были тогда проходить через проверочные комиссии, которые подвергали строжайшему «просвечиванию» всю их деятельность. Во время чистки 1933 г. 17 % членов были исключены, и 6,3 % отсрочены (т. е. они остались кандидатами). В дальнейшем большие чистки почти всегда совпадали с пересмотром линии партии или с изменениями социальной структуры. Единственная русская партия, стало быть, представляла собой живой организм, клетки которого постоянно обновлялись. Фашистские партии, напротив, скорее напоминали неподвижные, мертвые механизмы. Страх перед чистками держит активистов в напряжении, постоянно пробуждает их активность; отсутствие же частых «перетрясок» погружает их в безмятежный сон: закрытая и застывшая, единственная фашистская партия начинает несколько походить на союз ветеранов революции, куда молодежь приходит поучиться на примере старших.

Но системы массовых чисток в СССР больше не существует. После регулярного проведения в период НЭПа (1921) они были отменены XVIII съездом партии, который изменил затем и устав партии. Резолюция, принятая съездом 20 марта 1939 г., содержит в этом отношении очень интересные уточнения. Читаем там, что коллективные чистки, необходимые сразу после НЭПа, когда капиталистические элементы получили новую жизненную опору, не имеют больше оснований с тех пор, как эти элементы полностью устранены. Чистки главным образом критиковались за то, что индивидуальное обсуждение членов партии подменялось там массовым подходом, что не позволяло вынести должной оценки. Но реформа 1939 г. не отменила чисток, она лишь устранила их коллективный и регулярный характер. Отныне партия изгоняла из своих рядов тех, кто нарушал ее программу или установленные порядки, с помощью обычной процедуры индивидуального исключения. Новый устав вместе с тем расширял права членов партии и контроль за исключением. Если рассматривать эти меры вкуче со значительным облегчением вступления, также установленным реформой 1939 г., можно констатировать заметное смягчение структуры партии, что еще более определенно отдалило ее от единственных партий фашистского типа. Фактически русская коммунистическая партия, насчитывавшая меньше миллиона членов в 1930 г. и меньше двух с половиной — в 1939 г., объединяет сегодня более шести миллионов членов. Этот громадный рост является прямым следствием реформ 1939 г.; он свидетельствует о глубокой эволюции режима.

Данная эволюция выглядит тем более значительной, что, в отличие от фашистских режимов, в СССР партия занимает основополагающее место в системе государства. Теория и практика расходятся. В Германии, как и в Италии, в речах и официальных заявлениях непрестанно провозглашался приоритет Партии: национал-социалистические юристы умудрились даже создать целую доктрину взаимоотношений партии и государства, последним словом которой было подчинение второго первой. Конечно, и в этих странах партия отнюдь не была в загоне. Ее представители в качестве почетных экспертов входили во многие публичные организации как центрального, так и местного уровня. Используя принцип личной унии, вожди партии продвигались на руководящие государственные посты. И все-таки реально партия, по-видимому, не имела решающего влияния на политическую жизнь. Разумеется, нелегко сделать какие-либо точные заключения в этой области, где анализ особенно затруднителен. И тем не менее, роль коммунистической партии в России несомненно более велика, чем роль фашистской партии в Италии или национал-социалистической — в Германии. В СССР партия, быть может, занимает более скромное место в доктринах и всякого рода церемониалах; но в политическом руководстве государством роль ее, бесспорно, более велика. Если не всегда легко определить в каждый данный момент степень этого влияния, то общий смысл его эволюции предельно ясен: в России влияние партии непрестанно возрастало; в Германии и Италии оно непрестанно падало. В 1933 г. корреспондент газеты *Temps* в Риме П. Жентизон констатировал: «В последнее время в известных кругах обнаруживалась тенденция рассматривать партию в качестве негативного элемента, некоего мертвого груза в политической жизни»¹⁶. И далее описывались усилия, направленные на то, чтобы «придать партии новое достоинство»¹⁷, что будет достигнуто путем временного восстановления открытого приема. Но в 1937 г. он вынужден был признать, что эти усилия ни к чему не привели и что «отныне установлено превосходство государства над партией. Партия поглощена государством»¹⁸.

И действительно, упадок фашистской партии начался сразу после захвата власти. Причиной тому — целый ряд чисток, избавивших ее от наиболее динамичных и революционных элементов; прогрессирующий процесс замещения старых, особо преданных руководителей новыми — выходцами из молодежных организаций; разоружение милиции и «штурмовых команд». Ход развития Германии идентичен: партия еще переживает эйфорию после взятия власти, а газеты уже 10 июля 1933 г. публикуют правительственное сообщение, возвещающее «завершение немецкой революции»; в нем подчеркивалось: «Организации и объединения партии не присваивают себе правительственных функций... Любой ценой всюду обеспечивается авторитет государства». В обеих странах законы официально освящали монополию партии, в то же самое время подчиняя ее государству. В обеих странах партия постепенно утрачивает свое влияние в пользу армии. В Италии милиция с 1924 г. была укомплектована офицерами; начиная с 1935 г. она под началом армейского руководства обеспечивала военную подготовку; постепенно она утрачивала свое значение в качестве вспомогательной полиции в пользу карабинеров, находившихся под командованием генерала регулярной армии. Сама «*Giornale d'Italia*» писала в 1934: «Поводе фашизма армия становится новой аристократией нации». В Германии эта метаморфоза носила еще более стремительный и откровенный характер: репрессии 1934 г., покончившие с автономией СА, вероятнее всего, были предприняты под влиянием Генерального штаба. Денонсация ограничительных военных статей Версальского договора начиная с 1935 г. увеличивает мощь армии; трудовая повинность становится формой военной подготовки, она выводится из-под контроля партии и переходит под руководство армии; указ от 17 января 1936 г. официально возлагает на рейхсвер поддержание порядка «в случае политических волнений»; начиная с 1935 г. армия играет ведущую роль и на съездах партии в Нюрнберге. Реформа оперативного командования в 1938 г. имеет своим следствием не восстановление превосходства партии, а подавление слабых попыток Генерального штаба отстаивать свою независимость по отношению к правительству.

Это различие в развитии связано с принципиальным различием двух концепций роли единственной партии в государстве. В СССР партия — инструмент преобразований. Ее основная задача состоит в том, чтобы заставить русский народ осознать необходимость коренных экономических преобразований, социальных и технических перемен после революции: изменения характера собственности, создания тяжелой индустрии, переоснащения деревни, изменения способов обработки земли, перемещения индустриальных центров на восток государства, etc. Чтобы добиться намеченных реформ путем убеждения, без обращения к силе (что было необходимостью в момент «ликвидации кулака» в деревне), партия должна была победить природную пассивность масс, их глубокий консерватизм. Она должна была преодолеть склонность своих собственных членов к инертности и консерватизму: ведь любая общность естественно тяготеет к состоянию покоя. Она должна была победить тот самый закон деградации социальной энергии, на который мы уже не раз обращали внимание. Партия — это инструмент настоящей «перманентной революции»: она прилагает постоянные усилия, чтобы не дать режиму впасть в состояние застоя. Механизм отбора в партию, ее внутренняя структура, ее чистки, ее непрерывно возобновляющаяся «самокритика» — все это имеет целью воспрепятствовать склерозу в ее собственных рядах, поскольку она сама должна препятствовать склерозированию режима.

Фашистские партии официально играют ту же самую роль. Но практически дело обстоит прямо противоположным образом. На этапе завоевания власти фашизм охотно эксплуатирует революционную и даже «левацкую» фразеологию; но стоит ему обосноваться у власти, как все меняется: он вынужден занять глубоко консервативную позицию. Конечно, он проявляет немалую активность, реформируя детали, но не затрагивает ни экономической, ни социальной структуры существующего строя. Будучи инструментом буржуазных и средних классов, назначение которого — предотвратить господство рабочего класса, фашизм защищает главные основы могущества двух первых. Такое превращение из революционеров в консерваторов после взятия власти объясняется чистками, следующими за этим событием и обрекающими партию на спячку. В Италии, как и в Германии, милиционеры сразу после победы требовали от своего правительства реформ, за которые они сражались. И в той, и в другой стране члены партии открыто говорили о «второй революции». «Мы совершили революцию; мы готовы, если это необходимо, снова начать ее», — пишет «Popolo di Lombardia» 13 января 1933 г. В Германии в середине 1933 г. участники собраний СА настаивают на социалистической части нацистской программы; на собрании руководителей милиции в Бад-Рейхенхалле (Бавария) 1 июля Гитлер вынужден был жестко заявить: «Я всеми силами буду противостоять мутной революционной волне». После победы нацистские руководители оказались зажаты между революционными устремлениями своего воинства, которые они сами подогрели, чтобы достичь власти, и консервативными настроениями крупной, средней и мелкой буржуазии, составлявшей основную опору их власти. Они лавировали, стараясь прежде всего сдержать динамизм партии, чтобы он, выйдя из берегов, не затопил их, снова допуская затем некоторое его усиление, чтобы, напротив, не оказаться оттесненными самыми реакционными элементами. Таким образом, единственная нацистская партия служит в основном стабилизации устойчивости режима, что требует от нее самой и ограничения собственной роли.

Быть может, именно эти различия в концепциях двух единственных партий и объеме их внутренних социальных задач и объясняют различную направленность коммунистического и фашистского режимов. Тоталитарная структура систем равным образом обязывает их поддерживать известное внутреннее напряжение: нужно, чтобы граждане жили в атмосфере непрерывного энтузиазма — это поддерживает веру и оправдывает ограничение свободы. В коммунистическом режиме такое давление ориентировано скорее вовнутрь; активность партии имеет революционную природу. Речь идет о строительстве социализма, росте производительности, модернизации деревни, перевыполнении показателей Плана. У фашистского режима эта активность, напротив, обращена вовне: природа ее — империалистская и милитаристская. Отнюдь не случайность, что эволюция фашизма привела

к возвеличиванию роли армии, прославлению войны и притязаниям на жизненное пространство: такова сущность самого режима. Задаваясь вопросом о том, в какой мере в СССР коммунистический характер развития доминирует над русским национализмом, можно питать определенные надежды на мирное будущее. Однако при этом нельзя пренебрегать двумя факторами: прежде всего сам коммунизм провозглашает себя интернациональной доктриной, полная и окончательная победа которой невозможна в одной стране, но лишь в мировом масштабе. И далее: революция — какой бы глубокой и радикальной она ни была — неизбежно однажды закончится, а вместе с тем угаснет и внутренний динамизм. И тогда...? Но как бы там ни было, в данный момент и, очевидно, еще довольно долго одни внутренние цели способны, по-видимому, поддерживать тот уровень напряжения, который необходим для прочности режима: империализм и милитаризм отнюдь не выступают — во всяком случае в данный момент — естественным и неизбежным следствием данной политической структуры. Миролюбие не является органической чертой единственной партии коммунистического типа, но в какие-то периоды времени она автоматически может выступать именно с этих позиций. Для единственной же партии фашистского типа это исключено.

Однопартийность и демократия

Само сопряжение понятий «однопартийность» и «демократия» многим может показаться святотатством. Но что нам за дело? Вопрос лишь в том, соответствует ли оно истине — хотя бы иногда? Что же до святотатства, то его не удалось избежать еще ни одной науке.

Большую путаницу в данный сюжет внесла широко распространенная иллюзия относительно того, что коммунизм и фашизм якобы исчерпывают собой все возможные типы однопартийности; но это не соответствует действительности. На самом деле понятию фашизма — такого, как он здесь описан, — приблизительно соответствуют политические режимы гитлеровской Германии и муссолиниевской Италии, и притом больше первый, нежели второй (независимо от терминологии); но в него не вписывается политическое устройство современной Португалии, еще того меньше — режим, который с 1923 по 1950 гг. существовал в Турции, и уж совсем мало — тот, что и поныне существует в южных штатах США, etc. Рассматривать, к примеру, концентрационные лагеря и террор в качестве атрибутов единственной партии — значит противоречить фактам: даже в Италии до войны и псевдореспублики 1943 г. не было ни концлагерей, ни настоящего террора. В само понятие фашизма нужно ввести градации, связанные с национальным характером: итальянский и немецкий фашизм столь же отличны друг от друга, сколь британский парламентаризм — от французского. Многие различия между национал-социализмом и коммунизмом есть не что иное, как различия между немецким и русским характером — и ничто более. Есть разновидности фашизма, как есть и не фашистские единственные партии. Термин «фашизм» приложим лишь к тоталитарным единственным партиям (исключая коммунизм). Итак, не все единственные партии тоталитарны, не все тоталитарные партии — единственные.

Как уже говорилось, тоталитарные партии могут существовать в рамках плюралистических режимов: например, коммунистические партии Франции и Италии сегодня. Их присутствие явно изменяет плюралистическую структуру и представляет для нее очевидную угрозу, ибо естественное предназначение всякой тоталитарной партии — превращение в единственную. И наоборот: некоторые единственные партии практически не являются тоталитарными — ни по своей философии, ни по своей структуре. Наилучший пример тому — Республиканская партия народа в Турции, которая с 1923 по 1946 г. функционировала в качестве единственной. Первая ее особенность состояла в ее демократической идеологии. Ей ни в какой степени не свойствен характер ордена или церкви, присущий ее фашистским или коммунистическим подобиям. Она не предписывала своим членам ни единой веры, ни единой политики: кемалистская революция по своей сущности была прагматической. Она состояла в «вестернизации» Турции путем борьбы

против главного препятствия, стоящего на пути модернизации стран Среднего Востока, — ислама. Антиклерикализм и рационализм кадров этой партии определенно сближает ее с либералами XIX века; даже их национализм не так уж отличается от тех национальных чувств, что волновали Европу в 1848 г. Менталитет этой партии иногда сравнивают с менталитетом французских радикал-социалистов в их лучшие времена, и в этом есть свой смысл. Даже само название республиканской гораздо больше роднит ее с французской Революцией и терминологией XIX века, чем с авторитарными режимами XX века. Это сходство подтверждается и турецкой конституцией, предоставляющей всю полноту полномочий Великому национальному собранию — по примеру Конвента, в свое время отказавшегося создать особую исполнительную власть. Названная конституция целиком основана на принципе национального суверенитета, который она четко и ясно провозглашает: «Суверенитет принадлежит нации без каких-либо ограничений». Апологию власти, столь привычную для фашистских режимов, в кемалистской Турции заменила апология демократии: не той «новой», которую подают в качестве «народной» или «социальной», но просто традиционной политической демократии. Свое право управлять партия не выводила ни из своего элитарного (в политическом смысле) характера, ни из «передовых позиций рабочего класса», ни из провиденциальной природы своего вождя — а просто из того факта, что она добилась большинства на выборах.

Большинство, разумеется, было ей гарантировано — ведь за народные голоса боролся только один кандидат; но это уже другой аспект проблемы. Данное обстоятельство, кстати, рассматривалось не как идеал, но как печальная и временная необходимость. Однопартийный режим никогда не основывался здесь на доктрине единственной партии. Этой монополии не придавался официальный характер, ее не пытались оправдать существованием бесклассового общества или стремлением устранить парламентские столкновения и либеральную демократию. Монополия здесь всегда называлась монополией, и ее почти стыдились. В отличие от коммунистических или фашистских партий, которые считали себя образцом для подражания, эта партия расценивала свою единственность как нечто отрицательное. Идеалом ее руководителей оставался плюрализм; монополия же вытекала из специфической политической ситуации Турции. Кемаль не раз пытался положить ей конец: один этот штрих глубоко показателен. Ничего подобного нельзя даже представить в гитлеровской Германии или муссолиниевской Италии. В 1924 г. прогрессистская партия Кязима Кара-бекира предприняла первую попытку учреждения плюрализма, которая закончилась введением после восстания курдов в 1928 г. осадного положения и изгнанием депутатов-прогрессистов из Национального собрания. В 1930 г. Кемаль поручил создать из ее остатков либеральную партию для своего друга Фетхи-бея, посланника в Париже, специально отозванного оттуда по такому случаю; но эта оппозиция стала местом сосредоточения противников режима, особенно клерикалов и религиозных фанатиков, и была распущена. В 1935 г. с согласия республиканской народной партии были введены выборы независимых кандидатов. Нередко эти усилия связывают с попыткой создать оппозицию. Так или иначе, все это означает, что Кемаль рассматривал плюрализм как высшую ценность и действовал в рамках плюралистической философии государства.

С другой стороны, в структуре единственной турецкой партии не было ничего тоталитарного. Она не имела не только ячеек или милиции, но даже и настоящих секций; ее скорее можно было рассматривать как комитетскую партию, главную силу которой в основном составляли не ее члены, а ее кадры. Разумеется, эта сила умножалась за счет общественных объединений, народных ассамблей и конгрессов, ставивших целью политическое воспитание масс. Но сами эти массы непосредственно не входили в партию, которая оставалась весьма архаичной по своей организации и в этом смысле еще более близкой к радикал-социализму, нежели к фашизму. К этому нужно добавить, что прием в партию был открытым, механизма исключений и чисток не существовало; не было ни униформы, ни шествий, ни жесткой дисциплины. Фактически довольно развитой представляется и внутривнутрипартийная демократия. Официально все руководители на любом

уровне были выборными, и практически эти выборы не выглядели более «управляемыми», чем в партиях плюралистических режимов. Примечательно также, что вокруг влиятельных личностей могли формироваться довольно многочисленные фракции, которые в дальнейшем отнюдь не ликвидировались фашистскими методами. Так, например, соперничество Исмета Иненю и Селяль Баяра зародилось в рамках Республиканской народной партии еще при жизни самого Кемаля Ататюрка. Последний штрих особенно многозначителен. По мере свободного развития фракций внутри единственной партии последняя становится всего лишь рамками, которые ограничивают политическое соперничество, не уничтожая его; плюрализм, исключенный вне партии, зарождается внутри нее, где он может играть свою обычную роль. Подобным же образом внутренние деления американской демократической партии в южных штатах, где она практически находится на положении единственной, благодаря системе первичных выборов приобретают такое значение, что партия соответствует скорее классической демократии, нежели фашизму. По отношению к таким партиям основное различие однопартийности, двухпартийности и многопартийности оказывается смещенным.

Можно, следовательно, признать, что единственная партия в известной мере соответствует политической демократии. Но к Турции до 1946 г. это не относится. Если режим Кемаля не имел фашистского характера, то тем более не был он и демократическим. Выборы практически представляли собой плебисцит по поводу единственного кандидата, и основные политические свободы оставались весьма ограниченными. То же самое можно сказать о политическом режиме Португалии, где единственная партия («Национальное согласие») носила характер, аналогичный турецкой республиканской, хотя была менее организованной и играла гораздо менее значительную роль в политической системе страны. Вообще говоря, отношение «политическая демократия — единственная партия» может быть осмыслено не столько в статическом, сколько в динамическом аспекте. Подобно тому, как мы говорили о тоталитарных (то есть потенциально единственных) партиях, функционирующих в плюралистических системах, представляется допустимым вести речь о потенциальном плюрализме единственных партий, которые можно рассматривать в качестве некоторого этапа на пути к демократии.

В этом отношении необходимо проводить четкое различие между единственными партиями в государствах с демократическим прошлым, где плюрализм существовал, и единственными партиями в странах с уже установившимся автократическим режимом, никогда не знавших подлинного плюрализма. Первому типу соответствуют Германия и Италия; второму — СССР и Турция. Ясно, что значение и смысл функционирования единственной партии будут здесь весьма различны. В одном случае (Турция и СССР) речь идет о модернизации автократии с архаической структурой; почти ту же самую роль играли некогда и партии современных плюралистических режимов — как и они, единственная партия решает здесь задачу замены традиционной аристократической элиты новой, вышедшей из народа. Создание единственной партии имеет тогда своим следствием настоящую революцию прогрессивного типа, которая устанавливает известное социальное равенство, или по крайней мере уменьшает прежнее неравенство. В этом смысле новый режим более демократичен, чем предшествующий. И напротив, когда однопартийность сменяет плюрализм, как это было в Германии и Италии, она подавляет или ослабляет демократию.

Нужно рассматривать однопартийность в динамике, причем не только по отношению к прошлому, но и к будущему. Следовало бы различать временную и законченную однопартийность, а точнее — единственную партию, считающую себя временной, и, напротив, провозглашающую себя таковой на вечные времена. Антидемократическая природа второй несомненна; природа первой в принципе та же самая. Можно сослаться в этом отношении прежде всего на доктрины Маркса и Ленина относительно необходимости в переходный период диктатуры пролетариата для построения полного коммунизма. Ее обоснованность бесспорна: всякое подлинное социальное потрясение предполагает такой период власти, когда сопротивление прежних господствующих классов должно быть

сломлено, чтобы обеспечить пришествие нового правящего класса. В той мере, в какой единственность русской коммунистической партии соответствует фазе «диктатуры пролетариата», она — нормальна. Внушают беспокойство лишь обнаруживающиеся в последние несколько лет в СССР тенденции рассматривать единственную партию не как переходное явление, соответствующее периоду созидания нового строя, но как феномен окончательный, выражающий структуру «бесклассового общества», — это не оставляет никаких шансов для демократического развития. И напротив, режим, который четко заявил бы о переходном характере однопартийности и расценивал бы ее лишь в качестве необходимого этапа на пути к плюрализму, мог бы рассматриваться как потенциально демократический.

Конечно, нужны действия, которые подтверждали бы слова, чтобы жесткая структура и тоталитарная природа партии на деле не разрушили бы самой возможности эволюции режима к тому уважению соперника и оппозиции, которые присущи подлинной демократии. Заверения правительств немногочисленны: обещать демократию завтра еще ничего не значит, если не начать ее осуществлять уже сегодня, пусть и понемногу.

Выражение «потенциальная демократия» может вызвать улыбку; идея однопартийности, эволюционирующей к плюрализму, способна внушить скепсис. Тем не менее и то, и имеет под собой факты: мы имеем в виду развитие Турции после 1923 г., увенчавшееся выборами 1950 г. и мирным триумфом оппозиции. Без крови и социальных потрясений Турция перешла от однопартийности к плюрализму. Сегодня это самое демократическое из всех государств Среднего Востока и единственное имеющее настоящие партии, а не феодальные клиентелы, призрачные объединения, инициированные несколькими интеллектуалами, или секты религиозных фанатиков. Думается, этот выдающийся пример еще не оценен по достоинству. Неприемлемость классических демократических процедур для стран Среднего и Дальнего Востока очевидна. Парламенты не смогли бы функционировать в Европе XII века, а иные народы, которым их сегодня даруют, во всех отношениях находятся примерно на этом уровне.

Плюрализм партий, установившийся в странах с архаической социальной структурой и неграмотными народными массами, поддерживает и укрепляет традиционные аристократии, то есть препятствует установлению настоящей демократии. Турция же, напротив, как представляется, показала, что и принципы однопартийности, разумно примененные, позволяют постепенно конституировать новый правящий класс и независимую политическую элиту, которая одна только когда-нибудь окажется способной установить подлинную демократию. Можно ли, обобщая, сделать вывод, что единственная партия способна, таким образом, служить временной опорой, позволяющей хрупкому растению демократии произрасти на почвах, которые не подготовлены к тому, чтобы ее воспринять? Не покидая почвы науки, нужно признать, что единственное и к тому же кратковременное наблюдение не позволяет сделать вывод; но сама проблема заслуживает того, чтобы ее поставить.

Глава вторая. Размеры и союзы

Характеристика количественных параметров партии предполагает наличие инструмента измерения. Три различные «меры» могут быть здесь использованы: члены партии, избиратели, парламентские места. Первая неприменима, так как основное качество инструмента измерения должно быть присуще всем объектам, подлежащим измерению. Члены партии не удовлетворяют этому условию: кадровым партиям они вообще неведомы, а каждая из массовых определяет их по-своему; этот показатель может служить лишь для описания эволюции одной и той же партии или для сравнения подобных. Избиратели же и парламентские места представляют собой всеобщие измерения; правда, те и другие не всегда соответствуют друг другу. В системе пропорционального представительства, когда она

выступает в чистом виде, их различие стирается: но в таком виде эта система не применяется ни в одной стране, а многим известен лишь мажоритарный режим, при котором диспаритет между числом избирателей и количеством парламентских мест зачастую весьма велик.

Каждый из этих показателей соответствует различным аспектам оценки партий: первый характеризует вес партии в общественном мнении; второй — ее вес в правительстве. Их следовало бы использовать одновременно. Только так можно было бы выявить обратное воздействие парламентского потенциала партии на общественное мнение. Тем, кто во Франции, например, предлагает уменьшить парламентское представительство коммунистов с помощью введения мажоритарного голосования (это сократило бы их места в Национальном Собрании даже при условии, что количество полученных ими голосов осталось бы неизменным), противники такой реформы отвечают: «Нельзя снизить температуру, разбивая термометр». Но это неверно, ибо отношение между численностью электората и парламентской мощью партии не имеет, по-видимому, такого одностороннего характера, как связь между температурой и термометром. Избирателям надоедает наблюдать, как их голоса пропадают потому, что они отдадут их партии, которой не благоприятствует техника голосования: поляризация, происходящая при режиме в один тур, ясно это показывает. С другой стороны, партия, которая провела в парламент меньше депутатов, имеет и меньший престиж, и меньшее влияние: она обладает более скромными возможностями давления на правительственные решения, ей труднее добиваться должностей, привилегий или нужной информации для своих избирателей. В 1924–1939 гг. заниженное представительство компартии во французском парламенте, несомненно, самым существенным образом стесняло ее развитие, устранение этого барьера, напротив, в высшей степени ему благоприятствовало. Систематически сопоставляя количественную эволюцию электората с соответствующим показателем парламентских мест после избирательной реформы, которая увеличивает их диспаритет, можно определить степень влияния второго на первое: т. е. в известном смысле оценить реакцию «температуры» на замену «термометра».

Два эти инструмента измерения взаимно дополняют друг друга. И все же в некоторых случаях необходим выбор: например, когда на основе измерения хотят предложить классификацию партий. Если мы не остановимся на чем-то одном, это обяжет нас одновременно построить две классификации, что привело бы только к путанице. Выбор, естественно, зависит от направленности исследований: чтобы проанализировать изменение общественного мнения по отношению к партиям, следует взять за основу избирателей; чтобы оценить роль партий в государстве — депутатов. В ходе дальнейшего исследования мы собираемся отдать предпочтение второму критерию: всякий раз, когда о размерах партий говорится без каких-либо уточнений, речь идет именно об их парламентском измерении. Этот выбор не является полностью произвольным. Он соответствует первостепенному значению парламентского действия партий в демократиях западного типа; ему нанесен чувствительный удар, и тем не менее он существует. Но при любых способах речь идет не об абсолютном выборе: электоральное и парламентское измерения будут сопоставляться для того, чтобы оценить представительный характер партий.

Понятие размера неотделимо от понятия союза. В рамках всех режимов, где объединение партий принято, эти два понятия тесно связаны с ними и материально, и политически: материально, потому что количество полученных мест зависит главным образом от избирательных коалиций; политически — ибо парламентские и правительственные альянсы увеличивают или уменьшают значение численности партий. В Национальном Собрании Франции в 1946–1951 гг. коммунистическая партия с ее 163 депутатами имела меньшее влияние, чем партия радикалов с 45 — первая находилась в изоляции, тогда как вторая, используя свою центристскую позицию, выступала ядром всевозможных коалиций и соглашений. Реальный вес компартии оказался скромнее, чем ее внешние параметры; у партии радикалов перевешивала фактическая влияние.

I. Типы размеров

Классификации, основанные на размерах, всегда произвольны. В какой именно момент множество хлебных зерен превращается в кучу зерна? В каком возрасте ребенок становится подростком, подросток — молодым человеком, молодой человек — мужчиной, etc.? Эта фиксация качества внутри количества, естественных противоположностей внутри количественной градации может быть лишь приблизительной. Она тем не менее оправданна, если отражает реальное положение дел, если различие величины есть различие сущности. Тридцатилетний человек не просто в два раза старше пятнадцатилетнего, а шестидесятилетний — тридцатилетнего: здесь все обстоит иначе. Партия, которая насчитывает сотню депутатов, отнюдь не в двадцать раз лучше той, что имеет их всего десять: просто она соответствует иной социологической реальности.

Категории размеров

В зависимости от размеров можно выделить три категории партий: мажоритарные, большие и малые. Первые резко отличаются от всех остальных. Мажоритарными мы называем те партии, которые обладают абсолютным большинством в парламенте или имеют возможность когда-либо его получить с помощью обычного использования социальных институтов. Существование партий парламентского большинства — исключительно редкое явление при многопартийных режимах: оно встречается там только в варианте доминирования (см. далее), да и то зачастую бывает сомнительным. В условиях же двухпартийного режима это — норма: здесь мажоритарными могут обе партии, исключая, разумеется, случай, когда диспропорция между ними настолько велика, что одна из них оказывается низведенной до положения вечного меньшинства (это как раз случай многих штатов американской Конфедерации). Критерий данной категории партий, стало быть, относительно точен, и на его основе можно довольно легко выделить мажоритарные партии (партии парламентского большинства) — по крайней мере в двухпартийных режимах. Таковы демократы и республиканцы в Америке (на федеральном уровне); демократы в южных или западных штатах, поскольку они безраздельно господствуют там во многих легислатурах; республиканцы в некоторых северных и восточных штатах. В Англии таковыми были консерваторы и либералы — до 1922 г., когда лейбористы сменили либералов (которые еще многие годы оставались большой партией). В многопартийных режимах доминирование одной партии может при определенных обстоятельствах принести ей парламентское большинство, но критерии становятся здесь более расплывчатыми. Можно считать, что такое положение заняла с 1933 г. В Норвегии социалистическая партия, имевшая 69 мест при показателе абсолютного большинства — 76 (он был ею достигнут в 1945 г.); в Швеции его, по-видимому, достигла социал-демократическая партия, получив в 1936 г. 112 мест (при абсолютном большинстве — 117, обретенном ею в 1940 г.). Но любое суждение на этот счет всегда уязвимо, если речь идет о многопартийном режиме, и только изучение положения партии на протяжении длительного периода времени позволяет сделать какой-то вывод, всегда, впрочем, достаточно приблизительный. О парламентском большинстве можно, стало быть, по-настоящему говорить лишь по отношению к двухпартийным режимам; в других случаях различие между партиями парламентского большинства и просто крупными партиями всегда зыбко, а нередко и просто искусственно.

Вместе с тем, это связано с реально существующим различием в психологии мажоритарных и всех других партий. Такая партия знает, что однажды она должна будет одна принять на себя — если уже не приняла — всю ответственность за управление страной; другая — пусть даже крупная — напротив, уверена, что никогда не окажется в подобном положении, кроме как в совершенно исключительных обстоятельствах; но это лишило бы данный опыт всякого значения. Это различие полностью меняет социологическую природу партий. Партия парламентского большинства по необходимости реалистична, ибо ее

программа может быть испытана жизнью. Любая демагогия с ее стороны рискует однажды обернуться против нее: ведь доверив ей власть, можно всегда припереть ее к стенке и потребовать от нее исполнения собственных обещаний. Следовательно, она всегда должна обещать лишь то, что в ее возможностях, не прибегая к ораторским эффектам и литературным гиперболам. Такая партия, естественно делает упор не столько на теоретические вопросы, сколько на конкретные проблемы — ведь нельзя управлять посредством теорий. Ей свойственно обычно гораздо больше уповать на определенные, с четко очерченными границами реформы, чем на великие, но трудно осуществимые революционные принципы. Одним словом, она будет целиком ориентирована на действие, остро ощущая при этом те ограничения, которые всегда налагаются действием на мысль. Другие партии отнюдь не так жестко зависят от действительности. Они-то знают, что их программе никогда не придется выдержать испытание делом, потому что они никогда не останутся с властью один на один: они всегда будут разделять ее с союзниками, по крайней мере в форме парламентской поддержки — а стало быть, всегда можно будет свалить на этих союзников ответственность за неудачи. Платформа такой партии — это не план конкретных действий (даже если внешне она таковым кажется), ибо партия слишком хорошо знает, что ей самой никогда не придется осуществлять этот план. Лишь соглашение с партиями-союзниками позволит определить общую программу правительственной деятельности. Но всякое соглашение предполагает взаимные уступки: стадо быть, программа каждой из них претерпит существенные изменения. Каждая из них в силу объективного положения вещей будет вынуждена следовать старому, как мир, дипломатическому принципу: запрашивать большее, чтобы получить хотя бы меньшее.

Вот почему партии, не имеющие перспектив на парламентское большинство (и крупные, и малые), закономерно обречены на демагогию. Отсутствие практических санкций и испытания делом позволяет им безнаказанно требовать каких угодно реформ, даже совершенно не осуществимых. Перед выборами очень выгодно давать подобного рода обещания. Необходимость компромисса с близкими — но не тождественными — партиями побуждает к непримиримости и преувеличениям, с тем чтобы оставить себе максимально возможный плацдарм для последующего отступления. Но создатели мифов обычно кончают тем, что начинают верить в собственные творения: точно так же и партии в конце концов приходят к тому, что их демагогию воспринимают всерьез, особенно если они прибегли к ней для того, чтобы «зажечь» активистов, которые не желают потом расхолаживаться. Было бы интересно детально исследовать этот механизм в жизни партий континентальной Европы. Коммунисты с их «чисто демонстративными проектами»¹, забота о возможности реализации которых их абсолютно не волнует, вовсе не одиноки — просто кроме них в этом никто открыто не признается. Демагогия — отнюдь не привилегия одних только левых. Требуя в 1949 г. уменьшения на 25 % всех налогов, бельгийские либералы прекрасно понимали абсурдность такого требования; когда французская правая в 1946 г. вела кампанию за возвращение к абсолютному либерализму, она осознавала невыполнимость этой затеи еще до того, как вступить в игру. Чисто словесными были ссылки СФИО на марксизм в период между двумя мировыми войнами, поскольку она отказывалась от насильственных революционных методов воплощения доктрины Маркса и не могла не знать, что одна никогда не придет к власти парламентским путем и что никакое коалиционное правительство не осуществит такого рода переворот. Принцип «вместе до конца», которым все партии оправдывают свои альянсы и вытекающие из них необходимые ограничения, — чистая иллюзия. Ведь если они действительно будут идти вместе до конца, то ни одна из них не сможет продвинуться дальше, чем остальные.

Национальный характер может усиливать эту основную тенденцию, но отнюдь не он ее создает. Демагогия французских или итальянских партий объясняется не столько латинской склонностью к политическому вербализму и абстрактным идеям, сколько отсутствием партии парламентского большинства. Быть может, итальянская христианско-демократическая партия когда-нибудь и завоюет абсолютное парламентское большинство, которым пока не

располагает; но ее нежелание управлять самостоятельно, ее стремление разделить с кем-то ответственность за власть (даже несмотря на обладание парламентским большинством), ясно показывает, что психологически она все еще остается партией, для которой такая ситуация представляется исключительной. При всех обстоятельствах в условиях многопартийного режима настоящее парламентское большинство может быть завоевано партией лишь в том случае, если ее превосходство обеспечивается на протяжении длительного периода времени: иначе демагогия ее соперников, не имеющих на своей стороне ни парламентского большинства, ни надежды когда-либо осуществлять власть самостоятельно и не сдерживаемых опасением, что когда-нибудь им придется воплощать в жизнь свою программу) потребует от нее самой ответной демагогии. Двухпартийный режим исключает демагогию прежде всего в силу того факта, что оппозиционная партия (а не только правящая) не может себе позволить выдать слишком много авансов, так как тоже рискует когда-либо принять на себя всю тяжесть власти. В условиях многопартийного режима соперницы доминирующей партии, обладающей абсолютным парламентским большинством, по определению разобщены и каждая в отдельности абсолютно неспособна достигнуть такого большинства в обозримом будущем: вот почему они вольны использовать демагогию, тогда как правящая партия — отнюдь нет. Естественный ход событий ведет к тому, что первенство будет у нее отнято, а значит будет положен конец ее доминированию и парламентскому большинству. В любом случае демагогии куда легче предаваться в оппозиции, чем у власти. Но в двухпартийной системе, где обе партии в принципе — мажоритарные и способны получить парламентское большинство, сама возможность их чередования у власти ограничивает демагогию оппозиции. В системе же, не имеющей партий парламентского большинства, разделение правительственных обязанностей усиливает демагогию правящих партий, так как они поистине одновременно оказываются и у власти, и в оппозиции; каждая стремится взвалить на своих союзников ответственность за неудачи.

Ко всему этому добавляется различие больших и малых партий. Оно менее четко выражено, но не менее существенно. В многопартийных системах и большие партии не имеют шансов добиться положения мажоритарных, разве что в каких-либо особых обстоятельствах, не соответствующих природе данного режима. И даже если они сами формируют правительство, то могут это сделать лишь с согласия и при поддержке других партий. В норме они правят только в союзе, в составе коалиционных кабинетов. Но их масштаб позволяет им играть в этих союзах значительную роль: они делят между собой основные министерства и ключевые посты. Если же они остаются в оппозиции, то и там могут действовать весьма эффективно, особенно если вступают в коалицию с близкими, но никогда не обращающими на себя внимание партиями. Малые же партии, напротив, всегда выступают всего лишь в функции поддержки — и в правительстве, и в оппозиции; они вынуждены довольствоваться ролью неких правительственных «заднескамеечников» или платонических критиков правительства, разве что разрыв между большинством и меньшинством оказывается столь ничтожным, что ставит их в положение арбитров, неожиданно тем самым придавая им вес. Ясно, что данное отличие имеет некоторую реальную основу, несмотря на неопределенность его границ. Об этом нередко трудно бывает говорить, если малая партия, постепенно увеличиваясь, начинает переходить ту грань, за которой она уже должна быть отнесена в разряд больших; но сей промежуточный вариант не отменяет действительно глубоких и реальных сущностных различий двух этих категорий партий. То обстоятельство, что невозможно определить, начиная с какого именно возраста ребенок становится мужчиной, не отменяет того факта, что и детству и зрелости соответствует своя особая реальность.

Не составляет труда дать общий количественный критерий, позволяющий различать большие и малые партии; но обозначить эту границу, например, пятью процентами от общего числа парламентских мест представляется спорным, даже если эта цифра порой и соответствует действительности. Нужно изучать каждую страну в от дельности, на протяжении длительного и довольно однородного периода. Следует рассматривать не просто

количество мест, полученных партией на одних выборах, но на протяжении целого ряда выборов, больше всего принимая в расчет колебания этого показателя и их амплитуду. В качестве малых предстают тогда, например, коммунистические партии скандинавских стран, Бельгии, Голландии и Швейцарии в период 1920–1939 гг.; резкий взлет 1945 г. позволял предположить, что они перейдут в другую категорию, но затем все вернулось к прежнему положению. В Соединенных Штатах на федеральном уровне все партии, кроме республиканской и демократической, — малые (табл. 32). В Англии малой партией ста ли после 1935 г. либералы. Во всех странах, где принята система пропорционального представительства, наблюдается процесс стремительного размножения быстро сменяющих друг друга недолговечных партий (выше уже приводился пример Нидерландов, Норвегии и Швейцарии). Во Франции малой — в парламентском плане — партией вплоть до 1936 г. оставались коммунисты (хотя они получили около 10 % всех поданных голосов в 1924 г., плюс 11,3 — в 1928 и еще 8,3 % мест в 1932 г.): их рост начался только со времени Народного фронта, который заставил их выйти из изоляции. В период Третьей республики народные демократы, «Молодая республика», Союз социалистов и республиканцев были малыми партиями. Сложнее с объединениями правой: здесь, очевидно, речь шла уже даже не о малых, а просто о несуществующих партиях. Французскую правую всегда отталкивала необходимость оформления в партии, а избирательный режим позволял ей этого избегать (левой мешали финансовые трудности, она вынуждена была прибегать к методам массовых партий, чтобы собрать средства, достаточные для покрытия расходов на избирательную кампанию). Итак, различие больших и малых партий устанавливается без особого труда. Как и все предшествующие, оно связано с фундаментальной противоположностью их психологии. Малые партии в этом смысле обнаруживают настолько оригинальные черты, что следует рассмотреть их как особую социологическую категорию.

Прежде чем детально описать эту категорию, нужно задаться вопросом: не является ли понятие большой партии слишком расширительным, особенно по отношению к тому слишком узкому определению, которое дано малой партии? Опыт свидетельствует о весьма значительных различиях между большими партиями (в том значении, как они здесь определены) и побуждают ввести промежуточную категорию «средних». Эти последние не довольствуются бесплодным прозябанием малых партий, хотя их роль явно более ограничена по сравнению с партиями собственно большими. Для них, например, не проблема сформировать на какой-то короткий и экстремальный период правительство меньшинства, опирающееся на поддержку союзнических партий — простое сидение в парламенте их не удовлетворяет.

В правящих коалициях роль этих партий скромнее: если их не задвинут в совсем уж второстепенные министерства, они могут претендовать не больше, чем на один-два значительных поста. Не будучи представлены в правительстве, они не способны и сплотить вокруг себя оппозицию; им приходится следовать в фарватере большой партии или создать самостоятельную оппозицию. Можно привести немало примеров таких «средних» партий. В Бельгии, например, либеральная партия, имея от 10 до 16,5 % мест в Палате депутатов (1919–1936 гг.), явно отличалась от двух больших партий — социалистической и католической, располагавших от 31 до 42 % мест. В Нидерландах в тот же самый период заметно выделялись, с одной стороны, католики (от 28 до 32 % мест) и социалисты (от 20 до 24 %), а с другой — исторические христиане (от 10 до 7 %, за исключением 1937 г., когда произошло сокращение до 4 %), либералы (от 11 до 7 %) и радикалы (от 7 до 5 %); антиреволюционеры (от 12 до 17 %) располагались между двумя этими группами — ближе ко второй, нежели к первой. В Швейцарии партия крестьян и буржуа (от 17 до 10 % мест, начиная с 1919 г.) довольно существенно отличалась от трех больших партий: радикалов (от 30 до 24 %), социалистов (от 30 до 24 %), католиков (от 23,5 до 21 %). В Дании социал-демократия и левая (Vensire) представляли большие партии, консерваторы и радикалы — средние. Во Франции в период 1946–1951 гг. трудно было поставить в один ряд коммунистов, социалистов и народных республиканцев, которые имели соответственно 28, 16 и 25,5 % парламентских

мест, и партию радикалов, которая обладала немногим более 8 %, но тем не менее ее нельзя было рассматривать как малую партию в строгом смысле этого термина. Различение больших и средних партий соответствует, следовательно, некоторой реальности. Оно, к сожалению, слишком неопределенно, чтобы можно было обобщенно его выразить: его, по-видимому, возможно использовать только с учетом особенностей каждой отдельной страны.

Теория малых партий

Понятие малой партии заслуживает того, чтобы специально на нем остановиться. Есть несколько весьма различных взглядов на эти карликовые объединения, которые количественно всегда крайне слабо представлены в парламенте и кажутся неспособными сыграть значительную роль ни в правительстве, ни в качестве оппозиции. Одни, видя в них источник раскола и досадного беспорядка, делают все, чтобы они исчезли; другие приписывают им роль полезных буферов. И те, и другие одновременно и правы, и неправы. Дело в том, что есть два достаточно отличающихся друг от друга типа малых партий: партии личностей и партии перманентного меньшинства. И наши заключения будут весьма различны в зависимости от того, какого из этих двух типов они касаются.

Первые представляют собой простые парламентские группы, не имеющие ни реальной партийной организации в стране, ни настоящей социальной инфраструктуры. Они объединяют депутатов, которым претит дисциплина больших партий, или попросту полагающих, что эти последние мало способны удовлетворить их амбиции. Среди этих групп можно выделить несколько разновидностей. Одни образуют своего рода клиентелу вокруг весьма влиятельной личности — их привлекает ее престиж или ее покровительство; именно такой была возникшая в Великобритании в 1931 г. связанная семейной солидарностью либеральная группа «джорджистов», которая объединяла вокруг Ллойд-Джорджа его сына, дочь и зятя его сына. Другие состоят из лиц более или менее равных друг Другу: это как бы штабы без войска, но и без начальника штаба. Согласно другой точке зрения, можно различать независимые малые партии, непосредственно не связанные с той или иной из больших партий, и партии-сателлиты, которые вращаются вокруг какого-либо могущественного «светила»: союз республиканцев-прогрессистов (бывший союз республиканцев и участников Сопротивления), сложившийся сегодня вокруг коммунистической партии; республиканцы-социалисты и независимые левой — вокруг радикал-социалистов при Третьей республике, ЮДСР — вокруг социалистической партии при первом Учредительном Собрании; либерал-националисты — возле английской консервативной, etc. Малые партии, возникшие вокруг личностей, обычно непрочны и недолговечны. Своей слабой инфраструктурой, большой децентрализацией и почти полным отсутствием дисциплины (за исключением партий-клиентелл и некоторых партий-сателлитов) они напоминают комитеты. Эти партии обычно не опираются на какую-либо определенную доктрину, поскольку учреждены под знаком оппортунизма или оттенков каких-то политических идей. Среди них, однако, нужно выделить те, которые можно было бы назвать партиями диссидентов, ибо доктринальная база выступает в качестве главной основы их существования: они объединяют инакомыслящих из некоторых больших партий, которым ставят в упрек отход от партийной доктрины или утрату ее идеологической чистоты, и стремятся либо сохранить первоначальную доктрину, либо развить и модернизировать ее. Таковы многочисленные группы левых или правых социалистов. Партии диссидентов зачастую собирают своего рода провозвестников, чья вина лишь в том, что они прозрели слишком рано и к тому же полагают, что партия может быть построена сверху, без создания базы.

Если подобное образование выживает, то она чаще всего оказывается во второй категории — категории партий перманентного меньшинства. Такие партии существуют не только в парламентских рамках: они обладают инфраструктурой и в стране, на национальном либо локальном уровне. Некоторые из них базируются на комитетах; другие созданы на базе

секций, ячеек и даже милиции. Последние используют структуру массовых партий: это современный тип малых партий — по отношению комитетскому, который присутствует в них подобно архетипу. Такие партии обладают социальной или политической инфраструктурой. Они соответствуют тому сектору общественного мнения, который отражает взгляды очень небольшого, но относительно стабильного меньшинства. Можно таким образом выделить партии этнических или территориальных меньшинств, религиозных меньшинств, партии политических меньшинств. Первые наиболее многочисленны: чешская, словацкая, итальянская партии в Австро-Венгерской монархии; эльзасская, польская, датская — в Германской империи; партия судетских немцев и словацкие партии в Чехословакии до 1939 г.; ирландская партия в Англии конца XIX — начала XX века; партии басков и каталонцев в Испанской республике; баварская христианская партия в Боннской республике (слившаяся с ХДС); алжирская или африканская партия в современной Франции, etc. Они представляют расу или регион, не приемлющие полного растворения в национальной общности. Одни из них — сепаратисты, другие — автономисты, третьи — федералисты, четвертые — просто регионалисты; все это нисходящие ступени одной и той же общей ориентации. Малые по масштабам национального парламента, эти партии весьма могущественны на локальном уровне; нередко они занимают там положение доминирующей или даже единственной партии. Партии религиозных меньшинств в западных странах, где религия не переставала играть значительную роль в жизни государств, сегодня находятся в процессе исчезновения — если только речь идет не о больших христианских партиях, соответствующих другому типу. Вместе с тем в Нидерландах деление партий на современные и консервативные имеет религиозное происхождение, и мы видели, как малые партии в 1919–1939 гг. создавались там вокруг протестантских сект. В Африке и Азии партии религиозных меньшинств, напротив, довольно распространены: наиболее типичным и исчерпывающим примером в этом отношении был бы Ливан.

Понятие политического меньшинства менее привычно. Так называют фракцию общественного мнения, выделяемую по ее идеологической позиции. Речь идет о некоей «духовной семье», довольно замкнутой, весьма малочисленной, относительно стабильной и не сводимой к основным течениям, характерным для данной страны. В Англии, скандинавских странах, Бельгии, Голландии и Западной Германии этому определению соответствуют коммунистические партии. Можно причислить к ним и американскую социалистическую партию и малые фашистские партии, созданные в Западной Европе до войны 1939 г. Во Франции почти подходят под это определение христиане-прогрессисты; они, впрочем, наследники старой, идущей еще от «Молодой Республики»¹ традиции, а та сама, в свою очередь, восходит к еще более ранним Временам. Происхождение малых партий различно. Одни представляют собой исторические реликты, последние следы исчезнувших крупных партий, подобных доисторическим ископаемым — таков монархизм во Франции. Другие — реликты географические, если можно так выразиться: эти партии стремятся укоренить у себя на родине доктрину, доказавшую свою силу в других странах, но неспособную самостоятельно развиваться в неблагоприятной среде. Именно этому второму типу соответствует социалистическая партия в Америке, равно как и коммунистические партии в Англии или Северной Европе. Сюда же можно отнести и мелкие фашистские партии, созданные перед войной во Франции, Бельгии и в Скандинавии. Только анализ социальной структуры может объяснить неравномерность развития определенных течений в различных странах. Иногда (достаточно редко) дело просто в различии зрелости, в разном политическом возрасте: тогда эти партии имеют характер провозвестников. Это уже не останки, а эмбрионы.

Различию структур соответствует известное различие функций; однако жесткого соответствия здесь нет. Партии-личности — чаще всего правящие партии; партии-меньшинства — скорее оппозиционные. Первые нередко играют роль опоры по отношению к большинству: многие из них есть не что иное, как министерские корпорации. Их центристская позиция позволяет им служить защитой левой от правого большинства или,

напротив, правой от левого большинства: они выполняют, говоря на языке военных, задачу прикрытия флангов. Благодаря их буферному положению между большинством и оппозицией им достается роль, далеко не соответствующая их количественному значению. Эти, как их называют, министерские питомники, одновременно и питомники председателей Совета министров; автономия по отношению к большим партиям предрасполагает их к роли арбитров в рамках коалиций. Министрам из большой партии неудобно находиться под началом председателя — выходца из конкурирующей с ней другой большой партии; точно так же нежелательно для большой партии взять на себя общую ответственность за политику правительства в глазах общественного мнения, официально принимая руководство такого председателя: ведь любая другая, сотрудничающая с ним, вольна играть роль Понтия Пилата. Председатель, происходящий из малой партии, избавляет от подобного дискомфорта; а если он имеет личный авторитет, то может гораздо легче заставить своих министров прислушиваться к себе, чем председатель, вышедший из большой партии, который обычно сталкивается со скрытым сопротивлением собственных сотрудников, принадлежащих к конкурирующим партиям. Во времена Третьей республики малые партии весьма часто выступали в роли поставщиков председателей: имена Пэнлеве, Пуанкаре, Бриана, Тардье, Лаваля доказывают это со всей очевидностью. На заре Четвертой республики можно было полагать, что жесткость партий, подкрепленная пропорциональной системой, упразднит подобный арбитраж малых личностных групп. Пример Плевена показывает, что этого не произошло². Напротив, жесткость создала еще большие трудности в отношениях министров — членов больших партий и Председателя совета — выходца из другой большой партии; роль малых партий в качестве арбитров соответственно возросла. Крупные феодалы скорее стерпят правление какого-нибудь маленького короля из Буржа, но не другого крупного феодала. Возрастание роли радикальной партии частично объясняется именно этим чисто техническим мотивом: ведь по своей численности в Собрании 1946 г. она была средней, но своей децентрализованной структурой и внутренней раздробленностью напоминала скорее малую, нежели крупную партию.

Разумеется, отнюдь не все партии-личности имеют правительственный и министерский характер: роль сателлитов, например, зачастую иная. Они призваны как бы оттенять доктрины и позиции большой партии, чтобы привлечь к себе внимание парламентариев, которых они отпугнули бы, предстань они без этого прикрытия. В общем и целом они выступают в Собраниях чем-то вроде вспомогательных организмов национального масштаба. Но в то же время они позволяют навести мосты и связи между двумя близкими большими партиями: их функции сходны с теми, что выполняют малые центристские партии в отношениях между большинством и меньшинством. Партии постоянного меньшинства, напротив, тяготеют к оппозиции. Выражая мнение тех, кто чувствует себя отделенным от государства и потому бессильным, они вынуждены встать в позу протеста и непримиримости; здесь действует тот же самый психологический механизм, который ведет от комплекса неполноценности к агрессивности. А с другой стороны, отсутствие обязанностей правящей партии и серьезных шансов однажды их обрести, лишают эту оппозиционность каких бы то ни было тормозов. Прирожденные демагоги, малые партии — самые большие демагоги среди всех других партий. Если они опираются на какую-то сплоченную и стабильную часть населения — территориальное или религиозное меньшинство, например, эта их направленность выступает еще более подчеркнуто, так как перегибы и непримиримость используются как средство сохранить базовую клиентеллу, поддержать ее сепаратизм по отношению к национальной общности и законсервировать ее своеобразие и инакомыслие. Если такая партия представляет крайнее меньшинство по отношению к населению всей страны, но выступает как партия большинства в некоторых ее регионах, она занимает автономистскую или даже сепаратистскую позицию, что может угрожать целостности государства. Весьма характерны в этом смысле примеры эльзасской партии в Германии, партии судетских немцев в Чехословакии.

Но есть малые партии, которые ограничиваются исключительно ролью арбитров, что делает их весьма влиятельными — будь то выборы или непосредственно парламентская деятельность. При мажоритарном голосовании в один тур они могут полностью изменить представительство в том случае, если две большие партии имеют настолько близкое число голосов, что достаточно всего нескольких голосов, дополнительно поданных малой партией, чтобы изменить соотношение сил. Эта позиция арбитра еще более серьезна на уровне парламента, когда разрыв между большинством и меньшинством настолько невелик, что перемещения малой партии с одного фланга на другой оказывается достаточно, чтобы нарушить равновесие сил в Собрании. Тогда судьба страны попадает в зависимость от ничтожно малой и глубоко чуждой всей национальной общности в целом группы (если речь идет о партии постоянного меньшинства). Управлять без ее поддержки невозможно, но ее поддержка компрометирует тех, кто ее принимает. Подобную ситуацию в Англии в 1885, 1892 и 1910 г. создали ирландцы (табл. 33). В 1885 г. их союз с либералами (такова была плата за гомруль) спровоцировал в либеральной партии раскол с унионистами, что стоило ей утраты власти; и 1892 г. новый альянс закончился очередным поражением и явным ослаблением либеральной партии, что отстранило ее от власти уже до 1906 г. В 1910 г. ситуация повторилась, но уже в более серьезном варианте: поддержка ирландцев позволила провести либеральный бюджет и осуществить реформу Палаты лордов; в виде компенсации либералы должны были голосовать за предоставление Ирландии автономии. Но восстание в Ольстере и позиция унионистов осложнили положение: политические баталии приняли такой резкий характер, какого Англия не знала уже в течение веков; в Ирландии и Ольстере были созданы революционные армии; движение протеста проявлялось даже среди офицеров регулярных войск. Тяжесть кризиса, разумеется, была обусловлена главным образом извечным противостоянием Ирландии и Великобритании, а не той ролью арбитра, которую какое-то время играла ирландская партия: но последнее обстоятельство, несомненно, усилило этот кризис.

Пример менее яркий и значимый — некоторые голосования во французском Учредительном собрании 1945 г., когда позиция небольшого меньшинства депутатов-мусульман склоняла чашу весов в ту или другую сторону. Назвал же один юморист апрельский проект 1946 г. «мусульманской Конституцией Франции»: это, разумеется, такая же гипербола, как и «ирландская Конституция Великобритании» в приложении к английскому Закону о парламенте 1911 г. Но эта ситуация вместе с тем иллюстрирует опасность, исходящую от партий постоянного меньшинства. Некоторые идут дальше и говорят об опасности малых партий вообще, равно осуждая и партии-личности и «министерские питомники»; но все же здесь нужно учитывать известные нюансы. Существование последних в качестве буфера и средства установления контактов, безусловно, необходимо: они зримо облегчают функционирование французского парламентаризма. Иногда им ставят в упрек безликость и отсутствие динамизма, которые они придают ему, сея смуту в отношениях между партиями; но при этом отрицают их оригинальность и замалчивают наиболее сильные пункты их программы: критику, направленную против многопартийности и беспринципности альянсов, которые именно многопартийность — а отнюдь не малые партии! — делает неизбежными. Малые же партии всего лишь используют следствия этой системы и стремятся заставить ее функционировать: как говорится, не будем винить очки в неудобствах, причиняемых близорукостью. В то же время и у малых партий-личностей есть свои изъяны, и прежде всего это та легкость, с которой они позволяют финансовым кругам вторгаться в политическую жизнь. Лоббирование с помощью больших партий затруднительно: они слишком велики, чтобы купить их целиком, и слишком дисциплинированы, чтобы рассчитывать на эффективность индивидуальной коррупции. Все это куда проще и отношения малой группы, которую можно легко контролировать извне. А если эта малая группа к тому же играет роль третьей стороны, то мы вновь оказываемся перед лицом опасности, о которой уже шла речь выше: именно это «финансируемое меньшинство» приобретает решающее значение для судьбы правительства. Теоретически

такая опасность очень велика; практически же объем ее определить трудно. Отметим, что большие децентрализованные партии, где нет дисциплины голосования, открывают для лоббирования не меньшие возможности, а подкуп влиятельных членов централизованных партий тоже весьма эффективен. Жупел финансовой группы (или иностранного капитала), контролирующей правительство страны посредством малой партии, занимающей позицию третейского судьи, разумеется, весьма соблазнителен; но реальная действительность не очень-то укладывается в примитивные лубочные сюжеты.

Остается определить причины, порождающие малые партии. Влияние избирательного режима в этом отношении бесспорно. Мы уже говорили о роли системы пропорционального представительства и ее тенденции к умножению карликовых и нестабильных объединений, что хорошо видно на примере Нидерландов, Швейцарии, веймарской Германии или домюнхенской Чехословакии. Эта тенденция проявляется с большей или меньшей определенностью в зависимости оттого, насколько в чистом виде принята пропорциональная система. Ее действие смягчается некоторыми принципами распределения мест на локальном уровне, что препятствуют малым партиям перегруппировывать голоса таким способом, чтобы искажался общий смысл волеизъявления страны в целом. Нередко принимаются прямые меры, чтобы помешать бурному размножению малых партий: это требование внесения залога, который не возвращается, если партийный список не получает определенного процента голосов; отстранение партии от участия в распределении оставшихся мест, если ее список не собрал установленной квоты или необходимой ее части, etc. Все эти процедуры доказывают, что влияние системы пропорционального представительства на развитие малых партий достаточно значительно, коль скоро возникла необходимость таких ограничений. Вместе с тем нужно уточнить, что эта система действует в довольно определенном направлении и благоприятствует лишь некоторым типам малых партий в ущерб другим. Она, по-видимому, противостоит партиям-личностям и благоприятствует партиям постоянного меньшинства. Сама природа коллективного голосования, принятого в этой системе, отодвигает индивидуальность кандидата на второй план после программы партии, противостоит независимости лиц, составляющей основу партий-личностей. Она к тому же плохо согласуется с характерной для них гибкостью и неопределенностью доктрин. Партии-личности явно предполагают индивидуальное голосование, когда доверие выражают персонально человеку, не требуя от него слишком четкого ответа на вопрос о том, каковы его идеи; направленность системы пропорционального представительства прямо противоположная. Само собой разумеется, что речь идет здесь лишь о тенденциях, пробивающих себе дорогу среди множества других факторов, к числу которых можно отнести местные особенности, твердость намерений избирателей руководствоваться при голосовании личным мнением, etc. Пропорциональный режим не исключает существования партий-личностей — он лишь осложняет его. И, напротив, развитие партий перманентного меньшинства оказывается в этих условиях куда более легким — по мотивам прямо противоположного свойства. Правда, следует сделать исключение для случаев территориальных меньшинств, которые выступают в качестве подавляющего большинства в одних регионах страны, но совершенно не представлены в других. Пропорциональная система может ослабить их позиции, позволяя соперникам быть избранными даже в зоне их влияния, тогда как мажоритарное голосование обеспечивает им в этом отношении монополию: вероятно, только пропорциональная система могла, например, допускать до 1918 г. избрание проанглийских депутатов в Ирландии; в Чехословакии до 1938 г. она разобщила немецкую оппозицию даже в самих судетских районах; точно так же она подавляла бы монополию демократической партии в южных штатах США, соответственно присущей ей общей тенденции укрупнению тех или иных мнений до национального масштаба. Эту тенденцию мы ниже еще охарактеризуем.

Влияние мажоритарного голосования на развитие малых партий просматривается менее определенно. Общие выводы здесь невозможны: необходимо учитывать и особенности многообразных разновидностей мажоритарной системы, и различия типов партий. Довольно

существенное значение имеют, по-видимому, размеры округов. Небольшие округа (французские *arrondissements*) придают выборам индивидуальный характер, что выдвигает на первый план личность кандидата; партийные связи ослабевают, и независимость депутатов достаточно велика: они легко создают небольшие партии, которые позволяют им вести изоцированную парламентскую игру и расширять свое влияние. Большие округа, где к тому же выборы проходят по партийным спискам, придают голосованию коллективный характер, аналогичный тому, который оно имеет при системе пропорционального представительства. Персоналии отодвигаются на второй план, и возрастает значение партийной дисциплины; шансы малых партий снижаются — по крайней мере тех, что принадлежат к первому типу; если допускается и практикуется заключение предвыборных соглашений, указанные последствия избирательного режима несколько смягчаются. Очень важно наличие или отсутствие второго тура. Выборы в один тур ведут к двухпартийности, то есть к вытеснению малых партий и появлению партий парламентского большинства. Однако этот «свертывающий» эффект наблюдается главным образом на местном уровне: единственный тур побуждает к поединку двух кандидатов в каждом округе, но разнообразие претендентов в масштабах всей страны допускает многопартийность на общенациональном уровне — значит, малые локальные партии могут возникать (мы это видели на примере Соединенных Штатов и Канады). Тем не менее их развитию, очевидно, все же больше благоприятствует второй тур — за исключением партий региональных меньшинств, которым единственный тур зачастую позволяет полностью монополизировать представительство в своей территориальной зоне (ирландцы в Великобритании, демократы в южных штатах США). В целом мажоритарное голосование в отличие от пропорциональной системы, по-видимому, более выгодно малым партиям-личностям, если не принимать во внимание партии локальных меньшинств, которые к нему приспособляются.

Но влияние избирательного фактора остается ограниченным. Возрождение малых партий в Четвертой республике, которая несмотря на различие избирательных систем продолжила традиции Третьей, хорошо это показывает. Избирательные реформы, быть может, несколько изменили бы количество мест, полученных ирландской партией в Англии или немецкими партиями в Чехословакии, но никак не устранили бы ни той, ни других. Неравномерность развития малых парламентских партий левой и правой во Франции, несмотря на идентичность избирательной системы, дает тому дополнительное доказательство: почти отсутствуя слева (за исключением сателлитов коммунистической партии и социалистов-диссидентов), они весьма многочисленны и весомы в центре и справа.

II. Изменение размеров

Чтобы определить размер партий, обычно рассматривают целый период времени, который позволяет получить среднее значение. И до сих пор мы рассуждали здесь именно о нем. Но такой статический подход обязательно должен дополняться динамическим анализом, раскрывающим колебания «веса» партий в рамках рассматриваемого периода. В каждой стране эти колебания позволяют раскрыть эволюцию политических сил и общественного мнения: социология выборов ведет в данной области интересные исследования. И точно так же можно провести сравнительное исследование эволюции партий в демократических странах в целом, чтобы попытаться определить общие ее формы.

Типы изменений

Если рассматривать систему партий в целом, то можно выявить общие типы ее эволюции. Ограничимся здесь достаточно схематичным описанием главных из них: чередования, постоянного разделения, доминирования и синистризма. Чередование свойственно главным образом двухпартийным странам. Оно представляет собой маятниковое движение: каждая партия переходит от оппозиции к власти и от власти — к оппозиции.

Классическим примером его по-прежнему служит Англия (табл. 33). В XIX веке парламентское большинство, в течение пятидесяти лет принадлежавшее тори, переходит к вигам (1832–1841 гг.); в 1847 г. оно вновь сменилось незначительным либеральным большинством (перевес в 2 голоса) и таким же консервативным в 1852 г. (8 голосов); либеральным (с 1857 до 1874 г.); консервативным с 1874; либеральным с 1880 до 1886 г. (при поддержке ирландцев в 1885); консервативным в 1886 г.; либерально-ирландским в 1892 г.; консервативным с 1895 до 1906 г. В 1906 г. парламентское большинство вновь возвращается к либералам, которые сумели сохранить его до 1910 г. лишь в союзе с ирландцами; они утратили его в 1918 г. — уже навсегда. Выход на политическую сцену лейбористов нарушает механизм чередования в 1923 и 1929 г., когда ни одна партия не добилась абсолютного большинства, тем не менее, маятниковое движение продолжает вырисовываться: консервативное большинство с 1918 по 1923 г., лейбористско-либеральное в 1923 г., консервативное с 1924 по 1929 г., лейбористско-либеральное в 1929 г. С 1931 г. вновь установилось чередование: консервативное большинство с 1931 по 1945 г., и с тех пор — лейбористское. То же самое наблюдается и в США: после гражданской войны между Севером и Югом республиканцы удерживали большинство в Палате представителей вплоть до 1875 г.; в 1875–1881 гг. им обладали демократы; в 1881 г. им вновь завладели республиканцы, в 1887 — демократы, в 1889 — республиканцы, в 1891–1895 гг. — демократы, и затем его снова заполучили вплоть до самого 1911 г. республиканцы; демократы добились его в 1911–1921 гг. Между двумя мировыми войнами в 1921–1931 гг. существовало республиканское большинство, а затем — снова демократическое. До введения пропорциональной системы пример такого же чередования являла и Бельгия (табл. 34).

Это маятниковое движение служило объектом самых различных толкований. Гашек в своем исследовании английской политической системы² сформулировал закон дезинтеграции партии большинства, связанный, как он полагал, с двумя основными механизмами. С одной стороны, отправление власти обязывает партию отступить от своей программы, не сводя ее целиком и полностью лишь к обещаниям, данным избирателям; в результате известная их часть, разумеется, чувствует себя обманутой и отдает свои голоса конкурирующей партии. С другой стороны, сама правительственная деятельность естественно вызывает разногласия внутри партии большинства: усиливается разрыв между непримиримой левой и более умеренной правой. Оппозиционной партии легче сохранить единство, чем правящей: каковы бы ни были расхождения между ее членами, они достигают согласия, чтобы бороться против правящей партии и занять ее место; когда же оно завоевано, эти расхождения вновь проявляются в полной мере. Таким образом, отправление власти имеет своим следствием процесс дезинтеграции правящей партии, что ослабляет ее в пользу соперника. Последний столь же естественно стремится занять ее место, но стоит ему там расположиться, как процесс дезинтеграции оборачивается против него и начинает благоприятствовать побежденной. В целом это описание соответствует действительности. Можно привести множество примеров, свидетельствующих об истощении и даже распаде правящих партий. Расколы английских либералов в конце XIX века, особенно в 1885 и 1892 г., непосредственно подсказали Гашеку его выводы; сюда же можно отнести и кризис лейбористской партии в 1931 г.; внутреннюю борьбу в либеральной партии Бельгии в XIX веке, из-за чего ей пришлось уступить место католикам, etc.

Однако чередование обнаруживается главным образом в двухпартийных режимах, а деградация правящих партий — явление всеобщее, поэтому второе все же недостаточно объясняет первое. Очевидно, весьма важную роль играет число партий: чередование предполагает дуализм. Но существенным фактором выступает и избирательный режим. Уже отмечалось, что мажоритарное голосование в один тур имеет тенденцию к сверхпредставительству наиболее сильной партии (это означает, что в парламенте она получает процент мест, превышающий процент полученных ею голосов — по отношению ко всем поданным в стране) и заниженному представительству наиболее слабой. Как следствие, усиливаются колебания электората, но само по себе это еще не ведет к чередованию, а всего

лишь делает его более заметным. Истинное действие избирательного режима проявляется косвенно: мажоритарные выборы с единственным туром ведут к дуализму партий, а уже сам дуализм ведет затем к их чередованию. Тем не менее, совпадение мажоритарного голосования с двухпартийностью не абсолютно: чередование можно встретить и там, где приняты избирательные коалиции. В Нидерландах, например, до введения пропорциональной системы отмечается почти правильное чередование партий консервативного большинства (образуемого католиками и антиреволюционной партией) и либерального (образуемого либералами и радикалами): консервативное большинство в 1888 г., либеральное в 1891–1901 гг., консервативное в 1901, либеральное в 1905, консервативное в 1909, либеральное в 1913 г. Такое же регулярное чередование, как и в Англии.

Чередованию партий у власти прямо противостоит стабильное ее разделение между ними: первое соответствует большей подвижности размеров партий, тогда как разделение — большей их стабильности. Стабильное разделение власти объясняется отсутствием значительных колебаний парламентского представительства партий в течение достаточно длительного периода. Два момента должны быть приняты здесь во внимание: малая амплитуда разрывов в количестве мест, получаемых одной и той же партией на двух следующих друг за другом выборах, и редкость каких-либо долговременных процессов. Ясно, что фиксировать точную количественную границу для определения первого момента затруднительно. Тем не менее наблюдение подсказывает, что разрывы, не превышающие 5 % общего количества парламентских мест, следует рассматривать как малые, и от 5 % до 10 % — как средние. Если последние носят характер исключения, а малые выступают правилом, можно говорить о стабильном разделении власти. Нужно также, чтобы эти разрывы, как бы малы они ни были, не проявлялись всегда в одном и том же направлении: в противном случае происходят глубокие изменения — медленные, но реальные. Ясно, что абсолютная неподвижность не достигается никогда, но в некоторых странах имеют место четко выраженные периоды стабильности. В иные моменты перегруппировку партий вызывают технические или политические причины: прежнее соотношение сил сменяется новым. Но равновесие затем имеет тенденцию восстанавливаться. Так, война 1939–1945 гг. вызвала перегруппировку партий в стабильных странах, как к этому привела в свое время и вой на 1914 г., а также избирательные реформы начала века. В период между двумя мировыми войнами, напротив, явно наблюдается стабильность.

Три страны в период 1919–1939 гг. производят впечатление особенно стабильных в политическом отношении: Нидерланды, Швейцария и Бельгия. В Нидерландах число парламентских мест, полученных одной партией, колебалось от выборов до выборов не выше 4 % по отношению к их общему количеству. К тому же такое колебание в 4 % происходит всего дважды: в 1925 г. у социалистов, когда они перешли от 20 к 24 %, и в 1922 — у исторических христиан (с 7 до 11 %). Колебания в 3 % также редки — их всего пять случаев; наиболее часто они составляют 1–2 %. С другой стороны, не наблюдается здесь и каких-либо медленных долговременных процессов, кроме ослабления либеральной партии, которая от 10 мест в 1918 перешла к 4 в 1937 г., что составляет только потерю 6 % общего количества парламентских мест на протяжении 18 лет и 6 выборов. Стабильность Швейцарии еще более абсолютна. Там, правда, можно найти разрыв и в 5 % (партия крестьян и буржуа в 1931–1935 гг.), но он единственный в своем роде. Закат последней обнаруживает точно те же параметры, что и закат партии голландских либералов: утрата 6 % общего количества парламентских мест в период 1922–1939 гг. Совсем не встречается разрыв в 4 %, и лишь однажды — 3 % (социалисты в 1919–1922 гг.). В Бельгии фламандско-националистический и фашистский кризис 1936 г. вызвал довольно резкий скачок: он отнял 16 мест у католической партии (или более 8 %, учитывая общее увеличение численности депутатов), и принес 21 место роялистам, которые их совсем не имели, а кроме того — 8 мест фламандским националистам (рост более чем на 4 %). Если не считать этого кризиса, общая стабильность весьма велика; разрывы приблизительно около 5 % обнаруживаются всего лишь дважды: у

социалистов в 1921–1925 и у либералов в 1936–1939 гг. Даже во время самого кризиса 1936 г. максимальный разрыв достигал всего лишь 10 % от общего количества депутатских мест (21 у роялистов при 202 в целом) — величина незначительная.

Влияние избирательного режима представляется очевидным. Стабильность Голландии, Швейцарии и Бельгии — прямой результат системы пропорционального представительства (табл. 35). В странах старой демократии общественное мнение стабильно — это естественно; соотношение голосов, собираемых партиями, почти неизменно от выборов к выборам: адекватно воспроизводя в парламенте распределение голосов между партиями в стране, пропорциональная система отражает эту фундаментальную стабильность. «Плавающие голоса» слишком малочисленны, чтобы повлечь за собой ощутимые изменения в положении партий. Пропорциональная система, применяемая в странах, которые и сами по себе изначально стабильны, приводит к консервации представительства, почти полному его замораживанию. И не один лишь фактор избирательного режима тому причиной; он, кстати, влияет не столько своим действием, сколько нейтральностью. В том-то и дело, что в силу своего пассивного характера пропорциональная система лишь точно регистрирует сами по себе слабые — как оно и есть в действительности — колебания общественного мнения, ничего к ним не добавляя. Немаловажную роль играет и склад национального характера: примечательно, что жители всех трех рассмотренных нами стран от природы уравновешенны, невозмутимы, спокойны. И еще более примечательно, что разделение голосов между партиями стабильнее в Швейцарии, нежели в Нидерландах, и гораздо менее стабильно в Бельгии: эти различия представляются вполне соизмеримыми с различиями в степени национальной уравновешенности. Вместе с тем, даже в молодой и нестабильной Ирландии разрывы от одних выборов к другим в 1920–1939 гг. редко превышали 10 %. Словом, стабилизирующая роль режима пропорционального представительства не абсолютна: далеко не все страны с этой системой могут быть отнесены к категории «стабильного разделения», а вместе с тем, напротив, в эту категорию входят и страны не пропорционалистские. Первый вариант иллюстрирует пример скандинавских государств, особенно — Норвегии, где пропорциональной системе сопутствуют явления доминирования. Второму соответствует пример Франции, где мажоритарное голосование в два тура в период между двумя мировыми войнами сопровождалось достаточно ярко выраженной стабильностью.

Во Франции стабильность, конечно, не была такой абсолютной, как в вышеприведенных странах; но все же и здесь она весьма значительна. Ее трудно измерить с той же точностью, что и в других государствах, по причине изменчивости и размытости партий, главным образом партий правой: достаточно четкие границы имеют только радикалы, социалисты и коммунисты. Тем не менее довольно ясно видно, что от одних выборов к другим разрыв в количестве полученных мест никогда ощутимо не превышал 10 % от общего их числа. Максимальная амплитуда достигнута коммунистами в 1936 г. — плюс 62 места (на 608 депутатов) и радикалами — минус 42 (или 7 % от общего числа). В других случаях этот показатель едва достигал 5 %. Но это сравнение ограничивается результатами трех выборов — 1928, 1932 и 1936 г.: в 1919–1939 гг. лишь они прошли при мажоритарном голосовании в два тура. Второй тур явно сглаживал колебания первого. Сложная игра снятия кандидатур, позволявшая поочередно то одной, то другой союзной стороне извлекать выгоду из успехов партнера, в конце концов ограничивала амплитуду этих выигрышей и вела к потерям каждой. В случае, когда друг другу противостоят две большие прочные коалиции, теоретически возможно, чтобы сглаживались лишь индивидуальные колебания, но не общее соотношение сил между двумя блоками; к тому же осмысление результатов первого тура может побудить некоторых умеренных избирателей — из опасения слишком резкого колебания — во втором туре изменить свою позицию. Но подобная прочность союзов — редкость. На деле амплитуду разрывов между двумя большими коалициями уменьшает гибкость партий центра. Во Франции, например, глобальные колебания сами по себе достаточно слабы. Насколько размытость большинства партий позволяет их измерить, можно

считать, что в 1928–1932 гг. правая сократила (а левая увеличила) свое представительство приблизительно на 6 % (в том и другом случае — по отношению к общему числу парламентских мест); и что в 1932–1936 гг. левая приобрела (а правая потеряла) приблизительно около 10%³.

Французские партии Третьей республики, больше демонстрируют пример медленного, но неуклонного скольжения влево, нежели стабильного разделения: их эволюцию также можно отнести к третьему типу — синистризму. Мы уже рассмотрели одну из его форм — рождение новых партий, расположенных в политическом спектре левее старых, вызывающее сдвиг последних вправо и порой имеющее своим следствием их исчезновение или слияние между собой. Синистризм может приобретать и другие весьма разнообразные формы: ослабления всей совокупности партий правой в пользу партий левой, без исчезновения прежних или создания новой партии (Франция в 1924–1939 гг.); сохранения общего равновесия между двумя блоками при внутренней эволюции каждого из них, когда либералы растут в ущерб консерваторам, социалисты — радикалам или коммунисты — в ущерб социалистам (к этому типу приближались Швеция и Дания в период между двумя мировыми войнами); замещения старой партии левой новой, более динамичной и более радикальной (Англия); подъема крайне левой партии в ущерб всем другим (Норвегия между двумя войнами), etc. Синистризм — это выражение в политической сфере той социальной эволюции, которая создавала «новые слои», вынужденные добиваться доступа к власти в период, когда современная система политических партий выступает уже сложившейся и достаточно развитой. Этот феномен представляется всеобщим за одним главным исключением — Соединенных Штатов. Оно, несомненно объясняется весьма слабым значением политики для развития страны и повседневной жизни ее граждан на протяжении XIX и начала XX века, и особенно социальной структурой американского Союза, который никогда по-настоящему не знал такого расслоения на классы, как Европа.

Постараемся выявить различие между синистризмом реальным и видимым. Чтобы иметь верный взгляд на движение левой, допустим, во Франции, недостаточно вычислить голоса, полученные партиями в различные следующие друг за другом отрезки времени, и определить успехи левой и потери правой. Нужно принять во внимание снижение первоначального динамизма партий левой, что перемещает их влево по мере того, как они растут и стареют. Республиканец образца 1875 г. голосовал бы за радикалов в 1901, за социалистов — в 1932 и за коммунистов — в 1945 г. В известной мере такая эволюция соответствует сдвигу республиканца 1875 г. влево; а в какой-то мере — и попятному движению самой левой к республиканцу 1875 г. При Третьей республике французы, конечно, левели, но и сама левая также смещалась в сторону французов: она тоже прошла свою половину пути. Так, пассажиру поезда, остановившегося на вокзале, движение соседнего состава на север представляется движением на юг. Это наблюдение более приемлемо в политическом, нежели в социальном плане: старея, идеи левой утрачивают остроту, но восхождение низших классов остается. И наоборот: случается, что реальный синистризм оказывается сильнее видимого. Внешне в Соединенных Штатах, например, не отмечается никакого сдвига влево, все старые партии остаются на месте; внутренне же демократическая партия медленно эволюционирует в сторону относительного прогрессизма, хотя это никак не сказывается на масштабе партии, о чем мы здесь ведем речь; вопрос связан с проблемой отношений между конкуренцией партий и реальными расхождениями мнений.

Можно было бы с тем же успехом привести в качестве примера третьего типа эволюции ситуацию французских партий времен Третьей республики: партия радикалов действительно проявляла там довольно определенно выраженную тенденцию к доминированию. И на этом следует особо остановиться. Франсуа Перру, описывая доминирующие нации и доминирующие фирмы, показал значение фактора доминирования в политической экономии. История идей подсказывает понятие доминирующей доктрины: в каждую эпоху какое-то учение создавало основные интеллектуальные рамки, общую инфраструктуру мысли, так что даже противники не могли критиковать или опровергнуть его, не используя для этого его же

принципы мышления. Так было с христианством в средние века, с либерализмом в XIX веке. Создавая свою теорию, Маркс пользовался аргументами, взятыми у либерализма, он обратил против него его собственную логику: он был последним из либералов. Сегодня сам марксизм имеет тенденцию занять место доминирующей доктрины: с ним можно реально сражаться лишь с помощью его собственной диалектики. Подобные феномены встречаются порой и в развитии партий: пусть не всем странам известна доминирующая партия, но для некоторых ее существование представляется установленным. Не будем только смешивать доминирующую партию с партией мажоритарной, или партией парламентского большинства. Партию можно назвать мажоритарной, когда ей одной принадлежит более половины всех парламентских мест. Если политическая структура такова, что партия способна достигнуть указанного положения посредством обычного использования институтов, то говорят, что эта партия — мажоритарная. Понятие доминирующей партии имеет иной смысл: партия может стать доминирующей и этом случае, если она никогда не была мажоритарной и никогда ею не будет, разве что свершится чудо. Таков случай радикалов в период Третьей республики. При двухпартийном режиме, где каждая из партий — это в принципе партия мажоритарная и одна из них неизбежно это большинство завоевывает, доминирующей партии обычно не бывает.

Так что же такое доминирующая партия? Это прежде всего партия более крупная, чем другие; она идет во главе всех и достаточно явно дистанцируется от своих соперников на протяжении известного времени. Понятно, что это превосходство оценивается глобально, в целом за рассматриваемый период. В виде исключения соперники могут и опередить ее раз другой, но так, что она не теряет при этом своего характера — по крайней мере условиях двухпартийного режима. Здесь партия считается доминирующей, если она сохраняет парламентское большинство в течение длительного периода политического развития. В виде исключения она может потерять его на одних выборах в силу того педалирования подвижек общественного мнения, которое свойственно мажоритарному голосованию; но все же она сохраняет свое общее превосходство. В условиях многопартийного режима, основанного на пропорциональной системе или выборах в два тура, подобный сбой обычно означает конец доминирования. Но не любую партию, количественно превосходящую другие в течение некоторого периода времени, следует считать доминирующей: на этот материальный элемент накладываются элементы социологические. Доминирующая партия — это партия, которая отождествляется с какой-то определенной эпохой; ее доктрина, ее идеи, ее методы, в известном смысле сам ее стиль совпадают с соответствующими характеристиками эпохи. Так говорили о «Радикальной республике», хотя многие французы и республиканцы не были радикалами: но радикальная партия действительно олицетворяла Третью республику, определенную фазу ее истории. Кто кого создал по своему образу и подобию: эпоха партию, или партия эпоху, — вопрос риторический; но само тождество их бесспорно. Точно так же скандинавские государства, например, отождествляют сегодня с их социалистическими партиями, как во второй половине XIX века Англию отождествляли с либеральной партией и как сегодня имеется тенденция считать ее олицетворением лейбористскую партию. Доминирование — скорее феномен влияния, нежели проблема количественного измерения; а равно здесь перед нами и феномен веры. Доминирующая партия — партия, которой общественное мнение больше других верит. Эту веру можно сравнить с той, что определяет легитимность власть имущих: они отличны друг от друга и все же родственны между собой. Даже противники доминирующей партии и граждане, отказывающие ей в своих голосах, признают ее превосходство и влияние: это для них прискорбно, но — факт.

Доминирование, по существу, не какая-то особая форма развития партий, а особое свойство, которое могут приобретать другие формы. Доминирование может совпадать с чередованием, стабильностью или синистризмом, несколько изменяя их первоначальную физиономию. В двухпартийных режимах оно замедляет маятниковое движение: вместо чередования после каждых выборов мы сталкиваемся с чередованием длительных периодов, и рамках которых царит относительная стабильность; в действительности, вопреки распространенному мнению, замедление чередования оказывается гораздо более частым, чем

смена большинства на выборах. Например, в Англии в XIX веке сперва почти непрерывно, вплоть до 1832 г., доминировали тори; затем доминирование перешло к вигам и до 1886 г. они уступали его только трижды (или на 18 лет из 54). В Соединенных Штатах в качестве доминирующей партии от избрания Линкольна до избрания Рузвельта можно рассматривать республиканцев: на протяжении 72 лет (1861–1933 г.) президентский пост принадлежал демократам только 16 лет, большинство в Сенате — 10, в Палате представителей — 22 года. Демократы одновременно держали в своих руках президентство и большинство в обеих палатах лишь в течение 6 лет (1893–1895 и 1913–1917 гг.), республиканцы — в течение 38 лет. Они абсолютно доминировали с 1861 по 1875, с 1897 по 1911 и с 1921 по 1933 г.; только в период 1875–1897 гг. наблюдается относительное чередование (исключая войну 1914 г. и президентство Вильсона). Но с 1933 г. Америка вступила в фазу доминирования демократической партии: она непрерывно сохраняла президентство и утрачивала большинство в Сенате и Палате лишь на краткий срок в 2 года, 1947–1949 (табл. 36). В Бельгии либеральная партия доминировала с 1848 по 1870 г., с перерывом только на 2 года (1855–1857); начиная с 1884 г. устанавливается, напротив, доминирование католиков, которое, невзирая на всеобщие выборы и систему пропорционального представительства, длится вплоть до 1914 г. (табл. 34).

Во Франции с 1905 г. намечается доминирование партии радикалов: практически оно не прекращалось вплоть до 1940 г., поскольку правое крыло радикалов обычно имело известное влияние на консервативные правительства, даже в период Национального блока. Это, как уже говорилось, способствовало укреплению общей стабильности. То же самое можно сказать о доминировании с 1874 г. в Швейцарии партии радикалов, которая утратила большинство только в 1919 г. Наконец, в скандинавских странах восхождение социалистических партий к положению доминирующих имело своим следствием общее полевение и совпало с синистризмом. В Норвегии это Двойное движение выглядит достаточно определенно: начиная с 1927 г. все крупные партии теряют места в пользу только социалистической, которая таким образом поляризует голоса, полученные от центра и от правых; ее восхождение продолжается и после 1930 г.; в 1945 г. она достигает абсолютного большинства и сохраняет его в 1949 г. Пример Швеции и Дании представляется менее убедительным. Синистризм принимает там более завуалированные формы: рост аграриев в ущерб консерваторам, социалистов — в ущерб радикалам и в целом второй группы по отношению к первой (Швеция до 1944 г.); в Дании — стабильность консерваторов, но падение аграрной левой и радикалов при подъеме социалистов. Доминирование там точно так же менее выражено: в Швеции социал-демократы получили большинство лишь однажды, в 1944 г.; в Дании они его никогда не имели; в обеих странах послевоенные выборы изменили соотношение сил (пробуждение датской левой и шведских либералов) и ослабили социалистическую партию (табл. 37).

Доминирование обладает явно стабилизирующим действием, с чем бы оно ни совпадало — с чередованием, разделением или синистризмом. Оно замедляет ритм маятникового движения, сглаживает резкость полевения, ибо доминирующая партия занимает положение, аналогичное положению партий парламентского большинства: продолжительное исполнение правительственных обязанностей умеряет ее демагогию и склонность к инновациям. Когда левая партия становится доминирующей, ее революционная устремленность притупляется: внешне синистризм усиливается, но реально он ослабевает. Доминирование стабилизирует политическую жизнь, хотя в то же время делает ее пресной. Власть истощает доминирующую партию, она теряет свою энергию, склерозизируется. Вновь обращаясь к рассуждениям Гашека, можно показать, что любое доминирование несет в самом себе те элементы, которые его разрушат. В целом доминирование имеет тем не менее положительный эффект, особенно в случае многопартийного режима. Оно дает возможность сложиться относительно прочному большинству вокруг доминирующей партии, независимо от того, достигает ли она доминирования одна, в качестве центра коалиции, или формируя однородное правительство меньшинства, поддержанное союзниками. В этом смысле

интересно исследовать роль радикальной партии при Третьей республике во Франции и современных скандинавских социалистических партий, несмотря на их существенные различия: ведь радикалы принадлежат к центру, а социалисты — к левой. В частности представляется, что только статус доминирующей партии позволяет сформировать долговременный кабинет меньшинства, который был бы не просто техническим правительством: такая практика довольно развита в Скандинавии.

Нормальная эволюция и внезапные изменения

Типы, которые мы определили, касаются всей совокупности системы партий в продолжение известного периода. Но история порой являет нам неожиданные изменения равновесия: переход от одного периода к другому принимает форму перелома, а не эволюции. Иногда такая мутация выступает как следствие какого-то внутреннего или внешнего события: конец доминирования республиканцев и начало доминирования демократов в Соединенных Штатах в 1933 г. — результат Великой депрессии и американской «новой экономической политики»; перегруппировка партий в Бельгии после войны 1914 г. была вызвана концом доминирования католиков и восхождением социалистической партии. Наиболее часто глобальные мутации системы партий — это результат избирательных реформ или обновления тактики партий. Так, в Нидерландах отказ от союзов вызвал в 1868 г. крах предшествующей относительной стабильности и тенденцию доминирования либеральной партии; избирательный закон 1896 г. положил этому конец и установил новое равновесие, которое опрокинула введенная в 1918 г. пропорциональная система. Во всех странах, где последняя была принята, она коренным образом видоизменила взаимное соотношение партий. Диаграммы, показывающие парламентское представительство партий после каждых следующих друг за другом парламентских выборов в Швейцарии, Бельгии и скандинавских странах, предлагают нам совершенно различную картину до и после введения пропорциональной системы. В этой сфере влияние избирательной системы значительно: соответствующий вес партий зависит не только от общественного мнения, но и от техники его выражения. Далее мы еще выявим фундаментальные следствия этого факта для сущности политического режима.

Помимо глобальных мутаций системы партий, которые часто имеют своим результатом смену одного типа эволюции другим, встречаются мутации особые, присущие одной партии и не меняющие общего характера развития. Речь идет не о смене периода, а о внезапном перемещении партии в рамках одного и того же периода: таким было стремительное восхождение национал-социализма в Германии начиная с 1930 г., резкая вспышка роялизма в Бельгии в 1936 г. и последовавшее за ней столь же резкое его падение. Никакие избирательные манипуляции с целью изменить выражение общественного мнения здесь не замешаны: изменилось само общественное мнение. Это произошло в форме резкого скачка настроений, эмоционального потрясения. Такие взрывы эмоций и скачки на строений обычно дело рук ничтожного меньшинства: они являются иногда легкими колебаниями больших партий, но в то же время могут объясняться и кратковременными успехами малых партий. Иногда они распространяются внезапно, подобно эпидемии. На положении партии эти исключительные мутации общественного мнения отражаются весьма неоднозначным образом. Преобладающим здесь выступает влияние избирательного режима, которое может привести даже к установлению иного типа эволюции. Но нужно со всей силой подчеркнуть главное: влияние избирательного режима коренным образом различно в зависимости от того, идет ли речь о нормальной эволюции общественного мнения или чрезвычайных его мутациях. Если назвать способность избирательной системы преобразовывать колебания общественного мнения в колебания веса политических партий чувствительностью, то можно констатировать, что ее чувствительности к нормальным колебаниям мнений и чувствительность к эмоциональным их сдвигам не совпадают. Один способ голосования может быть нейтральным в отношении первых и очень восприимчивым по отношению ко

вторым: в этом случае он будет иметь своим следствием как тенденцию к стабильному разделению, так и тенденцию к неожиданным и многочисленным изменениям. Другой, напротив, усиливая нормальные колебания мнений и всячески приглушая резкие их мутации, может подтолкнуть к чередованию и сдвигам, оказав стабилизирующее воздействие. Следовательно, чтобы понять изменение веса политических партий, необходим системный анализ чувствительности различных избирательных режимов по отношению колебаний общественного мнения.

Схематически это можно выразить в следующих формулах: 1) система пропорционального представительства нечувствительна к нормальной эволюции мнений и весьма восприимчива к внезапным его мутациям, даже временным и слабым; 2) мажоритарное голосование и один тур весьма чувствительно к нормальной эволюции, но не реагирует на внезапные мутации, если только они не будут мощными и продолжительными; 3) мажоритарное голосование в два тура относительно мало чувствительно как к нормальной эволюции мнений, так и к внезапным их мутациям. Как обычно, эти формулы отражают лишь общие основные тенденции и могут быть коренным образом модифицированы действием других факторов; они допускают многочисленные исключения.

Мы уже охарактеризовали стабилизирующую роль пропорциональной системы в отношении нормальных колебаний общественного мнения. Но природе эти нормальные его движения крайне слабы и распознать их можно лишь с помощью измерительных инструментов, в принципе аналогичных сейсмографам, которые улавливают не воспринимаемые нашими органами чувств колебания земной коры, увеличивая их силу. Верно преобразуя распределение голосов в распределение мест, не преувеличивая их колебаний, пропорциональная система ведет к укреплению положения партии. Вместе с тем ее нечувствительность в отношении нормальных колебаний общественного мнения не всегда влечет за собой стабильное разделение и абсолютную неподвижность: пропорциональная система с равным успехом может совпадать и с феноменом доминирования. Незначительные смещения голосов на каждых выборах, если они происходят в одном и том же направлении, в конечном счете порождают более обширные сдвиги — при условии, что эти смещения будут продолжительными и регулярными. Восходящая тенденция скандинавских социалистических партий после 1919 г. типична: о ней кстати, сложно было бы говорить, если бы система голосования преувеличивала или ограничивала бы естественную эволюцию. Представляется, что она ее затормаживала, с одной стороны, отдаляя момент достижения скандинавскими лейбористами абсолютного большинства: в Швеции и Норвегии они быстрее получили бы его при мажоритарных выборах в один тур; по той же логике они должны были бы получить его и в Дании, тогда как они его там вообще не достигли при системе пропорционального представительства. С другой стороны, можно полагать, что способ голосования упрочивает доминирование, поскольку он придает затяжной характер процессу ослабления других партий (оно было бы менее значительно при мажоритарном режиме). Как видим, следует смягчить жесткость вышеприведенных формул в части стабилизирующей роли системы пропорционального представительства: на протяжении очень длительного срока она способна и преувеличить нормальные сдвиги общественного мнения, вместо того чтобы их приглушить. Но она с одинаковым успехом тормозит их как в восходящей, так и в нисходящей фазах.

По отношению же к внезапным мутациям пропорциональная система обладает крайней чувствительностью — идет ли речь о мимолетных эмоциональных порывах или глубоких и длительных течениях: любопытный контраст с ее нечувствительностью к нормальным колебаниям. И тем не менее оба эти феномена объясняет один и тот же механизм: своим истоком они имеют «пассивный» характер пропорциональной системы. Она регистрирует изменения в избирательном корпусе, не педалируя и не преуменьшая их: отсюда и ее нечувствительность по отношению к обычным, по природе своей слабым колебаниям (в этом случае стабильность пропорциональной системы отражает естественную стабильность общественного мнения) и одновременно — большая чувствительность к внезапным сдвигам,

которым их эмоциональный характер сообщает обычно немалую силу. Бельгия, где количество мест крупных традиционных партий очень мало изменилось за 1919–1939 гг., дает наиболее яркий пример чувствительности пропорционального режима к скоротечным увлечениям: выдающийся успех роялистов в 1936 г., когда они получили 21 место из 202 (тогда как в 1932 г. не имели их совсем) и последовавший за ним резкий спад 1939 г. (4 места) был бы немыслим при мажоритарном режиме с двумя турами.

Разве не интересно было бы в этом отношении отметить, что фашистское поветрие, которое в тот же самый период распространялось по всей Европе, в благополучных северных демократиях (Бельгия, Нидерланды и скандинавские страны) проявилось только в электоральной форме и что сила его к тому же оказалась гораздо менее значительной, чем во Франции/ Там господствовала пропорциональная система, здесь — мажоритарный режим. Точно так же и развитие коммунизма сразу после Освобождения повлекло за собой резкий рост партии только в пропорционалистской континентальной Европе, но не в мажоритарных англосаксонских странах. Правда, лишь первые — за исключением Швеции — подверглись немецкой оккупации, которая способствовала росту коммунизма благодаря действиям маки и подпольной борьбе. И тем не менее, если бы в Англии действовала мажоритарная система, коммунистическая партия, несомненно, имела бы на выборах 1945 г. больше двух депутатов. Если же рассматривать внезапные мутации более глубокого и продолжительного характера, то и здесь наблюдения также дают убедительные результаты. В 1919–1933 гг. система пропорционального представительства благоприятствовала развитию коммунизма в Германии, тогда как во Франции оно явно тормозилось мажоритарным режимом. восхождение нацизма, вероятно, происходило бы гораздо медленнее и имело бы меньшее значение, если бы в Германии продолжал действовать мажоритарный режим; относительная нечувствительность Империи к внезапным мутациям явно контрастирует с крайней чувствительностью Веймарской республики (табл. 38). Точно так же весьма симптоматично и развитие МРП во Франции в 1945–1946 гг.; при мажоритарном голосовании оно никогда не достигло бы подобной степени.

Различить кратковременные мутации и мутации глубокие и длительные подчас довольно трудно, тем более что пропорциональная система имеет тенденцию превращать преходящие мутации в долговременные, если они обладают достаточным размахом. В этом смысле заслуживает специального анализа пример французской коммунистической партии в 1945–1946 гг. В резком подъеме ее избирательного корпуса, когда он вырос с 15 % в 1936 г. до 25 % в 1945 и более чем до 28 % в 1946 г. (а ведь выборы 1936 г. были для нее значительным успехом: ни в 1938, ни в 1939 г. она не добилась бы такого соотношения), можно различить две составляющих: одна — постоянная, соответствующая реальной и глубинной эволюции общественного мнения; другая — чисто преходящая, связанная с обстоятельствами Освобождения. Деятельность в Соппротивлении, память о его жертвах, патриотическая Пропаганда, гарантии генерала де Голля, должности, занятые явочным порядком, правительственное влияние, — все это бесспорно сыграло главную роль в успехе коммунистов в 1945–1946 гг. Часто подчеркивалось, что сельские департаменты, где их влияние было наиболее развито, точно совпадали с картой маки. Но очень мало обращают внимания на то, что численность партии в конце 1944 г. (спустя четыре месяца после Освобождения) почти не превышала довоенную цифру: значительный рост имел место в 1945 г., а в 1947 г., после изгнания из правительства⁴, начался спад; в 1946–1949 гг. партия потеряла около 25% своих членов. Но такого же резкого спада электорального влияния коммунистов не произошло. Огромный рост компартии в 1945–1946 гг. неизбежно отбросил социалистов вправо, где они пытались вновь обрести избирателей-рабочих из числа средних слоев, покинувших их в пользу коммунистов: такая эволюция инфраструктуры партии повлияла на ее политику. С другой стороны, изоляция коммунистов вынудила СФИО поддерживать центристские правительства, что усилило эту эволюцию. Многие избиратели, проголосовавшие за коммунистов в 1945 г. в силу обстоятельств, остались им верны и в 1951 г. за неимением возможности отдать свой голос другой партии, которая казалась бы им

способной защитить их интересы. Чувствительность пропорциональной системы в отношении внезапных значительных мутаций проявляется, по-видимому, в одном направлении: она фиксирует прилив, но имеет тенденцию затем стабилизировать его и тормозить отлив. Таким образом она закрепляет преходящие страсти при условии, что они были резко выражены.

Мажоритарное голосование в два тура не допускает такого закрепления, поскольку мешает эмоциональным порывам и внезапным мутациям проявиться; в иных случаях она играет почти аналогичную роль и по отношению к нормальным колебаниям общественного мнения, не достигая при этом степени невосприимчивости пропорциональной системы. С этой точки зрения французский пример, по-видимому, совершенно ясен. Анализируя каждое голосование, можно констатировать, что второй тур всегда сглаживает изменения общественного мнения, проявившиеся в первом. Если сравнить периоды 1919–1924 и 1928–1936 гг., видно, что колебания избирательного корпуса были ненамного более значительными в первом периоде, чем во втором; однако в первом случае они очень четко выразились на парламентском уровне в изменении большинства в силу единственности тура; во втором случае по причине наличия второго тура они отразились гораздо менее четко. Механизм стабилизации выступает как одновременный результат союзов и амортизирующей роли партии центра: его эффективность зависит, стало быть, от точности выбора первых и от тактики второй. Если слишком жесткие избирательные коалиции мешают балансированию между правой и левой в зависимости от округов, подобному тому, как мы это видим у французских радикалов, то картина начинает напоминать двухпартийный режим: сглаживание колебаний общественного мнения. Продолжает проявляться внутри каждого течения, но в распределение голосов между ними обеими вмешивается избирательная система, как при двухпартийном режиме. Суммируя, например, голоса голландских партий по каждой избирательной коалиции за 1880–1913 гг., получаем диаграмму в виде ломаной, совершенно аналогичную диаграмме двухпартийных режимов. Что касается внезапных мутаций, стабилизирующий характер режима с двумя турами обнаруживает те же нюансы. Если мутация проявляется в резком росте существующей партии, весьма трудно сказать, будет он сглажен или усилен способом голосования: все зависит от положения партии внутри коалиций. Если она и до мутации занимала первую позицию, техника выборов чаще всего имеет тенденцию преуменьшить ее успех, особенно если он достигнут за счет одного из членов альянса, поскольку общее число голосов коалиции пропорционально не увеличится в той же пропорции. Но даже если он приобретен в ущерб враждебной коалиции, мутация будет амортизирована: дополнительно полученное места распределятся среди всех союзных партий. В 1936 г. социалисты частично воспользовались мутацией коммунистов (которые удвоили количество избирателей): получив на 27.000 голосов меньше, чем в 1932 г., они приобрели на 20 парламентских мест больше. Но если партия, выигравшая от мутации, занимала второе или третье место внутри коалиции, это может выдвинуть ее на первую позицию; в таком случае ее кандидаты останутся в гонке второго тура и воспользуются снятием кандидатур других членов коалиции, вместо того чтобы уступить им дорогу. А поскольку соответствующие позиции союзников колеблются по регионам, а сами внезапные мутации не дают идентичного роста на всем пространстве данной территории, то никакие точные заключения невозможны.

Если мутация вызвана появлением на свет новой партии, стабилизирующий характер двух туров выступает гораздо более четко. Любая партия, желающая завоевать избирателей, оказывается при этом перед следующей дилеммой: ринуться в атаку в одиночку (а это означает быть раздавленной враждебными коалициями) или принять участие в одной из них, что в свою очередь означает во многом потерять свою независимость и свою новизну, а так же оказаться в невыгодной позиции при распределении мест, поскольку новый кандидат обычно получает меньше голосов, чем старые, и, стало быть, почти не имеет шансов участвовать в гонке второго тура. Если к тому же второй тур совмещается с голосованием по одномандатным (а это значит небольшим) округам, что обычно способствует превращению

их в настоящие личные вотчины, то невосприимчивость избирательной системы достигает своей кульминации: новая партия должна принять вызов на битву с испытанными кандидатами, если хочет иметь шансы ни успех. Чтобы избежать этой дилеммы, ей нужно будет сразу собрать такое количество голосов, которое позволит обратить в свою пользу снятие во втором туре родственных кандидатур в значительном числе округов. Такой вариант реализуется довольно редко; но даже и в этом случае неоднородный состав голосов, полученных депутатами новой партии, заставляет их умерить свои инновационные аппетиты и сглаживает силу мутации. Тем не менее во Франции разобщенность правой не так уж редко создавала подобную ситуацию, что давало известный шанс всякого рода бонапартизму. Многие наблюдатели, например, считали, что ФСП³ могла бы добиться чуть ли не сотни мест, если бы выборы происходили не в 1939, а в 1940 г.; но из-за необходимости заключения альянсов новизна всегда в существенной мере теряется.

Пример Франции достаточно хорошо иллюстрирует консервативный характер второго тура. Проанализируем, например, эволюцию коммунистической партии в 1928–1939 гг. (табл. 39). На первом этапе (1928–1936 гг.) она идет в бой в одиночку, отказываясь снимать своих кандидатов даже во втором туре: таким образом полностью сохраняется чистота и оригинальность, но партия терпит поражение (в 1928 г. при 1.063.943 голосах в первом туре она получила всего 14 мест, тогда как социалисты получают их 99 при 1.698.084); в 1936 г. коммунисты войдут в коалицию Народного фронта, что позволит им получить 72 места, но весьма определенно будет связано с фазой «обуржуазивания» и смыкания (по крайней мере внешнего) с традиционными партиями. С другой стороны, можно констатировать абсолютную неспособность даже таких активных движений, как «Аксьон франсэз»⁴, добиться парламентского представительства. Судьба социалистической партии также предлагает сюжет, достойный размышления; постоянная необходимость сотрудничать с «буржуазными партиями» в избирательных целях имела тенденцию перманентно размывать ее собственные черты и сближала ее с этими партиями по духу и устремлениям: избирательная система, несомненно, несет большую долю ответственности за безликость французского социализма. В конечном счете второй тур консервативен по самой своей сути. Он автоматически вытесняет мутации общественного мнения, когда они поверхностны и преходящи; если же они глубоки и продолжительны, он тормозит их парламентское выражение, в то же время последовательно изживая их оригинальность и обнаруживая тенденцию нивелировать их до уровня традиционных партий. Конечно, постепенная утрата партиями их динамизма — явление общего порядка, но двухтуровая система имеет тенденцию ее ускорять.

Мажоритарное голосование в один тур дает подобные результаты в отношении внезапных мутаций, но не медленных и нормальных колебаний общественного мнения. В отличие от пропорционального представительства — системы пассивной, она представляет по преимуществу активный принцип, ограничивая первые и усиливая вторые. Мы уже видели, что нормальные колебания общественного мнения при этом избирательном режиме принимают обычно форму чередования: даже в случае замедленного чередования, сочетаясь с доминированием какой-то партии, кривые колебаний парламентских мест, полученных партиями, принимают вид ломаной линии, весьма характерной для этой системы. Если сравнить с ними кривые колебаний голосов, можно констатировать очень четкое различие в амплитуде разрывов; в этом смысле весьма выразительно сопоставление процента голосов и процента полученных мест в Англии в 1918–1950 гг., даже при том, что присутствие либеральной партии существенно искажало систему (табл. 40). Механизм усиления прост, это результат сочетания двух выше уже проанализированных тенденций: к сверхпредставительству партии большинства и к заниженному представительству партии меньшинства. Если он функционирует нормально, то есть когда мажоритарная система (сообразно своему естественному предназначению) совмещается с дуализмом партий, она действует как некий политический сейсмограф, способный зафиксировать колебания общественного мнения, которые без нее были бы неощутимы. Достоинство этой

системы в том, что она противостоит естественному консерватизму общественного мнения, не искажая при этом общей направленности его колебаний. Если мажоритарное голосование в один тур совмещается с многопартийностью, результаты гораздо менее удовлетворительные: сейсмограф тогда фальшивит, деформируя колебания общественного мнения, вместо того чтобы их просто усиливать. Не будем все же забывать, что деформация эта чаще всего происходит в строго определенном направлении (в ущерб третьей партии) и имеет таким образом тенденцию за счет своего собственного действия воспроизводить фундаментальную двухпартийность режима.

При двухпартийном режиме педалирование изменений общественного мнения за счет действия мажоритарного голосования выглядит подчиненным точному закону, который можно сформулировать следующим образом: соотношение мест, полученных партиями, равняется кубу соотношения полученных ими голосов ($a'/v' = a^3/v^3$). Это соотношение выведено в 1909 г. Ж.-П. Смитом в докладе Королевской комиссии об избирательных системах на основе изучения английских выборов XIX века. Но практически формула с равным успехом приложима к британским выборам 1931, 1935 и 1945 г. (то есть к тем, которые происходили после установления относительной двухпартийности). Только в 1950 г. лейбористы получили на 18 мест меньше (а консерваторы — на 18 больше), чего не предполагает закон Смита: это небольшое отклонение, по-видимому, объясняется присутствием либеральной партии и неравной нарезкой округов⁵.

Гораздо труднее выявить следствия мажоритарного голосования в один тур в отношении внезапных мутаций общественного мнения. Если мутация выражается в росте или резком упадке одной из существующих партий, она усиливается избирательным режимом посредством механизма, который мы только что описали; в системе с двумя турами все иначе, за исключением одного пункта: новизна мутации сглаживается. Теоретически можно влить новое вино в старые мехи; практически же вино приобретает вкус мехов... Количественно мутация усилена, увеличивается и амплитуда подвижек между двумя выборами; политически же она амортизируется активистами и руководством старой партии. Стабилизирующий эффект еще определеннее, если внезапная мутация проявляется в форме возникновения новой партии, но здесь есть существенные отличия. С одной стороны, мажоритарная система с голосованием в один тур проявляется тогда как система консервативная — еще более консервативная, чем режим в два тура, поскольку ставит перед переменами непроходимый барьер в виде мощи двух больших избирательных блоков, которые она создала. Здесь может быть приведен пример Соединенных Штатов: общепризнанна невозможность создания там «третьей партии». Но, с другой стороны, признано и то, что эта система определенно способствовала развитию социалистических партий в начале XIX в. и что первыми странами, где эти партии смогли участвовать в отправлении власти, были именно страны с мажоритарным голосованием в один тур: Австралия и Новая Зеландия. Как разрешить это противоречие?

Оно в значительной степени проистекает из конкретных обстоятельств, не укладывающихся ни в какие общие определения, и не связано с избирательным режимом. А вместе с тем оно объясняется также природой и силой новых движений общественного мнения. Пока они остаются слабыми и неокрепшими, система безжалостно отказывает им в парламентском представительстве: даже их потенциальные избиратели по существу избегают распылять ради них голоса, которые в результате могут обеспечить триумф худших их противников. Таким образом ставится заслон любым внезапным и поверхностным скачкам настроений, через которые порой проходит нация. Но предположим, что новая партия — лейбористская, например — достигла известной силы в одном округе: на следующих выборах страх перед социализмом отбросит самых умеренных либеральных избирателей к консервативному кандидату, тогда как наиболее радикальные присоединятся к лейбористам. Эта двусторонняя поляризация открыла процесс вытеснения либеральной партии, который успехами лейбористов будет только ускорен, поскольку с того момента, когда либералы перейдут на третью позицию, ко всему тому добавится еще и заниженное представительство.

При режиме в два тура ситуация совершенно иная: во французском округе до 1939 г. тот факт, что социалистическая партия добивалась внушительного числа голосов, не отдалял от радикала самых умеренных его избирателей, а как раз наоборот: некоторые избиратели правой начинали искать менее опасного либерала — в том смысле, что он мог бы надежнее защитить их от социалиста: поляризация работала в пользу центра и отдаляла приход новой партии к власти, в то время как необходимость вступать в союзы со старыми партиями ослабляла ее оригинальность.

Таким образом, голосование в один тур гораздо менее консервативно, чем об этом зачастую говорят; оно, напротив, может ускорить развитие новой партии, как только она достигнет некоторой прочности, и быстро дать ей положение «второй партии». Но с этого момента результаты его действия начинают напоминать голосование в два тура: как и последнее, оно ускоряет естественное старение новой партии, имея тенденцию несколько сблизить ее с той из старых, что остается ее главной соперницей: мы еще скажем далее об этом глубинном импульсе, который приводит к тому, что две крупные партии в дальнейшем начинают походить друг на друга своей центристской ориентацией в избирательной борьбе.

III. Союзы партий

Союзы партий весьма многообразны по своим формам и степеням. Иные из них недолговечны и неорганизованны — это просто временные коалиции с целью получить преимущество на выборах, опрокинуть правительство или от случая к случаю оказывать ему поддержку. Другие — продолжительны и обладают солидной инфраструктурой, что порой делает их похожими на некую суперпартию. Можно было бы напомнить в этой связи о конфедерации и федеративном государстве, но юридическое различие между ними не всегда здесь легко приложимо, тем более что иные исключительно прочные альянсы мало чем отличаются от партий, расколотых на соперничающие течения. Так, национал-либералы в Великобритании официально составляют партию, самостоятельную по отношению к консервативной; на деле же этот альянс настолько тесен, что они должны рассматриваться как полностью интегрированные в организацию консерваторов. И, напротив: некоторые уругвайские, к примеру, партии, различные течения которых могут выставлять на президентские выборы своих собственных кандидатов, взаимно снимая их в пользу друг друга, больше напоминают альянсы, нежели единые партии. В Боннской республике баварские христианские социалисты (ХСС) могут рассматриваться как фракция немецких христианских демократов (ХДС), хотя в действительности речь идет о двух различных, но союзных партиях; ХДС, к тому же, настолько децентрализована, что этот альянс можно было бы описать и как объединение локальных партий.

Движущие силы объединения

В образовании союзов партий определяющую роль играет их количество. При двухпартийном режиме они представляют собой редкое исключение, принимая форму национального объединения в случае серьезных внутренних или внешних обстоятельств. Англия знала такие союзы в 1914 и 1939 г. Соединенные Штаты тоже использовали такую двухпартийность; они даже дали пример оригинального альянса, ограниченного внешнеполитическими целями. А вместе с тем Южная Африка в 1933–1941 гг. жила в условиях коалиции двух единственно тогда существовавших в стране партий. И наоборот: многопартийные режимы лишь в качестве исключения могут обойтись без коалиций, когда какая-то одна из партий добивается абсолютного большинства; но и при таком варианте партия большинства чаще всего стремится управлять совместно с другими (как мы это видим в Италии с 1948 г.), чтобы заставить их разделить с собой ответственность за власть: она остается психологически доминирующей в режиме, и основа этого доминирования — психология альянсов. Ту же роль в этом отношении, бесспорно, играют национальные

традиции: Блок 1902 г., Картель 1924, Народный фронт 1936 и даже трехпартийность 1945 г. во Франции были порождены тенденцией к объединению всех республиканцев; такова восходящая к началу века традиция сотрудничества датских радикалов с социалистами и объединения аграрной левой (Венстре) с консерваторами; ставшая привычной после распада альянсов 1868 г. коалиция между католиками и протестантами в Нидерландах, etc. В авторитарных режимах таким же весьма существенным фактором выступает вмешательство правительств: многие альянсы в балканских демократиях периода 1920–1940 гг. были заключены под давлением власти; точно так же в кайзеровской Германии знаменитый Картель 1887 г. был инициирован Бисмарком. Немаловажную роль играют и исторические обстоятельства: такова роль финансового кризиса в создании Французского национального союза 1926 г., событий 6 февраля 1934 г. — Народного фронта, подпольной борьбы — в формировании трехпартийности.

И все же среди этих факторов преобладающим оказывается влияние избирательной системы. Оно выступает настолько четко, что можно было бы выразить его в точных формулах. Мажоритарное голосование в два тура в принципе ведет к установлению прочных союзов; система пропорционального представительства, напротив, — к полной независимости. Что же касается мажоритарного голосования в один тур, то его воздействие может быть весьма различным в зависимости от количества партий, участвующих в выборах: при двухпартийных режимах оно порождает их абсолютную независимость; при режимах многопартийных предрасполагает к весьма прочным союзам. Первая тенденция очевидна: ведь сам механизм мажоритарного голосования в два тура фактически внутренне предполагает, что во втором внутри каждого «большого духовного семейства» менее удачливые партии ретируются в пользу более удачливых. При этом различают просто уход и снятие кандидатуры, когда выходящий из борьбы призывает своих избирателей передать их голоса именно тому из конкурентов, на которого он укажет. На практике между ними — тысяча более или менее изоощренных нюансов: есть много способов ретироваться и столько же степеней снятия; но само собой разумеется, что близкие кандидаты договариваются перед выборами, чтобы предвидеть взаимные снятия или отзывы кандидатур во втором туре. Наблюдения подтверждают эти умозрительные соображения: во всех странах, где имеется второй тур, обнаруживаются более или менее четкие следы предвыборных альянсов. Наиболее типичны в этом отношении кайзеровская Германия и Третья французская республика.

Первая знала грандиозные национальные соглашения: объединивший консерваторов, национал-либералов и имперскую партию в Картель, который выиграл выборы 1887 г. И проиграл их в 1890 г.; Блок 1906 г., сплотивший против социалистов либералов и национал-либералов и консерваторов; коалицию левой, сформированную социалистами в 1912 г. с целью противостоять Блоку. Немецкий Блок 1906 г. был учрежден по образцу французского Блока левых 1902 г., который во Франции был не первым примером соглашения национального уровня. Выборы 1877 г., проведенные сразу после 16 мая, развертывались под знаком двух соперничающих коалиций левой и правой. Блок 1902 г. был создан с большей основательностью: функционирование Представительства левых в парламенте стало в этом смысле значительной инновацией. Народный Фронт 1936 г. являл собой аналогичную структуру, но объединение союзников по избирательной кампании было еще более прочным в силу подготовки достаточно детализированной совместной программы. Из всех коалиций, вероятно, именно Народный фронт получил наибольший резонанс в общественном мнении. Все эти большие блоки известны потому, что они представляли собой объединения национального согласия — официальные и публичные, вокруг которых партии вели широкоую пропаганду; кроме них под давлением избирательных соображений заключались многочисленные негласные соглашения, нередко локального порядка. В Германии на выборах 1907 г. католики поддержали социалистов в Бадене, Баварии и Австрии, передавая им свои голоса, либо воздерживаясь в их пользу⁹. Во Франции два соперничающих блока

⁹ от выдвижения собственных кандидатур. — Прим. перев.

почти повсюду перестраивались едва ли не на всех выборах времен Третьей республики. Помимо Франции и Германии мы видим альянсы во всех странах, где есть второй тур. В Швеции либералы и социалисты нередко объединялись против консерваторов. В Норвегии, наоборот, правая и левая после 1906 г. обычно заключали союз против социалистов: на выборах 1915 г. они сотрудничали столь тесно, что их голоса с трудом можно разделить даже в избирательной статистике. В Нидерландах вплоть до установления пропорциональной системы союзы практиковались регулярно: либерально-католическая коалиция 1848–1868 гг., которой противостояла коалиция консерваторов и кальвинистов (менее сильная); в 1868 — переворот внутри коалиций (католики сотрудничают с кальвинистами, консерваторы обнаруживают тенденцию к исчезновению); начиная с 1905 г. — избирательное соглашение между либералами и радикалами (табл. 41).

Точно оценить влияние специфических особенностей порядка голосования на формирование союзов достаточно нелегко. Ограничение второго тура двумя кандидатами, собравшими наибольшее количество голосов (Германия, Нидерланды), по-видимому, не играет большой роли по сравнению со свободным вторым туром (французская и норвежская системы). Теоретически это ограничение, с одной стороны, казалось бы, лишает смысла формальные альянсы, обязывая наименее преуспевших кандидатов к выходу из игры, а с другой — обнаруживает тенденцию их укреплять, вынуждая партии, которые могут оказаться наименее удачливыми, договариваться о едином кандидате уже в первом туре, с тем чтобы иметь возможность участвовать во втором. Словом, лишь углубленное изучение каждого частного случая позволило бы выявить соответственные следствия двух этих факторов. Почти столь же трудно уловимо для наблюдателя и различие между голосованием по партийным спискам в два тура и выборами по одномандатным округам. Представляется, что, поскольку голосование по партийным спискам усиливает централизацию и партийную дисциплину, оно делает союзы более прочными. Пример Франции убеждает, что крайняя децентрализации партий при значительной слабости их внутренней структуры — один из главных факторов быстрого распада избирательных альянсов.

Воздействие мажоритарного голосования в один тур совершенно различно в зависимости оттого, протекает ли оно в рамках дуалистического режима или в условиях многопартийности. В первом случае само понятие избирательного союза бессмысленно: ведь если бы две партии объединились, то выставился бы только один кандидат и выборы приняли бы характер плебисцита, что полностью изменило бы характер политического режима. И тем не менее в политических науках нужно всегда воздерживаться от однозначных заключений: пример Южной Африки в период 1933–1941 гг. показывает, что при мажоритарной системе такие избирательные союзы двух партий возможны и без полного изменения политического режима; но речь идет о случае весьма исключительном. Если же голосование в один тур происходит в условиях многопартийности и в связи с какими-то особыми обстоятельствами, мы обнаруживаем тенденцию к установлению весьма прочных союзов, несравненно более тесных, чем соглашения второго тура, ибо в этом случае становится необходимым распределиться по округам до голосования, чтобы таким образом дать возможность избирателям объединить свои голоса вокруг единственного кандидата коалиции. Это предполагает гораздо большую согласованность, чем в другом случае, когда существование второго тура дает возможность свободного выдвижения кандидатур в первом: здесь в общем и целом распределение мест между членами альянса обеспечивает избиратель; там партийные штабы должны сделать это сами. Такой союз труднее создать; но, будучи раз заключенным, он предполагает более тесное сотрудничество. С другой стороны, давление избирательной системы, побуждающей к его установлению, гораздо более сильное: при отсутствии согласия голосование обнаружит неумолимую тенденцию к устранению избыточных партий, вплоть до возврата в конечном счете к двухпартийности. Можно привести немало примеров избирательного сотрудничества этого типа. Мы уже говорили о подобном весьма тесном содружестве в 1910 г. датских радикалов и социалистов —

настолько тесном, что они никогда ни в одном округе не выставляли своих кандидатов друг против друга. Ближе к нашим дням можно указать на английские коалиции на выборах 1918, 1931 и 1935 г. и пакт, заключенный в 1924 г. в Южной Африке между националистической партией (Эрцог) и лейбористами.

Система пропорционального представительства по природе своей выступает в качестве голосования изоляционистского: она ведет к предоставлению каждой партии полной свободы на выборах. Но, весьма редко принося какой-либо одной партии абсолютное большинство, она в силу этого внутренне предполагает парламентские альянсы. Такое противоречие между избирательным и правительственным аспектами — еще не самый худший из недостатков пропорциональной системы: представляя партиям полную независимость друг от друга в первом туре, она обязывает их к сотрудничеству во втором. Это обычно делает более трудным образование парламентских коалиций и менее предсказуемой — судьбу правительственного большинства. Уместно привести по этому поводу пример Нидерландов, где при пропорциональной системе правительственное большинство бывало гораздо менее надежным и продолжительным, нежели при мажоритарном голосовании в два тура. Но опыт не всегда согласуется нашими умозрительными заключениями о независимости партий на выборах в условиях системы пропорционального представительства. На деле редко бывает, чтобы эта система применялась в чистом виде, и ее наиболее часто встречающийся искаженный вариант ставит в благоприятное положение крупные партии и невыгодное — малые. В силу этого коалиции с целью формирования общих партийных списков или их объединения для распределения оставшихся мест могут стать достаточно плодотворными. Мы уже отмечали, говоря о Бельгии, многочисленные попытки коалиций между либералами и социалистами с целью выставления общих списков. Но избирателей этим не привлечешь: так, альянс 1912 г. повернул многих либеральных избирателей к католической партии, которая выиграла 130000 голосов. Тем не менее на выборах 1946 г. либерально-социалистический картель был снова образован в провинциях Лимбург и Люксембург и в округах Хассель, Тонгр, Арлон и Нефшато; в 1949 г. он не был поддержан, что привело к потере мест обеими партиями. Не будем вместе с тем забывать, что порожденные пропорциональной системой союзы, появляются именно в результате искажения самой системы: примененная в своем чистом виде, пропорциональная система враждебна всякого рода альянсам. С другой стороны, заинтересованность в коалициях остается в этой искаженной пропорциональной системе гораздо меньшей, чем при мажоритарном голосовании: в последнем случае разрыв может повлечь за собой полный переворот в результатах выборов; в первом он лишь слегка влияет на распределение мест, не изменяя существенно баланса сил. Разумеется, если только речь не идет о смешанном варианте, но это уже выходит за рамки пропорциональной системы.

В этом отношении несколько удачных примеров дает Боннская республика, избирательная система которой в общем представляет собой компромисс между мажоритарным голосованием в один тур и системой пропорционального представительства (после того, как места выставленные на мажоритарное голосование, завоеваны, некоторое количество дополнительных мест распределяется затем по пропорциональной системе). В 1950 г. на земельных выборах христианские демократы и либералы часто выступали в союзе. В земле Северный Рейн-Вестфалия ХДС не выставляла кандидатов в 12 округах, где она вела кампанию в пользу либералов, а в 17 округах дело обстояло наоборот: благодаря этой коалиции христианские демократы и либералы получили 53 % мест, собрав при этом только 49 % голосов. Еще более значительным оказался выигрыш в Шлезвиг-Гольштейнии, где та же самая коалиция, связанная с немецкой партией, добилась около 45 % мест при 36,4 % голосов. Французская система 1919–1924 гг. вела к тем же результатам, поскольку согласно ей сперва объявляется избранным любой кандидат, получивший абсолютное большинство голосов, а затем добавляются места соответственно системе квот, отдающей все оставшиеся места партийному списку, имеющему наиболее высокую среднюю. Тем самым она явно давала преимущества списку, возглавлявшему соревнование. Отсюда и стремление близких

партий выставить общий список; предвыборное блокирование к тому же облегчало его создание. Используя этот механизм и создав Национальный блок, партии правой одержали крупную победу на выборах 1919 г.: они получили 338 мест (в том случае, если бы пропорциональная система использовалась в чистом виде, их было бы 275)⁶. Разъединенные партии левой добились только 197 мест (соответственно их могло бы быть 250). Прокоалиционный характер смешанной пропорциональной системы очевиден; еще более он очевиден в отношении системы 1951 г., когда все места отдавались партийному списку или группе объединенных списков, получивших абсолютное большинство, так как пропорциональная система выступала в качестве вспомогательной. Заключение союзов (хотя они и не имели национального характера) позволило партиям центра получить в метрополии 61 % мест при 54 % голосов, тогда как РПФ и коммунисты, действовавшие в изоляции, получили 39 % мест при 48,2 % голосов.

Избирательные, парламентские, правительственные союзы

Классификация объединений требует осторожности, ибо здесь мы вступаем в область неопределенного и изменчивого. Прежде всего следовало бы различать случайные, недолговечные коалиции и собственно альянсы — союзы более продолжительные. Такая в принципе верная классификация не всегда достаточно легко применима на практике: немало подававших надежды и превозносимых пропагандой альянсов, распалось так же быстро, как и простые коалиции; а многие коалиции, постоянно обновляясь, становились настоящими альянсами. Во Франции, к примеру, партии левой только трижды официально заключали альянсы: в 1902 г. (Блок левых), в 1924 (Картель) и в 1936 г. (Народный фронт). Но практически «республиканская дисциплина» в форме стихийной коалиции, складывавшейся в каждое четырехлетие, действовала почти на всех выборах. Будем одновременно употреблять термины «коалиция» и «альянс», помня, разумеется, что первое чаще всего относится к эпизодическим соглашениям, а второе — к длительным союзам.

Фундаментальная классификация союзов основывается на других критериях. Если взять вертикальный срез, можно прежде всего выделить альянсы избирательные, парламентские и правительственные. Первые создаются на уровне кандидатов, вторые — на уровне депутатов, третьи — на уровне министров. И те, и другие могут совпадать или существовать самостоятельно. Избирательные альянсы сами по себе весьма многообразны в зависимости от способа голосования и степени объединения: выдвижение общих кандидатов или общих партийных списков в первом или единственном туре; взаимное снятие кандидатур во втором; соглашения о распределении оставшихся мест или блокирование при некоторых вариантах пропорциональной системы, etc. Они могут быть негласными или открытыми, локальными или национальными. Во французской системе со свободным вторым туром простое снятие своей кандидатуры без официального обращения к избирателям с призывом передать голоса близкому кандидату — это чаще всего результат негласного соглашения: каждая из двух партий избегает прямо идти на союз с родственной и тем не менее использует выгоды от объединения; открытый альянс был более эффективным, но и более обязывающим. Негласные альянсы действительно довольно широко распространены в избирательных системах со вторым туром; встречаются они и в системах с единственным туром, когда имеется много партий (и какие-либо две из них избегают выставить кандидатов друг против друга); при пропорциональном режиме они невозможны. Еще чаще, чем национальные альянсы, по тем же мотивам возникают локальные избирательные альянсы. Партии официально оставляют за своими региональными комитетами право на свободу союзов, допуская, что здесь они могут быть более независимы, чем в случае создания национальной коалиции. Такой порядок позволяет партиям центра вести весьма выгодную избирательную игру, опираясь на поддержку Правой в одних округах и левой — в других; во времена Третьей республики партия радикалов нередко использовала это искусство предвыборной «джигитовки». Национальные и локальные альянсы часто противоречат друг

другу: во Франции, несмотря на Блок левых, Картель и Народный фронт, некоторые кандидаты радикалов по-прежнему избирались, опираясь на поддержку правой. Решающую роль в этом отношении, очевидно, играет степень централизации партий.

Но порой избиратели сами могут сказать свое слово: ведь всегда можно отличить вынужденные альянсы от добровольных. В первом случае избиратель не может помешать альянсу, разве что ценой передачи своего голоса кандидату, совершенно враждебному его взглядам. Представим себе, например, соглашение о блокировании партийных списков социалистов и МРП с целью распределения оставшихся мест или завоевания первенства по большинству голосов: избиратель-социалист, не одобряющий соглашения, вынужден голосовать против своей собственной партии и за злейших своих противников — коммунистов или консерваторов. Если это единственный список или единственный кандидат, ситуация идентичная: Пример — ХДС и ФДП (немецкая либеральная партия) на земельных выборах в Германии. И напротив, соглашения о снятии кандидатур на случай второго тура оставляют избирателю большую свободу. Возьмем партию радикалов во Франции между двумя войнами; подчиняясь «республиканской дисциплине», ее кандидат оставляет поля боя, приглашая своих избирателей передать их голоса наиболее удачливому социалисту. Многие не последуют этому призыву и воздержатся или даже проголосуют за умеренного кандидата. Поступив так, они не повредят своей партии, поскольку она в любом случае вне игры: они, напротив, постараются обеспечить ее успех уже и первом туре. Такая независимость избирателей встречается довольно часто. На выборах 1928 г. кандидаты-радикалы часто снимали свои кандидатуры в пользу социалистов, но 400 000 «радикальных» голосов, несмотря на соглашения партий, во втором туре перешли к умеренным. И наоборот: бывает, что сами избиратели делают коалицию реальностью, несмотря на разногласия партий. Во Франции компартия вплоть до самого 1936 г. жестко придерживалась тактики «класс против класса» и сохраняла своих кандидатов во втором туре, но многие избиратели, обычно голосующие за коммунистов, невзирая на директивы «своей» партии, голосовали за кандидатов-социалистов или воздерживались (от чего тоже косвенно выигрывали социалисты). В 1928 г. из 425.751 избирателей, голосовавших за компартию в первом туре, только 231.794 остались верны ей в тех в 256 округах, где она вышла во второй тур, или 59 %. В 1932 г. отступничество усилилось: в 284 округах, где оказалось необходимым повторное голосование, из 338.000 избирателей компартии лишь 185.000 перешли за ней во второй тур, или 54 %.

На парламентском уровне партии могут объединяться как для поддержки правительства, так и против него. Здесь встречаются все виды и степени объединений — от случайной одноразовой коалиции до организационного союза с общими институтами, наиболее известный пример которого дало Представительство левых в 1902 г., возродившееся затем в 1924 г. Жизнь многопартийных парламентов правят альянсы. Точно так же от них зависит и жизнеспособность правительств, которые не смогли бы сформироваться без межпартийных соглашений. Любой правительственный альянс, объединяющий у власти министров из различных партий, явно дополняется альянсом парламентским. Но обратное утверждение было бы неверным. Есть парламентские альянсы оппозиции и парламентские альянсы поддержки: партия меньшинства управляет, опираясь на своих депутатов и депутатов родственных объединений, которые отдают ей свои голоса, не претендуя разделять с ней власть. Они несут меньшую ответственность в глазах общественности, поскольку менее вовлечены в действие; они могут, стало быть, внешне сохранять видимость чистоты и неангажированности, одновременно не исключая для себя и гораздо более демагогическую позицию. Иногда используют альтернативную поддержку, опираясь на правую, чтобы добиться одобрения консервативных мер, и на левую — с целью обеспечить поддержку прогрессистских реформ. С равным успехом для этого может иногда оказаться достаточным простое воздержание: во Франции социалистическая партия нередко практиковала это в отношении правительств левой во времена Третьей республики. Суть парламентской деятельности в том и состоит, чтобы суметь соединить преимущества власти

и свободу оппозиции; помочь в этом может внутренняя структура партий, но и механизм союзов — тоже. Во Франции с февраля 1934 по январь 1936 г. партия радикал-социалистов была представлена одновременно и в правительстве Национального единства, ориентированного на правую (от радикалов до консерваторов), которое она поддерживала своими голосами, и в Представительстве левых (а также в комитете Народного фронта после июля 1935 г.), органах оппозиции, ориентированных на левую (от радикалов до коммунистов). Мы вновь встречаемся здесь с высшим проявлением того, что можно было бы назвать техникой летучей мыши: «Я птица: посмотрите на мои крылья; я же мышь, да здравствуют крысы!»

Отношения между избирательными альянсами с одной стороны и альянсами парламентскими и правительственными — с другой весьма сложны. Как мы видели, вторые могут существовать без первых: при пропорциональном режиме без блокирования партии идут на выборы самостоятельно, но поскольку ни одна из них не получает абсолютного большинства, они вынуждены объединяться, чтобы сформировать или поддержать правительство. Отсутствие избирательной солидарности ослабляет парламентскую и правительственную солидарность. Каждая партия старается переложить на своего союзника ответственность за непопулярные решения и приписать себе авторство в отношении мер популярных. Но если к избирательным альянсам побуждает способ голосования, то они не всегда совпадают с альянсами правительственными. Куда легче объединиться для завоевания мест, чем для отправления власти: первый союз предполагает лишь негативное согласие против соперника, второй — позитивное согласие по программе, требующее более глубокого совпадения позиций. В некоторых случаях избирательные коалиции не могут быть перенесены на парламентский уровень в силу своей противоречивости: в разных округах — разные союзники. Уже приводился пример французской партии радикалов, использовавшей свое центристское положение для того, чтобы добиваться преимуществ то за счет снятия кандидатур правой, то за счет таких же соглашений с левой. На австрийских выборах 1907 г. либералы обычно сотрудничали с христианскими социалистами, что бы побороть социалистов; но в Нижней Австрии мы обнаруживаем социалистов, объединившихся с либералами против христианских социалистов, а в Верхней Австрии — двух социалистов, победивших либералов с помощью голосов христианских социалистов: ясно, что подобная беспринципность избирательных соглашений, смахивающих на замысловатые балетные антраша, не сулит никакого правительственного альянса. Не только локальные коалиции претерпевают такого рода перипетии: большие национальные альянсы во Франции (Блок, Картель, Народным фронт) никогда полностью не гарантировали от локальных комбинаций взаимоисключающего смысла, ослаблявших национальный альянс, когда он переносился на парламентский уровень: расторжение Картеля в 1924 и Народного фронта в 1936 г. частично объясняется поведением депутатов-радикалов, избранных при поддержке голосов умеренных.

Если даже избирательное соглашение и не содержит подобных противоречий, продолжение его на правительственном уровне обычно не обходится без больших трудностей. Расхождение доктрин и тенденций членов альянса, различие их социальной инфраструктуры и интересов, которые они защищают, обнаруживается достаточно быстро. Колымага государства обычно напоминает карикатуру, сделанную известным юмористом в 1945 г., во времена трехпартийности: экипаж запряжен несколькими лошадьми, одна из которых тянет вправо, другая — влево, а третья — к центру. Если же союзники заключили соглашение об общей программе, их единство достигается легче. Но эта программа обычно остается туманной, поскольку состоит из лозунгов и заголовков разделов, призванных скорее привлечь голоса избирателей, нежели служить планом позитивного действия. Она определяет главным образом цели, но не средства. А поскольку управление — это проблема средств, глубокое расхождение между союзными партиями обычно и переносится на средства. Более того, как представляется, между избирательными альянсами и альянсами правительственными имеется некое сущностное несоответствие. Его можно сформулировать

следующим образом: в избирательных альянсах, как правило, доминирует самая крайняя партия; в альянсах правительственных — партия самая умеренная. Эта противоположность отражает естественный антагонизм управляющих и управляемых. Первые обязаны принимать в расчет всю совокупность противоречивых интересов, что обязывает удовлетворять каждый из них лишь частично; они находятся лицом к лицу с фактами, которые ограничивают возможности действия. Вторые видят одни лишь частные интересы, которые и стремятся максимально энергично отстаивать, отлично впрочем сознавая, что не добьются полного их удовлетворения и что надо запрашивать больше, чтобы получить хотя бы меньшее; они, как правило, весьма фрагментарно представляют параметры правительственных проблем и ограниченное поле возможностей их решения. Неосведомленность и пристрастность характерна даже для тех слоев, которые считаются более искушенными; во Франции крестьяне практически не платят прямых налогов, но убеждены, что казна их грабит; большинство лиг налогоплательщиков создано социальными категориями, среди которых мошенничество и уклонение от уплаты налогов наиболее распространены; либеральные и антидирижистские устремления средних классов и буржуазии в 1946–1947 гг. свидетельствовали о тотальном непонимании экономической ситуации. А потому в силу естественных побуждений большинство избирателей решает отдать свои голоса тем, кто защищает их точку зрения с наибольшей энергией, то есть наиболее радикальным депутатам того течения, за которое они собираются проголосовать: таким образом в любой коалиции на избирательном уровне доминирует радикальное ее крыло. Но как только власть завоевана, все меняется. Требованиям к правительству в наибольшей степени отвечает умеренная партия коалиции; ее умеренность соответствует ограничениям, налагаемым фактическими обстоятельствами. Поэтому она может управлять, не слишком отдаляясь от своей программы и своих предвыборных обещаний. Если альянс продолжается на правительственном уровне, эта партия неизбежно будет в нем доминировать, поскольку она ближе к реалиям.

Крайняя же партия оказывается перед альтернативой: либо отходя от своей доктрины, участвовать в правительстве, либо разорвать альянс. Поиск компромиссного решения ведет к постоянным колебаниям. Нередко наиболее радикальный член альянса прибегает к поддержке без участия, что позволяет сохранить коалицию, несколько ее ослабив, и пользоваться при этом всеми преимуществами критики и оппозиционности. Таким вплоть до 1936 г. было во Франции положение социалистической партии в Блоке левых и в Картеле; таково же было положение коммунистической партии в Народном фронте 1936 г. Но для нее самой такая позиция — временная. Практические трудности постепенно склоняют правящую партию ко все большей умеренности, что удаляет ее от общей избирательной программы и сближает с умеренными на другом фланге; разочарование некоторых избирателей растет, что побуждает экстремальную партию еще больше ужесточить свою позицию: дистанция между членами альянса нарастает. Чересчур натянутый канат однажды не выдерживает — и это конец альянса. Нередко какое-то время спустя он вновь образуется накануне новых выборов. Развитие французских legislatures в период Третьей республики прекрасно иллюстрирует подобную динамику альянсов. Коалиция левых, образованная в основном радикалами и социалистами, одерживает победу на выборах. Социалисты не принимают участия в правительстве, и подавляющую его часть составляют радикалы. Сначала они придерживаются некоторых из обещаний, сообщая данные избирателям. Затем практические трудности приводят к «паузе», «затишью», что отдаляет их от социалистов и сближает с центром. К середине срока левая коалиция рушится и путем объединения радикалов с центром правой создается новый правительственный альянс, отличающийся от первоначальной избирательной коалиции. Но это объединение вынуждено постепенно дрейфовать в сторону консерваторов, чтобы сохранить достаточную опору в парламенте. Начатая слева, legislatura заканчивается справа. Однако не окончательно: приближение новых выборов иногда заставляло вернуться к исходной коалиции. Этот сценарий повторялся в 1906–1910, 1924–1928, 1932–1936 гг. В 1936 г. коммунисты сыграли почти ту же роль, что и

социалисты в предыдущих парламентах; социалисты — роль радикалов, а последние заняли место «прогрессистов» до 1914 г.

Эта схема не всеобщая. Но и не специфически французская, хотя нигде больше она не реализовывалась с таким совершенством и такой регулярностью. Во многих странах известны альянсы, обязанные своей продолжительностью благоразумию наиболее радикальной партии, отсутствию у нее склонности к демагогии, а равно и ее силе. Если она явно более сильна, чем умеренные участники коалиции, то сама должна взять на себя правительственную ответственность — и тогда механизм ассоциации больше не действует. Именно это объясняет стабильность альянсов в скандинавских странах. Вместе с тем здесь сказывается и немало других факторов: структура партий, их социальная база, исторические традиции, психология общественного мнения, etc. Наконец, вышеприведенная схема неприменима к революционному периоду, к тем плохо изученным в основе своей кризисам общностей, когда потребность в переменах и обновлении совершенно подавляет потребность в стабильности. Законы революционного правления прямо Противоположны законам правления нормального: реализм требует идти до конца; осторожность и умеренность при отправлении власти выглядят слабостью. В самом правительственном альянсе доминирующей становится наиболее радикальная партия, чья доктрина и тенденции оказываются ближе всех к реалиям. Ее умеренный союзник вынужден быстро подчиниться, если не хочет оказаться уничтоженным. Но вчерашние экстремисты — это завтрашние умеренные, так же как и они обреченные на вытеснение, пока не наступит контрреволюция или стабилизация. Однако и эта новая схема не более абсолютна, чем предыдущая: и та, и другая описывают лишь основные тенденции; фактические обстоятельства, всегда неповторимые, могут исказить или видоизменить ее.

Политическая география союзов

Более точное описание отношений между избирательными и правительственными коалициями предполагает обращение к другой классификации альянсов, отражающей горизонтальный срез позиций различных партий на политической шахматной доске. Так, можно различать альянсы левой или правой, союз центров или концентрацию — сплочение партий вокруг одного из них, объединения партий, стоящих на крайних позициях, или всякого рода «национальные союзы». Наиболее часто встречаются первые из них. Они возникают в основном в начале века, вместе с социалистическими партиями: нарушение первоначальной двухпартийности вызвало в большинстве стран сближение консерваторов и либералов, а в некоторых — либералов и социалистов (но чаще — социалистов и радикалов, отколовшихся от либералов). Почти та же классическая схема в различных формах была реализована в Швеции, Дании и Норвегии. Но она часто усложняется социальными, религиозными или политическими расхождениями. Так, в Нидерландах религиозный вопрос долгое время разделял консервативные партии на католические и протестантские: первые вплоть до 1868 г. состояли в альянсе с либеральной партией против вторых; но начиная с этой даты создается альянс (антиреволюционный) католиков и протестантов, направленный против либералов и радикалов. С начала XX века последние приобрели поддержку протестантской фракции (ставшей в 1908 г. партией исторических христиан), которая затем присоединилась к консервативному альянсу. Но этот альянс в 1925 г. распался из-за разногласий религиозного характера: по вопросу о посольстве в Ватикане. Постепенно вырисовывается новый альянс, объединяющий все консервативные партии (католиков и протестантов) с либеральной партией — на этот раз против социалистов: нечто отчасти напоминающее швейцарскую систему того времени.

Во Франции проблема политического режима в тесной связи с религиозным вопросом доминировала в объединении партий Третьей республики: поскольку духовенство издавна поддерживало антиреспубликанскую оппозицию и религия служила точкой соприкосновения между всевозможными авторитарными и монархическими течениями, республиканская

партия идентифицировалась с антиклерикализмом. Так сформировались враждующие коалиции: «реакционеры» и «клерикалы» справа, республиканцы и антиклерикалы — слева. После 1877 (событий 16 мая и духовного урегулирования)⁵ в 1885 г. (в связи с буланжизмом⁶) два блока сформировались окончательно. В дальнейшем объединение правых будет, как правило, менее прочным, чем союз левых, и постепенный переход первых на республиканские позиции изменит смысл первоначального деления. Но оно никогда полностью не исчезнет вплоть до самого 1940 г., несмотря на Блок левых. Картель и Народный фронт с одной стороны и Национальный блок и Национальный фронт — с другой. В известном смысле даже вишійскую авантюру можно рассматривать как победу правой, а Освобождение — как торжество левых. Однако появление фашизма и особенно коммунизма изменило сам характер проблемы.

Если две враждебных коалиции правой и левой сложились и приобрели достаточную степень прочности, многопартийный режим может весьма напоминать двухпартийную систему. Так, в Нидерландах с 1830 по 1925 г. существовал политический режим, почти аналогичный Чередованию партий в Англии и других дуалистических странах; он любопытным образом контрастирует со стабильностью измерений различных партий, если рассматривать каждую из них в отдельности (табл. 41). Интересно сравнить такое же чередование двух больших коалиций в Дании: социалистов и радикалов с одной стороны, консерваторов и аграриев (Венстре) — с другой, тоже при незначительных колебаниях партий; но той стабильностью, что мы видим в Нидерландах, оба блока не отличались, так как не опирались на избирательный альянс (что объяснялось принятой здесь пропорциональной системой). Примечательно, что в Нидерландах эта система вызвала начавшийся с 1925 г. (то есть после вторых выборов) распад старейшей консервативной коалиции, существовавшей с 1868 г. При всех обстоятельствах дуализм альянсов не обладает той прочностью, которая характеризует дуализм партий. Внутри каждого блока соперничающие группировки могли разводить демагогию вокруг якобы свойственной двухпартийности тенденции к торможению; единство взглядов в коалиционном правительстве обычно слабее. Но в конечном счете все зависит от степени сплоченности соответствующих союзов и партий. Дуализм голландских альянсов периода 1868–1925 гг. был более прочным, чем дуализм американских партий. Вместе с тем система двух альянсов позволяет гораздо больше варьировать политические комбинации, чем система двух партий: разрыв альянсов способен вызвать значительное политическое потрясение даже без изменения избирательного корпуса и веса каждой из партий. Лучшая иллюстрация тому — Нидерланды 1868 г., когда католики, до того состоявшие в коалиции с либералами, сблизились с протестантами. Но замещение одной системы двойственного союза другой крайне редко: чаще всего такое случается в странах с тройственным делением общественного мнения — в форме смещения центральной партии к тому или другому из флангов. Во Франции в 1919–1939 гг. это произошло с партией радикалов. В Бельгии в тот же период была несколько иная ситуация: здесь партия правой (католическая) действовала по «принципу качелей», заключая альянс то с партией центра (либеральной), то с партией левой (социалистической). В 1919–1940 гг. при двух католическо-социалистических и семи либерально-католических кабинетах не было ни одного либерально-социалистического⁷.

Крушение союзов иногда имеет своим результатом замену двух враждующих коалиций центристским альянсом. Во Франции распад блока левых чаще всего выражается в таком стремлении к объединению центров — созданию единого центра, или «слиянию центров», как говорили на заре Третьей республики. В 1905 г. падение Комба знаменует конец блока левых, а создание правительства Рувье заменяет его объединением, опиравшимся на значительную часть радикалов, прогрессистов и половину правой, в то время как крайне правая, социалисты и значительная часть радикалов образуют оппозицию. Но приближение выборов кладет конец этому объединению, и блок возрождается в 1906 г. До 1909 г. он продолжается и на правительственном уровне, хотя правительство Клемансо часто опирается на «переменное большинство», используя альтернативную поддержку правых и левых

(пресловутое балансирование, составляющее сокровенную надежду всех партий центра). В 1909 г. Бриан своей политикой «умиротворения» положил начало новой и тоже недолговечной форме объединения, которая просуществовала до 1913 г. и разбилась о военный закон (введение трехлетнего срока службы). После войны эта форма под названием Национального единства вновь возродится в 1925 г., вслед за быстрым распадом большинства в виде Картеля левых, чтобы в 1926 г. расширяться за счет правой. В 1934 г. происходит обратный процесс: крушение Картеля после событий 6 февраля приведет сначала к формированию Национального единства во главе с Думергом, которое затем возьмет курс на объединение с Фландэном.

При Третьей республике союз центристских сил часто «работает» на уровне правительства, но редко имеет продолжение на избирательном уровне. Можно привести всего три примера: 1893, 1919, 1928 г. Но в 1893 г. он проявился лишь в нескольких эпизодах снятия кандидатур католиками в пользу связанных с ними альянсом прогрессистов: реальное ее влияние было слабым (чего не скажешь о влиянии моральном). В 1928 г. радикалы следовали в основном тактике союза левых: союз центристов был реализован 400 тысячами избирателей радикалов, которые во втором туре отдали голоса правой, несмотря на директивы «своей» партии. И только 1910 г. дал более убедительный опыт: он обязан обстоятельствам, толкавшим правую и социалистов к объединению флангов, с тем чтобы провести через парламент закон о системе пропорционального представительства. Такая неспособность к объединению центристов, часто проявлявшаяся на парламентском и правительственном уровне и дополнявшаяся уровнем избирательным, объясняет недоверие МРП в отношении мажоритарного голосования в два тура: всецело захваченная стремлением к объединению центристских сил (сегодня это называют «Третьей силой»²), она опасалась, как бы практика Третьей республики не возродилась в Четвертой. Но это опасение не принимает в расчет коммунистический феномен, который создает трудности для двойственных союзов. Как бы там ни было, после слома трехпартийности 6 мая 1947 г. путем изгнания коммунистов Четвертая республика живет под знаком объединения центристских партий: с тех пор имеет тенденцию править одно и то же центристское большинство — меняются лишь формы. Подобно коалиции Веймарской республики, которую оно во многом напоминает (если не считать мощи социалистической партии), это большинство подвержено угрозе одновременно слева и справа по причине развития сильных партий непарламентского характера: коммунистов и РПФ.

Национальное единение французского типа — такое, что имело место при Пуанкаре, Думерге и Даладье, следовало бы четко отличать от подлинно национального согласия, существовавшего во время войны 1914 г. во Франции, Англии и во многих других странах — во время войны 1939 г., в Бельгии — в период между двумя войнами, etc. Национальное согласие «по Пуанкаре» — это союз всех партий за исключением крайне левых; это антисоциалистический (или антикоммунистический) альянс. Он неоднократно осуществлялся в Нидерландах после 1925 г., его достаточно регулярно практиковала Швейцария после 1919 г. Во Франции после Освобождения утвердился своего рода превращенный «пуанкаризм» в виде трехпартийности: коалиция всех партий против правой. Подлинное национальное согласие — нечто совершенно иное; речь идет об ассоциации всех без исключения существующих в стране крупных партий. Такое единение всех политических направлений оправдано в исключительные периоды огромной национальной опасности, когда абсолютное сплочение усилий неизбежно; в условиях демократического режима оно представляет собой нормальную форму правления военного времени. Но порой оно встречается и в мирное время: так, к нему часто прибегала Бельгия в 1919–1939 гг.: из двадцати правительств, сменившихся за этот период, девять были правительствами национального согласия. В ряду явлений того же рода стоит и альянс двух единственных партий в Южной Африке в 1933–1941 гг. Такая система предполагает большую дисциплину партий и вместе с тем согласие относительно фундаментальных политических принципов. Она по существу реализует посредством альянсов переход к принципам однопартийности.

Но единственный альянс не представляет такой опасности, как единственная партия, ибо сама его структура предохраняет от угрозы тоталитаризма и гарантирует многообразие течений и форм выражения мнений. Тем не менее эта система отражает глубокий кризис демократического режима.

И, наконец, нужно сказать о наиболее редкой и наиболее любопытной среди всех прочих форме альянсов: объединении экстремалов, то есть партий крайнего толка. Коалиция крайне правой и крайне левой партий, каждая из которых представляет для другой общественного врага номер один, кажется противоестественной. Но чего только не бывает на свете: в действительности подобные союзы «карпа и кролика» не так уж и редки. Ведь такого рода партии обычно сообща составляют оппозицию умеренным, а иногда и оппозицию политическому режиму. В Третьей республике большинство попыток центристских союзов терпели поражение от коалиций экстремалов: именно для того чтобы избежать этого, союз центристов почти всегда должен принимать форму чуть ли не национальной унии. В Четвертой республике коммунисты и РПФ довольно часто объединяли свои голоса против «третьей силы», как это делали коммунисты и наци при Веймарской республике, а до них — социалисты и фашисты в римском парламенте. Такой союз экстремальных партий в форме оппозиционного парламентского альянса встречается довольно часто. Он гораздо более редок в виде избирательного, а в особенности — правительственного союза. В качестве примера первого можно привести случай, когда во время выборов 1910 г. ВО Франции после соглашения о реформе избирательной системы, направленной против партий центра, правая и социалисты взаимно сняли свои кандидатуры в нескольких округах: согласие было достигнуто на основе общей программы действий. Такое же ограниченное соглашение может служить базой для поддерживаемого экстремалами правительства. Но это позитивное объединение нередко приобретает иное значение: оно связано с тактикой, которая получила название «политики худшего». Речь идет о крайне левой партии, поощряющей политику правой с целью продемонстрировать ее абсурдность и нагнетать недовольство ею, вместо того чтобы поддержать умеренно левую политику, которая успокоила бы умы, но тем уменьшила бы и ее собственные шансы. Речь идет также об ослаблении непосредственного и наиболее опасного противника — поскольку он самый близкий — в пользу противника дальнего, с которым непосредственно не конкурируют. Если той же тактики придерживается экстремальная партия правой, между двумя экстремалами может быть достигнуто настоящее соглашение. Если эта «политика худшего» используется против одной из них, все равно в результате происходит ее фактическое сближение с другой. Коммунистическая партия следовала этой тактике во Франции и за рубежом вплоть до 1935 г.: таким образом она играла на руку правой, особенно на выборах 1928 г., что в 1932 г. отняло у нее немало голосов. Но таким способом она сохраняла свою оригинальность и чистоту на протяжении всего периода, необходимого для строительства партии.

Отношения между участниками союзов

Юридические отношения между членами союзов для нас менее интересны, чем соотношение их сил. Первые к тому же ограничиваются немногими примерами общих институтов: Комитет действия немецкого Блока 1906 г., Представительство левых французского Блока 1902 г. и Картеля 1924 г., Комитет народного единства 1936 г., etc. Эти институты могут существовать на избирательном уровне, организуя пропаганду союзников и наблюдая за выполнением соглашений, или на парламентском, где они стараются достигнуть общности позиций и единства голосования входящих в альянс объединений: в этом смысле Представительство левых в 1902–1906 гг. было образцом подобного рода деятельности. Ш. Бенуа называл его «вторым правительством — неконституционным и безответственным»; Э. Комб защищал его как «совместный союз для вынесения на обсуждение и принятия решений: систему, предохраняющую большинство от необдуманных шагов». Отнюдь не все альянсы включали такие институты: стихийные коалиции встречаются чаще, чем

организованные. Не больше и таких, которые опираются на общую программу: любой член альянса стремится сохранить за собой свободу действия. Декларации альянсов часто носят характер скорее пропагандистских обращений, нежели планов работы; они даже и формулируются в намеренно туманных и общих выражениях. Будем тем не менее различать программы чисто правительственные, принятые партиями в момент образования «правительств единства», — они самые недолговечные из всех, и программы избирательные, которые могут просуществовать чуть дольше, если имеют отклик в общественном мнении и вызывают известный энтузиазм: в этом случае обращение к программе может стать хорошим средством давления одного союзника на другого. Вот почему избирательные альянсы редко опираются на четко сформулированные документы, или последние имеют в основном ограничительный характер: более умеренный член альянса стремится предотвратить возможные перегибы со стороны своего более радикального союзника.

Институты, а стало быть и общие программы, — это в конечном счете средства установления известного соотношения сил между партиями, связанными соглашением. И в этом смысле можно было бы попытаться различить союзы равные и неравные: но это всего лишь умозрительная классификация. Па самом деле любой союз — неравный, и единственно достойный обсуждения вопрос — это вопрос о степени неравенства. И здесь можно противопоставить альянсы относительно равные и псевдоальянсы, носящие характер доминирования; между ними — бесконечная гамма вариаций и оттенков. Три главных элемента нужно учитывать, чтобы определить степень неравенства членов альянса: их соотносительные размеры, положение на политической шахматной доске и, наконец, их внутреннюю структуру. Первый — основной для избирательных альянсов при мажоритарном режиме в два тура: партия, которая возглавляет коалицию, остается одна в гонке второго тура, извлекая пользу из снятия кандидатур или отзыва их со стороны ее союзников. Отсюда следует, что избирательная коалиция в данной системе возможна тогда и только тогда, когда между партиями нет слишком больших диспропорции: иначе более слабая будет совершенно уничтожена более сильной. На практике локальные диспаритеты компенсируются обычно неравноправием альянса: какой-то из союзников считается головным в одних округах, какой-то — в других. Но большая партия может быть заинтересована в преднамеренном отказе от выставления кандидатов в первом туре в определенных местностях, чтобы позволить своему слишком слабому союзнику все же добиться некоторого представительства, с тем чтобы воспользоваться его уходом в другом месте, где он выступал бы в роли третейского судьи между двумя почти равноценными объединениями. Избирательные соглашения таким образом очень часто принимают исключительно гибкий и изощренный характер, весьма отличный от того жесткого и инвариантного механизма, который очевидно содержит в себе техника мажоритарного голосования в два тура. Эта гибкость еще более велика в том случае, если соглашения заключаются при избирательной системе с одним туром, когда союзники должны до всякого голосования распределить места таким образом, чтобы везде был представлен только один-единственный кандидат или единственный партийный список. Альянсы этого типа более сложны, но вместе с тем и более надежны. Они также и более неравные: большая партия имеет тенденцию почти полностью доминировать над меньшей, как это видно на примере английских национал-либералов. В режиме с единственным туром альянсы, как правило, эволюционируют в направлении слияния, что обусловлено той степенью близости, которую они предполагают; но слияние зачастую принимает форму поглощения относительно слабой партии более сильной, если диспропорция между ними слишком велика. Это подчеркивает решающую роль численности в неравенстве альянсов.

На уровне правительства влияние численности также очевидно: чем больше входящая в альянс партия, тем больше ее давление внутри него. Партия радикалов вплоть до 1936 г. играла роль настоящего лидера в блоке левых, поскольку была самой крупной партией коалиции. В 1936 г. лидерство оказалось в руках партии социалистов, поскольку она перешла на первое место. Отметим весьма явный примат парламентского измерения над избирательным: ведь с точки зрения последнего радикалы утратили первенство с 1932 г.

(1.836.000 голосов против 1.956.000 у социалистов). Преобладание в альянсе имеет существенное значение: нередко полагают, что партия, возглавляющая коалицию, должна брать на себя и председательство в правительстве. Чтобы оправдать отказ от участия в правительстве до 1936 г. и изменение своей позиции с этого времени, социалисты проводили четкое различие между своим участием в радикальном правительстве и участием радикалов в социалистическом. Разумеется, лидерство более многочисленной партии в правительственных альянсах отнюдь не составляет общего и абсолютного правила; эту базовую тенденцию необходимо учитывать вместе со множеством других. Известную роль здесь играет и амплитуда разрыва между членами альянса: если она невелика, руководство более многочисленной партии становится проблематичным. Имеет также значение структура и природа более сильного из союзников: так, в 1946 г. народные республиканцы и социалисты отказались участвовать в трехпартийном правительстве, поскольку в соответствующем альянсе доминирующей партией были коммунисты.

Но в самой значительной степени противодействие лидерству наиболее сильного из членов альянса зависит от взаимной диспозиции союзников. Как уже было показано, в избирательных альянсах имеется тенденция к доминированию наиболее радикального из союзников, а в правительственных — наиболее умеренного. Эти факторы естественно пересекаются с теми, которые порождаются соответственной численностью партий, связанных коалицией. Иногда и меньшая из них может оказаться перед необходимостью взять на себя бремя правительственных обязанностей — в силу своей более умеренной позиции. В общих чертах можно было бы наметить «кривые неравенства» внутри альянсов: в периоды, предшествующие выборам и следующие за ними, ведущей выступает экстремальная партия; чем дальше от них, тем больше она теряет влияние в пользу более умеренной — под воздействием управленческих реалий. Это соответствует циклам легислатур в коалиционных режимах: демагогия в начале и в конце, большая консервативность в среднем периоде. Схема эта, разумеется, весьма общая, и пересечение многочисленных и многообразных обстоятельств порой существенно преобразует ее — иногда почти до полного исчезновения. Если взять продолжительные отрезки времени, то окажется, что в конце концов доминирует в альянсе наиболее умеренная партия: экстремал оказывается просто вынужденным поддержать на парламентском уровне известное число мер, противоречащих его позиции, точно так же, как на избирательном уровне он поддерживает движение, противоречащее его динамизму. Если он от этого отказывается, союз рушится; если же подчинится, то альянс в конечном счете примет достаточно спокойную и сдержанную окраску. Эта общая тенденция объясняет постепенно нарастающую умеренность СФИО в Третьей и Четвертой республиках; Другие европейские социалистические партии, по-видимому, в силу тех же самых причин следуют этим же путем. Разумеется, диалектика альянсов — не единственный фактор указанной трансформации. Здесь играют свою роль и множество других, особенно динамика социальной инфраструктуры партии. Вместе с тем предстоит еще выяснить, стала ли партия более умеренной, потому что обуржуазилась, или она потому и обуржуазилась, что стала более умеренной? Функционально или каузально это отношение? При всех обстоятельствах то влияние альянсов на партии, которое мы здесь описали, представляется не вызывающим сомнений.

Такое усреднение партий крайнего толка в ходе альянсов еще более четко выражено в том случае, когда в силу своей численности они официально выдвигаются на руководящую роль в рамках коалиции. Ведь тогда они должны обеспечивать власть, и им самим приходится занять ту осторожную и умеренную позицию, которой требует ее отправление. В силу своего веса и положения правящей партии они руководят альянсом; в силу своей деятельности они равняются на своего умеренного компаньона. Именно эта диалектика помогает объяснить эволюцию скандинавской социал-демократии в 1919–1939 гг. Какова бы ни была позиция членов альянса, многопартийные альянсы чаще всего кончают тем, что принимают стиль и программу наиболее умеренной партии; экстремизм другой постепенно сглаживается,

шлифуется, изнашивается в ходе исполнения правительственных обязанностей, тем более что она еще и равняется на своего компаньона. Постепенное сглаживание крайностей экстремальных партий⁸ в правительственных альянсах противостоит, таким образом, скольжению общественного мнения и партийных систем влево и нередко и конечном счете нейтрализует его: избиратели смещаются в сторону партий левой, но сами партии левой сдвигаются к центру; эти видимые перемещения на деле оборачиваются тем, что все остается на месте. Чтобы избежать доминирования более умеренной партии, альянс должен пребывать в парламентской оппозиции: такие коалиции меньшинства подчинены обычно власти самой экстремальной партии. И им вовсе не приходится разрываться между избирательной демагогией и правительственной умеренностью, поскольку вериги власти им неведомы: оппозиционная демагогия естественно следует там за демагогией избирательной, поскольку вся выгода от той и другой достается самой «крутой» партии. То же самое, как уже говорилось, характерно и для революционных периодов: самая крайняя партия имеет тенденцию доминировать в альянсе — руководит ли она правительством, только участвует в нем, поддерживает его или находится в оппозиции к нему. Ведь принцип революционного правления прямо противоположен принципу правления нормального: речь идет не о том, чтобы поддерживать компромиссное равновесие, стараясь согласовать разнонаправленные интересы (миссия обычно нелегкая и неблагодарная), а о том, чтобы ускорить пришествие нового порядка, ибо лишь он один лишь способен создать новое равновесие после крушения старого режима. Реализм требует здесь уже не умеренности, а непримиримости. Отсюда следует, что экстремальная партия, желающая сохранить свою чистоту, должна оставаться в оппозиции и покидать ее лишь для того, чтобы участвовать в революции или помочь ее развязать. Вместе с тем тормозом тенденции к умеренности, имеющей место в любой правящей коалиции, может служить и внутренняя структура партий.

В тройственной коалиции отношения между участниками несколько иные. В этом случае партия центра естественно играет роль третейского судьи. Во Франции во времена трехпартийности очень сильны были позиции социалистической партии, хотя она и была самой слабой из союзников; после изгнания коммунистов и выхода на политическую арену «третьей силы» ее авторитет пошел на убыль. Но эта тенденция, по-видимому, не столь определенна и менее всеобща, чем предыдущая: внутри «третьей силы» влияние МРП в 1947–1951 гг. постоянно падало в пользу радикалов и умеренных — соответственно освобождению членов альянса от крайностей. Общая политическая направленность задавалась не центристской партией коалиции, а парламентским центром, то есть крайне правыми в коалициях левой и крайне левыми в коалициях правой. О деэксстремизации правящих коалиций говорить, как правило не приходится: это понятие приложимо лишь к коалициям левой (которые в ходе социального и политического развития имеют тенденцию возникать чаще). Вернее, следовало бы говорить о деэксстремизации коалиций левой и скольжению влево коалиций правой. Эта двуединая тенденция объясняет, почему политическую жизнь Франции при Третьей республике, не погрешив против истины, можно было бы описать и как чередование правой и левой — Порядка и Развития, и как доминирование в основном центра, и как общую ориентацию в сторону левой. Внешне три эти формулы противоречат друг другу; реально же каждая из них основана на частных, но дополнительных по отношению друг к другу интерпретациях. Скольжение влево проистекает из того факта, что старые партии левой, вытесняемые новыми, постепенно перемещаются к центру и вправо. Эта право-левая пульсация ясно ощутима, когда она совершается в ритме выборов или парламентских комбинаций, хотя эти последние не всегда совпадают. По внутренняя эволюция альянсов непреодолимо толкает к центру: любое парламентское большинство партий правой сдвигается к центру правой и ищет соприкосновения с левой; всякое парламентское большинство, образованное партиями левой, скользит к центру левой и опирается в конечном счете на центр и правую. И Палата Блэ-Оризона и Палата Картеля в конечном счете приходят к Пуанкаре; и умеренная Палата 1928 г., и левая Палата 1932 г. заканчиваются Лавалем⁹.

Но вмешательство фашистских и коммунистических партий с их очень сильной структурой и характером ордена ставит проблему в новые условия. Тоталитарная природа этих партий сопротивляется любому компромиссу, любому настоящему соглашению, любому реальному альянсу. «Кто не со мной, тот против меня» — недаром ведь это евангельское изречение столько раз брали на вооружение коммунистические съезды. Вместе с тем избирательные, парламентские или правительственные коалиции могут представлять для этих партий эффективное средство действия, тем более что собственная весьма сложная и жесткая структура предохраняет их от проникновения и распада, но делает весьма уязвимой в этом плане организацию их союзников. Банальное выражение «подружился глиняный горшок с чугуном» отлично передает выигрышное положение партий этого типа внутри альянса: они-то и есть тот самый чугунный горшок, непробиваемый и прочный, который может все другие побить, а сам при этом уцелеть. Эти партии используют альянсы двумя различными способами, которые могут сопрягаться: это тактика камуфляжа и тактика колонизации. Первая имеет целью преодолеть атмосферу недоверия и изоляции, которой они окружены. Речь идет о том, чтобы показать всем, будто эта партия — такая же, как и другие: она не более склонна к революциям и ниспровержению основ, так же уважает демократические институты и свободы. В Европе коммунистические партии взяли на вооружение эту тактику в 1935–1936 гг., с образованием народных фронтов. Изображение Мориса Тореза, протягивающего руку католикам, несколько затушевало образ «человека с ножом в зубах»¹⁰; сотрудничество с такими внушающими доверие политиками, как Шотан, усилило это впечатление, так же как и принятие здоровой и умеренной программы Народного единства. Крупный успех на выборах 1936 г., когда партия удвоила число своих избирателей, показал, что эта тактика оказалась результативной. Участие в правительстве сразу после Освобождения было всего лишь продолжением и уточнением той же самой общей ориентации. Речь шла о том, чтобы доказать: коммунисты умеют управлять не хуже и даже лучше других; добропорядочные люди из средних классов с умилением констатировали, что Торез или Бийу ведут себя не как развязные революционные комиссары из народа, но как серьезные и корректные буржуазные министры. То обстоятельство, что с ними имел дело генерал де Голль и благонамеренные деятели из МРП, укрепляло убеждение, что партия остепенилась. Буржуазия еще не забыла, что в 1936 г. Леон Блюм казался ей Люцифером, а в 1946 она увидела в нем Мессию, и была недалеко от мысли, что Морис Торез будет эволюционировать, следуя тем же внушающим доверие путем. Рост избирателей компартии с 1945 по 1946 г. и еще больше — огромное увеличение ее численности доказали эффективность этой тактики.

Одновременно партия применяла в рамках альянсов тактику колонизации, которая оказалась столь успешной в балканских странах. Эта тактика начиная уже с 1936 г. заявила о себе в рамках различных народных фронтов. Во Франции восстановление единства профсоюзов сопровождалось одновременным подрывом ВКТ кадрами бывшей УВКТ; компартия повсюду старалась получить руководящую роль в местных комитетах Народного фронта; в этой демагогической акции, рассчитанной на массы, ее экстремизм — в полном соответствии с общей диалектикой альянсов — приносил ей естественное лидерство. Подпольная борьба повсюду в Европе открыла им великолепное поле для колонизации: будучи единственной партией, в силу своей структуры способной полностью его освоить, она постаралась взять его под контроль, в чем ей, кстати, помогало достойное восхищения мужество ее активистов. Частично это удалось: коммунистические ячейки были созданы во всех организациях Сопротивления снизу доверху. После Освобождения ее тактика состояла в формировании национальных и патриотических фронтов, типа народных, расширенных вплоть до правой, вдохновляемых и руководимых коммунистами. Поскольку она была слаба, а партнеры значительно превосходили ее по численности, она первым делом предприняла попытку под флагом достижения единства рабочего класса организовать роспуск социалистической партии. Воздействуя снизу на ее активистов через свои ячейки, сверху — на ее руководителей и играя на личных противостояниях, неприязненных отношениях и

амбициях, коммунисты пытались достигнуть абсолютного слияния и полного повиновения. «Рабочая партия» — или партия «объединенных рабочих» — могла бы таким путем с большей эффективностью атаковать своих буржуазных союзников по Национальному фронту: распад венгерской партии мелких собственников представляет пример именно такого рода. Таким образом, благодаря превосходству своей структуры, коммунистическая партия — довольно-таки небольшая — могла доминировать в гораздо более крупном рабочем блоке, а сам этот рабочий блок — доминировать в еще более широком в альянсе партий. С другой стороны, требуя ключевых постов в правительствах единства (министра юстиции, например, чтобы провести чистку, которая позволила бы избавиться от своих противников; внутренних дел и полиции; информации и пропаганды; военного министра), компартия достигала таким образом совершенно неравного альянса, в котором отношения между нею и другими союзниками напоминали бы отношения метрополии и колонии. Именно с помощью всех этих средств коммунисты смогли без каких-либо серьезных помех подготовить полный захват власти и окончательное вытеснение своих бывших союзников в странах Центральной Европы. Отметим, что русская армия никоим образом непосредственно не вмешивалась в развитие событий; все это было результатом весьма выдающейся политической стратегии.

Точно такой же была тактика коммунистов в странах Западной Европы. Но там сопротивление других членов коалиции, особенно социалистов, иные социальные и политические условия помешали ей увенчаться тем же успехом. Правда, в Италии самая сильная фракция социалистов (итальянская социалистическая партия) была весьма тесно связана с компартией. Альянс развивался в соответствии с только что описанной общей схемой. Социалистическая партия подравнялась по мерке своего партнера, мало-помалу усваивая темы его пропаганды и даже его внутреннюю структуру. Против проявившихся в 1950 г. попыток социалистической партии отстоять свою независимость компартия развернула даже подрывную деятельность, в высшей степени энергичную, побуждая часть своих собственных кадров (говорят о 10.000 отборных испытанных активистов) вступить в ряды своего союзника по альянсу, с тем чтобы оказывать давление на руководство и одновременно помешать активистам выходить из партии и вливаться в другие — независимые — социалистические движения. Этот факт, естественно, не поддается проверке, хотя он и засвидетельствован серьезными людьми⁸.

Мы намеренно особо остановились на доминировании в союзах коммунистических партий, поскольку здесь все выступает в наиболее полном и законченном виде. Но теми же методами действовали и фашистские партии, только с гораздо меньшим искусством и гибкостью. Тридцать четыре из тридцати пяти первых депутатов-фашистов, вступивших в 1921 г. В Монтечitorio, были избраны по партийным спискам Национального блока, которым руководил старый Джолитти, полагавший, что с этой-то партией справиться будет нетрудно. Когда в 1921 г. Муссолини взял власть, вместе с ним в правительстве было только три фашиста; остальные члены кабинета — умеренные, демократы или народные христиане. Его союзники полагали, что он образумится в правительстве, но он устроил фашистскую революцию и упразднил так называемых союзников. Гитлер захватил власть с помощью националистов Гугенберга и Стальных касок Зельдта, и в его первом правительстве помимо него самого было всего лишь два наци (Геринг и Фрик). Те, кто помог ему взять бразды правления, надеялись, что либо власть его перемелет, либо он остепенится во власти. Но он совершил национал-социалистическую революцию и уничтожил своих союзников. Вышеприведенные схемы, определяющие отношения между членами альянса в соответствии с их численностью или политической ориентацией, потерпели здесь поражение их-за внутренней структуры партии, основополагающий характер которой мы уже не раз констатировали.

Глава третья. Партии и политические режимы

Развитие партий коренным образом видоизменяет структуру политических режимов. Подобно тому, как опирающиеся на единственные партии современные диктатуры — не более чем отдаленное подобие личных или военных диктатур прошлого, точно так же и современные демократии, базирующиеся на плюрализме организованных и дисциплинированных партий, весьма отличны от индивидуалистических режимов XIX века, основанных на личной деятельности парламентариев, весьма независимых друг от друга. Во Франции стало уже банальностью противопоставлять Четвертую республику с ее жесткими и «монолитными» партиями Третьей, для которой характерны гибкость объединений и слабая структура организаций. Разумеется, важный этап в этом отношении ознаменован 1945 годом: мы имеем в виду принятие пропорциональной системы, создание МРП и развитие компартии. Но эволюция в этом направлении началась с 1875 г.: если взвесить все в целом, различие между режимом 1939 и 1880 г. более велико, чем если бы мы сравнили 1945 и 1939 гг.

Смена режима без партий режимом партий обязывает полностью пересмотреть традиционный анализ политических систем. Классическое различие президентской и парламентской республики, к примеру, имеет тенденцию уйти в прошлое: английский политический строй одинаково далек как от французского, так и от американского, несмотря на внешнее подобие институтов. Понятия кабинета министров, вопроса о доверии, политической ответственности, роспуска парламента больше не имеют одного и того же значения в двухпартийной и многопартийной системах. Если верить Конституции 1936 г. (с изменениями 1946 г.), Россия живет сегодня при парламентской системе с коллективным главой государства (Президиумом), отделенным от кабинета, ответственного перед парламентом (Верховный Совет); но ведь очевидно, что однопартийность меняет все исходные характеристики проблемы. Описывать СССР в классических понятиях парламентаризма означало бы грешить явным формализмом; но едва ли меньший формализм — всерьез говорить о равновесии полномочий парламента и британского правительства, о системе сдержек и противовесов, на основании признанной возможности первого «ниспровергать» второе, а второго — распускать первый. На деле никакой конфликт между палатой и кабинетом и двухпартийном режиме немислим, разве что ценой раскола правящей партии; но и сам конфликт вовсе не имеет больше прежнего смысла и значения. Кто знаком с классическим конституционным правом, но не знает действительной роли партий, имеет ложный взгляд на современные политические режимы; кому ясна роль партий и неведомо классическое конституционное право, тот имеет о них представление хотя и неполное, но верное.

1. Партии и выбор правящих

Самое простое и самое реалистическое определение демократии следующее: режим, при котором правящие избраны управляемыми посредством честных и свободных выборов. По поводу этого механизма выбора юристы, вслед за философами XVIII века, развили целую теорию представительства, согласно которой избиратель дает избранному мандат на право говорить и действовать от его имени; таким образом, парламент, получивший мандат нации, выражает национальный суверенитет. Но сам факт выбора, как и доктрина представительства, были коренным образом видоизменены развитием партий. Отныне речь не идет больше о диалоге между избирателем и избранным, нацией и парламентом: между ними стоит третий, что радикально меняет природу их отношений. Прежде чем быть избранным своими избирателями, депутат избирается партией: избиратели же всего лишь ратифицируют этот выбор. Это зримо выступает перед нами в условиях однопартийных режимов, когда на всенародное одобрение выставляется единственный кандидат. Пусть в более замаскированном виде, это не менее реально и при плюралистических режимах: избиратель может свободно выбирать между несколькими кандидатами, но каждый из них выдвинут какой-то партией. Если уж придерживаться теории юридического

представительства, нужно признать, что избранный получает двойной мандат: от партии и от своих избирателей. Значимость каждого из них различна в зависимости от страны и от партий, но в общем и целом партийный мандат имеет тенденцию торжествовать над мандатом избирательским.

Это означает, что понятие выбора (избрания правящих управляемыми) коренным образом искажается. При режимах, претендующих на максимальную идентичность классической демократии, собственно выборам предшествуют предвыборы, в ходе которых партия проводит отбор кандидатов, которые затем предстанут перед избирателями: техника американских «праймериз» — самый законченный пример этой тенденции. Но предвыборы никогда не бывают чистыми, и влияние руководителей партии проявляется там достаточно четко; чаще всего речь идет об ограниченном выборе из привилегированной категории граждан: система двойного голосования, столь поносимая при Реставрации, возрождается здесь в любопытных формах. Когда таких предвыборов не существует, кандидаты выдвигаются руководителями партии с помощью техники, родственной кооптации. В плюралистических режимах она значит меньше, чем последующие выборы; в однопартийных эта техника гораздо важнее выборов. Но в обоих случаях отбор правящих совершается путем совмещения выборов и кооптации — различны лишь пропорции этого сочетания.

Партии и выдвижение кандидатов

Американская терминология четко различает номинацию — акт выдвижения кандидата партией, и избрание — то есть выбор, который делают граждане между кандидатами, предложенными различными партиями. В Соединенных Штатах первая операция тщательным образом регламентирована: вместе с системой «праймериз», и особенно «праймериз» открытых, она выглядит как настоящие предварительные выборы, чем и объясняют их различие. В других странах выдвижение регламентируется менее конкретно; оно чаще всего не носит того официального и публичного характера, который придают ей по ту сторону Атлантики: это частный внутрипартийный акт. Нередко он приобретает даже характер тайного: партии не любят, чтобы ароматы избирательной кухни достигали публики.

Степень вмешательства партий в выдвижение кандидатов весьма различна. И первостепенный вопрос: что же имеет здесь место — монополия или конкуренция? Должен ли кандидат обязательно быть представлен партией или он может свободно, без всякого партийного покровительства добиваться одобрения избирателей? Проблема носит одновременно юридический и практический характер. В некоторых странах партии пользуются правом монополии: только они могут предлагать кандидатов, минуя их, никто не может предстать перед избирательным корпусом. Но помимо абсолютной монополии — достаточно редкой — есть монополия относительная: в Соединенных Штатах и многих других странах избирательные законы обязывают тех, кто выставляет свои кандидатуры вне партий, собрать известное число подписей (например, в штате Нью-Йорк — 2 000). Значение этого монопольного права — как абсолютного, так и относительного — весьма изменчиво в зависимости от регламентации, установленной для создания партий законами об ассоциациях: если, например, как во Франции, для этого достаточно подать уведомление в префектуру, соблюдая формальности, крайне упрощенные законом от 1 июля 1901 г., то юридическая монополия совершенно иллюзорна. В странах, где она установлена, обычно предусматривается специальная процедура учреждения партий, а также юридический и административный контроль с целью изучения сущности взглядов ассоциаций, желающих выставить кандидатов. Однако юридическая монополия партий куда менее важна, чем монополия фактическая: предоставление независимым кандидатам полной свободы — пустая формальность, если в обычных условиях одни только партийные кандидаты имеют шансы на успех. Во Франции кто угодно может выставить свою кандидатуру в президенты Республики, но, если не считать нескольких кандидатов-фантазеров, никто и никогда не

пользуется этим правом, кроме нескольких политических деятелей, покровительствуемых партиями или союзами партий. В Англии любой гражданин волен выдвинуть себя кандидатом в Палату общин, уплатив залог; практически же тот, кто не является ставленником партии, не имеет никаких шансов быть избранным. Впрочем, фактическая монополия зачастую не носит такого абсолютного характера, просто партийные кандидаты имеют больше шансов, чем независимые, — но и последние тем не менее полностью их не лишены. Здесь можно обнаружить целую гамму разнообразных ситуаций, аналогичных тем, с которыми сталкиваются независимые предприятия, отваживающиеся противостоять корпорациям и трестам.

Но противопоставление кандидатов партийных и внепартийных слишком примитивно: в жизни встречается много промежуточных позиций. Партия иногда выступает посредником, создавая кандидата *ex-nihilo*¹⁰. одного выдвижения от нее достаточно, чтобы предстать перед избирательским корпусом и одержать победу. Но такой предельный случай редок: это встречается в коммунистических партиях и в некоторых странах с двухпартийным режимом или пропорционалистской избирательной системой. Обычно же отношения между партиями и кандидатами более сложны: официально вторые выдвигаются первыми, но практически это выдвижение напоминает нечто среднее между общей номинацией и ратификацией; оно принимает форму сложного торга, где равенство участников весьма прозрачно, ибо партии не всегда берут в верх. Иногда не столько партия выбирает кандидата, сколько кандидат — партию. Во времена Третьей республики так и говорили: такой-то кандидат «получил инвеституру» такой-то партии. Терминология примечательная: она выдает, что инициатива скорее исходит от кандидата, нежели от партии — он добивался выдвижения от партии, а она, в свою очередь, согласилась ему покровительствовать. Эта терминология соответствует выборам глубоко индивидуалистическим, где личность кандидата привлекала гораздо больше, чем его политическая принадлежность. Влиятельный человек, желавший завоевать голоса своих сограждан, добивался инвеституры партии, чтобы увеличить свои шансы: он даже пытался объединить в своих руках несколько инвеститур. Можно, стало быть, говорить не об одностороннем выдвижении, включающем отношения субординации, но о соглашении равноправном и двустороннем: различие существенное с точки зрения последствий, когда дело касается зависимости депутата от его партии и ее вмешательства в процесс отбора депутатов.

Степень влияния партий на выдвижение кандидатов зависит от весьма многих факторов. Указывают обычно на прямое значение юридических факторов и роль законов, которые могут закрепить за партиями монополию или дать им разного рода преимущества. В Соединенных Штатах развитие системы «праймериз» с необходимостью повело к широкому вмешательству законодательной власти, которая их создала и тщательно регламентировала. Кроме положений о выдвижении кандидатов партией, существенная роль принадлежит избирательным законам: порядок голосования наряду со структурой партий — решающий элемент, определяющий механизм выдвижения кандидатур. Исторические традиции и общий менталитет нации также, разумеется, играют здесь значительную роль. В Англии обычай требует, чтобы кандидат предстал перед избирателями не сам по себе, а под покровительством комитета: таким образом посредничество партий усиливается. В тех странах, где сохранилось уважение к традиционным элитам, престиж имени и без партий обеспечит эффективность кандидатуры: на западе Франции «Республика герцогов» надолго пережила свое исчезновение в парламенте. Точно так же влияние партий на выдвижение кандидатов зачастую менее сильно в деревнях, чем в городах, где отдельные личности менее известны избирателям. Но все эти факторы второстепенны по отношению к избирательному режиму и внутренней структуре партий.

Точно оценить влияние избирательного режима весьма нелегко. Для этого нужно отдельно рассмотреть каждый элемент избирательной системы, играющий в этой области

10 лат.: из ничего. — Прим. перев.

свою роль: размер округов, способ голосования (по партийным спискам или по одномандатным округам), систему распределения мест (мажоритарная или пропорциональная), наличие или отсутствие второго тура. Все эти многообразные факторы могут подчас противодействовать друг другу, что ослабляет их совокупную роль. Очевидно, весьма существенны размеры избирательной территории. Здесь можно вывести почти математическую формулу: влияние партий на выдвижение кандидатов колеблется в прямой зависимости от величины округов. Чем больше округ, тем больше и влияние партий; чем он меньше, тем больше ограничено их вмешательство. Само собой разумеется, что все эти аксиомы не следует понимать буквально: они определяют общую и весьма приблизительную тенденцию, но сама тенденция неоспорима. Чем меньше округ, тем более возможно личное знакомство избирателей с кандидатом — тем чаще избирательная кампания принимает форму борьбы личностей, и выбор между ними избиратель делает на основании присущих им качеств, а не их политической принадлежности. Когда территориальные рамки расширяются, прямой контакт между кандидатами и избирателями ослабевает: вторые уже не знают первых лично. Политическая этикетка становится существенным элементом голосования, тогда как в малых округах это дело второстепенное. Сравнительный анализ голосования по округам, принятого в Третьей республике, с голосованием по департаментам, которому отдавалось предпочтение в Четвертой, прекрасно иллюстрирует эту общую тенденцию. Верность избирателей некоторым кандидатам, несмотря на их политическую эволюцию и переход в другие партии, хорошо показывает преобладание личностной точки зрения: случай Пьера Лавалья типичен. «Десантирование» кандидатов, столь распространенное во время первых пропорциональных выборов, когда некоторые депутаты оказались избранными в округах, где до того, как говорится, нога их не ступала, было бы решительно невозможно при порядке голосования по округам — за исключением, конечно, личностей, известных в национальном масштабе.

Дело, впрочем, не только в возможности непосредственных контактов между избирателями и кандидатами: нельзя пренебрегать и финансовым фактором. В небольшом округе избирательные издержки менее высоки, чем в крупном: выдвижение кандидатов без поддержки партий остается возможным, хотя оно и не лишено трудностей. В большом округе это исключено: обеспечить расходы по кампании могут только партии или другие коллективные организации, которые имеют тенденцию приобретать характер партий. Но размеры округа не следует понимать только в географическом смысле: так же важно и количество избирателей. Во Франции при всеобщем избирательном праве департамент — это большой округ; при ограниченном избирательном праве он становится округом небольшим, поскольку взаимное знакомство кандидатов и избирателей здесь гораздо легче в силу немногочисленности последних. Таким образом в цензовых демократиях размер округов усиливал естественную тенденцию к снижению роли партий, и выборы в Сенат и Совет Республики имели поэтому более личностный и менее партийный характер, чем выборы в Палату депутатов или Национальное собрание.

Голосование за партийные списки или по униноминальному принципу имеют одно и то же влияние, поскольку первое используется в больших округах, а второе — и малых. Но соответствие это не абсолютно: при Третьей республике муниципальные выборы проходили по партийным спискам, а всеобщие — по униноминальному принципу. Размер округов, по видимому важнее, чем характер голосования: в ходе муниципальных выборов роль партии менее значительна, чем в ходе всеобщих. На первых она местами изменялась в зависимости от коммун: классификация французских коммун по размерам, несомненно, показала бы, что процент независимых кандидатов стоит в обратном отношении к величине территории. Но при всех обстоятельствах голосование по партийным спискам в силу своего коллективного характера естественно снижает влияние личностей, обязывает к согласию между множеством индивидов, отдавая предпочтение общности идей и устремлений перед личными качествами каждого, — все это элементы, которые объективно действуют в направлении возрастания влияния партий. Если принято блокирование партийных списков, роль личностного фактора

увеличивается: становится возможным отдать голос в пользу отдельного кандидата, несмотря на коллективный характер голосования. Право выставлять неполные списки¹ позволяет бороться за голоса избирателей даже в одиночку. Но блокирование предполагает инициативу избирателя, который должен внести изменения в печатные списки, предложенные на его выбор: опыт же показывает, что сила инерции серьезно препятствует таким изменениям. При коллективном голосовании индивидуальные кандидатуры всегда имеют меньше шансов на успех, чем полные партийные списки. Тем не менее предвыборные соглашения довольно распространены, особенно в небольших округах.

Система пропорционального представительства увеличивает влияние партий на выдвижение кандидатов. Будем различать эффект собственно пропорциональной системы и следствия голосования по партийным спискам, которое обычно с ней связано (исключение — Ирландия с ее переходным типом голосования): он варьируется в зависимости от характера применения этой системы. При национальном распределении оставшихся мест влияние партий достигает своего максимума: кандидаты, прошедшие по дополнительным национальным спискам, за счет оставшихся голосов, суммированных по стране в целом, отбираются непосредственно партией. Порядок объединения партийных списков приводит к результатам того же рода, особенно если блокирование осуществлялось на национальном уровне. Но даже при локальном распределении оставшихся мест и отсутствии объединенных списков роль партии очень велика: ее несколько снижает лишь блокирование и преференциальное голосование². Так или иначе общее влияние партий и составлении списков настолько велико, что блокирование и преференциальное голосование имеют своим результатом большую свободу избирателя и выборе между кандидатами, предложенными партиями, — гораздо большую, чем допускаем свободное выдвижение кандидатур. Как доказывает опыт, пропорциональная система приводит фактически почти к монополии партий. Мажоритарное голосование, как правило, может повлечь за собой подобные же следствия, если оно проводится в один тур и сочетается с дуализмом партий. Любая независимая кандидатура вносит в систему серьезнейшую пертурбацию из-за вызываемого ею рассеяния голосов; избиратели тоже ее обычно обходят, отдавая свои голоса двум партиям: феномен поляризации работает против индивидуальной кандидатуры и ведет к партийной монополии. В Англии внепартийные кандидатуры встречаются еще реже, чем при пропорционалистских режимах. В конечном счете одна лишь мажоритарная система в два тура, в том случае, когда она сочетается с небольшими округами, дает относительную свободу выдвижения кандидатов. При всех обстоятельствах партийные кандидатуры пользуются значительными преимуществами перед всеми другими.

Вместе с тем внутренняя структура партий может довольно глубоко изменить это положение вещей. Кадровые партии, не имеющие прочной финансовой опоры и испытывающие постоянные денежные затруднения, всегда весьма расположены к кандидатам, покрывающим издержки кампании: официально партия выбирает кандидата, но практически инвеституры добиваются без особых трудностей. Массовые партии — обычно это партии левой — отличаются меньшей склонностью к этой «капиталистической» форме индивидуальной кандидатуры. К тому же их уставы нередко предусматривают меры с целью не дать возможности независимому лицу получить в последний момент покровительство партии: только члены партии, имеющие определенный стаж, могут быть выставлены ею на одобрение избирателей. Такой порядок ведет к известному старению кадров, но поддерживает доминирование партий. Вместе с тем свобода кандидатур точно так же зависит и от степени централизации партии. В децентрализованных партиях кандидаты подбираются на локальном уровне, комитетами, которые довольно легко смотрят на выдвижение местных деятелей; в централизованных, где кандидатуры одобряются национальным руководством, добиться инвеституры труднее.

И в этих случаях речь также идет не столько о том, чтобы противопоставить независимую кандидатуру партийной, сколько о том, чтобы определить ту степень индивидуальной инициативы, которая остается за самим кандидатом. Противопоставлять

независимые кандидатуры партийным слишком наивно; кроме нескольких фантазеров, не имеющих никаких шансов на успех, никто и никогда в одиночку не предложит себя вниманию избирателей. За кандидатом всегда стоит организация — пусть даже эмбриональная, на которую он может опереться, ведя свою кампанию: избирательный комитет, газета, финансовая поддержка, пропагандисты и приверженцы. Для независимых кандидатов проблема состоит в том, чтобы суметь собрать эти различные элементы воедино без партии. Отсутствие партийной монополии еще не означает, что кандидат вообще абсолютно свободен: это просто означает, что не партии, а другие организации могут участвовать в избирательной борьбе — под «организациями» надо понимать крупные частные состояния (непосредственная роль которых в этой области невелика). И еще вопрос, действительно ли эти организации более свободны, чем партии, при подборе кандидатов; точно так же как не бесспорно и то, что ограничение роли партий и уничтожение их монополии увеличивают свободу избирателей и возможность независимых лиц смело идти на выборы.

Проблема техники отбора кандидатов при помощи партий, стало быть, в конечном счете еще более значительна, чем проблема меры их влияния; она, кстати, стоит перед всеми организациями, имеющими отношение к выдвижению кандидатов. Соответствующие процедуры обычно очень близки к тем, которые используются при выдвижении руководителей партии: поскольку последних нередко отождествляют с парламентариями, различить две эти инвеституры не всегда легко. Теоретически друг другу противостоят две основные системы: избрание всеми членами партии и назначение руководящими комитетами. Практически же различие между ними менее велико, чем кажется, потому что собрания членов партии, которые выдвигают кандидатов, подвержены такому же манипулированию и давлению, как и съезды, где избираются руководители. В кадровых партиях выдвижением ведают комитеты: наслаждениям «избирательной кухни» там предаются при закрытых дверях. В Америке эта система соответствовала эпохе саусус, которые были в основном собранием руководителей партии для выдвижения своих кандидатов на выборах. Важную проблему в этом случае составляет только соперничество местных и центральных комитетов: во Франции первые берут верх над вторыми; американские комитеты тоже имеют весьма локальный характер. В массовых партиях выдвижение кандидатов членами партии — обычно правило, но оно может быть прямым или опосредованным. Прямое выдвижение относительно редко: в качестве примера можно привести голосование за выдвижение, принятые в бельгийских партиях. Внешне весьма демократичная, эта система на практике несвободна от глубоких злоупотреблений, как это показывают критические выступления, раздававшиеся в христианско-социальной партии Бельгии по поводу выдвижения кандидатов на выборах 1949 г. Право предлагать кандидатов было признано за Национальным и окружными комитетами: но кроме них это могут сделать и местные отделения, объединившись в количестве трех, а также 150 членов партии, подписав соответствующее заявление. Пользуясь этим, некоторые кандидаты добивались представления своих кандидатур тремя крошечными секциями, насчитывавшими в общей сложности всего несколько десятков членов. Окончательное выдвижение и отбор кандидатов осуществлялись по средством общего голосования всех членов партии, числящихся в ней в текущем году; в некоторых округах «появились кандидаты, которые организовали настоящую охоту за членами партии и заставляли записываться в партию за несколько дней до даты окончания регистрации для голосования сотни своих приверженцев. Некоторые пытались также покупать незаполненные книжки членских билетов»¹. Чтобы избежать этих злоупотреблений, вносилось предложение давать дополнительный голос членам партии, внесенным в списки более года назад.

Система голосования за выдвижение может стать главной основой партийной общности: принадлежность к партии имеет целью участие в определении кандидатов на выборы. Фактически единственный элемент настоящего членства, который обнаруживается в американских партиях, состоит в участии в закрытых праймериз, которые можно сравнить с

бельгийскими голосованиями. Но эта техника встречается относительно редко: если выдвижение кандидатов остается в руках членов партии, для этого обычно используется опосредованный способ. Кандидаты выдвигаются съездом или собранием, состоящим из делегатов, избранных членами партии в местных отделениях; приблизительно такая система принята, например, в швейцарских партиях, где решения по кандидатурам принимаются собранием делегатов. Этот порядок был введен в Соединенных Штатах в первой половине XIX века, где он постепенно вытеснился потом принципом caucus; выдвижение отныне осуществлялось съездом (конгрессом), состоящим из делегатов, представленных собраниями округов. Поскольку никакой узаконенной процедуры вступления в партию не существовало, руководители сами составляли список лиц, приглашаемых на эти низовые собрания; голосование проводилось в обстановке многочисленных манипуляций и давления, так что съезд гораздо больше представлял верхушку партии, чем массу избирателей и симпатизантов; при демократической видимости все это недалеко ушло от системы caucus. Впрочем, некоторые «конгрессы» — это официально признанные собрания деятелей руководящих комитетов, а не делегатов от членов партии: таков и Национальный конгресс, который обеспечивает выдвижение кандидата в президенты. Многие собрания и конгрессы по своему характеру фактически не столь уж отличаются от того, что мы видим в европейских партиях, где руководящие комитеты местных организаций играют главную роль в выдвижении кандидатов. Но все же система формального членства, когда она существует, ставит какой-то предел манипуляциям и вмешательству партийной верхушки.

С начала XX века порядок конгрессов в Соединенных Штатах был заменен новой системой выдвижения — праймериз, системой совершенно оригинальной, которую по-настоящему невозможно сопоставить ни с какой другой. Можно было бы сравнить ее с бельгийскими «голосованиями», но последние основаны на механизме членства, которого не существует в Америке. Вместо избрания кандидатов членами партии, речь здесь идет скорее об избрании их избирателями и симпатизантами. Кроме того, описать праймериз весьма нелегко еще и потому, что каждый штат устанавливает здесь свою собственную регламентацию. На самом деле существует не система, а системы праймериз, весьма разнообразные и существенно отличающиеся друг от друга. В принципе праймериз — это предварительные выборы, которые служат для выдвижения кандидатов партии на собственно выборы. Обычно там представлена целая обойма кандидатов на многочисленные посты — не только политические, но и административные и юридические, поскольку местная администрация и юстиция в Соединенных Штатах во многом образуются выборным путем. Праймериз официально организуются публичными властями, как и сами выборы; они проводятся обычно в таких же пунктах для голосования, но все это происходит внутри каждой партии. Избиратель выбирает среди кандидатов своей собственной партии того, кто будет представлять партию на выборах.

В зависимости от штата различают праймериз закрытые и открытые; и тот, и другой тип имеют многочисленные вариации. На закрытых в выдвижении кандидатов-республиканцев могут участвовать только избиратели-республиканцы, а в выдвижении кандидатов-демократов — только избиратели-демократы. Но как определить, кем же является тот или иной избиратель — республиканцем или демократом? Наиболее распространенный способ — это вербовка. Она может происходить в момент регистрации: люди называют партию, к которой намереваются причислить себя на «праймериз»; изменить это можно лишь на следующей регистрации. Иногда вербовка может иметь место при входе в пункт голосования, где получают бюллетень той партии, которую предпочли; если возникает желание на следующих «праймериз» переменить свою партийную ориентацию, нужно за определенное время до выборов получить заверенное секретарем суда удостоверение — срок в зависимости от штата колеблется от шести месяцев до десяти дней. Некоторые другие штаты вводят тест верности партии, обычно именуемый «запросом»: при входе в пункт голосования избиратель требует бюллетень какой-то одной партии. Прежде чем его вручить, избирателя просят сделать заявление, что он поддержал кандидатов партии на последних выборах и

поддержит их на ближайших. В некоторых южных штатах требуется даже личное заявление и поддержке кандидата партии, выдвинутого на праймериз, с тем чтобы застраховаться от независимых. Закрытые праймериз предполагают таким образом, что голосующие оказывают предпочтение партии; здесь скорее речь идет о выдвижении кандидатов симпатизантами, нежели простыми избирателями. Вербовка и последующий «запрос» во многом напоминают европейский механизм вступления в члены партии; однако здесь недостает регулярных взносов и особенно — участия членов в жизни партии, в установлении партийной иерархии и выдвижении вождей. Вербовка и «вызов» действительны только для праймериз и предназначены исключительно для выборов.

Но все это имеет место лишь на закрытых праймериз. На открытых же сохраняется тайна политических предпочтений каждого избирателя: принадлежность к партии никак открыто не проявляется. У входа в пункт для голосования избиратели получают два бюллетеня, по одному от каждой партии; каждый бюллетень содержит список кандидатов партии; избиратель отмечает крестиком тех, кого он предпочитает, но он имеет право использовать только один бюллетень. Или же каждый избиратель получает один бюллетень с двумя отдельными колонками для каждой партии: он может использовать лишь одну колонку — иначе голосование будет признано недействительным. Тем не менее в штате Вашингтон можно проголосовать за «лошадок» той и другой партии, если речь идет постах: кандидаты сгруппированы не по партиям, а по должностям. Наконец, в Миннесоте и Небраске для избрания Законодательного собрания штата принята система непартийных праймериз, обычно используемая преимущественно на выборах судей: здесь партийная принадлежность кандидатов вообще не указывается; в настоящих выборах затем участвуют лишь те двое, что возглавляют список избранных. Реально речь идет уже не о праймериз, а о первом туре выборов с ограниченным вторым туром, подобно тому порядку, который существовал в кайзеровской Германии и Бельгии с ее мажоритарной системой.

Таким образом общим названием праймериз именуется весьма многообразные техники голосования. Закрытые праймериз приблизительно соответствуют выдвижению кандидата от партии ее симпатизантами, открытые «праймериз» обычного типа — выдвижению его избирателями. Те и другие образуют крайние члены прогрессии, где открытые праймериз по типу штата Вашингтон — последняя ступень по отношению к непартийным праймериз, которые представляют собой уже не выдвижение кандидатов, а настоящие выборы. В целом эта система была постепенно установлена к началу XX века с целью сломить влияние руководителей партий на отбор кандидатов. Это в значительной мере удалось: бесспорно, именно ей нужно приписать современный упадок «машин». Но тем не менее вмешательство руководителей скорее изменило свои формы, нежели полностью исчезло. Кто может быть внесен в партийный бюллетень, официально отпечатанный администрацией и полученный избирателем праймериз? В основном это член партии, который собрал известное количество подписей, различное в зависимости от размеров округа. Таким способом можно бороться против господствующей в партии группировки, противопоставив противнику своего кандидата, но это уже предполагает известные зачатки организации, то есть создание другой группировки. Система праймериз ведет не столько к независимости кандидатур от руководителей, сколько к развитию внутренних группировок и соперничеству их руководителей. Избиратели праймериз могут быть арбитрами такого соперничества, но слабое участие избирателей в этих выборах снижает их значение (табл. 42); с другой стороны, оно, по-видимому, почти не имеет реальной силы, как и участие европейских избирателей в голосовании в два тура, так как сами кандидаты на праймериз практически отбираются группировками руководителей, как и в Европе. По существу сокращается лишь степень их вмешательства: оно больше не распространяется непосредственно на выдвижение кандидатов, а только на отбор «кандидатов при выдвижении кандидатур». Настоящая проблема американских партий сегодня — это проблема предварительных праймериз: собраний партийных комитетов с целью выдвижения кандидатов собственно на праймериз.

Партии и собственно выборы

Партии играют основную роль в первой фазе избирательной процедуры — выдвижении кандидатов, но они присутствуют и во второй — селекции между кандидатами, то есть собственно выборах. Прежде всего они оказывают на нее косвенное, но важное влияние поддерживая кандидата в его избирательной кампании. Они — за исключением кадровых и комитетских партий, где преобладающим остается частное финансирование, обеспечивают подавляющую часть издержек этой кампании. В некоторых странах принимаются строгие меры контроля и ограничения избирательных расходов, с тем чтобы помешать силе денег слишком уж давить на пропаганду, порождая чересчур резкое неравенство. Но развитие массовых партий сделало эти меры менее эффективными: сегодня наиболее крупные затраты на пропаганду характерны уже не для консервативных партий, располагающих поддержкой «денежных мешков», а для народных партий с их массой членов, взносы которых создают весьма значительный оборотный фонд. Немецкая социал-демократическая партия первой продемонстрировала превосходство такого почти всенародного финансирования с помощью партийного налога над частным с его пожертвованиями крупного капитала. Британская лейбористская и другие синдикалистские партии достигли подобных же результатов; во Франции самые крупные расходы сегодня несет, вероятно, коммунистическая партия. К тому же участие партий в кампании позволяет обойти положения закона, ограничивающие пропаганду и избирательные расходы. Во Франции, например, ни один кандидат не имеет права размещать плакаты вне специально отведенных немногочисленных официальных площадок, но партии распространяют свои плакаты, косвенно поддерживающие их кандидата, повсюду. Современную избирательную кампанию можно было бы сравнить с концертом для инструмента с оркестром: кандидат представляет собой инструмент, звук которого все больше теряется в громе оркестра.

Нужно к тому же различать собственно избирательную пропаганду, которая ведется кандидатом с целью быть избранным, и пропаганду партии по случаю выборов, нацеленную на распространение своей доктрины, своего влияния, на умножение своих рядов. Здесь совершается любопытная эволюция, отражающая изменение сущности и роли партий. Первые партии были чисто избирательными организациями, чья основная функция состояла в обеспечении успеха их кандидатов: выборы были целью, партии — средством. Но затем развитие функций собственно партии как организации, способной непосредственно воздействовать на политическую жизнь, привело к тому, что выборы стали использовать в целях пропаганды самой партии. Избирательная кампания предоставляет исключительные средства воздействия на общественное мнение. В некоторых странах кандидаты имеют право на бесплатные залы для собраний, на издание и распространение официальными службами их программ, использование национального радиовещания, щитов для расклейки плакатов, etc. С другой стороны, публика оказывается в это время особенно восприимчивой по отношению к политике: почва как никогда подготовлена для того, чтобы развязать агрессивность «вируса партийности». Занимаясь избирательной пропагандой своего кандидата, партия таким образом развертывает постепенно и собственно партийную пропаганду. За какой-то гранью первоначальная ситуация оказывается перевернутой: вместо того чтобы использовать партии для обеспечения успеха на выборах, используют выборы, чтобы обеспечить рост партий; партия стала целью, а выборы — средством.

Эта метаморфоза выражается в росте числа кандидатов и видоизменении их характера. В XIX веке партия не выставляла кандидата в тех округах, где он не имел никаких шансов достигнуть финиша; сегодня это обычная практика. Коммунистическая партия, например, обычно систематически выставляет своих кандидатов повсюду. Избирательная кампания принимает таким образом рекламный характер: речь идет не о том, чтобы быть избранным, но о том, чтобы познакомить с партией. Это сказывается и на избирательной тактике. Используемая французской компартией с 1924 по 1932 г. тактика (полная самостоятельность и сохранение всех кандидатов во втором туре) с точки зрения завоевания парламентских мест

была абсурдна: она ослабляла шансы коммунистических кандидатов и отталкивала от них избирателей. Но эта тактика позволяла партии свободно разворачивать все направления своей пропаганды; она предохраняла ее от всяких компромиссов и какой бы то ни было компрометации, укрепляла ее внутреннюю сплоченность и усиливала ее влияние вглубь: она была оправдана в долгосрочном плане. По общему правилу пропаганда собственно партии имеет тенденцию преобладать над избирательной пропагандой в партиях фашистского или коммунистического типа, но если даже вторая иногда опережает первую и партия прежде всего стремится увеличить свое парламентское представительство, такое положение оказывается временным. Просто в данных обстоятельствах данная тактика расценивается как более эффективная, чем иная, но упрочение парламентских позиций и успехи на выборах сами по себе рассматриваются только как средство развития мощи партии, что всегда остается главным. Можно было бы таким образом различать партии избирательные и партии перманентной агитации: демократическую и парламентскую направленность имеют только первые; другие же всего лишь используют институты, пока не могут их разрушить.

Опосредованное влияние партий на выборы с помощью пропаганды существует всегда. Прямое же вмешательство в выбор избирателей имеет место лишь в некоторых политических системах. Оно очевидно при однопартийных режимах, где нет другого выбора и голосующие ограничиваются одобрением кандидата партии. Здесь настоящими выборами становится выдвижение кандидатов: в той мере, в какой это происходит гласно, оно открывает возможности для соперничества кандидатов и дискуссий — возникает некоторый демократический элемент. В штатах американского Юга именно в силу этого приобретают основное значение праймериз: участие в них избирателей более активно, чем в собственно выборах (ср. табл. 42 и 43); борьба группировок и противостояние кандидатур подчас превращают видимое единство демократической партии в фикцию. В СССР было бы интересно исследовать тот же самый механизм собраний по подготовке к выборам, находящийся в руках профсоюзов, молодежных объединений, подразделениях партии и всех организаций, обладающих правом выставлять кандидатов. Эти организации являются живой и реальной частью советской избирательной системы; но, к сожалению, точных и конкретных документов на этот счет недостаточно. Дуалистический режим с доминирующей партией создает почти аналогичную ситуацию: если диспропорция двух партий такова, что одной из них успех практически обеспечен, определение ею своего кандидата становится решающим моментом выборов.

Прямое влияние партии открыто проявляется и во втором варианте — при системе пропорционального представительства с объединенными списками, куда кандидаты вносятся в известном порядке, определяющем шансы на избрание. Пусть, например, социалистическая партия в каком-то округе на предыдущих выборах добилась трех мест. Поскольку колебания полученных голосов от одних выборов к другим относительно незначительны, она может рассчитывать, что и ближайшие выборы дадут ей минимум два и максимум четыре места. Кандидату, возглавляющему список, успех, стало быть, гарантирован; второй уверен в успехе несколько меньше, третий — гораздо меньше; четвертый имеет лишь некоторую надежду; другие ее практически совсем лишены, им достается роль избирательных статистов. Соответствующие шансы кандидатов, следовательно, определяются партией; у первого они почти такие же верные, как при однопартийном режиме. Налицо прямое вмешательство в выборы, которые, по существу, перестают быть выбором между кандидатами, сделанным избирателями: последние лишь фиксируют контингент, в рамках которого партия осуществляет свое право назначать депутатов. Все происходит так, как если бы избирательный корпус давал такой-то партии право назначать 20 % всех парламентариев, другой 15, третьей 40, etc. - эти пропорции могут колебаться от одних выборов к другим. Если пропорциональная система принята в ее полном виде, функционирует в национальном масштабе, с единообразными квотами и общим распределением оставшихся мест, все вышеописанное в точности соответствует действительности. В менее чистых пропорциональных системах — а они-то как раз наиболее распространены — схема слегка

модифицируется. Но пока остается в силе принцип объединенных партийных списков, полностью сохраняется и право назначать депутатов — меняется лишь способ определения контингента.

Если принята система преференциального голосования и заключения предвыборных соглашений, выбор депутатов частично вновь переходит в руки избирателей: между ними и партиями устанавливается определенного рода сотрудничество. При системе преференциального голосования в ее полном виде, когда порядковый номер кандидата в списках партиями не определяется, последние утрачивают всякую возможность прямого вмешательства в выборы. При системе псевдопреференциального голосования (французские законы 1946 и 1951 г.), когда изменения в порядке партийных списков принимаются лишь в том случае, если они превышают половину ранее полученных партией голосов, последняя сохраняет свои прерогативы в неприкосновенности; опыт показывает, что сдвиги никогда не достигают такой пропорции; будучи к тому же разнонаправленными, они неспособны изменить навязанный партией порядок. При пропорциональной системе с объединенными партийными списками распределение кандидатов по номерам становится актом такой же важности, как и их выдвижение. В норме то и другое должно совершаться одновременно; практически же многие партии позволяют своим членам прямо или опосредованно участвовать в выдвижении, но на деле сохраняют право распределения мест в списке за руководящими комитетами, которые таким образом вновь приобретают главную роль. Техника составления списков с порядком, навязанным избирателям, к тому же допускает весьма хитроумные манипуляции: достаточно поставить кандидата, любимого активистами, но неугодного руководителям, на «плохое» место, чтобы успокоить первых и удовлетворить вторых; точно так же отодвинуть в назад популярного среди избирателей депутата, срок полномочий которого истекает, — значит воспользоваться его популярностью в интересах кандидата более сговорчивого. Такая угроза — замечательное оружие в руках первых лиц партии, используемое для того, чтобы добиться послушности парламентариев.

Эти приемы иллюстрируют общие следствия вмешательства партий в процесс выдвижения депутатов: глубокую трансформацию механизма выборов, эволюционирование его к смешанной системе «выборы — кооптация». Однопартийность представляет собой крайнюю, завершающую точку этого движения: выборы здесь не более, чем видимость, которая едва маскирует реальность — кооптацию почти в чистом ее виде. Кооптация как механизм селекции правящих мало изучена по сравнению с наследованием и выборностью, которые стали объектом многочисленных исследований. А между тем она приобретает сегодня такое значение, какого не знала никогда со времен Римской империи. Все диктаторы традиционно прибегали к кооптации, чтобы обеспечить незыблемость своей власти; практически вплоть до XX века здесь мало что изменилось, разве что кооптация стремительно превращается в наследование. Единственная партия сегодня обновила эту технику и придала ей упорядоченный характер, которого та никогда не имела: отныне кооптация диктатора совершается внутри партии, в центральном ядре, которое обеспечивает его верховное правление. В Германии Гитлер лично назначил своих в известном смысле наследников из небольшой группы соратников; в Италии Большой фашистский совет должен был выдвинуть из своей среды наследника дуче; в СССР наследование поста Верховного вождя практически подготавливается в рамках Политбюро коммунистической партии. Немецкая система больше всего соответствует классическому типу личной диктатуры; итальянская и русская вводят новый тип — коллективную кооптацию. В СССР он уже однажды сработал, обеспечив замещение Ленина Сталиным; вытеснение Троцкого не вызвало сколько-нибудь серьезного внутреннего кризиса режима, хотя механизм наследования был тогда использован впервые. Как представляется, партия таким образом трансформировала само понятие диктатуры: идет процесс превращения этого в сущности временного — поскольку он связан с жизнью одного человека — режима в непреходящий, ибо он получает основание в виде постоянно обновляемого института — партии.

На уровне верховного вождя единственная партия обеспечивает чистую кооптацию. На уровне парламентариев кооптация приобретает оттенок выборов. Фактически назначенные партией, депутаты тем не менее выносятся на всенародное одобрение, для чего предпринимается грандиозная и пышная пропагандистская демонстрация. Система возрождает технику плебисцита: личный плебисцит по поводу одного человека заменяется коллективным — по поводу института. Депутаты отбираются партией, но и народное утверждение — массовое, насколько это только возможно, — сохраняет большое значение. Такое обращение к избирательному ритуалу придает режиму видимость демократической легитимности: так некогда Наполеон воспользовался личным плебисцитом для того, чтобы примирить монархическую реставрацию с официальными принципами Французской революции; коллективный плебисцит имеет то же самое значение. Новые религии перенимают старые обряды и сохраняют места паломничества. Этот ритуал тоже имеет весьма прозрачный практический смысл: так стараются внушить мысль о тщетности любых попыток сопротивления, о всемогуществе системы, требующей единодушного повиновения. Большинство в 99,9 % доказывает эффективность режима; его фальшивый характер очевиден, но обеспечить такой результат способен только совершеннейший механизм. С другой стороны, эта система, быть может, дает какую-то демократическую подготовку на будущее: как бы там ни было, поддельные выборы приучают к процедуре голосования народ, которому до того она была попросту неизвестна; эти лишённые внутреннего смысла ритуалы обучают хотя бы демократическим приемам. Турецкий народ, например, наверняка испытал бы в 1950 г. гораздо большие трудности, «погружаясь» в демократию, если бы в течение 20 лет не проделывал подобной теоретической избирательной гимнастики: так в бассейне учатся плавать — сначала на сухом месте, распластавшись на тумбе, новички проделывают движения пловца...

При многопартийном режиме кооптация утрачивает чистоту и выборы вновь обретают реальность. Но они тоже уже больше не выборы в чистом виде: мы имеем дело с некой полукооптацией, где избиратель играет большую или меньшую роль — в зависимости от партийной системы. Кооптация, конечно, всегда присутствовала в избирательных механизмах: когда партий ещё не было, серьёзных кандидатов обычно опекали заканчивающие свой срок депутаты, решившие больше не выставлять свою кандидатуру на выборах. Эффект партий состоит ещё и в том, что в данном случае они заменили индивидуальную кооптацию коллективной. Но с равным успехом они заняли и поле действия «патронирования». При многопартийном режиме роль избирателей практически снова свелась к выбору между кандидатами, кооптированными партиями; кооптация представляет собой первый акт избирательной процедуры, в котором выборы — всего лишь второй. Американская система праймериз не отменяет кооптации: просто она вводит между двумя актами промежуточную операцию. Пропорциональная система с блокированием списков и устанавливаемым партиями порядком внесения в них кандидатур эту кооптацию сколько-нибудь ощутимо не усугубляет; она только преобразует её механизм, делая его более явным. Здесь наглядно видно, что избиратель не выбирает своего депутата как личность и всего лишь одобряет контингент, кооптированный партией: он поистине больше не избирает, как это действительно происходило при мажоритарном режиме с одномандатными округами. Он сохраняет лишь видимость выбора, поскольку голосует персонально за X или Y, но эти X или Y так же, как и все остальные члены списка, были кооптированы и расставлены по своим местам именно партией. Что же изменилось бы, будь в нём только X и Y, или его возглавляли бы их компаньоны, чье предназначение — всего лишь обеспечивать численность? По существу, настоящий личный выбор существует только при мажоритарной системе с объединёнными партийными списками, да и то он остаётся ограниченным членами списка, которые по-прежнему кооптируются партией.

II. Партии и представление общественного мнения

Термин «представительство» берется нами не в юридическом его смысле. Здесь все сказано и к этой теме можно уже не обращаться: классические противоположности мандата императивного и репрезентативного, индивидуального и коллективного, отзываемого и неотзываемого содержатся во всех учебниках, если не в памяти каждого из нас. К тому же присутствие партии, постепенно проникшей в это договорное отношение в качестве третьего, полностью трансформировало его природу; классическая теория представительства больше не соответствует действительности — если предположить, что она вообще когда-либо ей соответствовала, а не была искусной уловкой с целью превратить национальный суверенитет в официально провозглашенный суверенитет парламентский. Термин «суверенитет» прилагается здесь к социологическому феномену, а не к юридическому отношению: он определяет тождество между политическими воззрениями нации и парламента. Депутаты представляют своих избирателей, но иначе, чем уполномоченный представляет того, кто дал ему полномочия: так фотография воспроизводит какую-то модель в пейзаже или портрете. Основная проблема заключается в том, чтобы измерить степень точности представительства, то есть степень соответствия между общественным мнением и его парламентским выражением.

Роль партий в этой сфере значительна. Любая система партий представляет собой рамки, предписываемые общественному мнению, которые его формируют и одновременно деформируют. Обычно рассматривают существующую в стране систему партий как производное от структуры ее общественного мнения. Но с равным основанием можно утверждать и обратное: структура общественного мнения есть следствие системы партий — такой, как она сложилась в результате исторических обстоятельств, политического развития и всей совокупности сложных факторов, в которой преобладающую роль играет избирательная система. Отношения между общественным мнением и партиями отнюдь не однонаправленные; они образуют некую ткань тесно переплетенных взаимных действий и реакций.

Два вида деформации общественного мнения

Чтобы оценить адекватность представительства, обычно сопоставляют процент голосов, полученных партией в стране, и процент мест в собраниях, то есть ее избирательный и парламентский вес. Такой подход неполон: разрыв между избирательным и парламентским измерениями представляет собой только вторую ступень деформации общественного мнения. На него накладывается другая деформация, реже замечаемая, но, быть может, более серьезная: разрыв между распределением голосов и истинной природой общественного мнения. Ведь распределение голосов само по себе есть не общественное мнение, а всего лишь одно из многих средств его выражения, которое в известной мере всегда его искажает.

Деформация второй ступени, определяемая разрывом между процентом голосов и процентом мест, легко поддается измерению. Здесь главную роль играет избирательная система. Пропорциональное представительство по самому определению ведет к весьма незначительной деформации: ведь оно прямо основано на идее точного совпадения между избирательным и парламентским измерениями партий. Однако практические изменения, которые вносятся функционированием этой системы, нередко нарушают указанное соответствие. Чтобы она была совершенной, нужно было бы, чтобы в стране существовал только один избирательный округ или чтобы распределение оставшихся мест производилось на национальном уровне. Различные политические соображения побуждают отступать и от того и от другого принципа в пользу менее идеальных методов. Тогда-то и возникает расхождение между пропорцией мест и пропорцией голосов, которое колеблется в зависимости от принятой системы распределения оставшихся мест, границ избирательных округов, возможностей заключения предвыборных соглашений или блокирования, etc. Разрыв оказывается довольно незначительным в одних странах и довольно существенным в

других. Направленность деформации зависит от техники пропорционального представительства. Метод наивысшей средней благоприятствует большим сильным партиям, имеющим тенденцию быть сверхпредставленными в ущерб малым, обреченным на заниженное представительство: во Франции на выборах 1946 г. радикалы и их союзники по блоку потеряли 27,2 % голосов, которые перешли к ним, тогда как две самые крупные партии — коммунисты и народные республиканцы потеряли соответственно лишь 1,9 и 3,2 %. Порядок распределения большинства оставшихся мест, напротив, ведет к сверхпредставительству малых партий. Блокирование партии может внести возмущения в эту схему. Система пропорционального представительства все же не столь уж столь верно «фотографирует» общественное мнение, как в этом уверяют ее сторонники.

Однако эти несовпадения бесконечно менее значительны, чем при мажоритарной системе в один тур, которая действует в этом смысле с максимальной неадекватностью. Если имеется только две партии, можно отметить постоянную тенденцию: партия большинства сверхпредставлена, партия меньшинства имеет заниженное представительство. Явление не столь уж опасное, но оно имеет своим следствием преувеличение проявлений колебания мнений избирательного корпуса, как это уже было показано. Но если мажоритарная система сосуществует с многопартийностью, это может привести к большему искажению представительства, хотя оно почти не отклоняется от той же самой тенденции: партия, имеющая больше голосов, чем ее ближайший соперник, оказывается в принципе сверхпредставленной по отношению к нему (можно было бы сказать: его представительство завышено в большей степени или занижено в меньшей степени, чем у ближайшего соперника). Однако если разрыв голосов очень мал, представительство может быть совершенно фальсифицированным, так как партия, получившая меньшее число голосов, заберет себе большее количество мест, и наоборот. Такой случай произошел в Англии в 1910 г., когда либералы получили 275 мест при 43,1 % голосов, а консерваторы 273 места при 47 %. Он вновь повторился в 1929 г., когда лейбористы имели 289 мест при 37,5 % голосов, а консерваторы — 262 при 37,97 %. В Америке не прямой механизм президентских выборов в 1876 г. дал 185 мандатов республиканцу Хейесу, представлявшему 4 033 950 избирателей, который был провозглашен избранным, против 184 мандатов отвергнутого демократа Тилдена, хотя тот имел 4 284 750 голосов. Таким путем диспаритет в силу неравенства округов может возникнуть даже при двухпартийном режиме. Противники мажоритарного голосования в один тур не имеют недостатка в примерах, которые они всячески раздувают с целью доказать абсурдность системы; но при этом они по большей части забывают, что речь идет о редчайших случаях. При многопартийном режиме неадекватность представительства, к которой может привести мажоритарная система, явно достаточно серьезна. Но всегда следует помнить, что данная система по природе своей имеет тенденцию к ее самопреодолению, поскольку феномены завышенного и заниженного представительства, к которым она приводит, как раз и составляют главную движущую силу возврата к дуализму.

Обычно полагают, что второй тур сглаживает неадекватность мажоритарной системы. С точки зрения чисто количественной это неверно: если сравнить количество голосов, полученных партиями в первом туре и общее число мест, которое на них приходится после второго тура, можно констатировать значительные диспропорции (табл. 44). Они, разумеется, ниже тех исключительных аномалий, к которым приводит простая мажоритарная система, но представляются почти равными средним отклонениям. А с учетом их направленности они могут быть оценены даже как более серьезные, ибо размах разрыва менее важен, чем его направленность. При режиме в один тур в сочетании с двухпартийностью, имея даже мажоритарная партия значительное сверхпредставительство, а партия меньшинства — представительство в той же степени заниженное, ни то, ни другое, не искажает, как правило, общего смысла распределения общественных предпочтений. В случае же второго тура общий его рисунок, напротив, полностью искажен: уже не соответствующее количество голосов, полученных партиями по сравнению друг с другом, определяет направление отклонений¹¹, а

11 завоеванных голосов от полученных мест. — Прим. перев.

политические позиции партий и заключенные ими альянсы. По общему правилу второй тур выгоден центру и невыгоден флангам: то есть представительство первого завышено, а вторых — занижено. Политическая история Третьей республики во Франции хорошо иллюстрирует этот принцип, следы которого обнаруживаются почти во всех избирательных системах со вторым туром — в Нидерландах, Норвегии, Германии, etc.

Если сравнить окончательный процент мест с процентом голосов, полученных во втором туре, становится очевидным, что разрыв значительно сгладился: это как раз и дает данной системе право на существование. Тогда, казалось бы, можно считать, что она обеспечивает большую адекватность представительства по сравнению с голосованием в один тур; но, согласившись с этим утверждением, мы допустили бы серьезную методологическую ошибку, так как только первый тур дает картину распределения голосов между партиями, сравнимую с той, которую явила бы мажоритарная система с единственным туром или система пропорционального представительства. Второй тур неизбежно предполагает такую перегруппировку голосов, которая больше не позволяет определить их подлинные политические цвета. Полагать, например, что во Франции в 1936 г. радикальные голоса и голоса избирателей ФКП были переданы во втором туре «проходному» кандидату потому, что он возглавлял Народный фронт, несомненно, не соответствовало бы действительности. Голоса второго тура группируются не по партиям, а по тенденциям; но в таком случае просто жертвуют деформацией второй ступени, измеряющейся разрывом между избирательным и парламентским весом партий, в пользу деформации первой ступени, определяемой диспаритетом между распределением голосов и подлинной сущностью общественного мнения.

Полагать, что это распределение корректно выражает общественное мнение, можно лишь постольку, поскольку голосование действительно проходит как свободное, тайное, без давления и манипуляций, фальсифицирующих его результаты. Но такое предположение не лучшим образом обосновано, чтобы быть общепринятым; избирательное выражение общественного мнения не соответствует самому общественному мнению, оно всегда его в большей или меньшей степени деформирует, и направленность этой деформации весьма зависит от способа голосования и типа партийной системы. Борцы за избирательные реформы обычно подсчитывают эффект своих систем по сравнению с распределением голосов, полученных партиями при прежнем способе голосования: таков, например, метод, использованный Герменсом, чтобы доказать, будто мажоритарный режим сыграл бы в Веймарской Германии менее зловещую роль, чем система пропорционального представительства. Но эти расчеты заведомо ошибочны, ибо первым результатом избирательной реформы бывает изменение не только распределения мест, но также и распределения голосов. Избиратели по-разному голосуют при мажоритарном режиме и при системе пропорционального представительства, при двух и одном туре, при партийных списках и при униноминальном голосовании. Механизм поляризации прекрасно иллюстрирует это обратное действие способа голосования на общественное мнение. Его углубленный анализ труден, поскольку избирательные реформы нередко совпадают с расширением избирательного права (всеобщее избирательное право, голосование женщин) или какими-то большими политическими событиями (война 1914 или 1939 г.). Тем не менее вполне возможно проанализировать, например, последствия отказа от мажоритарной системы в пользу системы пропорционального представительства в Швейцарии, Дании и Норвегии. В этих трех странах изменения были вызваны способом голосования на протяжении очень малого временного интервала (два или три года) и без ощутимых изменений права голоса; во всех трех пропорциональная система сменила смягченный вариант мажоритарного режима (в Швейцарии и Норвегии — вторым туром, в Дании — элементами пропорциональной системы); наконец, речь идет о государствах достаточно благополучных, где общественное мнение обладает, как правило, относительной стабильностью. В результате избирательной реформы коренным образом изменилось

распределение между партиями не только парламентских мест, но и голосов; это в известной мере связано с выходом на сцену новых избирателей, отказавшихся от своей прежней позиции неучастия в выборах, но данное обстоятельство не вполне объясняет масштаб изменений (табл. 45). Во всех трех странах принятие пропорциональной системы уменьшило голоса партий центра и увеличило количество голосов, полученных экстремалами.

Необходимо также различать обработанное и необработанное общественное мнение. Первое возникает из второго в результате двух операций: раздробления его кувалдой партийной пропаганды и последующего перемальвания жерновами избирательного режима и партийной системы. Партии выражают общественное мнение, но не в меньшей мере они же его и создают; они его формируют, но они же его и деформируют — без этого дело никогда не обходится. Одним словом, перед нами не эхо, а диалог. Без партий здесь были бы лишь тенденции — смутные, инстинктивные, многообразные, зависящие от характера, воспитания, обычаев, социальной ситуации, etc. Даже марксистская теория, рассматривающая общественное мнение как отражение положения социального класса, полагает, что нет класса без классового сознания; но ведь нет классового сознания без деятельности партии, которая его пробуждает и развивает. Малые группы, объединяясь в партии по олигархическому или иерархическому принципу, как это было выше описано, вызывают к жизни мнение масс. Разумеется, без этой основы, которую мы назвали необработанным общественным мнением, они не смогли бы ничего; но и эта инертная масса сама ничего не может без «бродила» партий. Они придают индивидуальным мнениям ясное выражение, они обогащают и развивают их. А равно и усиливают: без партий носителям тех или иных взглядов не хватало уверенности в самих себе; и совсем иное дело видеть, что твои мнения разделяются другими, признаны официально, взяты на вооружение организациями — тогда они завоевывают авторитет и обретают уверенность. Плюс к тому партии их стабилизируют: без них мнение изменчиво, зыбко, неустойчиво; выборы в странах с молодой демократией, где партии еще прочно не укоренились, характеризуются значительными колебаниями от одного голосования к другому, что ослабляет режим. Партии ведут к кристаллизации общественного мнения; они дают скелет этому бесформенному, желеобразному образованию. И, наконец, они концентрируют тождественные мнения: сглаживая индивидуальные различия, снимая личное своеобразие, они как бы переплавляют их в несколько крупных семейств мысли. Этот синтез — труд не менее важный; без него не было бы ни выборов, ни политического представительства, ибо они невозможны в обстановке бесконечного хаоса личных мнений.

Выделив общественное мнение из массы частных, партии не перестают постоянно его информировать, направлять, вести за собой. Любая избирательная кампания включает в себя выработку платформы, способной привлечь максимум избирателей, предлагая им частные цели применительно к их интересам; но эти частные цели выступают только одним из аспектов — часто внешним и второстепенным — общей деятельности партии, в которой все подчинено ее парламентской и правительственной тактике. Сам механизм выборов имеет, стало быть, тенденцию деформировать общественное мнение, следуя технике, идентичной той, что применяется в отношении иных вспомогательных движений: речь идет об использовании совпадения между некоторыми специфическими целями партии и устремлениями избирателей для того, чтобы пристегнуть их к общей политике партии, выходящей далеко за пределы этих частных целей. Весьма типичен в этом отношении пример французской компартии. В 1951 г. более 25 % французских избирателей проголосовали за коммунистов, но совсем небольшая часть из этих 25 % принимала общую политику партии. Подавляющую же часть составляли люди, в принципе не согласные с коммунистической доктриной, но солидарные с партией по некоторым отдельным вопросам: рабочие, считавшие ее способной защитить их классовые интересы; мелкие и средние крестьяне, стремившиеся открыто заявить свой протест крупным землевладельцам; издольщики и арендаторы, выступавшие против своих собственников; люди левых взглядов, традиционно голосующие за самую левую партию; патриоты, движимые воспоминаниями о

Сопротивлению и маки, etc. Методичный и скрупулезный — регион за регионом — анализ мотивов, побуждающих голосовать за коммунистов, был бы крайне интересен. Он подтвердил бы разрыв между общественным мнением и его выражением посредством выборов, ибо 25 % избирателей, проголосовавших за коммунистов, определяют вес партии в стране и служат базой ее парламентского представительства. Пример коммунистов был приведен, поскольку он особенно типичен, но расхождение между действительным и обработанным общественным мнением характерно для всех партий. И оно тем значительнее, чем больше партия централизована, лучше организована, прочнее опирается на всеобъемлющую и непротиворечивую доктрину, позволяющую ей воздействовать на общественное мнение, а не регистрировать его, руководить массами, а не следовать за ними.

Те, кто не приемлет режим партий, порицают эту деформацию, не понимая, что она неизбежна и что дело не столько в деформировании, сколько в формировании. Они совершенно не видят, что необработанное общественное мнение неуловимо, что только при условии обработки оно может выразить самое себя и что способ выражения необходимо предполагает известные рамки, модифицирующие его. Различные приближенные методы, вероятно, позволяют подойти к изучению необработанного общественного мнения: например, техника опросов, монографического исследования, анкетирования, etc. В политическом плане менее неверное представление по какому-то определенному вопросу может дать даже проведение референдума; отметим, кстати, что результаты референдумов редко совпадают с результатами выборов, даже в чисто правительственных вопросах: пример расхождения результатов бельгийского референдума и выборов 1949 г. весьма в этом отношении типичен. При всех обстоятельствах любое средство исследования налагает на общественное мнение печать своей собственной формы. А стало быть, любая партийная система, которая создает своеобразные рамки для выражения общественного мнения, порождает и своеобразный тип политического представительства. Общественное мнение — один из факторов системы, и обратно: эта система, зависящая от других моментов и особенно от избирательного режима, сама выступает одним из факторов общественного мнения. Общественное мнение, избирательный режим и система партий образуют, таким образом, три взаимозависимых посылки, отношения которых — в противоположность расхожим представлениям — совсем не однозначны. Нередко воздействие их на общественное мнение неразделимо. Любое изменение избирательного режима ведет к соответствующему изменению партийной системы. Последнее в свою очередь непосредственно сказывается на выражении общественного мнения. Можно, следовательно, сказать, что любое изменение избирательного режима оказывает косвенное влияние на выражение общественного мнения. Но некоторые преобразования партийной системы партий не зависят от избирательного режима, а это означает, что их воздействие на представительство носит самостоятельный характер.

Типичный пример этого — крушение трехпартийного режима во Франции 1947 г.³ До тех пор сотрудничество коммунистов с социалистами и МРП создавало левое правительственное большинство и ориентировало общественное мнение в прогрессистском направлении: этот союз был просто возрождением Народного фронта 1936 г., и участие в нем коммунистов имело те же последствия. В 1947 г. министры-коммунисты были изгнаны из правительства и соглашение трех партий разорвано; с подачи коммунистов оно не получило никакого продолжения; напротив, между недавними союзниками образовался глубокий разрыв. С этого времени выражение общественного мнения приняло иную форму: санитарный кордон вокруг коммунистической партии изменил его без всякого перераспределения голосов и даже без всяких выборов. Оно ориентировано на центр и скользит вправо: социалисты, сознавая необходимость своего участия в центристских правительствах, склоняются ко все более умеренному реформизму; МРП урезает свою социальную программу, давая перевес консерватизму своих избирателей над прогрессизмом своих активистов; радикальная партия и умеренные вновь обретают утраченное было влияние. Эти изменения партий не представляют из себя феномен чисто внутренний: они повлекли за собой соответствующие

изменения обработанного общественного мнения (и возможно — по принципу ответного действия — общественного мнения самого по себе). Достаточно простой разделительной линии между партиями, чтобы изменить общую тональность общественного мнения; интересно было бы сопоставить все это с опытами, которые проводятся на основе психологии формы.

Партийные системы и деформация общественного мнения

В данном случае невозможно применить метод, использованный нами для оценки деформации избирательной формы общественного мнения парламентской его формой: те четко разграничены и измеримы, что позволяет определить их разрыв с большой точностью. Но общественное мнение само по себе и общественное мнение, выраженное системой партий, далеко не одно и то же: их дуализм вообще больше формален, чем реален. На самом деле необработанного общественного мнения не существует; по крайней мере оно не является объектом знания. Уловить можно лишь различные типы обработанного общественного мнения, зафиксированного с помощью монографического исследования, опросов Гэллапа, выборов по пропорциональной или мажоритарной системе, посредством двухпартийного режима или многопартийности, etc. Иные из этих типов ближе к реальности — такой, как она существует сама по себе; но ведь о ней мы ничего не знаем — в данном вопросе можно полагаться только на веру или интуицию. Единственный способ выявить влияние партийной системы на деформацию общественного мнения состоит в том, чтобы сравнить между собой мнения, зафиксированные каждой из этих систем, но и тогда можно выявить лишь неодинаковую направленность различных типов деформации, а не степень их неадекватности.

Можно отметить весьма четкое влияние систем партии и избирательного режима, которым они порождены, на географическую локализацию мнений. Данная проблема имеет несколько аспектов. Мы уже немного касались одного из них, изучая функционирование локальных партий в условиях мажоритарной системы с одним туром. Тенденция к двухпартийности, порождаемая этим избирательным режимом, проявляется главным образом в рамках округов, в результате чего в стране в целом вполне могут сосуществовать несколько партий, лишь бы в каждом из округов они боролись попарно. Следовательно, малые партии могут выходить и на национальный уровень, поскольку в некоторых регионах они выступают как большие, если речь идет об автономистских или региональных партиях (ирландские националисты, словацкие партии в Чехословакии, etc.); это и будущие национальные партии, которые начинают развиваться в тех регионах, где население их особенно поддерживает (например, социалистические партии в рабочих городах), или даже бывшие крупные национальные партии, отодвинутые на локальный уровень неумолимым процессом вытеснения, уже описанным выше (партия либералов в Великобритании в настоящий момент). Но эти результаты можно обобщить, ибо сама техника мажоритарного голосования ведет к тому, что миссия представлять регион в целом возлагается на кандидата, который опередил конкурентов, не принимая в расчет голоса, полученные другими; партии меньшинства в этом смысле уже не могут быть представлены на национальном уровне только на том основании, что в некоторых округах они обладают большинством. В итоге мажоритарное голосование акцентирует географическую локализацию общественного мнения: можно даже утверждать, что оно имеет тенденцию превращать национальное мнение (то есть фактически разделяемое страной в целом) в региональное, оставляя ему возможность быть представленным на части территорий, там, где оно наиболее сильно. Пример Соединенных Штатов в этом отношении особенно убедителен; но он слишком хорошо известен, чтобы необходимо было специально на нем останавливаться.

Система пропорционального представительства действует в противоположном направлении: взгляды, прочно укоренившиеся на местах, имеют тенденцию расширяться до национальных рамок благодаря возможности быть представленными даже в тех регионах, где

они в крайнем меньшинстве. Тенденция тем более заметна, чем более совершенна пропорциональная система: этому благоприятствует распределение оставшихся мест на национальном уровне, так же как и все другие методы, которые имеют своим практическим следствием превращение страны в целом как бы в единый избирательный округ. Можно таким образом отметить в странах, где система пропорционального представительства сменила мажоритарный режим, нечто вроде прогрессивной «национализации» взглядов и партий. Мы уже обращали внимание на это, говоря о Нидерландах; о том же убедительно свидетельствует пример Швейцарии, Бельгии, etc. Трудно сказать, какая из этих двух тенденций точнее выражает общественное мнение — национализация, которую имеет своим следствием система пропорционального представительства, или регионализация, импульс которой дает мажоритарная система. И та, и другая фактически его деформируют — только в противоположных направлениях: первая сглаживает локальные особенности общественного мнения, а вторая их преувеличивает. Феномен имеет и важное политическое измерение: система пропорционального представительства ведет к укреплению национального единства (или точнее — национального единообразия); мажоритарное голосование преувеличивает местные различия. Последствия, соответственно, могут быть как благоприятные, так и неблагоприятные — в зависимости от специфического положения каждой партии. Во Франции пропорциональная система усилила тенденции к централизации и унификации, что достойно сожаления. В Бельгии же она, напротив, смягчила соперничество фламандцев и валлонцев, тогда как возврат к мажоритарной системе грозил бы ожесточить его, ибо последняя подчеркнула бы профламандский характер католической партии и проваллонскую тенденцию социалистов, превратив и ту и другую в автономистские партии. В Соединенных Штатах мажоритарная система усугубила противостояние Севера и Юга и партикуляристский уклад последнего.

Проблема географической локализации общественного мнения имеет также и другой аспект, который не следует смешивать с предыдущим. В политической ориентации граждан обычно участвуют два ряда факторов: частные (локальные) и общие. С равным основанием можно сказать: факторы личностные и факторы идеологические, какими бы далекими от прямого совпадения они ни казались. Указанные факторы тесно переплетаются (чаще всего это происходит стихийно), и отделить одни от других не, просто — здесь необходим метод настоящего социального психоанализа. Как бы то ни было, вопрос состоит в том, чтобы определить влияние партийных систем и избирательных режимов на каждый из них, поскольку некоторые локальные факторы общественного мнения действуют в ущерб факторам национальным и *vice versa*¹². Практическое значение проблемы очевидно: политика парламента может быть в корне различной в зависимости от того, как были избраны его члены — в силу местнических прежде всего соображений или скорее на основании их позиций по отношению к главным национальным интересам. И дело здесь вовсе не в противоположности пропорциональной и мажоритарной систем, а в противоположности униномиального голосования и голосования по партийным спискам, так как первое может быть приспособлено к пропорциональной системе (порядок передачи голосов), а второе нередко функционирует в мажоритарных рамках. Действительно, униномиальное голосование предполагает небольшие округа, где естественно преобладают «соображения собственной колокольни», как говорят во Франции, то есть узкие местные интересы; голосование по партийным спискам, напротив, функционирует в более широких рамках, когда различные местнические точки зрения ограничивают друг друга, что оставляет основную роль за соображениям общего порядка. Нужно также добавить, что униномиальная система с ее личностным характером позволяет легче раздавать индивидуальные обещания, при ней приобретают большое значение местные связи кандидата, взгляды которого, естественно, будут испытывать давление узких рамок местности, откуда он вышел; голосование по партийным спискам, напротив, приглушает этот

12 лат.: наоборот. — Прим. перев.

личный фактор (в случае объединенного списка он исчезает почти полностью) и обязывает избирателя голосовать скорее за партию, нежели за людей, то есть скорее за идеологию и организацию национального масштаба, чем в пользу борцов за местные интересы.

Наблюдение подтверждает результаты этого анализа. Голосование по партийным спискам в рамках департаментов (с 1945 г. заменившее во Франции униномиальное голосование по округам) во многом способствовало расширению политических горизонтов парламентариев и членов правительства; отметим, что это отнюдь не заслуга самой пропорциональной системы, как обычно полагают. И, напротив, глубоко провинциальный характер устремлений, например, американского Конгресса — нередко столь далекий от мировой ответственности, перед лицом которой стоят Соединенные Штаты, — в значительной части проистекает из ограниченных размеров избирательных округов и принципа униномиального голосования, который они предполагают. Вместе с тем здесь замешаны и другие факторы, способные коренным образом изменить общий результат, и особенно — степень централизации партий. Можно констатировать, что Англии, несмотря на ее привязанность к униномиальному голосованию и небольшим округам, обычные пороки локализма не свойственны. Партикуляризм несомненно объясняется именно сочетанием двухпартийной системы с централизованностью каждой из партий: в силу первого обстоятельства кандидату крайне трудно вступить в схватку в качестве «вольного стрелка», вне крупных традиционных формирований; в силу же второго выдвижение так называемого кандидата весьма существенно зависит от центрального руководства партии, что тоже в значительной мере исключает локальное видение. Второй фактор, бесспорно, более важен, чем первый, как свидетельствует пример Америки, где децентрализованность партий поддерживает локальную их ориентацию, несмотря на двухпартийность.

Географическое распределение мнений существенно зависит, стало быть, от партийной системы и избирательного режима, элементы которых могут действовать согласованно или разобщенно; то же самое можно сказать и об их политическом распределении. Анализ феноменов поляризации, эволюции парламентских измерений партий и особенно влияния избирательных реформ на распределение голосов уже показал некоторые аспекты деформации общественного мнения в этой области. Дополним его несколькими фрагментарными замечаниями. Первое касается неучастия в выборах: за исключением однопартийных диктатур, где на каждых выборах требуется участие 100 % избирателей из 100, число воздержавшихся обычно значительно. В норме оно превышает 10, а весьма часто и 20 % общего количества избирателей. В Соединенных Штатах оно очень высоко, и для президентских выборов в общем располагается где-то между 40 и 50 % всех граждан, достигших необходимого для голосования возраста; в некоторых штатах эта цифра еще гораздо выше. Во многих южных штатах доля не участвующих выше 80 %; в Южной Каролине она переходит за 90 (табл. 43). Таким образом, распределение голосов никогда не совпадает с распределением мнений: между ними — пробел, соответствующий воздержавшимся. Количество их колеблется в зависимости от партийных систем. Оно, по-видимому, достигает максимума при дуалистических режимах с доминирующей партией, где выборы совершаются почти автоматически: именно этим объясняется низкое участие в выборах в штатах американского Юга. А минимальный уровень, вероятно, соответствует дуалистическому режиму, партии которого находятся в состоянии равновесия, ибо в таком случае каждый голос приобретает большую ценность. В многопартийной системе, гармонизированной избирательными соглашениями, что в итоге приводит к голосованию в два тура, результаты второго тура почти аналогичны результатам режима с единственным туром; в первом туре число воздержавшихся обычно выше. Если одна из партий явно доминирует и ее победа заранее обеспечена, процент голосующих становится очень низким, как в системе с единственным туром: в этом отношении можно сопоставить Швейцарию до 1919 г. и южные американские штаты: пропорция уклонившихся от голосования с 1902 по 1911 г. колебалась в промежутке между 43,2 и 47,5 %, а в 1914 г. достигала даже 53,6 %.

Пропорциональная система ведет, как представляется, к средним показателям; впрочем, сделать какие-либо заключения трудно, поскольку принятие пропорциональной системы совпадало обычно с введением всеобщего избирательного права или предоставлением права голоса женщинам, что делает невозможным корректные сравнения в одной и той же стране. Они почти невозможны в Швейцарии, Норвегии и Дании (табл. 45).

Но проблема разделения общественного мнения много сложнее. Анализ множества партий показывает, что источник его — не только в естественной разделенности граждан, но и — в равной степени — во внешних факторах, среди которых наиболее значительным остается избирательная система. В этом смысле если политическое деление образует некие рамки, предписываемые общественному мнению извне, то это скорее отражение расхождений, существующих внутри самого общественного мнения. Двухпартийность, вышедшая из мажоритарного голосования в один тур, обладает способностью подавлять второстепенные расхождения общественного мнения и концентрировать его вокруг крупных соперничающих течений; многопартийность, напротив, благоприятствует развитию его оттенков, давая возможность каждому из них найти воплощение в отдельной партии. Обычно из этого делают вывод, что она более точно обеспечивает представительство. Вероятно, не так все просто. На самом деле нет уверенности, что сложность общественного мнения, которая приводит к пропорциональной системе с ее «умножающим» эффектом и взаимной независимостью партий, больше отвечает реальности, чем упрощение, порожденное двухпартийностью и мажоритарной системой. Уже отмечено, что общественное мнение очевидно имеет глубинную тенденцию подразделяться на крупные противоположные фракции, внешние границы которых достаточно четки, хотя внутри них можно обнаружить множество оттенков. В таком случае «вина» двухпартийной системы состояла бы лишь в том, что она затушевывает второстепенные расхождения, существующие внутри каждого «духовного семейства»; но тем не менее она обладала бы существенным достоинством четко выражать их основную противоположность. И, напротив: в складывающейся в результате действия пропорционального режима многопартийной системе, включающей независимые партии, присутствовал бы серьезный недостаток: совершенно игнорировать это основное расщепление общественного мнения и преувеличенно подчеркивать его расхождения в деталях. В конечном счете известное преимущество следовало бы отдать многопартийной системе, скорректированной альянсами, — в том виде, как она складывается при мажоритарном режиме с двумя турами — ибо последняя позволяет одновременно выразить как фундаментальный дуализм общественного мнения (посредством соглашений второго тура), так и второстепенные противоречия внутри каждого из двух основных его массивов. Отметим, впрочем, что двухпартийная система привела бы к тому же результату, если бы каждая партия сохраняла гибкую структуру, оставляя свободу для возникновения и сосуществования различных фракций.

Другой аспект проблемы касается амплитуды противоречий общественного мнения, и он также отмечен аналогичными заблуждениями. Принято видеть достоинство многопартийности в том, что она сокращает эту амплитуду, «распределяя» крупные противоречия между небольшими фракциями, тогда как законченная двухпартийность приводит к системе двух блоков, то есть к максимальной противоположности; но это значит отождествлять количественные различия в парламентском представительстве с глубиной политических расхождений. В действительности соответствующие эффекты многопартийной и дуалистической системы диаметрально противоположны этому предрассудку. Олкомб справедливо отметил в своей статье в Энциклопедии социальных наук, что при двухпартийном режиме партии имеют тенденцию уподобляться друг другу, не останавливаясь, впрочем, на причинах такого сближения. Определить их довольно легко. Поразмыслим над этим на конкретном примере современной Англии, не принимая в расчет либеральную партию, больше не имеющую там серьезного значения. Кто обеспечивает победу консерваторов или лейбористов на выборах? Разумеется, не самые преданные их сторонники, которые неизменно голосуют за них (ведь ничего не поделаешь, если нет

возможности отдать свои голоса партии, расположенной правее или левее), а те два или три миллиона умеренных англичан, политически принадлежащих к центру, которые голосуют то за консерваторов, то за лейбористов. Чтобы завоевать их голоса, консерваторы будут вынуждены умерить свой консерватизм, а лейбористы — свой социализм, чтобы и тем и другим взять спокойный тон и приобрести облик, внушающий доверие. И те, и другие должны будут вести политику, ориентированную на центр, а стало быть, глубоко сходную. Так складывается парадокс: центр определяет всю парламентскую жизнь страны, избирательная система которой явно противодействует формированию партии центра. Результат очевиден — это ослабление амплитуды политических противоположностей. Миф о двух блоках, столь живучий во Франции, не соответствует действительности. Вероятно, следовало бы вместе с тем делать различие между пропагандой партии в момент выборов и ее правительственной деятельностью: первая выступает относительно умеренной, чтобы завоевать колеблющихся избирателей, место которых — в центре; вторая менее умеренна и рассчитана на то, чтобы удовлетворить активистов, настроенных более радикально. Мы придем тогда к явному исключению по отношению к общей тенденции партий — проявлять большую сдержанность при отправлении власти, нежели в предвыборных платформах; в Англии мы столкнемся с понятием «демагогии наоборот», другой пример которой показывают в своей пропаганде коммунистические партии. Как бы то ни было, мажоритарный характер голосования за каждую из двух партий естественно снижает разрыв между обещаниями и делами и ограничивает демагогию — пусть в смысле, противоположном обычному.

Совершенно иные результаты дает многопартийная система, состоящая из независимых партий, порождаемая режимом пропорционального представительства. Как правило, каждая партия здесь может увеличивать свое представительство только за счет ближайших родственных партий: во Франции, например, коммунисты — за счет социалистов, народные республиканцы — за счет умеренных, радикалов или РПФ, etc. Каждая, стало быть, стремится подчеркнуть различия в деталях, противопоставляющие ее ближайшему из соперников, вместо того чтобы выявить свое глубокое с ним сходство. Результатом будет углубление политических расхождений и расширение противостояния. Такое обострение соперничества между родственными партиями совпадает, как представляется, с общей экстремизацией общественного мнения: партии левой сдвигаются еще левее, партии правой — еще правее. А внутри любого объединения каждая старается перецеголять соседа в оригинальности. При Третьей республике описанный феномен был, кстати, более свойствен левый, нежели правый, поскольку правая состоявшая из бывших противников режима или бывших левых, отброшенных к консерваторам вследствие синистризма, имела плохую репутацию; стремление всех партий центра выглядеть «левее» было в этом отношении весьма симптоматично. Но экстремизация тем не менее проявлялась и внутри правой: там обычно поносили «умеренных» и перебежчиков, а начиная с 1934 г. явно ощущалось тяготение к фашизму; в 1945–1946 гг. партия радикалов и даже часть МРП испытывали весьма значительный прессинг демагогии «экономического либерализма». Такая экстремизация общественного мнения, по-видимому, меньше захватила другие страны, но тем не менее она представляется соответствующей общей тенденции. По мере ее проявления общественное мнение оказывается ориентированным в направлении, совершенно противоположном тому, что имеет место в двухпартийном режиме: оно испытывает давление центробежных, а не центростремительных сил. Отправление правительственных обязанностей, разумеется, ограничивают эти центробежные устремления: но с равным успехом оно позволяет не участвующим в отправлении власти крайним партиям сохранять их демагогическую и непримиримую позицию, которая под угрозой будущих выборов оказывает давление и на центристские партии. А следовательно, правительство по-прежнему поставлено в неблагоприятные условия нарастанием экстремизации.

Этот процесс полностью не прекращается даже в том случае, если эффект многопартийности сглажен союзами, сложившимися во втором туре: ведь в предвыборных

альянсах обычно обнаруживается тенденция к доминирующей роли самой экстремальной партии. Свойственная центристской партии «политика качелей» так или иначе позволяет несколько сгладить противоречия: она амортизирует противоположность двух основных блоков. Но это умиротворяющее действие сопровождается известной неразберихой: среди депутатов центра одни одерживают победу, опираясь на поддержку правой, а другие — на поддержку левой. Из-за этой тактики, которую во Франции называют «техникой летучей мыши», центристские партии постоянно обречены на своего рода «четвертование» между контрастными устремлениями: перепады настроений их по-разному настроенных депутатов толкают их то к консервативной, то к прогрессистской политике; пример радикальной партии при Третьей республике хорошо иллюстрирует этот механизм. В конечном итоге противостояние не столько амортизируется, сколько дестабилизируется, достигая крайности: противоположности приобретают взаимоисключающий характер, не соответствующий никакому действительному варианту общественного мнения. Да и какой же репрезентативности можно ожидать от разномастных депутатов, которые занимают противоположные точки в пространстве общественного мнения? Чтобы представительство было менее искажено, нужно, чтобы партия центра оставалась очень гибкой, делилась на различные фракции, соответствующие неоднородности поданных за нее голосов, иначе ее сплоченность внесет элемент искусственного единства в ее избирательный корпус; амплитуда расхождений будет не уменьшена, а искажена. С другой стороны отметим, что ни второй тур, ни практика союзов не являются препятствием для обострения политических расхождений родственных партий, когда они стараются акцентировать свои различия, чтобы привлечь колеблющийся между ними контингент избирателей; здесь, напротив, более плодотворным оказывается механизм снятия кандидатур: он позволяет монополизировать представительство тому из членов альянса, который стоит во главе его.

Глубокое влияние на амплитуду противоречий оказывает также и внутренняя структура партий. Однородные партии, если это к тому же партии централизованные и тоталитарные, вносят в общественное мнение непримиримые противоречия, которые в самой реальности отсутствуют. Во Франции, например, сама природа коммунистической партии обуславливает ее абсолютный разрыв со всеми другими; но избиратели, голосующие за коммунистов, вовсе не так уж резко отличаются от своих сограждан. Когда говорят о коммунизме как о чем-то абсолютно из ряда вон выходящем, нужно проводить различие между партией самой по себе и тем сектором общественного мнения, который она представляет; подобная оценка справедлива для первого, но не для второго. А следовательно, обособление этой партии представляет французское общественное мнение в искаженном виде. Большая его часть на самом деле сегодня, как и в 1936 г., склоняется к левой. Если суммировать электорат коммунистов, социалистов и тех голосующих за радикалов и народных республиканцев избирателей, которые действительно стоят на прогрессистских позициях, мы получим в итоге половину страны. Но природа коммунистической партии, препятствующая сотрудничеству с другими и вынуждающая ее сохранять совершившийся в 1947 г. разрыв трехпартийности, не позволяет этому прогрессистскому большинству проявиться на парламентском и правительственном уровне². Эта природа вносит во фронт левой зияющий разрыв, полностью его парализуя. Из-за этого внутреннего железного занавеса все здание политической жизни Франции приобретает крен вправо, что, конечно же, не соответствует общественному мнению. Создается впечатление, что те голоса левой, которые достаются компартии, как бы стерилизованы: ведь депутаты-коммунисты всегда «вне игры». Эти голоса, фигурально выражаясь, могут возбуждать партию — но и только; разве что иногда, в виде редкого исключения... А это означает, что национальное представительство полностью искажено. Восстановление трехпартийности или создание нового Народного фронта не сделает его более адекватным, так как революционная и раскольническая позиция компартии внутри такого альянса не соответствовала бы реформистской настроенности ее избирателей и их лояльности существующему режиму. Общественное мнение оставалось бы деформированным — изменилась бы лишь направленность деформации.

Этот пример подводит нас к рассмотрению фундаментальной проблемы — проблемы соответствия между общественным мнением и правительственным большинством, совпадение которых выступает для демократического режима определяющим. В этом отношении следует прежде всего установить различие между большинством принудительным и большинством свободным. Когда распределение голосов между партиями таково, что никакие ухищрения не могут поколебать правительственного большинства, и оно становится как бы неподвластным борьбе депутатов и всевозможными парламентским интригам, — это большинство принудительное. И напротив, когда несколько партий имеют почти равное количество голосов, и никакая из них не может получить власть одна, формирование большинства в значительной степени зависит от воли депутатов и их партийных штабов, поскольку общественное мнение непосредственно в данный вопрос не вмешивается, — это свободное большинство. Первый случай соответствует традиционному понятию демократии; второй приводит к гибриду демократии и олигархии, когда народ своим волеизъявлением призван лишь определять соответствующий процент влияния партийных штабов. Система партий играет здесь первостепенную роль, что можно охарактеризовать следующей формулой: двухпартийность ведет к большинству, предписанному общественным мнением; многопартийная система с независимыми партиями — к большинству произвольному; многопартийная система, для которой характерны союзы партий — к большинству полупроизвольному.

А теперь возьмем английские выборы: на завтра после голосования ясно, кто получит власть; известно большинство, не подлежащее никакому сомнению; одна партия формирует правительство, другая — оппозицию. Механизм никогда не давал сбоев, за исключением периода 1918–1935 гг. по причине временной трехпартийности (которую избирательная система сама же позже и устранила) или военного времени, когда создавались правительства национального единства — в обоих случаях речь идет о ситуациях исключительных. В обычное время во всех странах, где мажоритарная система порождает двухпартийность, правительственное большинство предписывалось парламенту общественным мнением. Избирательная система слегка его деформировала, искусственно это большинство преувеличив, но она его не исказила. Двухпартийная система выступает чем-то вроде увеличительного стекла, которое позволяет яснее видеть деление на большинство и оппозицию. Сравним все это с многопартийной системой, образованной независимыми партиями в результате действия режима пропорционального представительства, допустим, во Франции до 1951 г. Здесь возможно любое или почти любое большинство. В Собрании 1946–1951 гг. можно было наблюдать: 1) центристское большинство (СФИО, МРП, радикалы и несколько умеренных), фактически под разными названиями управлявшее после 6 мая 1947 г.; 2) трехпартийное большинство (коммунисты, СФИО, МРП), аналогичное существовавшему при двух Учредительных собраниях, которое правило до 6 мая 1947 г.; 3) большинство типа Народного фронта 1936 г. (коммунисты, СФИО, несколько радикалов и республиканцев-«прогрессистов»); 4) умеренное большинство, простиравшееся от крайне правой до СФИО и включавшее даже нескольких социалистов оттенка Рамадье); 5) большинство антикоммунистического Национального единства, включавшее все партии, кроме коммунистов; 6) наконец, большинство образца Священного единения 1914 г., целиком и полностью сплотившее Палату. Выбор между этими комбинациями зависит не от избирательского корпуса, а только от парламентских игр, ибо роль народа состоит лишь в изменении количества комбинаций и более или менее вероятного характера некоторых из них, в зависимости от процента голосов, принадлежащих каждой партии. Подобные явления наблюдаются в большинстве пропорционалистских государств, за исключением тех редких случаев, когда одна из партий получает абсолютное большинство мест.

При плюрализме независимых партий, порожденном голосованием в два тура, формирование большинства менее произвольно, оно зависит от тех союзов, которые вынуждены заключать партии. Но эти альянсы не переходят автоматически на правительственный уровень; они даже имеют тенденцию разрушаться там в силу

естественных расхождений. Пример Франции в 1928–1939 гг. показывает, как велика возможность парламентских комбинаций. Если во многих других странах, где до войны 1914 г. практиковались два тура, большинство было, как правило, более стабильным и соответствующим показателям выборов, то и там оно, тем не менее, не оставалось неизменным и обычно существенно зависело от коалиционных игр, для которых предоставлялась большая свобода. Так, во Франции конец самоизоляции коммунистической партии в 1936 г. и вступление ее в коалицию левой коренным образом изменили равновесие большинства; то же самое можно сказать и об изгнании ее из трехпартийного союза в 1947 г. Все это весьма далеко от принципа обязательного, принудительного большинства, порождаемого двухпартийностью; здесь можно говорить о большинстве, наполовину свободном, произвольном.

III. Партии и структура управления

Развитие партий ломает рамки прежних политических классификаций, идущих от Аристотеля или Монтескье. Классическая противоположность парламентского, президентского и представительного режимов уже не может отныне служить стержнем современного конституционного права. Однопартийность коренным образом сближала кемалистскую Турцию, советскую Россию и гитлеровскую Германию, хотя первая напоминала представительный, вторая — полупарламентский, а третья — полупрезидентский режим. Двухпартийная Великобритания и ее доминионы, несмотря на общую принадлежность к парламентаризму, продолжают коренным образом отличаться от континентальных многопартийных режимов и в некотором отношении более близки к политическому устройству Соединенным Штатам, несмотря на президентскую природу последнего. Различие однопартийности, двухпартийности и многопартийности поистине имеет тенденцию стать основной классификацией современных политических режимов.

Но при всей своей важности это различие рискует вовлечь нас в заблуждение. Если число партий и выступает главным элементом структуры власти, то все же нельзя по этой причине пренебрегать и другими ее элементами. Сравнение Англии и Соединенных Штатов хорошо иллюстрирует роль внутренней структуры партий, поскольку английская централизация четко противостоит американской децентрализации. Точно так же собственно политические различия между СССР и Турцией до 1950 г. существенным образом связаны с тоталитарной природой и однородным характером коммунистической партии и специализированной природой и неоднородностью республиканской партии народа. Противоположность жесткости партий Четвертой и гибкости партий Третьей республики во Франции слишком часто упоминается, чтобы здесь особо на ней останавливаться. Не менее существенное значение имеет и сила партий; наличие доминирующей партии может видоизменить сущность политического режима, как что мы наблюдаем в некоторых американских штатах или в Швейцарии до 1914 г. Более того, к тем же последствиям порой ведет простое изменение парламентского большинства. Если большинство в Конгрессе США и президентский пост в принадлежат одной и той же партии, разделение официальных властей сглаживается; если их держат в своих руках различные партии, оно выступает гораздо сильнее. Влияние партий ведет к признанию относительности властных структур, которые могут быть преобразованы в результате даже простого изменения соотношения политических сил внутри страны; здесь далеко до жесткости классических конституционных норм.

Партии и разделение властей

Степень разделения властей гораздо больше зависит от партийной системы, чем от положений, записанных в конституциях. Так, однопартийность приводит к весьма значительной концентрации властей, даже если официальные тексты устанавливают более

или менее обозначенное их разделение: единственная партия прочно скрепляет их в различных властных органах. Почти такова же роль партийной системы и в плюралистических режимах, только там это менее подчеркнуто. Соперничество партий ослабляет связи, которые каждая из них могла бы установить между парламентом и правительством; конституционное разделение властей вновь обнаруживает известную эффективность; оно может даже дублироваться партийным делением, которое идет от специализации каждой партии на определенной функции. Двухпартийная и многопартийная системы ведут в этом смысле к совершенно разным следствиям. Влияние партий на разделение властей зависит не только от их количества, но и от их внутренней структуры и даже от их соответственных размеров; слабая и децентрализованная инфраструктура — за некоторыми исключениями — углубляет разделение властей; изменения большинства при известных обстоятельствах могут его изменить коренным образом. Каждый из этих факторов по-своему действует при парламентском, президентском или представительном режиме. Реальное разделение властей есть, следовательно, результат взаимодействия партийной системы и конституционных норм.

Двухпартийность в целом ведет к концентрации властей. Одна партия обладает абсолютным большинством в парламенте; одна партия занимает все посты в правительстве — эта партия устанавливает очень тесную связь между тем и другим. Официально в Великобритании существует парламентский режим, то есть режим относительного разделения властей, так как кабинет и палаты имеют свои четкие функции (у первого это исполнительная власть, у вторых — законодательная), но поскольку в их распоряжении средства взаимного воздействия, это позволяет им влиять друг на друга (комиссии по расследованиям, запросы, выражение недоверия и вотум доверия у парламента; право роспуска у правительства). Но практически наличие правящей мажоритарной партии преобразует эту юридическую схему снизу доверху. Такая партия объединяет в своих руках основные прерогативы законодательной и исполнительной власти. Правительственные посты принадлежат ее руководителям, которые воплощают в действительность ее доктрину и программу в том виде, как она содержится в избирательной платформе; тексты законов подготавливаются в исследовательских центрах партии и вносятся от имени кого-то из ее депутатов в комиссии палат, вотируются ее парламентской группой, применяются на практике правительством этой партии. Парламент и правительство подобны двум машинам, приводимым в движение одним мотором — партией. В этом смысле двухпартийный режим не столь уж отличен от однопартийного. Но что касается последнего, там исполнительная и законодательная власть, парламент и правительство — это конституционный фасад; реально же всей властью обладает партия. В дуалистической системе декоративный характер официальных органов несколько сглажен присутствием оппозиционной партии; это придает особенно большое значение парламентским дебатам. Разумеется, их исход не вызывает сомнения: если мажоритарная партия хочет провести свою точку зрения, она всегда способна это сделать в силу самого факта своего большинства; но, учитывая необходимость выдержать обстрел критиков оппозиции, она порой может сгладить решительность своих проектов, памятуя о значении дебатов для будущих выборов — ведь они в основном становятся достоянием гласности. Призрачный характер самостоятельности правительства еще заметнее: кабинет почти копирует штаб партии-победительницы; соответствующее влияние различных министров на общие решения нередко определяется скорее их положением в партии, нежели значимостью их функций в рамках правительства (как это имеет место и в однопартийных режимах). Дуализм радикально отличается от однопартийности ограничением власти и присутствием оппозиции, но что касается разделения властей — или скорее их концентрации — они весьма близки.

Тем не менее степень этой концентрации и само ее существование во многом зависят от конституционного устройства: парламентская и президентская системы достаточно ощутимо отличаются в этом друг от друга. Первая официально устанавливает весьма умеренное разделение властей; второй же соответствует абсолютная самостоятельность правительства и

парламента — сообразно этому они имеют четко ограниченные функции и неспособны эффективно воздействовать друг на друга. Таким образом парламентский режим накладывает некоторую собственную концентрацию властей на ту, что порождается двухпартийностью; президентский режим, напротив, противопоставляет этому жесткое их разделение. В первом случае конституционная и партийная системы в известной мере развиваются в одном направлении; во втором они явно дивергентны. Концентрация власти, которую порождает двухпартийность, будет, следовательно, более сильной при парламентском режиме, где она увеличивается, нежели при режиме президентском, который ее тормозит. Но этот схематический анализ весьма умозрителен — действительность куда богаче оттенками. При президентском режиме отношения между властями абсолютно различны в зависимости от того, находится ли парламентское большинство и президентский пост в руках одной или разных партий. Если даты выборов и срок мандатов совпадают, первый вариант безусловно встречается чаще: было бы странно, если бы избиратели одновременно отдали предпочтение в парламенте одной партии, а при голосовании за президента — ее сопернице. К такому исходу могли бы привести яркая индивидуальность кандидата в президенты и его личный престиж, особенно когда инфраструктура партий еще слаба, а доктринальная сплоченность недостаточна; в Америке избиратели иногда голосуют за демократа в законодательное собрание и на пост губернатора штата, но за республиканца — в Конгресс и на пост президента или наоборот; диспаритет в данном случае был бы не столь уж и абсурден. Можно, кстати, обнаружить два таких примера — в 1877 и 1917 г., но и тот, и другой не совсем показательны. В 1877 г. выборы в Палату представителей подтвердили демократическое большинство 1875 г., тогда как президентский пост перешел к республиканцу Хейесу; но последний обязан своим успехом хитросплетениям избирательного закона, так как он получил на 250 000 голосов меньше, чем его соперник Тилден; плюс к тому большинство в Сенате оставалось республиканским. В 1917 г. большинство в Сенате принадлежало демократам, как и пост президента; в Палате же представители демократы утратили большинство, но оно не перешло и к республиканцам, потому что малые партии выступали в роли третьей силы. Чаще всего диспаритет между президентским постом и парламентом — результат смещения выборов: президент переизбирается каждые четыре года, а Конгресс наполовину обновляется каждые два года, и поэтому большинство может смениться в ходе промежуточных выборов, в середине президентского срока. Такой вариант на протяжении истории Соединенных Штатов фактически реализовался восемь раз: в 1875, 1883, 1891, 1895, 1911, 1919, 1931 и 1947 г.

Если одна и та же партия держит в своих руках сразу и президентский пост и большинство обеих палат, это почти полностью стирает конституционное разделение властей. Разница между президентским и парламентским режимами затухает, несмотря на юридическое их отличие. Это очень напоминает английскую систему; по крайней мере так оно было бы, если бы слабая инфраструктура американских партий не уменьшала бы концентрации властей в руках мажоритарной партии. И наоборот, если президентский пост и парламент в руках разных партий, официальное разделение властей усугубляется соперничеством партий, которое как бы наслаивает на него второе их разделение. Дуализм усиливает здесь разделение властей, вместо того чтобы его смягчать: если бы американские партии имели такую же централизованную и иерархичную структуру, как английские, разделение властей оказалось бы столь глубоким, что привело бы почти к полному параличу режима. Простое изменение соответственных измерений партий ведет к трансформации снизу доверху самой сущности политического режима. Совершенно бессмысленно абстрактно рассуждать о разделении властей в Соединенных Штатах и степени обозначенности его характера. В действительности североамериканская республика в зависимости от распределения мест в Конгрессе живет при двух различных режимах: если президентский пост и большинство в Конгрессе совпадают, имеет место далеко идущая концентрация властей; в противоположном случае обозначается их разделение. Но это различие ослабляется тем фактом, что американским партиям свойственна неоднородность.

Если бы их организация развивалась в направлении более сильной инфраструктуры и большей централизованности, к чему призывают многие просвещенные умы, без сомнения пришлось, бы отменить систему частичного обновления и обеспечить совмещение мандатов, иначе невозможно было бы избежать весьма серьезных правительственных кризисов.

Сама техника парламентского режима несовместима с подобной разорванностью между большинством и правительством, поскольку она необходимо требует, чтобы второе отражало первое. Но она делает этот режим уязвимым для другого диспаритета, который может иметь место и в президентской республике: мы имеем в виду тот случай, когда большинство в верхней и нижней палатах принадлежит соперничающим партиям. Неоднократно осуществлявшийся в Соединенных Штатах (а именно в 1875–1879, 1883–1889, 1891–1893, 1911–1913 гг.), он еще чаще встречается в европейских парламентских режимах, фактически по своему происхождению верхняя палата была задумана как средство для того, чтобы смягчить последствия демократической эволюции нижней. Дальнейший ход развития почти повсюду постепенно ослаблял этот ее первоначальный характер, и тем не менее различия в принципах формирования или продолжительности мандатов нередко приводят к политическому различию между двумя палатами. Оно компенсируется многими способами: путем концентрации властей, реализуемой партией большинства; за счет того, что техника парламентского режима обязывает партию большинства как-то уживаться со своим противником, для того чтобы сформировать правительство, приемлемое для обеих палат; иногда такая партия попросту ограничивает свободу собственных действий по причине оппозиционности верхней палаты, где она оказалась в меньшинстве. Возникает тенденция к установлению разделения властей нового типа, демаркационная линия которого проходит уже не между парламентом и правительством, но внутри самого парламента, когда одна из его палат образует настоящий политический альянс с правительством, направленный против другой. Можно было бы привести немало примеров подобных ситуаций: в Скандинавии соперничество аристократической и народной палат совпало с постепенным установлением парламентского режима в конце XIX века; в Великобритании серьезный конфликт 1906–1911 гг. привел к признанию превосходства Палаты общин. Ближе к нашему времени особенно типична борьба французского Сената против большинства Народного фронта в 1936–1938 гг.; ее напоминает и соперничество австралийского Сената и Палаты представителей, повлекшее за собой роспуск последней в 1951 г. Конфликт властей, возникающий в результате такого различия двух палат, как правило, менее серьезен, чем тот, что проистекает из диспаритета партийной принадлежности президента и парламентского большинства, так как конституция обычно предусматривает средства его решения, которые чаще всего в итоге обеспечивают победу народной Палаты. С другой стороны, полномочия верхней палаты в парламентских режимах имеют тенденцию к уменьшению; почти везде она обладает лишь правом отложить решения нижней палаты, но не отменить их. Однако в американской президентской системе конфликты между двумя палатами были бы неустраимы, если бы противоположности между большинством той и другой не сглаживались децентрализованностью и внутренней неоднородностью партий.

Внутренняя структура партий имеет основное влияние на степень разделения или концентрации властей. При парламентском режиме сплоченность и дисциплина партии большинства явно усиливают концентрацию. Если дисциплина голосования в ней строга, если внутренние фракции подавлены или хотя бы послушны, парламент превращается в палату по регистрации правительственных решений, а сами они идентифицируются с решениями партийными. Такая регистрация оставляет место для весьма свободных дебатов, в ходе которых партия меньшинства может выражать свое несогласие; но этот протест остается чисто платоническим. И напротив, если дисциплина голосования менее строга, менее обеспеченным оказывается и правительственное большинство; партия власти должна учитывать борьбу своих собственных фракций, которая может подорвать ее парламентские позиции; престиж палат возрастает, в известной мере возрождается и разделение властей. Это еще раз подтверждает, что простая смена большинства способна изменить характер

режима. В Англии, например, дисциплина, централизация и сплоченность лейбористской партии выше, чем консервативной; следствием этого является тот факт, что концентрация властей всегда выше, если большинство за лейбористами, и она всегда ослабляется, когда его удерживают консерваторы. В XIX веке, когда инфраструктура британских партий была менее развитой, разделение властей и при двухпартийности было большим, чем сейчас; этим и объясняются классические описания английского парламентаризма — режима равновесия между законодательной и исполнительной властью, системы «сдержек и противовесов», сегодняшнее почтение к которым объясняется всего лишь незнанием эволюции партийных структур.

Почти аналогичную роль играет внутренняя организация партий и в президентском режиме, но влияние ее весьма меняется в зависимости от того, объединены ли президентский пост и парламентское большинство в руках одной партии или же они разделены. Сильная, централизованная и дисциплинированная инфраструктура явно подавляет всякое разделение полномочий, когда пост президента и парламентское большинство — у одной партии; в случае диспаритета оно усугубляется, вплоть до того, что ведет к неразрешимым конфликтам и параличу правительства. И напротив, слабая и децентрализованная структура, выражаясь в отсутствии единства голосования, ослабляет концентрацию властей в первом случае и делает менее значительным их разделение во втором. В Соединенных Штатах совершенно немислима фигура президента, который, опираясь на партию большинства в Конгрессе, вознамерился бы вести столь же независимую политику, как британский премьер: президент всегда должен считаться с разногласиями внутри своей собственной партии. Каждый сенатор и каждый депутат остается весьма независимым по отношению к своей парламентской группе; голосование в американских партиях такое же «пестрое», как и у французских радикал-социалистов при Третьей республике. Президент-демократ обычно имеет в парламенте нескольких противников из числа депутатов-демократов; точно так же президента-республиканца никогда не поддерживают все республиканцы — члены Конгресса. И наоборот, каждый может найти поддержку в партии противника. В результате противоположность между случаями совпадения «цветов» парламентского большинства и президента и случаями их диспаритета практически не так уж резко обозначена: в первом варианте децентрализованность и неоднородность партии большинства уменьшают авторитет президента и концентрацию властей; во втором — ослабляют противостояние президента и Конгресса и препятствуют параличу правительственной машины. Американский политический режим располагается где-то в промежуточной зоне между разделением и концентрацией, приближаясь к первому в исключительные периоды, когда парламент и президентский пост находятся во власти различных партий, и гораздо больше удаляясь от него в обычные времена; в обоих случаях личный престиж президента влияет на степень разделения или концентрации властных полномочий.

При президентском режиме, как и при парламентском (но во втором случае гораздо больше, чем в первом), характер большинства, на которое опирается правящая партия, также влияет на разделение властей. Если большинство значительное, то власть партии в парламенте велика, и оппозиция ее не смущает; она может рассматривать себя в качестве представителя воли страны. Если же она располагает лишь небольшим преимуществом (как лейбористская партия в Палате общин после выборов 1950 г.), ее моральный авторитет в стране менее обеспечен, так же как и ее реальный вес в Палате: достаточно отсутствия нескольких депутатов, чтобы оппозиция выиграла голосование. Как следствие парламент вновь обретает свое значение, и разделение полномочий возрождается. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует «тактика изнурения», начало которой положили консерваторы в марте 1950 г.: она состояла в требовании заседаний без перерыва даже на ночь с целью до предела измотать депутатов-лейбористов, которые под страхом внезапного голосования должны были постоянно присутствовать в зале. Вместе с тем достаточно принять французскую технику «почтового ящика», которая позволяет голосовать отсутствующим, чтобы укрепить позиции партии, имеющей слабое большинство, и тем усилить концентрацию полномочий в ее пользу.

Как представляется, незначительности большинства правящей партии в масштабах страны еще недостаточно для ограничения ее прерогатив; доказательство тому — национализация сталелитейной промышленности, проведенная лейбористами после выборов 1950 г. Влиятельность в парламенте всегда значит больше, чем реальное влияние в стране: 390 мест, которых в 1945 г. добились лейбористы в Палате общин, совершенно затушевывали тот факт, что они получили лишь 48,7 % голосов: общественное мнение рассматривало их как сильное большинство.

Эффект многопартийности почти таков же. Как правило, она ведет к разделению властей. Прежде всего она оставляет свободу действия по отношению к соответствующим конституционным положениям. При парламентском режиме правительство должно опираться на коалицию объединенных партий, но такой союз всегда непрочен, а в кулуарах постоянно завязываются интриги с целью разрушить существующую комбинацию и заменить ее новой. «Парламентские игры», почти отсутствующие в двухпартийной системе, здесь обретают свою настоящую силу и значение; палаты вновь получают свободу по отношению к правительству; они больше не хотят ограничиваться ролью регистрирующей инстанции да платоническими протестами оппозиции. Средства взаимного воздействия парламента и правительства, столь призрачные при дуалистическом режиме, вновь обретают здесь свою значимость. Можно говорить о равновесии полномочий и системе сдержек и противовесов, символизированных в симметрии вотума недоверия, который дает парламенту возможность отправить правительство в отставку, и права роспуска, которое позволяет правительству распустить парламент и назначить новые выборы. Некоторые из этих средств воздействия испытывают, кстати, непосредственное влияние партийной системы. Многопартийный парламент использует по отношению к правительству преимущественно технику запроса, тогда как двухпартийные парламенты преимущественно технику вопроса: различие симптоматичное. При двухпартийном режиме вотум доверия выносится почти автоматически и теряет всякое реальное значение: он ставит перед собранием вопросы, по сути дела от его решения не зависящие. При многопартийном режиме вотум доверия рискует в любой момент поставить под угрозу существование правительства — отсюда и значение запроса, который заканчивается голосованием.

Многопартийность иногда ведет к тому, что на разделение властей, вытекающее из конституции или самой природы институтов, наслаивается еще одно, дополнительное. Классическое разделение властей покоится на различии функций государства, определяемых их правовой природой: парламент создает законы — акты всеобщего значения; правительство в виде конкретных мер применяет их. Наряду с этим можно представить и другое разделение полномочий, основанное на различии материальных атрибутов государства: финансовых, экономических, социальных, полицейских, правовых, воспитательных, военных, дипломатических, etc. Группируя различные министерства в однородные секторы, можно установить горизонтальную классификацию функций государства: например, выделить экономический сектор (индустрия, коммерция, сельское хозяйство, внешняя торговля, общественные финансы; социальный сектор (социальные меры помощи экономически не обеспеченным, незащищенным слоям, etc., то есть «уравнительный» сектор); сектор общественного порядка (полиция и юстиция); сектор идеологического воздействия (образование, воспитание, пропаганда, забота о развитии искусств и литературы, etc.); дипломатический сектор (международные дела и армия). При многопартийном парламентском режиме это горизонтальное разделение полномочий иногда накладывается на традиционное вертикальное. Каждая представленная в правительстве партия имеет тенденцию требовать себе тот конкретный сектор, который сближает ее со своей избирательной клиентеллой или позволяет развивать свою политическую стратегию.

Эта специализация непостоянна. Более того, в некоторых правительственных комбинациях используется практика нейтрализации, когда взаимосвязанные департаменты доверяют партиям-антагонистам, чтобы смягчить политику каждого министра политикой оппозиционного по отношению к нему коллеги; или дублируют министра взятым из другой

партии товарищем министра, который за ним наблюдает и ограничивает его. Иногда эта специализация находится в довольно зачаточном состоянии: при Третьей республике партия радикалов обычно сохраняла за собой министерство внутренних дел и реже — национального просвещения. Но она могла продвинуться и дальше: в период трехпартийности во Франции каждая из входящих в альянс партий контролировала какой-то определенный сектор национальной жизни. Жесткая дисциплина и изолированность партий на выборах вели, впрочем, к явному преобладанию партийной солидарности над солидарностью правительственной. В этих условиях Совет министров напоминал Собрание уполномоченных, где посланцы от всех партий пытались прийти к соглашению; нередко Советам старейшин предшествовали сепаратные совещания министров каждой партии, где сообща определялась линия поведения. Горизонтальное разделение полномочий редко заходит столь далеко. Оно существенно зависит от внутренней структуры заключивших союз партий: если это партии децентрализованные, со слабой структурой и низкой дисциплиной, индивидуализм депутатов воспроизводится в индивидуализме министров и приходит в противоречие с делением по секторам. Объединение партий жестких или централизованных больше склонно к обратному: в той же Франции ослабление внутренней дисциплины в МРП и партии социалистов начиная с 1947 г. и участие в правительственном большинстве партии радикалов с ее весьма слабой структурой значительно смягчило горизонтальное разделение. Точно так же очень важна соответственная численность входящих в альянс партий: настоящая специализация секторов предполагает равенство между ними. Горизонтальное разделение полномочий представляет собой одну из форм правительственной коалиции в многопартийной системе, но не единственную; усугубление же классического вертикального их разделения, напротив, феномен всеобщий.

При президентском режиме очевидно может иметь место одно лишь вертикальное разделение полномочий, так как правительство совсем не отражает партийного состава палат. Никакая партия большинства не в силах перекинуть мост между парламентом и исполнительной властью, чтобы преодолеть разобщенность, проистекающую из самой природы этих институтов. Авторитета президента в его собственной партии недостаточно, чтобы вовлечь палаты в фарватер своей политики, если эта партия остается в меньшинстве. Тем не менее и в случае, когда президентский пост и парламентское большинство принадлежат разным партиям, разделение полномочий остается здесь менее значительным, чем при двухпартийном режиме. Ведь президент сталкивается не с единым парламентским большинством, противостоящим его политике, а с разнородным, состоящим из представителей нескольких партий, которое можно попытаться разрушить. Но это различие более ощутимо сказывается на авторитете правительства, чем на разделении властей.

Партии и власть правительства

Если в стране существует только одна партия, это безусловно усиливает власть правительства; палаты выглядят таким парламентским ристалищем, где искусно управляемые возгласы одобрения заменяют дебаты; кроме того последние ограничиваются всего лишь технической критикой деталей, высказываемой депутатами в адрес того или иного министра и никогда не представляют угрозы общей политике правительства (система, довольно развитая в СССР). Видимость демократического парламента практически маскирует жесткую диктатуру. К тому же нужно еще учитывать структуру единственной партии и то место, которое она в действительности занимает в государстве. Партия нетоталитарного типа может допустить развитие ограниченной оппозиции и внести в диктатуру некоторый смягчающий элемент. Партия, не интегрированная в государство полностью, может и сама представлять известную оппозиционную силу: единственные партии фашистского типа иногда восставали против консерватизма режима и вынуждены были испытать суровые чистки и *capitis diminutio* (усекновение головы; казнь). Но есть и такие, что не входят в правительство и практически бесправны; пример — португальский

Национальный союз, активность которого очень низка. Если оставить в стороне эти детали, однопартийность, несомненно, представляет собой средство сохранения внешних форм демократического режима с уравнивающими друг друга властями и ограниченным правительством, тогда как на самом деле он заменен авторитарным режимом с всемогущим правительством. Она выступает современным историческим воплощением так называемой техники «рака-отшельника»: лишая политический режим всякого содержания, она оставляет от него всего лишь внешнюю видимость, подобную пустой скорлупе, встраивая в эту скорлупу совсем другую систему; именно таким способом в XVIII и XIX веке прежние абсолютные монархии с помощью постепенного отделения кабинета министров от короля преобразовывались в парламентские демократии.

Чтобы не претерпеть столь радикальной трансформации, дуализм тоже усиливал власть правительства, не разрушая при этом демократических рамок. Как мы видели, он ведет к замещению формального разделения полномочий их концентрацией — но эта концентрация совершается в пользу правительства и в ущерб парламенту. Партия становится средством обеспечить доминирование первого над вторым: ведь правительство — в руках вождей партии, которым подчинены депутаты, образующие большинство в парламенте. Таким образом внутренняя иерархия партии как бы проецируется на структуру публичной власти. Опорой и связующим звеном единства министров в правительстве становится партийная солидарность; в отношениях между кабинетом и палатами власть верховного руководства партии над ее депутатами устанавливает подчинение парламента правительству. Либеральный автор Р. Мюир действительно имел основания говорить о «диктатуре кабинета». Впрочем, внутренняя иерархия партии — не единственное средство развития престижа и власти правительства; дуализм точно так же ведет к радикальным переменам в том виде взаимодействия властей, которое характерно для парламентского режима. Средства воздействия парламента на правительство утрачивают свою значимость или присущий им смысл. Выражение недоверия или вотум недоверия, теоретически якобы позволяющие палатам ниспровергнуть правительство, неспособны больше привести к этому результату, разве что ценой случайных голосов, если разрыв между большинством и меньшинством невелик; но такое происходит лишь в виде редкого исключения. Если отвлечься от подобных предположений, только слабость или расхлябанность дисциплины в правительственной партии позволяют парламенту воспользоваться своими прерогативами и низвергнуть кабинет. Разумеется, отправление власти всегда вносит разногласия в партию, которая несет это бремя; оно оживляет борьбу внутренних фракций и противоречия между умеренными и непримиримыми, но эти междоусобицы почти никогда не доходят до раскола. Максимум возможного — это нескольких воздержавшихся (и еще реже — голосующих против) во время вотума доверия депутатов мажоритарной партии, цель которых — продемонстрировать свое несогласие с ведущей фракцией, причем в той мере, в какой разрыв между большинством и меньшинством достаточен, чтобы сделать подобную демонстрацию отрицательного отношения безвредной. Правительство нередко использует вотум доверия в качестве инструмента для наведения порядка в собственной партии: загоняя в угол оппозицию с помощью угрозы исключения из партии, оно вынуждает ее подчиниться.

Право роспуска придает этому инструменту еще большую эффективность. Если правительство вследствие раскола мажоритарной партии назначит новые выборы, многие из непокорных рискуют потерпеть там поражение: выставляя против них ортодоксальных кандидатов при голосовании в один тур, руководство партии ставит их в невыгодное положение. Таким образом традиционные средства взаимодействия между парламентом и правительством превращаются в средства воздействия правительства на свою собственную партию. Совершается фигура своего рода сложной политической кадрили: высшая иерархия мажоритарной партии становится связующим звеном между публичными властями; официальные связи между публичными властями усиливают внутреннюю иерархию мажоритарной партии. Но это превращение носит односторонний характер, единственное средство воздействия парламента на правительство лишается эффективности или

совершенно изменяет свой изначальный смысл — вплоть до превращения в оружие, позволяющее кабинету усмирять строптивых парламентариев. Средства же воздействия правительства на парламент меняются только технически при неизменном результате — они остаются средством давления на палаты. Описанное выше право роспуска по-прежнему соответствует своей главной цели: укреплять стабильность кабинета, сдерживая правительственные кризисы с помощью угрозы новых выборов; обеспечить использование избирательного корпуса в качестве третейского судьи в случае глубокого конфликта между исполнительной и законодательной властью. Если кабинет ставит вопрос о доверии, чтобы добиться покаяния непокорных в своей собственной партии или поддержать какие-то партии правительственной коалиции, он всегда исходит из одного и того же намерения: укрепить свои парламентские позиции. Если он объявляет о роспуске парламента, чтобы попытаться с помощью избирательного корпуса наголову разбить диссидентов, изгнанных из собственной партии, или прежних союзников, вышедших из коалиции, он всегда имеет целью путем простейшей хирургической операции вскрыть нарыв, который больше не позволяет эффективно управлять.

Итак, двухпартийность ломает предусмотренное парламентской теорией равновесие властей; она создает при этом не только новое и весьма эффективное средство воздействия правительства на парламент, исходящее от внутренней иерархии мажоритарной партии, но и тем самым парализует или обращает в пользу кабинета классические средства воздействия парламента на правительство; одновременно она полностью сохраняет средства воздействия правительства на парламент, всего лишь чуть видоизменив их. Это описание действительно постольку, поскольку мажоритарная партия обладает достаточной сплоченностью. Если же она представляет собой всего лишь агломерацию довольно независимых друг от друга лиц, власть руководителей партии над ее депутатами — а значит и власть министров над парламентским большинством — ослабевает. Если в мажоритарной партии дисциплина голосования — правило, то правительство живет спокойно, стараясь лишь предупредить внутренние разногласия и угрозу раскола; если же подобная дисциплина там совершенно отсутствует, описанный механизм не действует; партийная иерархия остается таковой больше теоретически, чем практически и, следовательно, неспособна сообщить правительству реальную власть над парламентом. Тогда оппозиция может рассчитывать на то, чтобы расколоть парламентское большинство, ведя игру «по маленькой», то есть подстрекая отдельных лиц к дезертирству; интриги серала вновь обретают свое значение, а парламент — свой престиж. Теперь для партии меньшинства речь идет не просто о том, чтобы вести чисто пропагандистскую борьбу, имея в виду будущие выборы, но без всяких шансов на более близкий эффект в силу устойчивости правительства — эта устойчивость не так уж и велика, а надежда на ниспровержение правительства не столь уж и иллюзорна. Но общий ход развития партий, так же как и логика мажоритарной избирательной системы (которая служит основой двухпартийности), по-видимому, действует как раз в направлении усиления партийных структур, а стало быть — власти правительства.

В какой-то мере это компенсируется зависимостью правительства от активистов мажоритарной партии и тех организаций, которые выражают их волю. Лейбористский кабинет больше зависит от конгресса тред-юнионов, чем от Палаты общин. При двухпартийном режиме правительство практически не может быть ниспровергнуто парламентом, но такое вполне по силам партийному форуму. Все это так, но нередко отсюда делают преувеличенные выводы, забывая о том, что эволюция партий имеет тенденцию постепенно сокращать внутривнутрипартийную демократию и свободу действий активистов, как мы это видели. Руководители располагают все более эффективными средствами воздействия на съезд, что обычно без особых трудностей позволяет им сохранять свое лидерство. Когда они входят в правительство, эти средства, кстати, в значительной степени усиливаются за счет престижа и преимуществ власти, что позволяет им побеждать, разобцая строптивых угрозой возможного подрыва мажоритарного положения партии. Дезавуирование руководителей съездом имело бы следствием их уход из правительства; такая отставка сделала бы довольно

сложным образование нового кабинета, опирающегося на ту же самую партию; эта сложность повела бы к роспуску; если же роспуск произойдет при таких обстоятельствах, когда мажоритарная партия была бы вынуждена признать свою неспособность управлять по причине внутренних разногласий, очень велик риск, что он будет истолкован как ее поражение. Это весьма сильный аргумент; если руководители партии повторяют его на все лады, этого обычно бывает достаточно, чтобы обеспечить им большинство на съезде. Все заканчивается максимум частичными перестановками в правительстве: вызванное партийным съездом падение кабинета — крайняя редкость при двухпартийном режиме. Если мыслить реалистически, возможности ослабления власти правительства за счет действий активистов партии весьма ограничены.

При президентском режиме изложенная выше схема претерпевает некоторые изменения, даже если одна и та же партия держит в руках и президентский пост, и парламентское большинство; в случае противоположного варианта она полностью ломается. В первом случае партия выступает связующим звеном между правительством и палатами, как и при парламентском режиме; лидерство президента в партии дает ему власть над парламентом; партийная иерархия усиливается за счет правительственной власти. Но поскольку классические средства взаимодействия между исполнительной и законодательной властью здесь отсутствуют, они, естественно, не могут быть усилены дуализмом партий — стало быть, не происходит и никакого ослабления прерогатив парламента по отношению к правительству, сочетающегося с укреплением прерогатив второго в отношении первого; эффект двухпартийности здесь более ограничен. Если же парламентское большинство и президентский пост принадлежат разным партиям, данный эффект действует в совершенно противоположном направлении: дуализм обеспечивает однородное парламентское большинство, которое позволяет палатам успешно противостоять президентской власти и существенным образом ее ограничивать. Разделение властей совпадает с уменьшением прерогатив правительства. Степень его зависит от степени сплоченности и внутренней дисциплины мажоритарной партии, поскольку эти факторы действуют обычно в направлении, обратном тому, что было описано выше: чем дисциплинированнее мажоритарная партия, тем мощнее ее оппозиция президенту и тем значительнее ослабляется власть правительства. И, наоборот, поскольку партия, не отличающаяся сплоченностью и дисциплиной, предоставляет своему противнику больше возможностей для маневрирования и интриг, она тем самым усиливает позицию президентской власти, если та принадлежит противоположной партии, и ослабляет ее в противном случае, как об этом свидетельствует пример Америки.

Таким образом, слабая внутренняя структура партий сближает дуализм и многопартийность. Последствия многопартийности весьма различны в зависимости от природы политических институтов: при парламентском режиме многопартийность ослабляет правительство, а при президентском скорее усиливает. Сравнение Франции с Англией хорошо иллюстрирует это явление. Отсутствие мажоритарной партии заставляет формировать там неоднородные кабинеты, опирающиеся на коалицию, или кабинеты меньшинства, пользующиеся парламентской поддержкой родственных партий. Первые постоянно разрываются на части между противоположными устремлениями их членов, ибо здесь партийная солидарность, вместо того чтобы укреплять солидарность правительственную, противостоит ей. Оппозиция существует даже в самом правительстве: ведь каждая из входящих в коалицию партий не доверяет не только явным врагам, но и собственным союзникам. Последние представляют, кстати, наиболее грозных противников на выборах, ибо, как мы это видели, при многопартийном режиме избирательная кампания по необходимости направлена против наиболее близких партий. Следовательно, программа деятельности правительства может быть только краткосрочной, с ограниченными целями и достаточно «безобидными» средствами. И действительно, многопартийная система ведет к засилью полумер и вечной погруженности в текущие дела. Кабинеты меньшинства, преимущество которых — в их однородности, а слабость — в недостатке надежной

парламентской поддержки, почти не могут действовать иначе, к тому же они, как правило, редко встречаются по сравнению с другими. С союзниками выгоднее пуститься в плавание в правительственной лодке, когда они разделяют с тобой ответственность и естественную непопулярность власти, чем позволить им укрыться под сенью парламента, где они будут менее видны избирателям и куда меньше скомпрометируют себя в их глазах. За исключением Скандинавии правительства меньшинства — это обычно переходные кабинеты, чье назначение — проложить пути для разрыва альянса или же продемонстрировать невозможность такого шага.

Недееспособные и сами по себе, многопартийные правительства еще в большей степени выглядят таковыми в отношениях с парламентом. Этому существенно способствует разделение властей, которое в данных обстоятельствах обнаруживает всю свою реальность и жесткость. что дает преимущества в основном парламенту: нарушение равновесия явно оборачивается в его пользу. Средства воздействия законодательной власти на исполнительную вновь обретают всю свою эффективность; прерогативы же правительства по отношению к палатам, напротив, почти полностью ее утрачивают. Падения кабинетов — при дуалистической системе события исключительные и редкие, здесь становятся частыми и привычными; это несколько компенсируется тем обстоятельством, что в правительстве оказываются одни и те же люди, только в разных комбинациях. Запрос, который в двухпартийных режимах заменен вопросом, становится здесь существенным средством контроля над правительством и еще больше подвергает его жизнь опасности: он имеет обычно больше политический, нежели технический, и скорее общий, чем конкретный характер. В конечном счете, о каком бы тексте не шла речь, оппозиция старается, не отправляя правительство в отставку, оставить его в меньшинстве: парламент парализует его инициативы и выступает против его пожеланий. При дуалистических системах власть кабинета над мажоритарной партией позволяет без особых трудностей получить одобрение основных законов и бюджета; в условиях многопартийности коалиции мажоритарных партий почти никогда не удается достигнуть подобной дисциплины. Даже удерживаясь у власти, правительство никогда не в состоянии добиться, чтобы за его проекты проголосовали без существенных поправок, которые касаются главным образом вопросов, имеющих значение в аспекте будущих выборов.

Испытывая давление весьма действенных средств со стороны палат, такое правительство не располагает по отношению к ним никакими по-настоящему эффективными прерогативами. Основное его оружие — право роспуска — утрачивает всякий практический смысл и превращается в картонную саблю. Но здесь следовало бы остерегаться одного распространенного заблуждения. Некоторые видят в невозможности роспуска парламента источник бессилия французских правительств в противоположность власти британского кабинета; парламентский режим описывают как систему равновесия между исполнительной и законодательной властями, где право роспуска противостоит вотуму доверия; предполагается, что если бы первое исчезло, а второе осталось, равновесие все равно было бы нарушено в пользу парламента и вызвало бы падение правительства. Но такой ход мысли слишком формален: неиспользование права роспуска скорее следствие, чем причина слабости правительств при многопартийном режиме. Во времена Третьей республики такое право существовало: кабинет его не использовал, потому что просто не решался на это пойти, не обладая необходимой энергией. В веймарской Германии право роспуска не упрочило власти правительства; напротив, закрепляя немощность режима, оно в конечном счете только ускорило его падение. Роспуск перестает быть эффективным, поскольку он не позволяет избирательному корпусу ясно осознать свои взгляды и прямо назвать большинство, соответствующее его чаяниям. При многопартийном режиме с независимыми партиями, порожденном пропорциональной системой, перемещение голосов слишком незначительно, чтобы ощутимо изменить соотношение сил в парламенте; и до и после роспуска возможны одни и те же комбинации, и ни один вопрос не решается. Система альянсов, порожденная голосованием в два тура, позволяет достичь более определенных результатов, но

свойственная центристской партии «политика качелей» амортизирует выражение национальной воли и принижает смысл выборов. В конечном счете роспуск оказывается эффективным лишь при двухпартийном режиме, где он в свою очередь становится ненужным для разрешения конфликтов между парламентом и правительством по мере того, как дисциплина и сплоченность партий делают такие конфликты маловероятными, фактически роспуск имеет тенденцию использоваться там как средство сократить срок жизни палат, чтобы избежать «демагогии последнего года» и провести выборы в момент, расцениваемый как наиболее благоприятный для партии власти, стремящейся таким путем компенсировать естественное снижение своих шансов в погоне за голосами по сравнению с оппозицией.

Структура партий, их соответственные размеры и альянсы также влияют на авторитет правительства; но трудно придти к каким-то определенным заключениям, анализируя столь разные аспекты. К наиболее заметным изменениям ведет наличие доминирующей партии. Оно усиливает правительство и уменьшает значение парламента; если доминирующая партия обладает абсолютным большинством голосов лишь в порядке исключения, как мы это видели в Норвегии и Швеции, то положение весьма напоминает двухпартийный режим. Вместе с тем аномальный и непрочный характер этой ситуации побуждает правящую партию к известной осторожности: нередко она отказывается от формирования однородного правительства и предпочитает разделить власть с союзниками — не только для того, чтобы расширить свою парламентскую базу и переложить на них часть своей ответственности, но и с целью придать этому альянсу устойчивый и привычный характер, что позволяет ей сохранить власть и в случае утраты абсолютного большинства. Свойственная многопартийности психология коалиционности продолжает действовать даже и в тех исключительных случаях, когда в такой коалиции нет необходимости. Если же доминирующая партия вновь оказывается в меньшинстве в результате объединения всех ее противников, то положение правительства даже облегчается: разнородное, разношерстное и недисциплинированное большинство оказывается лицом к лицу со сплоченным, сильным и единым меньшинством. Но, с другой стороны, массовым сознанием правление доминирующей партии в конце концов начинает восприниматься как нечто почти законное, и оно обычно оказывается несколько шокировано подобными коалициями, что тоже уменьшает престиж правительства.

Система прочных и долговременных союзов также способна преобразовать предшествующие схемы и сблизить многопартийность с двухпартийным режимом; по мере того, как складывается настоящая двойственность альянсов, многопартийность сближается с дуализмом партий. Но как бы то ни было, сплоченность и дисциплина внутри альянсов обычно ниже, чем в единых партиях, и, стало быть, власть правительства меньше, а свобода действий парламента — шире. Если один из участников союза в силу диспропорций численности или структуры занимает доминирующую позицию по отношению к другому, то сплоченность его может быть более значительной, а сходство с двухпартийной системой более полным. Менее ясен эффект централизации и дисциплины партий. С одной стороны, вследствие силы внутривнутрипартийных связей, мешающей представителям различных партий реально сотрудничать в общем деле, указанные особенности партий затрудняют создание правительственных коалиций и придают им более поверхностный характер; но, с другой стороны, уменьшая влияние интриг и метаморфоз личных позиций парламентариев, они увеличивают их стабильность. Допустимо было бы сказать: в условиях многопартийного режима дисциплинированные и централизованные партии порождают относительно стабильные, но недееспособные правительства; партии недисциплинированные и децентрализованные — правительства более дееспособные, но и более нестабильные. Сравнение Третьей республики и первых шагов Четвертой довольно удачно иллюстрирует эту противоположность. До 1939 г. слабость партий допускала относительно однородные кабинеты, где деятели, вышедшие из самых разных политических образований, достаточно спокойно принимали власть общего руководителя в силу его личного престижа (Вальдек-Руссо, Клемансо, Бриан, Пуанкаре); некоторые правительства обладали реальным единством взглядов и достаточно большой дееспособностью: но недисциплинированность входивших в

коалицию партий и нескончаемая игра личных интриг обрекали их на весьма значительную нестабильность. В 1945–1947 гг. жесткая дисциплина партий, наоборот, препятствовала какой бы то ни было однородности кабинета и реальной власти его руководителя, обрекая министров на бездействие; но та же самая дисциплина обеспечивала сплоченность большинства и приводила к стабильности правительств: вотум доверия был попросту немислим. И все же сформулированные выше положения слишком прямолинейны и однозначны, чтобы с их помощью можно было бы адекватно выразить вечно движущуюся и изменчивую действительность.

При президентском режиме многопартийность имеет тенденцию скорее усиливать власть правительства и ослаблять власть парламента. Если президентская партия и партия парламентского большинства — разные, такое возрастание власти весьма заметно по сравнению с тем, что мы видим при двухпартийном режиме, ибо в обеих палатах вместо однородного и сплоченного большинства исполнительная власть имеет перед собой всего лишь разношерстную коалицию, что позволяет постоянно маневрировать, раскалывая и разобщая ее. Эта ситуация еще более выгодна для нее, чем в том случае, когда дуализм сочетается с отсутствием внутренней дисциплины партий; борьба между различными партиями еще сильнее, чем личностное соперничество внутри одной и той же партии (правда, в Соединенных Штатах внутренняя неоднородность партий так велика, что это различие почти не чувствуется). Если же президентский пост и парламентское большинство — в руках одной и той же партии, многопартийность дает правительству менее сильную власть, чем двухпартийность, поскольку президент не может использовать свой авторитет главы мажоритарной партии для того, чтобы оказывать давление на палаты. И все-таки правительство выглядит здесь неизмеримо сильнее, чем при парламентском режиме. Оно сохраняет те два свойства, которых в последнем случае многопартийность его лишает: однородность и стабильность. Парламент может противиться его законодательным проектам, но он не в состоянии ни отправить его в отставку, ни разобщить; правительство же, напротив, может через посредство поддерживающих его депутатов вести парламентские интриги с целью разрушить негодные ему коалиции партий, преобразовать их по своему желанию, особенно с целью создания временных альянсов для поддержки какого-то конкретного проекта.

Еще более существенным образом многопартийность преобразует структуру президентского режима: она усугубляет его личностный характер. При дуалистическом режиме партии достаточны сильны, чтобы держать президента в определенных рамках; он выступает скорее в качестве лидера одной из них, нежели независимого лица. При многопартийном режиме, напротив, величественная фигура президента одиноко возвышается среди множества партий; его принадлежность к одной из них не сообщает ему никакого авторитета, поскольку речь идет о партии меньшинства, которая одна, сама по себе управлять не может. Доверие большинства народа, которое он олицетворяет, принимает личный характер. Ни одна партия не может рассматривать себя в качестве представителя всей страны — это дано только президенту. Сменяющееся одно за другим парламентское большинство — всего лишь результат межпартийных альянсов, ибо произвол штабов играет здесь не меньшую роль, чем итоги выборов; президент же по праву может претендовать на то, что избрав его, большинство народа ясно выразило свою волю. Естественное бессилие многопартийности с особой четкостью подчеркивается привилегированным положением президента — ведь лишь он один способен действовать аффективно и непрерывно. В силу естественного порядка вещей многопартийные президентские режимы имеют тенденцию к установлению личной власти, и занимающему президентский пост нужна немалая добродетель, чтобы устоять перед искушением, которое сама сущность системы делает почти непреодолимым. Понятие добродетели предполагает, впрочем, что личный характер власти рассматривается как зло; однако эволюция власти внутри партий убеждает, что такой подход постепенно утрачивает под собой почву.

Партии и функция оппозиции

До сих пор мы противопоставляли основанное на классификации секторов государственной деятельности горизонтальное разделение властей старому, традиционному делению на законодательную и исполнительную власть; это последнее деление, само по себе вертикальное, постепенно утрачивает свое значение в пользу нового подхода: различения функции правительственной и функции оппозиции. Сущностной характеристикой западной демократии является наличие организованной оппозиции, а демократии восточной — ее отсутствие. На протяжении истории можно было бы обнаружить многочисленные следы особой организации оппозиции. Этой идее соответствовало — по крайней мере при зарождении — учреждение в Римской республике должностей трибунов плебса, наделенных правом *intercessio*¹³. Позднее роль того же порядка по отношению к феодальным монархиям средневековья играла церковь. Начиная с XVIII века оппозиция больше не существовала в качестве какого-то отдельного учреждения; место оппозиционных институтов, создаваемых государством и направленных против собственно правительственных институтов, заняло противостояние самих этих институтов. «Ограничение власти властью», создание внутренней оппозиции правительству вместо оппозиции внешней преследовало ту же самую основную цель. Отделение законодательной власти от исполнительной первоначально порождено именно этой идеей: рядом с королем учреждалась ассамблея, призванная его ограничивать. Тщательное различение законодательных и исполнительных актов имело целью только легитимацию этого дуализма путем технического распределения функций: разделение труда стало следствием совершившегося разделения властей. Но однажды монарх исчез, и, поскольку опыт якобинцев показал всю опасность концентрации полномочий в руках Собрания, были найдены новые формы воплощения оппозиционной функции, обычно в виде внутреннего противостояния различных властных органов; именно этой идее и отвечала двухпалатность. Современное развитие политических партий вместе с изменением классического разделения властей преобразовало и функцию оппозиции, вновь олицетворив ее в отдельном органе, внешнем по отношению к правительству, партии меньшинства стали наследниками трибунов плебса.

Однако при однопартийном режиме внешней оппозиции не существует. Разумеется, в московском Верховном Совете можно обнаружить «беспартийных» депутатов, так же как в Национальном собрании Анкары после падения Фетхи-бея — «независимых» депутатов; но и те, и другие проходят по спискам партии и отобраны ею. При однопартийной системе настоящая оппозиция находится вне самой партии. Она обнаруживается в форме диссидентских фракций, течений меньшинств, более или менее свободно критикующих правительство на партийных собраниях; эти фракции и течения могут проявляться и на парламентском уровне, как мы это видели в Турции. В СССР организованные фракции внутри коммунистической партии продолжают существовать приблизительно до 1934 г.; во времена Ленина и в первые годы сталинизма они играли довольно значительную роль; в итальянской фашистской партии обычно можно было различить левую, правую и центр; в германской национал-социалистической партии до 1934 г. тоже наблюдались достаточно серьезные расхождения. С другой стороны, современная русская коммунистическая партия развивает довольно оригинальный вид оппозиции в форме «самокритики»: членов и руководителей партии всех уровней постоянно призывают самих критиковать свои поступки и вести счет собственным недостаткам. По правде говоря, этот прием больше напоминает публичную исповедь, нежели выступление оппозиции; он столь же мало имеет целью выразить сопротивление режиму, как и победить его. Самокритика, по-видимому, используется главным образом для того, чтобы добиться ортодоксии и неукоснительного послушания на всех уровнях; она дополняет систему чисток и исключений: подвергнуть себя «самокритике» означает признать свои провинности по отношению к руководству и тем

заслужить право остаться в рядах партийной общности. Следовательно, в силу объективного положения вещей анализ влияния партий на роль оппозиции придется вести в основном на примере плюралистических режимов.

Многопартийность и двухпартийность порождают совершенно различные структуры. Двухпартийная система ведет к превращению оппозиции в настоящий институт. Разделению функций между правительством и оппозицией соответствует также четкое различие органов мажоритарной партии и партии меньшинства; соответствие этих двух рядов ведет к реальному разделению полномочий — в том техническом смысле терминов, который придают им юристы. В Англии, где руководитель партии меньшинства получает от государства регулярное вознаграждение и официальное звание «лидера оппозиции правительству Его Величества», оппозиции действительно придается статус публичной функции. При многопартийном режиме она несовместима с этой институциональной формой, поскольку не совсем ясны ее границы по отношению к правительству. Иные правительства опираются то на одно, то на другое большинство, обращаясь к правой, чтобы провести одни меры, и к левой, чтобы осуществить другие; стирается всякое различие между правительством и оппозицией. Даже в случае, когда премьер опирается на достаточно ясно очерченное большинство, последнее вовсе не так четко и стабильно, как при дуалистическом режиме; демаркационная линия поочередно нарушается с обеих сторон как индивидами, так и малыми группами; непрестанно плетутся интриги с целью изменить или разрушить союзы. Наконец, оппозиция состоит из разнородных элементов, зачастую даже более разнородных, чем само большинство; ее против всегда слышнее, чем ее за; в оппозиции партии могут объединиться и вообще без всякого подлинного согласия, как это бывает в случае, о котором говорят: «крайности сходятся». При многопартийности нет уже никакого настоящего органа, который мог бы взять на себя функцию оппозиции.

При двухпартийном же режиме единая и организованная оппозиция все-таки остается умеренной; сами условия политической борьбы, предполагающие известное чередование партий и возможность для сегодняшней оппозиции когда-то принять на себя ответственность за власть, предохраняют от преувеличенной демагогии, которая может обернуться против нее самой; центристская ориентация избирательной борьбы действует в том же направлении. При многопартийном режиме оппозиция в силу противоположных обстоятельств, наоборот, естественно тяготеет к демагогии: оппозиционные партии, совершенно не опасаясь оказаться припертыми к стенке, занимаются критикой и раздают обещания, не зная никакой меры. Сама направленность избирательной борьбы, подталкивающей к противоборству с ближайшими родственными партиями, ведет к взаимным нападкам и преобладанию крайностей. Но эта резкая оппозиция остается тем не менее достаточно невнятной. Противоположность втянутых в нее партий и их взаимные столкновения мешают им поставить общественное мнение перед четким выбором, позволяющим ему проявить свою волю. Тот факт, что порой бывает трудно провести демаркационную линию между оппозицией и правительством, а также нередко встречающийся случай наличия двух оппозиций, расположенных по флангам, еще больше увеличивают эту невнятицу. При двухпартийном режиме оппозиция остается определенной несмотря на свою умеренность; мы хотим этим сказать, что общественное мнение способно там достаточно четко понять различие между позициями партий большинства и меньшинства и сделать свой выбор со знанием дела. В парламентских дебатах, как и в избирательных кампаниях, сталкиваются два основных решения, несомненно упрощенных и схематизированных, но позволяющих четко сориентироваться и депутатам, и гражданам. В этой ясности оппозиции, по-видимому, и заключается главная составляющая ее эффективности, и одновременно — прочности демократического режима.

При многопартийном режиме неопределенность возрастает еще и в свете того факта, что приходится различать оппозицию внешнюю, представляемую партиями меньшинства, и оппозицию внутреннюю — между партиями самого большинства. Правительственные решения — это всегда результат компромисса между партиями, делящими власть; но каждая

из них сохраняет за собой право защищать свою собственную точку зрения перед своими активистами и своими избирателями, и следовательно — право критики правительственного компромисса, перелагая на других участников правительственного альянса ответственность за его промахи; каждый из его участников находится, таким образом, в оппозиции к своему собственному правительству. Все искусство такой внутренней оппозиции в том и заключается, чтобы отделить неотложные практические потребности от долгосрочных структурных реформ, включенных в доктрину партии; свое участие в правительстве оправдывают ссылкой на первые; критикуют его с позиций вторых. Значит, внутренняя оппозиция будет тем более легко осуществимой и эффективной, чем более последовательной и действительно революционной будет доктрина партии, так чтобы она не представляла в глазах общественного мнения всего лишь как предлог для оправдания сотрудничества в правительстве. Именно этим объясняется наглядно проявившаяся в коалициях 1945 г. во Франции, Италии и других странах виртуозность коммунистических партий в том, что касается внутренней оппозиции: структура, кадры, доктрина — ничего не давало повода заподозрить эти партии в «обуржуазивании» и отказе от своих фундаментальных целей во имя сиюминутных выгод от участия в правительстве. В буржуазных и социал-демократических кабинетах они всегда оставались в какой-то степени чужаками, что позволяло им легко отмежевываться от них. Использование придаточных организаций (профсоюзы, фронты, etc.), не причастных к власти, увеличивает эффективность такой внутренней оппозиции.

Не одно только количество партий определяет характер и форму оппозиции; сюда добавляется влияние их союзов, численности, внутренней структуры. Не могут одинаковым образом вести себя в роли оппозиции большая партия, которая объединяет множество разнообразных и нередко противоречивых интересов, и карликовая, собравшая вместе сколько-то одержимых или представляющая какие-то специфические, четко ограниченные интересы; вторая, естественно, больше склонна к демагогии и эксцессам, нежели первая. Социальная неоднородность партии, быть может, имеет еще большее значение, чем ее численность: партия, представляющая один, но относительно однородный класс, может занять более четко обозначенную и строгую позицию, чем партия, выражающая интересы нескольких классов или класса внутренне неоднородного (такого, как «буржуазия» или «средние классы»). Тем не менее партии находят тактику, которая позволяет устранять трудности, вызываемые неоднородностью; ее можно было бы назвать техникой «разобщенной оппозиции». Речь идет о том, чтобы с помощью узко специализированной пропаганды поддерживать требования каждой социальной группы в отдельности, соблюдая максимально полную изоляцию между ними: например, одновременно защищать претензии крестьян на повышение сельскохозяйственных цен — и требования рабочих установить максимально низкие цены на продукты питания; либеральные устремления коммерсантов и промышленников — и дирижистские чаяния лиц наемного труда, etc. Изучение специализированных газет партий (рабочих, крестьянских, etc.) показало бы растущее распространение такого рода пропаганды.

Наличие доминирующей партии также, по-видимому, влечет за собой некоторые следствия в отношении оппозиции. Если доминирование длится долго, оппозиция низводится до полной несостоятельности: этот вариант реализуется главным образом при двухпартийном режиме, который в результате такого доминирования довольно глубоко преобразуется. Случается и так, что оппозиция, надолго отстраненная от власти, берет на вооружение более резкую и демагогическую тактику. Это происходит главным образом в странах, где постепенно утрачивается интерес к политической борьбе и выборам — по причине их неэффективности. В этом смысле очень интересно сходство южных американских штатов и Швейцарии до введения пропорциональной системы. В Швейцарии с 1874 г. роль доминирующей непрерывно играла партия радикалов; обладая абсолютным большинством (несмотря на многопартийность), она правила одна, не опасаясь быть низвергнутой. В южных штатах США демократическая партия господствует с начала войны

за отделение (к тому же влияние республиканской партии в некоторых штатах настолько сократилось, что можно говорить об однопартийности). В обоих случаях существование доминирующей партии — результат гражданской войны. Но швейцарская радикальная партия унаследовала в федерации превосходство победителя (как это было и с республиканской партией США вплоть до 1911 г., за исключением двух коротких периодов); американская демократическая партия, напротив, все еще несет на себе печать сопротивления побежденных территорий (подобно швейцарской католической партии в кантонах, входивших в союз сепаратистов). Тем не менее при всех различиях в обеих странах ясно обнаруживается одно и то же явление: охлаждение к политической жизни. Число уклонявшихся от участия в выборах в Швейцарии до введения пропорциональной системы было выше, чем в любой другой европейской стране, вплоть до того что в 1914 г. достигло 50 % избирательного корпуса; в некоторых южных американских штатах оно было еще значительно и превысило 90 % граждан, достигших возраста голосования. В Швейцарии развитие системы референдумов и народной инициативы в некоторой мере смягчило эти негативные явления и вернула оппозиции эффективность, которой она в течение долгого времени была лишена по причине многолетнего доминирования одной и той же партии. В Америке система «праймериз», способствовавшая появлению фракций в демократической партии и созреванию внутренней оппозиции, влияла в том же направлении, но с меньшей эффективностью: на Юге «праймериз» никогда не отличались ни честностью, ни высоким процентом голосующих.

Прочные и сплоченные коалиции могут придать многопартийному режиму черты, сближающие его с двухпартийной системой, и сделать оппозицию более сплоченной, умеренной и определенной. И, наоборот, в условиях дуализма партий недисциплинированных, децентрализованных и слабо организованных известен такой механизм оппозиции, который нередко оказывается ближе к многопартийной схеме, чем к двухпартийности. В Соединенных Штатах оппозиция на парламентском уровне больше напоминает французскую, нежели британскую. На уровне выборов положение несколько иное, потому что борьба ограничивается двумя противниками, один из которых поддерживает правительство, а другой его критикует. Президентская кампания остается умеренной, ясной и не такой уж демагогичной в силу реальной для каждого кандидата возможности принять на себя бремя государственной ответственности. Кампании по выборам в Сенат и Палату представителей весьма от нее отличаются.

И, наконец, характер оппозиции тесно связан с общими условиями борьбы партий. Можно выделить три различные ее типа: борьба без принципов, борьба по второстепенным принципам и борьба вокруг принципов фундаментальных. Первой категории соответствуют Соединенные Штаты; две партии образуют там спортивные команды, одна из которых правит, а другая очень желала бы занять ее место. Это соревнование внутренней и внешней (по отношению к власти) команд никогда не принимает фанатического характера и отнюдь не создает глубокого раскола нации. Ему можно поставить в вину то, что оно лишает оппозицию всякого настоящего значения, сводя ее роль в государстве к ослаблению демократии, а сами выборы — характера выбора между политическими курсами. Американские выборы очень плохо отражают общественное мнение; сам механизм борьбы между партиями мешает последним четко сформироваться и занять определенную позицию по крупным проблемам, от которых зависит настоящее и будущее первого государства мира. Провинциализм американской политики — это следствие не только униномиального голосования и малых избирательных округов (в конце концов сенаторы избираются от штатов, которые подчас представляют собой огромные округа): это еще и результат отсутствия какой бы то ни было доктрины и всякого общего принципа у самих политических партий, которые отдают пальму первенства интересам, и это, естественно, интересы частные и локальные — они ближе и понятнее. На президентских выборах отсутствие принципов усиливает личный характер борьбы.

Великобритания и Северная Европа (включая Западную Германию) входят во вторую категорию. Различие партий соответствует там доктринальному и социальному делению. Например, консерваторы и лейбористы имеют две различные концепции производства и распределения благ, распределения доходов, структуры и обращения элит; они выступают от имени двух противоположных клиентелл; разногласия партий почти совпадают с социальной стратификацией. Но тем не менее эти партии сохраняют согласие в отношении фундаментальных принципов политического строя: для них не являются предметом дискуссии его общие демократические рамки, право каждого на свободное самовыражение, необходимость свободных и честных выборов, включающих плюрализм партий. Каждая партия принимает правила игры, которые сохраняют право на жизнь за всеми. Различие доктрин и социальной инфраструктуры не препятствует сосуществованию партий; оппозиция, не подрывая своего собственного фундамента, приобретает устойчивость и определенность, чего она никогда не может достичь в Соединенных Штатах. Ни одна партия не стремится стать единственной и тотальной, что обеспечивает прочность режима.

Во Франции и Италии политическая борьба приобретает совсем иной облик. Она идет не вокруг второстепенных принципов, а вокруг самих основ государства и сущности режима. Коммунистические партии не приемлют западной демократии, не принимают плюрализма партий, который они желают заменить однопартийностью; они не признают никакого права на оппозицию и свободное выражение любых взглядов. Некоммунистические партии отвергают однопартийность, тоталитарную концепцию государства, уничтожение оппозиции и подавление политических свобод. Борьба между двумя указанными группами уже не спортивное состязание двух соперничающих команд — это борьба не на жизнь, а на смерть. С одной лишь разницей: гибель грозит только одной стороне. Ведь взятие власти коммунистами повело бы к уничтожению других партий, но отправление ее последними, напротив, предполагает, что они будут толерантны к коммунистам: по крайней мере иное означало бы отречение от их собственных принципов. Этот третий тип борьбы партий, впрочем, не является специфическим для государств, имеющих влиятельные коммунистические партии; он присущ всем странам, где есть партии тоталитарной природы со структурой ордена, достигшие известной силы. Он присутствовал в Италии 1920 г., хотя там вовсе не было коммунистической партии. Такое противостояние по фундаментальным принципам гораздо больше занимает партии, чем их избирателей: во Франции, например, избиратели, голосующие за коммунистов, несомненно, тоже привержены свободе слова, уважению оппозиции и политических форм демократии; в Италии средние классы, которые привели фашизм к власти, вряд ли жаждали диктатуры. Но сама природа и методы работы тоталитарных партий позволяют им пренебрегать подобной внутренней оппозицией, когда они стоят у власти. Было бы излишне доказывать недолговечность этой системы; она по определению жизнеспособна лишь до тех пор, пока тоталитарная партия остается в оппозиции или пока ее участие в правительстве минимально. Если она оказывается у власти одна, то уничтожает соперников; если представлена в правительстве достаточно широко, то пускает в ход описанные выше приемы их дезинтеграции.

Подобная политическая структура жизнеспособна только в условиях многопартийного режима. Двухпартийность немыслима, как только одна из партий приобретает тоталитарный характер: ведь в силу принципа чередования партий она — на долгий ли, короткий ли срок — получила бы власть, а это сразу разрушило бы дуализм. Допустимо еще предположить возможность установления двухпартийной системы в Германии, к чему мог бы подтолкнуть мажоритарный избирательный закон, но не в Италии или Франции, ибо там одним из двух соперников была бы коммунистическая партия. Разумеется, естественная тенденция к умеренности, которую порождает механизм двухпартийности, повела бы к постепенному разрушению ее тоталитарной структуры и устранению присущего ей характера ордена, если бы партия принимала правила игры. Но ее природа и характер совершенно исключают такое допущение: при первом же успехе коммунистов на выборах двухпартийный механизм был бы ликвидирован. В условиях же многопартийного режима тоталитарная партия может

существовать достаточно продолжительное время — в том случае, если она ограничивается оппозицией или минимальным участием в правительстве; закон системы обычно противодействует тому, чтобы она могла получить абсолютное большинство и претендовать на единоличное управление. Достаточно того, чтобы другие партии осознали ту доминантную и разрушительную роль, которую она в силу своей структуры играет в любом альянсе, чтобы путем ее изоляции ликвидировать всякую серьезную угрозу существующему строю. Однако его могут ждать и худшие времена, поскольку сопротивление тоталитарной партии в силу естественных причин бывает более упорным и беспощадным, чем противодействие других партий, и в то же время — гораздо более эффективным (благодаря ее структуре, техническое превосходство которой известно).

Политическая ситуация, которая в результате складывается, благоприятна для зарождения тоталитарных партий противоположного толка, и в этом состоит самая серьезная опасность для режима. Фашистская пропаганда находит весьма мощную питательную среду, эксплуатируя изначальную асимметрию между коммунистической партией и ее демократическими противниками. Последним их принципы мешают ликвидировать ее, как это сделала бы она на их месте; менее совершенная структура делает их более уязвимыми для ее пропаганды, тогда как она сама куда менее чувствительна к их воздействию; ответственность в качестве правящих партий снижает их популярность, тогда как ее положение перманентной позиции позволяет ей свободно предаваться демагогии. Развивая эти темы, фашистские партии нагнетают естественное чувство страха перед коммунизмом и постепенно притягивают электорат демократических партий; соответственно ослабление этих последних придает фашистской пропаганде дополнительную силу, которая стремительно ускоряет темп событий: зажатые между двумя соперничающими тоталитарными партиями, нетоталитарные партии рискуют рухнуть. Эта диалектика фашизма сегодня сдерживается памятью о войне: сотрудничество с оккупантами или участие фашистских партий в преступлениях против человечества привели к запрету тех из них, что родились до 1945 г.; суровое осуждение, которым они окружены, тоже обращает общественное мнение против их возможных подражателей. Но время неумолимо устраняет эти препятствия; до тех пор, пока демократические режимы не сумеют стабилизировать и ослабить свои коммунистические партии — и не полицейскими мерами, которые были бы несовместимы с их принципами, но путем преобразования своей экономической и духовной структуры, — они будут оставаться такими же безоружными перед неофашизмом, какой оказалась веймарская Германия перед гитлеризмом. В конечном счете им не избежать фашистской заразы, если они позволят развиваться условиям фашизма.

Заключение

Не будет излишним еще раз напомнить, что положения этой книги носят характер временный и гипотетический, поскольку нередко основаны на чересчур ограниченном количестве наблюдений и чересчур поверхностны, чтобы дать строгие результаты. Не единожды нам приходилось связывать воображаемыми линиями немногие ясные точки, разбросанные в совершеннейшей тьме: задания, достигнутые таким способом, могут дать лишь весьма и весьма приблизительную картину действительности. Дальнейшее развитие науки о политических партиях (может быть, назвать ее стазиологией?¹), несомненно, приведет к пересмотру многих сформулированных выше положений. Но так или иначе некоторые основные феномены представляются более или менее установленными, и, отправляясь от них, можно сделать несколько общих выводов.

* * *

Противники «режима партий» обнаружат для себя в этом сочинении немало аргументов. Организация политических партий, бесспорно, не соответствует демократической ортодоксии. Их внутренняя структура по самой своей сущности автократична и олигархична; несмотря на внешнюю видимость, их руководители на самом деле не выдвигаются членами партии, а кооптируются или назначаются центром; они имеют тенденцию образовывать изолированный от активистов руководящий класс, некую касту, более или менее замкнутую в себе самой. В той мере, в какой они оказываются избранными, партийная олигархия расширяется, но отнюдь не становится от этого демократичнее: ведь выбор сделан членами партии, которые по отношению к тем, кто отдает свои голоса во время всеобщих выборов, выступают явным меньшинством. Парламентарии все больше и больше оказываются подчинены власти внутреннего руководства, а это означает, что над массой избирателей доминирует гораздо менее многочисленная группа членов и активистов партии, сама к тому же подчиненная руководящим органам. Следует сказать больше: даже если предположить, что парламентарии руководят партиями, их демократический характер останется иллюзией, ибо сами выборы крайне неудовлетворительно отражают подлинную сущность общественного мнения. Оно создается партиями ничуть не в меньшей степени, чем выражается ими: они формируют его посредством пропаганды, они навязывают ему предустановленные рамки. Партийная система — это не только отражение общественного мнения, но и результат внешних и технических по отношению к нему моментов (таких, например, как способ голосования), которые ему предписываются. Общественное мнение с большим основанием можно назвать проекцией системы партий, нежели систему партий точным отражением общественного мнения.

Общий ход развития партий выявляет их расхождение с принципами и нормами демократии. Прогрессирующая централизация все больше сокращает возможности воздействия членов партии на руководителей, увеличивая в противоположность этому влияние последних на первых. Избирательные процедуры постепенно утрачивают решающее значение при выдвижении руководства: кооптация или назначение сверху, некогда стыдливо маскируемые, ныне частично закреплены уставами, а подчас открыто провозглашаются как свидетельство прогресса (в фашистских партиях). Являющееся результатом этого развитие вертикальных связей и разгораживание на непроницаемые отсеки уменьшает свободу действия низов и увеличивают возможности давления сверху; они ставят членов партии в жесткие рамки, позволяющие воспрепятствовать любому самостоятельному движению, направленному против центра, и поддерживать строгую ортодоксию. Дисциплина членов партии укрепляется как с помощью средств вполне материальных, так и еще более — за счет пропагандистских усилий, внушающих убеждение в необходимости почитания вождей и веры в их непогрешимость: дух критики отступает перед духом преклонения. Сами парламентарии становятся послушными, что превращает их в своего рода машины для голосования, управляемые партийной верхушкой. Таким образом мы приходим к замкнутым, дисциплинированным, механизированным организациям — монолитным партиям, внешне напоминающим по своей структуре армию; но средства, с помощью которых человека ставят жесткие рамки, здесь бесконечно более изощренны и эффективны, они основаны скорее на муштровке душ, нежели тел. Власть над людьми углубляется, партии становятся тоталитарными. Они требуют от своих членов все более безраздельной преданности; они создают сложные и законченные системы объяснения мира. Рвение, вера, энтузиазм и нетерпимость царят в этих церквях нового времени; партийные баталии становятся настоящими религиозными войнами.

Но будет ли более удовлетворительным режим без партий — вот в чем действительная проблема. Окажется ли общественное мнение лучше представлено, если кандидаты начнут индивидуально и без посредников представлять перед избирателями, которым подлинная их ориентация может остаться неизвестной? Будет ли свобода обеспечена надежнее, если правительство окажется перед лицом разрозненных индивидов, не объединенных в политические формирования?

* * *

Мы живем с совершенно нереалистичным представлением о демократии, выработанным юристами вслед за философами XVIII века. «Правление народа посредством народа», «управление нацией через ее представителей» — громкие слова, призванные возбуждать энтузиазм и оттачивать ораторские способности. Громкие слова, которые ничего не значат. Никто и никогда не видел народа, который сам собой управляет, и никогда не увидит. Всякое правление олигархично, что неизбежно ведет к господству немногих лиц над массой. Руссо хорошо видел то, о чем забыли его комментаторы: «Если взять термин в строгом его значении, настоящей демократии никогда не существовало и никогда существовать не будет. Противно естественному порядку вещей, если бы большое число правило, а малое было управляемым»¹. Воля народа глубоко анархична: он хотел бы делать все, что ему заблагорассудится. Он бессознательно рассматривает власть как неизбежное зло, и его инстинктивное поведение перед лицом правительства — это сопротивление. Естественную антиномию управляющих и управляемых замечательно описал Алэн. Любое управление предполагает дисциплину. Любая дисциплина навязана извне: «внутренняя дисциплина» — сама продукт воспитания, что предполагает приоритет дисциплины внешней; она всегда остается весьма ограниченной. Управление и принуждение неотделимы, но по самому определению принуждающая сила выступает внешней по отношению к принуждаемому. Народ себя не принуждает: его принуждают. Он сам не управляет собой: им управляют. Провозглашать тождество управляющих и управляемых, принуждающих и принуждаемых — не что иное как замечательный способ оправдать покорность вторых по отношению к первым. Все это чистая игра слов и конструкция ума.

Подлинная демократия есть нечто иное — это вещь более скромная, но и более реальная. Ее определяет прежде всего свобода «для народа и для каждой части народа», как то провозгласило Учредительное собрание 1793 г. И свобода не только для привилегированных по происхождению, состоянию, должности, образованию, но действительная свобода для всех, что предполагает определенный уровень жизни, определенное общее образование, определенное социальное равенство и политическое равноправие. Марксистское различие свобод формальных и реальных верно только частично; некоторые признанные западными режимами политические свободы действительно остаются для большей части народных масс формальными из-за отсутствия достойного уровня жизни, достаточной культуры, социального или политического равенства. Но они могут стать свободами реальными, и отнюдь не стоит начинать с их уничтожения. Ибо наблюдение современных политических феноменов обнаруживает непреложный факт: в странах, достигших известной степени материальной цивилизованности и известного уровня жизни (Европа, Северная Америка, Великобритания и ее белые доминионы), свобода совпадает с режимом партий. В XIX веке, когда прессой, средствами информации и пропаганды и аппаратом для привлечения избирателей располагали одни лишь промышленные и финансовые круги, демократии не существовало; только рост партий и особенно — рабочих партий открыл возможность реального и активного сотрудничества всего народа с политическими институтами. Даже тоталитарные партии, например, коммунистические, в некоторых странах вносят свой вклад в демократию; их устранение, допустим, во Франции и Италии, грозило бы опасностью усиления (по меньшей мере временного) консервативных элементов и сломало бы то равновесие, которое обеспечивает минимум свободы для каждой «части народа»; плюрализм партий является одновременно источником и символом этого равновесия.

В странах, где уровень жизни и образованности народа остается гораздо более низким (Азия, Африка, Южная Америка), такого соответствия нет. Здесь партии приобретают формальный характер: враждующие группировки оспаривают власть, рассматривая избирателей как инертную массу и придавая ей форму сообразно собственной воле;

развивается коррупция и привилегированные классы используют систему партий для продления своего господства. При известных условиях единственная партия может выступить первой формой организации масс, которая позволяет постепенно втянуть их в политическое объединение; авторитарный режим, который она порождает, способен ликвидировать всевозможные порядки создать социально-экономические условия, необходимые для будущего развития политической свободы. При этом нужна еще такая структура переходного режима, которая не подавляла бы всякую надежду на последующее свободное развитие.

В то же время однопартийная система позволяет формировать новый руководящий класс, вышедший из народа, который сменяет прежний. В этом последнем пункте однопартийность и плюралистические режимы соприкасаются. Наиболее глубокое значение политических партий в том, что они приводят к созданию новых элит, возвращающих понятию представительства его доподлинный — а по сути дела единственный — смысл. Всякое правительство олигархично по своей природе, но происхождение и формирование олигархий может быть весьма различным, и это определяет их деятельность. Нужно заменить формулу «управление народом народом» другой: «управление народом элитой, вышедшей из самого народа». Режим без политических партий обеспечивает преемственность элит, обязанных своим привилегированным положением происхождению, деньгам или должности; человек из народа должен приложить огромные усилия, чтобы при этих условиях проникнуть в правящую олигархию и стать первым; в то же время он должен пройти сквозь фильтр буржуазного воспитания, утратив всякий контакт с классом, из которого вышел. Режим без политических партий — это режим неизбежно консервативный. Он связан с цензовым избирательным правом и отражает стремление не допустить всеобщих выборов, навязывая народу руководителей, выдвинувшихся не из народа; он еще более далек от демократии, чем режим партий. Исторически партии родились в эпоху, когда народные массы начали реально входить в политическую жизнь; они создали те необходимые рамки, которые позволили им выдвинуть из своей среды собственные элиты. Партии всегда развить! больше слева, чем справа, потому что там они всегда более необходимы. Ликвидация политических партий была бы замечательным средством парализовать левую. Классические протесты против проникновения партий в политическую жизнь, против доминирования активистов над депутатами, съездов и комитетов — над представительными институтами игнорируют ту совершившуюся на протяжении последних пятидесяти лет глубочайшую эволюцию, которая выявила действительный характер правительств и парламентов. Некогда инструменты исключительно частных интересов, финансовых и промышленных кругов, и те и другие стали сегодня инструментами партий; а среди последних все возрастающее значение приобретают массовые партии. Такое превращение знаменует собой развитие демократии, а не ее регресс. Под этим углом зрения даже единственная партия выражает прогресс, если, конечно рассматривать ее не в сравнении с плюралистическими системами, а в ее собственных рамках, то есть в рамках диктатуры. Диктатура с единственной массовой партией, ведущая к созданию нового руководящего класса, куда ближе к демократии, чем диктатура без партий — типа личных или военных, которые укрепляют феодальные принципы власти.

* * *

Демократии угрожает не режим партий, а современная ориентация их внутренних структур; опасность кроется не в самом существовании партий, а в том военном, религиозном и тоталитарном типе организации, который они порой обретают. И здесь необходимо подчеркнуть еще два существенных факта. Во-первых, далеко не все партии совместимы с подобной организацией. В Англии, Канаде, Австралии, Северной Европе с этой тенденцией связаны лишь карликовые группы, не обладающие никаким серьезным влиянием. То же самое относится и к Соединенным Штатам, где развитие «праймериз»

имело своим следствием скорее ослабление инфраструктуры партий, нежели ее усиление. Закрытые тоталитарные партии типа ордена все еще остаются исключением в мире; если дальнейшая эволюция партий и пойдет в этом направлении, то она едва наметилась, и есть немало факторов, которые могут остановить и обратить ее вспять.

А с другой стороны, некоторые новые элементы партийных структур замечательно обеспечивают формирование политических кадров, и одновременно — все более тесную и надежную связь между народными массами и их руководящими элитами; отделенные от своего окружения, они могли бы не разрушать, а укреплять демократическую природу партий. Настоящее средство защитить демократию от ядовитых продуктов ее собственной развития, которыми она сама себя отравляет, состоит не в том, чтобы отнять у масс современные средства их организации и отбора кадров — такая хирургическая операция свела бы демократию к пустой форме, к иллюзорной видимости, а в том, чтобы вернуть этим средствам их действительное предназначение. Ведь в конечном счете они, подобно языку древнего Эзопа, могут употребляться как во зло, так и во благо. И отказаться от них — все равно, что отказаться от действия. Если бы демократия и в самом деле была несовместима с партиями, это, бесспорно означало бы, что она несовместима с условиями нашей эпохи. Все рассуждения о благодетельности ремесленного производства и вредоносности крупной индустрии не помешали тому, что эра ремесла завершилась, и мы живем сегодня в эпоху серийного производства; точно так же любые сожаления об индивидуалистических и децентрализованных кадровых партиях XIX века и анафемы современным массовым партиям централизованным и дисциплинированным — не отменяют того факта, что одни лишь последние соответствуют структуре современных обществ.

Библиография

В большинстве книг, посвященных политическим партиям, изучается главным образом эволюция их доктрин или их социальный состав; очень немногие из них посвящены внутренней структуре партий и их влиянию на политический режим, которые выступают объектом исследования в данной работе. Она основана прежде всего на анализе собственной документации различных партий: их статистики, уставов и брошюр, справочных данных их секретариатов, результатов анкетирования руководителей и членов партии, проведенных на местах. Собственно же библиография данной работы сводится к следующим трудам:

Книга первая. Структура партий

Bryce J. Les democracies modernes. P., 1924.

Bryce J. La Republique americaine. 2e edit. Tome 3. P., 1912.

Fauvet J. Les forces politiques en France. P., 1951.

Goguel F. La vie politique de la societe francaise contemporaine (Cours de l'Institut d'Etudes Politiques de Paris. 1948–1949, dactylografie).

Goguel F. La vie politique et les partis en France. (Ibid., 1950–1951).

Hartmann. Die polilische Partei. Brunn, 1931.

McHenry D.E. The Labour Party in Transition. L., 1938.

Hesnard. Les partis politiques en Allemagne. P., 1923.

Lawrence Lowell A. Governments and parties in Continental Europe, 2 vol. L., 1896.

Longuet J. Le mouvement socialiste international (Encyclopedie socialiste, syndicale et cooperative de l'Internationale ouvriere). P., 1913.

Louis P. Le Parti socialiste en France (Encyclopedie socialiste, syndicale et cooperative de l'Internationale ouvriere). P., 1912.

Mendieta y Nunez L. Los partidos politicos. Mexico, 1947.

Michels R. Les partis politiques: essai sur les tendances oligarchiques des democracies. P., 1914 (traduit d'apres la 1re edit, allemande; 2e edit. allemande: Zur Soziologie des Parteienwesens in der modernen Demokratie. Leipzig, 1925).

Milhaud E. La Démocratie socialiste allemande. P., 1913.
Monnerot J. Sociologie du Communisme. P., 1950.
Moss W. Political parties in the Irish free state. N. Y., 1933.
Napolitano. Il Partito Comunista del l'U.R.S.S. Rome, 1945.
Pelloux R. Le Parti national-socialiste et ses rapports avec l'Etat. P., 1936.
Prelot M. L'évolution politique du socialisme français. P., 1939.
Ostrogorski M. La Démocratie et l'organisation des partis politiques. 2 vol., 2e edit. P., 1901.
Rossi A. Physiologie du Parti communiste français. P., 1948.
Walter G. Histoire du Parti communiste français. P., 1948.

Добавим к этому списку многочисленные американские работы, описывающие партии Соединенных Штатов, в частности:

Bone H.A. American politics and the party system. N.Y., 1949.
Cousens T.W. Politics and political organisation in America. N.Y., 1948.
Herring P. The Politics of democracy. N.Y., 1940.
Holcombe A.N. Political parties of today. N.Y., 1924.
Key V.O. Politics, parties and pressure groups. N.Y., 1950.
Key V.O. Southern politics. N.Y., 1950.
Merriam C.E. and Gosnell H.F. The American party system, 4e edit. N.Y., 1949.
Overacker L. Money in elections. N.Y., 1932.
Parties and Politics (Annals of the Academy of Political and Social Science. Sept. 1948).
Pollok J.K. Money and Politics abroad. N.Y., 1932.
Sail E.M. American parties and elections, 3e edit. N.Y. 1942 (bibliographie).
Schatlschneider. Party government. N.Y., 1942 (bibliographie).
Toward a more responsible two-party system // Report of the Committee on Political Parties of American Political Science Association (supplement at The American Political Science Review, sept., 1950).

Книга вторая. Партийные системы

Arrighi P. Le statut des partis politiques. P., 1948.
Cadart J. Régime électoral et régime parlementaire en Angleterre. P., 1948.
Callum Mc. and Readman A. The British general election of 1945. L., 1947.
Durant H.W. Political opinion. L., 1948.
Duverger M. L'influence des systèmes électoraux sur la vie politique (en collaboration avec F.Goguel, J. Cadart, G. de Loys, S. Mastellone, A. Soulier, A. Vlachos). P., 1950.
Goguel F. La politique des partis sous la Troisième République. P., 1946.
Gosnell H.F. Why Europe votes. Chicago, 1930.
Guerin D. Fascisme et grand capital, 2e ed. P., 1945.
Hammer. Regierung, Parlament, politische Partei und ihre Wechselbeziehungen. 1929.
Hermens F.A. Democracy or Anarchy? 1934.
Hogan J. Election and representation. Oxford, 1945.
Koellreutter O. Die politischen Parteien im modernen Staat. Breslau, 1926.
Koellreutter O. Der Deutsche Staat als Bundesstaat und als Parteienstaat. 1927.
Lachenal F. Le parti politique, sa fonction en droit public. Bale, 1944.
Linares Quintana S. Los partidos políticos, instrumentos de gobierno. Buenos-Aires, 1945.
Manoilescu M. Le Parti unique. P., 1936.
Nawiasky H. Die Zukunft der politischen Parteien. 1924.
Nicholas H.G. The British general election of 1950. L., 1951.
Prelot M. L'Empire fasciste. P., 1936.
Rohden P.R. Demokratie und Partei. Vienne, 1932 (ouvrage collectif).
Ross J.F.S. Parliamentary representation, 2e edit. L., 1948.

- Siegfried A. L'evolution politique de la France de l'Ouest sous la Troisieme Republique. P., 1913.
- Siegfried A. Tableau des partis en France. P., 1931.
- Siegfried A. Geographie electorale du departement de l'Ardeche.P.,1950.
- Soulier A. L'instabilite ministerielle sous la Troisieme Republique (1871–1938). P., 1939.
- Schreider W. Die geltenden Wahlrechtsgrundsätze und die Frage der Splitterparteien. 1931.
- Stelling-Michaud J. Les Partis politiques et la guerre. Geneve, 1945.
- Tingsten H. Majoritetsval och proportionalism (Riksdagen protokoll bihänge). Stockholm, 1932.
- Tingsten H. Political behavior. L., 1937.
- Triepel H. Die Staatsverfassung und die politischen Parteien. Berlin, 1927.
- Vedel G. Les democracies marxistes (cours de l'Institut d'Etudes politiques de Paris, 1950–1951, dactylografie).
- Virga P. Il partite nell' ordinamento giuridico. Milan, 1948.
- Waline M. Les partis centre la Republique. P., 1948.

Общую библиографию политических партий еще предстоит создать. Элементы ее можно найти, штудировав рубрики «Партии», «Политика» Encyclopaedia of Social Sciences, vol. 11, p. 636 и след., которые содержат около 400 заголовков, классифицированных по странам. Но они заканчиваются 1933 г. и весьма неполны; кое-что можно обнаружить в журнальных статьях, но фундаментальные сборники документов или брошюры, изданные партиями, практически отсутствуют. Последние за редкими исключениями нигде не учитываются (Ж. Д. Х. Коул составил их список по Британской лейбористской партии с 1914 по 1947 г. в своей History of the Labour Party from 1914, L., 1948, p. 488–500).

Примечания

Введение. Происхождение партий *

(1) «Машины» — полутеневые бюрократические организации, сложившиеся в последней трети XIX века в США, Англии, Германии, включающие профессиональных политиков и влиятельных претендентов на политические должности, от которых постепенно стала зависеть вся внутренняя жизнь партий, выдвижение кандидатов и проведение избирательных кампаний, распределение государственных постов и высших должностей. «Машины» фактически зачастую возвышались и над парламентариями, и над официальными лидерами партий, феномен «машины» впервые исследован М. Острогорским и М. Вебером. В США и некоторых других англосаксонских странах и сегодня машинами называют аппарат политических партий, реальная власть которого во многом носит неофициальный характер.

(2) Whip в наше время руководителей и организаторов фракций иной партии британского Парламента.

(3) «Боевые кресты» — в 30-е годы была самой крупной фашистской организацией во Франции (насчитывала до 350 тыс.). Создана в 1927 г. полковником графом де Ля Роком на базе лиги ветеранов. Первоначально в нее входили только участники Первой мировой войны, награжденные орденом Боевого креста. Название самой организации точнее было бы перевести как «Огненные кресты», однако во избежание трудностей для читателя в данном случае переводчик находит необходимым посчитаться с давней и повсеместно представленной уже сложившейся традицией перевода.

Глава первая. Инфраструктура партий *

(1) Дюги Л. (1859–1928) — французский юрист, автор концепции власти, идеи которой стали отправной точкой для французского государствоведения, а во многом и всей политической науки. В основе феномена власти лежит, согласно Дюги, естественное деление

людей на управляющих и управляемых. Если в традиционном обществе власть основана просто на силе, то в демократическом — на подчинении силе количества, т. е. большинства. Во многих последующих работах М. Дюверже полемизирует с Л. Дюги и формулирует свою дуалистическую концепцию власти: в основе власти лежит не простое отношение насилия и подчинения; она не только инструмент господства, но и средство интеграции социума, что предполагает признание легитимности власти управляющих со стороны управляемых. Дуалистическая концепция власти М. Дюверже нашла достаточно широкое признание в современной политической социологии.

(2) Caucus (англ.) — комитет, закрытое совещание узкого круга лиц из числа партийного руководства, собирающееся для определения кандидатов от партии на очередные выборы. Система caucus первоначально была создана для местных выборов в Бирмингеме, а затем распространилась по всей Англии. Caucus постепенно взяли в свои руки не только выдвижение кандидатов, но и в целом организацию выборов, зачастую становясь и над парламентариями, и над партией с ее официальным руководством. См. об этом в вышеназванной кн. М. Острогорского (термин переведен там как «кокус»), а также в работе М. Вебера «Политика как призвание и профессия».

(3) Нотабль (франц. notable), — букв.: избранный, достойный избрания; заметный, значительный, известный; знаменитый житель, почетный гражданин; в то же время нотаблями собирательно именуют лиц, избранных в местные органы власти — мэров, муниципальных и генеральных советников, а иногда и всех вообще избранных лиц: деду гитов Национального собрания, Сената, членов выборных консультативных органов государства.

(4) Spoil system (англ.) — букв.: добыча, прибыль, выгода, награбленное добро. Принцип, согласно которому все высшие должности центрального эшелона власти переходят к партии, победившей на выборах. В США так обозначается не только существующий там порядок распределения высших государственных должностей среди членов партии-победительницы, но и предоставление государственных должностей в обмен на политические услуги.

(5) Агора в древней Греции — рыночная площадь, во времена Гомера — народное, судебное, военное собрание свободных граждан. Позже так стала называться площадь для проведения собраний, игравшая роль центра всей общественной жизни города.

(6) Дирижистами во Франции называют сторонников государственного руководства экономикой. В период, о котором здесь идет речь, дирижистам принадлежала одна из концепций выхода из послевоенной кризисной ситуации: в противоположность «атлантистам» и «колониалистам» дирижисты — высокообразованные специалисты-технократы из среды крупной буржуазии связывали преодоление кризиса с интенсивным развитием внутренних ресурсов страны, кардинальной структурной перестройкой, развитием высокотехнологичных производств на основе усиления роли государства в сфере планирования, ценообразования и особенно — финансирования и кредита. Дирижистам принадлежит также идея противопоставления экономической экспансии США единого западноевропейского сообщества, они защищали самостоятельную внешнюю политику Франции. Их триумфом стал приход к власти де Голля и создание Пятой республики (1958), когда они заняли большинство высших государственных постов.

(7) Сорель Ж. (1847–1922) — (французский философ-эклектик, теоретик анархо-синдикализма, известный и в качестве писателя. Выступив с резкой критикой рационального, научного познания в общественных науках, создал учение о мифе как основе человеческого мировосприятия; считал насилие движущей силой истории, всячески восхваляя его и рассматривая революцию как стихийный порыв масс.

(8) Де Моррас Ш. - идейный вождь клерикально-монархической реакции во Франции с начала XX века. Весьма плоский философ, но способный, ядовитый и беззащитный журналист. Начал свою деятельность атакой против Дрейфуса, в 1905 г. создал и возглавил монархическую организацию «Аксон франсэз» («Французское действие») и одноименную

газету. Противопоставлял «мерзавке-Республике» с ее «диктатурой денег и посредственностей» аристократию и монархию («сорок королей за 1000 лет создали Францию»). Его доктрина — т. н. «интегральный национализм»: нация — высшая форма социальной общности. Во имя нации выступал против классовой борьбы и политических партий, которые ее раздирают («народ нуждается в диктаторской власти так же, как в хлебе»). В XX веке примитивный роялизм уже не имел серьезного успеха, но проповедь сильного государства и единства нации привлекала к «интегральному национализму» немало честных патриотов. В 30-е годы «Аксон Франсэз» превратилась в настоящую фашистскую организацию. В 1945 г. Моррас как вишист и коллаборационист приговорен к пожизненному заключению; позже амнистирован в связи с преклонным возрастом.

(9) Парето В. (1848–1923) — итальянский социолог и политэконом. Согласно В. Парето структура общества, мышления и социального действия человека имеют своей основой инстинкт. Важнейшая часть учения Парето — его теория «элит» — избранных групп, отличающихся особой развитостью инстинктивной сферы, формирующих и совершенствующих идеологии, а потому выступающих главной движущей силой общественного развития; эти идеи Парето оказали в дальнейшем большое влияние на самые различные направления социологии и идеологические течения.

(10) После прихода Гитлера к власти штурмовики СА продолжают противопоставлять себя органам государственной власти, многие местные их организации требуют осуществления социальных обещаний НСДАП, заявляя о том, что «фюрер предал коричневую революцию». Особенно резкую реакцию состава СА и их руководителя Э. Рэма вызвало заявление Гитлера о том, что единственным носителем оружия является Рейхсвер. Гитлер получал от Геринга и Геббельса дезинформацию о готовящемся восстании штурмовиков, якобы заготовленных Рэмом списках приговоренных к расстрелу высших армейских офицеров и т. п. По его распоряжению в 1933 г. была проведена массовая чистка СА, в результате чего многие штурмовики оказались в концлагерях, которые они сами недавно охраняли, а 30 июня 1934 г. — физическое уничтожение всей верхушки СА. Арестованный еще до этого Рэм, как и его единомышленник, старейший соратник Гитлера Г. Штрассер, в ночь на 1 июля был застрелен в тюремной камере.

(11) Придя к власти после похода чернорубашечников на Рим (октябрь 1922 г.), Муссолини заявил о сохранении «главных столпов государства — монархии, церкви, армии», обещая Италии «законность и порядок». Однако провинциальные боевые команды фашистской милиции — сквадры продолжали на местах террор, жертвами которого становились не только рабочие, крестьяне и интеллигенция, но зачастую и буржуа. Чтобы справиться с провинциальной фашистской вольницей, Муссолини преобразовал фашистскую милицию в специальную политическую полицию ДМНБ (Добровольная милиция национальной безопасности), однако под личиной местных подразделений ДМНБ нередко продолжали действовать квадристы. Итальянский сквадризм выступал как форма фашистского террора, но вместе с тем отчасти и как выражение внутренней оппозиции Муссолини со стороны недовольных результатами его «революции» средних и низших слоев движения.

(12) Радикально-социалистическая партия (или просто радикалы) — одна из старейших левых партий Франции. Еще в начале 80-х гг. XIX века наиболее решительно настроенная часть партии умеренных республиканцев (лидеры — Л. Гамбетта и Ж. Клемансо) отделяется от нее и в 1901 г. окончательно оформляется как самостоятельная партия под названием Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов. Один из основателей и долголетних руководителей — Ж. Клемансо. Между двумя мировыми войнами была по существу доминирующей партией, имея влияние и на консервативные правительства. Проводила в основном политику довольно умеренного буржуазного реформизма, выражая главным образом интересы мелкой и средней буржуазии. В 1936 г. входила в Народный фронт. Ее лидеры всегда были связаны с представителями крупного капитала, но вели свою родословную от революционеров 1789 и 1848 гг., левых республиканцев и антиклерикалов

конца XIX в., охотно прибегали к революционной фразеологии и весьма мудро допускали наличие в партии самых различных фракций — от социалистического до право-консервативного оттенков, благодаря чему радикалы всегда успешно завоевывали немалую часть голосов массового избирателя. После Второй мировой войны, подобно многим старым партиям, испытывала глубокий кризис, поскольку в общественном мнении выглядела ответственной за упадок Народного фронта и катастрофу 1939–1940 гг. Несмотря на личное участие отдельных ее членов в освободительной борьбе с фашизмом, как партия ничем особым не проявила себя в движении Сопротивления. В послевоенный период искала сотрудничества как с левыми, так и с правыми, постепенно утрачивая самостоятельное значение. В 1978 г. правое крыло радикалов вошло в созданное по инициативе В. Жискара д'Эстена объединение СФД (Союз за французскую демократию), позже преобразовавшееся в одну из современных «новых правых» партий.

(13) Христианско-социальная партия Бельгии — одна из тех новых партий, которые почти одновременно сложились в ряде западноевропейских стран после Второй мировой войны (МРП во Франции, Демо-Христианская — в Италии, Христианско-Демократический союз — в Германии, Народная партия — в Австрии) на волне массового участия левых католиков в движении Сопротивления и стали формой преодоления кризиса парламентаризма, связанного с дискредитацией и распадом многих довоенных партий; и силу своего происхождения отличались массовостью, сильной организационной структурой и централизованностью, пользовались авторитетом среди достаточно широких слоев трудящихся.

(14) Если избирательная система предусматривает абсолютное большинство голосов или определенный их процент для завоевания парламентского места, то в случаях, когда ни один из соперничающих кандидатов не набирает необходимой квоты, эти места — но тому или иному принципу, оговоренному в избирательном законе, — дополнительно распределяются между партиями, участвующими в выборах; в некоторых странах (и том числе и во Франции) предусматривается повторное голосование — баллотировка, когда для избрания требуется уже простое относительное большинство голосов.

(15) МРП — самая значительная из новых политических партий, сложившихся во Франции в годы Сопротивления и игравших видную роль в первый послевоенный период. Организована в ноябре 1944 г.; у истоков и во главе ее стояли видные католические деятели, участники Сопротивления, ближайшие соратники генерала де Голля — Ж. Бидо и М. Шуман. Опиралась на поддержку ФКХТ — французской конфедерации христианских профсоюзов. Сразу после Освобождения ориентировалась на союз с левыми силами, входя в т. н. трехпартийную коалицию (ФКП, СФИО, МРП), однако в дальнейшем социально-экономические проблемы и особенно позиция по вопросу о поддержке религиозных учебных заведений изменили эту ориентацию.

(16) Акция июня 1934 г. — см. комментарий [10].

(17) РПФ (Объединение французского народа) — партия-движение, созданная в апреле 1947 г. де Голлем. В нее вошли многие соратники де Голля по Сопротивлению, но потом примкнуло и немало вишистов, членов довоенных фашистских лиг и просто авантюристов. В начальный период для нее характерны шумные пропагандистские выступления под лозунгом критики «парализовавшего страну режима политических партий», резкий антикоммунизм, требование отмены Конституции 1946 г. и создания «сильной власти» в лице президента, объединения западноевропейских стран в блок, который бы противостоял как США, так и СССР. В дальнейшем руководство РПФ создает мобильные военизированные отряды, в отдельных городах дело доходит до серьезных столкновений и даже применения огнестрельного оружия молодчиками из РПФ. Несмотря на первоначальные успехи, особенно на муниципальных выборах, РПФ с ее открытым антипарламентаризмом и авторитаризмом в дальнейшем теряет поддержку французских избирателей. Весной 1953 г. терпит сокрушительное поражение на выборах, собрав всего 10 процентов голосов, после чего де Голль фактически распускает ее, предоставив депутатам свободу действий и

парламенте. Многие из членов РПФ и 60-е годы продолжили политическую деятельность в рамках других партий, в основном — образованных под эгидой де Голля — ЮДСР, ЮНР, а с 1976 г. «новой правой», ОПР (Объединение в поддержку республики), лидером которой ныне является бывший мэр Парижа, а теперь президент Франции Ж. Ширак. ОПР вместе с СФД составила устойчивый неоконсервативный правый блок и современной политической жизни Франции.

(18) Униноминальное голосование — голосование по одномандатным округам за индивидуальных кандидатов (в противоположность голосованию по партийным спискам в многомандатных округах), выставленных различными партиями (или независимых — «без этикетки», как говорят во Франции).

Глава вторая. Члены партии *

(1) Амьенская декларация — принята съездом ВКТ в 1906 г., провозгласила принцип независимости профсоюзов от политических партий, отказ от политической борьбы.

(2) Диксикраты — так называют членов демократической партии в южных штатах США (от «Диксиленд» — Юг, десять мятежных штатов, входивших в Конфедерацию во время гражданской войны между Севером и Югом).

Глава третья. Партийное руководство *

(1) Таммани холл — штаб Демократической партии США в Нью-Йорке.

(2) События 6 февраля 1934 г. — один из кульминационных эпизодов антифашистской борьбы во Франции в 1433–1934 гг. В тот день около 40 тыс. фашистов из «Боевых крестов», «Аксон франсэз» и других организации двинулись на штурм Бурбонского дворца, где в это время шло заседание парламента. Произошло столкновение с полицией, в результате чего пало правительство Э. Даладье, обвиненного в «расстреле мирной демонстрации» (хотя из 2000 пострадавших 1600 были оборонявшие дворец полицейские), а к власти пришли правые радикалы. Этот пусть и неполный, но несомненный успех фашистов всколыхнул всю Францию и вызвал новый подъем антифашистского движения, который в итоге привел к победе Народного Фронта на выборах весной 1936 г.

(3) «Политехники» — политические деятели и сотрудники высшего административного звена во Франции, получившие образование в Политехнической школе, одной из так называемых «больших школ» — нескольких привилегированных высших учебных заведений, сложившихся еще во времена Великой французской революции и наполеоновской империи. В описываемый период составляли основу команд дирижистов.

(4) Финансовая инспекция — один из высших административных органов Пятой республики во Франции, созданных при де Голле в ходе осуществления политики дирижизма с целью усилить роль государства в сфере финансов и кредита; многие ее сотрудники становились затем политическими деятелями.

(5) МЛН (Движение за национальное освобождение) — вторая по численности организация французского Сопротивления, сформированная в 1943 г. путем слияния большинства групп и отрядов Южной зоны (Виши). Играла заметную роль в политической жизни страны в первое время после Освобождения.

(6) Представительный орган французского Союза, образованного в 1946 г. из оставшихся у Франции после Второй мировой войны колоний; Союз объединял заморские департаменты, заморские территории и некоторые присоединившиеся африканские государства.

(7) Речь идет о периоде Первой мировой войны. В 1915 г. радикал Ж. Бриан создал кабинет, в котором были представлены едва ли не все более или менее значительные политические партии Франции, и выступая в Палате депутатов, призвал французов к «священному единению нации». В это правительство вошли и социалисты.

Глава первая. Количество партий *

(1) «Синистризм» (от франц. *sinistre* — зловеющий, мрачный, роковой, пагубный, угрожающий) — так Дюверже обозначает эмпирически наблюдаемый факт постепенного, но неуклонного скольжения всего спектра политических партий в многопартийных странах влево; причина данного явления политической жизни в том, что партии, возникающие как радикальные, обычно затем утрачивают свой радикализм, но чаще всего не исчезают, а перемещаются в политическом спектре правее; таким образом вновь возникающие левые партии оказываются «левее» своих предшественниц и вся партийная система как бы смещается влево.

(2) Лаицист (от франц. *laïque* — светский, мирской, не подлежащий контролю церкви, духовного ведомства) — сторонник светского решения всех социально-политических проблем, в т. ч. — светского образования. Не вполне адекватно переводится иногда как «антиклерикал» — последний термин скорее отражает особо непримиримую и активную позицию по отношению к проблемам, о которых идет речь; антиклерикал — не просто лаицист, но борец против клерикализма.

Глава вторая. Размеры и союзы *

(1) «Молодая Республика» — небольшая партия-лига социально-христианской направленности в довоенной Франции. В 1944 г. выступила одной из учредительниц партии МРП.

(2) Третья республика охватывает период 1870–1940 гг.; перечисленные здесь политические деятели были премьер-министрами Франции в период между двумя мировыми войнами. Четвертая республика просуществовала с 1946 по 1958 г. Упоминаемый далее Р. Плевен, лидер небольшой голлистской партии Четвертой республики ЮДСР, дважды возглавлял кабинет министров: в 1950–1951 и 1951–1952 гг.

(3) ФСП (PSF — французская социальная партия) — профашистская партия, выросшая из лиги «Боевые кресты» после запрещения ее как фашистской организации правительством Народного фронта. Некоторые исследователи считают, что «Боевые кресты» попросту переименовала себя в ФСП.

(4) «Аксьон франсэз»-см. комментарий [8] к гл. I. кн. I.

(5) Речь идет о резком обострении борьбы между клерикально-монархической реакцией, державшей в своих руках весь административно-чиновничий аппарат и активизировавшей свои реставрационные поползновения, и республиканцами. 16 мая 1877 г. избранный президентом Франции маршал Мак-Магон отправил в отставку умеренное правительство, искавшее компромисса двух противоборствующих сил. Это по сути дела было началом государственного переворота, поскольку Конституция 1875 г. наделяла президента неограниченными полномочиями. Однако борьба республиканской оппозиции и все последующие события заставили Мак-Магона подать в отставку. Был избран новый президент (умеренный республиканец Ж. Греви), к власти пришло республиканское правительство, осуществившее целый ряд демократических преобразований и принявшее несколько декретов, направленных на серьезное ограничение клерикальной реакции: распускались организации Ордена иезуитов и ставилась под контроль государства деятельность всех других религиозных объединений, вводилось светское образование.

(6) Буланжизм — стихийное движение, возникшее на политической арене Франции в 80-е годы на волне все общего недовольства во время экономического кризиса и депрессии и связанное с именем генерала Ж. Буланже. Последний получил широкую известность и репутацию первого «генерала-республиканца» благодаря реваншистской и популистской политике на посту военного министра (1886 г.), отвечавшей настроениям немалой части соотечественников, не забывшим поражения во франко-прусской войне, а также за счет некоторых демократических преобразований в армии и целого ряда избирательных авантур. Сложившееся вокруг него шумное, разношерстное, но довольно массовое движение представляло реальную угрозу авторитарного переворота, особенно после создания им собственной организации «Комитет национального протеста», к которой присоединились

видные политические партии и даже часть социалистов. Благодаря энергичным действиям республиканского правительства в 1889–1890 гг. генерал терпит поражение на всеобщих и муниципальных выборах, а его бурная карьера заканчивается бегством из страны и картинным самоубийством на могиле его незадолго до того умершей любовницы. Буланжизм стал символом авантюризма, популизма и использования театральных эффектов в политике.

(7) «Третья сила» — коалиция социалистов, партии МРП, радикалов и некоторых правых, называвших себя «независимыми», сменившая в 1947 г. трехпартийную коалицию (социалисты, коммунисты, МРП) и направленная одновременно как против французской компартии, так и против созданной де Голлем РПФ. За это время образовала 8 отличавшихся хронической нестабильностью правительств и потерпела поражение на выборах 1951 г., впервые после войны проводившихся по мажоритарной системе.

(8) Буквально Дюверже употребляет здесь своеобразный неологизм «дэкстризм» (франц. dextrisme), что можно перевести как «де-экстремизация», «постепенное освобождение от экстремизма»; «дэкстризм» в политическом смысле симметричен «синистризму» (см. комментарий [1] к гл. I кн. II). В самой же действительности, по мнению Дюверже, обе эти противоположные тенденции действуют одновременно, в конечном счете уравновешивая друг друга.

(9) Дюверже подтверждает сформулированную им выше закономерность эволюции союзов партий событиями политической жизни Франции 20–30 гг. В 1924 г. в результате парламентских выборов создается правительство Левого блока (или как его еще называют — Картеля левых) с демократической программой внутренней политики и курсом на упрочение мира и признание СССР. Однако в результате противоречий между социалистами и радикалами блок эволюционирует вправо, а затем распадается, и в 1926 г. к власти приходит правительство, сформированное лидером право-консервативной партии «Демократический альянс» Р. Пуанкаре на основе союза всех правых сил под девизом: «Ни реакции, ни революции». Пуанкаре провозгласил его центристским правительством «национального единения». Нечто подобное происходит и в 1931 г., когда после ухода с политической сцены Пуанкаре у власти оказывается бывший левый социалист, беспринципный политик и парламентский интриган П. Лаваль, позже занявший профашистскую позицию под лозунгом: «Лучше Гитлер, чем коммунисты!», один из главных виновников Мюнхена, «странной войны» и военной катастрофы 1939–1940 гг., ближайший соратник Петэна, в 1942–1944 гг. возглавлявший кабинет марионеточного режима Виши. Тот же рисунок политических событий — эволюция коалиций левых партий к центру левой, а затем приход к власти правых — повторяется и в 1935 г., когда на смену победившему на выборах 1932 г. Левому блоку приходит сначала правительство П. Фландена (Демократический альянс), в котором Лаваль был министром иностранных дел, а затем и кабинет, возглавляемый самим Лавалем.

(10) Дюверже имеет ввиду ставший символом примитивной пропаганды знаменитый французский плакат, которым в 1919 г., перед первыми послевоенными выборами, был заклеен весь Париж: «русский большевик» в виде оборванного и растрепанного (но в пенсне!) бандита с зажатым в зубах кинжалом. Плакат принадлежал предвыборному объединению «Национальный блок», основу которого составлял Демократический альянс Пуанкаре и другие правые партии.

Глава третья. Партии и политические режимы *

(1) Порядок голосования, при котором партии могут выставлять т. н. открытые списки, а избиратель по своему желанию имеет право вносить туда дополнительные фамилии.

(2) Преференциальное голосование — одна из разновидностей системы голосования по партийным спискам, когда порядковый номер кандидата определяется не выдвигающей его партией, а самим избирателем непосредственно в бюллетене.

(3) Союз трех крупнейших партий, выступавших после Освобождения от имени Сопротивления — ФКП, СФИО и МРП, сложившийся в 1946 г., когда было образовано первое трехпартийное правительство, с самого начала подтачивался противоречиями по

проблемам как внутренней, так и внешней политики. В мае 1947 г. фракция ФКП в Национальном собрании (включая министров-коммунистов) голосовала против вотума доверия коалиционному правительству во главе с социалистом П. Рамадье по вопросу об отношении к крупной забастовке на заводах Рено. На следующий день декретом П. Рамадье министры-коммунисты были исключены из правительства «за нарушение министерской солидарности», что ознаменовало крах трехпартийного режима.

Заключение*

(1) То есть, вероятно, по мысли Дюверже, наукой о способах и средствах достижения устойчивого, стабильного состояния общества.

Приложение: графики и таблицы

1. Развитие индивидуального членства в лейбористской партии Англии

2. Сравнительная численность производственных и локальных ячеек во французской компартии

3. Удельный вес производственных ячеек в коммунистической партии Франции, в процентах

4. Динамика численности коммунистов во Франции до и после войны 1939г.

5. Интеграция базовых структур в христианско-социальной партии Бельгии

6. Численность европейских социалистических партий (1900–1950гг.)

7. Распределение плательщиков взносов в социал-демократической партии Германии

8. Члены партии и избиратели Французской социалистической партии

9. Развитие партии национал-социалистов в Германии (1924–1932)

10. Численность Французской социалистической партии

11. Численность и электорат коммунистов во Франции (1928–1950гг.)

12. Эволюция членства в европейских социалистических партиях (1918–1950гг.)

13. Процентное соотношение различных видов членства в европейских социалистических партиях

14. Сравнительные колебания численности избирателей и членов в европейских социалистических партиях

15. Численность лейбористской партии Англии и ее избирателей

16. Динамика численности социал-демократической партии Германии и ее избирателей

- 17. Уплата членских взносов в социалистической партии Франции**
- 18. Непрямые выборы во французской коммунистической партии**
- 19. Неравенство представительства на национальных конгрессах американских партий**
- 20. Возраст депутатов Палаты общин английского парламента в момент их первого избрания (1918–1935гг.)**
- 21. Обновление кадров в коммунистической партии СССР: распределение делегатов партийных съездов по возрасту**
- 22. Распределение депутатов Национального собрания Франции по возрасту (1946г.)**
- 23. Бланк вступительного заявления французской коммунистической партии (выпущен в 1950г. по случаю 50 летия Мориса Тореза)**
- 24. Возврат к дуализму в Великобритании (опущены данные по ирландским националистам за 1906–1918гг.)**
- 25. США. Количество группировок на праймериз штата Техас до и после принятия системы двух туров**

26.Разрыв между процентом голосов и процентом мест в Великобритании

27.Вытеснение либеральной партии в Великобритании

28.Пересечение дуализмов общественных воззрений во Франции

29.«Спасение» либеральной партии Бельгии с помощью системы пропорционального представительства (количество мест в Палате депутатов)

30.Рост количества партий за счет системы пропорционального представительства

31.Динамика коммунистической партии в СССР (1917–1946гг.) Данные Ж. Таустера

32.Малые партии в американском Конгрессе

33.Эволюция парламентского большинства в Великобритании (1832–1851)

34.Чередование и доминирование в Бельгии (1847–1914гг.)

35.Нидерланды: стабилизация партий с помощью системы пропорционального представительства

36.Доминирование и чередование в Соединенных Штатах (1861–1951гг.)

37.Восхождение социалистической партии к положению доминирующей в скандинавских странах

38.Устойчивость системы пропорционального представительства по отношению к традиционным партиям и чувствительность по отношению к новым движениям (Германия, 1920–1933гг.)

39.Представительство коммунистической партии во Франции (до 1939г.)

40.Усиление нормальных колебаний общественного мнения за счет системы мажоритарного голосования в один тур (на примере Англии)

А - процент мест, В - процент голосов.

41.Союзы партий в Нидерландах (1888–1913гг.)

42.Участие избирателей в американских праймериз

43.Активность избирателей в Соединенных Штатах (президентские выборы 1940г.)

44. Несовпадение между процентом мест и процентом голосов в Германии (1871–1914гг.)

45. Перераспределение голосов в результате избирательной реформы

Выходные данные

Научное издание
Морис Дюверже
Политические партии

Maurice Duverger
LES PARTIS POLITIQUES
LIBRAIRIE ARMAND COLIN, PARIS, 1951

ПО ПРОЕКТУ «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА»
Издание выпущено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в
рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»
При содействии института философии и права Уральского отделения РАН

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор, действительный член
Академии политической науки А. А. Кириллов

Компьютерная верстка: Ю. Куц-Жарко, А. Щукин
Корректор: Т. Тимакова

000 «Академический Проект»
Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01.
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3, стр. А

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.05.2002.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура Мысль.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,04.
Тираж 2000 экз. Заказ № 259.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов
Отпечатано с готовых диапозитивов на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13